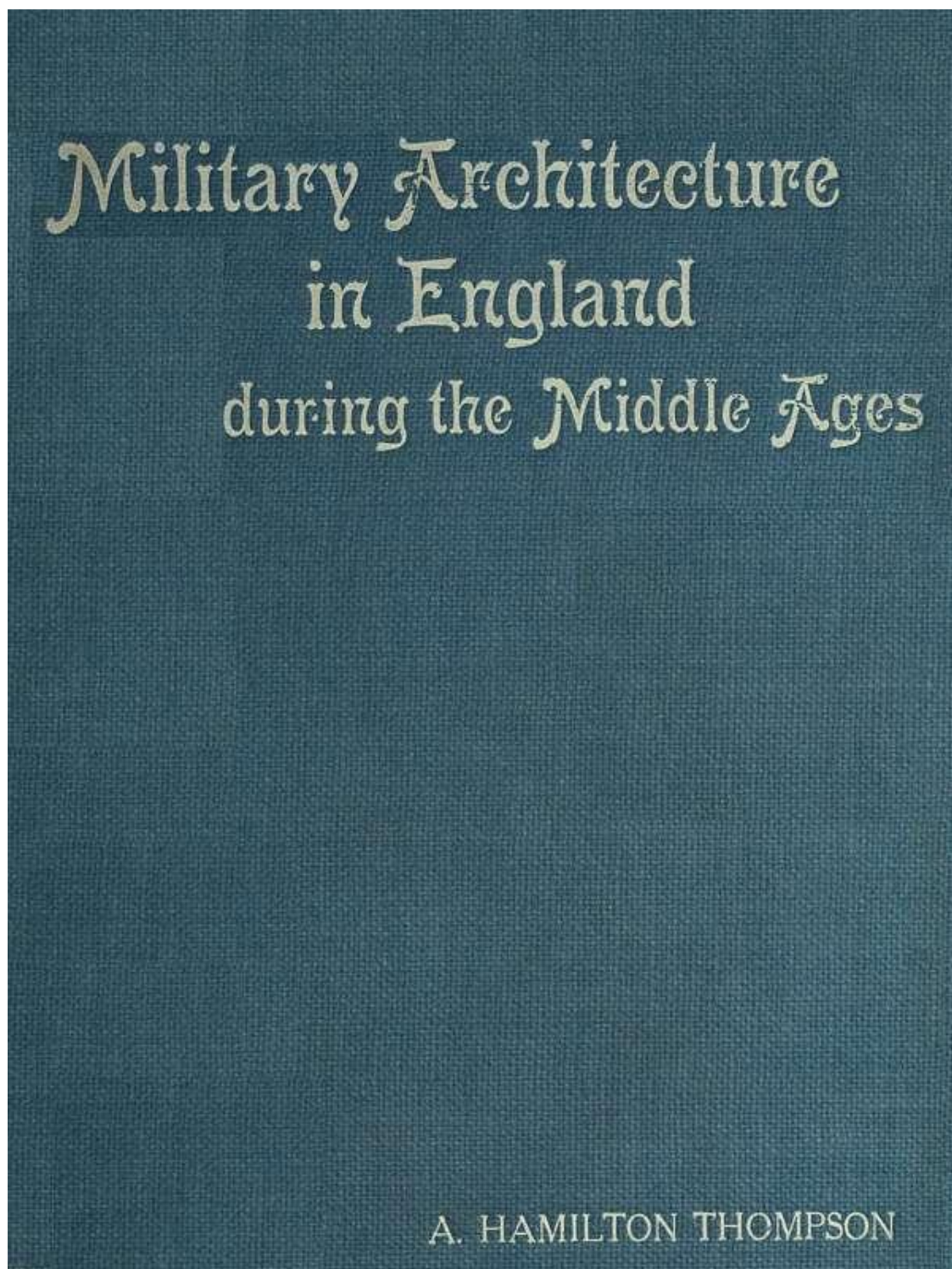

Военная архитектура в Англии в средние века

А. Гамильтон Томпсон

Электронная книга проекта Гутенберга по военной архитектуре Англии в Средние века

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Военная архитектура Англии в средние века

Автор: А. гамилтон томпсон

Дата выхода: 19 октября 2019 [Электронная книга № 60518]

Последнее обновление: 17 октября 2024

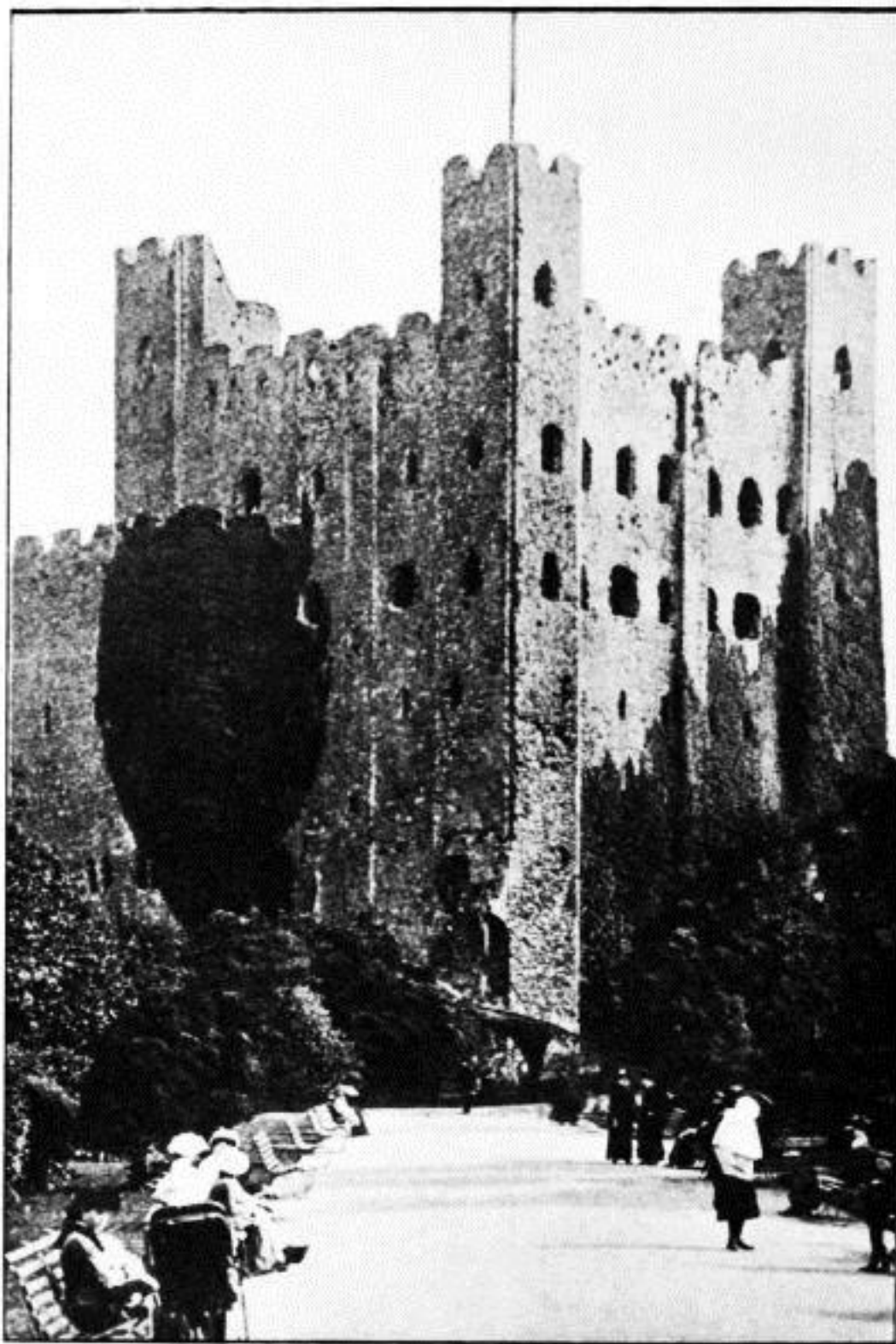
Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили MWS, Брайан Уилкоккс и команда онлайн-редакторов на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА Англии В СРЕДНИЕ ВЕКА" ***

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА Англии В СРЕДНИЕ ВЕКА

Фронтиспис
РОЧЕСТЕР: ГРЕЙТ-ТАУЭР.

ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА Англии В СРЕДНИЕ ВЕКА

АВТОР А. ГАМИЛЬТОН ТОМПСОН,
магистр, Ф.С.А.

Иллюстрирован 200 фотографиями, рисунками и планами

ГЕНРИ ФРОУД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛОНДОН, НЬЮ-ЙОРК, ТОРОНТО И МЕЛЬБУРН
1912

Напечатано в издательстве Darien Press
Эдинбурге

ПРЕДИСЛОВИЕ

За исключением книги покойного Г. Т. Кларка *"Средневековая военная архитектура"*, опубликованной в 1884 году, большая часть которой представляет собой серию монографий, посвященных отдельным замкам, до последних нескольких лет не предпринималось попыток систематизировать эту отрасль науки. Однако в последнее время было опубликовано более одной книги, посвященной общей теме английских замков. Мистер Альфред Харви недавно дал ясный отчет о росте замка, опубликовав ценное эссе об английских городах-крепостях; а в текущем году вышла книга, в которой миссис Армитидж воплотила результат чрезвычайно важного многолетнего труда. В дополнение к работам общего характера, за последние двадцать лет в трудах различных археологических обществ был опубликован ряд отдельных монографий, незаменимых для студентов. Вклад мистера У. Х. Сент-Джона Хоупа в изучение замковой архитектуры занимает видное место среди них, с такими статьями, как работы мистера Дж. Билсона о замке Гиллинг и мистера Гарольда Сэндса о Бодиаме и Лондонском Тауэре; а незаконченная работа покойного мистера Кэдуолладера Бейтса *"Пограничные владения Нортумберленда"* содержит описания Уоркуорта и Бамбурга, а также замков поменьше и пеле, которые должны занять место классиков в этой области.

В настоящем томе предпринята попытка проследить развитие общих принципов средневековой фортификации, уделяя особое внимание замкам, в которых на их ограниченной территории дана наиболее полная иллюстрация этих принципов. Чтобы придать большей ясности описанию их эволюции, во вводной главе в целом рассматриваются более ранние типы фортификационных сооружений в Британии, а критический период саксонско-датских войн рассматривается во второй главе с некоторыми подробностями. Это приводит нас к раннему норманнскому замку из земляных валов и дерева; а каменные укрепления, на смену которым пришли эти укрепления, представлены кратким описанием прогресса осадного искусства и осадных машин. Затем описывается нормандский замок и его цитадель, или большая башня. Застройки поздней части двенадцатого века и устройство замка *тринадцатого века с жилыми домами в его окружении*, следуют за замками времен правления Эдуарда I. которые представляют

собой наивысшее достижение военного планирования. В последних двух главах рассказывается о ходе перехода от замка к укрепленному поместью, который последовал за внедрением огнестрельного оружия в военное дело и предшествовал периоду Возрождения. Будет видно, что замок повсюду рассматривается как единица военной архитектуры; но иллюстрации постоянно взяты из городов-крепостей, которые, по сути, являются замками сообществ, и в одиннадцатой главе делается расширенный намек на основные черты их плана и оборонительных сооружений.

Однако, говоря о городе-крепости как о замке общины, не следует забывать, что по своему происхождению замок был оплотом одного владельца. Это происхождение до сих пор остается в некоторой степени спорным вопросом, поскольку хорошо известная теория мистера Г. Т. Кларка о том, что замок норманнских времен был идентичен *бургу* из саксонской хроники, была принята как догма антикварами двадцать пять-пятьдесят лет назад, и теорию, созданную таким образом, какой бы поспешной она ни была, нелегко поколебать. Терпеливая и тщательная работа миссис Армитидж, заслуживающая восхищения каждого ученого, во многом подорвала основы, на которых мистер Кларк построил свою гипотезу; а мистер Нильсон, доктор Раунд, мистер Сент-Джон Хоуп и другие внесли свой вклад в раскрытие реального характера доказательств и формулирование более обоснованной теории. Автор настоящей статьи посвятил много времени изучению первоначальных источников по военной истории саксов и норманнов, и он убежден, что весомость документальных свидетельств полностью на стороне взглядов, с таким мастерством и оригинальностью отстаиваемых этими недавними исследователями. В то же время земляные укрепления ранних замков все еще представляют собой несколько сложных проблем; и дискредитация, которой подверглась теория мистера Кларка, является предупреждением против слишком уверенного принятия выводов более критической эпохи и против опасности принуждения исключений служить правилу.

В предыдущей части этой книги был сделан некоторый намек на методы ведения римской войны; кратко описаны основные моменты двух осад, проведенных цезарем и его помощниками. Вряд ли нужно говорить в свете дальнейшего, что методы военной архитектуры средневековья по большей части имеют свои точные прототипы в римской и византийской истории. Изучающему осадные кампании Филиппа Августа постоянно будут напоминать, например, рассказ Аммиана о подвигах Юлиана Отступника. Нельзя придавать слишком большого значения важности, во-первых, контакта северян, наводнивших Англию и Францию, с традиционными приемами римского осадного искусства, существовавшими в восточной империи, и, во-вторых, влиянию Крестовых походов на развитие средневековой фортификации. Условия нашей военной архитектуры в средние века, естественно, определялись методами атаки, применявшимися осаждающими силами. Поскольку на востоке они были доведены до высокой степени совершенства, прогресс в которой был едва ли возможен, история английской фортификации, начиная с нормандского завоевания и заканчивая повсеместным применением огнестрельного оружия в военных действиях, является историей продвижения к системе обороны, в которой западная Европа намного отставала от более старых центров цивилизации.

Следует отметить, что, хотя архитектура замка и городские укрепления естественным образом внесли свой вклад в формальный прогресс готического искусства, законы, по которым оно развивалось, не имеют никакого сходства с принципами строительства, в соответствии с которыми средневековый собор принял свою характерную форму. Ребристые своды, готическая лепнина и ажурные окна дают ключ к датировке различных частей средневекового замка, как они дают ключ к датировке различных частей церкви; но они

являются лишь второстепенными по отношению к типу строительства, для которого прочная и неприступная стена имеет первостепенное значение. Редки случаи, когда строители замков уделяли большое внимание проработке деталей во второстепенных частях своего здания: их декоративные работы используются с экономией и простотой, соответствующими массивному строительству, которого требовали их крепости.

Предстоит еще проделать огромный объем работы по исследованию наших военных сооружений и реконструкции их истории; и пока это не будет выполнено, невозможно написать полностью удовлетворительный общий справочник. Тем не менее, есть надежда, что найдется место для книг, которые могут служить общими показателями того, что было сделано до настоящего времени в этом направлении. Библиография, с которой можно ознакомиться перед текстом этого тома, включает избранный список монографий или статей об отдельных замках, многие из которых появились в трудах различных археологических обществ. Они значительно различаются по стоимости, но, взятые в целом, они расширяют наши знания об истории и архитектуре зданий, к которым они относятся.

Автор хочет выразить свою благодарность, в первую очередь, своей жене, без чьей постоянной помощи в подготовке книги и предоставлении рисунков и планов для иллюстрации ее страниц она вряд ли была бы написана. Мистер Фрэнсис Бонд, редактор этой серии, с неизменной добротой помог автору, прочитав гранки, внося предложения относительно общей формы книги и подготовив для нее соответствующие иллюстрации. Особую благодарность следует выразить следующим лицам, любезно разрешившим использование фотографий: миссис Джесси Ллойд, преподобным Дж. Бейли и Г. В. Сондерсу, а также господам Гарольду Бейкеру, Ф. Бонду, Дж. П. Гибсону, Ф.С.А., Дж. Дж. Гиллхэму, Г. Хепворту, П. М. Джонстону, Ф.С.А., Р. Кину, У. Мейтленду, Э. А. и Г. Р. Ривам, Ф. Р. Тейлору и Г. Х. Уиддоуз. Редакторы *Archaeological Journal* разрешили использовать различные планы из ежегодных программ Археологического института. Мистер А. Адриан Оллкофт и мессеры Макмиллан дали согласие на воспроизведение трех иллюстраций из книги мистера Оллкофта "*Земляные работы Англии*". Разрешение на использование плана замка Чепстоу на одном из официальных *Путеводителей* по этому зданию было любезно предоставлено его светлостью герцогом Бофортом через мистера Ноэля Х. П. Сомерсета. Камилла Энлар и Огюст Пикар разрешили включить план Шато-Гайяр, основанный на том, что содержится в "*Мануэле*" месье Энлара. Мистер Р. Блэр, F.S.A., разрешил аналогичное использование иллюстраций, основанных на *Римской стене* доктора Брюса. Также выражаем благодарность редактору *Йоркширского археологического журнала* за план замка Сандал и мистеру У. Г. Уоткинсу-младшему за его план замка Линкольн. Особая благодарность выражается мистеру Годфри Л. Кларку за его щедрость, предоставившую в распоряжение писателя ценные планы и рисунки с работ его отца. Автор очень сожалеет, что из-за нехватки места и стоимости он не смог воспользоваться более чем ограниченным количеством щедрых иллюстраций, поступивших к нему во время подготовки книги к печати.

Содержание

ГЛАВА

Предисловие
Библиография

СТРАНИЦА

vii
xiii

I.	Ранние земляные сооружения и римские станции	1
II.	Саксонский и датский период	21
III.	Английский замок после завоевания	35
IV в.	Ход атаки и защиты	58
Против	Начало Каменного замка	83
VI.	Крепость Нормандского замка	110
VII.	Переходный период: Цилиндрическая башня-Держатели	160
VIII.	Жилой дом в замке	188
IX.	Замки тринадцатого века: Укрепление Занавеса	212
X.	Эдвардианский замок и концентрический план	252
XI.	Военная архитектура позднего средневековья: укрепленные города и замки	287
XII.	Переходный возраст: Укрепленный жилой дом	334
	Указатель лиц и мест	369
	Повторный указатель	381

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Упомянутые основные авторитетные источники.

Abbo, De Bello Parisiaco libri tres (Migne, *Patrologiae Cursus Completus*, vol. 131 (1853), pp. 722-62).

Амьен, Гай из. Кармен де Гастингс Проэлио (Хроники англо-нормандцев). Rouen, 1836-40.

Англосаксонская хроника, изд. К. Пламмер. 2 тома. Оксфорд, 1892-9.

Анна Комнина. Алексей, под ред. А. Райффершайда. 2 тома. Leipzig, 1884.

Annales Bertiniani (Annales Francorum, vulgo Bertiniani dicti), ed. Dom. M. Bouquet, *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, vols. vi. (1749), 192-204; vii. (1749), 59-124; viii. (1752), 26-37.

Ардрес, Ламберт из. Выдержки в букете, *Исторический сборник*, тома xi. (1767), 295-307; xiii. (1786), 423-53; xviii. (1822), 583-8.

Беда. Церковная история, изд. К. Пламмер. Оксфорд, 1896.

Breton (le), Guillaume. Филиппидос либри xii, изд. Bouquet, *Recueil des historiens*, vol. xvii. (1818), 117-287.

Цезарь. Комментарии под ред. Б. Кюблера. 3 тома. Leipzig, 1893-6.

Кольмье, Жан де, каноник Святого Мартина, Ипр. Vita beati Joannis Morinorum episcopi (*Acta Sanctorum*, January, vol. iii. 409-17).

Дицето, Ральф де. Исторические труды (Ymagines Historiarum и Abbrevationes Chronicorum), под ред. У. Стаббса, 2 тома. (Серия "Роллы", № 68).

Книга Страшного суда (Архивная комиссия). 4 тома. Лондон., 1816.

Генрих VIII, Письма и документы, изд. Брюер и Гэрднер, том iv.

Ховеден, Роджер из. Хроника, изд. У. Стаббс. 4 тома. (Серия Rolls, № 51).

Joinville, Jean, seigneur de. Histoire de Saint Louis, ed. N. de Wailly. Париж, 1874 (перевод Хроники сэра Фрэнка Марзиалса, Лондон, 1908).

Монте, Роберт де (Роберт де Торины, аббат Мон-Сен-Мишель). Хроника (продолжение Сигеберта Гемблурского), изд. Migne, *Patrologiae Cursus*, vol. clx., 423-546.

Ordericus Vitalis. Церковная история, под ред. А. Прево. 5 томов. Париж, 1838-1855.

Патентные свитки, Календари, 1216-66, 1271-1364, 1377-1485. 47 томов. (в процессе разработки).

Питерборо, Бенедикт оф. Хроника, под ред. У. Стаббса. 2 тома. (Серия "Роллы", № 49).

Трубопрокатчики. Публикации Общества трубопрокатчиков. 27 томов. (в процессе). Лондон, 1884 и др.

Раймер, Томас. Foedera. 20 томов. Лондон, 1704-35.

Стаббс, Уильям, д.Д. Избранные хартии и другие иллюстрации английской конституционной истории, 8-е издание. Оксфорд, 1905.

Сахар. Gesta Ludovici Grossi, ed. A. Molinier. Париж, 1887.

Вегетий. Воплощение военной власти, под ред. К. Ланга. Leipzig, 1885.

Памятник Ветусте, том vi. (гобелен из Байе). Лондон, 1842.

Villehardouin, Geoffroi de. De la Conquete de Constantinople par les Barons François associez aux Venitiens, ed. N. de Wailly. Париж, 1872-4 (пер. Сэр Фрэнк Марзиалс, Лондон, 1908).

Витрувий. "Об архитектуре", под ред. В. Роуза. Leipzig, 1899.

Уэндовер, Роджер из. Историческая хроника древнего Флореса, под ред. Х. Г. Хьюлетта, 3 тома. (Серия "Роллы", № 84).

2. Общие положения.

Олкрофт, А. Адриан. Земляные работы Англии. Лондон, 1908.

Армитидж, Элла С. Англосаксонские бургы и ранненормандские замки (*Cosm. Antiq. Шотландия*, xxxiv. 260-88).

- Ранненормандские замки Англии (*Английское историческое обозрение*, XIX. 209-45 и 417-55).

- Ранненормандские замки Британских островов. Лондон, 1912.

Брюс, J. С., доктор права, F.S.A. Справочник к римской стене, изд. Роберт Блэр, F.S.A., 5-е издание. Лондон и Ньюкасл-на-Тайне, 1907 год.

Кристисон, Дэвид, доктор медицинских наук, раннее укрепление в Шотландии: пылинки, лагерь и форты. Эдинбург и Лондон, 1898.

Кларк, Г. Т., Ф.С.А. Средневековая военная архитектура в Англии. 2 тома. Лондон, 1884.

Клефан, Р. Колтман, Ф.С.А. Очерк истории пороха и ручного огнестрельного оружия, от эпохи самых ранних записей до конца пятнадцатого века (*Archaeol. Журнал*, lxvi. 145-70).

- Военный пистолет шестнадцатого века (*Археол. Журнал*, lxvii. 109-50).

- Артиллерия четырнадцатого и пятнадцатого веков (*Археол. Дневник*, lxviii. 49-138).

Кодрингтон, Томас. Римские дороги в Британии. Лондон, 1903.

Д'Овернь, Эдмунд Б. Замки Англии. Лондон, 1907.

- Английские замки, Лондон, 1908.

Dieulafoy, M. Le Château-Gaillard et l'architecture militaire au XIIIme siècle (*Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, tom. xxxvi., часть. 1). Париж, 1898.

Enlart, Camille. Manuel d'Archéologie française, vol. ii. Париж, 1904.

Харви, Альфред. Замки и города-крепости Англии. Лондон, 1911.

Хаверфилд, профессор Ф. Дж., доктор права, доктор литл., V.P.S.A. Романизация Римской Британии. Лондон, 1905 год.

- Римская Британия (*кембриджская средневековая история*, i. 367-81: см. Там же. 666-7 для получения библиографии различных статей одного и того же автора).

Hochfelden, G. H. Krieg von. Geschichte der Militar-Architektur in Deutschland. Stuttgart, 1859.

Хоуп, У. Х. Сент-Джон. Английские крепости и замки десятого и одиннадцатого веков (*Археол. Журнал*, lx. 72-90).

Маккензи, сэр Дж. Д. Замки Англии, их история и устройство. 2 тома. Лондон, 1897.

Нильсон, Джордж. Пылинки в Нормандской Шотландии (*Шотландское обозрение* xiv. 209-38).

Оман, профессор С. W. С., F.S.A. История военного искусства в средние века. Лондон, 1898.

Орпен, Г. Х. Моутс и нормандские замки в Ирландии (*Сборник статей. Royal Soc. Antiq. Ирландия*, xxxvii. 123-52).

Паркер, Дж. Х. и Тернер, Т. Хадсон. Некоторые сведения о домашней архитектуре в Англии. 3 тома, из 4. Оксфорд, 1851-1859.

Раунд, Дж. Гораций, доктор права "Замки завоевания". (*Archaeologia*, lviii. 313-40).

- Феодальная Англия, исторические исследования XI и XIII веков (новое издание). Лондон, 1909.

Святой Павел, Гимн. *Histoire Monumentale de la France*, 6th edition. Париж, 1903.

Тернер, Т. Хадсон; см. [Паркер](#), Дж. Х.

Ван Миллинген, А. Византийский Константинополь. Лондон, 1899.

Viollet-le-Duc, E. *Dictionnaire Raisonné de l'Architecture française du XIe au XVIe Siècle*. 10 томов. Париж, 1854 и др.

— *Essai sur l'architecture militaire au moyen âge*. Париж, 1854 (перевод М. Макдермотта, Оксфорд и Лондон, 1860).

— *Histoire d'une forteresse*. Париж, Нью-Йорк

Уорд, У. Х. Французские замки и сады в XVI веке (рисунки воспроизведены из Андруэ-дю-Серсо). Лондон, 1909.

Вестропп, Т. Дж. Ирландские пылинки и предполагаемые нормандские замки (*Сборник статей. Royal Soc. Antiq. Ирландия*, xiv. 313-45 и xv. 402-6).

3. Специальные монографии и т.д.

Эктон Бернелл. Хартсхорн, С. Н., F.S.A. (*Археол. Журнал*, ii. 325-38).

Алнвик. Кларк, *средневековый Мил. Архитектура*, i. 175-85.

- Ноулз, У. Х., Ф.С.А., Ф.Р.И.Б.А. Сторожка ворот и барбакан замка Алник ("*Элианская археология*", 3-я серия, т. 286-303).

Эмберли. Кларксон, Г. А. (*Сассекс, арх. Колл.*, xvii. 185-339).

Арундел. Кларк, i. 195-203.

Окленд. Преподобный Дж. Ф. Ходжсон ("*Элианская археология*", XIX. 89-92).

Эйдон. Ноулз, У. Х. (*Археология*, lvi. 78-88). *Смотри также* [Bates](#), *Border Holds.*,

Бамбург. Бейтс, *Пограничные укрепления*; Кларк Г. Т. (*Археол. Журнал*, xlvi. 93-113).

Замок Барнард. Кларк, i. 204-13.

Бьюмарис. Кларк, i. 213-17.

Белсей. Бейтс, *Граница держится*.

- Миддлтон, сэр Артур Э., барт. Рассказ о замке Белси (напечатано частным образом). Ньюкасл-он-Тайн, 1910 год.

Berkeley. Кларк, i. 228-39.

Беркхэмпстед. Кларк, i. 223-38.

Бервик-он-Твид. Норман, Ф.М. (командующий Р.Н.): Официальное руководство по укреплениям. Бервик, 1907.

Бодиам. Кларк, i. 239-47.

- Сэндс, Гарольд, Ф.С.А., в *Сассекской археологии. Сборники*, xlv. 114-33.

Ботал. Бейтс, *Граница держится*.

Боуз. Кларк, i. 259-64.

Бриджнорт. Кларк, i. 273-81.

Бристоль. Харви, Альфред, М.Б. бристоль, исторический и топографический отчет о городе. Лондон, 1906.

-- (замок). Притчард, Дж. Э., Ф.С.А. (*Труды Клифтонского антикварного клуба*, iv. 17-19).

Бронлли. Кларк, i. 283-6; *Камбренская археология*, 3-я серия, viii. 81-92.

Бротон. Лорд Сэй и Селе (*Беркс, Бакс и Оксон. Археол. Журнал*, новая серия, vii. 23-5).

Построен. Кларк, i. 304-8.

Кэрфилли. Кларк, i. 315-35.

Калдикот. Беллоуз, Дж. (*Cotteswold Field Club*, vi. 263-7).

Калдикот. Кобб, Дж. Р. (*Антик Клифтона. Клуб*, iii. 35-40).

Кембридж. Хоуп, У. Х. Сент-Джон (*Камб. Antiq. Соч.*, xi. 324-46).

- Хьюз, профессор Т. Маккенни, F.S.A. (*там же.*, ix. 348).

Каркассон. Viollet-le-Duc, E. La Cité de Carcassonne. Париж, 1858 год.

Кардифф. Кларк, i. 336-50; Уорд, Дж., F.S.A. Кардиффский замок, его римское происхождение (*Археология*, lvii. 335-52).

Кэрю. Кобб, Дж. Р. (*Камбренская археология*, 5-я серия, iii. 27-41).

Кэрисбрук. Битти, У. (*Археол. журнал. Доц.*, xi. 193-205).

- Стоун, П.Г., Ф.С.А. (*Сокр. Антик.*, 2-я сер., xvi. 409-11).

Карлайл. Кларк, i. 350-8

Карнарвон. Кларк, i. 309-15.

- Хартшорн, К. Х. (*археол. Журнал*, vii. 237-65: *Камбренская археология*, 3-я серия., i. 242-6).

Château-Gaillard. Кларк, i. 378-85; Дьюлафой, М., см. [Общую библиографию](#).

Чепстоу. Кларк, Г. Т. (*Бристоль и Глоук. Археол. Соч.*, vi. 51-74).

- Вуд, Дж. Дж., Ф.С.А. Светлость, замок и город Чепстоу. Ньюпорт, 1910.

Честер. Кокс, Э. В. (*Архит. и др., соц. Честер и Северный Уэльс*, ст. 239-76).

Чиллингем. Бейтс, *Граница держится*.

Чипчейз. Бейтс, *граница держится*.

- Ноулз, У. Х. ("*Элианская археология*", 3-я серия, i. 32-4).

Крайстчерч. Кларк, i. 385-92.

Cilurnum. Рассказ о римских древностях, хранящихся в музее Честерса, 1903 год.

Клан. Кларк, i. 402-9.

Колчестер. Кларк, i. 418-31.

- История и древности Колчестерского замка. Колчестер, 1882. См. также *Археол. Дневник*, lxiv. 188-191.

Конисбро. Кларк, i. 431-53.

Конвей. Кларк, i. 453-60.

- Хартшорн, К. Х. (*Камбренская археология*, новая серия, v. 1-12).

Корф. Блашилл Т. (*Журнал археологии. Доц.*, xxviii. 258-71).

- Бонд Т. История и описание замка Корф. Лондон и Борнмут, 1883.

- Кларк, i. 461-75.

Коуси. Кларк, i. 476-87.

— Lefèvre-Pontalis, E. Le Château de Coucy (with special bibliography). Париж, Нью-Йорк

— Viollet-le-Duc, E. Description du Château de Coucy. Париж, Нью-Йорк

Денби. Айртон, У. (*Честерский архив и др., Соч.*, ii. 49-60).

Dolwyddelan. Барнуэлл, Э. Л. (*Cambrensis Archaeologia*, 4-я серия, xiv. 174-5).

Дом напротив. Blanchetière, L. Le Donjon ou Château féodal de Domfront (Orne). Домфронт, 1893 год.

Дувр. Блашилл Т. (*Археол. журнал. Доц.*, xl. 373-8).

- Кларк, ii. 4-24.

Даффилд. Кокс, Дж. К., доктор права, F.S.A. (*Дербиширская археология. Соч.*, ix. 118-78).

Данстанбург. Бейтс, *Граница держится*.

- Комптон, К. Х. (*Журнал Британской археологии. Доц.*, новая серия, ix. 111-16).

Дарем. Кларк, ii. 32-5, и *Археол. Дневник*, xxxix. 1-22.

- Джи, Х., Д.Д., Ф.С.А. (*Сокр. Антик.*, 2-я серия, хх. 17-18, и *Пер. Дарем и Нортумб. Археол. Соц.*).

Эксетер. Кларк, ii. 44-7.

Falaise. Руприх-Робер, против Парижа, 1864.

Гиллинг. Билсон, Дж. (*Археология Йорка. Журнал*, хix. 105-92).

Гилфорд. Кларк, ii. 53-71.

- Молден, Х. Э. (*Суррейская археол. Соч.*, хvi. 28-34).

Хэддон. Читэм, Ф. Х. Хэддон Холл. Лондон и Манчестер, 1904.

Халлатон. Диббин, Х. А. (*Соч. Антик.*, 2-я сер., vii. 316-21).

Харлех. Чепмен, Ф. Г. В. (*Журнал Британской археологии. Доц.* xxxiv. 159-67).

- Кларк, ii. 72-81.

Гастингс. Кларк, ii. 82-88.

- Доусон, К., Ф.С.А. История замка Гастингс. 2 тома. Лондон, 1909.

Хаварден. Кларк, ii. 88-99.

Хелмсли. Кларк, ii. 100-8.

Кенилворт. Кларк, ii. 130-53.

- Ноулз, Э. Х. Замок Кенилворт. Уорик, 1872.

Кентские замки. Сэндс, Гарольд. Некоторые кентские замки (*Мемориалы Старого Кента*, 1907).

Кидвелли. Кларк, ii. 153-62.

Кнаресборо. Кларк, ii. 168-76.

Замки Ланкашира. Фишвик, Х. Замки Ланкашира (*Ланк. и Чеш. Antiq. Соч.*, хix. 45-76).

Ланкастер. Кокс, Э. В. (*Hist. Soc. Ланкастер. и Чешир*, новая сер., хii. 95-122).

Лэнгли. Бейтс, К. Дж. (*"Элианская археология"*, х. 38-56).

Лидс. Кларк, ii. 176-8.

- Джеймс, Ф. В. (*Кантианская археология*, ххv. стр. xlix-liii).
- Лестер. Кларк, ii. 182-8.
- Томпсон, Джеймс. Лестерский замок. Лестер, 1859.
- Льюис. Кларк (*Археол. в Сассексе. Сборники*, xxxiv. 57-70).
- Линкольн. Кларк, ii. 189-201.
- Симпсон, Э. Мэнсел, М.Д. Линкольн, исторический и топографический отчет о городе. Лондон, 1906.
- Лланстефан. Уильямс, сэр Джон (*Cambrensis Archaeologia*, 6-я серия, vii. 108-18).
- Лондон, Тауэр. Кларк, ii. 203-72.
- Сэндс, Х., Ф.С.А. (*Мемориалы Старого Лондона*, Лондон, 1908, т. i. 27-65).
- Ладлоу. Кларк, ii. 273-90.
- Хоуп, У. Х. Сент-Джон (*Археология*, lxi. 258-328).
- Ламли. Додд Дж. (*Журнал Британской археологии. Доц.*, xxii. 45, 46).
- Манорбье. Дакетт, сэр Дж. (*Камбрнская археология*, 4-я серия, xi. 134-145, 286-91, xiii. 166-73).
- Миддлхэм. Кларк, ii. 293-300.
- Митфорд. Кларк, ii. 300-3.
- Монтгомери. Кларк, ii. 303-12.
- Мон-Сен-Мишель. Corroyer, E. Description de l'abbaye du Mont-Saint-Michel et de ses abords. Париж, 1877.
- Массе, Х. Дж. Л. Дж. Краткая история и описание ... горы Мон-Сан-Мишель. Лондон, 1902.
- Ньюарк-он-Трент. Блэгг, Т. М., Ф.С.А. Путеводитель по Ньюарку, 2-е изд., 1911.
- Ньюкасл-он-Тайн. Бейтс, К. Дж. (*"Элианская археология"*, ix. 120-9).
- Хеслоп, Р.О., Ф.С.А. (*там же.*, ххv. 91-105; *Журнал британской археологии. Доц.*, новая сер., xii. 137-8, 214-5).
- Замок Ньюкасл, краткий путеводитель. Ньюкасл, 1906 (4-е изд.).
- Норэм. Бейтс, К. Дж. (*"Элианская археология"*, v. 52-5).
- Кларк, ii. 322-35.
- Джернингем, замок сэра Е.Е. Х. Норхэма. Эдинбург, 1883.
- Нортгемптон. Хартсхорн, К. Х. (*Археол. Журнал*, iii. 309-32).
- Замки Нортумбрии. Бейтс, Кэдуолладер Дж. Пограничные владения Нортумберленда (*Археология Элианы* [Ньюкасл-он-Тайн], хv. 1-465).

- Хартшорн, К. Х. Феодальные и военные древности Нортумберленда и Шотландских границ (*Мемуары брит. Археол. Инст.*, Ньюкасл, том 2, 1858).

Норвич. Хартсхорн, А., Ф.С.А. (*Археол. Журнал*, xlv. 260-8).

- Стены Норвича (отчет корпорации). Норвич, 1910.

Ноттингем. Грин, Эмануэль, Ф.С.А. (*Археол. Журнал*, lviii. 365-97).

Окхэм. Хартшорн, К. Х. (*Археол. Журнал*, v. 124-42).

- Томпсон, А. Гамильтон, Ф.С.А. (*Журнал "Ратленд"*, т. 80-88).

Одихам. Кларк, ii. 336-45.

Старый Сарум. Кларк, ii. 447-458.

- Хоуп, У. Х. Сент-Джон и Хоули, подполковник У., в *сборнике научных трудов. Антик.*, 2-я серия, xxiii. 190-200 и 501-17.

Орфорд. Хартшорн, К. Х. (*Археология*, xxi. 60-9).

- Редстоун, В. Б. (*Пер. Саффолкская археология. Инст.*, х. 205-30).

Оксфорд. Хартсхорн, К. Х. (*Археол. Журнал*, viii. 354-65).

- Хоуп, У. Х. Сент-Джон (*там же.*, lxvii. 363-6).

Лайнам, Чарльз. Кипты церквей Святого Петра на Востоке и Святого Георгия в замке Оксфорд (*там же.*, lxviii. 203-17).

Пиковый замок. Хартсхорн, К. Х. (*Археол. Журн.*, ст. 207-16).

- Хоуп, У. Х. Сент-Джон (*Дербиширский археол. Соч.*, xi. 120-6).

- Кирк, Генри (*Дербиширский археол. и нац. История. Соч.*, xxviii. 134-46).

Пембрук. Кларк (*Камбренская археология*, 3-я серия, v. 1-13 и др.; vi. 1-11 и др.; vii. 185-204).

- Кобб, Дж. Р. (*там же.*, 4-я серия, xiv. 196-220, 264-73).

Певенси. Кларк, ii. 359-67.

- Зальцманн Л. Ф. (*Археол. в Сассексе. Сборники*, xlix. 1-30 и др.).

Пикеринг. Кларк, ii. 368-75.

Понтефракт. Кларк, ii. 375-88.

- Хартшорн, К. Х., *Журнал British Archaeol. Доц.*, xx. 136-55).

Порчестер. Кларк, ii. 388-400.

Прадхо. Бейтс, *Бордер держится.*

Рэби. Скотт, О.С., Рэби, его замок и его лорды. Замок Барнард, 1908.

Реглан. Битти, У. (*Журнал. Археол. Доц.*, ix. 215-30).

- Брэдни, Дж. А. (*Бристоль и Глоук. Археол. Соч.*, xx. 76-87).

- Ричмонд. Кларк (*Йоркширский археол. Журнал*, ix. 33-54).
- Карвен, Дж. Ф., (*Антик Камберленда и Вестморленда. и Археол. Соч.*, vi. 326-32).
- *Археология Йорка. Журнал*, хх. 132-3.
- Встает. Белое, Э. М., Ф.С.А. (*Археология Норфолка*, xii. 164-89).
- Кларк, i. 364-77.
- Рочестер. Битти, У. (*Археол. журнал. Доц.*, ix. 215-30).
- Кларк, ii. 405-23.
- Рочестер. Хартсхорн, К. Х. (*Археол. Журнал*, хх. 205-23).
- Пейн, Г. (*Кантианская археология*, ххvii. 177-92).
- Рокингем. Бидж, Х. Дж. (*Доц. Архит. Сокр. Отчеты*, xi. 109-18).
- Кларк, ii. 423-46.
- Хартшорн, К. Х. (*археол. Журнал*, i. 356-78); и напечатано частным образом, Оксфорд, 1852.
- Уайз, К. Рокингем Касл и Уотсоны. Лондон, 1891.
- Сандал. Уокер, Дж. У., Ф.С.А. (*Йоркский археол. Журнал*, xiii. 154-88).
- Скарборо. Кларк, ii. 458-67.
- Стивенсон, У. Х. (*Ист-Райдинг, Антик. Соч.*, xiv. 13-17).
- Скенфрит. Бэгнолл-Оукли, Э. (*Бристоль и Глоук. Археол. Соч.*, хх. 93-6).
- Кларк, ii. 467-72.
- Саутгемптон (городские стены). Кларк, ii. 472-81.
- Хоуп, У. Х. Сент-Джон (*сокр. Антик.*, 2-я серия, хvii. 221-4).
- Стокс. Де ла Туш Г. (*Журнал Британской археологии. Доц.*, хxiv. 238-40).
- J. G. D. (*Archaeologia Cambrensis*, xvi. 299-304).
- Замки Саффолка. Редстоун, В. Б. Замки Саффолка (*Suffolk Archaeol. Инст.*, xi. 301-19).
- Замки Сассекса. Блау, У. Х. Королевские лицензии на укрепление городов и домов в Сассексе (*Sussex Archaeol. Сборники*, xiii. 104-17).
- Суонси. Каппер, С. (*Камбренская археология*, 5-я серия, iii. 302-7).
- Тэмворт. Кларк, ii. 481-8.
- Таттершолл. Симпсон, Э. Мэнсел (*Мемориалы Старого Линкольншира*, 1911, стр. 179-97).
- Тикхилл. Кларк, ii. 494-9.
- Третауэр. Кларк, ii. 499-503.

Татбери. Кларк, ii. 505-8.

Война. Бейтс, *Граница держится*.

Уоркворт. Бейтс, *Граница держится*.

Уэллс (епископский дворец). Дэвис, К.Э. н. (*Журнал British Archaeol. Доц.*, xiii. 177-86).

Вингфилд. Кокс, Дж. К. (*Дербиширская археология. Соч.*, viii. 65-78).

- Эдмундс, В. Х. Путеводитель по поместью Вингфилд.

Йорк. Кларк, ii. 534-48 (Оборона Йорка).

- Купер, Т. П. Йорк, История его стен и замков. Лондон, 1904.

- - Йоркский замок. Лондон, 1912 год.

Йоркширские замки. Томпсон, А. Гамильтон. Замки Йоркшира (*Мемориалы Старого Йоркшира*, 1909, стр. 236-64).

ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА Англии В СРЕДНИЕ ВЕКА

ГЛАВА I

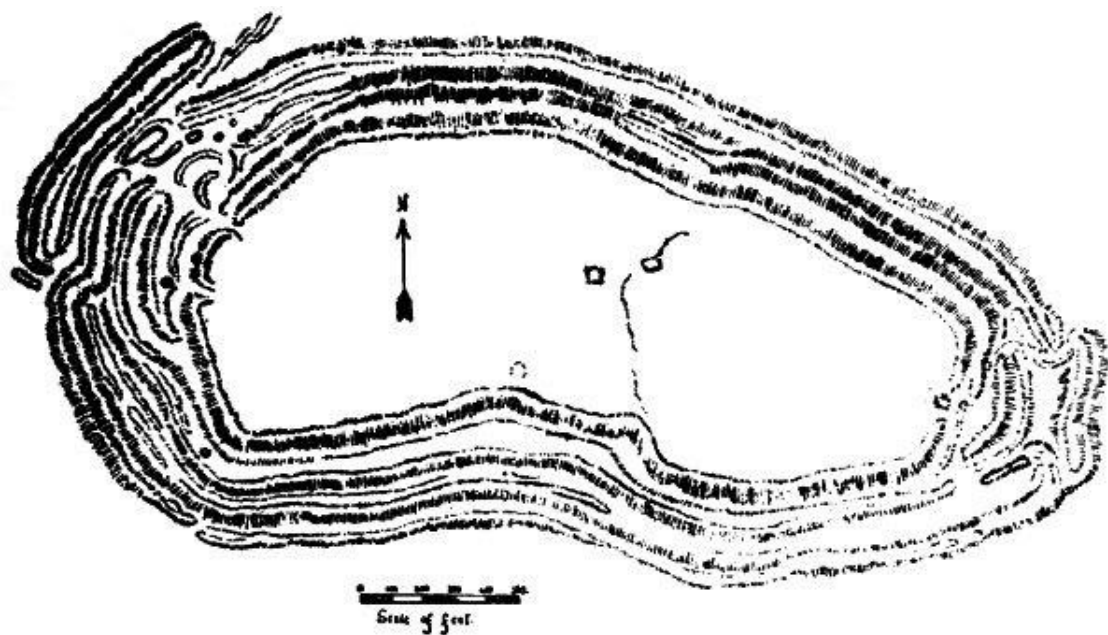
РАННИЕ ЗЕМЛЯНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И РИМСКИЕ СТАНЦИИ

История военной фортификации в Англии начинается с тех крепостей, которые ценой огромных трудозатрат первые жители Британии вырубили в почве, окружив пригодные для обороны позиции земляными валами, разделенными глубокими рвами. Приблизительную дату этих земляных работ можно определить только путем земляных работ, и в этом направлении еще предстоит проделать огромный объем работы. Однако число тех, которые, как можно доказать, возникли раньше римского завоевания, очень велико; и из этого числа значительная часть, включая некоторые из наиболее выдающихся примеров укрепленных горных лагерей, возможно, были созданы человеком эпохи неолита примерно за две тысячи лет до христианской эры. Относительные даты в этой связи интересуют нас меньше, чем принципы фортификации. Горные лагеря доримской Британии можно условно разделить на два класса. Во-первых, есть такие, которые занимают вершину мыса на возвышенности, который настолько крут со всех сторон, кроме одной, что искусственная оборона необходима только на этой стороне. Второй класс - это так называемые "контурные форты", в которых вершина холма используется для лагеря и окружена траншеями, повторяющими контур земли.

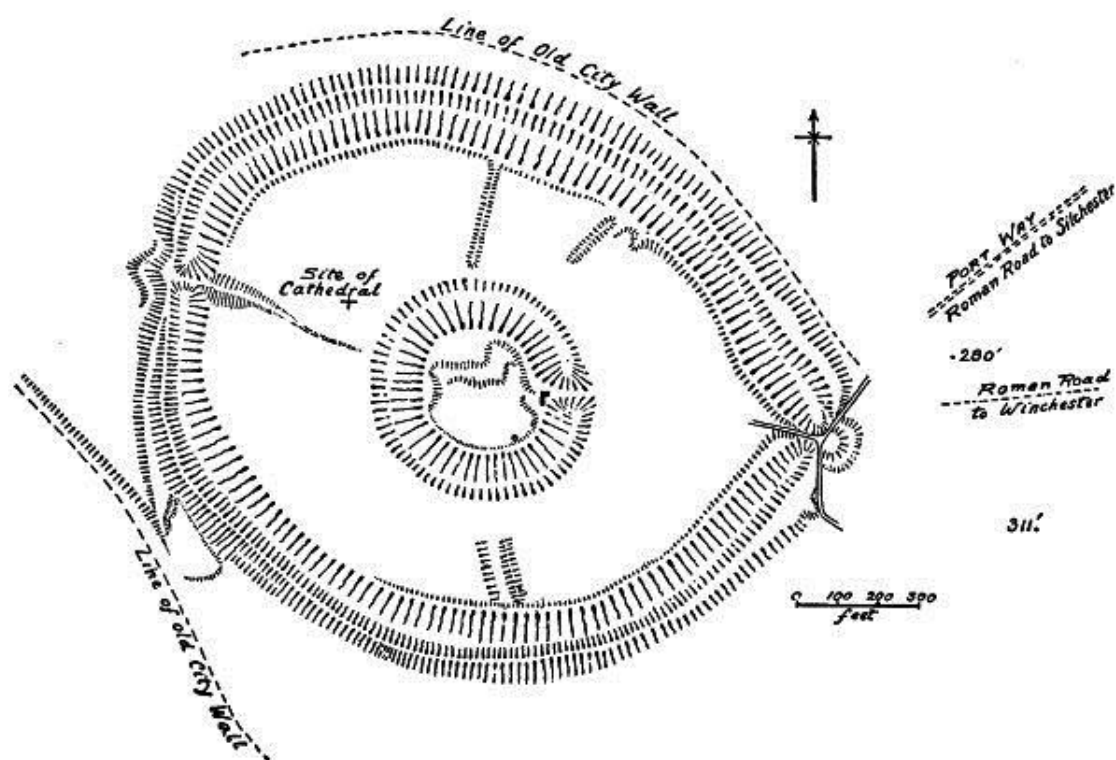
Девичий замок

В каждом случае защитные сооружения, предоставляемые жителями, состоят из земляных насыпей, материалы для которых были выкопаны из ям, окружающих их внешнюю поверхность. Земляной вал и ров, перекинутые через перешеек между мысом и плато за ним, превращают оконечность мыса в укрепленную ограду. Хорошо известными примерами таких крепостей являются три лагеря, один на восточном и два на западном берегу реки, которые охраняли долину Эйвона в Клифтоне. Труд, необходимый для их возведения, был, естественно, гораздо меньшим, чем тот, который затрачен на возведение огромных контурных крепостей, коих так много великолепных образцов сохранилось в Сомерсете, Уилтшире, Дорсете и вообще в меловых районах. В этих случаях вся территория или, по крайней мере, большая ее часть нуждалась в укреплении. Есть места, где склон настолько крут, что обошлись без насыпи и рва, или, как в части лагеря Сиссбери близ Уортинга, потребовался только один насыпь или ров.¹ Кроме того, чем круче грунт, тем меньше труда требовалось для возведения окопов. Но эти позиции часто принимали форму ограждений, окруженных двойными или тройными линиями обороны, часто огромных размеров. На большей части своего протяжения вал или берег овального лагеря Сиссбери двойной, а по внешнему краю окружающего рва проходит внушительный контрскарп или парапет. Паундбери, расположенный на возвышенности к западу от Дорчестера, имеет единственный берег и ров на восточной и южной сторонах. С западной стороны берег увеличивается вдвое; но северная сторона, где холм обрывается почти перпендикулярно Фрому, была оставлена без искусственной защиты. Великолепная крепость Мейден-Касл (2), венчающая изолированный холм высотой 432 фута к югу от Дорчестера, демонстрирует ошеломляющую сложность планировки. Овальное центральное пространство окружено множеством насыпей и рвов, количество которых варьируется от трех на северной стороне до восьми у западного входа.

Девичий замок; план

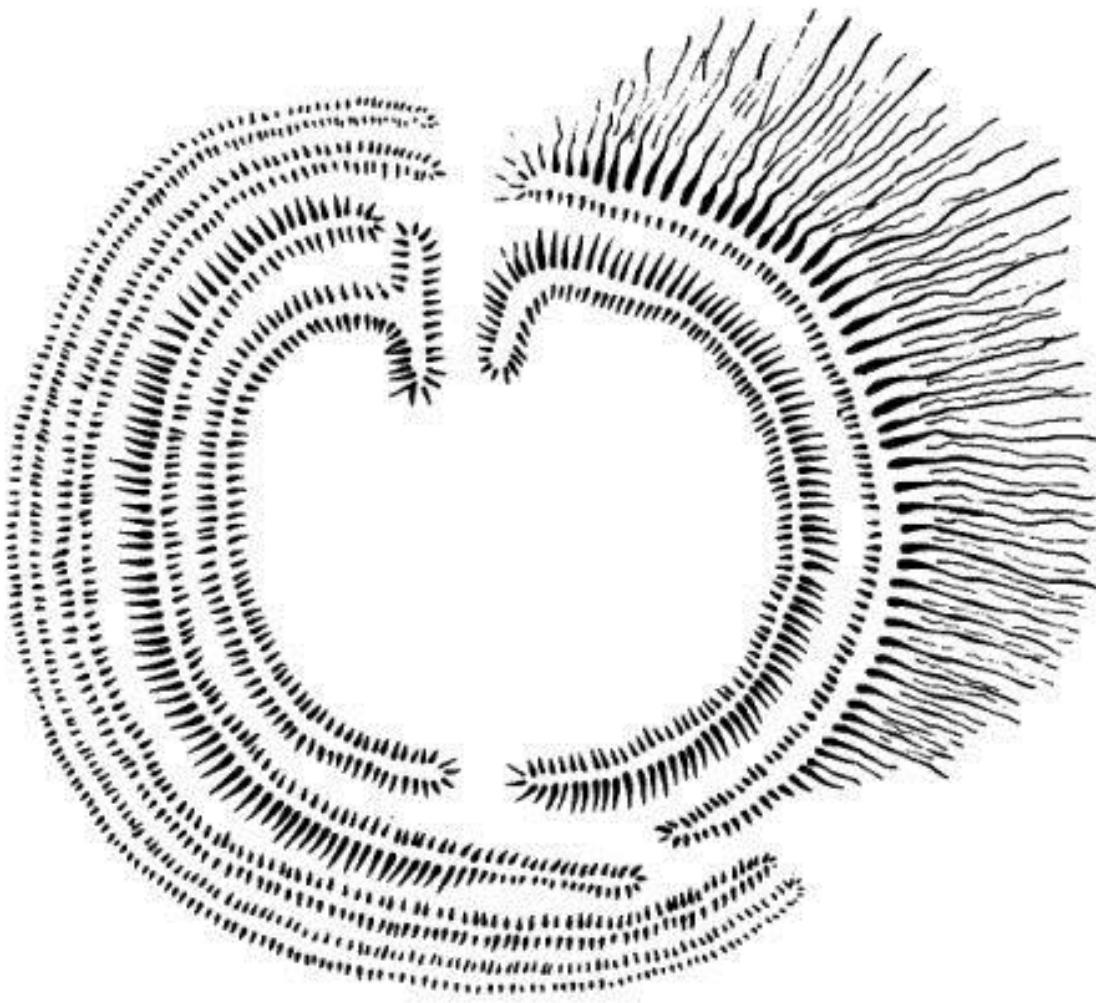
Эти ранние лагеря являются лишь предисловием к нашей теме, и необходимо обратить внимание лишь на некоторые общие черты. Их характер, как и характер средневекового города или замка, был строго оборонительным. Это были оплоты рас, оружие которых было очень примитивным и не могло поражать на большую дальность. В чем нуждались их жители, так это в неприступной крепости, внутри которой они и их стада могли бы быть хорошо защищены от нападения. Они относятся ко времени, когда еще не были возможны осадные операции. Чтобы отразить их, требовалось решительное наступление и рукопашный бой. Следовательно, их сила зависела от сложности их обороны. Ни один враг не мог надеяться взобраться на фланговые берега Мейден-Касла, один за другим. Входы в лагерь на его восточном и западном концах (3) были настолько тщательно замаскированы перекрывающимися валами, что даже на плане местности они далеко не очевидны; и было почти неизбежно, что атакующие силы без проводника, знакомого с местностью, были бы заманены в *тупик* и уничтожены ракетами защитников на валах.

Старый Сарум

(Из книги мистера Адриана Олкрофта "Земляные работы Англии" с любезного разрешения компании "Мессирс Макмиллан и Ко.")

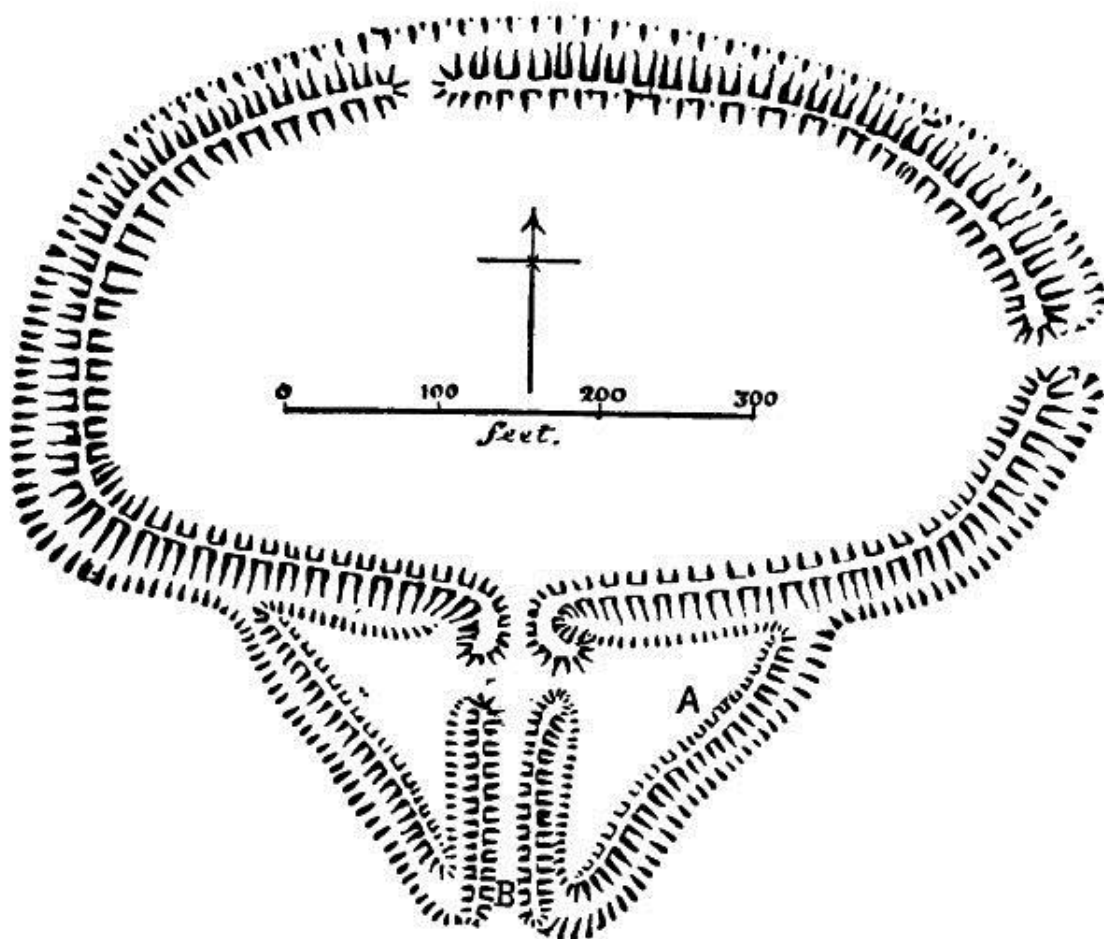
Крутизна берега сама по себе представляла собой грозное средство обороны. У Мейден-Касла великие северные берега поднимаются на высоту 60 футов и более. Вершина внешнего берега Старого Сарума (4) находится на 106 футов выше уровня рва ниже.² Во многих случаях, и, вероятно, во всех, внутренний берег был увенчан частоколом, состоящим из ряда вертикальных кольев, между которыми и вокруг которых была натянута непроницаемая изгородь из терновника. Плато или насыпь, которые иногда оставляли за парапетом берега, где было больше одного откоса и рва, были ценным приобретением для защитников доисторических твердынь, образуя передовой пост, с которого они могли свободно стрелять своими снарядами; в то время как иногда вершина одного или нескольких внешних откосов превращалась для той же цели в широкую платформу, которая обеспечивала большую свободу передвижения. Парапет или контрэскарп внешнего рва, вероятно, был защищен частоколом, и известно, что в некоторых случаях на дне рвов были прочно закреплены заостренные колья или камни.

Рыть Канавы

Таким образом был обеспечен неприступный характер *окружения*. Но для защиты входов в лагерь требовалось дополнительное мастерство. Таких входов обычно было больше одного, и они обязательно образовывались путем вырубки насыпей в берегах. Как и в случае с Девичьим замком, путь к входу можно было бы превратить в лабиринт, увеличив количество насыпей и рвов. Каждый дюйм этого обходного пути охраняется высокими валами: на его пути есть семь или восемь точек, в которых была возможна фатальная ошибка, и, во всяком случае, одна, где атакующая армия вряд ли смогла бы безопасно ринуться на поражение. Восточный вход настолько защищен поперечными насыпями, что тропу почти так же трудно найти. Однако редко бывало, чтобы входы были так тщательно защищены. В Старом Саруме западный вход перекрыт полукруглой надворной постройкой, по бокам которой находятся два входа во внешний вал. С восточной стороны вход осуществляется через узкий проход, который проходит на некотором расстоянии между парапетом внешнего рва и надворной постройкой и находится под прямым углом к фактическому проходу через берег. Наиболее распространенным методом защиты входа было прокладывание диагонального пути, обычно справа налево, через берега. Таким образом, каждый берег перекрывал бы следующий: вершины над тропой были бы расширены в платформы, способные быть занятыми отрядами защитников; а правый фланг противника, не защищенный щитами, был бы открыт для их снарядов. Вход, однако, можно было бы существенно защитить, загнув внутрь внутренний вал с каждой стороны тропинки; и этот план используется очень часто.³ Там, где надворные постройки были построены специально, их форма значительно отличается: мы видели, как в Старом Саруме их использовали двумя способами — как разновидность рога,

выбрасываемого перед проходом, и как отрог, выступающий под прямым углом перед входом. В обоих случаях абсолютно прямой подход исключен. Иногда, когда был разрешен приблизительно прямой подход, он защищен с одной стороны отрогом, выступающим под прямым углом к берегу. В замке Блэкбери, раннем земляном сооружении в южном Девоне, главный вход имеет прямой подход, охраняемый с обеих сторон треугольным флигелем, который образован самым хитроумным расположением насыпей и продолжениями главного рва (7). У самого входа главный берег изогнут наружу, с широкими платформами наверху. Пустотелые внутренние помещения внешних укреплений могли служить караульными помещениями, или атакующие силы могли быть загнаны в них через ворота форта и заперты в таком положении, из которого побег был невозможен. Иногда в насыпи или в выступающей надворной постройке рядом с воротами делались углубления, служившие караульными помещениями. По обе стороны от главного входа насыпь часто была слегка приподнята. Известен по крайней мере один случай, когда главные ворота были скрыты путем создания пролома в другой части вала и поднятия насыпи с обеих сторон. Враг, направляясь к этому пункту, пропустит настоящий вход и рискует расстаться с жизнью в *тупике*, специально устроенном внутри вала.

Замок Блэкбери

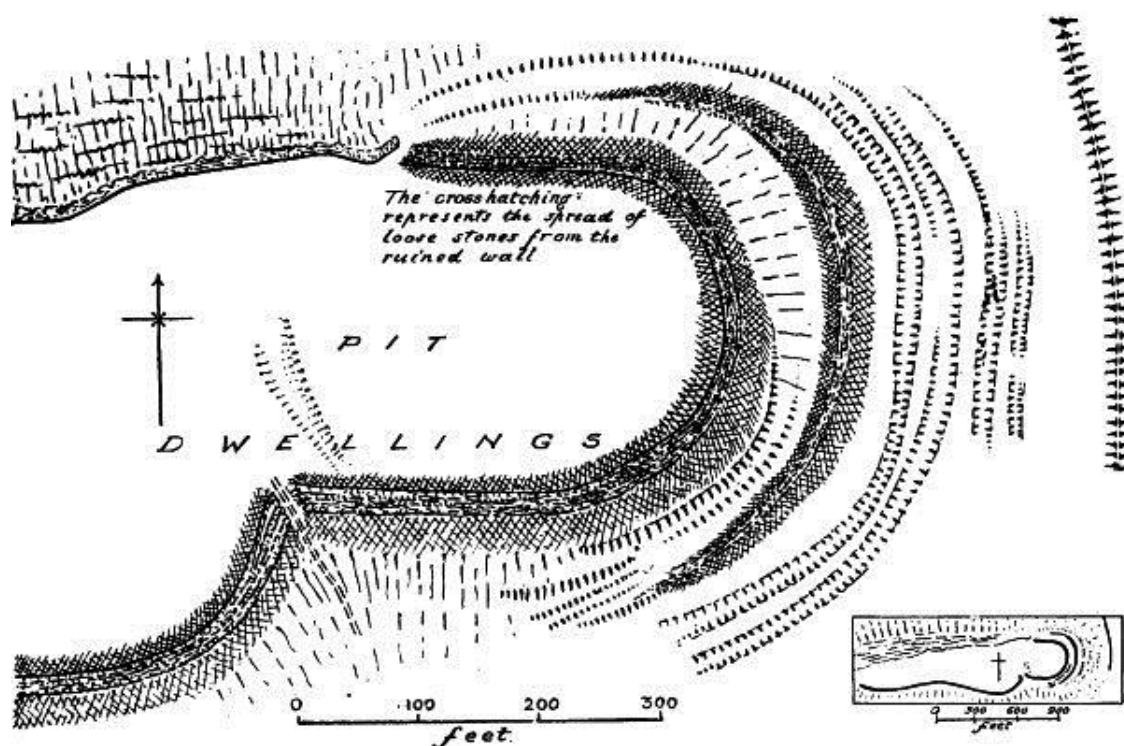
(Из книги мистера Адриана Олкрофта "Земляные работы Англии" с любезного разрешения компании "Мессирс Макмиллан и Ко.")

В этих крепостях, оборона которых осуществлялась благодаря инстинктивному мастерству перед лицом постоянной опасности, невозможно не признать, как многие из наиболее научных особенностей средневековой фортификации были предвосхищены.

Концентрический план замка Кэрфилли (270) с удобными выходами и труднодоступностью;

отроги, охраняющие подходы к замкам Бьюмарис (277) и Конвей; барбаканы, которые образуют столь заметную защиту замка Алник (243), и ворота Йорка имеют прототипы, о которых их инженеры, вероятно, не подозревали, в огромных земляных валах доисторической Британии. За длительный промежуток времени, в течение которого военное искусство развивалось очень постепенно, колесо совершило полный оборот. Приспособления строителей земляных работ были переведены в камень с гораздо большей экономией труда.

Хотя наиболее заметные примеры ранних земляных работ встречаются в крепостях на холмах, лагеря не ограничивались холмистыми участками, и их защита не всегда состояла из земляных работ. Есть районы, где твердая природа почвы не позволяла возводить земляные насыпи и рвы; и, следовательно, есть много лагерей, которые окружены стенами из грубого нецементированного камня, первоначально удерживавшихся на месте облицовкой и скреплениями из более крупных и гладких камней.⁴ Эти лагеря обычно невелики. Они очень часто встречаются на севере Англии: хорошим примером являются так называемые Замки в долине Бедберн, в семи или восьми милях к западу от Бишоп-Окленда. Ограда, расположенная на заболоченном склоне, окружена бесформенными массами обломков, руин кольцевой стены сухой постройки, которая потеряла облицовку и поэтому развалилась на куски. Камень также использовался для возведения крепостных стен некоторых лагерей на скалистых холмах Сомерсета, как и в лагерях по обе стороны Эйвона в Клифтоне. Великая крепость Уорлбери, расположенная над Уэстон-супер-Мар, была окружена огромной стеной из нецементированного камня, толщина которой была увеличена за счет возведения нескольких стен, каждая со своим набором облицовочных камней, вплотную друг к другу. На его восточном фронте, отделенном от основного вала глубоким рвом, вырубленным в цельной скале, была еще одна каменная стена; и она снова была защищена рядом внешних земляных валов (9). Долбери, расположенный на западной оконечности Мендипса, окружен двойной стеной из рыхлого известняка.⁵ В этих случаях, как и в валлийских крепостях Пенмаэнвавр и Тре-р-Сейри, геологические условия сделали невозможным насыпание земляного вала, и его место занял камень по соседству.

Уорлбери

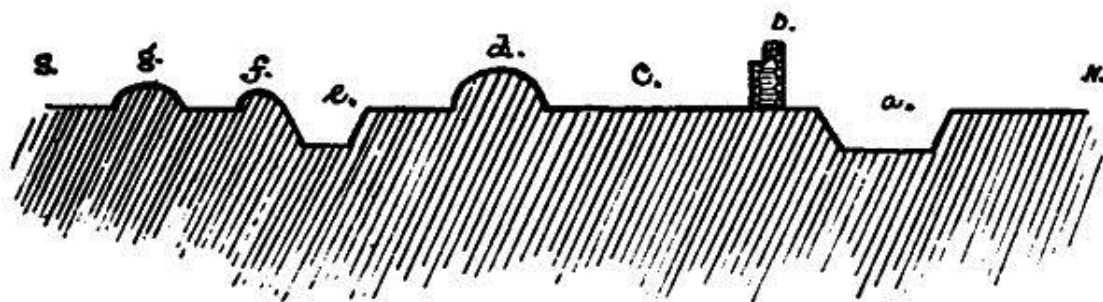
(Из книги мистера Адриана Олкрофта "*Земляные работы Англии*", с любезного разрешения компании "Мессирс Макмиллан и Ко.")

Часто утверждалось, что эти доисторические крепости были просто местами убежища, куда во время войны уходили обитатели нижних уровней со своими стадами. Но гораздо более вероятно, что они были постоянными местами обитания общин, не просто лагерями, но постоянными поселениями, выбранными для проживания из-за их сильного положения и постепенно укреплявшимися трудом, который, возможно, был работой, в более сложных примерах, многих поколений. Потребность в постоянной защите для себя и своих стад, по-видимому, ощущалась древними жителями Британии до такой степени, что их регулярные поселения, естественно, принимали вид укрепленных лагерей. Это очень очевидно в случае с теми лагерями, которые расположены в местах, где естественные преимущества очень малы, — местах, которые могли бы быть выбраны людьми в поисках жилья, но вряд ли были бы выбраны просто как убежище. Лагерь на этих позициях никогда не бывает такими внушительными, как те, что венчают вершины холмов: естественный склон холма не облегчал работы по рытью рвов и насыпанию насыпей, а земляные работы, будучи более легкими и ближе к более недавним местам обитания людей, более подвержены разрушению. Но оборонительный характер таких поселений очевиден.

Римские захватчики принесли в Англию новые методы военного строительства и традиции архитектуры из обработанного и сцементированного камня. Вся их система ведения войны намного превосходила ту, которой придерживались британские племена. Они достигли высокого уровня в искусстве осады. Их действия в открытом поле были упорядоченными и научными. Их обнесенные стенами крепости были построены с учетом не только простой прочности крепостных валов, но и способности защитников укомплектовать их персоналом. Главным козырем римлян в войне были люди, а не крепости, и, следовательно, их земляные укрепления были гораздо менее внушительными, чем у бриттов доисторической эпохи. Их лагеря и постоянные стоянки обычно были окружены одним ровом небольшой глубины: редкие случаи, когда сохранились следы более чем одного рва, — это лагерь на открытой северной границе Римской Британии, где натиск врага-варвара сдерживался рядом траншей, либо покрытых хворостом, либо заполненных острыми камнями или кольями. Лагерь были наспех сооружены из земляных валов; насыпь, ров и парапет играли свою роль. Но там, где лагерь становился постоянной станцией, место земляного вала занимала каменная стена. Самой важной реликвии римской оккупации Британии, великой пограничной стене от Тайна до Солуэя, предшествовала *валлум* из дерна, временная защита, которая была заменена постоянной каменной кладкой.

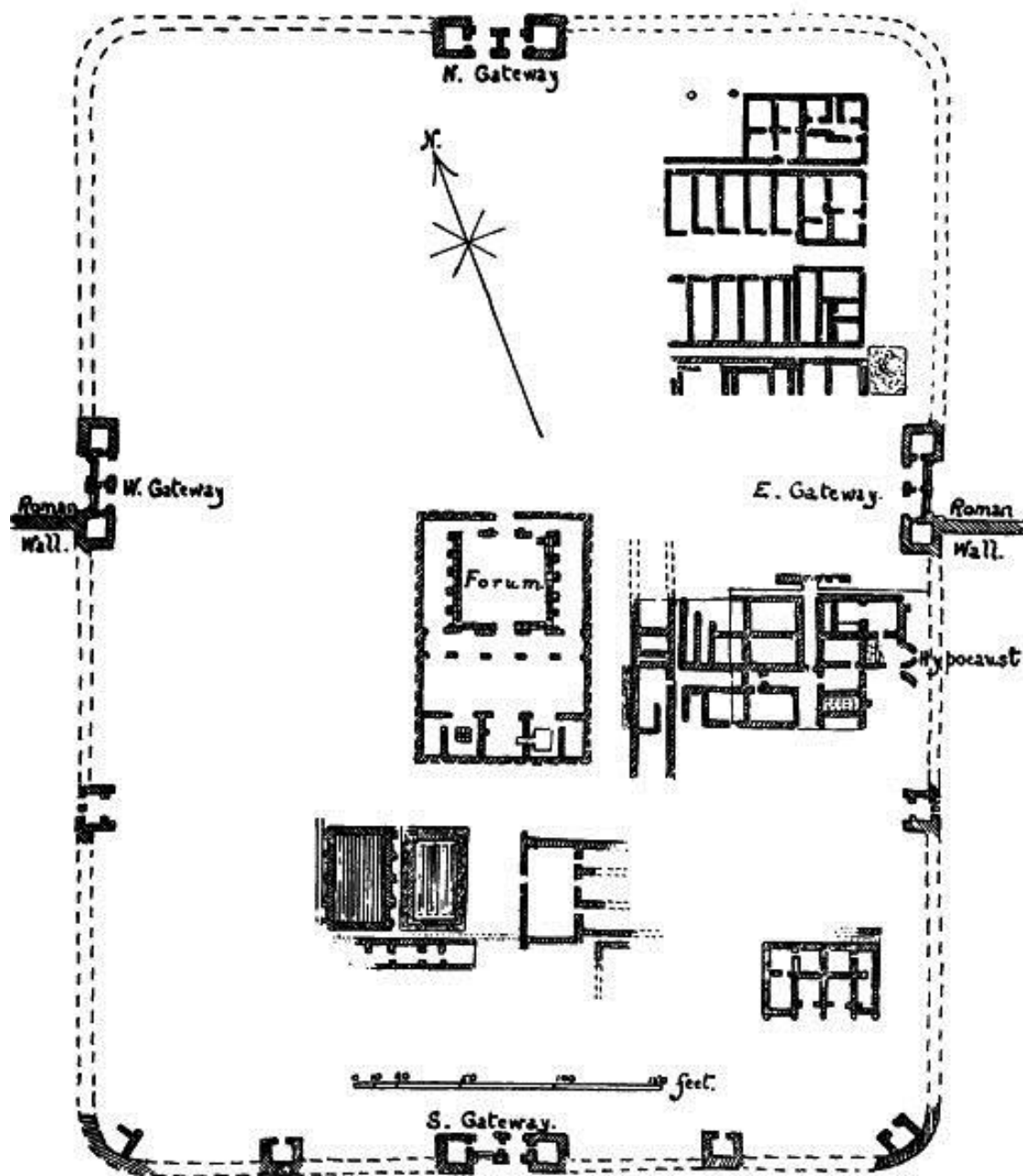
Нельзя проследить никакой системы взаимосвязанных операций между доисторическими фортами. Каждый из них, вероятно, был изолированной крепостью. Римские станции, с другой стороны, были военными постами, укомплектованными подразделениями одной армии и соединенными стратегическими дорогами. Это очень хорошо видно на примере уже упомянутой великой китайской стены. Протяженность стены составляет около 73 миль, от Уолсенда (Сегедунум) на реке Тайн до Боунесса на реке Солуэй. Он построен по обычному римскому методу, с сердцевинной из сцементированного щебня между облицовками из ясеня. Его ширина колеблется от 7 до 9½ футов: высота, по-видимому, первоначально составляла от 16 до 18 футов.⁶ Его северный склон защищен ровом, обозначенным *a* в разделе ниже; но, поскольку он проходит по самой высокой местности на своем пути и проходит на некоторое расстояние вдоль края базальтовых утесов, которые опускаются к северу, ров в этих точках становится ненужным, и от него избавляются. На его протяженности было двадцать три

станции, каждая из которых охранялась когортой пехоты или эскадроном кавалерии, отобранными из римских вспомогательных войск галлов, испанцев, мавров и т.д.⁷ Они были соединены мощной военной дорогой (с) вдоль южной стороны стены. На расстоянии римской мили друг от друга были расположены прямоугольные форты, ныне известные как мильные замки, построенные у стены с южной стороны; и промежуток между ними был дополнительно усилен башнями, по-видимому, в количестве двух, которые также выступали на юг, но слегка выступали за толщину стены. Южная сторона военной дороги была защищена земляным валом, обозначенным d,⁸ который проходит не прямо параллельно стене, а местами на расстоянии до полумили, придерживаясь низменности, где стена предпочитает вершину базальтового хребта. На южной стороне этого берега есть ров (e), отделенный от него ровным пространством или насыпью: у рва есть южный парапет (f) и другой берег за ним (g). В некоторых местах ров также имеет северный парапет; но общее расположение земляных валов таково, как описано. О разногласиях относительно относительной даты возведения стены и прилегающих к ней земляных укреплений здесь говорить не нужно. Его военное назначение совершенно очевидно. Это было не только сильное средство защиты от нападений северных племен, но и операционная база для ведения наступательной войны. Каждая из станций и замков на милю имеет северные ворота в дополнение к другим входам; и две римские дороги, которые пересекались со стеной через определенные промежутки времени с юга, проходили через нее на пути к шотландской границе.

Участок Римской стены и валлума.

Цель создания великой системы римских дорог была чисто военной.⁹ Вдоль этих широких мощеных “улиц” войска с различных станций могли быть мобилизованы с большой быстротой. Как правило, они держались возвышенности, выбирая удобный гребень, подобный тому, что тянется из конца в конец Линкольншира, и сохраняя как можно более прямую линию. Наиболее важные станции располагались на переправах через реки или на перекрестках дорог. В первые дни римской оккупации действия армии были полностью направлены против местных племен. Никакой системы береговой обороны принято не было. Необходимость в этом возникла позже, когда Британия, находившаяся под римским владычеством, подверглась нападению отрядов саксонских пиратов. Затем была построена цепь крепостей вдоль так называемого саксонского побережья, от Бранодунума (Бранкастер) в северном Норфолке до Портус-Адурни в Сассексе или Хэмпшире. Остатки стен Гарианнонума (замок Бург в Саффолке), Рутупии (Ричборо в Кенте), Андериды (Певенси в Сассексе) и Портус Магнус (Порчестер в Хэмпшире), наряду с великой китайской стеной, являются, пожалуй, самыми интересными реликвиями римской эпохи, которыми мы располагаем. Форты саксонского побережья были расположены, по большей части, в устьях устьев рек, куда, естественно, стремились иностранные пираты.

Кинза

В нескольких случаях римская станция была основана на месте британского поселения. Однако она была более компактной в плане и занимала лишь часть территории. Земляные валы, защищающие западную сторону поселения, предшествовавшего Камулодуну (Колчестер), находятся в двух-трех милях за римской городской стеной, которая занимала всего лишь северо-восточный угол очень большого и протяженного ограждения. Первоначальный римский вокзал в Линкольне можно рассматривать как типичный пример города-крепости той эпохи.¹⁰ Это было прямоугольное ограждение, более длинная ось которого проходила с востока на запад и занимала юго-западный угол высокого хребта над долиной Витам. В каждой из четырех стен были ворота. Внутренняя арка и задний вход с частью боковых стен северных ворот сохранились до сих пор, а от южных ворот сохранились значительные фрагменты; линия улицы, которая вела от одного к другому, все еще достаточно, хотя и не точно, сохранилась. Расположение восточных и западных ворот

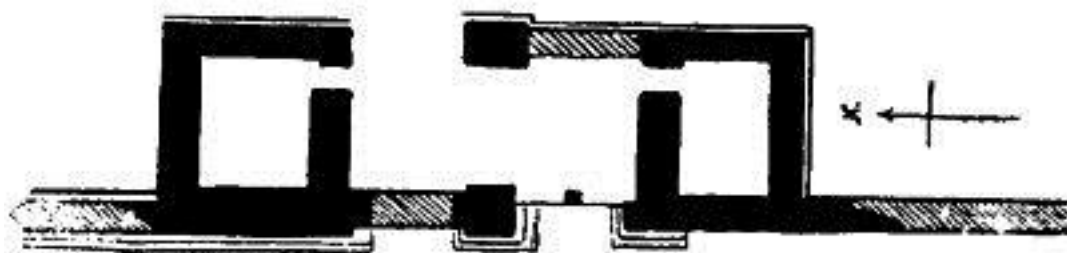
известно: линия улицы от восточных ворот до центра города была отклонена в средние века, но ее продолжение до западных ворот представлено линией улицы, значительно расширенной в наше время. Недалеко от пересечения четырех улиц находилась рыночная площадь, или *форум*. В первые дни римского Линкольна это была *претория*, или военный штаб лагеря. Но легион, расквартированный в Линкольне, был переведен в Йорк, как представляется, во времена Веспасиана, и город вернулся к гражданскому и коммерческому существованию. Вокруг *форума* были сгруппированы главные общественные здания города, а фундамент большого здания с колоннадой все еще можно увидеть ниже нынешнего уровня земли. В Глостере, Чичестере и еще раз Честере течение четырех главных улиц было мало нарушено, если вообще было нарушено, и их нынешнее место встречи почти соответствует центру римского города. Устройство *форума* романо-британского города было очень четко проиллюстрировано раскопками в Каллева Атребатум (Силчестер) в Хэмпшире.¹¹ Это был замкнутый прямоугольник, в который входили ворота и окружали общественные здания, перед которыми были колоннады; одна сторона в Силчестере была занята большой базиликой, которая служила залу правосудия и товарной бирже.

Борковичус

Посты на римской стене носили более чисто военный характер, чем упомянутые города. Они имеют общую характеристику прямоугольного плана, со скругленными углами и с воротами, по бокам от которых расположены караульные помещения, с каждой из четырех сторон. Однако на двух крупнейших станциях, Амбогланне (Бердосвальд) и Силурнуме (Честерс), помимо главных шлюзов, имелись два шлюзов поменьше в восточной и западной стенах соответственно.¹² Стены станций обычно имеют толщину 5 футов и построены, как и сама стена, из сердцевины из цементированного щебня с облицовкой из обработанного камня. Главные шлюзы имеют двойной проход, разделенный продольной стеной, в центре которой имеется узкий проход. Их внутренний и внешний проемы были перекрыты арками и закрыты воротами, которые висели на железных шарнирах, закрепленных в косяке каждого проема рядом со стеной. В Борковичусе (Housesteads) не было разделительной стены через проход между внешним и внутренним отверстиями ворот; но каждое из этих отверстий состоит из

двух арок, разделенных квадратным пирсом (15).¹³ У каждого ворот был каменный подоконник, приподнятый над уровнем каменной мостовой. Внутренний проход был окружен прямоугольными сторожевыми домиками. Шлюзы Борковичуса демонстрируют интересные следы реконструкции, которые указывают на тот факт, что вскоре после своего строительства станция была захвачена врагом. В последующее время римские жители уменьшили ширину ворот, замуровав половину двойных проемов. Очевидно, это было сделано в разное время, и восточные ворота несут на себе признаки того, что с ними обращались таким образом в более ранний период, чем с другими. Западные ворота были замурованы с большой изобретательностью. Северный из его внешних входов и южный из внутренних были заблокированы, так что противнику, выбравшему для атаки эту сторону станции, приходилось прокладывать себе путь через локтеобразный проход вместо прямого.

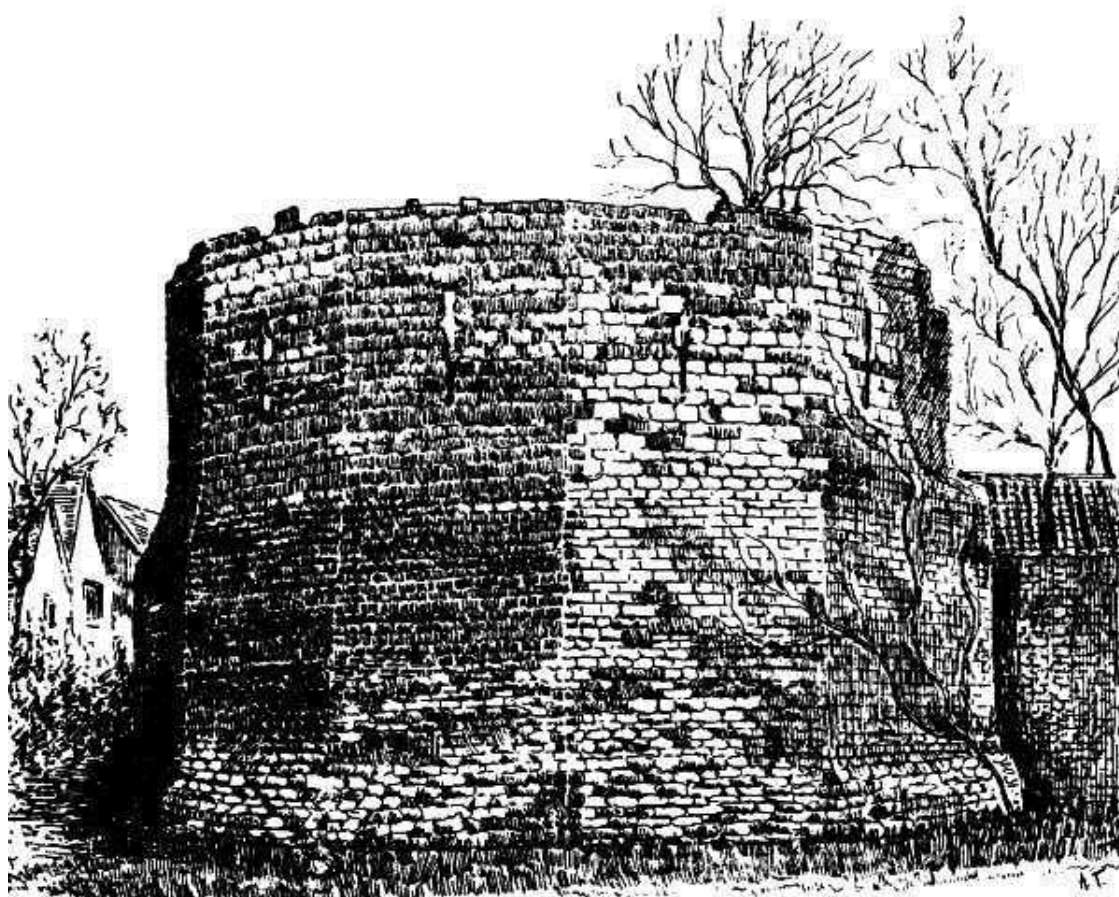
Борковичус; Западные ворота

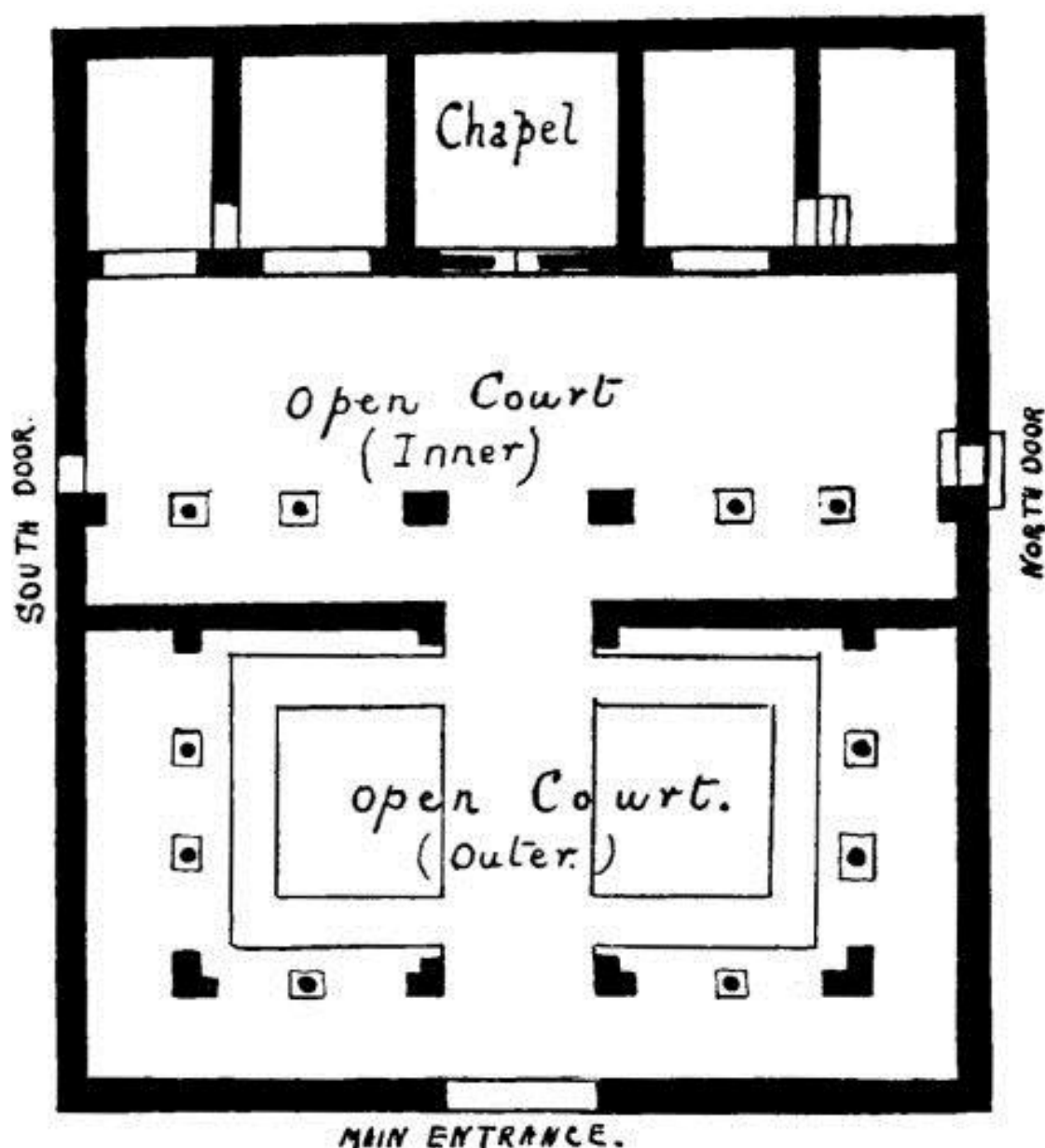
Певенси

Стена римской станции, расположенная между воротами, часто была обрамлена рядом башен, каждая из которых выступала из стены в форме полукруга или, скорее, больше, чем полукруг. Так было в некоторых крупных галло-римских городах, таких как Отен.¹⁴ Хотя округлая форма этих башен делала их трудными для подрыва, их вершины служили опорой для больших *баллист* или катапульт, из которых в атакующие силы можно было метать дротики или камни. Их расположение через равные промежутки времени позволяло защитникам контролировать всю линию стены между каждой парой башен, так что атака осаждающих обязательно была бы сосредоточена на самих башнях. В Певенси (16), где ограждение станции имеет почти овальную, а не, как обычно, прямоугольную форму,

сохранились остатки двенадцати массивных круглых башен, включая те, что примыкают к юго-западным воротам. В замке Бург есть четыре башни в восточной стене, две из которых являются угловыми.¹⁵ Из-за нехватки хорошего строительного камня в округе стены замка Бург не облицованы и построены из кремня с чередованием плиток; к стенам были прикреплены только верхние части башен. Фундамент башен составлял бетонное основание с платформой из дубовых досок наверху.¹⁶ Углы стены Римского Йорка были укреплены большими многоугольными башнями. Сохранилась большая часть одного из них, великолепного образца римской каменной кладки; он образовывал северо-западный угол города и был полым, как с внутренним, так и с внешним выступом (17). Никаких выступов наружу, по-видимому, не наблюдается на римской стене или в стенах ее станций. "Замки-мили", как уже отмечалось, построены с внутренней стороны стены. В Силурнуме (13) и Борковичусе есть фундаменты квадратных башен напротив вмещающих стен и внутри них, в то время как углы станций просто закруглены. Западная часть северной стены Борковикуса также была увеличена в толщину вдвое, очевидно, чтобы обеспечить надежное основание для большой катапульты, установленной на вершине стены. Утолщение было произведено в более позднее время, чем первоначальное здание, путем возведения внутренней стены и заполнения пространства между ней и внешним валом глиной. В Силурнуме, который, по-видимому, существовал еще до возведения великой пограничной стены, первоначальные восточные и западные ворота были оставлены на северной стороне стены, которая пересекает станцию. Поскольку они были, таким образом, недостаточно защищены, их засыпали массой щебня и, вероятно, использовали в качестве платформ для катапульт,¹⁷ на южной стороне стены были сделаны ворота меньшего размера.

Йорк; Многоугольная башня

Borcovicus; Praetorium

Внутри вокзала, как и в Линкольне, Йорке и Борковичусе, главная улица, или *виа принципалис*, вела прямо с севера к южным воротам.¹⁸ Центр вокзала, к западу от *виа принципалис*, был занят *преторием*, штаб-квартирой командующего легионом, отвечающей пространству, где во временном лагере были разбиты палатки генерала и его штаба. Как мы видели, место *претория* в торговых городах занимал *форум*. *Преторий* в Борковичусе состоял из двух прямоугольных площадок, открытых небу в центре. Внешний двор, главный вход в который выходил на восточную улицу или *виа претория*, был окружен с трех сторон колоннадой. Дверной проем, расположенный прямо напротив главного входа, вел в восточную колоннаду внутреннего двора. У него не было северной или южной колоннады, но были дверные проемы на север и юг: его западная сторона была занята линией из пяти прямоугольных камер, центральной из которых была часовня, где хранились штандарты с другими священными сокровищами, принадлежащими когорте,¹⁹ *Преториум* выходил окнами на восточную улицу вокзала, которая вела к восточным воротам или *porta praetoria*. Ворота в конце западной улицы назывались *porta decumana*.²⁰ Остальные здания станции состояли из прямых блоков, пересеченных полосами движения: большинство этих зданий

планировалось использовать в качестве казарм. Следует отметить, что при планировании римского вокзала или города-крепости *преторий* или *форум* был взят в качестве центральной точки: *виа принципалис*, чтобы беспрепятственно проходить от ворот к воротам, находилась, таким образом, на одной стороне оси прямоугольника, а северные и южные ворота²¹ не находились в центре соответствующих стен.

Очевидно, что с течением времени и ослаблением власти Рима в Британии оборонительный характер великой стены и станций, которые она соединяла, подчеркивался в ущерб их характеру как баз активных боевых действий. Но следует повторить, что римские базы в Британии не планировались как неприступные убежища для общин, в основном скотоводческих. Они были центрами для отрядов воинов, связанных друг с другом великолепной системой дорог. Римская станция в Дорчестере, очертания которой так хорошо сохранились до наших дней, была основана не в пределах крепостных стен Мейден-Касла или Паундбери, а на нижних склонах недалеко от переправы Фром. Единственный вал и единственный ров римского города были почти неизменны. Были необходимы свободный выход так же, как и вход, условия для нападения так же, как и для обороны; и, имея в виду эти цели, огромные земляные укрепления, такие как в Мейден-Касл, были бы громоздкими. Подразделения римских войск, как в Линкольне или Колчестере, иногда занимали часть *окружения* британского поселения; но очень редко, как в случае со Старым Сарумом, мы находим британский форт на холме, который также, вероятно, служил римской станцией. В данном случае оккупация форта была, несомненно, обусловлена его соседством с военной дорогой: дорога не была бы убрана со своего пути, чтобы включить форт в свое русло. Римские станции, хотя и различались по размерам, были маленькими и компактными по сравнению с большими и разбросанными территориями, занятыми британскими поселенцами. Пригороды естественным образом росли за пределами своих стен, и иногда, хотя и не очень часто, огороженная территория расширялась, чтобы включить в себя растущий внешний район. Многие антиквары предполагают, что это произошло в Линкольне, где первоначальная римская станция занимала вершину холма к северу от большой излучины Уитема, которая здесь сворачивает со своего северного направления прямо на восток. После того, как город Линкольн вернулся к гражданской жизни, практически весь склон холма к югу от первого *ограждения* был включен в состав города и окружен стеной. Часть восточной стены этого более позднего ограждения все еще видна: Стоунбоу, средневековые южные ворота города, расположенные примерно в ста ярдах от реки и моста, по-видимому, находятся на месте более поздних южных ворот римского Линкольна.²²

ГЛАВА II

САКСОНСКИЙ И ДАТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Вторжения саксов были грубым нарушением прогресса английской цивилизации. Романизированные бритты все больше и больше оказывались во власти захватчиков, поскольку солдаты были отозваны для участия в последних боях Западной империи в Италии. Варвары из страны к северу от стены, саксонские и ютийские пираты из-за моря видели в памятниках римской оккупации прекрасную почву для грабежа. Трудно оценить

разрушения, причиненные захватчиками. Но, помимо опустошения, причиненного тевтонскими иммигрантами и северными племенами, несомненно, что город-крепость римских времен не представлял собой достойного жилья для новых поселенцев. Тот факт, что их поселения примыкают к римским дорогам, таким как Эрмин-стрит или Фоссуэй, на расстоянии мили или около того от главной магистрали, сам по себе мало что доказывает; ибо виллы римского периода, которые, вероятно, включали, подобно *латифундиям* в Италии, значительное количество рабочих в каждом поместье, располагались на некотором расстоянии от главных дорог. Часто встречающиеся деревни — хамы, бочки и вортсы — были, однако, чем-то новым; и жизнь каждой деревни, для которой была сделана вырубка в лесистой местности, была пасторальной, а не военной. Этот факт важен в связи со скудными следами оборонительных укреплений, построенных во время саксонской оккупации. Кое-где природные возможности побудили саксонских захватчиков основывать поселения на местах римских городов. Географическое положение Лондона или Эксете́ра, расположенных в верховьях широкого устья реки, делало эти места естественными центрами движения, имеющими большое значение для торговых путей. С другой стороны, в то время как некоторые из крупных провинциальных столиц частично сохранили свою жизнь, другие *города* и более мелкие *оппиды*, или города-крепости, остались в запустении. Понс Элийский, недалеко от восточной оконечности римской стены, был заброшен до тех пор, пока в десятом веке на этом месте не был основан небольшой монастырь, а скопление домов, собравшихся вокруг него, не получило название Манканчестерский (Monkchester). Это место, однако, не восстановило своего значения и не стало постоянным поселением до тех пор, пока Завоеватель не основал там свой Новый замок на реке Тайн, который стал ядром города средневековья и нового времени. Военные базы на саксонском побережье были разрушены и заброшены. Мы знаем о разграблении Андериды в 492 году нашей эры: стены станции остались стоять, но более позднее поселение Певенси выросло на открытой местности за стенами. Ричборо, Отона в устье реки Блэкуотер, замок Бург не приютили новых поселений: новые деревни или городки Сандвич, Брэдвелл, Бург находились на некотором расстоянии от римских стен или за их пределами. Отона (Итанкестер) была заброшена, когда Седд сделал ее миссионерским центром в седьмом веке; и маленькая церковь, которая существует по сей день и, возможно, была собственной церковью Седда, была построена на месте восточных ворот станции. В Лестере, который стал важным датским центром, топография римского вокзала была сильно нарушена, и церковь Святого Николая, неф которой, вероятно, был построен немного раньше нормандского завоевания, была построена внутри стен прямо перед заблокированными западными воротами города. Такие города, как Честер, Глостер или Чичестер, которые сохранили линию своих римских улиц с небольшими изменениями, встречаются редко; и преемственность планировки не обязательно доказывает, что подобная преемственность существовала и в жизни этих мест. Напротив, нынешняя планировка обоих городов показывает, что четыре улицы сходятся на открытом пространстве или Карфаксе в центре города: над землей не осталось никаких следов закрытого *форума*, который в Силчестере и Корстопитуме составлял центр плана и направлял движение улиц. Силчестер, опустошенный саксонскими захватчиками, разделил судьбу Андериды, Отоны и многих других некогда процветающих романо-британских городов.

В истории Франции не было такого перерыва, какой вызвало саксонское вторжение в нашу собственную. Следствием этого является то, что главные столицы провинций в наши дни, центры местного самоуправления и религии, являются и всегда были городами римского происхождения, которые, хотя их латинское название не всегда сохранялось, сохранили названия галльских племен, среди которых они были основаны. Реймс, Париж, Амьен, Бове, Бурж, Ле-Ман, Тур, Руан, Санс, Труа, Шартр - города, занявшие наиболее заметное место в

истории Франции и содержащие самые благородные памятники французской религиозной архитектуры, имеют непрерывную историю со времен Римской Империи и даже раньше. Соборы христианизированной Галлии выросли в центре городов; со временем за стенами выросли аббатства, подобные аббатствам Сент-Уэн в Руане, Сен-Торен в Эвре, Ла Кутюр и Ле Пре в Ле-Мане. Крепости одиннадцатого и двенадцатого веков, как и более старый замок Руан, были основаны в уголке города, возможно, на месте римского *арх* или цитадели, значительные остатки которой мы располагаем на заброшенной римской станции Жублен (*Naeodunum Diablintum*). Со временем город разросся, распространившись на пригороды далеко за пределами первоначальных стен: пригород возник вокруг соседнего монастыря. Контур стен расширился за их старые пределы. Восточная римская стена могла быть разрушена, как в Ле-Мане, где собор находился в углу города, чтобы освободить место для постройки главной церкви XIII века: оборона города была перенесена на новое внешнее кольцо стен, линию которого можно увидеть на берегу Сарта. В пределах нынешних размеров таких городов часто можно проследить план римского вокзала: какими бы ни были превратности судьбы этого места, не проходило года, чтобы не смолкала болтовня на Вье-Марше или по Гранд-рю ежедневно не раздавались оживленные шаги. Но в английских городах соответствующего значения дело обстоит иначе. Если города были защищены от разграбления, то следы христианства и цивилизации были уничтожены. Если Йорк сохранил свое положение населенного города, его население должно было быть небольшим и бедным: английские правители Нортумбрии жили не в старой римской столице, а в загородных поселениях вроде Гудманхэма. История Йорка снова начинается с миссии Паулинуса и основания там первого саксонского собора. Мы также слышим о Линкольне в связи с Паулинусом, который освятил там церковь; и этот город, как и Йорк, был большим и важным во времена Завоевания. Но в обоих этих случаях, сначала английское вторжение, а затем датское, вызвало серьезные беспорядки в гражданской и религиозной жизни. Хотя есть свидетельства того, что саксонские епископы, правившие в Дорчестере (Оксон) в десятом и одиннадцатом веках, смотрели на Линкольн как на настоящее средоточие своей власти, он не восстанавливал своих позиций церковной столицы до тех пор, пока нормандский епископ не воздвиг свой собор в юго-восточном углу хилл-сити. Уже тогда собор стоял не фасадом к *виа Принципалис*, как в Ле-Мане, и не лицом к *форуму*, как в Кутансе, а в отдельном помещении, отдельно от основной жизни города. Когда мы думаем о великих церковных центрах Англии, есть некоторые названия, напоминающие о римской оккупации; но из них Чичестер, Эксетер, Линкольн не становились епископскими кафедрами до времен нормандского завоевания; Честер, хотя средневековые епископы Личфилда считали его одним из центров своей власти, никогда не был настоящей столицей их епархии. Бат и Олд-Сарум получили епископский сан от нормандских прелатов. Настоящими саксонскими соборными городами были деревни постримского происхождения — Личфилд, Уэллс, Шерборн, Дарем, Рипон, Элмхэм, Тетфорд. Этот факт знаменателен, поскольку на европейском континенте церковное значение города было результатом его выдающегося положения гражданской столицы округа. Выбор этих малоизвестных деревень для епископства саксонских прелатов свидетельствует о практическом оставлении римских городов захватчиками.

На самом деле саксы мало доверяли стенам: их сила после того, как они обосновались в этой стране, заключалась не в земляных или каменных сооружениях, а в границе леса или болота, которые простирались вокруг их поселений. Следовательно, в течение шести с половиной столетий, прошедших между окончательным уходом римских легионов и нормандским завоеванием, история военного строительства в Англии очень неясна. Каменные работы, которые можно отнести к саксонским, практически ограничены церквями. Те укрепления этого длительного периода, которые можно идентифицировать, полностью земляные. Лишь

в нескольких случаях мы слышим о строительстве каменной *ограды* или ремонте старой римской городской стены. Далее, можно с уверенностью сказать, что эти укрепления, по крайней мере до конца рассматриваемого периода, независимо от того, были ли их строителями саксы или датчане, предназначались для защиты не частных лиц, а сообщества. О частной цитадели или замке мы ничего не слышим до периода, непосредственно предшествовавшего завоеванию, а затем о нем слышат только как об иностранном ввозе.

Самыми мощными земляными сооружениями саксонского периода являются большие дамбы, известные как Вансдаик и Оффова дамба, с вспомогательными сооружениями Бокерлей даик и Уотс даик. Дамба Оффы, протянувшаяся от реки Ди на севере до реки Уай на юге, со рвом вдоль ее западной стороны, и параллельная линия дамбы Вата,²⁴ общепризнано, что она образовывала линию границы между мерсийским королевством Оффа (757-96) и территорией покоренных бриттов. Объект и дата строительства Вансдайка и дамбы Бокерли не столь ясны. Уонсдаик протекал от Бристольского канала близ Портисхеда, через северный Сомерсет и вдоль холмов к югу и юго-западу от Бата, проходил через Уилтшир, к северу от Девизеса и к югу от Мальборо и, покинув Уилтшир к востоку от Сэвернейк-парка, поворачивал на юг в направлении Андовера. Дамба Бокерли в ее нынешнем состоянии имеет длину всего около четырех миль и образует границу между Уилтсом и Дорсетом на дороге из Солсбери в Крэнборн. В обоих случаях ров находится на северной или северо-восточной стороне насыпи, что является явным доказательством того, что защита была обеспечена от нападения с этой стороны. Вансдаик, очевидно, является позднеримским или постримским произведением, поскольку местами он пересекает прилегающую римскую дорогу. Система, по которой он спланирован, напоминает систему римской стены в том смысле, что ее протяженность включает в себя ряд фортов, предположительно более ранних. Вывод, который кажется неопровержимым, заключается в том, что покойный генерал Питт-Риверс выдвинул предположение, что Вансдаик был воздвигнут римскими бриттами для защиты своего последнего убежища на юго-западе от вторгшихся саксов. Если это действительно так, то можно только удивляться энергии отчаяния, с которой был возведен этот огромный вал, и бесполезности попыток его строителей отразить вторжение только из внутренних районов страны. Победа Севлина при Диреме в 577 году привела к тому, что Глостер, Сайренчестер и Бат оказались в руках саксов и прервали сообщение между бриттами юго-запада и Уэльсом. Какую бы роль ни играл Уонсдаик, на холмах к северу от которых разыгралось сражение, в течение столетия, предшествовавшего битве при Дирхеме, его история, должно быть, завершилась завоеванием Севлина.

Первое фортификационное сооружение тевтонских захватчиков, о котором у нас есть какие-либо сведения, - это королевский город Беббанбург в Нортумберленде, который Ида (547-59), король Нортумбрии, назвал в честь своей жены Беббы. Это, как говорится в "Англосаксонской хронике",²⁵ сначала было обнесено живой изгородью, а затем — вероятно, намного позже времен Иды — стеной. Один из самых благородных английских замков стоит на базальтовой скале Бамбург, и его стены охватывают территорию столицы Иды. Но более позднюю крепость не следует путать с более ранней. Город Иды, который Пенда пытался сжечь в 651 году,²⁶ не был частным замком, который впоследствии осадил Уильям Руфус. Имя Беббанбурх имеет большое значение. *Бурх* или *бург* был термином, применявшимся саксами к укрепленным местам. Сиссбери в Сассексе, Бэдбери и Паундбери в Дорсете, Баттлсбери и Скретчбери в Уилтсе, Кэдбери, Долбери и Уорлбери в Сомерсете - ранние лагеря, которым саксы дали название *бурх*. Серобириг, более поздний Солсбери, был названием, данным ими великой крепости Старый Сарум. Питерборо и Бери-

Сент-Эдмундс носят названия, производные от *burh* и его дательного падежа *byrig*, и были городами, окруженными крепостным валом.²⁷ И, хотя, благодаря не очень удовлетворительному методу аргументации, саксонский *бурх* в целом был принят за прототип замка, те самые случаи, на которых в основном основывается этот аргумент, показывают, что *бурх* был укрепленным городом, а не крепостью отдельного лорда. Верно, что, во всяком случае, до времен Альфреда Великого, слово *бурх* подразумевает укрепленный дом, а также укрепленное скопление жилищ; но *бурги*, о которых мы читаем в связи с датскими войнами, были городами и деревнями. Этот термин эквивалентен римскому *oppidum*, французскому *bourg* или немецкому *burg*. Первый из саксонских императоров, Генрих Фаулер, сделал основание *бургов* ведущей частью своей политики:²⁸ Мерзебург, Бранденбург, Вюрцбург - все они носят знакомый суффикс. И если бы более поздняя эпоха не решила по ошибке назвать величайший из наших доисторических лагерей Девичьим замком, у нас был бы свой собственный Мейденбери, который можно было бы показать, гораздо более древний, чем немецкий Магдебург.²⁹

Некоторая неопределенность связана с редкими остатками укреплений *бургов*, “построенных” саксами и датчанами. Казалось бы, они не могли быть очень сильными. Оборонительные сооружения состояли из обычного земляного вала с частоколом наверху и внешнего рва; но можно с уверенностью предположить, что сила обороны заключалась главным образом в самом частоколе, и что берег и ров никогда не достигали устрашающих размеров. Телволл, недалеко от Уоррингтона, получил свое название от деревянного частокола, стены из выступов или вертикальных частоколов, которыми Эдуард Старший окружил деревню в 923 году.³⁰ Бывают исключительные случаи, когда мы слышим о каменной стене; но в этих случаях *бурх* был римским городом или станцией, а стена была римской стеной. Это можно справедливо предположить в отношении стены *крепости* Эдуарда Старшего в Таучестере (921). Так, безусловно, было в Колчестере, где датские защитники в том же году потерпели поражение от *фюрда* из Кента и Эссекса. Когда Альфред Великий “отремонтировал Лунденбург” в 886 году,³¹ он, несомненно, заделал слабые места в каменной стене, которую римляне возвели вокруг своего лондонского сити.

The *Бурх*, укрепленная цитадель саксонской общины, приобрел известность в результате датских вторжений в IX веке. Метод захватчиков был почти во всех случаях одинаковым. Прежде всего, как моряки, они искали на своих длинных кораблях устья рек и продолжали проникать вглубь страны, насколько позволяло течение. С оперативной базы, предпочтительно с острова на реке, где они могли бы безопасно разместить свои лодки, они отправились в близлежащую местность, сжигая и грабя. В 835 году в союзе с бриттами из Корнуолла они поднялись вверх по Тамару и вступили в битву с Эгбертом при Хингстон-дауне, к западу от Тавистока, в которой потерпели поражение.³² В 843 году они основали свое первое постоянное поселение во Франции, на острове Нуармутье, к югу от устья Луары: они вторглись на берега реки, разграбили Нант и убили епископа, а по окончании летней кампании обосновались на своем острове, чтобы построить дома для зимовки.³³ В течение следующих нескольких лет каждая из великих французских рек была наводнена бандами северных пиратов. Норманны в 845 году приплыли вверх по Гаронне к Тулузе и вверх по Сене к Парижу, где разрушения удалось избежать, только откупившись от них. Города, расположенные вблизи рек или морского побережья, неизменно подвергались разграблению. Иногда пираты, осмелев, покидали свои корабли и удалялись на некоторое расстояние вглубь страны. В 851 году, начав с Руана, они разграбили Бове. В 855 году, после сожжения Анже, они вышли на сушу и разграбили Пуатье. Однако в обоих случаях их обратный путь был успешно отрезан французской армией. В 856 году датчане сены устроили свои зимние квартиры в Джефосе, на излучине реки между Верноном и Мантом, недалеко от

Парижа. В течение следующих нескольких лет они укрепились на укрепленных постах в Уасселе, над Руаном, и в Мелене, над Парижем. Большая часть последних шестнадцати лет правления Карла Лысого (ум. в 877 г.) была занята защитой Парижа от их ежегодных набегов, ремонтом разрушенных ими мостов и, таким образом, отрезанием их возвращения из экспедиций вверх по Марне и Уазе. Но, хотя их постоянно проверяли, они всегда возвращались. Они сняли осаду Парижа в 885-6 годах, но только после того, как Карл Толстый расплатился с ними. Последнее крупное вторжение норманнов во Францию произошло в 911 году, когда по Сен-Клер-сюр-Эптскому мирному договору Карл Простой уступил герцогство Нормандия Ролло.

Фактическое поселение норманнов в Англии началось в 851 году, через восемь лет после оккупации Нуармуте. Они перезимовали в Танете, а оттуда поплыли вверх по Стауру и Темзе, захватив Кентербери и Лондон. Как и во Франции, их походы на сушу с лодок были менее успешными, и они потерпели серьезное поражение от Этельвульфа при Окли в графстве Суррей. Но неудача не помешала им вернуться. Как и во Франции, была принята система откупа от их нападений — готовый стимул к повторному грабежу. В 887 году они были в Хамбере и нанесли последний удар по ослабевающей мощи Нортумбрии при Йорке. В следующем году они вторглись в Мерсию вверх по Тренту и обосновались в Ноттингеме. 870 и 871 годы были примечательны своими сухопутными операциями. Поражение короля Восточной Англии Эдмунда при Саффолке сделало Мерсию и Линдси открытыми для их опустошительных действий и таким образом утвердило их власть в том, что впоследствии стало Данило; в то время как в 871 году в пределах досягаемости датского лагеря на Темзе в Рединге произошла великая серия сражений в Беркшире и Уилтшире, в которых была доказана храбрость Альфреда. Детали обороны Альфредом Уэссекса от норманнов хорошо известны: компромисс, достигнутый в Уэдморе в 878 году, сохранил юг Англии за англичанами, но установил датчан к северу от линии, которая может быть приблизительно представлена течением рек Уэлланд, Соар, верхний Трент и Мерси.

Однако Англии пришлось пережить длительную междоусобную войну в течение многих лет после смерти Альфреда. Напряженные усилия его детей, Эдуарда Старшего и Этельфлед, помешали людям Данло распространить свою власть на юг. Но северяне использовали упорную тактику, и не только внутренний враг, но и новые вторжения извне нарушали покой монархов Уэссекса во второй половине десятого века. После катастрофического правления Этельреда Бесцветного наступил период датского владычества над всей Англией; в то время как правление последних саксонских королей стало прелюдией к последнему вторжению норманнов, нормандскому завоеванию.

Наиболее интересной особенностью, с военной точки зрения, противостояния между Уэссексом и Данило, является систематическая оборона Мидлендских рек со стороны *бургов* во время правления Эдуарда Старшего, либо им самим, либо его сестрой Этельфлед. Этельфлед, которая основала свою главную резиденцию в Тамворте, на границе Стаффордшира и Уорикшира, правила Мерсией и укрепляла свою границу с 909 года до своей смерти в 921 году. Ее брат умер в 925 году: его деятельность по строительству *бургов* началась около 913 года. При постройке этих крепостей используются две фразы: их строители либо “ковали”, либо “обшивали бревнами” их. Оба слова, вероятно, означают одно и то же: город или деревня, подлежащие укреплению, были обнесены обычным деревянным частоколом.³⁴ Личность нескольких *бургов* неизвестна; но остальные могут быть классифицированы следующим образом: (1) *Бурги*, возведенные Этельфлед на берегах реки у ее границы: к ним относятся Ранкорн и, возможно, Уорбертон на Мерси, Бриджнорт и, возможно, Шрусбери на Северне, Тамворт и Стаффорд. на притоках Трента и Уорика на

Эйвоне. (2) Пограничными *бургами*, отнятыми Этельфлед у датчан, были Дерби и Лестер, оба на притоках Трента. (3) Эддисбери в Чешире, древняя горная крепость, была местом расположения одного из *бургов* Этельфлед: отсюда следует вывод, что существующий горный форт был обнесен частоколом по ее приказу и стал гарнизоном в качестве лагеря-убежища. *Бурги* Эдуарда, Уитэм и Мэлдон на Эссекс-Блэкуотер, от которых, вероятно, сохранились некоторые следы, относятся к классу (1), как и Телволл, его укрепленный пост на Мерси. К классу (2) относятся Колчестер, Хантингдон и Темпсфорд, первый на реке Кольн, два последних на Большом Узе. Ни одна из работ Эдварда не имеет никакой аналогии с классом (3), если не принимать во внимание его последний *бурх*, Бейквелл в Дербишире. Но (4) Бейквелл представляет собой продвижение на север вдоль вражеской границы и может быть заявлен, как и Таучестер, как относящийся к четвертому классу *бургов*, не связанных с судоходной рекой, но представляющих постоянную угрозу для врага. (5) Таучестер, однако, также может быть классифицирован вместе с Колчестером как римский *город* с каменными стенами. Шестой класс *бурга* был речным, как и класс (1), но с той разницей, что он был двойным. Там был один *город* на одной стороне, другой - на противоположной стороне реки. Речь идет о Хартфорде на реке Ле, Букингеме и Бедфорде на реке Уз, Стэмфорде на реке Уэлланд и Ноттингеме на реке Трент. Оба *бурга* в Хартфорде и Бекингеме были делом рук Эдуарда. В Бедфорде, Стэмфорде и Ноттингеме северный *город* был в руках врага, и Эдуард захватил его, превратив южный пригород в укрепленный пост с гарнизоном. Его действия были в точности аналогичны действиям Карла Лысого в 862 году. Он получил контроль над судоходными реками, разместив гарнизоны на обоих их берегах; естественными местами, которые он выбрал, были существующие города на реке, и гарнизон, как в Ноттингеме, был сформирован из местных жителей.

Некоторые из этих *бургов*, как мы видели, находились под оккупацией норманнов; и позже, когда граница западносаксонского королевства была отодвинута, а английские короли снова перешли к обороне, Линкольн, Ноттингем, Дерби, Стэмфорд и Лестер стали известны как пять *бургов*, центр датского могущества в Срединных Землях. Нет никаких оснований предполагать, что между *бургами* датчан и саксов существовала какая-либо существенная разница - что *бурх*, который Этельфлед захватила в Дерби, каким-либо образом отличался от ее собственного *бурха* в Тамворте. Когда датчане впервые высадились на берег реки или острова и вытащили на берег свои корабли, они построили то, что в Хрониках называется *geweorc*, то есть кованая вещь. Вероятно, это состояло из небольшого откоса и рва, окружавших их позицию со стороны суши. Там, где они построили постоянные жилища внутри *окружения*, *бург* вырос из *гевеорка*, точно так же, как римская станция выросла из простого лагеря. Однако небезопасно заходить слишком далеко во фразеологии Хроники или придавать ее словам слишком технический смысл; и факт остается фактом: термин *гевеорк* может быть очень хорошо применен к искусственному *бургу*. Датские *бурги* в Хантингдоне и Темпсфорде, вехи их продвижения вверх по реке Уз для восстановления Бедфорда в 921 году, называются без разбора *бурх* и *гевеорк*.

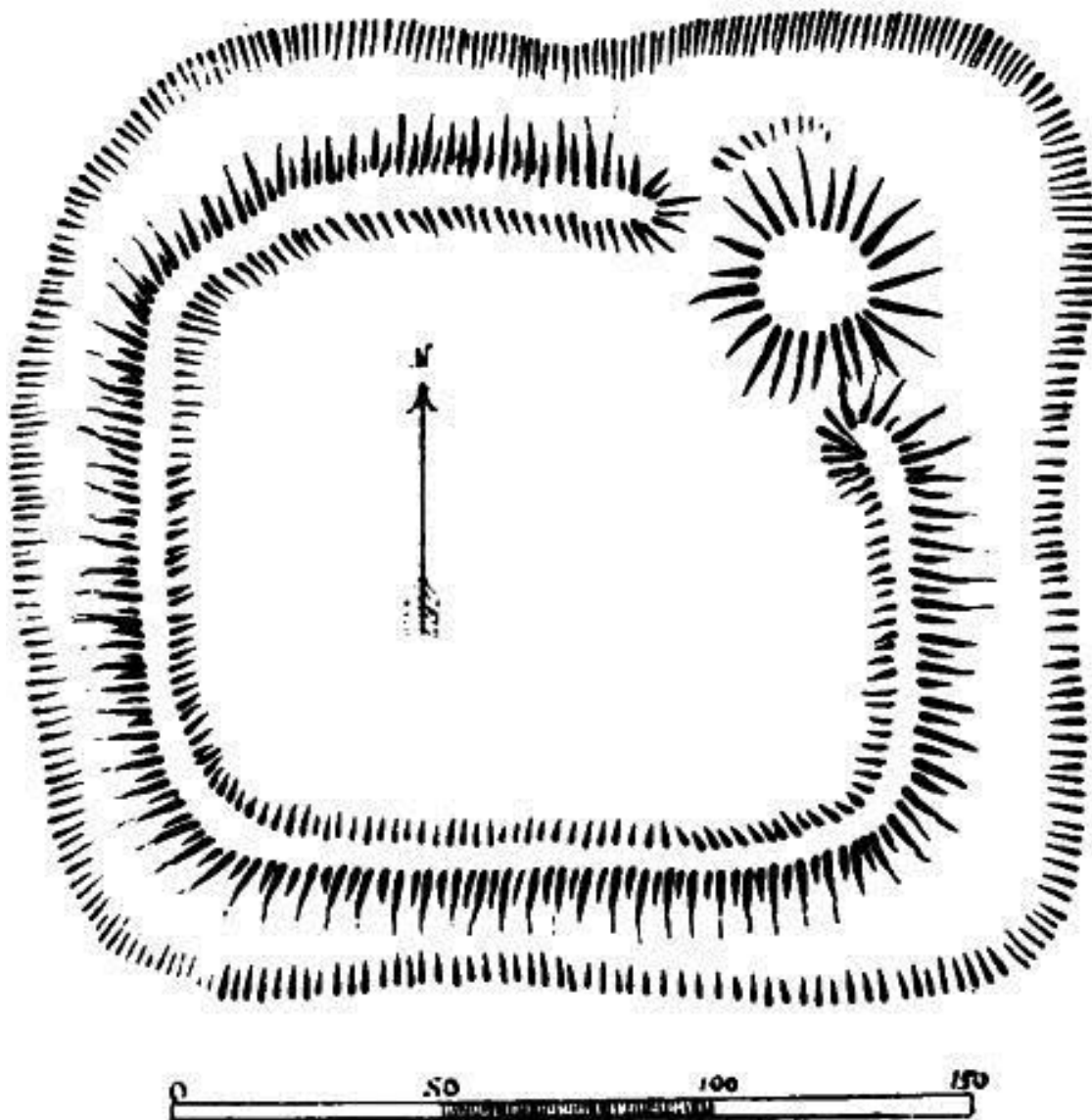

Карта саксонских и датских бургов

[Линия от Мерси до Уоша приблизительно указывает датскую границу.]

Многие из *бургов*, построенных или захваченных во время датской войны, после нормандского завоевания стали местами расположения замков; и наличие нормандского замка в таких местах привело к все еще популярному выводу, что замок просто узурпировал земляные укрепления более ранней крепости, и что, следовательно, *бурх* был эквивалентен более позднему замку.³⁵ Неудивительно, что все пять мест, где мы слышим о *бурге* по обе стороны реки, должны были быть выбраны для основания более поздних замков. Но земляные укрепления замков Хартфорд и Бедфорд, о замках которых есть записи в Букингеме и Стэмфорде, были частными опорными пунктами, которые составляли часть обороны одного из *бургов*, но не были идентичны ни одному из них. Ноттингемский замок Завоевателя, сильно преобразованный в своем нынешнем виде, смотрел со своего утеса из песчаника на северный *бург*, где Эдуард объединил англичан и датчан в одном общем деле защиты и гражданских узах.³⁶ Но даже если бы не было самоочевидно, что *бурх* идентичен

бургусу или *бургуму* из Domesday и “района”, организация которого играет столь большую роль в английской истории, есть один факт, который делает невозможной его идентификацию с замком. В Хартфорде, Бекингеме, Бедфорде, Стэмфорде, Ноттингеме было два *бурга*, но там никогда не было больше одного замка. Когда Завоеватель возводил замки по обе стороны реки в Йорке, он не повторял тактику Эдуарда Старшего буквально: он применил ее к форме укрепления, о которой Эдуард ничего не знал. Если тест, с помощью которого нормандский замок отождествляется с саксонским *бургом*, в этих случаях проваливается, нам, очевидно, запрещено проводить идентификацию в случаях одиночных *бургов*, таких как Уорик или Тамворт. Огромная земляная насыпь и внешняя стена, возвышающиеся в юго-западном углу Тэмворта, рядом с Тамеем, не являются остатками *бурга* Этельфлэд, хотя не исключено, что они были возведены на месте ее жилого дома. Ее *крепость* - сам город Тэмворт; и хотя ее стена из частоколов исчезла, здесь все еще сохранились следы рва, которым в восьмом веке Оффа окружил *крепость*.

Земляные работы в Темпсфорде.

В пределах этих оград нет никаких следов *арк* или цитадели. Их защитниками были горожане. Во Франции, по достаточно указанным причинам, искусство фортификации было более развитым. Римские традиции сохранились там без того резкого разрыва, который претерпела историческая преемственность Англии. В саксонской Англии не слышали ни о

какой крепости из камня и дерева, подобной той, которую Карл Лысый в 869 году построил в *окружении* аббатства Сен-Дени. Того состояния общества, при котором еще в 864 году Карл считал необходимым своим пистским эдиктом запретить своим вассалам возводить частные крепости без королевской власти, в Англии не существовало, и оно начало существовать там только два столетия спустя. В обоих веках нам приходится иметь дело с одними и теми же захватчиками, но с защитниками, уровень социального развития которых был совершенно разным. Хотя частная крепость или замок были завезены в Англию норманнами, и хотя связанный с ними тип земляных работ был в наибольшей степени развит норманнами не только в Нормандии и Англии, но и в Дании, тем не менее, вероятно, что самое раннее развитие этой формы земляных работ имело место на франкской земле. Датский *гевеорк* или *бурх*, где это можно проследить с какой-либо определенностью - и это в очень немногих случаях — предоставлял жилье для сил и, вероятно, гавань для их судов, но не частную крепость, принадлежащую видному лидеру. Земляное сооружение, называемое замком Ганнока (32), недалеко от Уз близ Темпсфорда, иногда считается *гевеорком*, сооруженным датчанами в 921 году. По плану он очень напоминает довольно небольшой замок маунт-энд-бейли обычного ранненормандского типа и мог вместить лишь очень небольшой отряд защитников. Но то, чем он отличается от обычного плана маунт-энд-бейли - небольшая гора, представляющая собой простое утолщение земляного вала, и отсутствие рва вокруг его основания, — может указывать на то, что здесь датчане предвосхитили своих норманнских преемников планом, с которым некоторые из них, возможно, познакомились во время мародерских экспедиций во Франции. Это, однако, всего лишь предположение, и полезность такой крепости для непосредственных целей датчан вполне может быть поставлена под сомнение.³⁷ О частных жилищах датских вождей и о том, насколько они могли быть похожи на замок более позднего типа, мы ничего не знаем. Аббатство Святой Марии в Йорке находится на месте Гальманхо, резиденции датских графов за западной стеной римского города, но от его земляных укреплений ничего не сохранилось. Если они вообще были значительными, как в замке маунт-энд-бейли нормандских времен, кажется странным, что от них не осталось никаких следов.

Подробности действий датской армии во время правления Этельреда Рыжего (979-1016) подробно описаны в Хронике. Они демонстрируют старую тактику, знакомую уже двести лет: длинные корабли подводятся к ближайшему пункту, удобному для грабительской кампании; там “армия садится на коней”, и они направляются по своему желанию вглубь страны, зажигая по пути свои “боевые маяки” - пылающие деревни в сельской местности. Год за годом записывается рассказ о бедствиях, пока в 1016 году не произошел раздел Англии между Кнутом и Эдмундом Айронсайдом. Вся история речных и сухопутных войн, грабежей и поджогов, выплаты Данегельда в качестве временной подачки армии ничем не отличается от записей о датских операциях во Франции в IX веке. Во Франции датское завоевание произошло быстрее, потому что захватчикам с самого начала приходилось иметь дело с изношенной цивилизацией: раздел Франции из-за превосходства датчан над их противниками был осуществлен в течение семидесяти лет после их первого поселения. Могущество Нормандии, однако, было сдержано возвышением династии Капетингов во второй половине десятого века: северяне строго соблюдали свои законы, и их последующая экспансия происходила не во Франции, а в Англии. С другой стороны, в Англии датским захватчикам IX века пришлось бороться с растущей мощью Уэссекса и расой, более молодой и энергичной, чем современные галлы Нейстрии. Поэтому их набеги были остановлены, а завоевание отложено до тех пор, пока уэссекский дом не пойдет своим естественным путем, а англичане и датчане не успеют практически слиться в одну нацию. Слава Уэссекса прекратится с Эдмундом Айронсайдом, слава датчан - с Кнутом. До смерти Кнута ребенок Вильгельм уже унаследовал герцогство Нормандия, принадлежащее его отцу,

а через тридцать один год после смерти Кнута Вильгельм был королем Англии, и, по всем практическим соображениям, вторжениям северян из Скандинавии пришел конец.

ГЛАВА III

АНГЛИЙСКИЙ ЗАМОК ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Замок - это частная крепость, построенная отдельным лордом как военная цитадель, а также как временное место жительства. В Англии во времена нормандского завоевания этот вид военной работы был известен как *castel*, слово, которое, очевидно, совпадает с латинским *castellum*. *Castrum*, *munitio* и *муниципиум* - названия, которые часто давали ему хронисты одиннадцатого и двенадцатого веков. Его существование было прямым результатом укрепления феодальной системы. Сеньор отделил свое жилище от жилищ своих вассалов: он защищал его от нападок других отдельных сеньоров, которые, естественно, стремились возвыситься за его счет; он также нуждался в крепости, которая при случае могла бы стать неприступной для самих этих вассалов и могла бы служить им постоянным напоминанием об их подвластном положении. Замок возвышался внутри *бурга* или как дополнение к нему, независимого оплота одного человека внутри окруженного стенами или частоколом города многих. Таким образом, в одно и то же время она защищала *бург* и внушала ему благоговейный трепет. Или он возвышался сам по себе, как Пиковый замок в Дербишире, на месте, где не существовало *бурга*, и поэтому во многих случаях привлекал небольшое сообщество искать его защиты.

Неограниченное количество замков подразумевает неограниченное количество независимых магнатов, неподконтрольных высшей власти, и каждый из них готов вцепиться в горло другого. Феодал, однако, был человеком короля, и поэтому его замок теоретически принадлежал королю. Мы уже упоминали о Пистском эдикте (864 г.), который предписывал разрушать все замки, построенные без королевской лицензии; и, за исключением периодов полной анархии, законодательство такого типа, защищающее феодальный порядок, действовало в средние века везде, где феодальная система лежала в основе конституции. Король был *де-юре*, если не *де-факто*, владельцем замков своего королевства.

Замок или частная крепость был характерной чертой французской общественной жизни и ведения военных действий, по крайней мере, с середины девятого века. Но в Англии это, безусловно, было незнакомой и почти столь же наверняка неизвестной особенностью вплоть до середины XI века. Датские пираты, которые до этого времени посещали Англию, пришли с севера и востока и перешли во Францию. Там, соприкоснувшись с феодальной системой, какой она существовала при более поздних каролингских монархах, они, возможно, научились пользоваться частной крепостью. В любом случае, когда норманны вернулись в Англию из своего континентального герцогства, они принесли с собой полностью организованную социальную систему Континента и ее самый могущественный символ - замок.

Аула Гарольда, с гобелена из Байе

Мы видели, что на протяжении саксонского и датского периодов *бурх*, дом общины, составлял единицу, если можно так выразиться, военной обороны с помощью укреплений. Можно с уверенностью предположить, что английский или датский дворянин жил в домах, подобных двухэтажному дому на гобелене из Байе, где Гарольд и его друзья пируют на верхнем этаже, в то время как первый этаж, по-видимому, образует подвал или кладовую (36).³⁸ Возможно, что такой дом, прототип более крупного средневекового жилого дома, иногда мог быть защищен окружающей его колючей изгородью или частоколом; но это не был замок. В одиннадцатом и двенадцатом веках замок означал для англичанина особый тип крепости, конструкция и план которой имели более или менее определенный характер. Свободная фразеология, которая в более поздние времена применяла название замка без разбора к доисторическим лагерям и средневековым усадьбам, еще не была общепринятой.

Первые замки на английской земле, по-видимому, были возведены норманнскими фаворитами Эдуарда Исповедника еще до завоевания и вызвали тревогу среди английского населения. В 1048 году какие-то иностранцы, или «валлийцы», как называли их англичане, вторглись на территорию Свейна Годвинссона в Херефордшире, построили замок — первое упоминание о подобном сооружении в Хронике — и причинили вред всей стране вокруг. То, что они были французами, явствует из событий 1052 года: одним из требований Годвина к королю в Глостере было то, что «французы из замка» должны быть сданы, и в том же году «французы из замка» помогли защитить границы от вторжения валлийцев. Сам факт, что крепость французов была известна как «*the* замок», доказывает, что это был, во всяком случае, незнакомый тип крепости. Но, если это был первый, вскоре были построены другие. Когда Годвин вернулся из своего изгнания в 1052 году и заставил себя вернуть расположение Эдуарда, французы в Лондоне покинули город. Архиепископ Кентерберийский Роберт Жюмьежский направился к восточному побережью: некоторые бежали на запад, в замок Пятидесятницы, который, вероятно, идентичен крепости Херефордшир, другие — на север, в замок Роберта, который теперь отождествляется с Клаверингом в Эссексе. Предполагается, что херефордширский замок находился в Эвиас-Гарольде, примерно в двенадцати милях к югу от Херефорда, где до сих пор сохранилась огромная гора нормандской крепости на северо-западной стороне деревни.³⁹

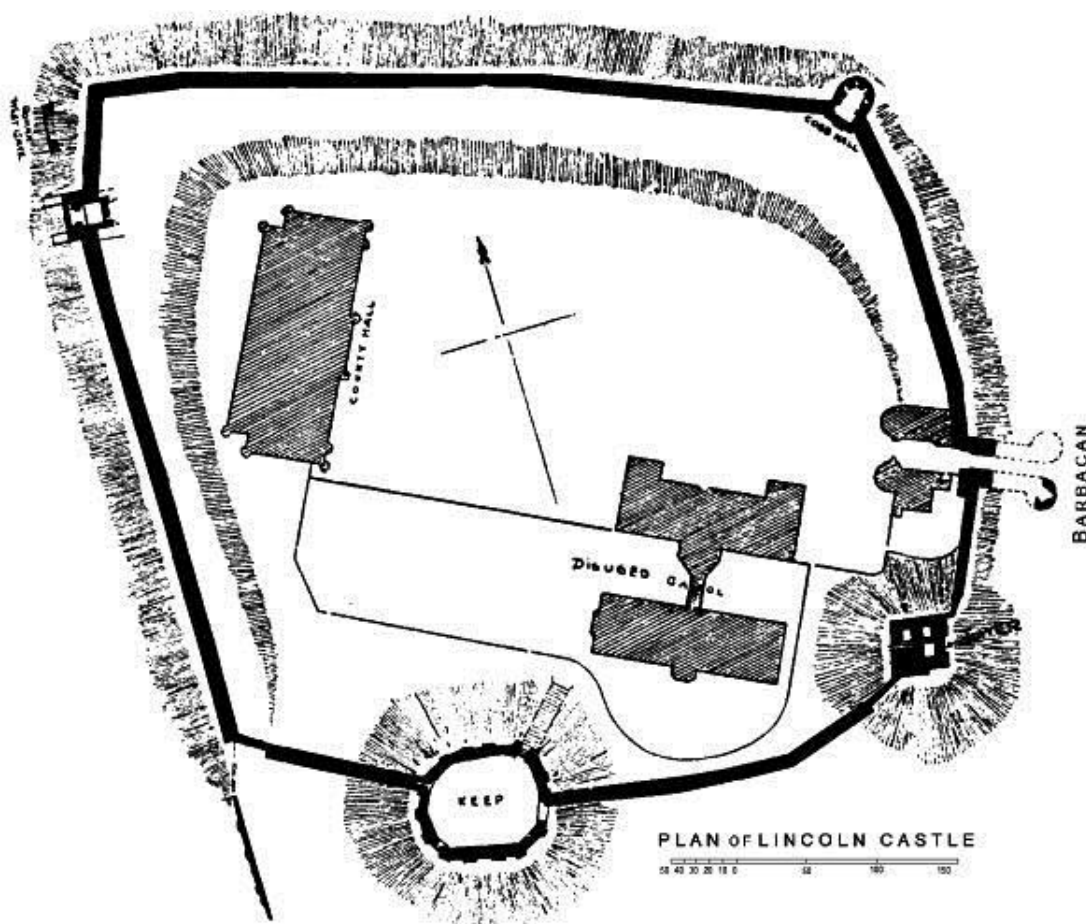

Замок Гастингс: с гобелена из Байе

Возможно, эти два замка были не единственными в Англии до Завоевания. Ссылка на Арундел в Книге Страшного суда, например, по-видимому, подразумевает почти такое же раннее происхождение тамошнего замка.⁴⁰ Ордерик Виталис говорит о Дувре так, как будто там уже был замок, когда Вильгельм Завоеватель штурмовал город после Гастингса.⁴¹ Но Ордерик является нашим авторитетом в важном и недвусмысленном заявлении о том, что в 1068 году “крепостей, которые галлы называют *кастелла*, было очень мало в провинциях Англии; и по этой причине англичане, хотя и воинственные и отважные, тем не менее показали себя слишком слабыми, чтобы противостоять своим врагам”.⁴² Заявление такого рода сразу опровергает теорию о том, что *бурги* датских войн были замками; вряд ли можно утверждать, что таких *бургов* было очень мало или что англичане не воспользовались ими. На самом деле, когда Вильгельм приехал в Англию, его военная политика заключалась в основании замков, и многие из них в местах, которые были и остаются *бургами*, где, если *бурх* и замок были одним и тем же, в основании замка не было никакой необходимости. *Arcem condidit, castellum construxit, munitionem firmavit*— термины, которые используются снова и снова для описания создания этих новых опорных пунктов. Для Вильгельма сила монарха заключалась в замках, которыми он управлял; во время войны замок был его естественной базой операций. Его первой работой по высадке в Гастингсе было возведение замка (38). Гарольд, с другой стороны, хотя, как показывает нам гобелен из Байе, он кое-что повидал в замках и осадной войне в компании Вильгельма, доверил свою защиту стене из щитов своих людей и защите берегов и рвов старого земляного вала перед своей позицией. В 1067 году, после своей коронации, Уильям остановился в Баркинге, недалеко от стен Лондона, в то время как город, Лунденбург, стены которого восстановил Альфред, был охвачен благоговейным страхом перед строительством определенных *небоскребов*— один из них, без сомнения, Белая башня, другой, вероятно, замок Байнард, недалеко от нынешнего Блэкфрайарса.⁴³ Снова мы находим его в Винчестере, строящим мощную крепость внутри городских стен — замок внутри *бурга*.

Операции Уильяма в 1068 и 1069 годах имели большое военное значение. В 1068 году он подавил сопротивление Эксете́ра. Город по-прежнему был окружен римскими стенами, к которым жители теперь пристроили новые зубчатые стены и башни. Они охраняли проходы под валом и выступы стены,⁴⁴ которую Уильям в течение восемнадцати дней пытался подорвать. Когда, наконец, ему передали ключи от города, его первой работой было выбрать в пределах городских стен место, где можно было бы возвести замок; и, уезжая, он оставил, как и в Винчестере, констебля, отвечающего за замок, королевского наместника, которому

было поручено удерживать *бург* под контролем. Из Эксетера восстание на севере призвало Вильгельма в Йорк. Повстанцы, нерегулярная банда флибустьеров, организовали оборону в отдаленных местах в лесах и в устьях рек; некоторые из них укрылись в крупных городах, которые они поддерживали в состоянии фортификации. Путешествуя на север, Уильям основал замки в Уорике и Ноттингеме. Он построил крепость в городе Йорк, а по пути домой основал замки в Линкольне, Хантингдоне и Кембридже. Не успел он покинуть Йорк, как мятежники снова зашевелились; было предпринято движение в защиту этелинга Эдгара, и была вызвана датская помощь. Уильям Малет, губернатор Йоркского замка, подвергся сильному натиску врага. Завоеватель пришел ему на помощь и в результате этого визита основал второй замок в Йорке. Однако от обоих замков было мало толку, когда пришли датчане. Гарнизон одного или обоих опрометчиво двинулся сражаться с захватчиками в самом городе и был перебит. Знаменательным фактом является то, что замки были оставлены открытыми и заброшенными; ни йоркам, ни датчанам они были ни к чему. Когда Вильгельм снова двинулся на север в своей кампании возмездия, он отремонтировал оба замка. Вскоре после этого, во время своей экспедиции в Уэльс, он основал замки в Честере и Шрусбери.⁴⁵

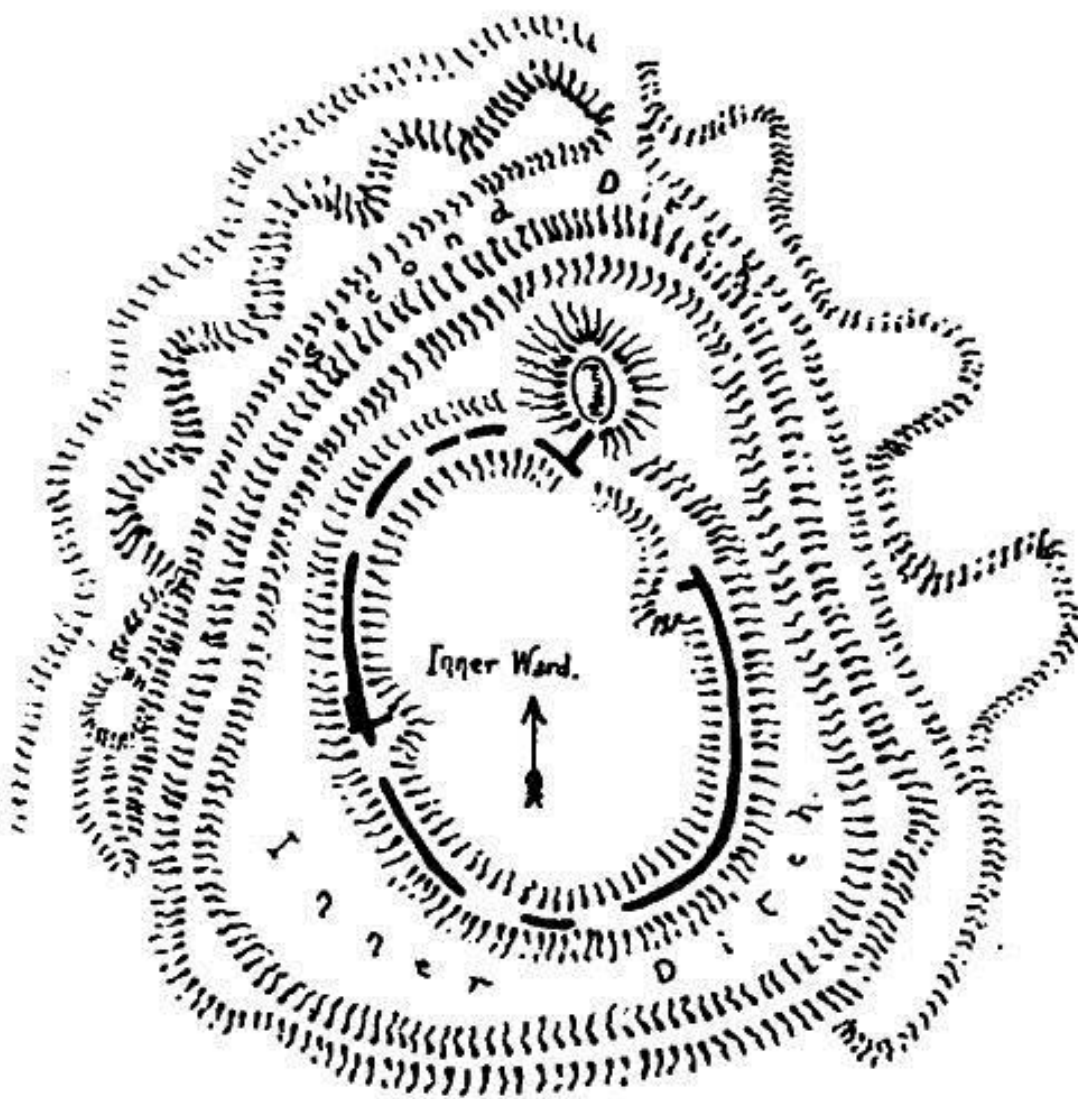

Линкольн; План

Что мы находим сегодня в тех местах, где Вильгельм основал свои первые английские замки? В Гастингсе, на утесе, отделяющем старый город от современного уотерспейс, в пределах линий земляных насыпей находятся важные остатки более позднего каменного замка, которые, без сомнения, принадлежат Уильяму. Гора сохранилась в северо-восточном углу ограды: более поздняя навесная стена была перенесена на ее сторону и поверх нее. Нынешние остатки замка Винчестер относятся ко времени Вильгельма. В Эксетере сторожка ворот и большая часть прилегающей каменной кладки замка, несомненно, относятся к очень

ранней “нормандской” эпохе. В Лондоне у нас есть Белая башня, вероятно, значительно расширенная по сравнению с ранним планом Уильяма и не достроенная до правления его сына. Но каменные крепости Лондона и Эксетера были исключительными. Когда мы переходим к его северным замкам, мы обнаруживаем, что в Уорике, Йорке, Линкольне, Хантингдоне, Кембридже и Шрусбери план замка состоит из двора или закрытого пространства,⁴⁶ с высокой горой на линии его внешней обороны и сбоку или под углом к *ограде*, удаленной от главного входа. В Ноттингеме план старинного замка не так-то просто разобрать. Но в других случаях, хотя в разные периоды средневековья пристройки делались из камня, ядром плана является комплекс земляных работ, который принимает такую форму — *мотт* или гора с прикрепленным к ней бортиком. В Линкольне есть две горы. В Йорке есть два замка, по одному на каждом берегу реки, но у каждого своя гора. На холме замка к северо-востоку от реки находится более поздняя каменная крепость; на холме юго-западного замка никогда не было каменной кладки, и его двор сейчас почти застроен современными домами.

Наличие двойного замка в Йорке было большим искушением для тех, кто отождествлял бы замок с *бургом*. Укрепление обоих берегов реки, на первый взгляд, настолько похоже на систему, принятую Эдуардом Старшим, что замки Йорка часто упоминаются как *бурги* времен Эдуарда Старшего, и был сделан вывод, что аналогичные земляные сооружения, должно быть, существовали в Ноттингеме, Стэмфорде и так далее. Эта идея совершенно несостоятельна. Если бы Вильгельм последовал примеру Эдуарда и Этельфлед, он бы просто отремонтировал или обновил оборону двух дивизий *бурга* в Йорке.⁴⁷ Но то, что он должен был противопоставить духу восстания в самом *бурге*, а также возможному использованию водного пути датскими пиратами. Какой замок он первым основал в Йорке, мы не знаем. На полосе земли, протянувшейся между Узом и Фоссом, за пределами *бурга*, и между ним и речными подходами к городу, возвышался один замок. Другая крепость, известная в более поздние времена как Олд-Бейл, возможно, с самого начала частично находилась в пределах крепостных валов южного *бурга*. Позже, во всяком случае, городская стена была построена поперек подножия внешней стороны его склона и окружила двор с двух сторон. В других местах различие между замками Вильгельма и *бургами*, в пределах которых они выросли, очень заметно. В Линкольне замок заполнял угол римского города. В Кембридже гора возвышается на самой высокой точке большого ограждения — оригинального *бурха*, — окруженного земляными валами раннего периода. Далее, если требуется какое-либо документальное подтверждение чего-либо столь очевидного, как особая природа замка и *бурга*, “Судный день” проясняет этот момент. Помимо свидетельств, которые он дает нам относительно района или *бурга*, в одном месте говорится о *burgum circa castellum* — *бурге* вокруг замка. В качестве примера можно привести замок Татбери в Стаффордшире, прекрасный образец крепости маунт-энд-Бейли.⁴⁸ Одной из важных особенностей здесь является то, что замок, очень большой по площади и с рвом большой глубины с двух сторон, по-видимому, был возведен на месте раннего городища или *бурга*, и что фактический *бург* вокруг замка, современная деревня Татбери, вырос под его защитой на склоне в сторону Дав.

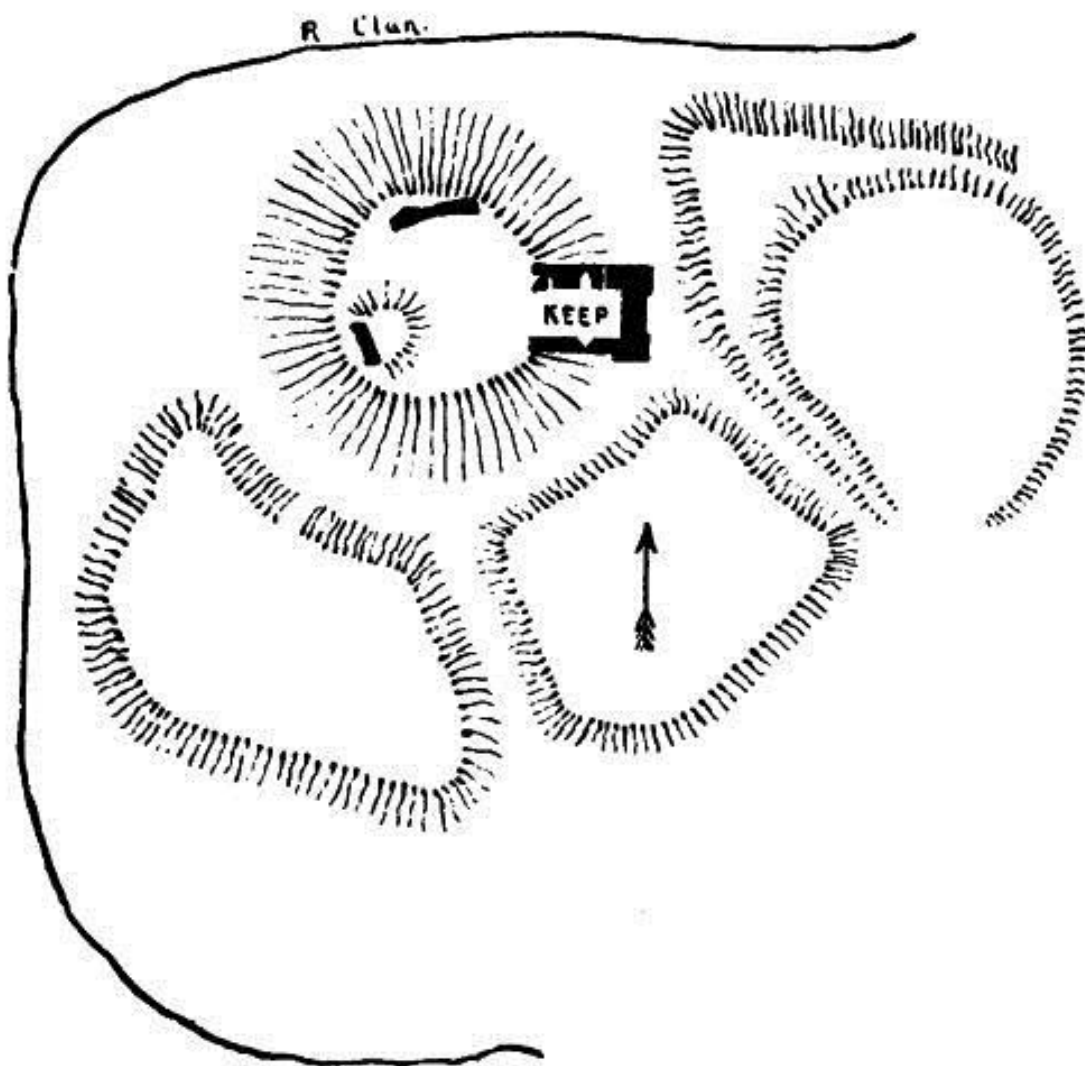

Беркхэмпстед

Таким образом, замок был ввезен норманнами в Англию. Это была крепость с определенным планом, так что слово "замок" не имело смутного значения для английского уха. Во многих случаях он находится в непосредственной близости от *бурга* или укрепленного жилища общины; но это была королевская цитадель, находящаяся в ведении отдельного человека, и его целью было одновременно защищать и удерживать *бург* в подчинении. Или, опять же, он может занимать, как в Татбери или Конисбро, всю территорию раннего *бурга*; но в таких случаях характер *бурга* полностью меняется из-за присутствия замка, и место обитания общины перемещается на окраину ограды. В Йорке, Линкольне и других местах, где замок был построен на территории *бурга*, Domesday сообщает нам, что это место было *обширным в кастеллисе*—то есть, что дома были снесены, чтобы освободить место для новых земляных работ.

Восьмерку с удлиненной и расширенной нижней частью, образующей внутренний двор, можно принять за обычную форму плана замка. Часто, как в Беркхэмпстеде (42), где гора и дворцовый двор были окружены широким заболоченным рвом и внешними земляными валами, дворцовый двор занимает гораздо большую часть рисунка на плане; и только в небольших и неважных укреплениях дворцовый двор образовывал, как в Мексборо, просто передний двор перед горой. В Олнвике (115) гора стояла как часть внешней защиты ограды, на склоне к реке; но она была расположена так, что отделяла западный, или внешний, двор

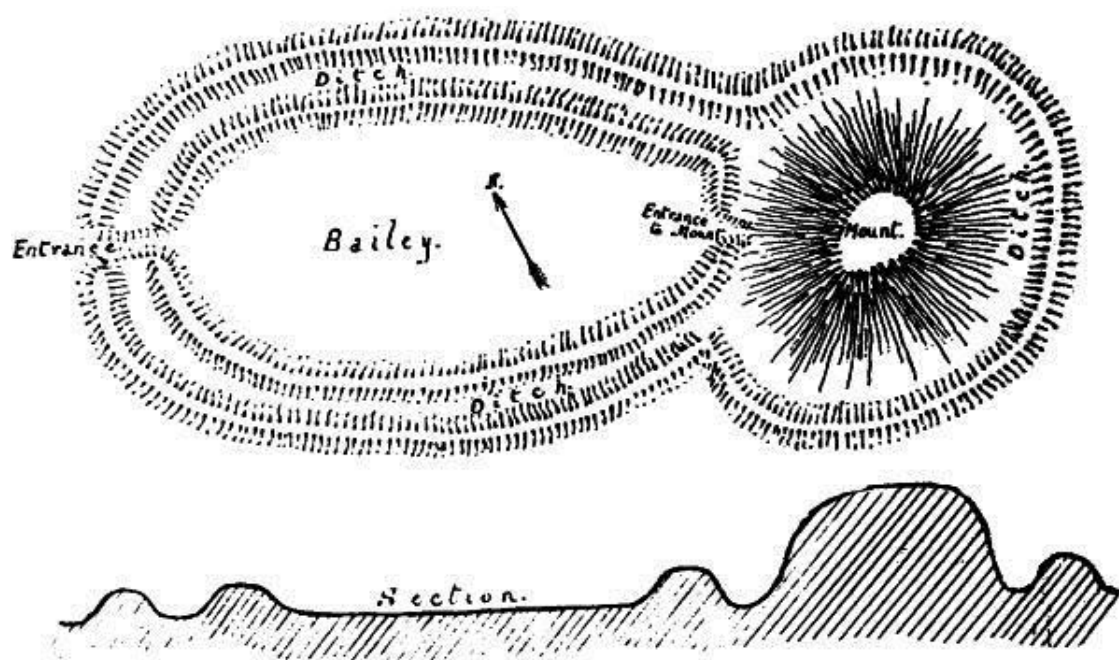
от восточного, или внутреннего, и почти заполняла пространство между ними. Организация в Беркли (186) в чем-то похожа. Если бы большую гору в Линкольне (40) перенесли в центр нынешней ограды, а линии внешней стены вернулись внутрь, чтобы встретиться с ней, был бы получен план Алникика. Возможно, однако, что как в Олнвике, так и в Беркли внешний двор может служить продолжением более раннего плана или, возможно, был просто прикрывающей платформой, как внешние земляные укрепления в Гастингсе. Более поздние каменные укрепления в обоих случаях скрыли первоначальный дизайн.

Кланьяся; Планировать

Хотя план следовал четким и знакомым линиям, у замка не было фиксированных размеров. Гора предназначалась для установки мощной башни или донжона: во дворе замка находились обычные жилые помещения гарнизона и такие хозяйственные постройки, какие могли понадобиться. Внутренний двор, имевший в целом овальную форму, был окружен низким земляным валом, за пределами которого тянулся более или менее глубокий сухой ров с парапетом или контрэскарпом на дальней стороне. Гора была окружена собственным рвом, к которому в двух местах примыкал главный ров со стороны двора. Вход в замок находился в конце двора, напротив горы. Эти расположения могут варьироваться: лошадь может находиться внутри ограждения, даже, как в Пикеринге, в его центре, и положение входа может быть другим, если того требует место. Дворов могло быть несколько, и они могли располагаться бок о бок, разделенные промежуточным рвом, как на довольно ровном участке в Клане (43), или торцом к торцу, как на гребне в Монтгомери, или небольшой двор

мог выступать как своего рода надворная постройка, общая как для маунта, так и для бейли. [49](#) Однако обычная схема была такой, как описано. Гора могла быть любой высоты, огромных пропорций, как в Тетфорде, или более скромных размеров, как в Бреконе или Трекасле. Обычно это было полностью искусственно, но иногда выбирались позиции, в которых земля оказывала естественную помощь. Гора, например, в Хедингеме в Эссексе, на ровной вершине которой позже был построен квадратный донжон, кажется частично естественной; в то время как большая гора в Маунт-Бурес, недалеко от нас, полностью искусственная. Внутренний двор, опять же, может сильно различаться по размерам. Он может иметь очень большую площадь, как в Линкольне и Татбери, умеренную площадь, как в Уоркуорте ([49](#)) или Дареме ([199](#)); или он может быть маленьким и компактным, как в Трекасле ([44](#)). Известно много случаев, как, например, на Клиффордс-хилл, недалеко от Нортгемптона, где гора встречается сама по себе: в таких случаях двор замка, возможно, исчез в результате местного возделывания, и, возможно, осталась только более важная часть земляных работ. Но также вероятно, что кое-где укрепленная гора с башней на вершине была бы всем, что требовалось, и что отсутствие большого гарнизона сделало бы внутренний двор ненужным. Размер двора, в любом случае, будет зависеть от важности позиции и требуемой численности гарнизона.

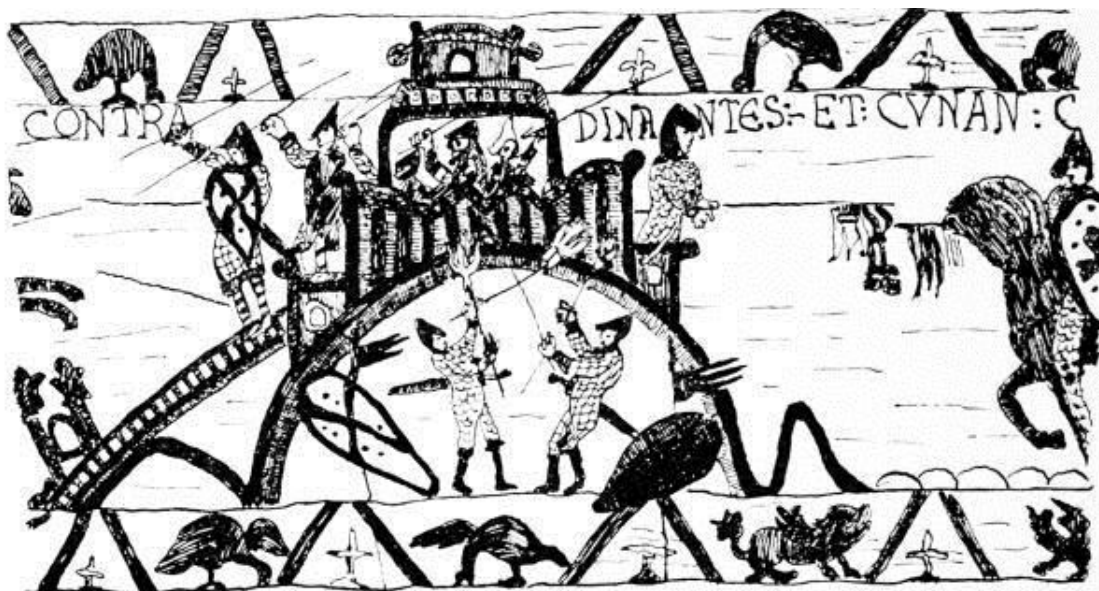

Построить замок; Спланировать

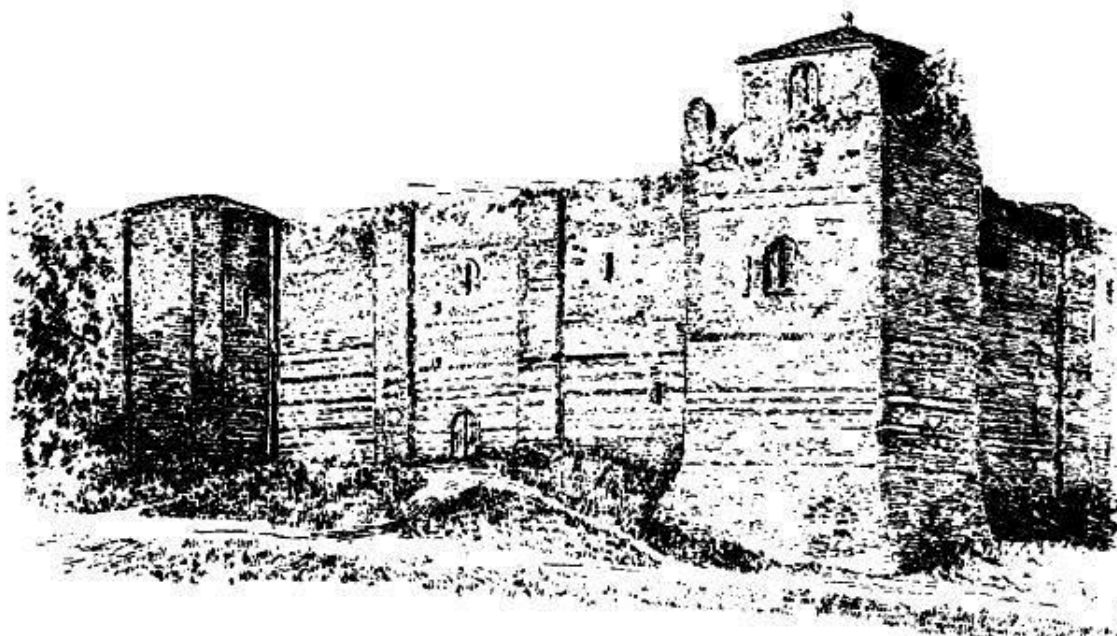
Реннский замок: с гобелена из Байе

Гора, во всяком случае, была неотъемлемой чертой крепости этого типа. Гобелен из Байе дает нам изображения некоторых из этих крепостей, достоверность которых подтверждается остатками таких замков, которыми мы располагаем, и некоторыми документальными свидетельствами (38). Обращает на себя внимание два момента: (1) Все изображенные верховые животные либо родом из Нормандии и Бретани, либо, как *кастеллум* в “Гестенгейстере”, являются работой норманнских рук. (2) Укрепления, показанные в связи с этими горами, сделаны из дерева, а не из камня. Точность гобелена не является абсолютно фотографической, но рабочие хорошо знали тип сооружения, которое они хотели изобразить. Фактически, их работа, будь то замок Дол, или Динан, или Байе, или Гастингс, дает нам повторяющуюся картину общепризнанного типа замковой горы. И два только что отмеченных момента приводят нас к выводам, (1) что замок был чужд Англии и англичанам, и (2) что проверенное временем представление о том, что англичанин возвел земляные валы,⁵⁰ и норманны построили на них каменные замки, открыто для возражений, поскольку факт в том, что каменный замок был исключением в самой Нормандии. На фотографии бретонского замка Динан (46), как и в разрезе, изображена большая гора в форме пудинга, окруженная рвом, с низкой насыпью земли со стороны двора замка. На вершине горы находится башня, явно из дерева. По краю холма, опоясывающего башню, находится частокол, состоящий из стоек с прочными заграждениями между ними — сооружение, к которому вполне можно применить описание Цезарем его брустверов в Алезии.⁵¹ Доступ к горе осуществляется по крутой лестнице, вероятно, сделанной из досок с прибитыми к ним выступающими кусками дерева для опор, которая перекинута через ров и имеет подножие во дворе замка. Сама гора — и это может быть доказано многими сохранившимися примерами — слишком крута, чтобы на нее можно было легко взобраться; а лестница, хотя и обеспечивает защитникам отличное сообщение с внутренним двором, вряд ли может быть взбрана безнаказанно силами противника. Лестница заканчивается деревянной платформой на краю горы, которая служит *подпоркой* для гарнизона, перед частоколом. На снимке, изображающем строительство замка в Гастингсе, в процессе возведения находятся деревянная башня и частокол. Пионеры заняты выкапыванием земли из рва для своего почти законченного сооружения и уплотняют поверхность ударами плоских лопат (38).

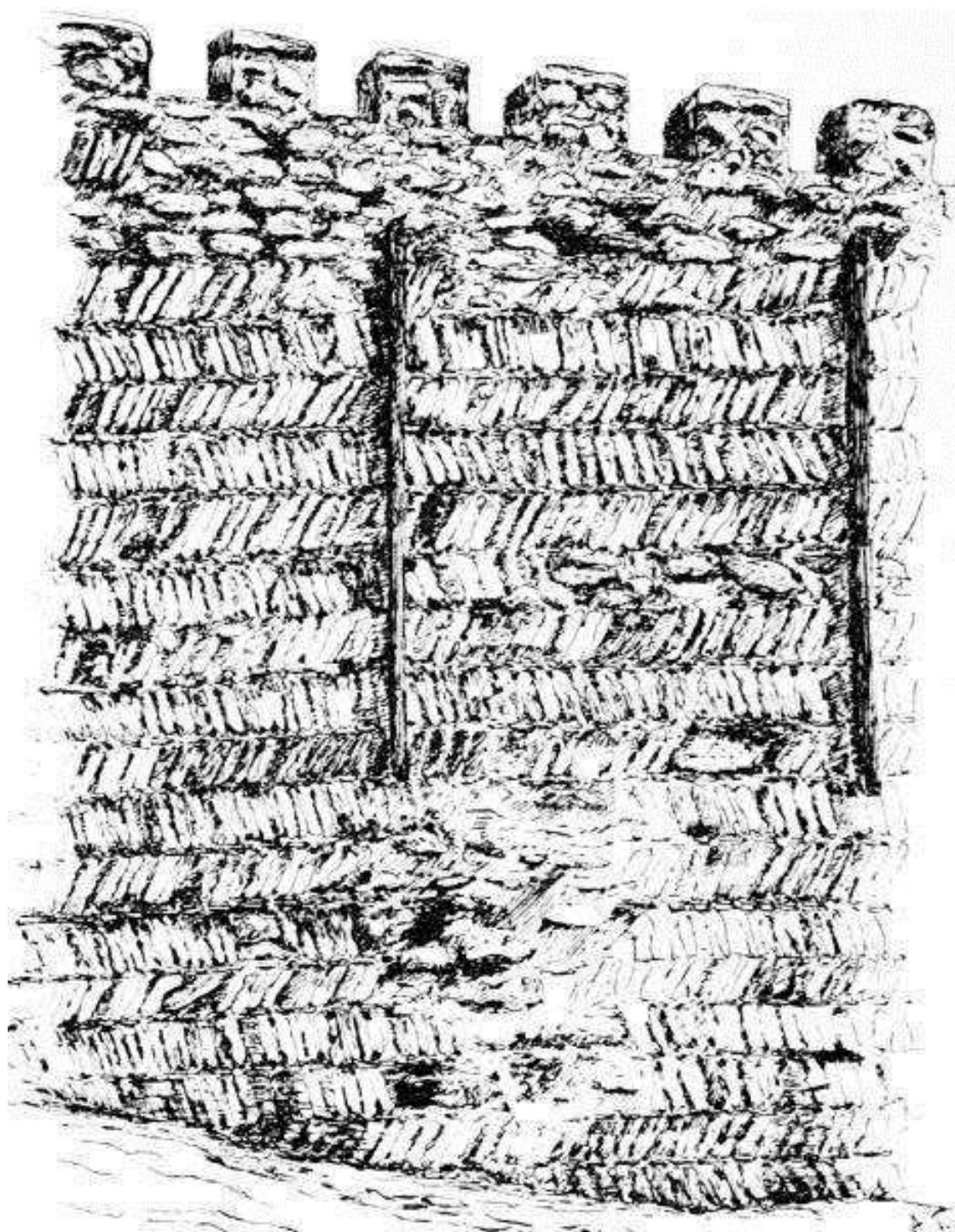
Замок Динан: с гобелена из Байе

Во Франции гора обычно была известна как *монт* из-за дерна, из которого она была сложена, и появление слова *Lamotte* как части топонима является таким же красноречивым, как название *Mount Bures* в Англии. Но распространенным названием для *motte*, использовавшимся средневековыми авторами, было латинское *dunio* или *domgio*, искаженная форма слова *dominio*. Это стало по-французски *донжоном*, а по-английски - *подземельем*. *Монт* в Кентербери до сих пор известен под искаженным именем датчанина Джона. На горе, символе владычества феодала и центре его *доминиума*, или владения, возвышалась его мощная башня; и этой башне было передано название горы. Когда башня на горе была заменена тяжелой и высокой прямоугольной или цилиндрической башней более поздних времен, новая башня сохранила старое название. Благодаря странному переносу значения, наше английское *подземелье*, часто применявшееся к главной башне замка до семнадцатого века, стало ассоциироваться со склепами или кладовыми в подвале такой башни и теперь напоминает нам не столько о власти строителей замка, сколько о жестокости, с которой они, как предполагается, осуществляли эту власть.

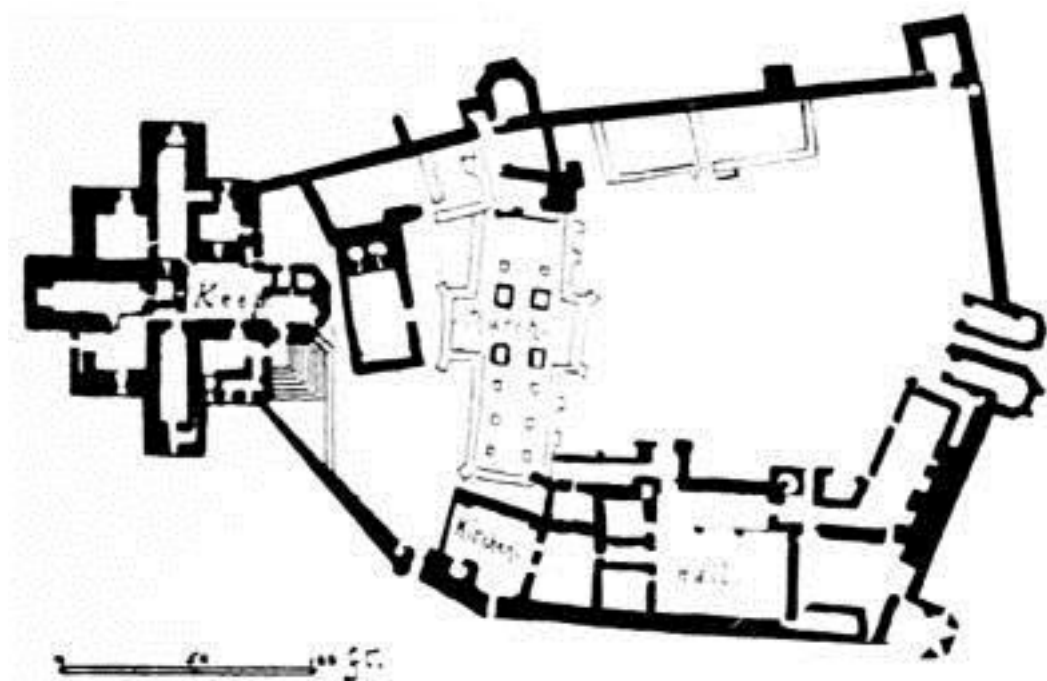

Колчестерский замок: великая башня или цитадель.

Можно с уверенностью предположить, что подавляющее большинство замков одиннадцатого и начала двенадцатого века были построены по этому плану. Были исключения, и, конечно, в нескольких английских замках сохранилась каменная кладка периода завоевания. В Лондоне и Колчестере (47) изначально были прямоугольные донжоны. В Ричмонде (93) каменная кладка части занавеса и нижней части прямоугольной башни, несомненно, относится к одиннадцатому веку, когда замок был построен Аланом Бретонским. В нескольких других местах, в занавесе в Тэмворте (48) и в части занавеса в Линкольне, сохранилась каменная кладка одиннадцатого века. Но подробнее об этих случаях будет сказано позже. Здесь достаточно сказать, что в большинстве случаев каменная кладка является поздненормандским или плантагенетским дополнением к ранненормандским земляным работам. В Ньюкасле часть ранней горы сохранилась бок о бок с башней конца двенадцатого века вплоть до последних ста лет. Уоркворт, самый поучительный из английских замков, сохранил основание своей горы и территорию своего первоначального двора: на горе стоит крепкая башня начала пятнадцатого века; на линии берега Бейли находится каменный занавес примерно 1200 года постройки; в пределах района находится ряд тщательно продуманных и красивых зданий, датируемых двумя или тремя датами (49). Уоркворт является воплощением истории замка, начиная с его нормандского происхождения и заканчивая практическим отождествлением в позднем средневековье с большим поместьем; и к Уоркворту мы еще не раз вернемся.

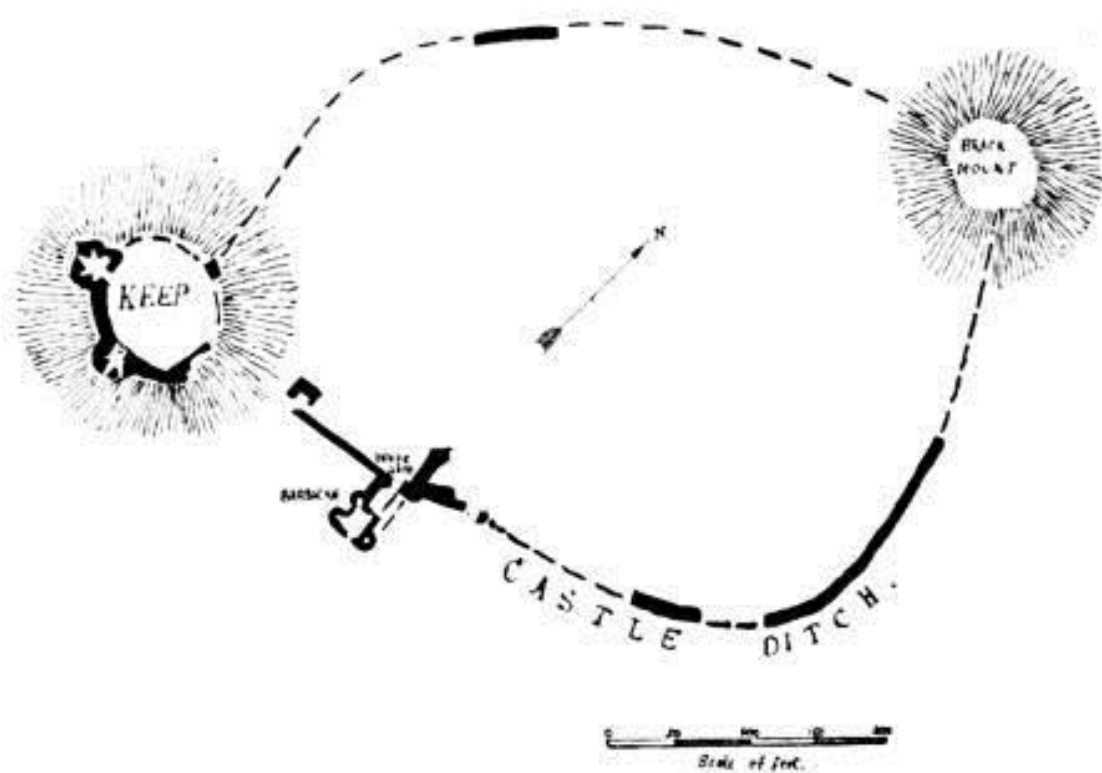
Тэмворт; Каменная кладка одиннадцатого века

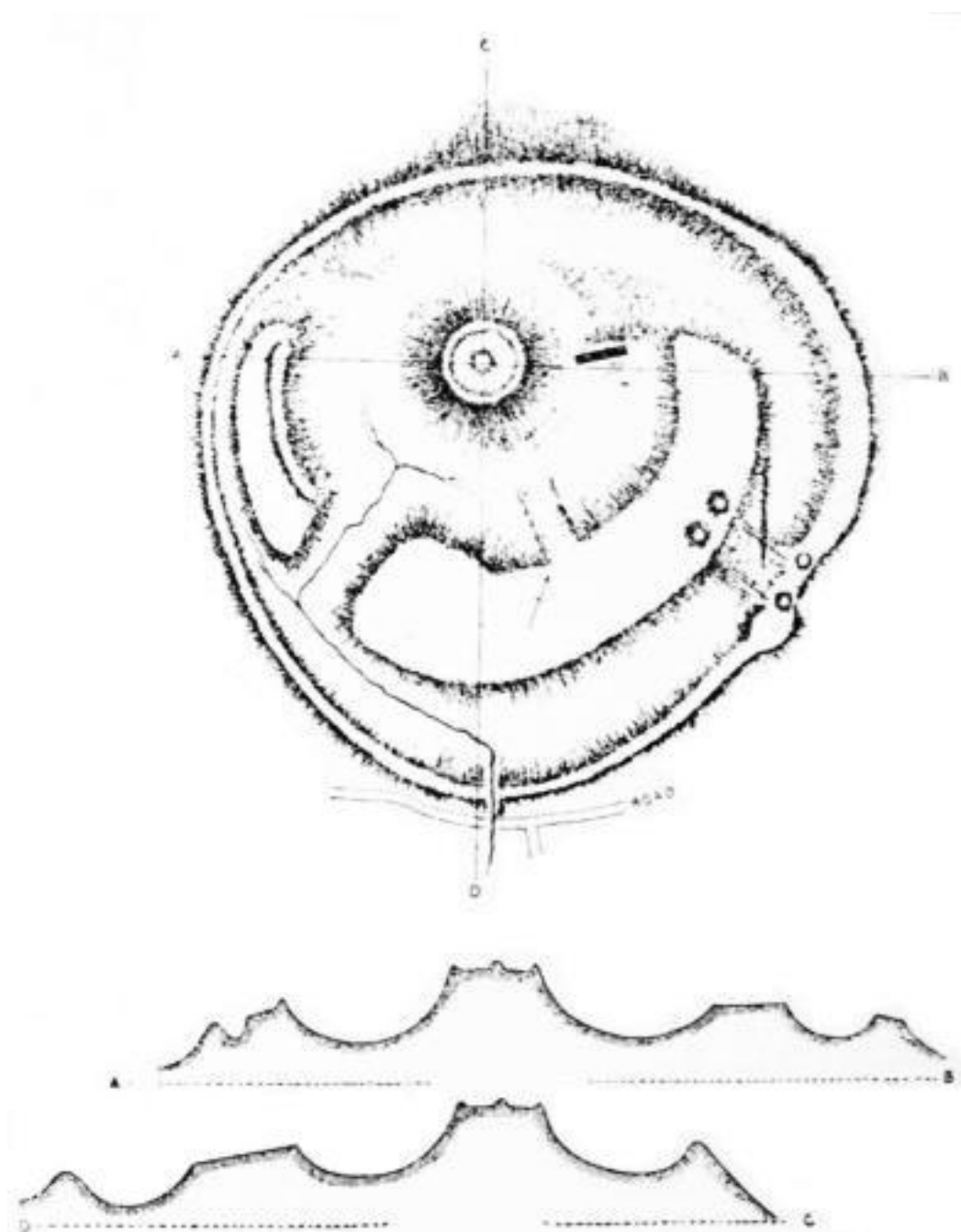
Уоркворт; План

Существуют исключительные случаи, когда происходит два монтажа. В Линкольне (40) меньшая гора находится в юго-восточном углу ограды и, вероятно, на ней находился оригинальный донжон. Большая гора, внушительной высоты и крутизны, находится к западу от центра южной стороны. Обе горы, как обычно, находятся наполовину внутри, наполовину вне линии вала. По бокам от них была возведена каменная навесная стена, а более крупную гору венчает каменная крепость “ракушка” конца двенадцатого века. Расположение этой второй горы, возможно, было связано с открытым положением замка, который образовывал внешнюю оборону города с запада и юго-запада и нуждался в наибольшей силе с этой стороны. В Понтефракте и Льюисе, опять же, было две лошади, по одной на каждом конце загона. В обоих местах более поздние каменные крепости были построены в связи с западной горой, в конце, ближайшем к городу, и на склоне хребта, на котором она была построена. Места довольно похожи, и в любом случае восточная гора возвышалась над долиной реки, защищенной замком. Нет уверенности, что две горы когда-либо были частью первоначального плана. Естественной тенденцией было бы возвести гору сначала на стороне, более близкой к долине, где склон был бы круче, а трудозатрат на строительство было бы меньше. Однако нападение на город и замок было бы наиболее естественным с возвышенности на западе, которая господствовала над замком и его обороной. Со временем на этой стороне была бы построена новая гора, а старая гора приобрела бы второстепенное значение. В Льюисе (50), где склон холма крутой, западная гора поднимается с более высокого уровня и господствует над гораздо более широким участком местности, чем гора в северо-восточном углу ограды. В Линкольне, где у вражеских войск не было преимущества в виде возвышенности, более крупная гора просто занимала наиболее выгодную позицию, защищая наиболее открытую сторону ограды и обозревая один из самых обширных видов в Англии. Подножие одной горы находится чуть более чем в двухстах футах от подножия другой; в то время как в Льюисе и Понтефракте длина всего двора лежала между горами. Таким образом, хотя возможно, что в Льюисе и Понтефракте обе горы могут быть оригинальными, учитывая идею укрепления ограждения с обоих концов донжонами, две оригинальные горы в Линкольне не имели бы такого оправдания; и мы можем сделать вывод, что в какой-то момент позже основания замка Линкольн нормандские лорды крепости

возвели новую гору в точке, с которой можно было более тщательно контролировать склон холма и подходы из долины Трента.

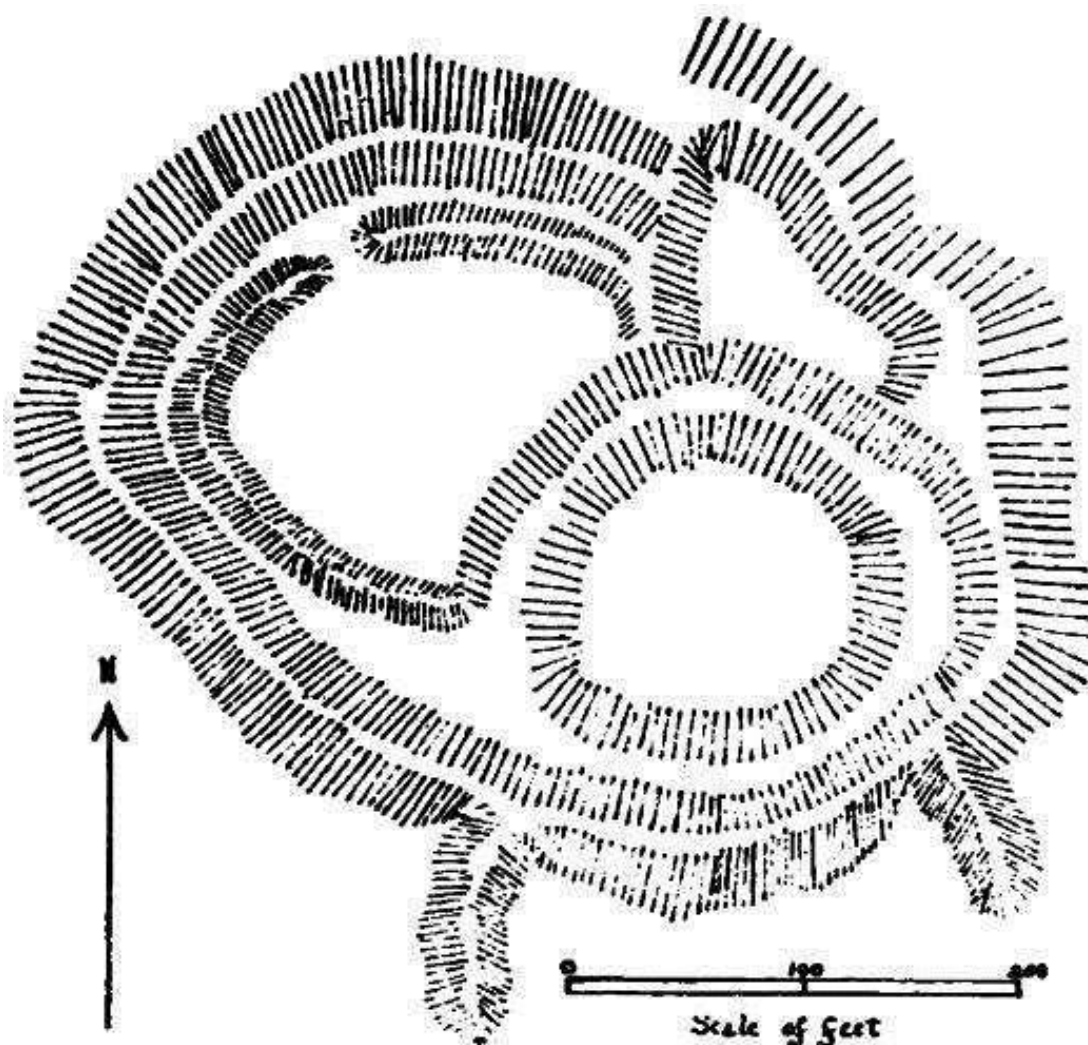
Льюис; План

Построенный; Планируемый

Наличие более одного двора, как в Клуне (43), где два небольших двора, разделенных рвами, покрывают южную и западную стороны горы, было обусловлено отчасти неправильным характером местности, а отчасти необходимостью усиления оборонительных сооружений. Такое расположение, неудобное в мирное время, было бы значительным преимуществом в случае осады, когда каждый двор представлял бы отдельную трудность для нападающих и отдельный пункт сбора для обороняющихся. В Билте (50), где вся площадь земляных работ замка невелика, а рвы маунт и Бейли имеют значительную прочность, главный бейли представляет собой узкую сегментарную платформу, охватывающую южную сторону горы. На западной стороне горы находится меньшая и более узкая платформа, между которой и главным двором находится широкий ров, образующий поперечный разрез или траверс между рвами горы и двора. Поскольку ограждение почти круглое, с горой к северо-западу от центра, эта вторая платформа несколько втиснута в пространство, а канава между ней и контрэскарпом, которая непрерывно огибает гору и бейли, очень узкая. В более обычных

случаях, когда гора и ее ров образуют правильный круг, который пересекается с внутренним двором и его рвом, вторичная платформа, как было отмечено, находится вне линии обоих рвов и окружена собственным рвом, сообщающимся с обоими. Так обстоит дело с очень симметричным примером замка маунт-энд-бейли в Мексборо, в Лилборне в Нортансе, Халлатоне в Лестершире (51) и других случаях. Здесь вторичная платформа представляет собой нарост с одной стороны от места соединения двух кругов. Такие платформы были просто внешними сооружениями, где требовалась дополнительная защита; возможно, что обороняющиеся могли установить на них камнеметные машины, поскольку узость рва в этих местах приближала нападающих ближе к пределу досягаемости, чем в любой другой точке внутри ограждения. Такие двигатели загромоздили бы более просторный двор, который обязательно был бы как можно более свободным для действий основной части гарнизона.

Халлатон; План

Некоторые считают, что замок маунт-энд-бейли имеет тевтонское происхождение, 52 но трудно проследить его с какой-либо уверенностью в ранний период за пределами Франции и Нормандии. В самой Нормандии сохранилось много остатков этих замков. Знаменитый замок Домфронт (Орн), первоначально основанный Гийомом Талвасом (ум. 1030), предком дома Беллем, возможно, принял такую форму: как и в Ньюкасле, прямоугольная каменная башня заняла место в двенадцатом веке башни на горе. 53 Автор монографии о замке Домфронт перечисляет пять таких крепостей, которые существуют или о которых известно, что они существовали в местном округе. 54 Два из них, в Септ-Форже и Люсе, остались

нетронутыми, покрытыми плантациями деревьев. В Сент-Форджесе церковь и замок стояли бок о бок, что до сих пор можно увидеть в Эрлс-Бартоне в Нортгемптоншире.⁵⁵ В Люсе есть следы бейли. С другой стороны, в Ла-Бароше большая гора, по-видимому, несла на себе весь замок: с этим можно сравнить великую гору Рестормель в Корнуолле, которая представляет собой естественную вершину холма, искусственно обрывистую и окруженную рвом, наподобие контурного форта древних времен. Важно отметить, что на этих искусственных холмах южной Нормандии “не видно ни руин, ни следов строительства в каменной кладке”. Вывод очевиден. Постройки, которые они несли, были деревянными и поддались действию огня или непогоды. Ни одной другой гипотезой нельзя объяснить скорость, с которой строились замки в Англии после Завоевания, или легкость, с которой они были разрушены. Подданные Вильгельма в Нормандии возводили против него укрепления со скоростью, которая положительно запрещает нам представить, что они наняли каменщиков для работы с камнем. В 1061 году Роберт, сын Жиройе, одного из могущественных вельмож Алансонцев, объединил силы с анжуйцами против Вильгельма и укрепил его замки Ла-Рош-сюр-Иже и Сен-Сенери. Его двоюродный брат Арнольд, сын Роберта, изгнанный из замка Эшофур, тайно вернулся и сжег его.⁵⁶ Быстрота, с которой были построены, разрушены и отремонтированы два замка в Йорке, не оставляла времени на обработку камня.

Пункты, которые наши свидетельства вынуждают нас принять, можно резюмировать следующим образом: — (1) Замок был привезен из-за границы в Англию периода нормандского завоевания. (2) В своей простейшей форме он состоял из обнесенного рвом холма или *motte* пристроенным к нему внутренним двором. (3) Его самые ранние укрепления были полностью деревянными, за исключением редких случаев.

Теперь мы можем изучить свидетельства, которые, за исключением фактических остатков, сохранились в отношении деревянных конструкций этих замков и их использования. В первую очередь нашего внимания требует башня на горе. Помимо изображений гобелена из Байе, некоторые хроники северной Франции начала XII века сохранили для нас описания основных особенностей этого сооружения и его *окружения*.⁵⁷ Жан де Кольмье описывает замок Мерчем, расположенный рядом с церковью, как *муниципальный вопрос для кастрации великого муниципального опоссума*. “У богатых людей и знати этого района, - говорит он, - есть обычай, поскольку они проводят свое время во вражде и кровопролитии, и для того, чтобы они могли таким образом быть в безопасности от своих врагов и за счет своей превосходящей силы либо побеждать равных себе, либо угнетать подчиненных, насыпать гору земли как можно выше и вырыть вокруг нее ров некоторой ширины и большой глубины, а вместо стены укрепить самый верхний край горы со всех сторон валом (*vallo*), очень сильно утрамбованным”. из деревянных досок и имеющий башни, расположенные, насколько это возможно, по его контуру. Внутри вала они строят в середине дом или цитадель (*arx*), господствующую над всем участком. К воротам въезда в это место” — используется слово “*вилла*”, означающее скорее жилое помещение, чем крепость, — “можно подойти только по мосту, который, поднимаясь сначала с внешнего края рва, постепенно поднимается выше. Поддерживаемый парами или наборами из трех стоек, которые закреплены под ним через удобные промежутки времени, он поднимается по постепенному наклону по ширине рва, так что достигает горы на уровне ее вершины и у ее внешнего края и касается порога ограждения”. Следует отметить, что описанная здесь гора со рвом не имела двора. Также очевидно, что это была не просто укрепленная крепость, место убежища во время войны, но и определенная резиденция местного лорда. Башенки вокруг деревянного вала горы упоминаются как случайные, а не неизменные элементы дизайна. Жилище внутри вала может быть мощной башней или простым домом. Смысл этого

прохода ясно показывает, что в крепостном валу был дверной проем, через который к дому можно было подойти с моста. Наконец, это описание применимо не только к одному замку, но и представляет собой общее описание крепостей в конкретном районе.

Домашний, помимо военного, характер здания подчеркивается в рассказе, который следует за описанием. Джона Уорнетонского, святого епископа Теруана (ум. 1130), принимали здесь, когда он приехал провести конфирмацию в Мерчемской церкви. После конфирмации он вернулся в замок, чтобы сменить облачение, прежде чем приступить к благословению церковного двора. Когда он возвращался по наклонному мосту, который в своей средней точке возвышался примерно на 35 футов над рвом, напор людей, столпившихся посмотреть на святого мужа, был так велик, а старый враг, по словам хрониста, так обрадовался представившейся возможности, что мост проломился, и епископ и его почитатели под страшный шум падающих балок, досок и перекладин были сброшены на дно рва. Фактически замок был частной резиденцией человека, который, если и мог предаваться мирному удовольствию принимать своего епископа, то не мог позволить себе жить в ничем не укрепленном доме. Личная война с соседями была делом его жизни, и он должен был устраиваться как можно удобнее в своем частоколе. Жан де Кольмье не сообщает нам, имела ли крепость Мерчем форму башни или нет; но Ламбер Ардрский оставил описание большой деревянной башни в три этажа, которую плотник Луи де Бурбур построил около 1099 года для Арнольда, сеньора Ардра. Продуманность его конструкции и плана замечательна, а девиз, на котором он был изображен, должно быть, был значительных размеров. На первом этаже располагались подвалы, кладовые и зернохранилища. На первом этаже располагались главные жилые комнаты — общий зал, кладовая и кладовая, большая комната, где спали Арнольд и его жена, и две другие комнаты, одна из которых служила спальней телохранителям. Из большой комнаты открывался выход в комнату или нишу с камином, где обитателям замка пускали кровь, слуги грелись, а детей уводили в холодную погоду согреться. Можно предположить, что большая комната находилась в конце коридора, напротив кладовой и кладовой-кладовой. В кухню, вероятно, можно было попасть, как и в более крупные жилые дома более поздних времен, по проходу между этими кабинетами: она находилась на том же этаже, что и холл, но с одной стороны занимала двухэтажную пристройку к донжону.⁵⁸ Под кухней располагались свинарник, птичник и другие подобные помещения. На третьем ярусе донжона располагались спальни дочерей хозяина дома: сыновья также могли спать на этом этаже, если хотели, и здесь же спали стражники замка, которые время от времени сменяли друг друга в работе по несению вахты. На восточной стороне первого этажа находилось выступающее здание, называемое *logium* или гостиной, а над ним на верхнем этаже находилась часовня дома, “выполненная в виде резьбы и росписи по образцу скинии (*так в оригинале*) Соломона”. Ламберт говорит о лестницах и переходах донжона, но его описание проектируемой гостиной и часовни недостаточно подробно, и его восхищение, возможно, увеличило пропорции здания. Его описание, однако, очень полезно применительно к каменному донжону башни, устройство которого оно объясняет. Здесь, опять же, крепость явно проектировалась как жилой дом: количество комнат, если не преувеличивать, было весьма примечательным для своего возраста. *Мотт* или донжон — Ламберт дает ему эти альтернативные названия — возвышался посреди болота, которое Арнольд превратил в озеро или ров, образовав шлюзы: его мельница находилась рядом с первым шлюзом.

Не сохранилось определенного описания оборонительных сооружений внутреннего двора замка той эпохи. Однако нет никаких сомнений в том, что уступ, или опоясывающий берег земли, был защищен, как и вершина горы, живой изгородью или частоколом традиционного типа. Такие изгороди были обычной защитой любого вида цитадели: “эдикт Трасс”

предписывал разрушать все нелегализованные *кастеллы, фирмитаты и хайас*- замки, прочные жилища и изгороди. В 1225 году Генрих III приказал лесничему из Галтреса снабдить шерифа Йоркшира древесиной для ремонта и заделки брешей в частоколе (*palicij*) йоркского замка. “Дома” и “мост” того же замка, то есть здания внутри двора и подъемный мост, по которому во двор можно было попасть через ров, также были деревянными. Еще в 1324 году частокол на горе был деревянным и окружал каменный донжон тринадцатого века.⁵⁹ Это интересный пример сохранившихся до недавнего времени примитивных укреплений в сильном и важном замке. На самом деле существует множество свидетельств того, что нормандский инженер полагался не на камень, а на свой земляной вал и его частокол. Когда около 1090 года флибустьер Аскелин Гозль завладел замком Иври, он обнес его “рвами и густой изгородью”.⁶⁰ В 1093 году король Франции Филипп I и Роберт Нормандский встали на сторону Вильгельма Бретейского, изгнанного лорда Иври, и осадили укрепленный город и замок Бреваль (Сена-и-Уаза). С помощью осадной машины, сконструированной Робертом из Беллема, они смогли разрушить вал и окружающие его изгороди.⁶¹ Бреваль находился в лесистой и отдаленной местности, где камень было бы трудно достать в любом случае. Настоятельной необходимостью в местах, подвергавшихся постоянной опасности нападений, было обеспечить их адекватной обороной, которую можно было построить в кратчайшие сроки.

О характере домов во внутреннем дворе мало что можно сказать. Они, несомненно, включали в себя убежища для гарнизона замка, конюшни для их лошадей и различные сараи или складские помещения. Холл, или здание, которое было центром внутренней жизни замка, с древнейших времен было главным зданием в пределах окружности внутреннего двора. Мы читаем о разрушении *главного зала* замка Брионн в 1090 году раскаленными дротиками, которые были брошены в его черепичную крышу;⁶² а каменные залы, как в Чепстоу и Ричмонде, были построены до начала двенадцатого века. Но, с другой стороны, несомненно, что донжон время от времени приспособлялся как для домашнего, так и для чисто военного использования; и представляется вероятным, что владелец замка в определенных случаях довольствовался своим жилищем на горе, пока, позднее, укрепление всей ограды каменным занавесом не позволило ему построить более удобный жилой дом на более обширном пространстве двора. Однако в более крупных замках, где имелся сильный постоянный гарнизон, зал был необходим для их развлечений.

Из того, что замки маунт-энд-бейли найдены без следов каменной кладки, не следует, что они обязательно относятся к дате, непосредственно последовавшей за завоеванием. Многие из этих замков, основанных Завоевателем и его последователями, стали постоянными опорными пунктами и со временем были укреплены каменными стенами и башнями. Другие, вероятно, были основаны непосредственно после Завоевания и были заброшены в пользу других мест. Таким образом, считалось, что земляные работы в Барвик-ин-Элмет, недалеко от Лидса, были заброшены Илбертом де Лейси, когда он остановил свой выбор на Понтефракте как на главе своей чести.⁶³ Трекасл, возможно, был покинут Бернардом из Ньюмарча ради Брекона, или же его удерживал небольшой гарнизон в качестве западного форпоста его баронства. Но хорошо известно, что в течение длительного времени после завоевания, в период постоянных раздоров между нормандскими королями и их баронами, появилось большое количество замков вопреки королевским указам. Мы знаем, что во время правления Стефана, когда каждый человек делал то, что было правильным в его собственных глазах, было построено почти невероятное количество нелегализованных или “фальсифицированных”⁶⁴ замка. В результате соглашения между Стефаном и Генрихом II многие из них были разрушены, а количество английских замков существенно сократилось. Позже, когда началось восстание Моубреев против Генриха II. за

победой королевской партии последовало разрушение замков Моубрей в Терске, Киркби Малзеард и Киннардс-Ферри на острове Эксхольм, а также замка епископа Падси в Норталлертоне. От этих четырех замков сохранились земляные укрепления или следы земляных работ, но никакой каменной кладки. Разумно предположить, что материалом их укреплений было дерево. Поспешность в строительстве замков, быстрота их разрушения в течение столетия, последовавшего за Завоеванием, легко объяснимы, если бы их строения были просто из земли и дерева. И, таким образом, возможно, что, когда мы встречаемся с крепостью маунт-энд-бейли, безымянной в истории и нетронутой средневековыми каменотесами, она может находиться не на месте, выбранном, а затем покинутом ранним нормандским лордом, и не просто аванпостом какого-нибудь более крупного замка, а цитаделью, наспех укрепленной и насыпанной во время восстания каким-нибудь дворянином времен Стефана или Генриха II, и разобранной, когда был восстановлен мир и признана власть суверена.

ГЛАВА IV

ХОД АТАКИ И ЗАЩИТЫ

Земляные укрепления, развитие которых мы проследили вплоть до нормандского завоевания, были очень простого типа. Очевидно, что в истории военной архитектуры любое улучшение защиты является следствием совершенствования методов нападения. Средневековый город с каменными стенами, замок или частная цитадель, с навесной стеной и разделением ограды более чем на один двор, сменил земляной вал с частоколом как естественный результат развития искусства осады. Против врага, артиллерия которого была сравнительно слабой, частокол был достаточно эффективен: пращники и лучники, работающие с близкого расстояния, могли нанести урон обороняющимся, но частокол на берегу, отделенный от осаждающих мощным рвом, был защищен от снарядов, выпущенных по нему отдельными лицами, и его можно было взять только решительным броском или если он не был достаточно защищен от огня. Современная война против нецивилизованных племен показала, что крепость, защищенная густой изгородью, представляет серьезную проблему для осаждающих. Если в современных условиях частокол является преградой для войск, вооруженных мощным огнестрельным оружием, то трудности, которые он представлял для раннесредневекового воина, очевидны.

Однако эпоха огнестрельного оружия, нанеся смертельный удар средневековому осажденному искусству, была еще далеко впереди; а тем временем прогресс науки нападения зависел от совершенствования методов, которые можно было применять только в непосредственной близости от осажденной крепости или на очень ограниченном расстоянии. Механизмы для метания камней или дротиков увеличились в размерах и силе. В ход были пущены устройства для штурма или подрыва обороны города или замка. Атака была направлена скорее против обороняющихся, чем против самих обороняющихся. Случайный камень мог ранить средневекового солдата, или стрела могла вонзиться между суставами его сбруи; но его доспехи, которые становились все тяжелее и более тщательно защищались по мере увеличения вероятности попадания таких снарядов, делали гибель людей в ходе осады скорее несчастьем, чем неизбежным обстоятельством. Поэтому его первой заботой

было сделать оборонительные сооружения, которые приютили его, неприступными. По мере того, как враг умножал свои замыслы против частокола, частокол уступал место каменной стене; по мере того, как средства противника для пресечения его попыток увеличивались в мощности, стена увеличивалась в высоте и прочности; и, наконец, в переходную эпоху, когда огнестрельное оружие постепенно вытесняло более старые и примитивные средства нападения, стена представляла осаждающему тщательно охраняемый фронт, что делало его средневековую тактику осады устаревшей и требовало новых разработок в его ремесле.

Прогресс фортификации в этих условиях будет предметом последующих глав этой книги, с особым упоминанием замка, при обороне которого военные инженеры средневековья продемонстрировали совершенство своей науки. Однако, прежде чем мы перейдем к росту замка с каменными стенами, необходимо некоторое описание усовершенствования осадных машин и методов атаки, которыми определялось его развитие. Следует иметь в виду, что осадное искусство средневековья развивалось по линиям, которые ни в коем случае не были новыми. Его двигатели, устройства для разрушения стен и башен или карабканья по ним были не новыми изобретениями, а пережитками римской военной науки. С упадком римского могущества в Западной Европе эти боевые средства, неизвестные тевтонским завоевателям Британии, вышли из употребления. Сохраненные на востоке Византийской империей, наследницей римской цивилизации, они стали привычными для варваров, наводнивших Европу в темные века; и их возрождение в частях Европы, наиболее удаленных от исторических центров римского влияния, было в немалой степени связано с принятием традиционных методов ведения осады вторгшимися племенами, которые вступили в конфликт с византийской стратегией. Что касается Англии, то первый прогресс в искусстве нападения был прямым результатом нормандского завоевания; в то время как последующие улучшения в Западной Европе в целом были в первую очередь обусловлены знаниями о восточной войне, полученными во время Крестовых походов. В этих условиях желателен небольшой ретроспективный взгляд, который даст нам некоторое представление о методах ведения осады в период, с крепостями и искусством фортификации которого мы уже кое-что видели.

Многие классические тексты, начиная со времен Цезаря и заканчивая последними днями Западной империи, дают нам представление о римских военных методах. Ни один отрывок не проливает более полного света на их осадную практику, чем описание Цезарем осады Алезии в Бургундии, крепости на холме, занятой Верцингеториксом.⁶⁵ Линии, которые Цезарь впервые провел вокруг крепости, имели протяженность одиннадцать миль и сообщались с тремя лагерями, расположенными на холмах высотой, равной высоте холма Алезия. Вдоль линии фронта располагались двадцать три *кастеллы*, небольшие форты для размещения пикетов и временные образцы того типа, постоянными примерами которого были "мильные замки" римской стены. Упорное сопротивление Верцингеторикса и перспектива прибытия армии на подмогу, однако, дали Цезарю повод развить свои реплики, характер которых описан очень подробно. Они состояли из земляного вала со рвом шириной 20 футов, протяженностью 400 футов перед ним со стороны осажденной крепости. Ров был вырыт с перпендикулярными сторонами: его удаленность от берега была мерой предосторожности против внезапных атак противника и выводила берег из зоны досягаемости случайных снарядов. Пространство между берегом и рвом не было ровной "насыпью", а было изрыто двумя канавами шириной и глубиной 15 футов, внутренняя часть которых была влажной, так как в нее отводилась вода из соседних ручьев. За внутренним рвом поднимался земляной *выступ*, или насыпь, на высоту 12 футов. *Валлум*, вал на вершине *аггера*, был типичным для ранних войн и на протяжении многих столетий позже, состоящий из бруствера из переплетенных прутьев, укрепленных рядом частоколов.

Заграждения бруствера заканчивались выступами, похожими на зубцы: через определенные промежутки стояли высокие стойки с раздвоенными верхушками, которые назывались *servi* или “оленьями” и служили *ограждением* вдоль всего вала. Были также башни, очевидно, временные постройки из дерева, расположенные на расстоянии 80 футов друг от друга. Этого, однако, было недостаточно. Цезарь стремился удерживать свои позиции как можно меньшим количеством людей, чтобы позволить остальным заниматься необходимой добычей пищи на расстоянии. Поэтому он продолжил усеивать подходы к позициям ловушками. Были выкопаны пять рвов глубиной 5 футов и заполнены вертикальными кольями, заостренными до острия и скрепленными внизу сплошными поперечинами. Перед ними были три ряда ям глубиной в 3 фута, расположенных в виде *квинкунций* или солончаков: в них были помещены гладко заостренные колья, так что из земли торчали лишь их кончики, а затем ямы были прикрыты ветками и хворостом. Восемь рядов, образованных этими препятствиями, находились на расстоянии 3 футов друг от друга. Вся композиция, производившая впечатление ряда лилий, называлась *lilium*: кольям солдаты дали название *cirri*, или “могильные камни”. На противоположной стороне *вала*, где ожидалась атака армии, идущей на выручку, было сделано аналогичное устройство. Также перед *лилиумом* в земле были спрятаны деревянные кубики с вделанными в них крючками, носящие соответствующее название *стимулы*.

Метод осады Алезии Цезарем был продиктован вероятностью того, что при наличии врага с обеих сторон ему самому придется выдерживать осаду. После неудачного сражения галльская армия на подмогу предприняла ночную атаку на передовые позиции, в ходе которой они на собственном опыте убедились в эффективности смертельных ловушек Цезаря. Они принесли с собой заграждения, с помощью которых можно было перебираться через рвы, а также штурмовые лестницы и абордажные крюки, с помощью которых они могли взобраться на вал или спустить его вниз. Их оружием были пращи, стрелы и камни, на что римляне ответили импровизированными пращами и копьями. Они потерпели два поражения, а затем обратили свое внимание на самый слабый из лагерей Цезаря, в то время как Верцингеторикс покинул Алезию, чтобы атаковать вал. Его отряд установил заграждения из длинных бревен, чтобы образовать проход через них, накладки или укрытия, под которыми атакующая сторона, укрытая от римских снарядов, могла подорвать или проделать брешь в земляных укреплениях Цезаря с помощью отверстия, и крюки, с помощью которых можно было срубить вал на вершине земляного вала. Атака была долгой и решительной. Галльские первопроходцы засыпали рвы Цезаря, насколько могли, землей и сами воздвигли насыпь, с которой были хорошо видны его оборонительные сооружения. Там, где его позиции располагались на ровной местности, они были слишком опасны для атаки: на крутых склонах холмов, на вершинах которых были разбиты его лагеря, у врага было больше шансов. Здесь развернулись самые ожесточенные бои: башни *валлума* были обстреляны дротиками, ров был засыпан, и была предпринята попытка снести частокол и бруствер. Лабиен, не сумев удержать оборону, отправил сообщение цезарю, чье вмешательство со своей кавалерией изменило ход событий и привело к полному разгрому галльской армии и капитуляции Верцингеторикса.

Отчет Гая Требония об осаде Марсея в 49 году до н.э. рассказывает нам о многих методах, использовавшихся римлянами, а после них византийскими и средневековыми инженерами при осаде города-крепости.⁶⁶ Марсель был не просто крепостью на холме, как Алезия: это был сильно укрепленный портовый город, хорошо оборудованный для войны машинами, которые метали в осаждающих заостренные колья длиной 12 футов, когда они возводили земляной вал вокруг обращенной к суше стороны города. Требониусу пришлось сделать линию пентхаусов (*виноградных лоз*), которыми были защищены его пионеры, более чем

обычной толщины, чтобы противостоять этим снарядам. Перед банком группа мужчин, укрытых в большом пентхаусе (*тестудо*), разравнивала почву. В то время как эта лига была создана на стороне суши, Брут одержал морскую победу над массилиотами, которые, тем не менее, продолжали сопротивляться осаждающим. Правое крыло римской армии было особенно открыто для атаки из города; и с этой стороны осаждающие построили башню из кирпича, которая служила базой для операций и убежищем от нападения. Эта башня, поднятая на высоту шести этажей, была построена рабочими, которые были защищены подвесными веревочными мантильями. Крыша была сделана из дерева, покрытого слоем кирпичей и растекшейся глины, чтобы защитить ее от огня, и сырыми шкурами, чтобы сделать ее устойчивой к стрелам и камням. По мере роста башни эта крыша, с которой свисали веревочные накладки, поднималась с помощью рычагов и последовательно привинчивалась в качестве покрытия к каждому этажу. Когда строительство было почти завершено, был построен деревянный пентхаус, известный как мышинный (*musculus*), состоящий из галереи длиной 60 футов с остроконечной крышей, которая, как и у башни, была покрыта кирпичами, глиной и шкурами. Это было перемещено вперед на роликах к ближайшей точке городской стены. Он выдержал огромные камни, которые были брошены в него; подожженные бочки со смолой, сброшенные со стены, скатились с его покатой крыши и были отодвинуты на безопасное расстояние людьми внутри, вооруженными шестами и вилами. Прикрываемые огнем своих друзей из кирпичной башни, солдаты в "маусе" смогли своими рычагами и клиньями пробить фундамент башни на стене и сумели пробить брешь. Защитники покорились и попросили перемирия до прибытия цезаря; но, воспользовавшись паузой, они совершили вероломную вылазку из города и, воспользовавшись попутным ветром, сожгли постройки осаждающих, включая мышиную и кирпичную башни, и уничтожили их машины. Требоний, однако, не теряя времени, построил вместо своего земляного вала прочную противовесную стену, состоящую из двух параллельных кирпичных стен толщиной 6 футов каждая, с деревянным полом наверху. Это быстро привело защитников в чувство, и они вернулись к своим старым условиям мира. В этом рассказе приемы, играющие главную роль, снова встречаются в бесчисленных средневековых осадах. Линии противодействия, успешная операция по подрыву, появляются, например, в тактике Филиппа Августа: кирпичная башня осаждающих снова встречается в деревянном замке Уильяма Руфуса в Бамбурге: боевые машины и защищенные пентхаусы - обычные места средневековых войн.

Голые записи англосаксонских хроник проливают мало света на стратегию или военное мастерство датчан. Лирическая форма песен, прославляющих битву при Брунанбуре и битву при Мэлдоне, также не допускает той определенности деталей, которая требуется изучающему. Более определенным, хотя и не лишенным риторики, является рассказ Аббо, монаха из Сен-Жермен-де-Пре, об осаде Парижа норманнами в 885-6 годах.⁶⁷ Город тех дней был ограничен островом, все еще известным как Ла-Сите, и был соединен со своими пригородами на материке двумя мостами, где сейчас находятся Пон-о-Менаж и Пти-Пон. Подход к каждому мосту на материке охранялся башней или *тет-дю-понтом*. Атака норманнов была направлена против северной башни, строительство которой еще не было закончено. Любопытно отметить, как они сконцентрировались на отдельных точках обороны, пренебрегая первостепенной необходимостью перекрыть все линии связи для защитников. Они подошли к башне на своих кораблях, которых было семьсот, не считая лодок без парусов, обстреляли ее своими двигателями и забросали дротиками ее защитников. Башня пошатнулась, но ее фундамент устоял: там, где стены грозили обрушиться, их починили деревянными досками, и с помощью этих деревянных пристроек башня за ночь была

поднята в полтора раза выше своей прежней высоты. На рассвете северяне снова начали атаку. Воздух, по словам Эббо, был полон стрел и камней, выпущенных из пращей и из *баллист* или метательных машин. В течение дня на укрепленной вышке были видны признаки того, что она поддавалась огню противника и его попыткам минирования. Юд, храбрый защитник города, вылил смесь из горящего масла, воска и смолы, которая охладила энтузиазм осаждающих и стоила им трехсот человек. На третий день северяне разбили свой наземный лагерь на северном берегу реки, недалеко от церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа. Лагерь, вероятно, представлял собой *гевеорк*, подобный тому, что они построили на берегах Темзы или Уза, но он был окружен не земляным валом, а стенами из глины, смешанной с камнем. Из этого центра они жестоко опустошали окружающую местность в течение оставшейся части осады. Создав таким образом свою операционную базу, они вернулись к штурму башни. Их приемы были обычными приемами римской войны, которые, естественно,годились бы противникам умирающей римской цивилизации. Мы слышим о трех огромных таранах, которые они приготовили и придвинули к стенам под прикрытием деревянных навесов на колесах, о буровых скважинах, проложенных для подрыва башни людьми, передвигающимися под плетеными накидками, покрытыми сырыми шкурами, о *мангане* или камнеметных машинах, используемых защитниками, и о раздвоенных балках, спущенных с башни, чтобы зацепить головки таранов и сделать их бессильными. Некоторые норманны засыпали канавы всем, что попадалось под руку: землей, листьями, соломой, луговой травой, скотом и даже телами пленников. Тем не менее город выстоял, и Эду удалось проскользнуть через вражеские позиции и связаться с Карлом Толстым с просьбой о помощи. По возвращении северяне попытались перехватить его: он благополучно вернулся в Париж, в то время как подкрепляющие силы атаковали врага и загнали его обратно на корабли. Прибыв на место, Карл Толстый разбил свой лагерь на южных склонах Монмартра; но после того, как общая атака на город провалилась, он удовлетворился тем, что отпустил норманнов, взяв с них контрибуцию в семьсот фунтов стерлингов и пообещав покинуть королевство в марте. Они, однако, предприняли попытку добраться до верховьев Сены на лодках, поскольку более крупные суда не могли расчистить мосты, и поэтому продолжили грабить Бургундию. Их цель была раскрыта: защитники Парижа выпустили в них стрелы со стен, и случайный дротик убил их пилота. На какое-то время их продвижение было приостановлено, но французы не смогли выдержать серию таких атак. Эд, избранный королем, пренебрег конфликтом и сменил слова на дела. “Их лай, - говорит Аббат, - разносился толпами по всем рекам Галлии”. Он заканчивает свое стихотворение призывом к Франции еще раз доказать те силы, которые она использовала в прошлом для завоевания королевств более могущественных, чем она сама. “Три порока, ” восклицает он, - являются причинами твоей гибели: гордыня, постыдная любовь к удовольствиям, тщеславное вожделение к роскошным одеяниям”. Те же слова можно было бы сказать англичанам сто двадцать пять лет спустя, когда Свеген и Теркилл захватывали Лондон между своими двумя армиями.

Короткий отрывок из Англосаксонской хроники дает некоторую помощь в решении вопроса о стратегии Дании. Лондонский мост, как и два моста Парижа, был препятствием для длинных датских кораблей с их парусами. Однако в 1016 году датчанам удалось протащить свои корабли по южной стороне моста, очевидно, проделав ров на той стороне реки. Затем они приступили к созданию укреплений вокруг города, их штаб, таким образом, был перенесен над мостом. Нет причин сомневаться в том, что Лондон, который они таким образом окружили, был городом с каменными стенами, римским Лондиниумом, который восстановил Альфред. Таким был Париж и большое количество городов Франции, чьи стены были приведены в порядок их епископами или мирянами. Мы читаем о святом Дидье, епископе Каорском в 630-55 годах, что он “расширил, построил и сделал крепкий Кагор с

большим трудом и проделал заметную оборонительную работу, укрепив ворота и башни поясом стен, сложенных из прямоугольных камней”. В следующем столетии сарацинские захватчики южной Франции восстановили римские стены Нарбонны и остановили продвижение Карла Мартелла в Испанию.⁶⁸ Но из множества примеров, когда укрепления римских городов во Франции играли определенную роль в военных действиях той смутной эпохи, в Англии их немного. *Бургами* датских войн были, за исключением Лондона, Таучестера, Колчестера и еще нескольких, не города с каменными стенами римского основания, подобные тем, что во Франции были естественной добычей нормандских мародеров, а деревни или маленькие городки, возникшие по большей части после саксонского завоевания и обязанные своей прочностью деревянным стенам. Во Франции военное искусство, как в отношении фортификации, так и в отношении осадного дела, находилось на более высоком уровне. Разрыв преемственности, вызванный исчезновением римской цивилизации в Англии, привел к такому этапу в развитии нападения и обороны, которому современная французская история не может найти параллели. Только в более поздний период законченные методы, применявшиеся обеими сторонами при осаде Парижа, были использованы в английской войне.

Приведенные выше случаи относятся к осадам городов; и, как мы видели, замок или частная крепость, играющая столь заметную роль в средневековой стратегии, была результатом роста феодальной системы и заняла свое место в истории в сравнительно поздний период. Укрепленный город римского происхождения имел свой *арх*, или цитадель: это была, так сказать, цитадель обнесенной стеной огады, в которую защитники могли отступить, если внешние укрепления города были взяты. Замок, однако, представлял собой отдельную огаду, которая часто занимала часть территории города-крепости, но имела свои собственные внешние линии обороны перед тем, как можно было добраться до крепости. Нормандские завоеватели Англии, рассматривавшие замок как главное место обороны и объект нападения, обратили свое внимание на его укрепление; и, таким образом, защита города или деревни, в которой стоял замок или рядом с ней, стала представлять второстепенный интерес. Обычно мы обнаруживаем, что там, где замок является частью оборонительных сооружений английского города-крепости, замок был окружен стеной и обеспечен необходимыми средствами защиты до того, как вокруг города была построена стена на месте более раннего частокола. Однако, несмотря на это изменение характера осажденной крепости, объектом нападения по-прежнему оставалась укрепленная огада. Методы осады развивались по старым линиям; и защита, примененная к замку, была такой, которая в более широком масштабе была применима к городу.

Военные действия одиннадцатого и двенадцатого веков были в значительной степени чередой осад замков, путем прямого нападения или блокады. В 1083 году Вильгельм Завоеватель, осаждая Хьюберта Мэн-Ского в замке Сент-Сюзанна, не рискнул атаковать поросший лесом обрыв, на котором стоял замок, но укрепил свою армию за земляными валами в соседней долине. Блокада длилась три года, и преимущество было во многом на стороне Хьюберта, так что в конце концов нормандская армия после неудачной отчаянной атаки отступила.⁶⁹ Главной особенностью блокады было строительство замка оппозиции,⁷⁰ метод, неоднократно применявшийся Вильгельмом II., который в 1088 году вынудил Одо сдать Рочестерский замок, построив две *кастеллы* на его линии связи.⁷¹ В 1095 году Вильгельм II осадил Роберта Моубрея в замке Бамбург. Великая скала, окруженная морем и болотами, не поддавалась прямой атаке, и Вильгельм вынудил ее сдаться, построив “новую крепость”, которая приняла форму деревянного замка, вероятно, обычного типа маунт-энд-бейли, и получила прозвище Мальвуазен, “злой сосед”.⁷² Исходя из этого конкретного примера, название *мальвуазен* обычно, без достаточных оснований, применялось к

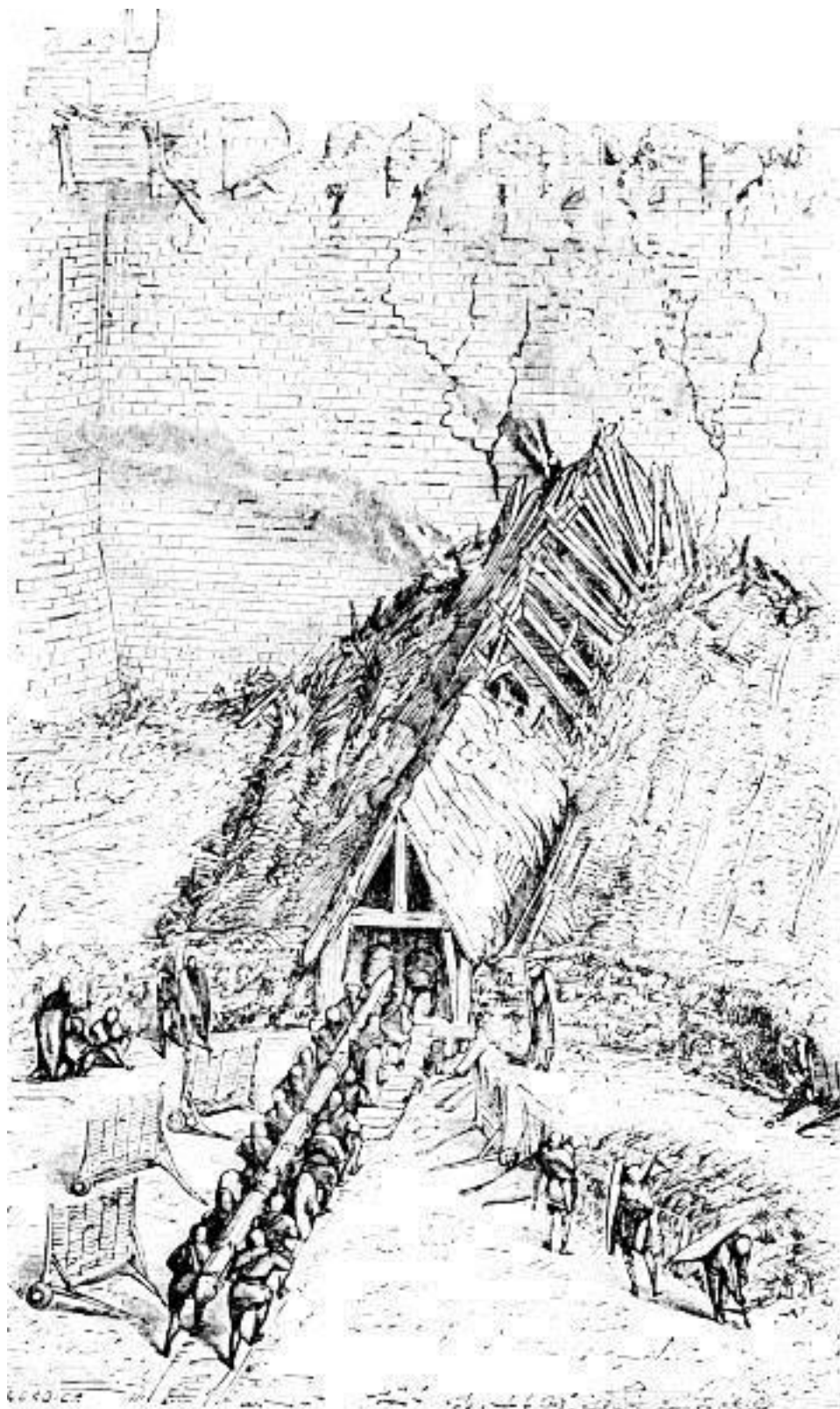
деревянными башнями, которые иногда строились для укрытия осаждающих. На самом деле, Мальвуазен был всего лишь одним из многих прозвищ, которые в отдельных случаях давались таким замкам осаждающих,⁷³ и был не более общим термином, чем Шато-Гайяр.

До конца одиннадцатого века, когда первый крестовый поход научил западных воинов пользоваться более совершенными осадными машинами, методы нападения на замок, по-видимому, описывались очень просто. Земляные укрепления, защищенные деревом, можно было преодолеть с ходу и в рукопашной схватке; в то время как огонь всегда был бы смертельным для деревянной крепости, плохо защищенной от него. Гобелен из Байе не показывает нам ни одной из тех осадных машин, которые все чаще использовались против каменных замков в течение следующего столетия; и, хотя армия Завоевателя, по-видимому, использовала элементарную форму камнеметной машины, с которой, подобно более позднему арбалету, обращались отдельные солдаты, и другие устройства, более знакомые в более поздние времена,⁷⁴ такие машины вряд ли могли быть обычными. Без сомнения, именно их растущая частота в начале двенадцатого века сделала каменные стены необходимыми для защиты замка. Мы видели *баллисты* и другие осадные машины римского происхождения, использовавшиеся норманнами при великой осаде Парижа в 885 году; но такие машины, безусловно, не были широко распространены в Западной Европе до периода прямого контакта с византийской цивилизацией. Ордрик Виталис упоминает о конструкции таких машин, “колокольни” на колесах и приспособлений для метания больших камней, инженером Роберта Беллемского в Бревале в 1093 году, как будто они были новинкой, и говорит о самом инженере, что его проницательная изобретательность принесла пользу христианам при осаде Иерусалима.⁷⁵

Подробный отчет Сугера о нападении Людовика VI на замок Ле-Пюизе в 1111 году можно рассматривать как точное описание методов, использовавшихся осаждающими и защитниками обычного замка из земляных валов и древесины. Король привел в атаку множество *баллист*, но у нас нет указаний относительно их точного характера: основным используемым оружием были лук, меч и щит. Осажденные вышли из замка навстречу королю; но под градом стрел с обеих сторон были отброшены назад через главные ворота, которые, возможно, были, как и в Тикхилле,⁷⁶ единственной каменной защитой ограды. С вала своей крепости они швыряли деревянные доски и колья в королевских рыцарей. Осаждающие, отбросив свои сломанные щиты, использовали ракеты, чтобы защитить себя и взломать ворота. К дверям подъехали повозки, груженные сухими дровами, смазанными жиром, и завязалась борьба: роялисты пытались поджечь дрова, защитники - потушить огонь. Тем временем Теобальд Шартрский предпринял атаку на замок с другой стороны, пытаясь взобраться по крутому откосу внутреннего двора. Его последователи, однако, были слишком поспешны: многие упали обратно в ров, в то время как другие были застигнуты врасплох и убиты всадниками врага, которые галопом объезжали укрепления замка, чтобы не допустить незваных гостей. Роялисты почти потеряли надежду, когда священник с непокрытой головой, держа перед собой кусок дерева в качестве импровизированной накидки, добрался до частокола и начал отдиравать доски, которыми были забиты промежутки между стойками. Вскоре к нему присоединились другие, которые срубили частокол топорами и железными инструментами. Королевская армия ворвалась в замок, и защитники, оказавшиеся зажатыми между вошедшими войсками и людьми Теобальда, укрылись в деревянной башне на горе, но в страхе сдались. Король сжег замок, но пощадил донжон.⁷⁷

Штурм каменного замка или города-крепости проводился путем непосредственного штурма самих стен, для чего были необходимы передвижные машины, а также путем забрасывания камней или легковоспламеняющихся материалов в осажденную ограду из стационарных

машин. Главным орудием, использовавшимся непосредственно у стен, был таран, огромный шест, снабженный железным наконечником. Подвешенный на цепях к деревянному каркасу, установленному на колесиках, его подносили к стене и прижимали к ней снова и снова. Люди, работавшие с тараном, были защищены навесом с закругленным или остроконечным верхом, называемым “черепаха” (*testudo*), который прикрывал машину и ее каркас. Крыша “черепахи” была сделана очень прочной, чтобы противостоять снарядам, сбрасываемым с крепостных валов, и вся была покрыта сырыми шкурами или каким-либо другим негорючим материалом в качестве меры предосторожности от огня, брошенного защитниками (69).⁷⁸

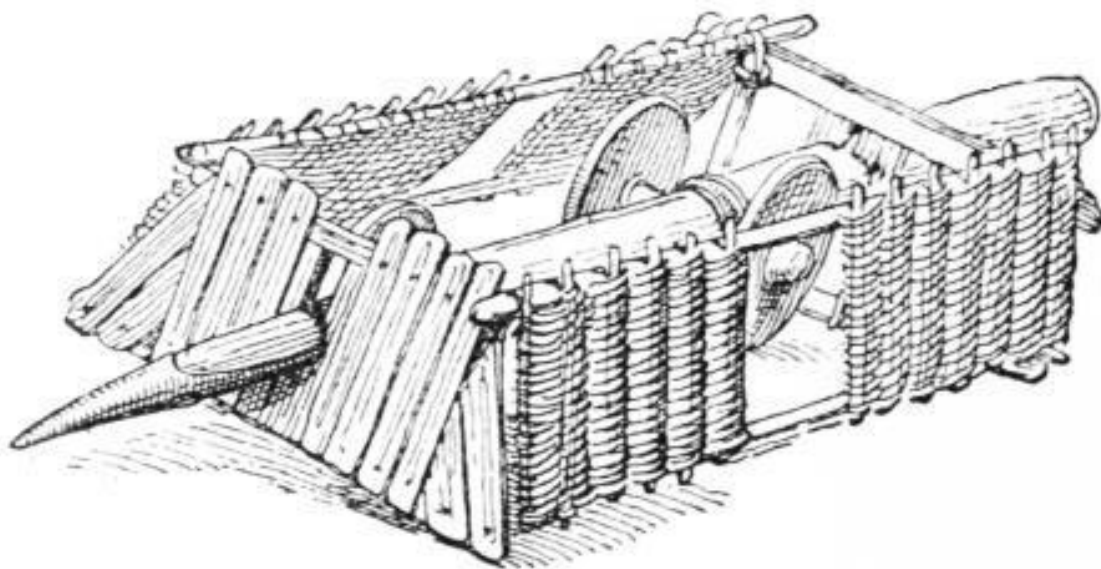

Таран, защищенный навесом и каминными решетками

В то время как таран наносил свои удары по лицевой стороне стены, саперы и шахтеры, укрытые в пентхаусе поменьше, известном как “мышь”, “кошка” или “свинья”, атаковали фундамент с помощью бура (*tereбра*), тяжелого шеста с острым железным наконечником, который медленно разрушал каменную кладку и выдалбливал углубление в основании стен (70). В этой работе помогали саперы, которые, подойдя к стене под прикрытием наклонных рам из дерева или плетеных изделий, известных как накидки, которые они катили перед

собой, вырубали кирками каменную кладку. Когда было проделано достаточное углубление, шахтеры подперли стену бревнами, подожгли их и удалились. Это устройство постоянно использовалось на протяжении всего средневековья для взлома и было успешно применено в Шато-Гайяре в 1204 году,⁷⁹ и в других случаях; но, очевидно, это, должно быть, занимало много времени и часто не достигало своей цели.

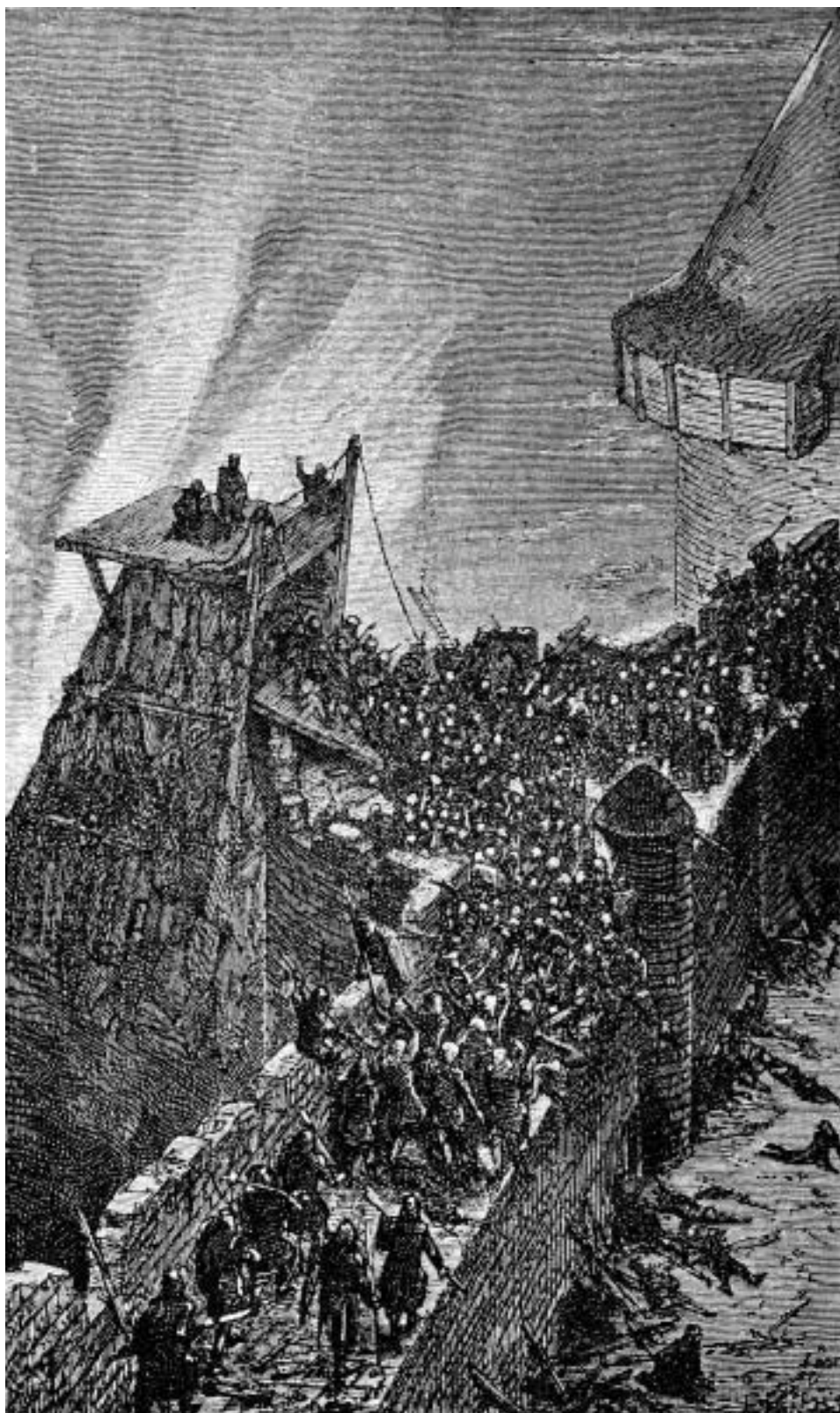
Однако, прежде чем можно было задействовать передвижные двигатели на каменной кладке, необходимо было засыпать ров перед стенами. Эту работу выполняли солдаты, которые под защитой плащей сбрасывали в канаву весь сыпучий материал, который попадался им под руку. Когда датчане применили свои тараны против северного *тет-дю-лона* в Париже, первое, что они попытались сделать, это засыпать ров, используя даже мертвые тела своих пленников, когда не хватало других материалов.⁸⁰ В Иерусалиме в 1099 году, прежде чем Раймонд Тулузский смог возвести свой “деревянный замок”⁸¹ в стенах необходимо было заполнить глубокую естественную впадину. Работа заняла три дня и ночи: каждому, кто положит в углубление три камня, было обещано пенни.⁸² Филипп Август в феврале 1203-4 начал свои операции против Шато-Гайяра, засыпав ров между внешним укреплением и своими линиями, в то время как его катапульты били по каменной кладке на расстоянии и защищали рабочих между собой и стенами.⁸³

Отверстие, защищенное накладками

В то время как таран, отверстие и мина угрожали устойчивости стен, отряды осаждающих пытались силой проникнуть в крепость. Простой метод подвоза топлива к главным воротам и поджога двери был со временем отвергнут из-за повышенного внимания к защите ворот и усиления их дверей заграждениями или опускаемыми решетками.⁸⁴ Стремянки были приставлены к стенам: отважные духи, взобравшиеся на них, притащили с собой другие лестницы, по которым они могли спуститься в ограду. Другим методом взбирания на стены была передвижная “колокольня”, башня в несколько этажей, в каждом из которых могло укрыться несколько человек. Пол самой верхней ступени башни находился примерно на одном уровне с вершиной крепостного вала, и подъемный мост, перекинутый с него, когда его подкатывали вплотную к стене, образовывал проход для осаждающих. Обитатели нижних этажей могли подняться по лестнице на верхний этаж, и, таким образом, значительная группа людей могла вступить в рукопашную с защитниками (⁷²).⁸⁵ Эти передвижные башни можно было быстро построить, если бы имелась древесина достаточной толщины. Колокольни Филиппа в Шато-Гайяр были сложены из стволов деревьев, не тронутых

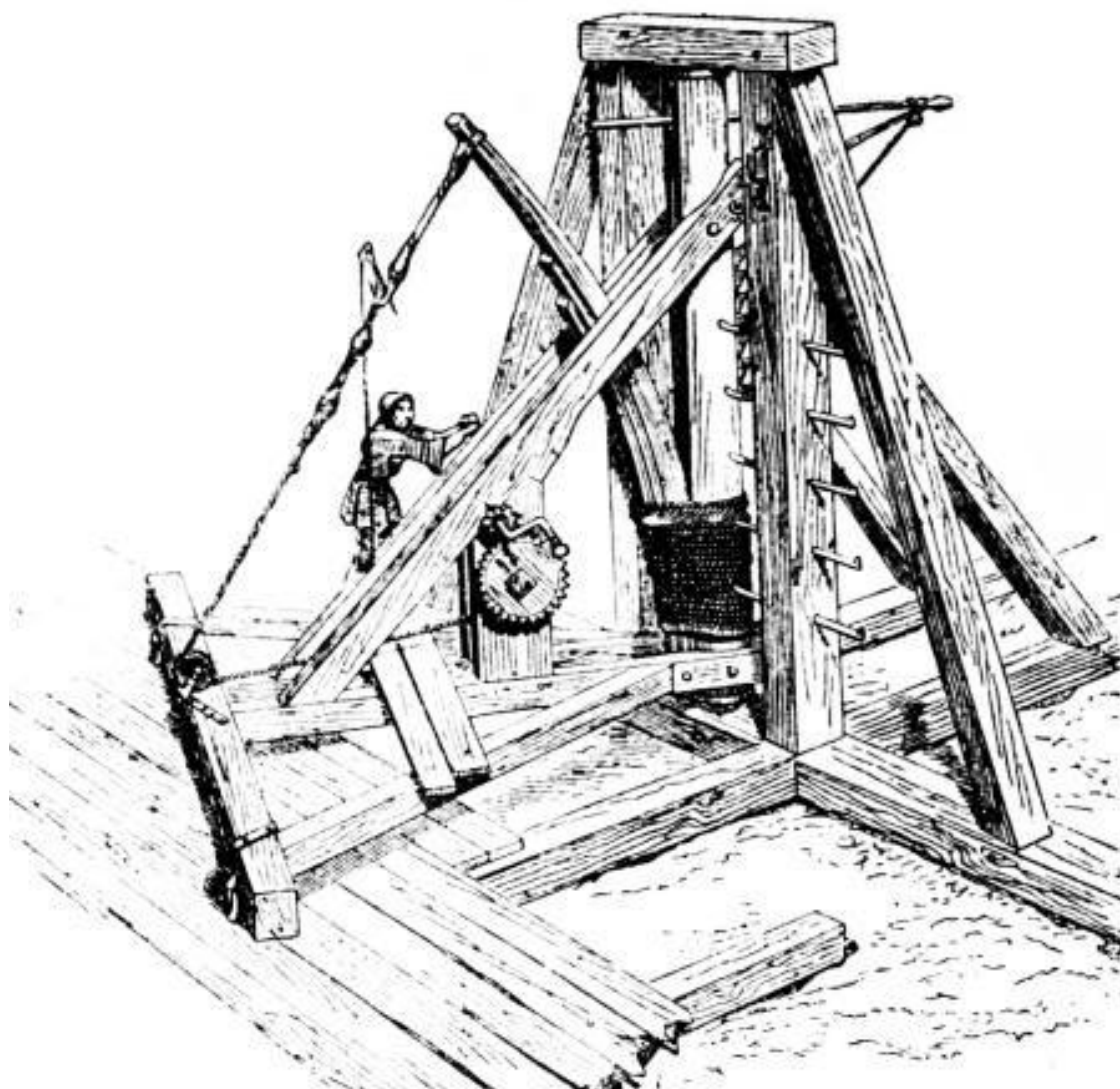
рубанком: все, что плотники сделали, чтобы выровнять их, - это обрубили ветви топором.⁸⁶ В ранних примерах использования таких башен они, по-видимому, использовались главным образом для подведения небольшой артиллерии осаждающих поближе к стенам. В Марре в 1098 году у крестоносца Раймонда Тулузского была очень высокая деревянная “колокольня”, высотой равная башням на городской стене, сделанная на четырех колесах. В защитников стен были брошены огромные камни и выпущены стрелы, а также были выпущены abordажные кандалы, чтобы ловить неосторожных людей своими крюками. В конце концов на стены взобрались по обычным штурмовым лестницам: если к машине и был соединен подъемный мост, то, похоже, им не пользовались.⁸⁷ в Антиохию, ранее в том же году, проникли с помощью штурмовых лестниц.⁸⁸ Колокольня, использовавшаяся Генрихом I. в Понтаудемере в 1123 году, была передвижной башней, но не использовалась для масштабирования. На самом деле он был на 24 фута выше крепостного вала: лучники и арбалетчики направляли с него свои стрелы и болты на защитников, в то время как другие бросали с него камни.⁸⁹ Даже в Шато-Гайяр нет особых оснований предполагать, что Филипп использовал свои колокольни для подъема на стены. Шахтеры и катапульты выполнили основную работу, пробив бреши в каменной кладке внешнего и внутреннего отделений: только среднее отделение было захвачено эскаладой, и это было сделано небольшим отрядом людей, которые пролезли через неохраемые отверстия в фундаменте часовни и таким образом смогли открыть ворота отделения для основных сил армии.

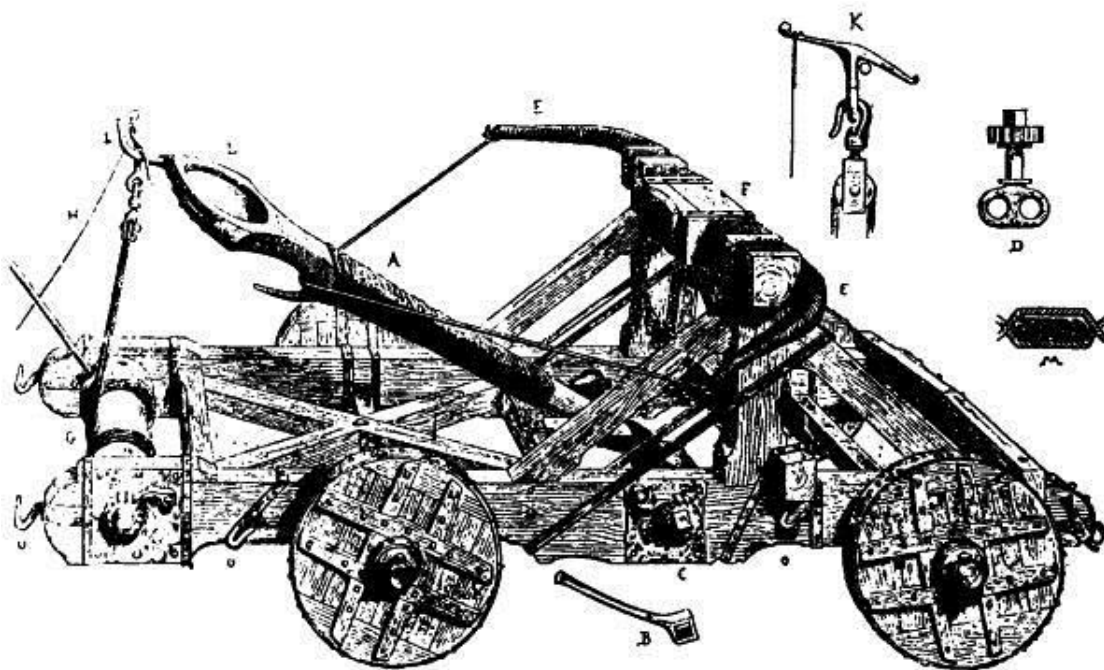
Осаждающие взбираются на стены с передвижной колокольни

Огромные осадные машины, способные стрелять камнями или болтами, которые часто раскалялись докрасна в печи перед подачей, со значительного расстояния, выполняли свою работу на заднем плане. Люди, которые присматривали за ними, были защищены частоколом, установленным перед двигателями; так было с инженерами Филиппа в Шато-Гайяр. Эти машины часто без разбора называют “каменьетами” (*petrariae*, *pierrières*) или катапультами; и описания их очень сильно различаются. Ясно, что в римской и византийской

войне двумя основными типами двигателей были камнеметные машины, известные позже как мангон или мангонель, и машины для метания дротиков, известные как *баллиста*.⁹⁰ Первый состоял из вертикальной гибкой балки между двумя прочными вертикальными стойками. Вертввки были натянуты от столба к столбу и обмотаны вокруг балки. Затем балку оттягивали назад с помощью лебедек и помещали камень в углубление в ее головке; затем ее внезапно отпускали, так что перекрученные шнуры ослабевали, и камень летел к своей цели, описывая в своем полете высокий эллипс. Сила, с которой работала *баллиста*, зависела не от перекрученных шнуров, а от натяжения шнура, соединявшего два конца большого лука и прикреплявшегося к подвижной рифленой детали, в которую помещалось копье. Напряжение ослабло, копье было выпущено. В то время как *баллиста* могла быть выпущена с определенной целью, цель камнеметной машины могла быть только общей, и ее главным назначением было бросать камни, которые из-за своего эллиптического полета попадали внутрь стен осажденного города.⁹¹

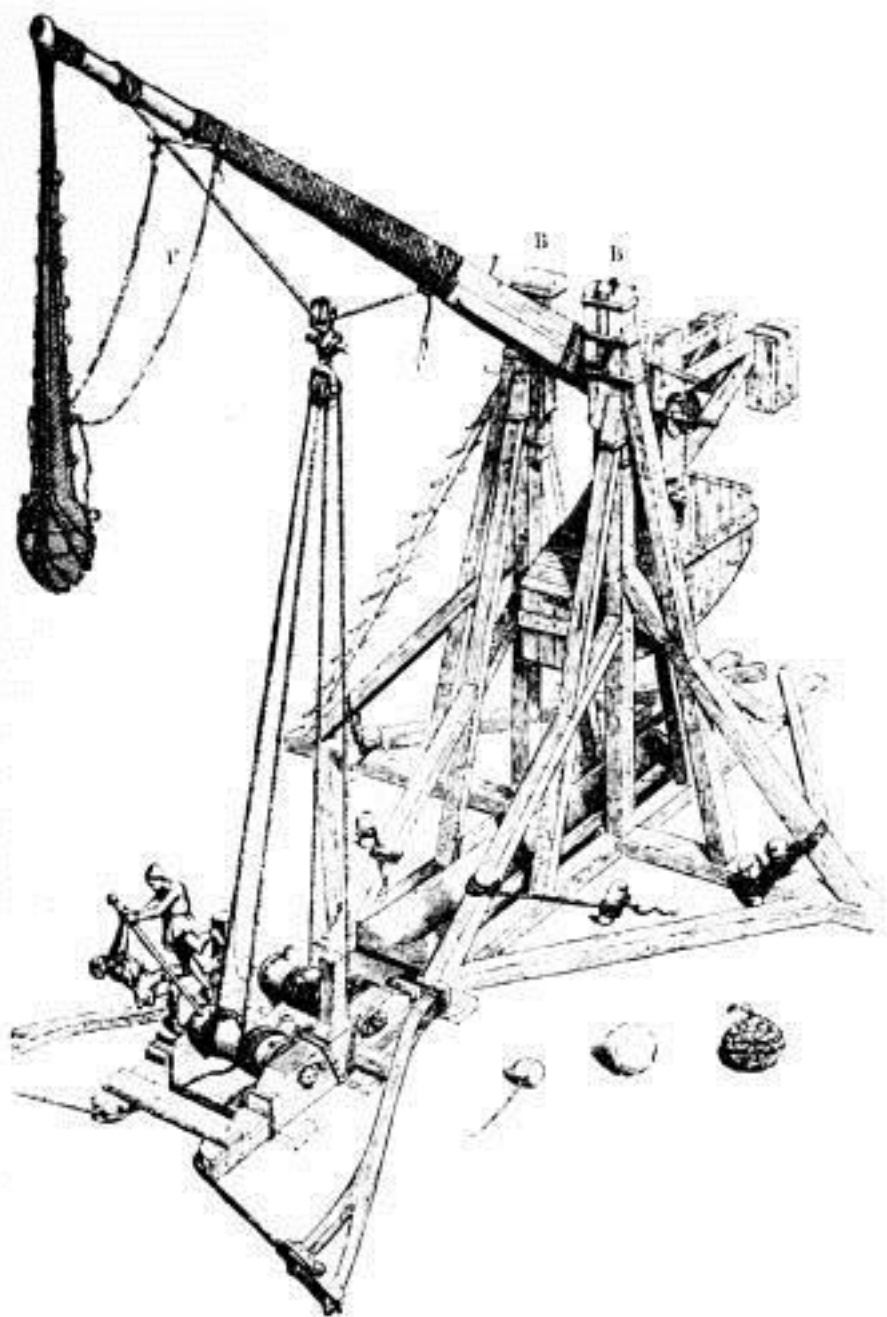

Движок для стрельбы дротиками

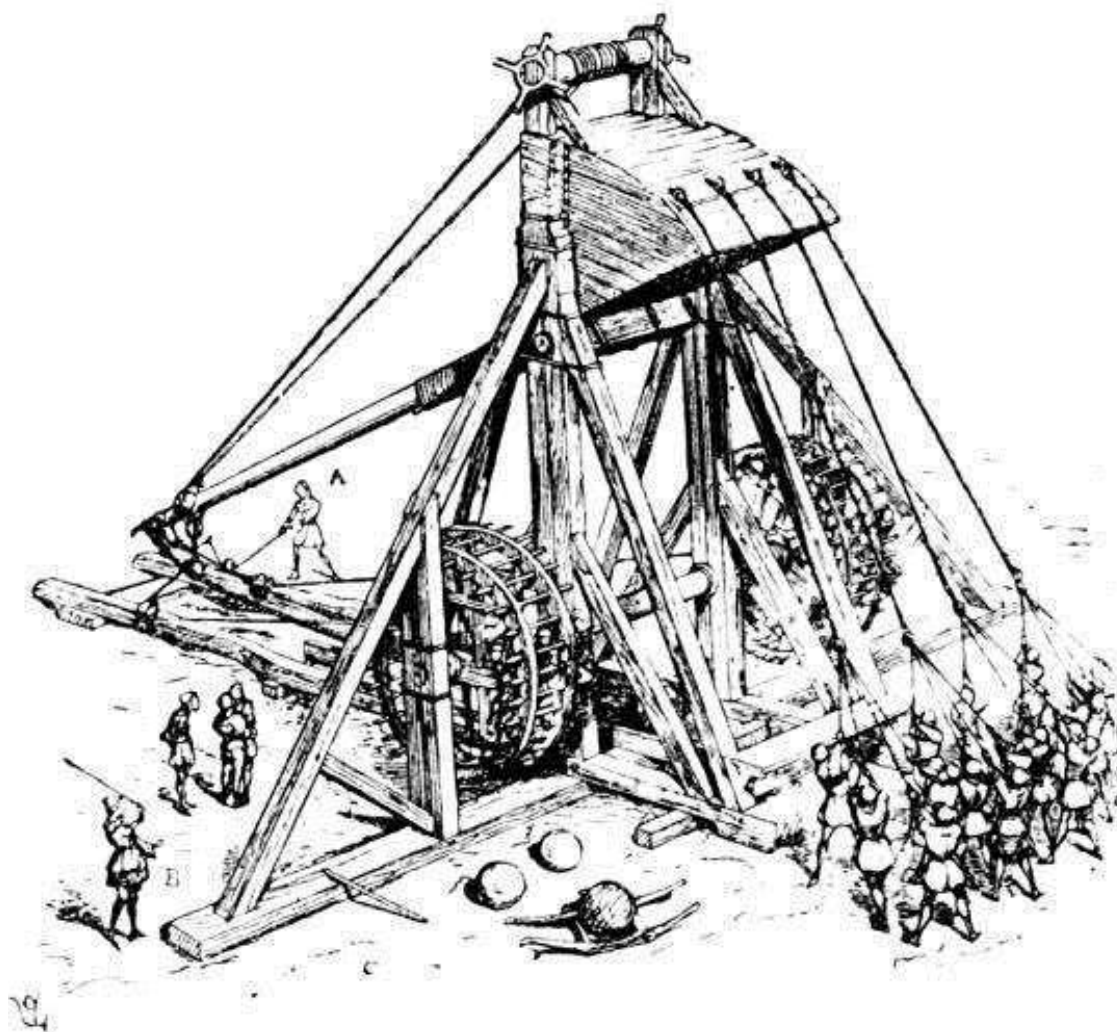

Камнеметный двигатель

The *Баллиста*, которая представляла собой просто огромный лук, способный выпускать огромные болты за счет натяжения горизонтального шнура, была в небольших масштабах преобразована в арбалет, который мог носить и управлять им один человек. Арбалет был изобретен или, по крайней мере, заново изобретен в Северной Европе в конце одиннадцатого века, он использовался во время первого крестового похода и поразил византийцев как новинка.⁹² Разработка более крупных двигателей, по-видимому, велась с целью метания камней, и для этой цели могли использоваться комбинации упомянутых выше машин.⁹³ Виоле-ле-Дюк в своих тщательно разработанных реконструкциях осадных машин показывает, например, мангон с центральной вертикальной стойкой, работающий на шарнире, в прорези около вершины которого закреплено копьё. Эта стойка укреплена двумя диагональными балками, закрепленными на задней части каркаса, который перемещается на том же шарнире в нижней части машины. Между ними гибкая балка, приводящая в движение копьё, прикреплена шнуром, проходящим через шкив, к лебедке, приводимой в движение человеком, а пучок шнуров туго обвит вокруг центральной стойки и балки (74). Он также показывает большую камнеметательную машину на колесной тележке, которая, в дополнение к устройству из скрученных шнуров, удерживаемых на месте системой храповых колес и обвязанных вокруг подвижной балки, имеет шнур, натянутый вокруг задней части балки и соединенный с двумя огромными пружинами, образующими дугу. Центр лука представляет собой массивный вертикальный каркас из дерева, который служит буфером для балки, когда ей позволяют лететь вперед и выпускать камень (74). Какими бы подробными ни были эти реконструкции, они, по-видимому, улучшают данные, предоставленные средневековыми авторами, и рисунки в рукописях. Гийом ле Бретон, автор панегирика Филиппу Августу, описывает камнеметательную машину, использованную при осаде Бове в 1185 году, как огромную пращу, которой управляли несколько человек и которая бросала огромные камни огромного веса. Балка, к которой был прикреплен снаряд, вращалась вокруг оси, и ее тащили назад к земле с помощью веревок, а затем отпускали.

Требушет или Стрповочная машина

Требуше с веревками , прикрепленными к противовесу

Это описание предполагает, что балка, уравновешенная на оси и требующая присутствия нескольких человек для разгрузки на одном конце, приводилась в действие противовесом на другом. Так было в случае с разработанной стропальной машиной, известной как *trébuchet*. Шест, работавший на шарнире между двумя вертикальными стойками, был утяжелен на одном конце тяжелым деревянным ящиком, наполненным землей, который удерживал шест, когда он не использовался, в вертикальном положении. К другому концу была прикреплена длинная праща, способная удерживать крупные камни. Когда натяжение веревок, которые тянули шест назад и поднимали противовес, было ослаблено, противовес тяжело опустился, резко вернув шест в исходное положение, и праща, описав круг в воздухе, выпустила камень, когда он достиг вершины дуги (75). Найдены вариации этой формы катапульты, получившей распространение в XIII веке (76); машина, известная как *cabulus*, которую Филипп Август с превосходным эффектом использовал против мощной внутренней стены Шато-Гайяр, возможно, была построена по принципу противовеса.

С этими способами и машинами нападения приходилось бороться защитникам замка. Очевидным средством обороны было противопоставить врагу стену такой толщины, которая была бы устойчива к ударам тарана или медленной работе кирки. Но даже очень прочная внутренняя стена в Шато-Гайяр, которая была построена специально для того, чтобы противостоять этим двигателям, поддалась шахтерам, усиленная огромной стропальной машиной. В данном случае замок подвергся длительной блокаде; его коммуникации были перерезаны за несколько месяцев до этого, и численность гарнизона значительно

сократилась. Урок осады заключался в том, что против упорной и хорошо организованной блокады простая пассивная сила была малоэффективна. Здесь также защитники, оттесненные с одного двора на другой, похоже, отказались от возможности последнего убежища, предоставленного им крепостью, и предприняли попытку покинуть замок через черный ход, прежде чем они попадут в руки врага.

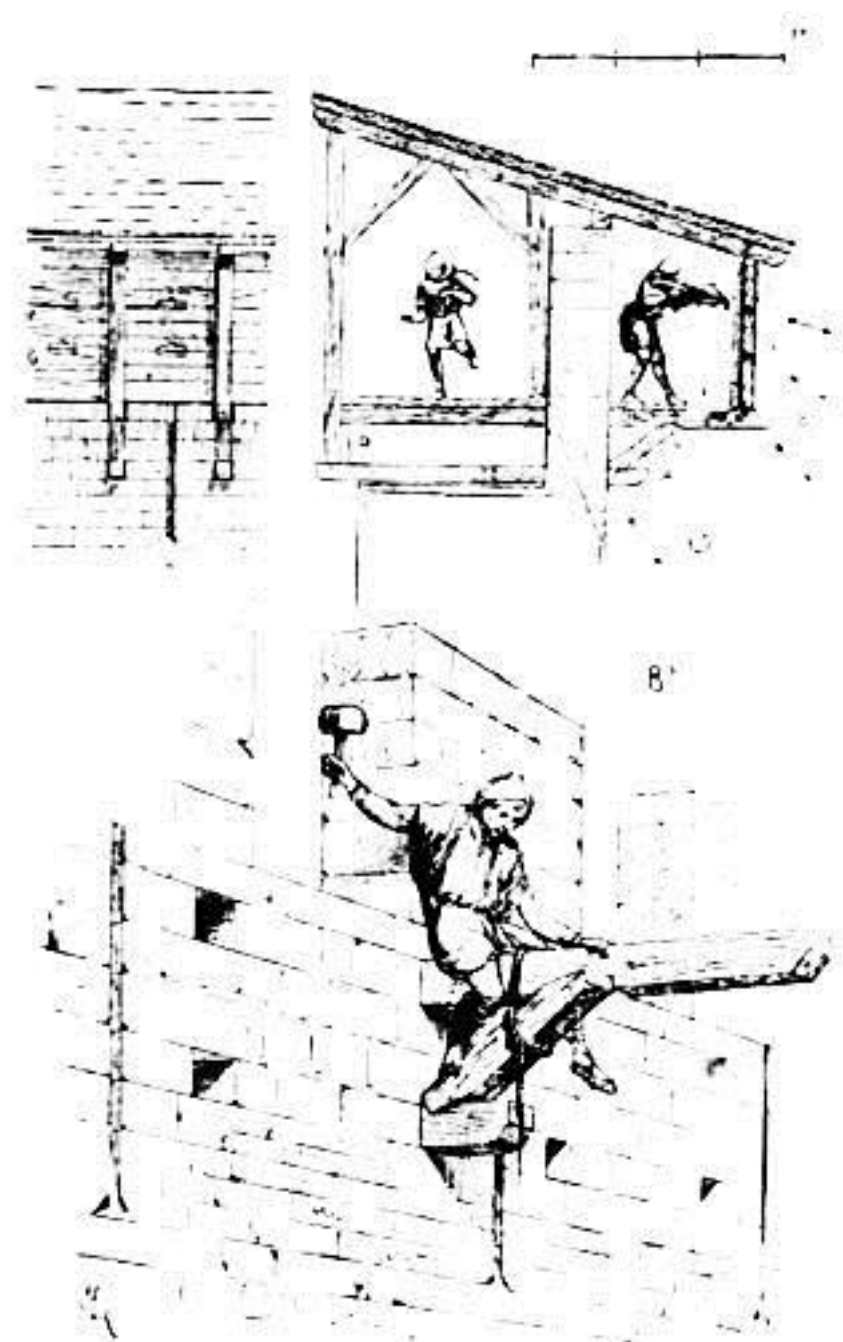
Эг-Морт

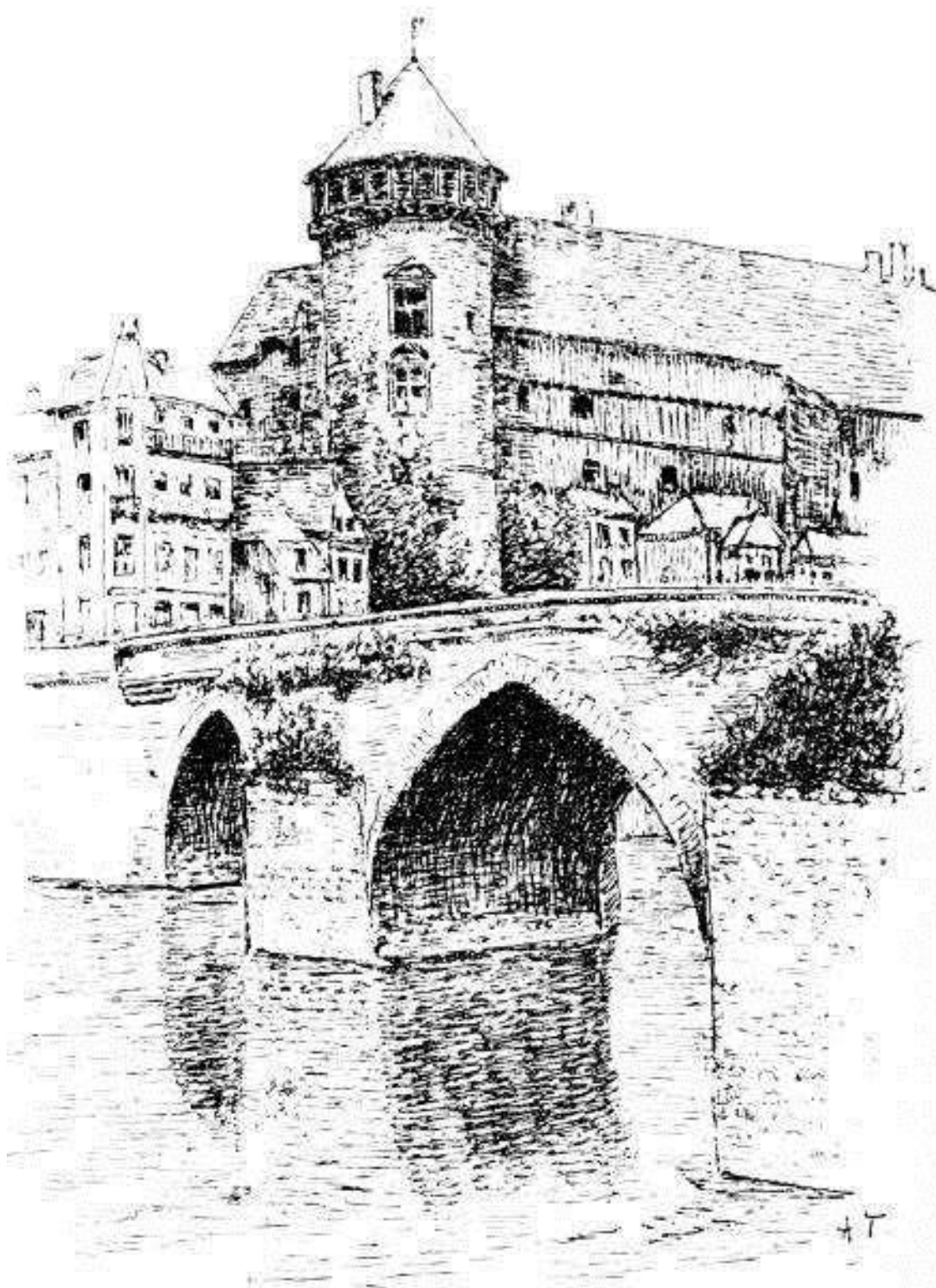
Каркассон

Однако Шато-Гайяр и замки того периода будут подробно рассмотрены в дальнейшем. В настоящее время нас интересуют прямые методы, использованные для отражения атаки осадных машин и попыток эскалации. Против огромных катапульт осажденные были практически бессильны. Использование таких машин на самих стенах было столь же опасно для устойчивости каменной кладки, как и их использование противником, и увеличивало вероятность прорыва: ими нельзя было пользоваться изнутри огады, не подвергая опасности защитников на валу.⁹⁴ Вершина прямоугольной башни двенадцатого века никогда не строилась как платформа для артиллерии: здесь, опять же, инженеры, вероятно, опасались воздействия постоянной вибрации на плоскую деревянную крышу и довольствовались тем, что скрывали свои ребристые крыши за высокими валами. Основным средством защиты, которое могли использовать обороняющиеся, был арбалет. Их выгодное положение на крепостном валу позволяло им забрасывать камнями и горящими материалами нападавших, сражавшихся у подножия стены, а колесные колокольни служили

прямой мишенью для их стрел. Таран можно также парализовать, опустив захваты или балки с раздвоенными головками, которые захватили его и вывели из строя; или можно было опустить мешки с шерстью или землей, чтобы встретить его удары. Нападавшие, однако, действовали под защитой своих пентхаусов и мансард, твердые верхушки и наклонные поверхности которых были специально приспособлены для защиты от ударов камней и стрел; в то время как, как мы видели, их покрытия были настолько защищены, что им было трудно загореться.

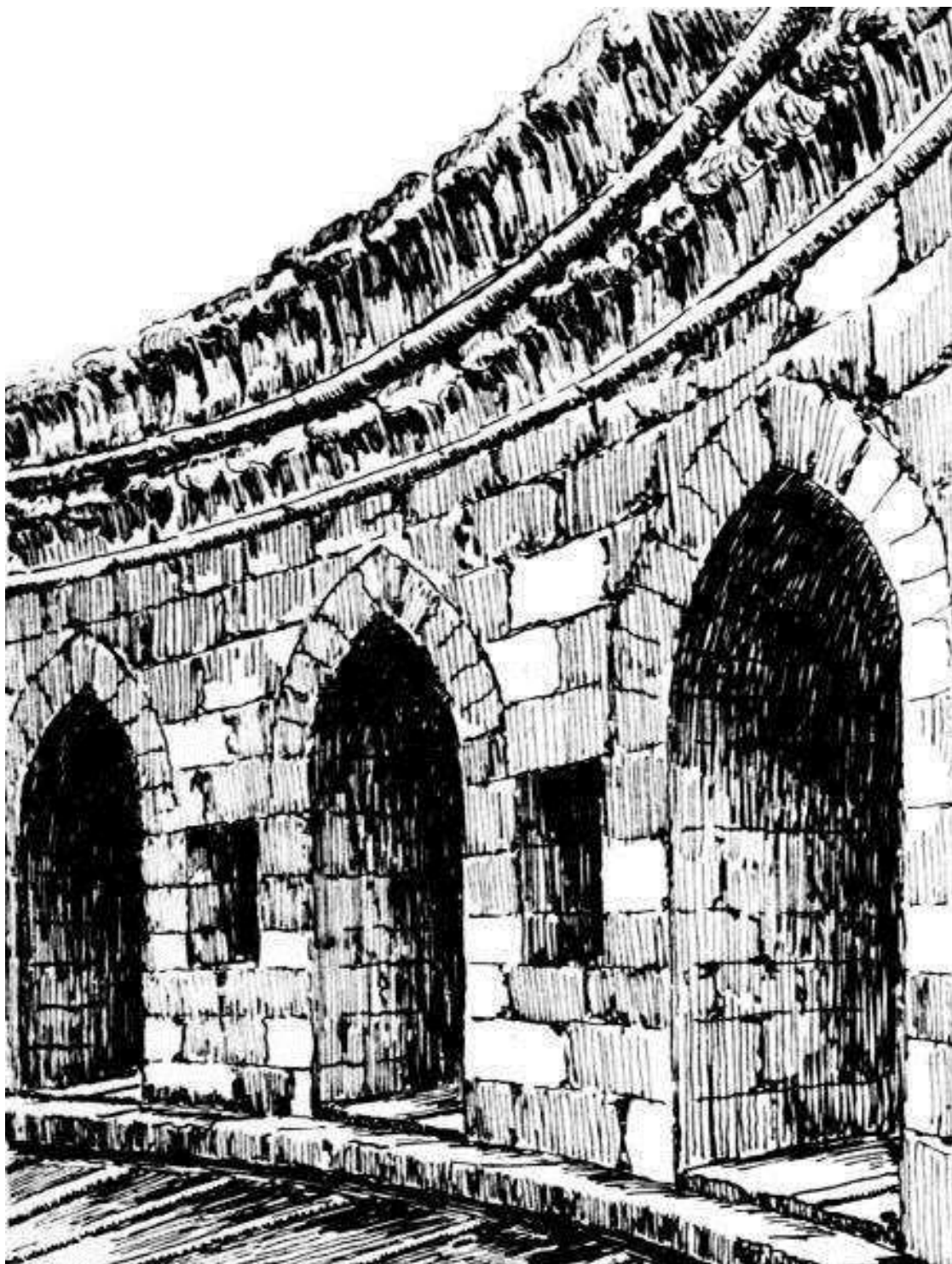
Парапет, защищенный ограждением, с указанием высоты, сечения через часовую стену и курьерскую линию и метода строительства, а также

Лаваль

Первые усовершенствования в обороне, предназначенные для отражения улучшенной атаки, заключались в защите крепостных валов. За внешним парапетом стены находилась дорожка-вал, ровная дорожка вдоль верха стены, которая иногда была защищена парапетом сзади. С давних времен в каменной фортификации было принято разбивать верхнюю часть парапета через определенные промежутки времени отверстиями, называемыми зубцами, через которые лучник мог контролировать ограниченную часть поля боя под прямым углом к стене.⁹⁵ Зубцы, однако, были узкими по сравнению с неразрушенными парапетами между ними, и даже в передовых примерах укрепления, таких как валы Эг-Морта (77) и Каркассона

(78), эти неразрушенные части все еще очень широкие, хотя в них проделаны щели для стрел. Даже с учетом наличия щели для стрел между каждым зубцом, из-за парапета нельзя было контролировать подножие стены. Таким образом, во время осады стало обычным снабжать стены выступающими деревянными галереями, известными как щиты или решетки (*часовые, бретели*), в которые можно было попасть через зубцы. Балки настила проходили через отверстия у подножия парапета и часто были общими для внешней галереи и внутренней галереи (*coursière*), покрывающей дорожку вдоль вала. Обе галереи имели общую крышу.⁹⁶ В полу внешней галереи, между балками, были отверстия, через которые можно было наводить снаряды на осаждающих у подножия стены; в то время как щели во внешней стене все еще были доступны для прямой стрельбы. Таким образом, защитники крепостных валов могли работать под укрытием, имея некоторый контроль как над полем боя, так и над подножием стены. Оборонительные преимущества этого плана очевидны; но галереи также были подвержены разрушению огнем, будь то от стрел с наконечниками из горячей пакли или более грозных раскаленных камней, бросаемых катапультами, несмотря на обычные меры предосторожности при их укрытии. В любом случае, катапульты представляли серьезную угрозу их прочности.

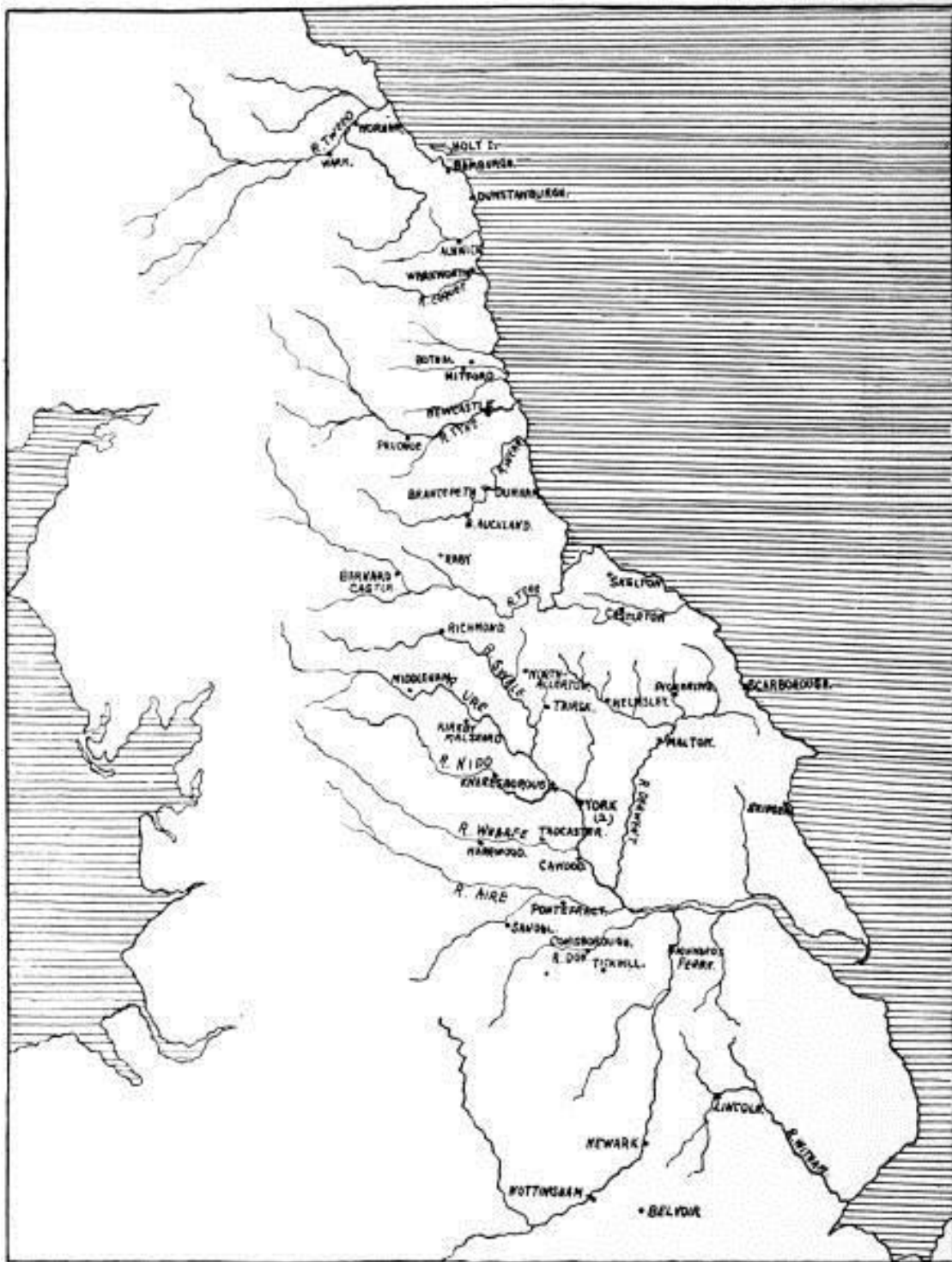
Коуси; парапет донжона

Донжон и башни *окружения* также были возведены на уровне крепостного вала.⁹⁷ Указания на эту практику распространены в военной архитектуре за рубежом. Цилиндрический донжон Лавалья (80), произведение двенадцатого века, покрыт кладкой, которая, как предполагается, является современной башне. Сохранились каменные карнизы, на которых крепилась огромная башня Куси XIII века, а ряд простых арок, прорезанных в высоком парапете, показывает, как в галерею входили с крыши (81). Несколько более ранняя круглая башня в Руане была восстановлена Виоле-ле-Дюком по образцу Куси, с конической крышей и ограждением. Внутренняя стена Каркассона и занавес Лоша, среди других примеров, сохранили отверстия, в которых были закреплены балки хранилища; а стены Нюрнберга все

еще покрыты внутренними галереями или *курьерами*. Практика дополнения каменных стен деревянными ограждениями сохранялась до позднего периода; но даже до конца XII века в единичных случаях появлялись зубчатые парапеты с машикулиями. В последующих главах мы увидим, как военные каменщики и инженеры применяли свое архитектурное мастерство для решения задач, которые ставили перед ними осадные машины большей мощности и более совершенные по тактике, чем те, что были в прошлом. Теперь нам предстоит заняться более ранними усилиями, которые мы в некоторой степени предвосхитили.

ГЛАВА V

НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА КАМЕННОГО ЗАМКА

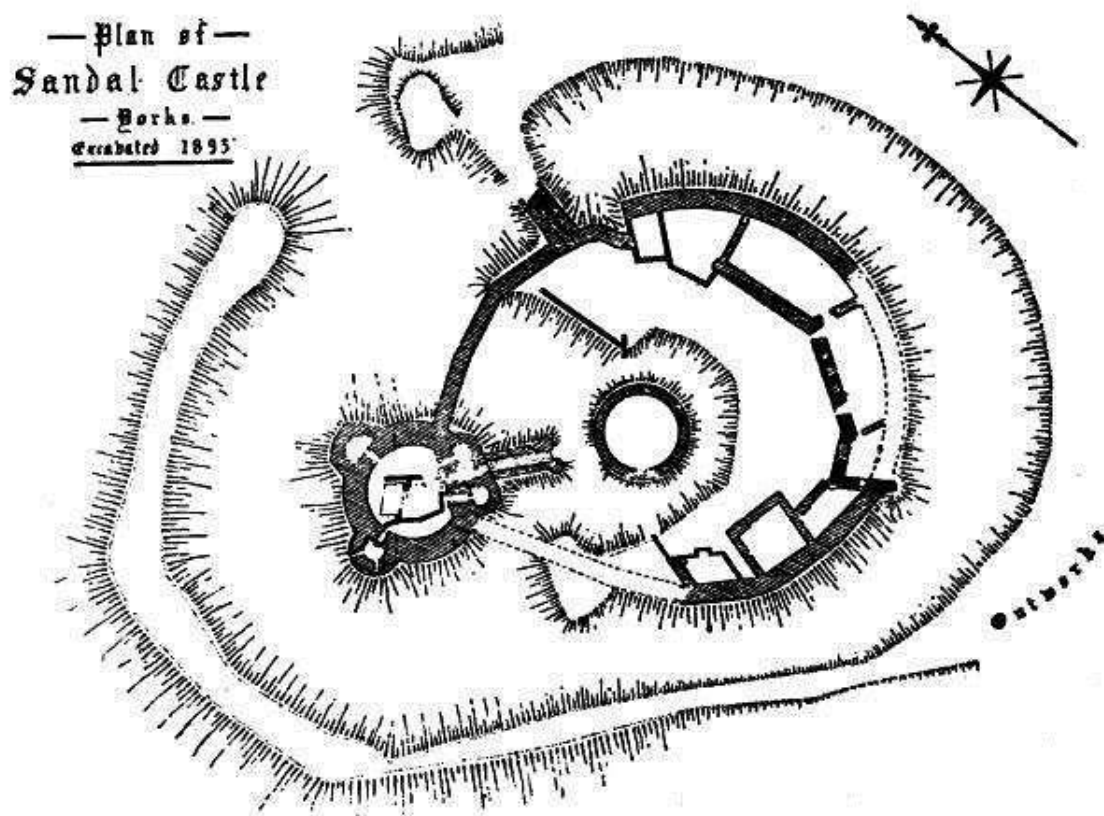

Карта основных замков северо-восточной Англии

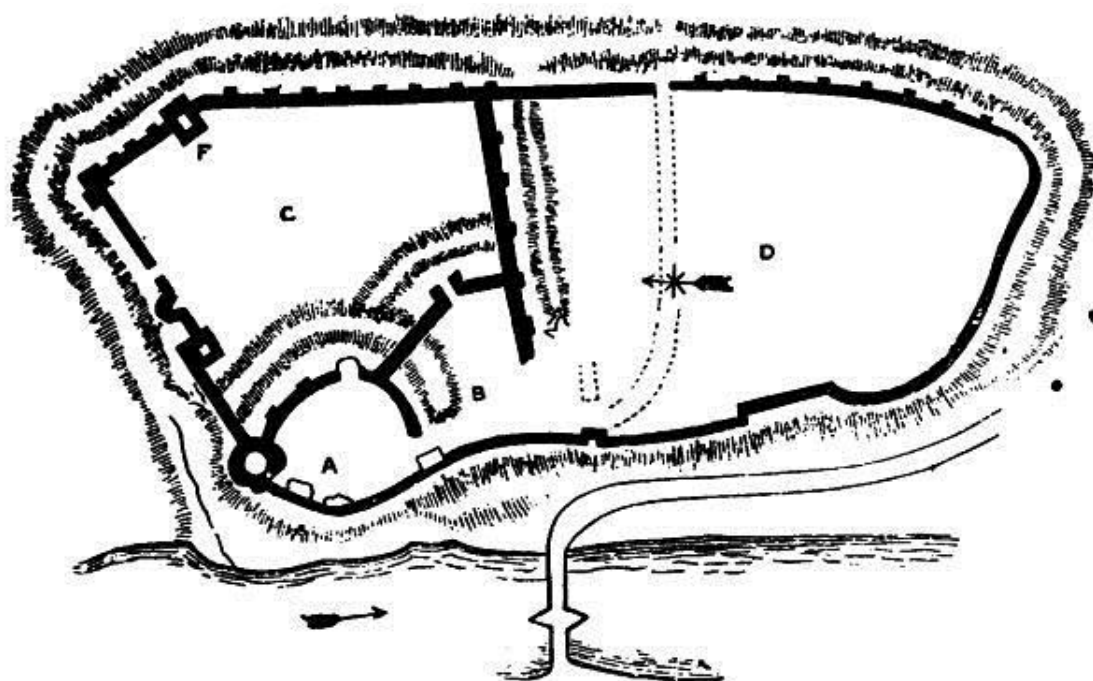
В Книге Страшного суда поименно или косвенно упоминается около пятидесяти замков; и в течение следующих ста лет их число значительно увеличилось. Однако ввиду большого количества временных частных крепостей, возникших в XII веке, трудно оценить количество постоянных замков до правления Генриха II в конце века. регулировал и сдерживал усилия частных владельцев по охране своей собственности с помощью крепостей. Замки, включенные в "Страшный суд", не представляют всего числа существовавших в тот период; а о таких важных замках, как Колчестер и Эксетер, которые, как мы знаем, были основаны до 1086 года, там нет упоминаний. Чтобы оценить стратегический план, которым руководствовались при строительстве замков, в полной мере, мы должны поэтому

обратиться на мгновение к более позднему периоду, когда защита Англии с помощью связанной системы этих опорных пунктов была обеспечена более тщательно. Здесь также не совсем легко, учитывая разрушение старых замков Генрихом II и основание новых в более позднюю эпоху, оценить точное состояние замков Англии в конце двенадцатого века.⁹⁸ Но, взяв один особый район, мы можем, по крайней мере, получить приблизительное представление о его линиях обороны в том виде, в каком они существовали примерно в 1200 году. Это северо-восточный округ Англии, через который проходит главный стратегический подход к Шотландии и который пересекают реки, спускающиеся на восток к морю. Это было место восстания Моубреев и вторжения Вильгельма Льва в 1174 году, в результате чего были разрушены по меньшей мере четыре важных замка: Киннардс-Ферри на нижнем Тренте, Тирск и Норталлертон в долине Моубрей, а также Киркби Малзерд на высокогорье над правым берегом Уре.⁹⁹ Будет обнаружено, что главные замки этого округа охраняют линию рек. На Тренте были Ноттингем на северном берегу и замок епископа Линкольнского в Ньюарке,¹⁰⁰ на юге; в то время как большая часть нижней долины реки находилась на некотором расстоянии от сильно расположенных замков Бельвуар и Линкольн. На границах Ноттингемшира и Йоркшира Тикхилл¹⁰¹ стоял перед Доном, в то время как узкий проход через Дон, в пяти милях к западу от Донкастера, охранялся Конисбро. Эти замки защищали подходы с возвышенностей на западе; болотистая местность к северу и востоку от Донкастера, ближе к реке Хамбер, хотя и часто служила убежищем для флибустьеров, не нуждалась в постоянном гарнизоне. К югу от Кальдера, напротив Уэйкфилда, стоял Санда. К востоку, ниже слияния рек Кальдер и Эйр, находился Понтефрак, занимавший очень сильную и важную позицию.¹⁰² На Пристани не было большого замка, хотя Хэрвуд охранял южный берег реки между Отли и Тэдкастером, а в самом Тэдкастере был замок, о котором мало что известно; замок Кэвуд был просто помещьем архиепископов Йоркских.¹⁰³ На реке Уз, почти в центре графства, стояли два замка Йорк, у истоков приливно-отливной магистрали. Кнарсборо находился к западу от Йорка, на северном берегу Нидда. В каждой из долин Северного Райдинга был свой крепкий замок. В Уэнслидейле находился Миддлхэм, к югу от Уре. Ричмонд, со своего утеса в устье Суолдейла, господствовал над обширной территорией, простиравшейся до Хэмблтонских холмов и Галтресского леса к северу от Йорка. Замок Барнард занимал прочное положение на Даремском берегу реки Тис. Замками восточной части Северного Райдинга были Скелтон и Каслтон, оба в Кливленде, принадлежавшие дому Брюсов. Хелмсли стоял у входа в Райдейл; Пикеринг и Малтон находились на Дервенте, а Скарборо охранял побережье. К югу от Скарборо, в Ист-Райдинге, единственным важным замком того времени был Скипси, расположенный на низкой береговой линии Холдернесса, между Фламборо и Спурш-хедс. Возвращаясь к границе Дарема и пересекая реку Тис, мы находим Бранспет и Дарем на Износе. На южном берегу Тайна находился Прудхо в Нортумберленде; к северу от Тайна находилась великая крепость Ньюкасл. Большинство замков и небольших крепостей Нортумберленда были построены в более позднюю эпоху. Главными замками в этот период были Митфорд на реке Вансбек, Уоркворт на реке Коке, Алник на реке Алне, Уорк и Норхэм на реке Твид, а также Бамбург и Холи-Айленд, замки на морском побережье. Этот список можно было бы расширить, но в него включены наиболее важные крепости к востоку от Пеннинской цепи, и по нему можно легко понять стратегическую географию этого важного района. Из тридцати четырех замков в этом списке десять, включая надвратную башню в Ньюарке, имели прямоугольные башни-опоры, из которых сохранилось девять; Конисбро и замок Барнард (⁸⁷) имели цилиндрические башни-опоры. От остальных в большинстве случаев, как, например, в Сандале (⁸⁶), сохранились горы, а в нескольких случаях, как в Скипси, есть остатки крепости-ракушечника. Крепости Линкольна и Пикеринга по-прежнему являются прекрасными примерами своего типа. Каменная кладка в Йорке, Понтефракте и Кнарсборо

относится к более позднему периоду; и почти во всех случаях, где сохранилась каменная кладка, она несет на себе следы существенных более поздних дополнений.

Сандальный замок; План

Замок Барнард; План

Следует отметить, что замки, охранявшие перевалы через холмистые районы, обычно располагались, как Миддлхэм и Ричмонд, на сравнительно открытой местности у подножия перевала. Так было в случае с такими валлийскими замками, как Брекон и Лландовери, или

башней Долбадарн, расположенной ниже перевала Лланберис. Изолированная позиция у подножия перевала была нелегкой для снабжения продовольствием, да и не столь полезной, как положение на более открытой местности, откуда, как, например, в Бреконе или Миддлхэме, можно было контролировать большую часть горной местности. Трекасл (44), расположенный на вершине перевала между Бреконом и Лландовери, уже упоминался как место, которое, вероятно, было заброшено рано: местность, на которую он выходил, ограничена по сравнению с участком в пределах досягаемости Брекона, точки, к которой сходятся все долины по соседству.

В местах, где замок составлял часть оборонительных сооружений города-крепости, его обычно размещали на линии стены, так что стена на некотором расстоянии образовывала часть ее занавеса. Это хорошо видно в Линкольне, где замок занимал юго-западный угол более древнего римского города. Замок Ладлоу находится в северо-западной части города, стена которого примыкает к нему с северной стороны и с юго-западного угла. В Карлайле замок занимал один из углов города, городские стены с обеих сторон соприкасались с южным выступом. В таких случаях замок, защищая город, был также защищен от него рвом, через который был устроен подъемный мост. Бристольский замок стоял на перешейке, к востоку от города, между реками Эйвон и Фром, и в этом сильном месте к нему с обеих сторон с западной стороны примыкали городские стены. В 1313 году, когда горожане подняли восстание, они отрезали замок от города, построив с той стороны новую стену. 104 В случае с Бристолем при строительстве замка потребовались некоторые изменения в городской стене, поскольку время шло, но с самого начала замок занимал свое место в обычной *ограде*. Если в Йорке замки сначала строились, как это, по-видимому, имеет место, за пределами городских укреплений, то вскоре их окружение было расширено и включало замок, во всяком случае, на правом берегу реки. Хотя замок Саутгемптон почти полностью разрушен, места соединения его занавесей с западной стеной города довольно отчетливы. Аналогичным образом можно проследить расположение таких замков, как Шрусбери, Лестер и Ноттингем, или близко к *окружению* города, хотя от стен мало что осталось. В иностранных городах, окруженных стенами, таких как Анже или Лаваль, замок, как и в Англии, составлял часть внешних оборонительных сооружений. В более поздних замках, таких как Карнарвон и Конвей, сохранилось такое же отношение к плану города. Есть исключения, главным из которых является Лондонский Тауэр, расположенный внутри римской, но за пределами средневековой городской стены. Чепстоу также находится за пределами города, между которым и замком протекает глубокий овраг: но в данном случае город вырос сразу после основания замка. Следует проводить различие между замками, основанными в связи с укрепленными городами, в которых замок составлял часть общей схемы обороны, как в Бристоле и Оксфорде, и замками, под защитой которых выросли такие города, как Чепстоу, и впоследствии были укреплены. Хорошим примером этого последнего класса является Ньюкасл, в котором отношения города и замка прямо противоположны отношениям в Чепстоу. Когда замок был основан Завоевателем, это место, где когда-то стоял римский гарнизон и какое-то время жила колония английских монахов, вероятно, было незначительной деревней. Город, выросший на этом месте, получил свое название от замка и был обнесен стеной в тринадцатом и четырнадцатом веках. Стены, однако, были обрушены до берегов Тайна на некотором расстоянии к востоку и западу от замка, который, таким образом, полностью находился в пределах их окружения. В Норвиче, месте, не имевшем большого значения до завоевания, замок также полностью находится в пределах старой городской стены. Одним из лучших примеров связи между городом-стеной и замком является Лонсестон, где городок Данхевед вырос на узкой территории, которая фактически была внешней границей мощной крепости на холме.

За возведением замка на постоянном месте рано или поздно следовало возведение каменных укреплений. Эта работа часто была очень постепенной. Мы видели, что даже такой важный замок, как Йорк, сохранил часть своего деревянного частокола еще в 1324 году. Однако это был исключительный случай. Стены и башни средневековых замков демонстрируют, как и следовало ожидать, значительное разнообразие каменной кладки; но эпохой, когда их каменные укрепления стали повсеместными, можно назвать третью четверть двенадцатого века. В 1155 году Генрих II. вернул замки и другую королевскую собственность в свои руки и приказал разрушить нелегализованные замки, которые возникли во время гражданских войн предыдущего правления.¹⁰⁵ За этим шагом, несомненно, последовала большая активность по укреплению обороны оставшихся замков.

В то же время в замках сохранилось много существенных остатков каменных построек более ранних, чем эта эпоха. Каменные донжоны или крепости, безусловно, были исключением в Англии до правления Генриха II, хотя есть несколько важных примеров более ранней даты. Однако нельзя оспаривать, что некоторое количество замков было обнесено каменной оградой¹⁰⁶ и другими каменными постройками вскоре после завоевания. Возведенные таким образом навесные стены должны были повторять линию земляного вала, окружавшего двор замка, и занять место деревянного частокола. Сначала они были простейшей формы. Эдикт совета Лилебонна в 1080 году установил правило, насколько это касалось нормандского герцогства, для строительства защитных сооружений частных замков; и, хотя детали относятся в первую очередь к обычной деревянной конструкции, они также имеют отношение к строительству ранних каменных завес. Ни одна канава не должна была быть глубже уровня, с которого землекоп мог бы без посторонней помощи забрасывать землю на поверхность. Частокол должен был проходить по прямым линиям и не иметь *пропугнакул* и *алаторий*—т.е. выступающих башен и зубчатых стен, а также проходов или галерей вдоль вала.¹⁰⁷

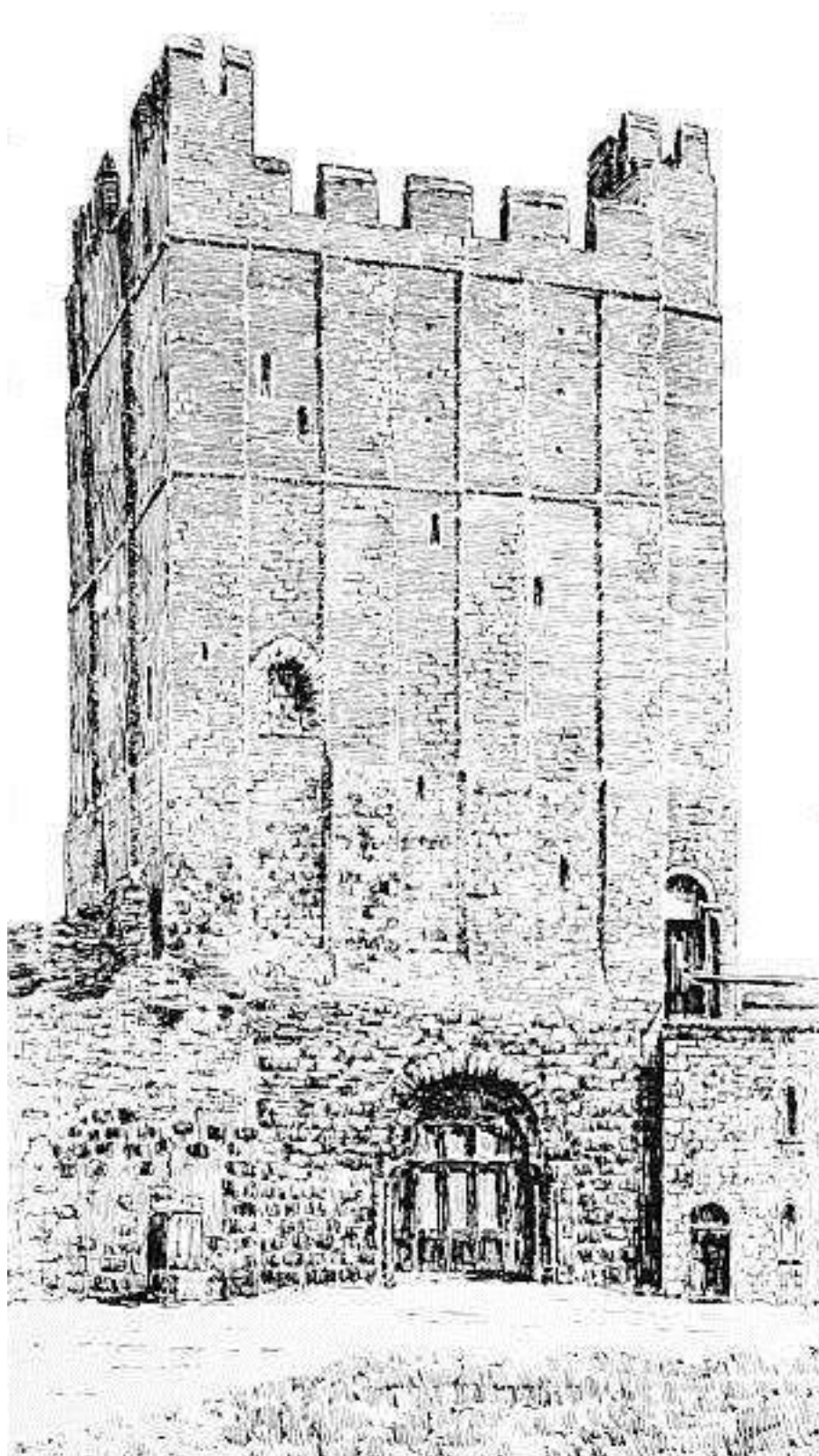
Самый ранний тип навесной стены должен был строго соответствовать этим правилам — мощная каменная стена, окружающая двор замка и поднимающаяся по склонам горы, чтобы присоединиться к обороне донжона. Мы читаем о разрушении Людовиком VI. королем Франции каменных укреплений, которыми был окружен дом лорда Моле;¹⁰⁸ и уже процитированный указ применим к укреплениям на ровном месте и включает в себя не просто замки, но прочные частные дома, которые могут не обязательно соответствовать плану замка. Эдикт, однако, полностью запрещает строительство частными лицами замков на скалах или островах. Причина этого очевидна. Такие изолированные крепости могли бы стать в руках частных владельцев центром восстания против сюзерена. В 1083 году Хьюберт Мэн успешно противостоял Завоевателю в своем скальном замке Сен-Сюзанна (Майенн) на реке Эрве, “недоступном из-за скал и толщины окружающих виноградников”.¹⁰⁹ Вильгельм II. в 1095 году осадил Роберта Моубрея в его замке на почти неприступной скале Бамбург, причем ему повезло значительно больше.¹¹⁰ Такие скалы образовывали, так сказать, естественные возвышенности, что делало ненужным строительство на них обычного замка маунт-энд-бейли. Более того, твердость почвы затрудняла или делала невозможным строительство земляных укреплений. Естественным методом обороны было бы возведение каменной стены, окружавшей крепость.

БАМБУРГСКИЙ ЗАМОК: большая башня

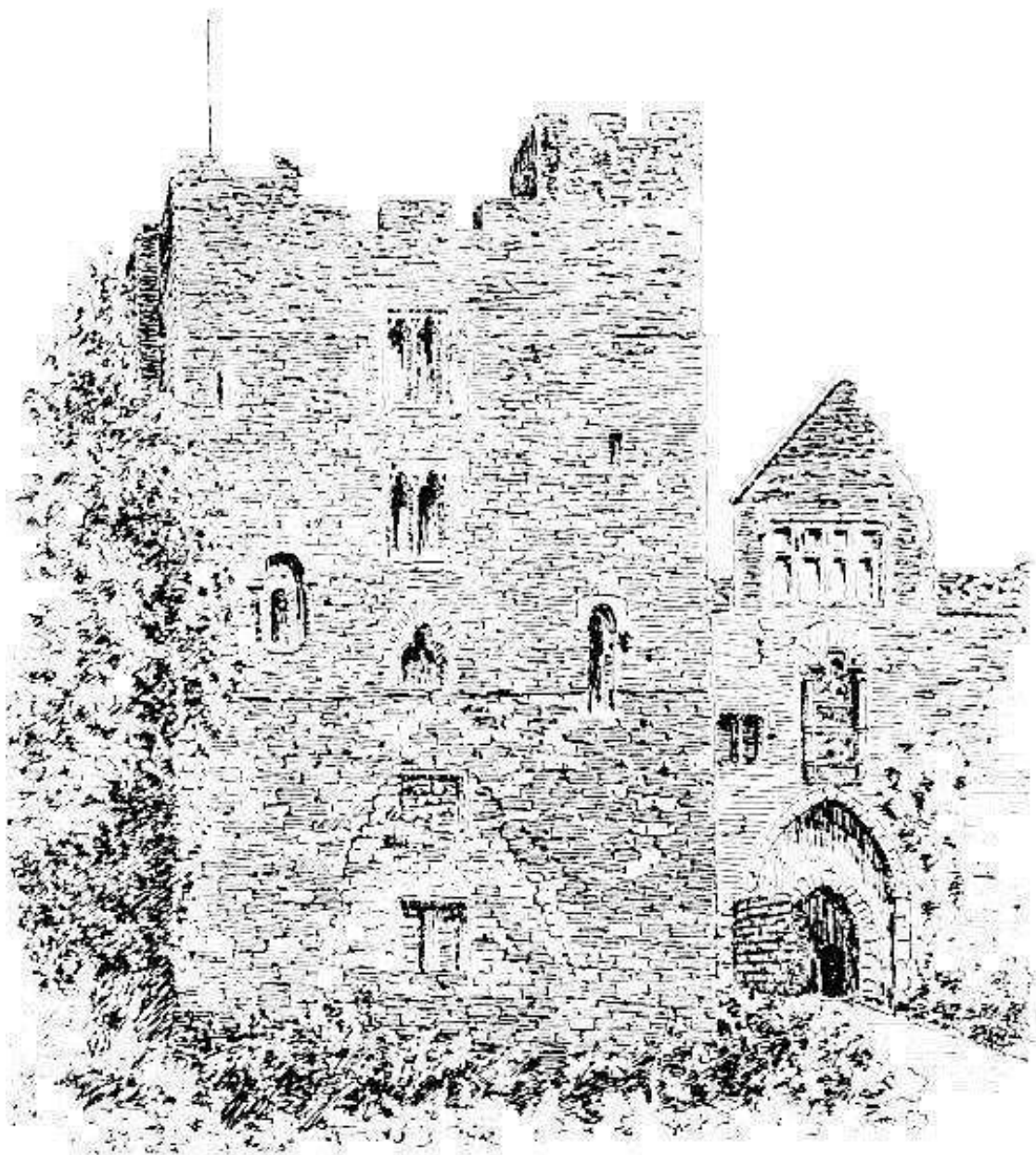
БАМБУРГСКИЙ ЗАМОК

Ричмонд; грейт-тауэр

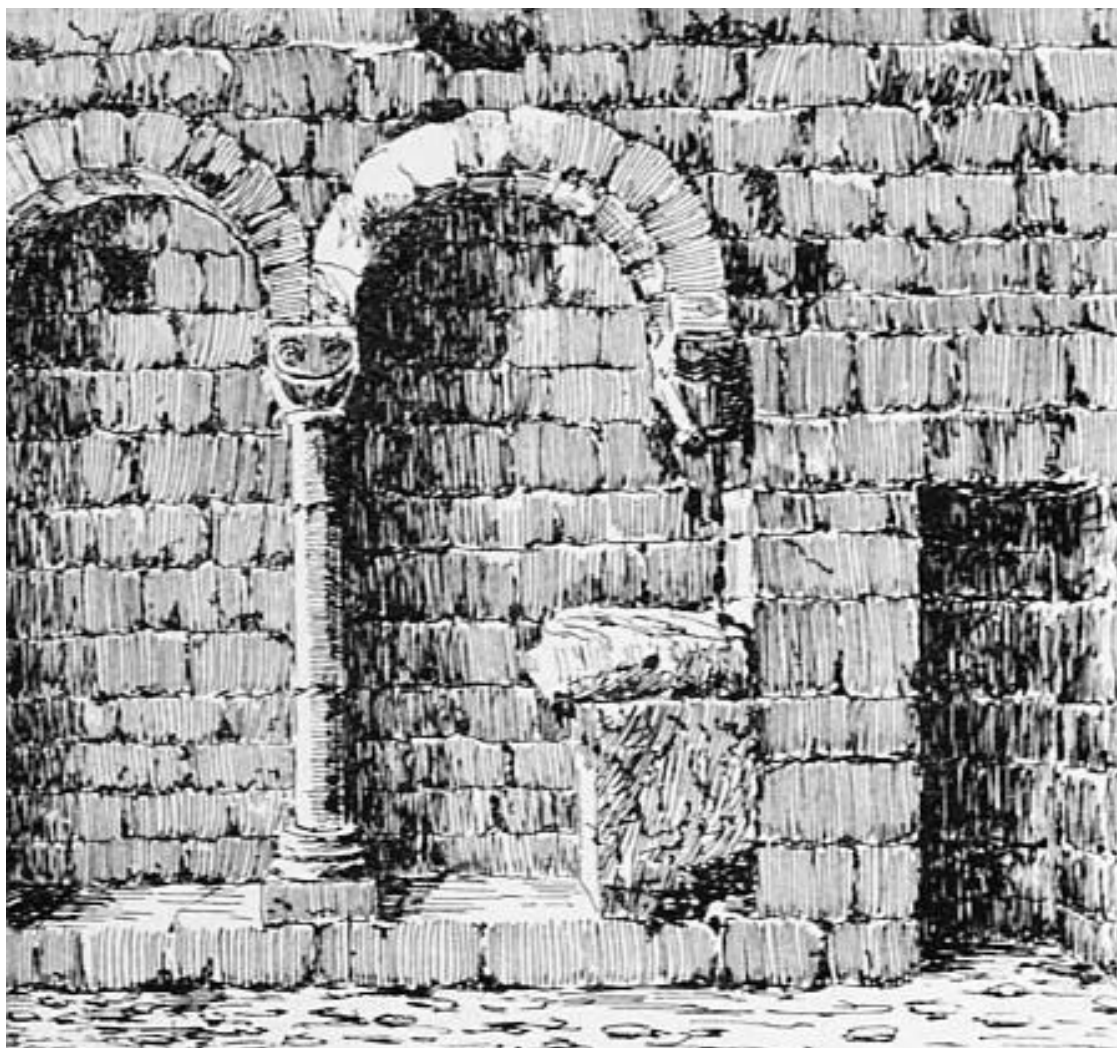
Ни в Сент-Сюзанне, ни в Бамбурге (91) нет каменной кладки ранее двенадцатого века. О замке Сен-Сенери-ле-Жерей (Орн), который, как мы знаем, был укреплен каменными стенами до конца одиннадцатого века, 111 сегодня сохранились лишь неразличимые остатки каменной кладки. С другой стороны, на скалистых и изолированных участках расположено определенное количество замков, стены которых можно с полным основанием отнести, полностью или частично, ко второй половине XI века. Наиболее важным примером является

замок Ричмонд в Йоркшире (91), расположенный на высоком скальном выступе над болотом. Форма корпуса - треугольная. Наиболее заметной особенностью замка является великолепная квадратная башня, или донжон, которая была достроена между 1170 и 1180 годами и стоит на северной стороне *ограды*, в начале подхода со стороны города. Занавес, однако, к западу от донжона, содержит каменную кладку "селедочная кость", 112 и имеет грубую конструкцию, которая создает наибольший контраст с правильной и тесно сочлененной каменной кладкой большой башни. Башня с трех сторон образует выступ наружу от занавеса, большого размера и прочности, и представляет собой сооружение длиной в один период от земли вверх. Но при входе в замок сразу становится очевидно, что нижняя часть южной стены башни образована частью более раннего занавеса. В середине этой части работы находится широкий дверной проем с круглой аркой из двух неотформованных ордеров, которая теперь образует вход в подвал башни. Капители косяков этой арки безошибочно выполнены в стиле одиннадцатого века, со спиралями по верхним углам и рядом листьев аканта вокруг колокола. Этот тип капителя можно увидеть в таких зданиях, как две церкви аббатства в Кане, неф приората Крайстчерч, западный фасад Линкольнского собора и другие ткани, выполненные до 1100 года, и это верный ориентир для определения даты работы, в которой он встречается. Таким образом, может показаться, что кладка этой арки и большей части занавеса - работа Алана Бретонского, графа Ричмонда, который, несомненно, основал замок и умер в 1088 году. 113 "Замок" содержит больше работ его времени, о которых кое-что будет сказано в продолжении.

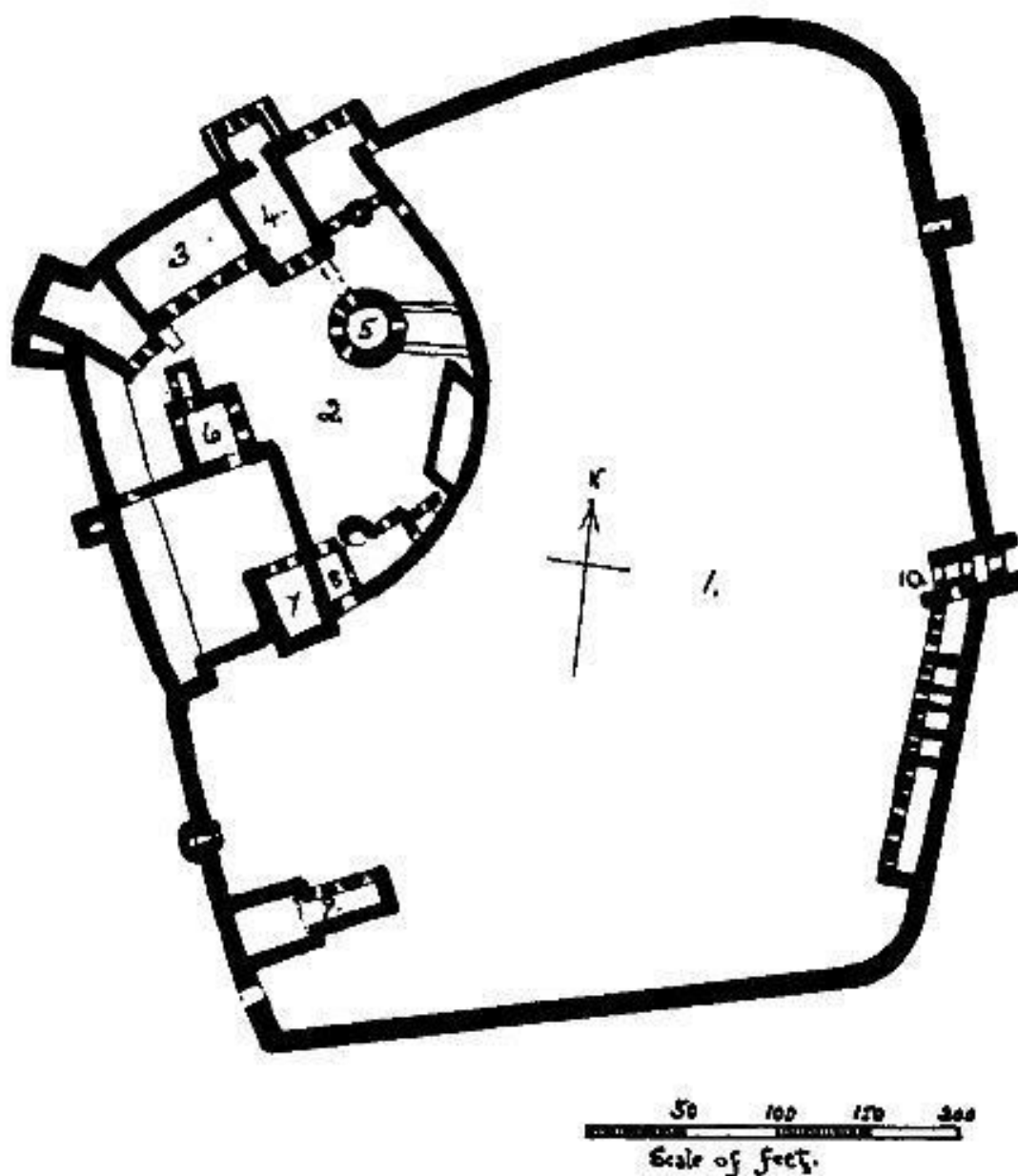

Ладлоу; Вход во внутреннюю палату

Когда была построена большая башня Ричмонда, вход был сделан на втором этаже, со стороны крепостного вала занавеса. Совершенно ясно, что до этого времени только что описанная арка была главным входом в замок и, вероятно, была перекрыта со стороны города прямоугольным зданием, которое образовывало нижнюю ступень надвратной башни или сторожки, ниже нынешнего донжона. Это подтверждается сравнением с крепостной башней в Ладлоу, где совершенно ясно, что сторожка одиннадцатого века была позже преобразована в крепость путем замуровки внешнего входа (94). Новый вход в замок, как и в Ричмонде, был сделан в соседнем занавесе, откуда им можно было легко управлять с башни. Дата постройки нижней ступени донжона, как и в Ричмонде, определяется деталями капителей и стволов, которые в данном случае относятся к аркаде в восточной стене внутренней части (95).¹¹⁴

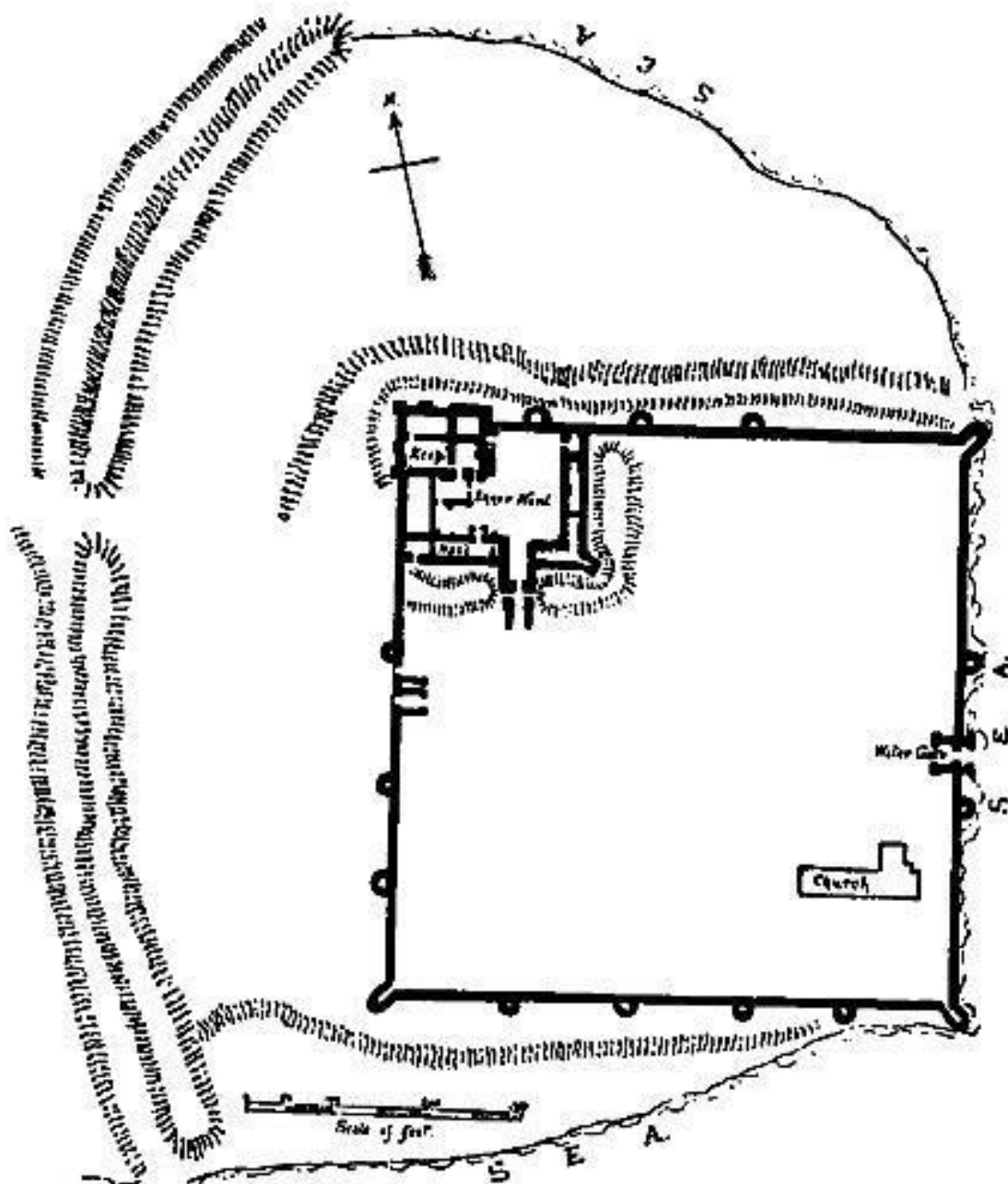
Ладлоу; Настенная аркада в подвале грейт-тауэра

Ладлоу; План

Участок Ладлоу (96), как и участок Ричмонда, представляет собой скалистый полуостров, где каменный занавес, материал для которого имелся на месте, служил очевидным средством обороны. Не было ни горы, ни крепости. Эксетер, опять же, является ранним примером замка с каменными стенами на скалистом участке, где ворота с башней наверху образовывали главный вход. Такие участки были естественным образом защищены осыпанием грунта с более крутых сторон; сторона, с которой был возможен подход, была прикрыта канавой, вырубленной в скале. Ров должен был быть пересечен подъемным мостом, опущенным с внутреннего края, рядом с воротами. Сама сторожка представляла собой здание из двух или более ступеней; в Ладлоу верхняя ступень, завершенная, была значительно выше, чем нижняя.¹¹⁵ В Эксетере, вероятно, было три этажа. В Тикхилле сохранилась единственная верхняя ступень. В Льюисе и Порчестере есть четкие свидетельства наличия верхней камеры. Сторожка в Порчестере, как и в Ладлоу, была входом во внутреннее отделение, отделенное рвом от большого внешнего отделения,¹¹⁶ которое в Порчестере представляло большую часть *ограждения* римского вокзала и содержало приоратскую церковь и постройки. В этих ранних сторожках нижняя ступень была закрыта с обоих концов тяжелой

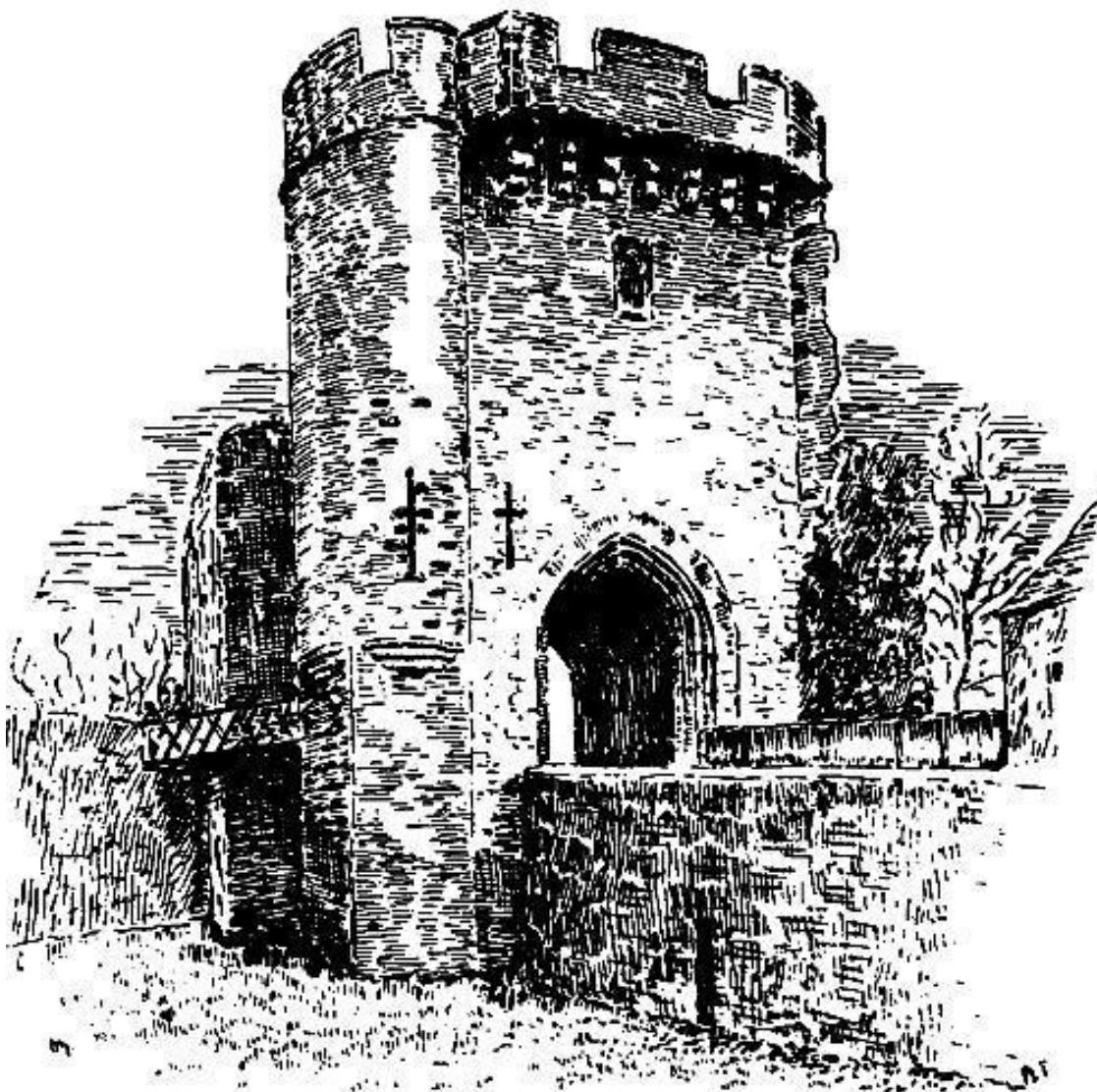
деревянной дверью и перекрыта плоским деревянным потолком. Опускная решетка отсутствовала. В Ладлоу нижняя сцена, по-видимому, была разделена на внешнее крыльцо и внутренний зал поперечной стеной, в которой, должно быть, была дверь; но сообщение между этими частями также обеспечивалось узким проходом с бочкообразным сводом в толще восточной стены, который, открываясь из внешнего отделения, поворачивал под прямым углом к себе в направлении длины стены и, сделав еще один поворот под прямым углом, открывался во внутренний зал (95). Этот проход охранялся дверями, которые открывались внутрь с обоих концов.¹¹⁷ Когда внешний дверной проем сторожки был заблокирован, нижняя ступень была перекрыта заостренным бочкообразным сводом.¹¹⁸

Порчестер; План

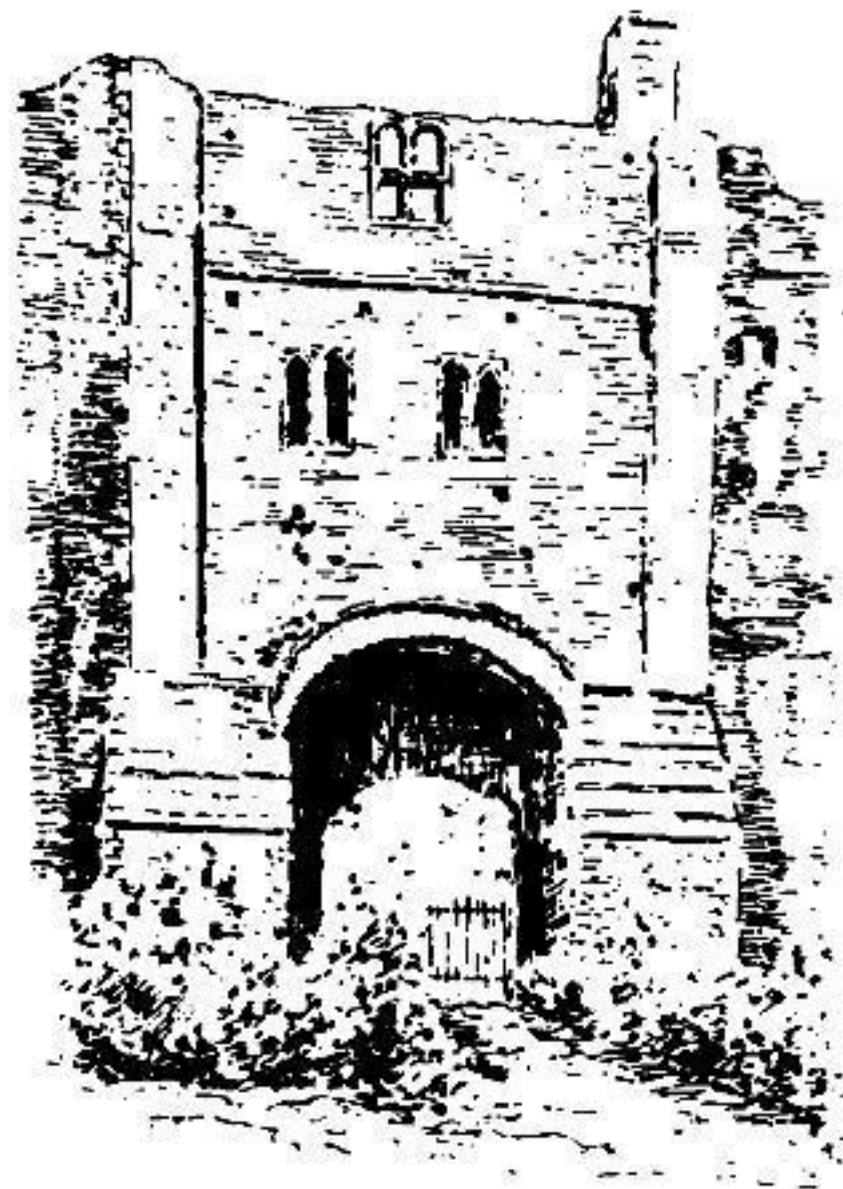
Как уже указывалось, детали этих сторожек очень просты, и только при попытке орнамента можно справедливо судить об их датировке. Так, в Порчестере входная арка, замаскированная оборонительными сооружениями более продвинутого периода, состоит из бесформенного кольца *вуссуаров*, отделенных от косяков простыми самозванными блоками.

На внешнем дворе замка, который до сих пор окружен римскими стенами с их полукруглыми бастionsами, есть две сторожки. Они занимают места западных и восточных ворот римского *оцепления*, а восточные, или водные, ворота частично римские. Западная сторожка была перестроена в то же время, что и сама ограда замка в северо-западном квартале римского вокзала, и была значительно изменена в более поздний период. Арки норманнского здания сохранились и не демонстрируют никаких попыток украшения, только во внутреннем проеме под арками установлены фальшивые блоки. Работы в Порчестере обычно относят к началу двенадцатого века, и облицовка тесаным деревом боковых стен внутренних ворот, по-видимому, относится к этой дате. Аналогичная тщательность детализации прослеживается в параллельном случае с Льюисом, где первоначальная сторожка ворот также была перекрыта в четырнадцатом веке барбиканом (98). Большая трехступенчатая сторожка в замке Ньюарк (99) была работой Александра, епископа Линкольнского с 1123 по 1148 год, чей дядя, Роджер, епископ Солсберийский (1107-39), по-видимому, построил сторожку в Шерборне. Арки нижней сцены в Ньюарке очень широкие и такие же простые в деталях, как и в Порчестере. Внешняя, или северная, стена башни облицована тонко обработанным тесаным деревом, а арка с этой стороны украшена лепниной в виде капота с орнаментом в виде заготовок. 119

Льюис; Барбикен

Расположение сторожки по отношению к занавесу различно. В Ричмонде, Порчестере и Эксетере внутренняя сторона сторожки находилась на одном уровне с занавесом. В Ладлоу, Ньюарке и Тикхилле это было частично снаружи, но в основном внутри занавеса. В Льюисе проекция была полностью внутренней. Ее размеры также различаются. Порчестер был 23 фута в длину и 28 футов в ширину: Эксетер и Льюис - около 30 футов, Тикхилл - около 36 квадратных футов; Ладлоу был 31 фут в ширину, но на несколько футов длиннее. Площадь сторожки в Ньюарке больше, чем у любой другой, а общие пропорции и высота соответствовали прямоугольному донжону, а не простой надвратной башне.¹²⁰

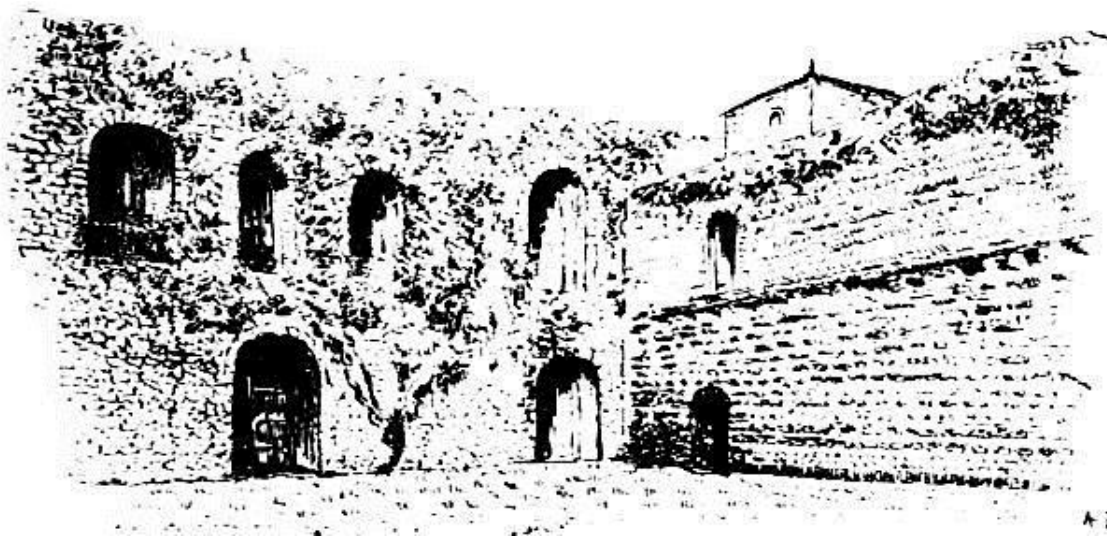

Ньюарк; Гейтхаус

Особое внимание уделялось появлению ранних каменных укреплений на скалистых и обрывистых участках, где обычные земляные работы были одновременно непрактичны и ненужны. Следует, однако, отметить, что описанные сторожки не были найдены полностью в таких местах. Тикхилл и Льюис были замками типа маунт-энд-бейли с мощными земляными укреплениями. Порчестер расположен на ровном месте, открыт с двух сторон в Портсмутскую гавань и защищен рвом со стороны суши: это место уже было обнесено стеной, но прямоугольная крепость, по-видимому, стоит на основании более ранней горы, которая, возможно, была возведена таким образом, чтобы окружить римскую башню в

северо-западном углу вокзала. Ньюарк (157) расположен на умеренной высоте над слиянием Девона и рукава Трента, с глубоким рвом на северной и восточной сторонах по направлению к городу. Здесь не было замка до того, как Александр начал строить в 1130 году или около того; и его работа с самого начала состояла из прямоугольного ограждения без опоры, в котором сторожка имела значение крепости. Необходимость защиты входа в замок, каким бы ни был характер местности, привела к раннему строительству каменных сторожек; а в Тикхилле или Льюисе надвратные башни, вероятно, были построены в то время, когда горы и насыпи двора замка все еще были защищены деревом.

Обычно можно предположить, что каменные завесы, на которых изображена кладка из “селедочных костей”, относятся к раннему времени. Было принято рассматривать каменную кладку из “селедочных костей” как свидетельство работы до завоевания, и многие здания были описаны как “саксонские” только на основании этой детали. С другой стороны, это никогда не встречается в прямой связи с деталями, которые можно рассматривать как определенные критерии масонства до завоевания; и размеры, помимо других особенностей, церквей, в которых это встречается в любом количестве, обычно позволяют заподозрить его постконкурентное происхождение.¹²¹ Его использование в замках, которые, как было показано, были ввезены норманнами в Англию, опровергает его притязания на то, чтобы считаться отличительным признаком саксонской работы; и его использование в Нормандии, особенно в фалезском донжоне, где почти на всей внутренней поверхности стен изображена “селедочная косточка”, может быть противопоставлено любой теории, которая приписала бы его английской работе. масоны после завоевания.¹²² Им пользовались римские строители, и большую его часть можно увидеть в башнях *ограды* в Порчестере. Саксонские строители, однако, не копировали римские методы возведения стен, и самым верным критерием саксонской работы является тонкая стена, полностью сложенная из обработанного камня или из тряпья без облицовки. Нормандские строители, приехавшие из страны, где непрерывность римского влияния никогда не нарушалась, использовали обычный римский метод возведения составной стены, при котором твердая бутовая сердцевина с одной или обеих сторон облицовывалась тесаным камнем. Вполне естественно, что в ранних каменных замках, которые строились настолько быстро, насколько это было возможно, облицовка должна была быть грубой, из измельченного щебня или из “селедочных костей”, уложенных толстым слоем строительного раствора. Позже, когда к уже укрепленным участкам была добавлена каменная кладка, работы можно было вести более неторопливо. Самый яркий пример работы “селедочная косточка” в английском замке находится в поперечной стене большой башни в Колчестере (101), которая, несомненно, является зданием одиннадцатого века. Здесь работы явно велись в спешке, с целью обеспечения максимальной прочности за минимально возможное время, и римские плитки повторно использовались в больших количествах в качестве связующих элементов для каменных стен и для облицовки разделительной стены в виде “селедочной кости”. В Ричмонде, как уже отмечалось, в занавесе присутствует определенное количество “селедочных косточек”. Замок был основан на совершенно новом месте Аланом Бретонским: о земляных работах не могло быть и речи, а дата более древней кладки каменной стены не подлежит сомнению.

Колчестер; Поперечная стена

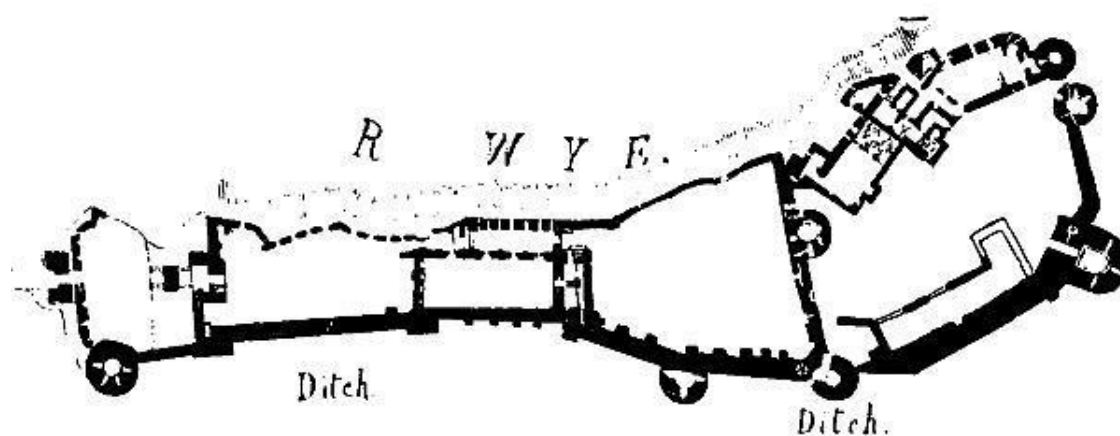
Очень примечательным примером ограждения из “селедочных костей” является навесная стена в Тамворте (48). Замок был основан Робертом Мармионом после Завоевания на низменности при встрече Таме и Анкера, города, укрепленного *бурга* Этельфлед, расположенного на возвышенности к северу. Крепость Мармион приняла форму горы и Бейли. Бейли представлял собой треугольную земляную платформу, искусственно приподнятую над уровнем берега реки, вершиной к месту слияния ручьев. Гора находилась с западной стороны и была отделена от нее рвом. Оборонительные сооружения со стороны, примыкающей к городу, были каменными. Здесь навесная стена остается в очень идеальном состоянии, пересекая ров и взбираясь на гору с покатой дорожкой вдоль вала. Внутренняя поверхность полностью состоит из пластов “селедочных костей”, чередующихся с одним, двумя, а иногда и тремя слоями тонких горизонтальных камней. Такое появление более чем одного горизонтального хода очень необычно. 123 Очевидно, что участок, находящийся под контролем города, был бы существенно укреплен каменной стеной с той стороны: с южной стороны было бы достаточно насыпи и канавы, и здесь нет следов каменных работ раннего периода. Первоначальный вход находился в северо-восточном углу ограды и, вероятно, имел форму каменной сторожки. 124 Другие примеры работы “селедочной косточкой” в навесных стенах, которые можно упомянуть здесь, находятся в Корфе, Гастингсе и Линкольне. Корф был построен на изолированном холме, который был обнесен уступом и окаймлен рвом, что-то вроде “контурного” форта ранних времен: часть завесы, в которой находится “селедочная кость”, повторяет естественную линию края холма. Гастингс - крепость на крутом мысе: гора на восточной стороне ограды была защищена глубоким рвом и прикрыта большим внешним двором с мощными земляными валами. Занавес на восточной и северной сторонах внутреннего двора в основном относится к тринадцатому веку; но часть северного занавеса, образующая северную стену замковой часовни, сделана из “селедочной кости”. Линкольн, как мы видели, представлял собой большую крепость маунт-энд-бейли, окруженную земляными валами, которые с западной стороны окружали часть стены римского города. Каменная кладка в виде “селедочных костей” видна тут и там на западном и северном выступах, которые были подняты на вершину земляных насыпей. 125

Чепстоу; Холл

Зубчатый парапет, которым обычно венчается навесная стена замка, в его нынешнем состоянии, как правило, может быть отнесен к более позднему ремонту и повышению навеса. Так обстоит дело в Линкольне, где парапет и верхняя часть стены относятся к тринадцатому веку. Было замечено, что Лиллебонский эдикт 1080 года запрещал оборону занавеса с помощью фланкирующих башен,¹²⁶ обходов валов и других вспомогательных средств оборонительной войны; и, по сути, полное развитие фортификации *окружения*

относится к более позднему периоду. В то же время башни, выступающие за линию занавеса, встречаются в некоторых наших ранних нормандских каменных замках. Линия раннего занавеса в Ричмонде не прерывается современными башнями и вплотную повторяет край скалы, на которой он построен. Но в Ладлоу (96), где внутренний двор является оригинальным замком, основанным, вероятно, Роджером де Лейси после 1085 года, занавес окружен четырьмя оригинальными башнями в дополнение к сторожке, которая была описана выше. Район имеет форму треугольника с выпуклыми сторонами, основание которого со стороны внешнего района и города обращено на юг и запад. Примерно в тридцати футах к востоку от сторожки башня, в подвале которой позже была установлена печь, ограничивала юго-западный угол ограды, выступая на юг до самого края рва. Западный занавес продолжался на одной линии с западной стеной этой башни примерно на шестьдесят футов, пока не был разорван небольшой задней башенкой. На вершине треугольника, выступающей на северо-запад, находилась еще одна башня, причем остальная башня находилась под северо-восточным углом, а ее северная стена находилась на одной линии с северным занавесом. Все эти башни, грубо говоря, прямоугольной формы, но внешние углы северо-восточной и северо-западной башен скошены. Первоначальные отверстия представляли собой закругленные петли с широкими выступами внутрь. Хотя занавес, таким образом, был снабжен несколькими выступами, потребовалось бы больше башен, чтобы идеально прикрывать его с флангов, и большие участки стены, особенно с северной и восточной сторон, остались без большей защиты, чем могли обеспечить их собственные силы. Оксфордский замок - еще один пример раннего возведения стен, где до сих пор сохранилась высокая крепостная башня, возвышавшаяся над рекой, и замковая мельница. 127

Чепстоу; План

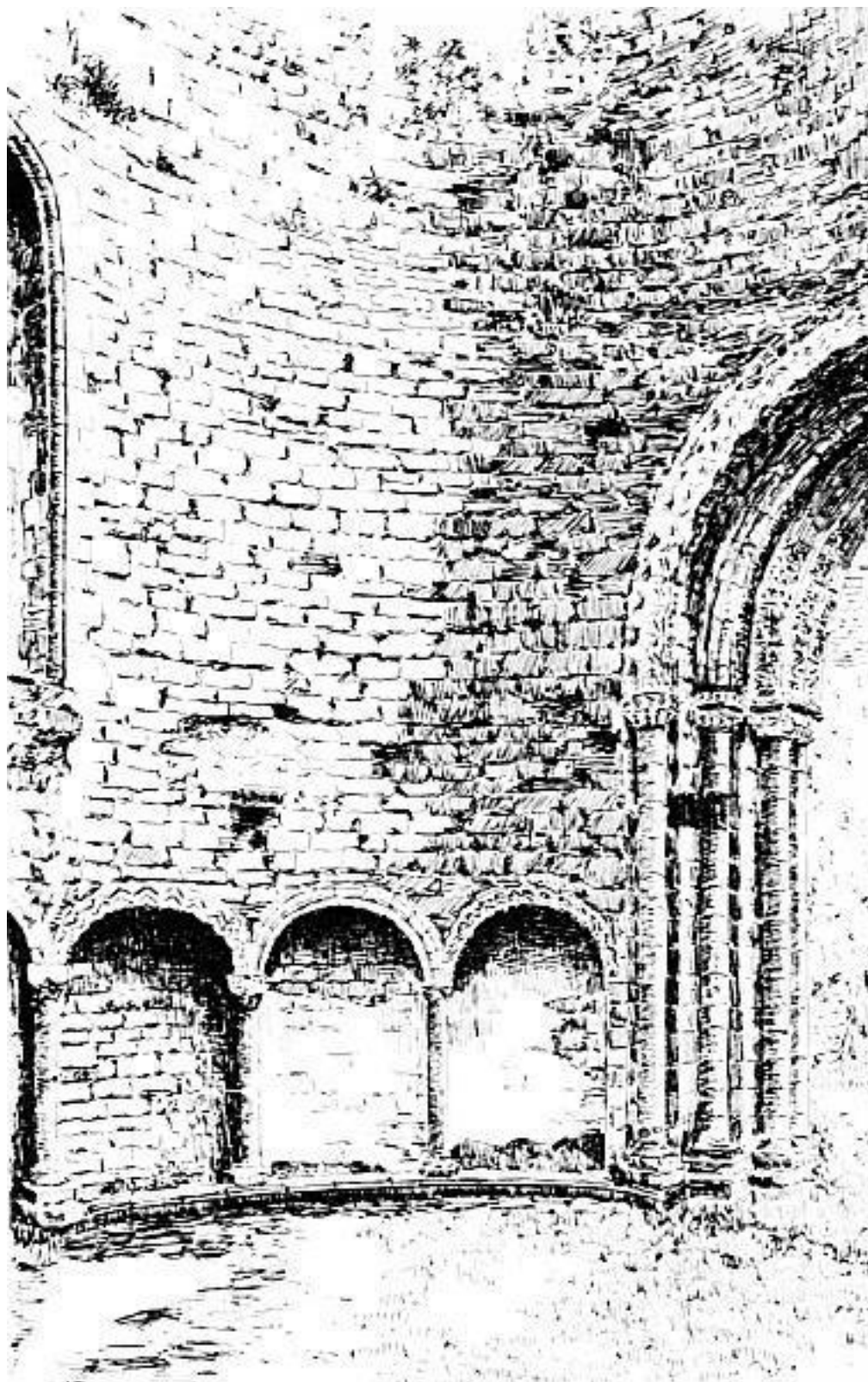

ЗАМОК ЛАДЛОУ: внутренний двор ЗАМКА

Сохранившихся следов каменных построек, существовавших на территории ранних нормандских замков, сравнительно немного, и в большинстве случаев их место заняли работы совершенно более позднего периода. Большой зал для повседневной жизни гарнизона, подобный тому, который Роберт д'Ойли построил в Оксфордском замке в 1074 году, был бы незаменим. В Ладлоу нет никаких сомнений в том, что первоначальный зал стоял на месте, занятом нынешним залом, большая часть восточной стены которого, по-видимому, датируется тем же временем, что и занавес. Двумя нижними этажами продолговатой крепости в Чепстоу являются зал (103) с подвалом внизу, основанный Уильямом, сыном Осберна, до 1071 года. Хотя верхняя сцена была преобразована в тринадцатом веке за счет вставки ажурных окон в северной стене и арки между помостом и основной частью зала, стены выполнены из каменной кладки одиннадцатого века, а простая аркада, огибающая их, хорошо видна с северной и западной сторон. В южной стене подвала расположены петли, которые освещали его; они имеют перемычки с арочными углублениями, вырезанными в откосах. Зал и погреб в Ричмонде, которые занимают юго-восточный угол двора замка, по-видимому, построены Аланом Бретонским до 1088 года. В конце двенадцатого века здесь произошло несколько пристроек, 128 но окна в северной стене зала с двумя светильниками и выступами на косяках явно относятся к раннему времени. Когда на какое-то время большая каменная башня стала модной формой крепости, большой зал стал частью ее внутреннего устройства; но это был зал личного жилища лорда, и гарнизон использовался только во время осады. Внутренние постройки, включая большой зал, иногда могли быть построены из дерева во дворе замка, а в конце двенадцатого века, вероятно, были заменены постоянными зданиями из камня, такими как залы в Уоркуорте или в Окхеме. Как и в Ричмонде, такие залы располагались напротив занавеса или близко к нему, чтобы оставить внутреннюю часть двора как можно более открытой. В случае осады свобода передвижения по территории замка была необходима, и внутренний двор замка служил естественной базой для операций. Зал в Чепстоу находился в самой высокой и узкой части скалистого мыса, на котором стоит замок, во главе двора замка; его южная стена

образовывала часть занавеса, нависающего над большим рвом между замком и городом (106).129

Нормандские строители замков позаботились о том, чтобы обустроить часовни внутри своих крепостей. В нескольких случаях часовня во дворе замка, по-видимому, была первым каменным зданием, возведенным внутри ограды. Маленькая часовня в Ричмонде, расположенная в башне восточного занавеса, почти без сомнения, является той самой, которая была подарена Аланом Бретонским аббатству Святой Марии в Йорке около 1085 года. Детали очень грубые по своему характеру: простая настенная аркада, опирающаяся на стержни, капители которых имеют грубую выпуклость и отсутствуют счеты. Капитель того же типа встречается в настенных аркадах оригинальной сторожки в Ладлоу (95), а также, хотя и с более законченным орнаментом, в круглом нефе часовни Святой Марии Магдалины (108) в том же замке. Некоторые детали в часовне в Ладлоу, особенно полосы шевронного орнамента вокруг арок, по-видимому, указывают на то, что неф построен позже одиннадцатого века. Арка, отделявшая неф от прямоугольного алтаря, заканчивающегося половиной восьмиугольника, датируется двенадцатым веком; и ясно, что алтарь, должно быть, был построен или реконструирован позже, чем здание нефа. Часовня с нефами в замке Дарем, которая сейчас является частью подвала здания епископа Падси вдоль северной стороны двора замка, имеет рифленые своды, цилиндрические колонны и капители со спиральными крышками и квадратными счетами, которые можно смело отнести к 1075 году или чуть позже. Капители можно сравнить с капителями оригинальной арки ворот в Ричмонде. Классический дух, который так заметен в них и проистекает непосредственно из современных работ Норманди, также очевиден в капителях крипты замковой часовни в Оксфорде. Оксфордский замок был основан в 1071 году, Дарем - в 1072-м. В Гастингсе, первом из замков Завоевателя, как уже было сказано, в северной стене нефа часовни и в тисках, или башенках-лестницах центральной башни, много работы из кости сельди. Однако та определенно сохранившаяся архитектурная деталь, которая относится к перестройке поздней части двенадцатого века.

Ладлоу; Часовня Святой Марии Магдалины

Важность замковой часовни во времена норманнов, да и вообще на протяжении всего средневековья, заслуживает отдельного упоминания. Часовни часто были богато одарены и, как в Гастингсе, Бриджнорте, и Лестере, иногда основывались как коллегиальные учреждения с деканом и канониками. Коллегиальная церковь Святой Марии в Уорике, основанная Роджером Ньюбургским, вторым нормандским графом, вероятно, возникла в замковой часовне, перенесенной на новое и расширенное место в черте города. Самой

большой из этих коллегиальных часовен, хотя и одной из самых молодых, была церковь Святого Георгия в Виндзоре, основанная Эдуардом III. Часовни в Гастингсе, Бриджнорте и Лестере были церквями определенного размера и важности; и их капитулы, как и капитулы светских соборов, обычно состояли из королевских клерков, как правило, иногородних, чьи обязанности выполняли викарии. Как королевские часовни, они были освобождены от епископальной юрисдикции; и термин “свободная часовня”, который был им присвоен, со временем стал применяться к часовням, основанным в частных замках и даже в поместьях.¹³⁰ В большинстве случаев часовню замка обслуживал один священник, либо действующий, либо его викарий. Настоятель бесплатной часовни Святого Михаила в замке Шрусбери, обычно королевский клерк, получивший грант от короля и назначенный шерифом в качестве королевского чиновника, владел церковью Святого Юлиана в Шрусбери как частью своего лечения.¹³¹ Там, где нормандский замок и приходская церковь стояли бок о бок, как в Эрлс Бартон или Хайэм Феррерс в Нортгемптоншире, владелец замка и его домочадцы, несомненно, посещали церковь. Но основание часовни внутри замка было обычным делом, даже когда церковь, как в Ладлоу или Уорике, находилась недалеко; и в более поздние годы, когда фундаменты часовен стали обычным делом, число замковых часовен увеличилось. Таким образом, в Ладлоу вторая часовня, обслуживаемая двумя церковными священниками, была построена во внешнем дворе около 1328 года;¹³² а колледж из восьми церковных священников был основан в 1308 году одним из Бошамов в его замке Элмли в Вустершире.¹³³

ГЛАВА VI

КРЕПОСТЬ НОРМАНДСКОГО ЗАМКА

Мы видели, что в Англии существовало два типа ранненормандских замков. Там был обычный замок маунт-энд-бейли с земляными и деревянными укреплениями; и там был замок, основанный на скалистом участке, в котором не было горы, а укрепления были каменными. В первом случае самую сильную позицию, гору, занимал донжон или цитадель. Во втором случае, как и в Ладлоу, стена была защищена мощной сторожкой и определенным количеством башен; но поначалу, строго говоря, крепости не было. В течение первой половины двенадцатого века, эпохи постоянных восстаний против короны, частные владельцы строили замки в очень большом количестве в целях агрессии и самообороны. Вторая половина, эпоха первых Плантагенетов, была эпохой консолидации, в течение которой строительство замков велось методично под королевским контролем. Нелицензированные крепости исчезли, оставив только земляные валы, отмечавшие их место. Постоянный каменный замок стал правилом; и к этому периоду, второму веку нашей средневековой военной архитектуры, относятся некоторые из наших самых грозных и внушительных замков. Целью строителей в ту эпоху было в меру своих возможностей укрепить ту точку плана, которая должна была стать центром окончательного сопротивления нападению извне. Этой точкой была крепость.¹³⁴

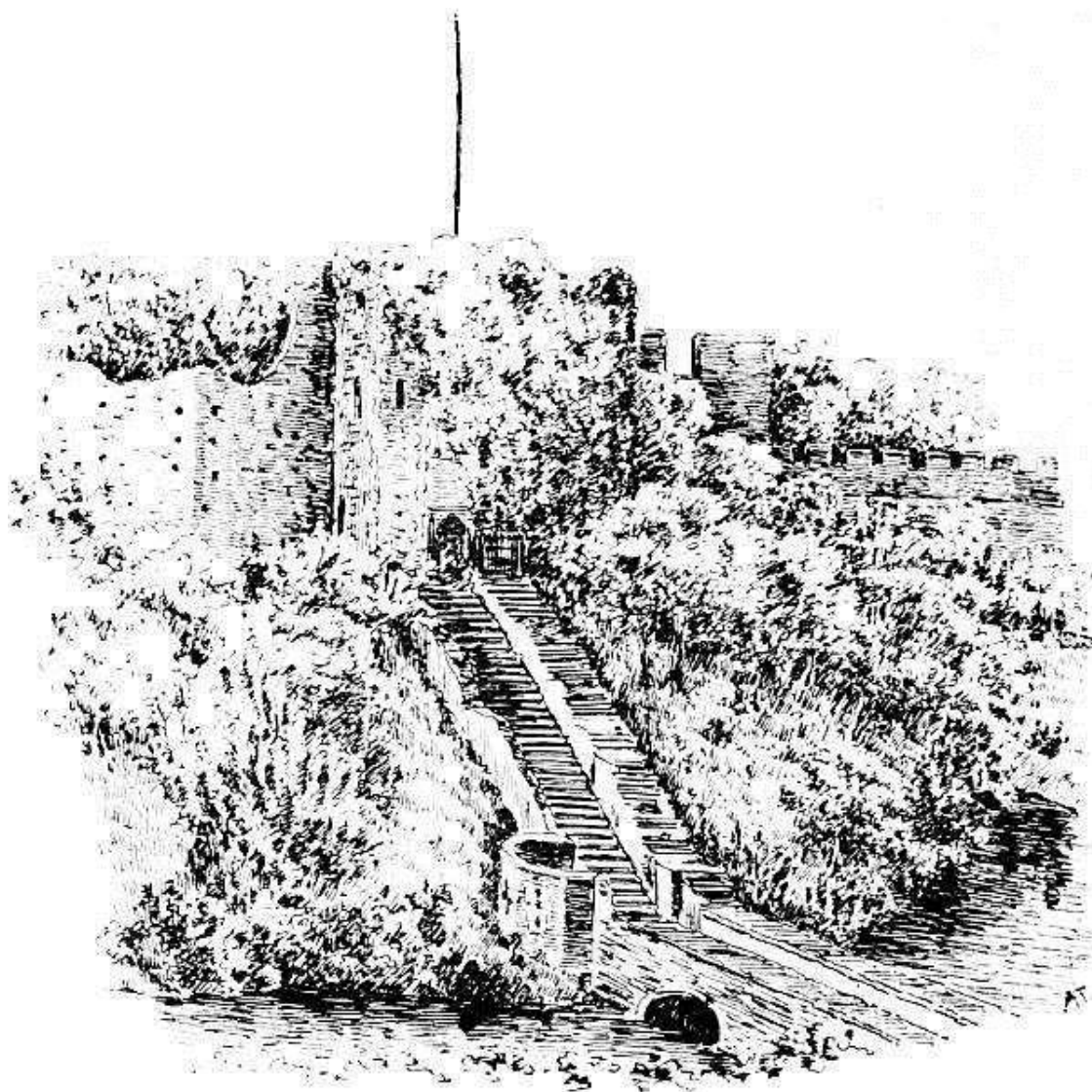

КЭРИСБРУК: шаги, которые нужно предпринять, чтобы сохранить

Крепость норманнов и ранних Плантагенетов была фактически замком в замке. В замке маунт-энд-бейли, как правило, был только один вход в ограду. Если осаждающие форсировали это и входили во двор замка, то от горы, самой грозной части обороны, их отделял ров. Здесь защитники могли сосредоточиться для последней схватки, в которой преимущество, если только осаду не удавалось продлить до бесконечности, было явно на их стороне. Даже там, где гора была незначительной высоты, она господствовала над двором

замка и рвом у его основания. Его склоны были слишком крутыми, чтобы на них можно было взобраться без каких-либо искусственных средств опоры. Случайная стрела с наконечником из горящей пакли могла долететь до частокола, окружавшего вершину горы, и поджечь его в засушливое время года; но обороняющаяся сторона имела все преимущество в том, что могла выпускать свои снаряды вниз и в большую часть двора. Их недостаток заключался в возможности длительной блокады крупными силами и, как следствие, в нехватке боеприпасов и провианта. Опасность пожара можно было бы свести к минимуму, покрыв деревянные укрепления свежими шкурами, смоченными в воде; но работа по их восстановлению в случае длительной осады была бы затруднительной.

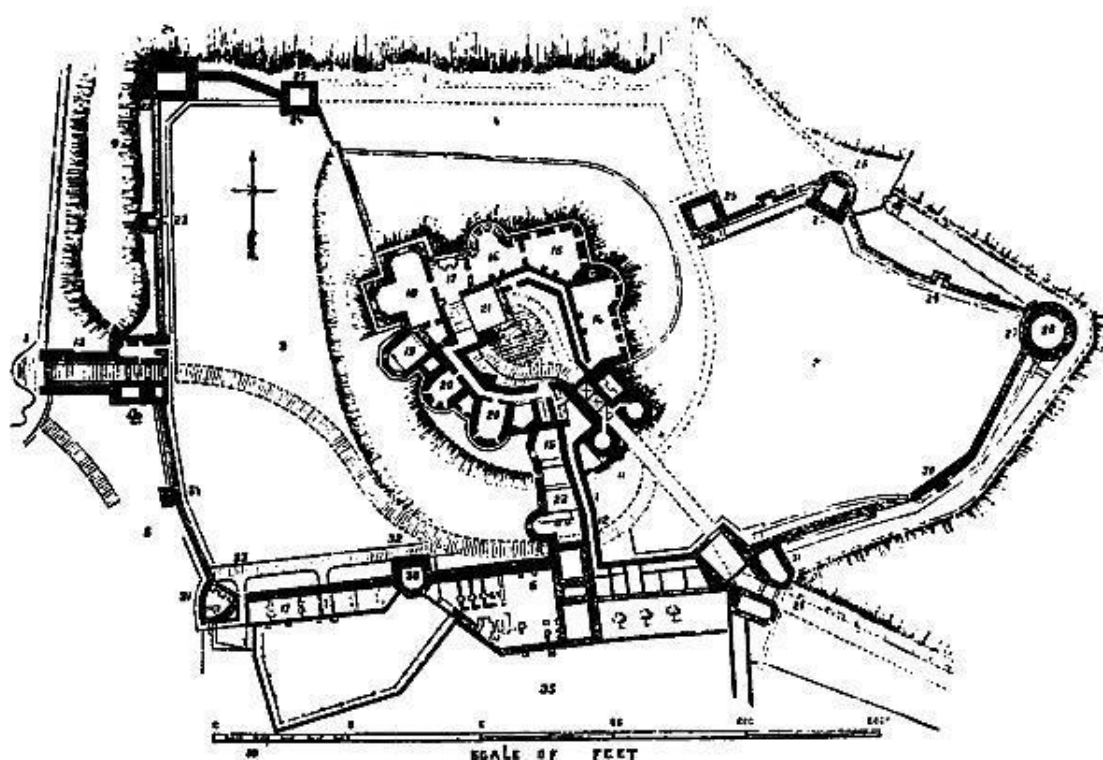
Деревянный донжон на горе имел форму квадратной башни, окруженной на краю горы частоколом, к которой вел, как уже было описано, крутой деревянный мост, перекинутый через ров во внутренний двор. Но очевидно, что существование замка в любом конкретном месте как постоянного центра королевского влияния должно привести к отказу от деревянных укреплений в пользу укреплений из более прочного материала. Каменный занавес сначала занял место частокола в обороне двора замка и был построен поперек рва и вверх по склонам горы, заканчиваясь, как можно видеть в Беркхэмпстеде (42) или Тамворте, на уровне вершины. Следующим шагом было заменить частокол горы каменной стеной круглой или многоугольной формы. В некоторых случаях, когда это было сделано, возможно, что старая деревянная башня была оставлена внутри ограждения. Случаи, когда на горе возводилась новая каменная башня, редки. Строители не решились бы нагружать поверхность искусственного холма концентрированным весом большой квадратной башни. Окружающая завеса была гораздо лучше приспособлена к плану крепления и более успешно распределяла свой вес по краю поверхности. Но с возведением каменной стены вокруг вершины необходимость в башне отпала бы. Точно так же, как в таких замках, как Эксетер и Ладлоу, с самого начала была каменная стена без определенной крепости, ограждение фактически было крепостью само по себе, так и на более ограниченной территории горы окружающая стена образовывала крепость, а в более крупных примерах с внутренней стороны были приючены здания, обычно деревянные, которые обеспечивали необходимое укрытие для защитников, в то время как их крыши, примыкающие к стене ниже вершины, оставляли место для прохода по валу и деревянных галерей, которые были пристроены к стене во время осады.

Кардифф; Продолжай

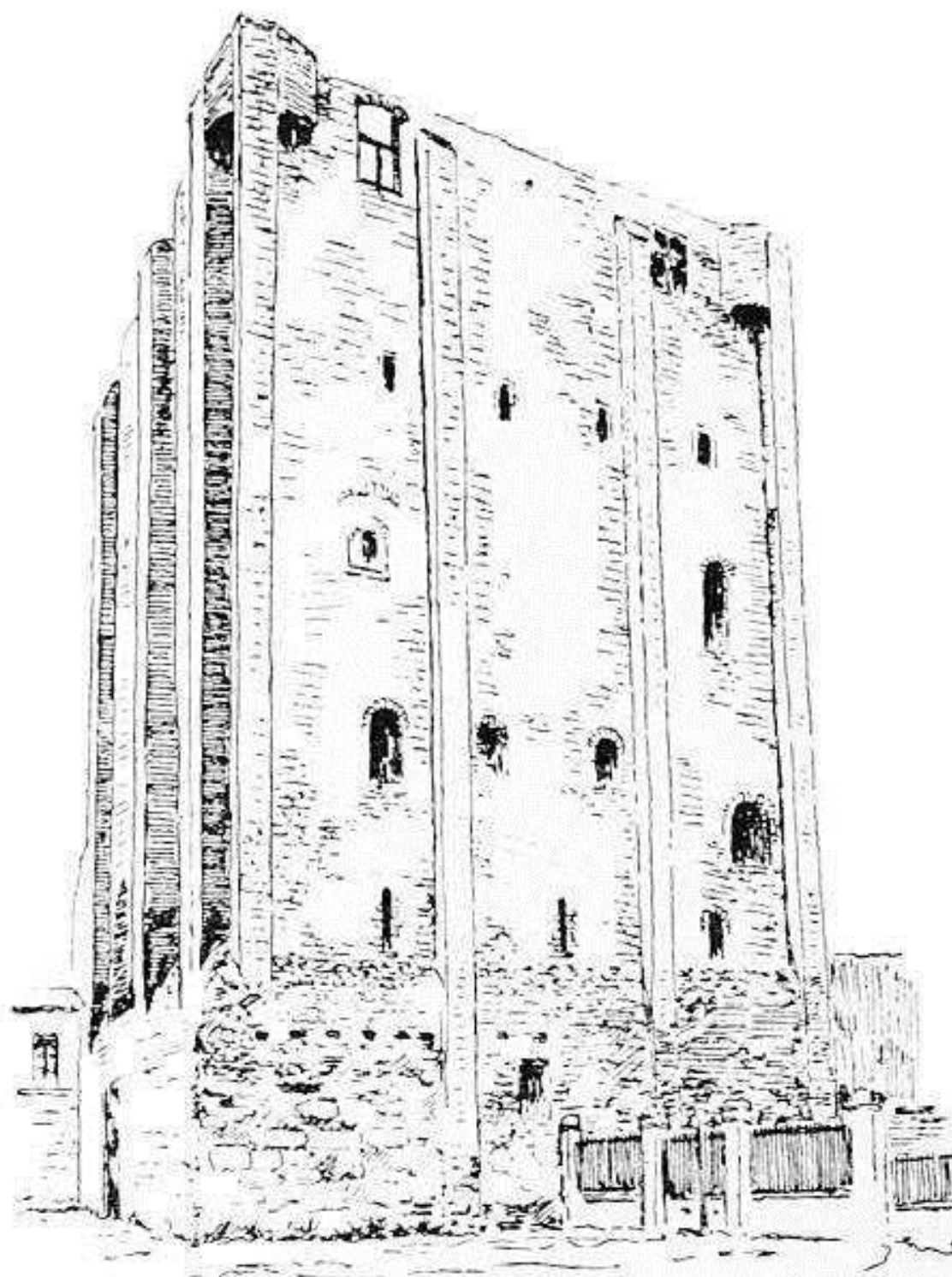
Так рождались так называемые “раковины” держи, которая преобразуется вершине горы в сильную внутреннее отделение, центр которого был подальше от здания, и дал шанс концентрации защитникам, чем узкий проход между деревянными башни и частокол, в котором углы башни будут иметь по прогнозам неловко. Одним из лучших сохранившихся примеров такого типа является башня на большей из двух гор в Линкольне, представляющая собой многоугольник с пятнадцатью гранями снаружи и двенадцатью внутри. Стена утратила свой парапет, но сохранила свой проход вдоль вала; ее толщина составляет 8 футов, а высота 20 футов идеально огибает всю ограду. Каменная кладка выполнена из тесаного камня конца двенадцатого века, и каждый из внешних углов увенчан плоской пилястройкой-контрфорсом. Отметины на внутренней стороне стен указывают на то, что ограда была окружена деревянными постройками, с которыми сообщались две небольшие фресковые камеры в толще внешнего занавеса, там, где он соединяется с крепостью. Дверной проем крепости находится на северо-восточной стороне стены, которая пронизана арочным проемом с сегментарной головкой и полукруглой закрывающей аркой на внешней стороне. К этому дверному проему, защищенному деревянной дверью с засовом, вела каменная лестница, сделанная сбоку горы. В настоящее время канава у подножия засыпана, а лестница современная, но первоначально канаву, должно быть, пересекал подъемный мост у подножия лестницы, который, будучи поднятым, оставил бы гору изолированной от двора

замка. В юго-западной части стены крепости был небольшой дверной проем, вероятно, предназначенный в качестве заднего хода, через который можно было выйти в экстренных случаях. [135](#)

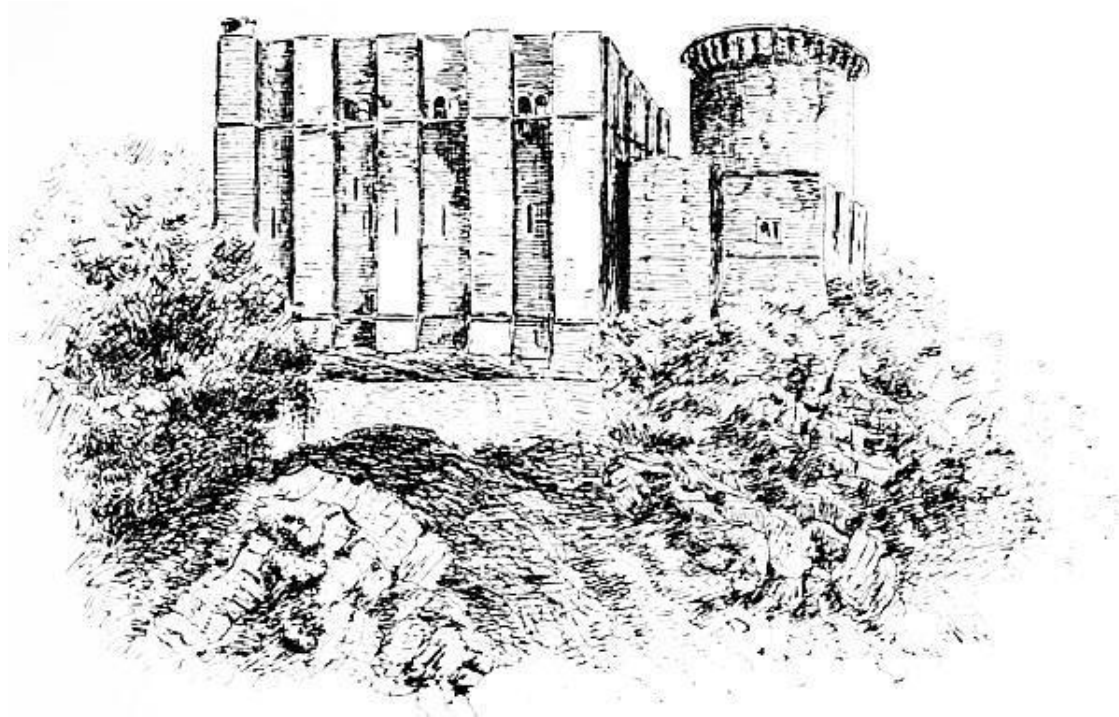

Олнвик; План

Однако каменная оболочка на горе ни в коем случае не была универсальной формой, принятой крепостью. Иногда, как в Йорке, деревянные укрепления горы просуществовали до сравнительно позднего периода, когда их место заняла башня, форма которой соответствовала принципам фортификации того времени. [136](#) В Олнвике ([115](#)) между двумя подопечными замка остается основание великой горы со значительной частью ее рва. Нынешнее скопление башен и соединяющих их зданий на горе, окружающих несколько темный и замкнутый внутренний двор, в значительной степени является реконструкцией дома Перси, построенного в девятнадцатом веке, который занимал это место в четырнадцатом веке. Однако внешние и внутренние арки сторожки, через которые можно попасть в цитадель, выполнены в двенадцатом веке и очень хорошо согласуются по дате с крупными остатками нормандской каменной кладки, которые можно проследить на занавесах обеих палат. Вероятно, что примерно в середине двенадцатого века Юстас, сын Джона, умерший в 1157 году, окружил всю нынешнюю ограду каменными стенами и, выровняв гору до ее нынешней высоты, построил из камня самые ранние хозяйственные постройки замка на увеличенном месте более раннего деревянного донжона и частокола. Внешний вид построек Юстаса, должно быть, сильно отличался от особняка Перси; и мы можем предположить, что вершину выровненного холма он защищал плотным занавесом, за которым располагались его холл и другие домашние помещения.

Божанси

Falaise

Во Франции и Нормандии прямоугольный каменный донжон довольно рано начал вытеснять деревянную башню. В Ланже (Андр и Луара) Фульк Черный, граф Анжу, построил каменный донжон еще в 992 году.¹³⁷ Сохранились три стены этого сооружения: оно имело продолговатую форму и состояло из подвала и верхнего этажа. Каменная кладка в основном облицована рядами небольших кубических камней в соответствии с манерой, унаследованной романскими строителями Франции от их римских предшественников: плитка вставлена в арочные выступы окон на верхнем этаже, которые представляют собой не просто петли, а имеют значительный проем наружу. Эта крепость, очевидно, предназначалась для того, чтобы быть одновременно цитаделью и жилым домом. Такое здание было переводом в камень деревянной конструкции, подобной башне на мотте в Ардре. Он построен на мысу над небольшим ручьем и защищен рвом со стороны суши. Многие из этих каменных башен сохранились в Нормандии и стране вокруг Луары; и, как правило, они построены раньше и больше по площади, чем большинство подобных зданий в Англии. Башня Божанси (Луаре) имеет продолговатую форму в плане, размером около 76 футов в длину и 66 футов в ширину (¹¹⁶): нынешняя высота составляет 115 футов. Дата, указанная каменной кладкой, составляет около 1100 года.¹³⁸ Ткани башен Фалеза (Кальвадос) и Домфронта (Орн) могут быть приписаны Генриху I. Примерно в 1119 году он систематически размещал гарнизоны в своих крепостях в Руане и других местах, одной из которых был Фалез.¹³⁹ Домфронт, начиная с 1092 года, был его любимым замком.¹⁴⁰ Его сильное положение давало ему исключительное преимущество в качестве операционной базы; и в 1101 году, когда Генрих уступил свои нормандские владения своему брату Роберту, он сохранил Домфронт за собой.¹⁴¹ После битвы при Тиншебрее (1106) Генрих стал лордом Нормандии и восстановил порядок в герцогстве, сровняв с землей нелегализованные крепости, построенные при слабом правлении Роберта.¹⁴² Однако башня Домфронта и, возможно, башня Фалеза были построены только в 1123 году.¹⁴³ На фасаде дома замок представляет собой большое ограждение, занимающее самую высокую точку длинного холма, который имеет постепенный уклон к востоку, но поднимается крутым обрывом из узкой долины на западе и круто спускается на севере и юге. Глубокий ров, через который была проведена современная дорога из Кана в Анже, отделял замок от города. Большая

башня расположена к востоку от центра ограды замка, таким образом, чтобы контролировать ров и город за ним. Только северо-западный угол с частью прилегающих стен остается идеальным. Высота немного превышает 70 футов. Площадь всего сооружения составляет 85 на 70 футов, не считая контрфорсов и цоколя. В Фалезе (117) большая башня занимает почти всю вершину изолированного утеса, на котором она стоит, а город занимает холмистую, но более низкую местность с северной стороны. Длина башни немного меньше, чем у Domfront, в то время как ширина немного больше. Высота примерно такая же.

Башня Домфронт, как и башня Божанси, стояла внутри обнесенного стеной замка, где взятие внутреннего двора открыло бы башню непосредственно осаждающим. Поэтому он был построен исключительно с расчетом на прочность, и его оконные проемы, даже на втором этаже над подвалом, были маленькими и узкими, а оконные проемы на первом этаже представляли собой простые петли. С другой стороны, Фалезская башня возвышается высоко над выступающей стеной, которой был защищен выход из города. Его внешняя сторона полностью отделана тесаным деревом, а оконные проемы двух верхних этажей, находящиеся намного выше досягаемости камней и стрел, двойные, разделенные древками с резными капителями. Обе башни были разделены на три части поперечными стенами; но два верхних этажа в Фалезе теперь неразделимы, а на фасаде дома, над цоколем, сохранились только признаки такого разделения.

Возвращаясь к Англии, мы можем с уверенностью утверждать, что, за очень немногими исключениями, наши прямоугольные башни относятся к периоду, который с исторической точки зрения очень похож на период укреплений Генриха I. в Нормандии. Генрих II. проводил ту же политику разрушения нелегализованных замков и укрепления королевских цитаделей; и его строительные операции приняли форму оснащения его замков башнями, которые уже были главной особенностью замков Нормандии и Мэна, но, безусловно, были исключительными в Англии. Приблизительную дату постройки нескольких из этих башен можно узнать из записей в рулонах труб времен правления Генриха II. 144

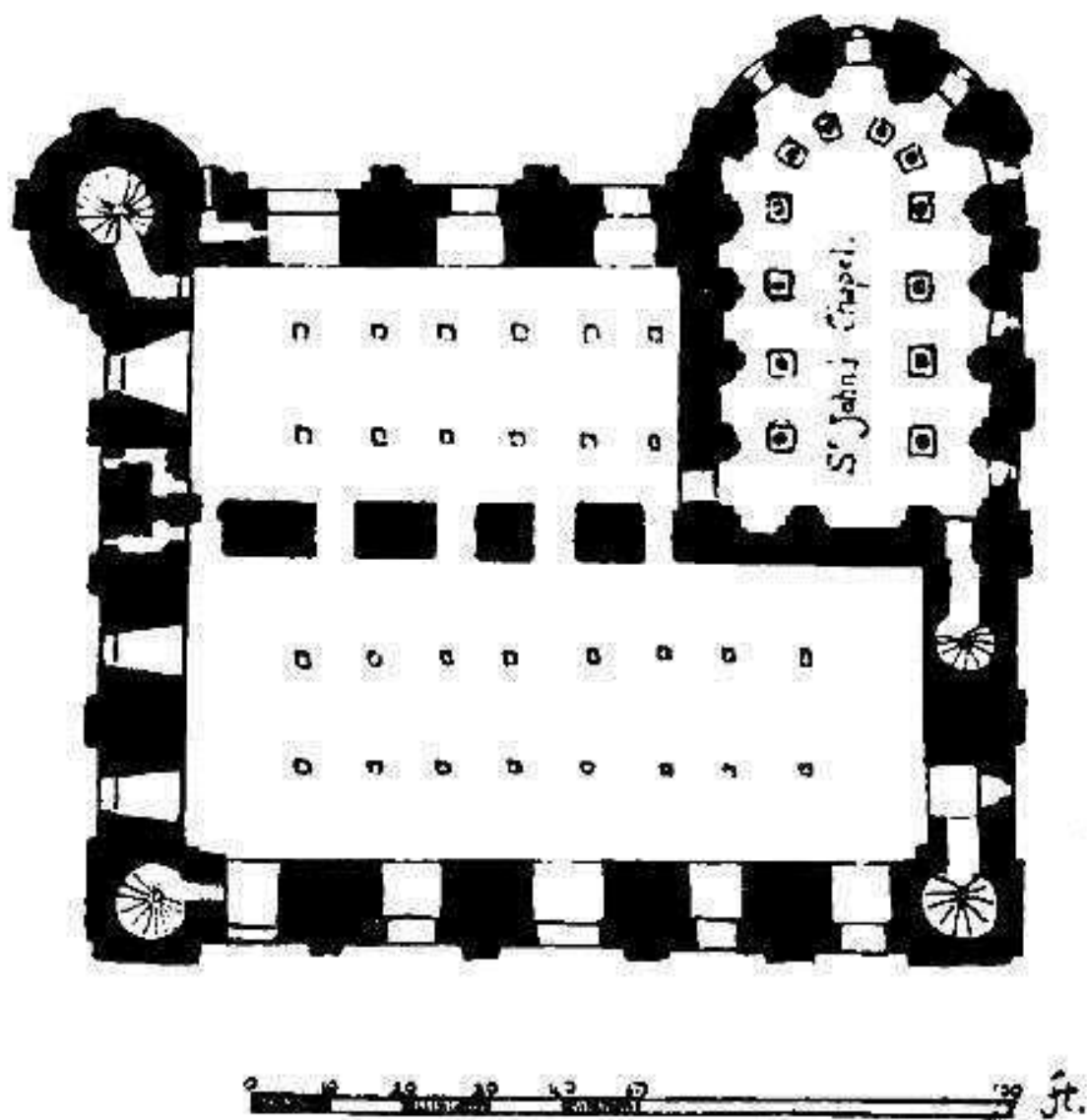
Генрих II, подобно Завоевателю, сосредоточил свое внимание на защите основных водных путей своего королевства. Замки на побережье, а также на границах Уэльса и Шотландии также были главными объектами его заботы. Свитки труб 1158-9 и 1160-1 содержат сведения о крупных суммах, потраченных на строительство замка Уорк-он-Твид, расположенного на крайнем северо-западе королевства. 145 В 1158-9 годах встречаются обвинения в строительстве Глостерской башни, 146 в устье реки Северн; и в тот же и последующие годы много упоминаний о замке и башне великой прибрежной крепости из Скарборо. 147 Беркхэмпстед, контролировавший подходы к Лондону с северо-запада, был объектом значительных расходов в 1159-60 и 1161-2 годах. 148 В 1160-1 £215. 18s. 5d. было потрачено на укрепление города Честер: 149 работы также проводились в Освестри, 150 и другие свидетельства показывают, что внимание уделялось снабжению продовольствием замков на границе Уэльса в Клуэне и Рутине. 151 Рассказы, начиная с 1164-5 годов, относятся к укреплению замка Шрусбери. 152 Суммы были потрачены на башню Бриджнорт, которая командовала ущельями Северна между Шрусбери и Вустером, в 1168-9 и последующие годы; 153 и упоминания о Херефорд, 154 Шравардин, 155 и Элмир, 156 свидетельствуют о тщательности, с которой охранялась западная граница королевства. Из прибрежных замков, помимо Скарборо, Дувр занимает постоянное место в этих рассказах. Например, в 1168-9 годах за наем кораблей для доставки извести из Грейвсенда в Дувр было выплачено 40,6 млн. фунтов стерлингов, а на работу, для которой это требовалось, было потрачено 34,5 млн. 4 млн. фунтов стерлингов. 157 Замок Саутгемптон был отремонтирован в 1161-2 годах, 158 и колодец был сделан там в 1172-3 годах. 159 Строительство башни Гастингса велось в 1171-2

годах.¹⁶⁰ В 1165-6 годах 256,4. 9 фунтов стерлингов было потрачено на замок Орфорд, великую цитадель побережья Саффолка, который был объектом крупных ежегодных расходов вплоть до 1171-2.¹⁶¹ На линии верхней Темзы были потрачены огромные суммы на дворец-замок Виндзор: стена замка упоминается в 1171-2 и 1172-3 годах.¹⁶² Работа была выполнена в Оксфорде и хорошо сделана в 1172-3 и 1173-4.¹⁶³ Замок Хартфорд содержался для охраны Леа.¹⁶⁴ В дополнение к Дувру, замки Рочестера,¹⁶⁵ Чилхэм,¹⁶⁶ и Кентербери¹⁶⁷ защищали основные маршруты к самой узкой части Канала. Главная крепость долины Трент находилась в Ноттингеме, где в 1171-2 и 1172-3 годах были потрачены большие суммы.¹⁶⁸ Из внутренних замков севера Ньюкаслская башня стоила около 385 фунтов стерлингов в период с 1171-2 по 1174-5.¹⁶⁹ Это контрастирует с небольшой суммой, потраченной на Йоркскую башню — £ 15. 7s. 3d.—в 1172-3:¹⁷⁰ из рулонов труб более поздних времен правления ясно, что это была просто деревянная конструкция.¹⁷¹

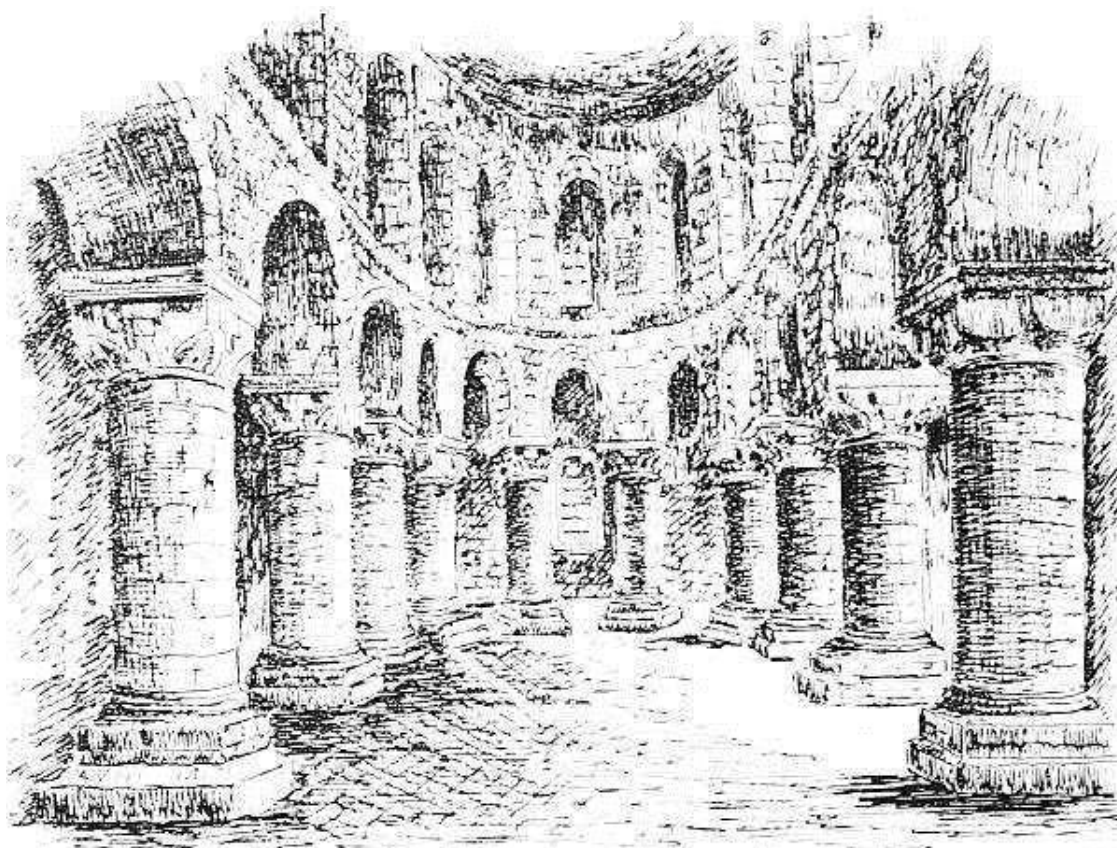
Однако существуют более ранние образцы башен, которые имеют первостепенное значение, и их необходимо кратко описать, прежде чем мы остановимся на характеристиках донжонов второй половины XII века. Мы видели, что Вильгельм Завоеватель сразу после своей коронации начал строительство определенных укреплений, связанных с лондонским сити.¹⁷² Его первой работой, вероятно, было обнести частоколом незащищенные стороны двора, восточная сторона которого была прикрыта частью римской городской стены. Перед концом его правления строительство Белой башни было начато как главная особенность замка и завершено в правление Уильяма Руфуса, который в 1097 году возвел вокруг нее стену.¹⁷³ Следовательно, эта башня по крайней мере такая же древняя, как большинство ранних квадратных башен Нормандии и прилегающих провинций, и значительно более древняя, чем башни Фалеза и Домфронта. Традиция приписывает дизайн проекту Гундульфа, епископа Рочестерского в 1077-1108 годах, который, как также говорят, был строителем башни, похожей на донжон, в Маллинге в графстве Кент, первоначально пристроенной к церкви Святого Леонарда, и башни, руины которой сохранились, на северной стороне Рочестерского собора.

Белая башня в настоящее время имеет высоту 90 футов и, следовательно, намного ниже, чем почти современная башня Божанси. Его площадь, однако, намного больше и составляет 118 футов с востока на запад и 107 футов с севера на юг. Он имеет четыре ступени в высоту и был построен из бутовой кладки, работа из тесаного камня полностью ограничивалась пилястрами, контрфорсами, окнами и цоколем. Современный ремонт затруднил реконструкцию первоначального вида башни. Вход находился на втором этаже и никогда не был перекрыт пристройкой: этот вход, по-видимому, находился в западной части южной стены. Лестница-колодец, или тиски, в круглой башенке в северо-восточном углу, была главным средством сообщения между всеми этажами; но тиски были также сделаны от второго этажа до крыши в квадратных башенках северо-западного и юго-западного углов. Есть также квадратная башенка над тем местом, которое обычно занимал бы юго-восточный угол; но южная стена по всей своей высоте продолжается апсидальным выступом, который закругляется, чтобы встретиться с восточной стеной. Две верхние ступени этого выступа образуют апсиду часовни Святого Иоанна с опоясывающей ее галереей. Грани башни и апсиды укреплены плоскими контрфорсами через равные промежутки времени, которые собраны в цепочку на уровне пола самой верхней ступени и снова на уровне крыши. В подвале, который изначально использовался под магазины, нет оконных проемов. Оконные проемы первого и второго этажей изначально представляли собой узкие петли с широкими внутренними прорезями, но были значительно увеличены, что несколько повредило внешнему виду прочности, которой когда-то обладала башня. Однако отверстия в проходе часовни на втором этаже были шире остальных. Третий этаж, находившийся вне

досягаемости обычных ракет, имел широкие оконные проемы: два проема в южной стене большей комнаты на этом этаже двойные. Наибольшая толщина стен подвала составляет 15 футов: стены самой верхней ступени имеют толщину от 10 до 11 футов.

Белая башня; План второго этажа

Белая башня; часовня Святого Иоанна

Башня разделена изнутри на две части продольной стеной к востоку от центра толщиной 10 футов.¹⁷⁴ Таким образом, в подвале находится большая западная камера размером 91 на 35 футов, а на каждом этаже выше есть соответствующая комната, размеры которой увеличиваются с утончением внешних стен максимум до 95 на 40 футов. Восточная палата, однако, разделена поперечной стеной на две части, значительно южнее центра. Таким образом, в подвале и на каждом этаже есть продолговатая северо-восточная камера, доступ в которую осуществляется с главной лестницы-колодца. В подвале есть дверной проем в продольной стене между этой и западной камерами; но на каждом из верхних этажей сообщение поддерживается пятью отверстиями в стене. Помимо углублений в петлях и настенных вестибюлей, ведущих к порокам в башенках, есть только два настенных прохода, один на первом и один на втором ярусе, сообщающихся с мантиями гвардейцев; но стена третьего этажа со всех сторон пронизана галереей с бочкообразным сводом в толще стены, которая сообщается с обоих концов с широкой галереей над нефами часовни Святого Иоанна.

Лондонский тауэр; часовня Святого Иоанна

Крайстчерч

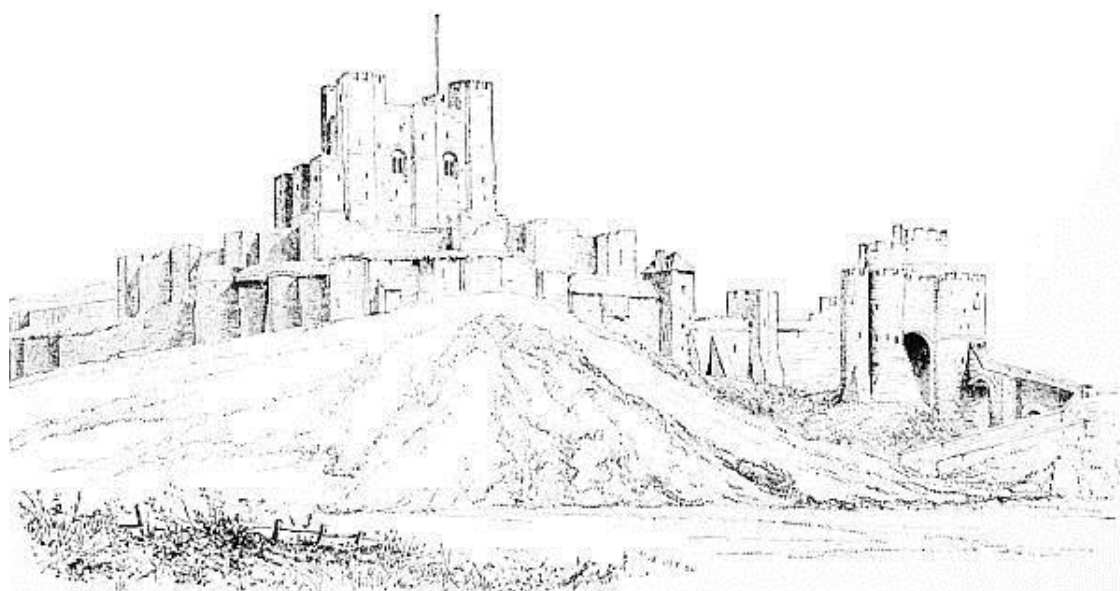
В подвале юго-восточной четверти башни находится подземный склеп часовни, известный позже как “Маленькая Изи”. На втором этаже находится верхний склеп, который, как и подземный склеп, имеет бочкообразный свод и заканчивается апсидой. Второй этаж - это первый этаж часовни и ее придела, или амбулатории, который отделен от нефа простыми круглыми арками, исходящими из цилиндрических колонн с капителями, восточные колонны известны тау-образными табличками, оставшимися без резьбы между их спиралями, западные колонны - зубчатыми (122). Неф часовни поднимается через третий этаж к бочкообразному своду. Проходы имеют крестообразные своды: галерея над ними на третьем этаже перекрыта сводом в половину бочкообразной формы. Эта галерея, как уже упоминалось, соединена своими северной и западной стенами с галереей фресок главных покоев. Первый этаж часовни сообщался с северо-восточной комнатой через дверной проем в поперечной стене; но главный вход был через короткий вестибюль с фресками из западной комнаты, который вел в западный конец южного прохода. Позднее в толще стены

от этого вестибюля до дверного проема в подвале были сделаны щели, через которые был получен доступ в часовню из более поздних хозяйственных построек, примыкающих к южной стороне башни.

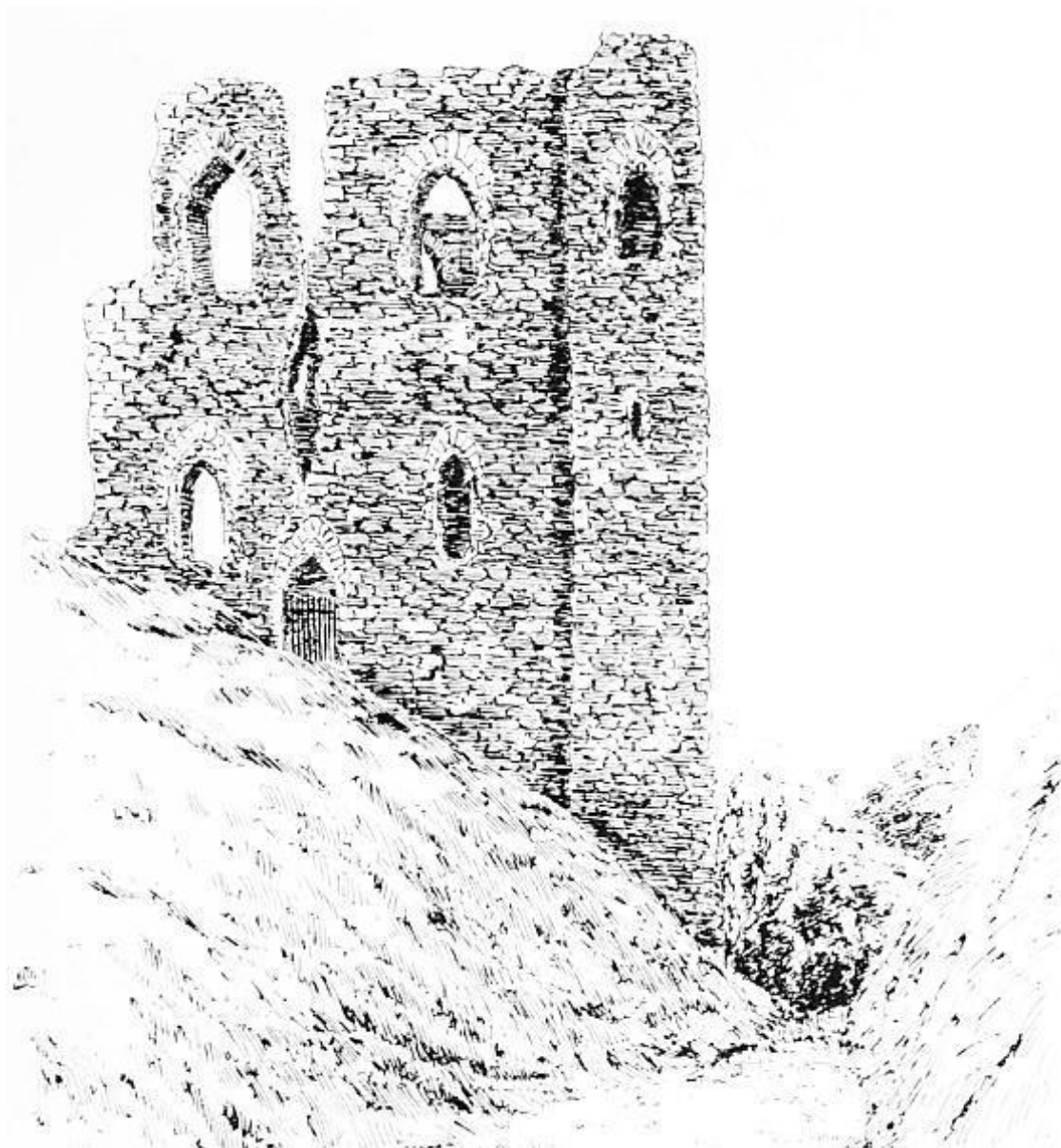
Колодец башни, самое необходимое сооружение в случае осады, находился в полу западной камеры подвала, недалеко от его юго-западного угла, и был облицован тесаным деревом. Сохранилось только три камина, все в восточной стене, два на первом и один на втором этаже: дым выходил через отверстия в соседней стене. Использование комнат на разных этажах является неопределенным, и вполне возможно, что они были разделены деревянными перегородками на комнаты меньшего размера. Однако подвальные помещения, очевидно, были складскими помещениями, а большая западная палата на третьем этаже использовалась многими нашими королями как зал заседаний совета. Комнаты первого этажа, возможно, предназначались для гарнизона, в то время как большая комната на втором этаже, вероятно, была большим залом башни, а комната поменьше - большими покоями короля. Верхняя комната, рядом с залом совета, возможно, предназначалась для королевы и ее домочадцев. Таким образом, было предусмотрено жилье, соответствующее скудным потребностям того времени, для большого числа людей; и один только большой размер часовни указывает на то, что башня предназначалась для временного проживания королевской семьи. Дворцовый зал в Вестминстере, однако, находился в стадии строительства, когда Руфус возводил стену вокруг Башни; и ясно, что холодный и темный интерьер крепости планировался в основном с целью обороны и без особого уважения к комфорту.

Большая башня Колчестерского замка (47), построенная в ту же эпоху, что и Белая башня, занимает еще большую площадь. Внутренние размеры первого этажа, за исключением выступов под углами, составляют 152 фута к северу и югу на 111 футов к востоку и западу. Эта величайшая из всех нормандских крепостей, к сожалению, утратила два верхних этажа, а вместе с ними и часовню, которая, как и в Белой башне, была построена с апсидальным выступом, закрывающим стык южной и восточной стен. Однако склеп и подземелье часовни сохранились. В этом отношении, а также в разделении этажей на большие и меньшие камеры поперечной стеной, идущей с севера на юг, сходство между этими двумя большими башнями очень заметно. Прямоугольные выступы, с другой стороны, которые охватывают три угла башни в Колчестере, гораздо более заметны, чем выступы Лондонского тауэра, и сами по себе образуют небольшие башни; и даже в том месте, где апсида часовни расширена к востоку, южная стена была построена такой толщины, чтобы соответствовать выступам в северо-восточном и северо-западном углах. Тот, что под юго-западным углом, отличается в плане от остальных, будучи длиннее с востока на запад и шире на западной стороне, чем остальные. Его южная сторона также углублена от уровня южной стены башни, но выступает в виде большого прямоугольного контрфорса в том месте, где он соединяется с главной стеной. В этой юго-западной башне находилась главная лестница. Вход находился на первом этаже, сразу к востоку от только что упомянутого контрфорса, а не на втором, как в большинстве прямоугольных крепостей. Тесаный камень, которым была облицована внешняя часть башни, был снят, и теперь обнажена бутовая сердцевина стен с соединяющими их рядами римских плиток. Ниже первого этажа стены значительно расширяются: это видно на северной и западной сторонах, где холм спускается к реке, а верхняя часть прочного фундамента находится над землей. Между угловыми башнями стены прерываются с восточной и западной сторон двумя прямоугольными контрфорсами небольшого выступа: с северной стороны есть только один, а с южной - ни одного. Первый и второстепенный этажи освещались узкими петлями, протянутыми внутрь примерно на половину толщины стены. На каждой из восточных, северных и западных стен первого этажа

их по три. У южной стены их всего две: одна освещает камеру с колодцем к востоку от входа, в то время как другая, на противоположном конце стены, освещает подвал часовни. Стена между ними, расположенная со стороны башни, наиболее открытой для атаки, отличается большой прочностью и не имеет проема или контрфорса. На каждой грани первого этажа, за исключением угловых башен и апсиды часовни, имелось по четыре петли. Оконные проемы верхних этажей, вероятно, были больше. Одной из самых ярких особенностей этой башни является обильное использование римских плиток в каменной кладке, особенно в поперечной стене, где они расположены очень правильными и красивыми рядами “селедочных косточек” (101). Такое использование римского материала породило еще не полностью исчезнувшую традицию о том, что башня была римским зданием. Едва ли нужно говорить, что для нормандских каменщиков не было бы ничего более естественного, чем принять экономичный принцип использования в своих целях материалов, которые лежали под рукой среди руин римского вокзала.

Дувр

Клац

Лондонские и Колчестерские башни являются исключительными по своей датировке и огромности своих пропорций. Хотя башни поздней половины XII века имеют с ними много общего — разделение поперечными стенами, лестничные колодцы в одном или нескольких углах, пилястровые контрфорсы, выступающие из внешних стен, и галереи с фресками и покои, — впоследствии ни одна башня такого масштаба не была предпринята. Башня Рочестера (фронτισпис), которая, по-видимому, была построена несколько раньше 1140 года и, следовательно, является промежуточной по дате между этими двумя исключительными примерами и более поздними башнями, имеет высоту 113 футов до верха парапета и площадь 70 квадратных футов (внешние измерения) у ее основания. Дуврская башня (126), построенная в начале правления Генриха II, имеет размеры 98 на 96 футов у основания. Стены, однако, имеют исключительную толщину от 24 до 21 фута, так что внутренние размеры значительно сокращены, в то время как высота до верха парапета составляет всего 83 фута. Лондонский и Колчестерский тауэры также являются исключительными по важности, придаваемой часовне в их планах. Огромное выступание угловых башенок в Колчестере является уникальной особенностью, в то время как расположение главного входа на первом этаже, хотя и не уникально, очень необычно.

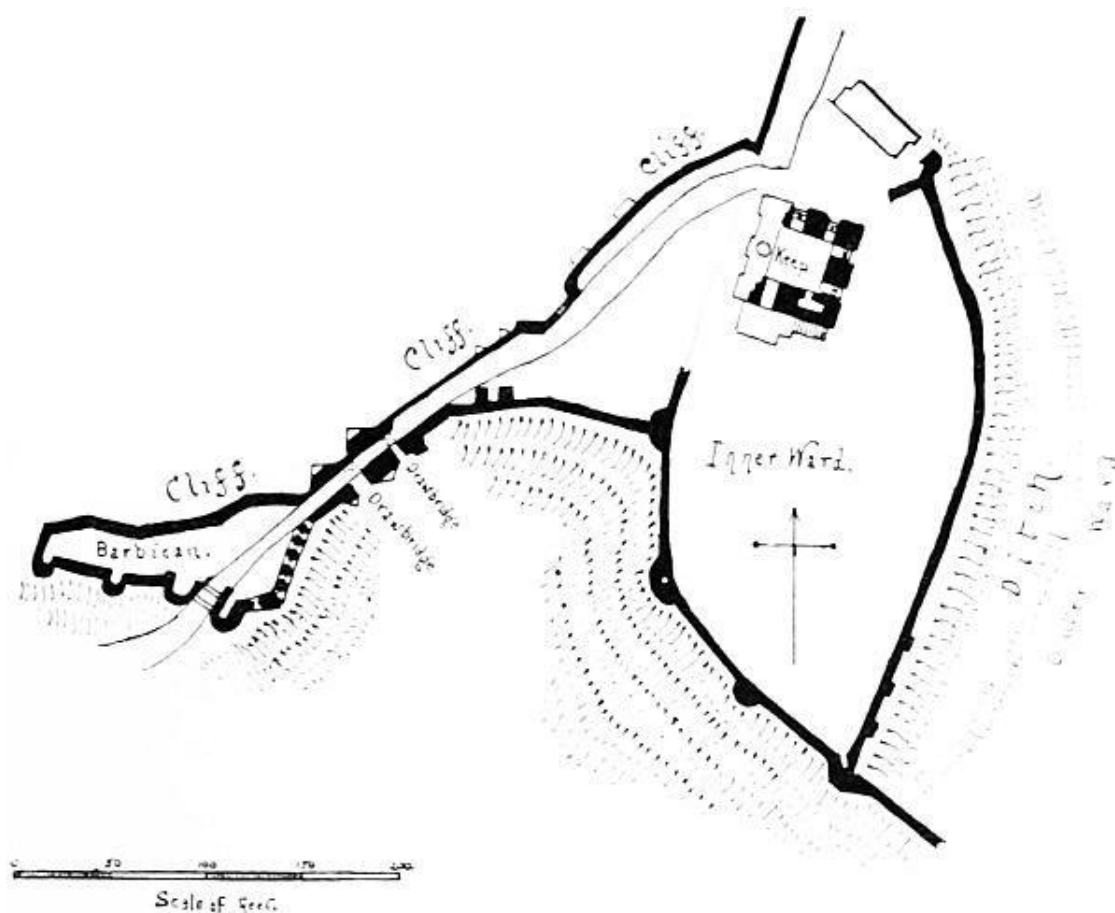
Более поздние башни отличаются от лондонских и Колчестерских тем фактом, что они были пристройками к уже существующим оградкам, а не ядром замка, основанного впервые. Хотя они имеют общее семейное сходство, ни их положение на плане, которое обязательно было продиктовано характером участка, ни детали их расположения не являются единообразными. Большинство замков, в которых они встречаются, разделены стеной, построенной поперек ограды от занавеса до занавеса, на внешнюю и внутреннюю палаты или внутренний двор. Башня, стоявшая на самой высокой точке внутреннего двора, была расположена таким образом, чтобы командовать обеими этими частями замка. Если бы был взят внешний рубеж, осаждающие оказались бы перед второй линией обороны, стеной внутреннего рубежа, в сочетании с которой защитники могли бы использовать большую башню с ее большей высотой. Наконец, если бы внутренняя охрана была взята, башня все равно оставалась бы грозным убежищем для гарнизона.

Гилфорд

Там, где к замкам обычного типа, основная защита которых состояла из земляного вала и насыпей, добавлялась новая башня, ее часто возводили, как в Кентербери и Гастингсе, на новом месте, независимо от горы, чего, вероятно, избегали из-за недостаточного

фундамента. Таким образом, в Рочестере старая гора замка одиннадцатого века, ныне известная как Болей-Хилл, сохранилась на некотором расстоянии от более поздней огады. Но были случаи, и, возможно, их было больше, чем принято считать, когда гора использовалась в качестве башни. В Крайстчерче сравнительно небольшая крепость была полностью построена на искусственной горе. Крепости Норвич и Хедингем (135), две из самых величественных в своем классе, были построены на горах, которые, будучи по большей части естественными холмами, были огорожены и облагорожены искусством. Горы в Гилдфорде и Клане (127) являются искусственными. В обоих этих последних случаях вершина горы была превращена в крепость-ракушку, окруженную стеной; но на восточной стороне этой огады была возведена башня респектабельных, если не больших размеров. Башня в Ключе была построена у восточного склона горы, причем цоколь находился полностью ниже уровня вершины земляного вала. Отчасти это относится и к Гилдфорду (128), где башня расположена на восточном краю горы. Включение в Кенилворте искусственного грунта в подвал крепости привело к подозрению, что гора замка была уменьшена в высоту, а башня построена вокруг нижней части (132).

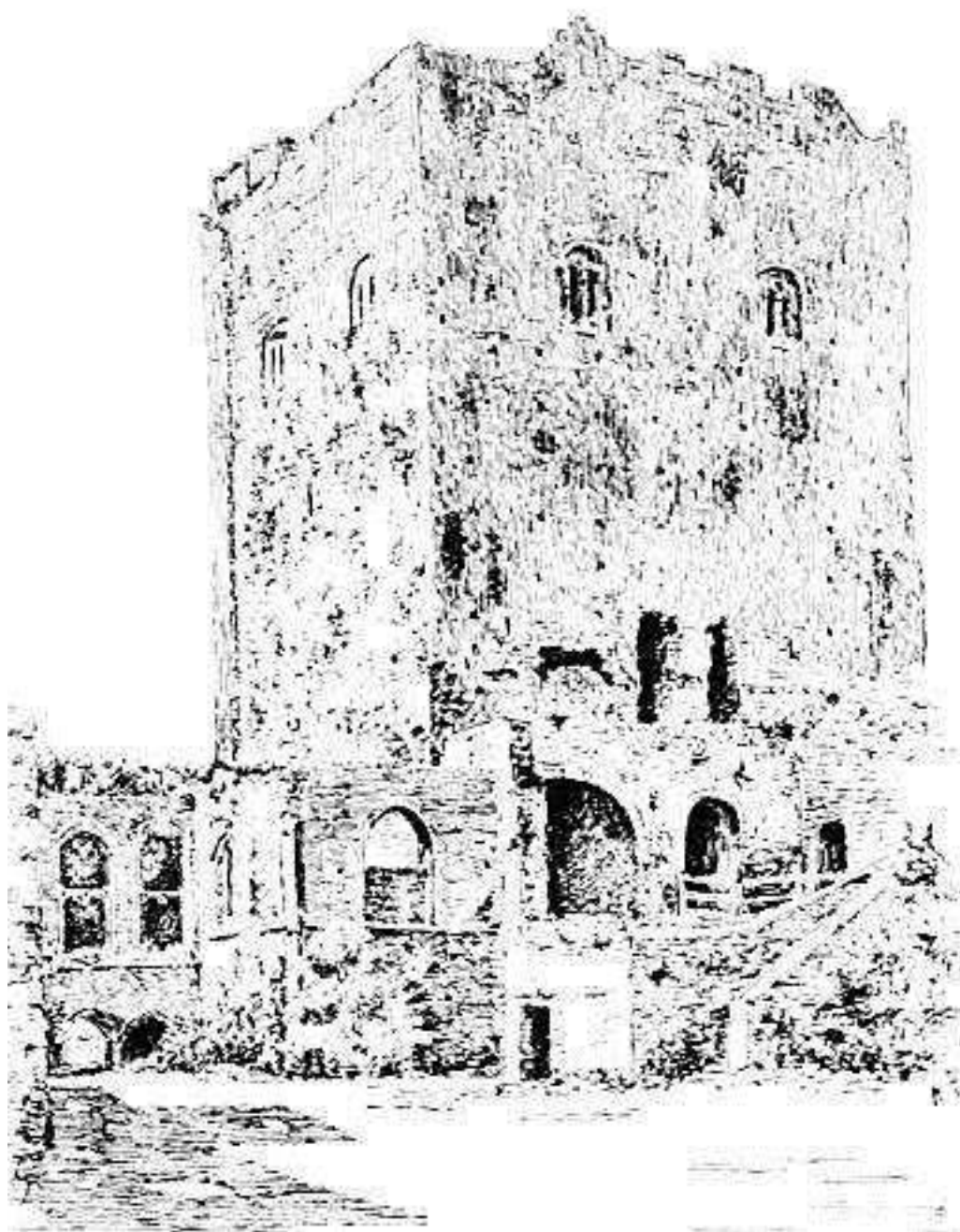
Скарборо; План

В Гилдфорде и Клане сочетание каменной оболочки с башенной крепостью создало эффект небольшого внутреннего помещения — фактически это и есть башня—ракушка с огаждением. Часто, как в Скарборо (129) и Бамбурге, башня стояла на линии занавеса между двумя палатами. В Скарборо он фактически стоит поперек этой линии, но его большая проекция направлена во внутренний двор, из которого, конечно же, в него и вошли. Башни в Норэме (157) и Кенилуорте занимают угол внутреннего двора, но не имеют заметного выступа за занавес. Это также относится к Порчестеру (131), где северо-западный угол, в котором стоит крепость, также является северо-западным углом римского вокзала. 175 Однако

некоторые из лучших из этих башен, Рочестер, Дувр и Ньюкасл, стояли совершенно отдельно во внутреннем дворе, хотя, как и в Рочестере, достаточно близко к занавесу, чтобы защитники могли контролировать внешние подходы с верхних этажей.

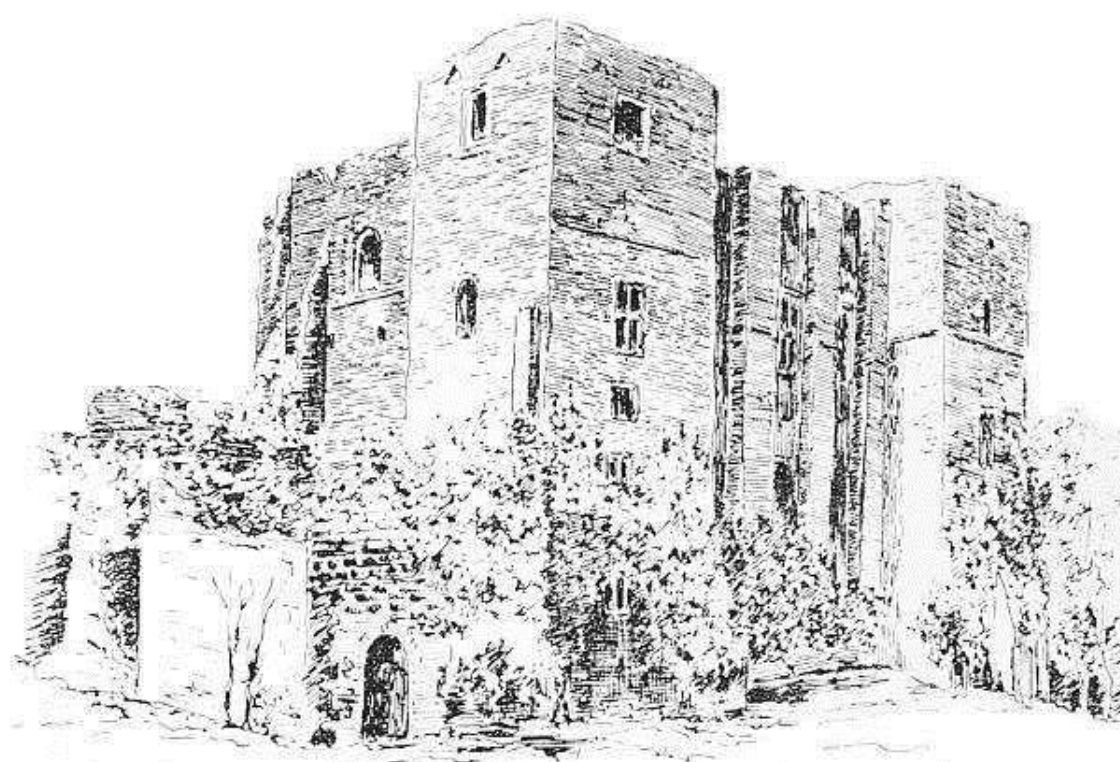
Схема прямоугольных крепостей

Порчестер

С точки зрения размеров башни можно разделить на два класса. Есть собственно башни, такие как Клан, Корф, Гилфорд, Хедингем, Хелмсли, Ньюкасл, Порчестер, Ричмонд, Рочестер и Скарборо, в которых высота больше длины или ширины. Такие башни имеют приблизительно квадратную форму; и к ним следует добавить Дувр, в котором, однако, из-за огромной толщины стен высота меньше длины или ширины. В одном случае, в Порчестере (131), протяженность с севера на юг превышает протяженность с востока на запад на 13 футов и поначалу также превышала высоту; но башня была поднята почти вдвое вскоре после завершения первоначального проекта. Второй класс состоит из крепостей, один или оба размера которых на плане превышают высоту, без учета исключительных обстоятельств, которые определяли пропорции Дувра. Такие крепости имеют заметно продолговатую форму. В замке Райзинг и башне Боуз в Йоркшире высота меньше, чем длина или ширина. В

Кенилуорте (132) длина с востока на запад превышает ширину почти на 30, а высоту на 7 футов. Миддлхэм, с севера на юг, имеет размеры примерно 100 футов на 80 с востока на запад: его высота составляет всего 55 футов, что, хотя и превосходит 50 футов Боуза и Касл-Райзинга, намного меньше, чем 80 футов Кенилуорта. Однако его длина и ширина составляют площадь, намного превосходящую Кенилворт размером 87 на 58 футов, Боуз размером 82 на 60 футов и Касл-Райзинг размером 75 на 54 фута. Фундаменты другой крепости этого класса сохранились в Даффилде в Дербишире. Бамбург, 69 на 61 фут, но всего 55 футов в высоту, является еще одним представителем этого класса. Другая великая нортумбрийская крепость, Норхэм, хотя ее высота составляет 90 футов, продолговата в плане; и ее протяженность с востока на запад находится в пределах 4 футов от высоты, так что она находится на границе между вторым и первым классом.

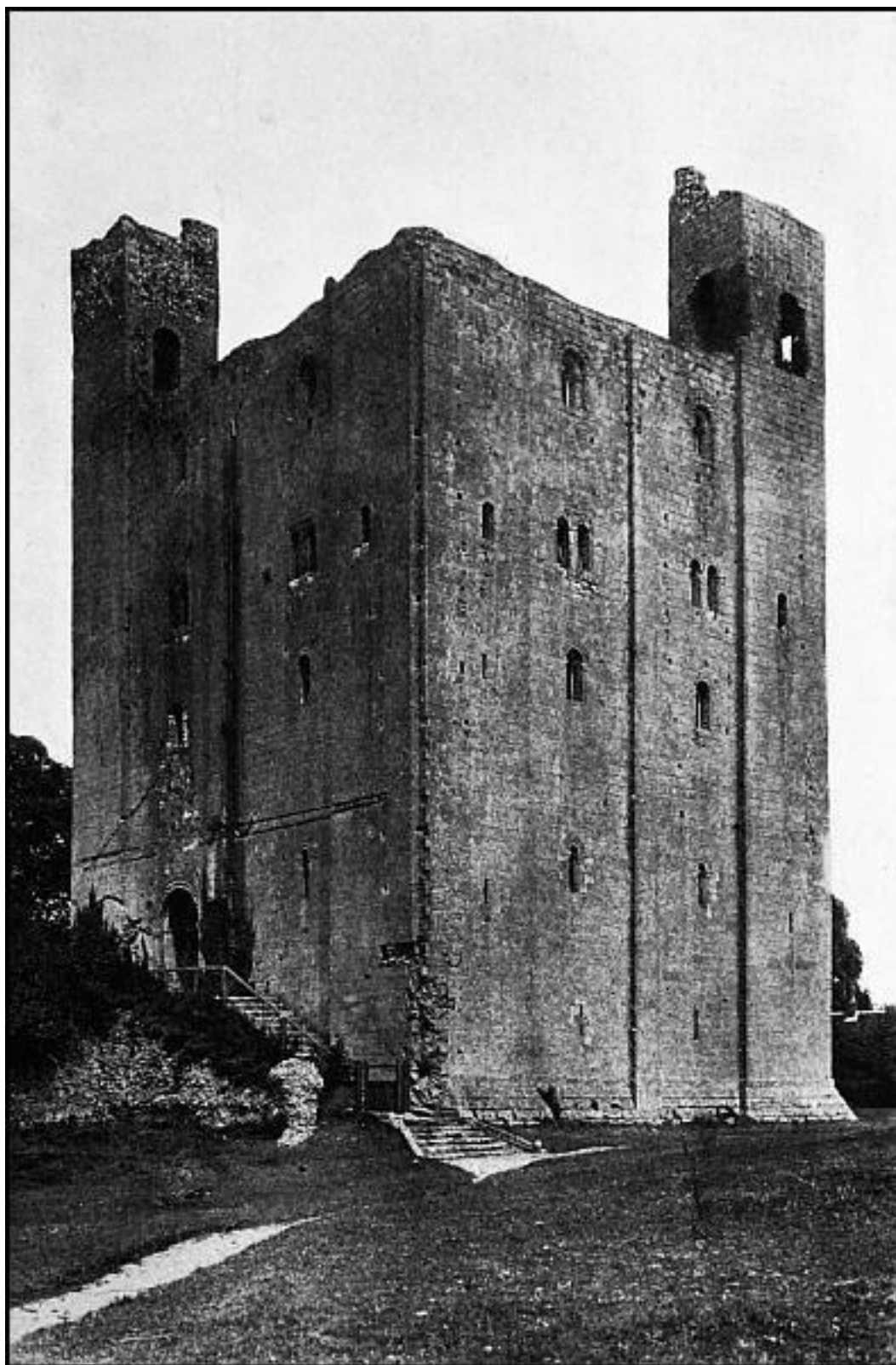
Кенилворт

Внутренние перегородки крепостей неодинаковы и не всегда соответствуют высоте. Обычно в более высоких замках, таких как Хедингем, Порчестер, Рочестер и Скарборо, имеется подвал с тремя верхними этажами; но в Корфе, высота которого составляет 80 футов, как и в Гилфорде, высота которого всего 63 фута, есть только два верхних этажа. В Дувре высотой 83 фута и Ньюкасле высотой 75 футов второй этаж был окружен галереей фресок, расположенной высоко над уровнем пола, так что второй и третий этажи были объединены в одну высокую комнату.¹⁷⁶ Однако в Норэме было четыре верхних этажа. Кенилворт, расположенный всего на 10 футов ниже, имел высокий подвал и всего один этаж над ним. В Боузе было два этажа. В Миддлхэме и Касл Райзинге был один главный этаж; но из-за разделения комнат на этом этаже в отдельных частях здания был сделан второй этаж. Как правило, стены становятся тоньше по мере подъема: это было достигнуто за счет фальцевания внутренней поверхности на каждом этаже, чтобы обеспечить выступ для балок перекрытия. В исключительных случаях на внешней стороне башни имеется выступ; а в Рочестере стены утончены с 12 футов у основания до 10 футов наверху за счет небольшого внешнего обмазывания. В Порчестере толщина стен у основания составляет 11 футов: на первом этаже она уменьшается до 7 футов, а за счет смещения на уровне первоначальной

крыши - до 6 футов на верхнем этаже. Самые толстые стены, по сравнению с Дуврскими, по-видимому, в Ньюкасле, где их толщина на первом этаже составляет 14 футов.

Многие из этих башен, такие как Рочестер и Дувр, построены из тряпичного камня или обкатанного щебня с облицовкой из тесаного дерева. Каменная кладка в Гилдфорде (128) чрезвычайно грубая, и широко используется обработка “селедочной костью”: дата постройки башни, однако, судя по ее внутренним деталям, не ранее третьей четверти двенадцатого века. 177 С другой стороны, стены многих домов облицованы тесаным деревом. Хедингем и Порчестер - благородные примеры с востока и юга Англии; Бриджнорт и Кенилуорт - из центральных графств. Из башен Йоркшира Боуз, Ричмонд и Скарборо облицованы тесаным деревом; Миддлхэм построен из щебня с облицовкой из ясеня. Облицовка тесаным камнем повсеместно используется в Бамбурге, Ньюкасле и Норме: в Норме тесаный камень бывает двух различных видов: в одной части используются мелкие кубические камни, а в другой - камни большего размера. 178 Как и в Колчестере, Дувре и Кенилуорте, фундаменты более крупных башен значительно расширяются и возвышаются над землей в виде выступающего цоколя, в который без перерыва переходят контрфорсы по углам и на лицевой стороне стен. В Ньюкасле над постаментом есть рулонное струнное поле, а в Бамбурге (91) постамент отлит с очень впечатляющим эффектом. Там, где башня построена на неровном участке, как в Миддлхэме или Скарборо, цоколь появляется только на тех гранях, где земля отходит от башни.

Углы башни всегда укреплялись прямоугольными пилястрами-контрфорсами обычного типа двенадцатого века, образованными за счет утолщения двух смежных стен. В большинстве случаев они сходятся, образуя сплошной внешний угол. Иногда, как в Гилдфорде, Хедингеме и Рочестере, между ними оставляют углубление, которое в Касл-Райзинге и Скарборо заполняется стержнем или бусинкой. Над линией парапета угловые контрфорсы переходят в квадратные башенки. Внутри одного или нескольких из этих углов были тиски. В Ньюкасле (139) угловые контрфорсы имеют такую ширину и выступ, что образуют отдельные башни: это еще более заметно в Кенилуорте, где есть угловые башни, мало чем отличающиеся от тех, что в Колчестере. На гранях башни между этими углами обычно имелись один или несколько пилястровых контрфорсов небольшого выступа. Их количество варьировалось в зависимости от плана и местоположения башни. В Дувре по одному на каждой грани, за исключением стороны, которая закрыта передней частью. В Кенилворте их четыре на одной стороне, три на другой, две на третьей: оставшаяся стена исчезла. В Порчестере есть по одному на каждой из западных и северных сторон, ни одного на восточной или южной: когда башню повышали, ни угловые, ни промежуточные контрфорсы не были продолжены вверх. Стоит отметить, что одна из угловых башен в Ньюкасле имеет многоугольную, а не прямоугольную форму. Это указывает на переход в методах укрепления, о котором подробнее будет сказано ниже. Юго-восточный угол в Рочестере закруглен; но это результат ремонта башни, который проводился в тринадцатом веке.

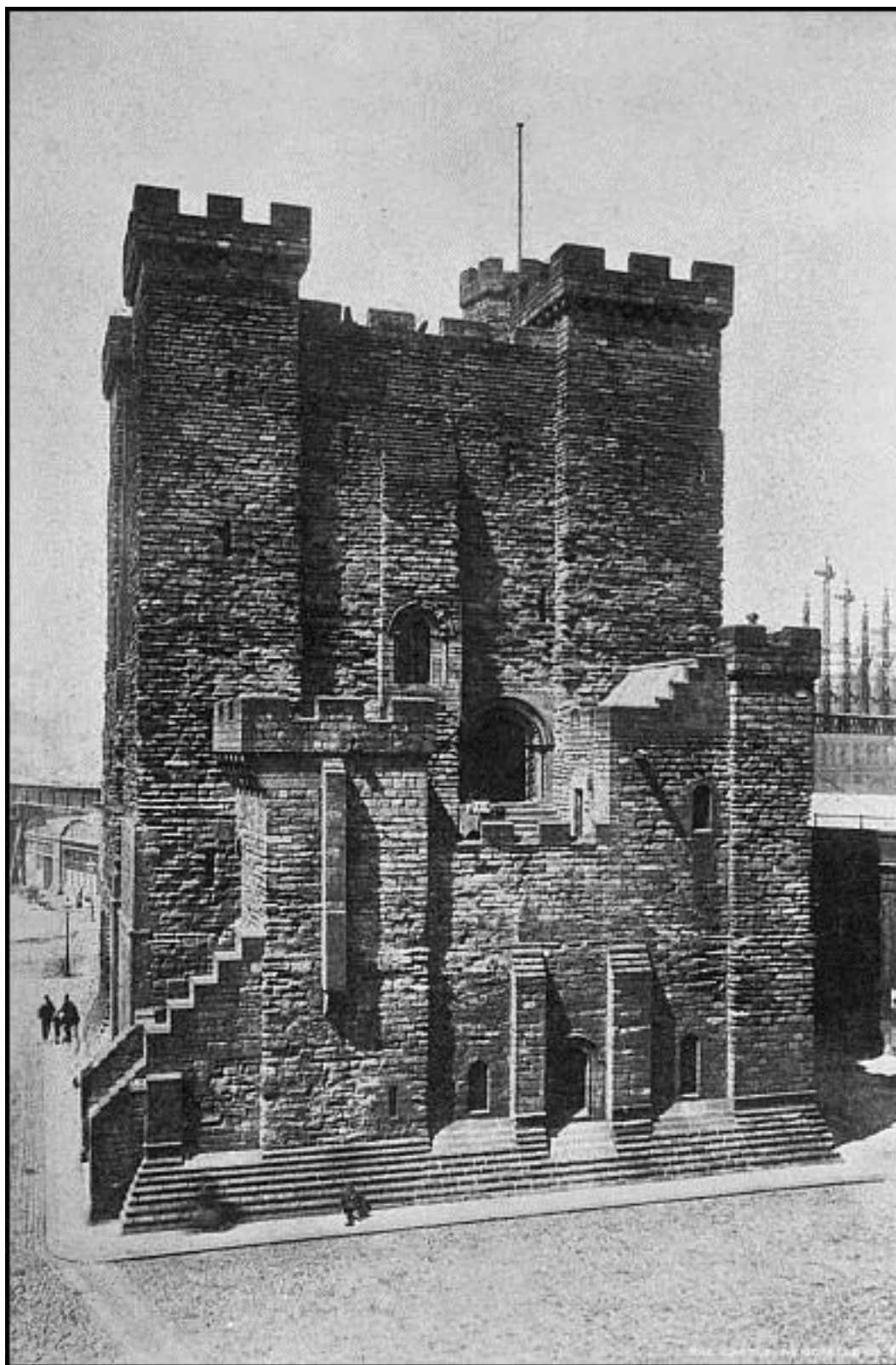

ХЕДИНГЕМ: великая башня

Поскольку основной целью этих башен была оборона, их внешние архитектурные особенности, как правило, ограничивались превосходной каменной кладкой. Лепной плинтус, как в Бамбурге, встречается очень редко. В Норвиче и Касл-Райзинге стена имеет аркаду или углубление: это, однако, совершенно противоречит обычной практике. Струнные дорожки, где они использовались, обычно ограничивались контрфорсами, как в Кенилуорте; хотя в некоторых случаях, как в Ричмонде, они продолжались вдоль стены. Необходимых

оконных проемов было мало. Однако здесь необходимо провести различие. Уже отмечалось, что донжон замка иногда служил резиденцией его хозяина, а во время войны - прочной башней. Лондонский и Колчестерский тауэры, несомненно, были спланированы в их щедром масштабе с учетом этой двойной цели; и, какими бы неудобными они ни казались нам сегодня, верхние этажи Белой башни, во всяком случае, были хорошо освещены. Точно так же в Рочестере на этажах над подвалом было большое количество окон с единственным освещением. И, как правило, в то время как подвал освещался очень несколькими узкими петлями, расположенными высоко в стене, а первый этаж, который находился не выше радиуса действия ракет, был скудно освещен узкими петлями с широкими внутренними проемами, на втором этаже, который образовывал главную квартиру, были гораздо большие окна. Они, как в Лондонском Тауэре или в Дувре, Хедингеме и Скарборо, иногда состояли из двух огней, разделенных промежуточной шахтой или куском стены. В Ньюкасле, где второй этаж из-за толщины стен, в которых устроены отдельные камеры, очень темный, в промежуточном контрфорсе восточного фасада есть широкий единственный проем, который снаружи имеет лепную арку и косяки (139). В Ричмондской башне, единственной целью которой, по-видимому, была защита, оконные проемы, за одним исключением, представляют собой узкие петли с внутренними прорезями; и из всех башен двенадцатого века эта, вероятно, была самой темной и наименее удобной (93). 179

Главный вход в башню обычно находился на втором этаже, хотя иногда, как в Дувре, Ньюкасле и Норвиче, он находился на втором этаже и вел прямо в главные апартаменты. Очевидно, было небезопасно делать вход в подвал, где двери можно было легко взломать или поджечь. В то же время, как мы заметили, в Колчестере есть вход в подвал, подход к которому был защищен мощным рвом. Скалы, на которых стоят Бамбург и Скарборо, сделали позицию почти неприступной, и в обоих случаях главный дверной проем башни находится на одном уровне с почвой квартала, в котором она стоит. 180 Когда внешний проем первоначальных ворот в Ричмонде был демонтирован, чтобы освободить место для новой башни, был оставлен внутренний проем, образующий прямое сообщение между внутренними помещениями замка и подвалом: это также было разрешено естественной прочностью участка; но главный вход в башню находился в юго-восточном углу первого этажа, со стороны крепостного вала. В Ладлоу оба проема ворот были замурованы (94), а к части западной стены башни была сделана лестница на второй этаж. 181 Даже в башне на горе в Гилфорде главный вход находился на втором этаже (128). Там, где дверной проем вел в главные апартаменты башни, он получил особую архитектурную обработку. Это в Ньюкасле широкий проем с полукруглой аркой трех порядков и перекладинами в косяках: он был перестроен, но, вероятно, полностью повторяет первоначальный дизайн. С другой стороны, вход на первом этаже в Кенилуорте, который вел в главную комнату, чрезвычайно простой, с сегментарной аркой и полукруглой разгрузочной аркой в стене над ней.

НЬЮКАСЛ: грейт-тауэр

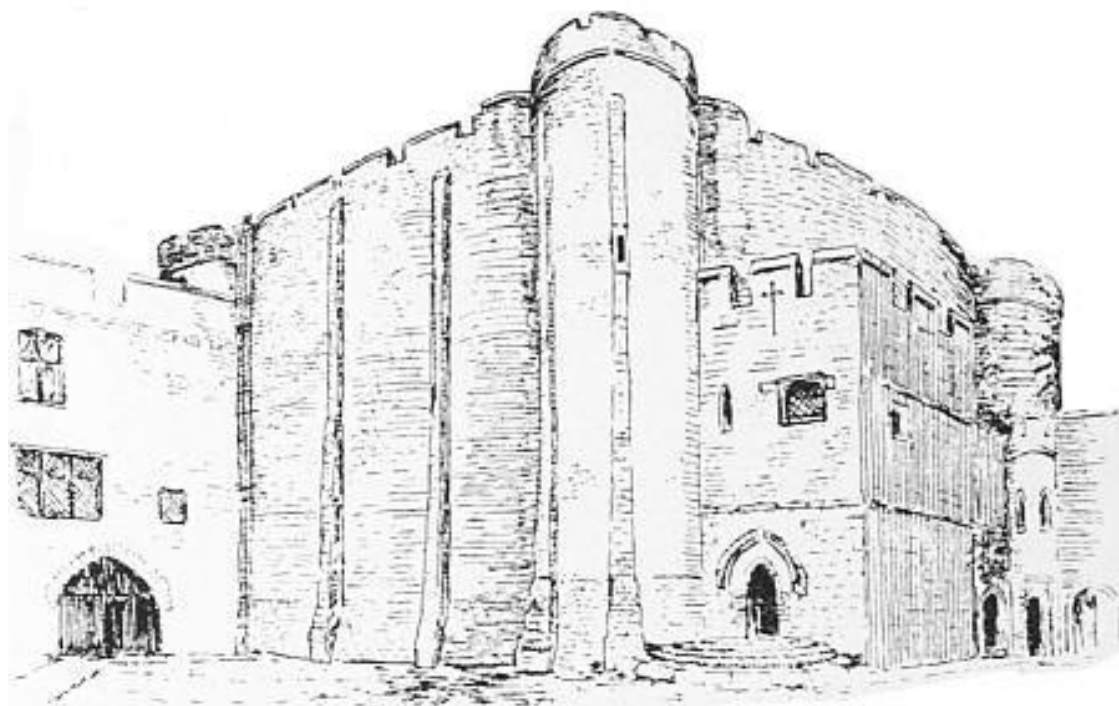
К входам на верхние этажи обязательно вела лестница, которая обычно располагалась у стены под прямым углом ко входу, а иногда, как в Дувре, Ньюкасле и Рочестере, при спуске поворачивала угол стены. Обычно они были перекрыты сооружением, известным как переднее здание, которое обеспечивало внушительный крытый подход к главному входу. Переднее здание представляло собой существенную пристройку к башне и имело несколько разнообразную планировку. Указания на это в простейшей форме можно найти в Скарборо,

где оно состояло из двух этапов. Нижняя ступень представляла собой сводчатый проход у южной стены, из конца которого под прямым углом вел в подвальный проем; на верхнюю ступень можно было попасть через дверной проем с первого этажа башни. Входной проход был закрыт деревянными дверями; если бы они были взломаны, атакующая сторона все равно столкнулась бы с некоторыми трудностями и опасностью при проникновении в башню, в то время как ракеты, выпущенные в них через отверстие в полу верхней ступени, сделали бы отступление из прохода деликатным делом. Переднее здание в Кенилуорте также состояло из двух ступеней, охватывающих входную лестницу, которая вела к дверному проему на втором этаже. Устройство в Рочестере было более сложным. Здесь лестница начиналась у контрфорса северо-западного угла, где она была перекрыта небольшой башней из двух ступеней, нижняя из которых содержала дверной проем, а верхняя сообщалась со сводчатой камерой в углу первого этажа башни. Затем лестница поворачивала под углом и, защищенная внешней стеной высотой около 6 футов, поднималась вдоль северной стены башни к подъемному мосту с глубокой ямой внизу. На дальней стороне подъемного моста восточная часть северной стены была перекрыта зданием в три этажа. Средняя ступень, на которую можно было попасть с подъемного моста, содержала помещение, в котором находился главный вход на первый этаж цитадели. Самая нижняя ступень представляла собой склеп, который сообщался с подвалом башни; верхняя ступень, на которую можно было попасть со второго этажа башни, содержала комнату, которая, возможно, была часовней. В Дувре и Ньюкасле передние постройки были еще более сложными, включая нижнюю башню, которая защищала вход и прямоугольный поворот лестницы, среднюю башню, которая перекрывала лестницу до половины подъема, и верхнюю башню в начале лестницы, за платформой, с которой вел вход на второй этаж. В подвале переднего здания в Ньюкасле находилась замковая часовня; нижняя башня, как и в Рочестере, была просто надвратной башней; средняя башня прикрывала вторые ворота на лестнице; а в верхней башне находилось сводчатое караульное помещение, возвышавшееся над площадкой входа. В Дувре верхняя башня, цельная у основания, имела сводчатые помещения на первом и втором этажах; средняя башня окружала колодец, устье которого находилось в помещении, куда входили с платформы перед главным дверным проемом цитадели; в то время как нижняя башня образовывала большой выступ в юго-западном углу цитадели, содержащий на первом этаже крытую площадку для лестницы, из которой на восток вела комната, вероятно, молельня, а на западе - домик привратника. На втором этаже находилась часовня крепости, в которую можно было попасть из главных апартаментов. Хранилище в подвале нижней башни переднего здания сообщается с подвалом цитадели через другое хранилище, общее для цитадели и переднего здания. Аналогичным образом, хранилище на уровне первого этажа верхней башни сообщается с основным первым этажом через другую общую сводчатую камеру. Таким образом, переднее здание Дувра является неотъемлемой частью крепости.

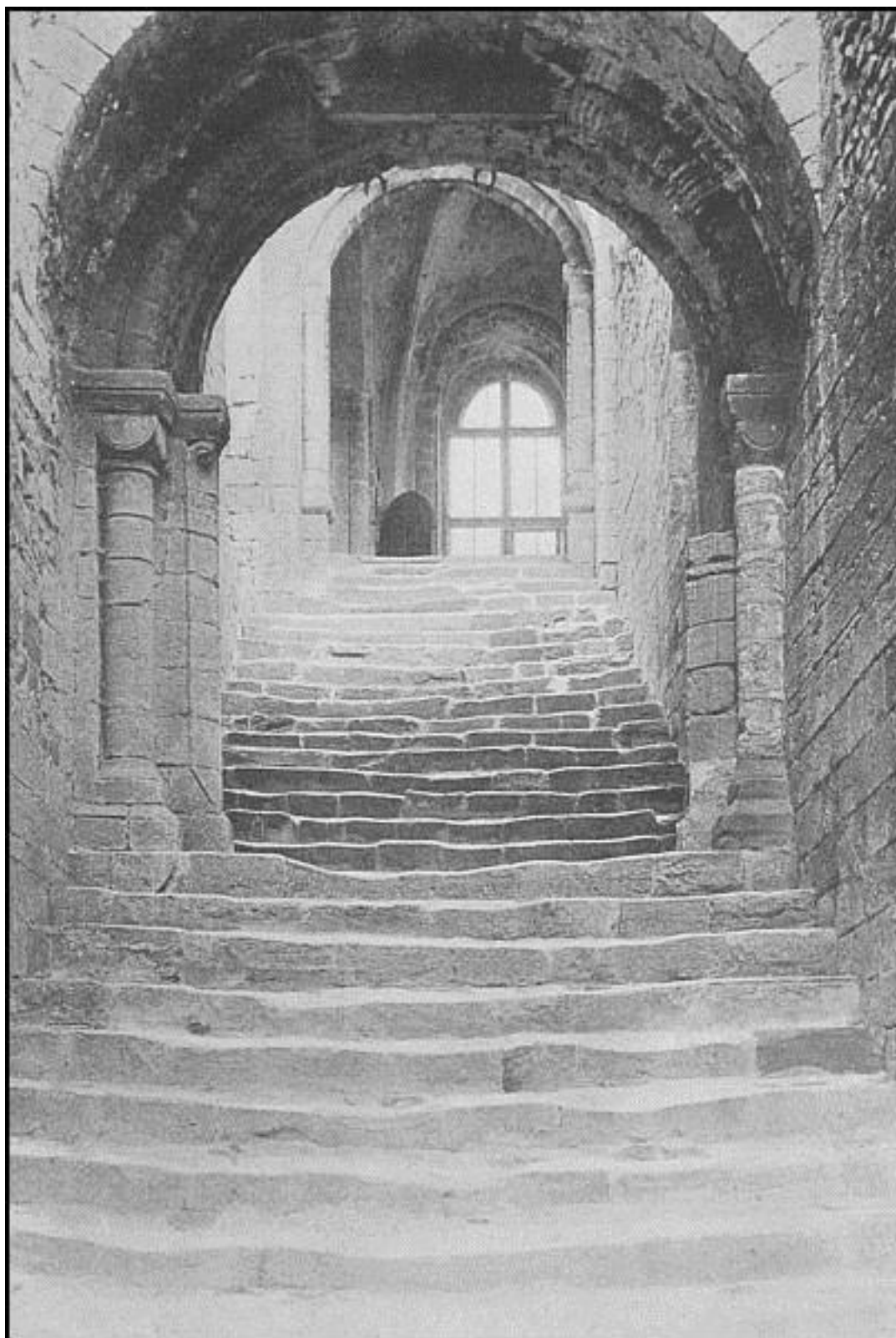
Из всех существующих передних построек та, что в замке Райзинг (143), находится в наилучшем состоянии сохранности. Здесь главный вход в цитадель находится с восточной стороны здания, недалеко от его северного торца. Лестница с деревянной крышей поднимается вдоль восточной стены прямо от земли. У его подножия есть шлюз, и еще один шлюз на площадке на полпути вверх. Верхний лестничный пролет, который также был обшит деревом, проходит через третьи ворота на верхний этаж башни, которая, как в Рочестере и Норвиче, перекрывает главный дверной проем крепости и не расположена, как в Дувре и Ньюкасле, за дверным проемом. Каждый из дверных проемов передней части здания имеет закругленную арку с наклоном по краям и стволы с выступающими капителями в косяках. Главный дверной проем цитадели имеет пять ярусов, четыре внешних яруса имеют стержни, а арка украшена богатой поздне-нормандской лепниной. Помещение наверху лестницы

имеет два пролета, но первоначально имело деревянную крышу. Под ним находится сводчатое помещение.

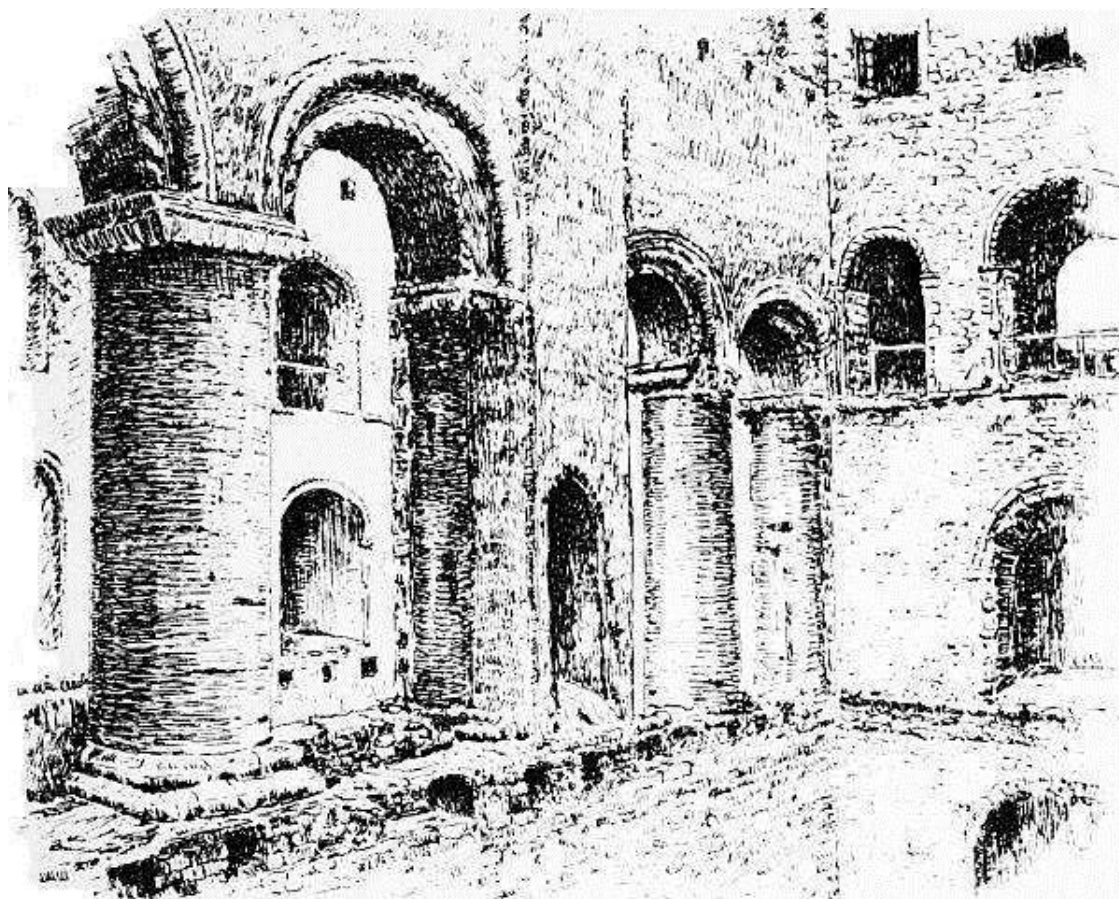
В Порчестере (131) есть исключительное сооружение, где лестница, вместо того чтобы быть закрытой фасадом здания, расположена снаружи, напротив его восточной стороны. С лестничной площадки наверху есть прямой проход между комнатами первого этажа переднего здания к главному входу в башню; в то время как с той же площадки другой лестничный пролет ведет на северный вал замка. Другое исключительное здание находится в Беркли (142). Здесь, однако, исключение состоит в том факте, что это пристройка не к башне, а к крепости-ракушке особой конструкции. Гора раннего норманнского замка была уменьшена в высоту, а ее основание, образующее платформу примерно в 20 футах над землей, было обнесено стеной толщиной 8 футов, которая укреплена пилястрами-контрфорсами и поднимается на высоту 60 футов. Напротив юго-восточной стороны этой стены находится узкая передняя постройка. Лестница, перекрытая деревянной крышей, проходит через нижнюю ступень надвратной башни и поднимается на платформу, с которой после прохождения еще одного шлюза можно попасть внутрь корпуса. В комнату на втором этаже надвратной башни можно попасть с платформы по узкому выступу над лестницей.

Berkeley

ПОДЪЕМ К ЗАМКУ: лестница предстрога

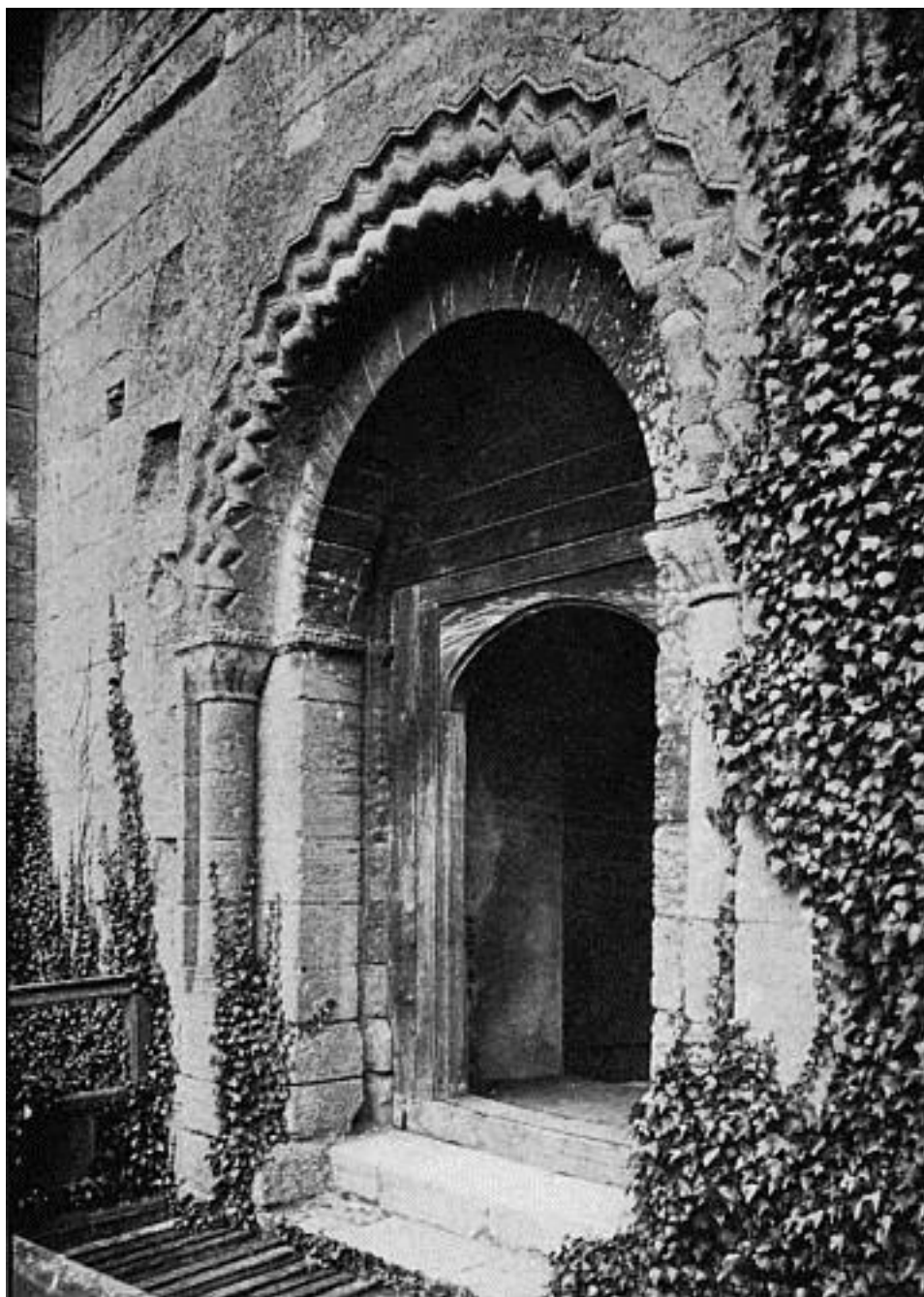

Рочестер; внутренняя поперечная стена

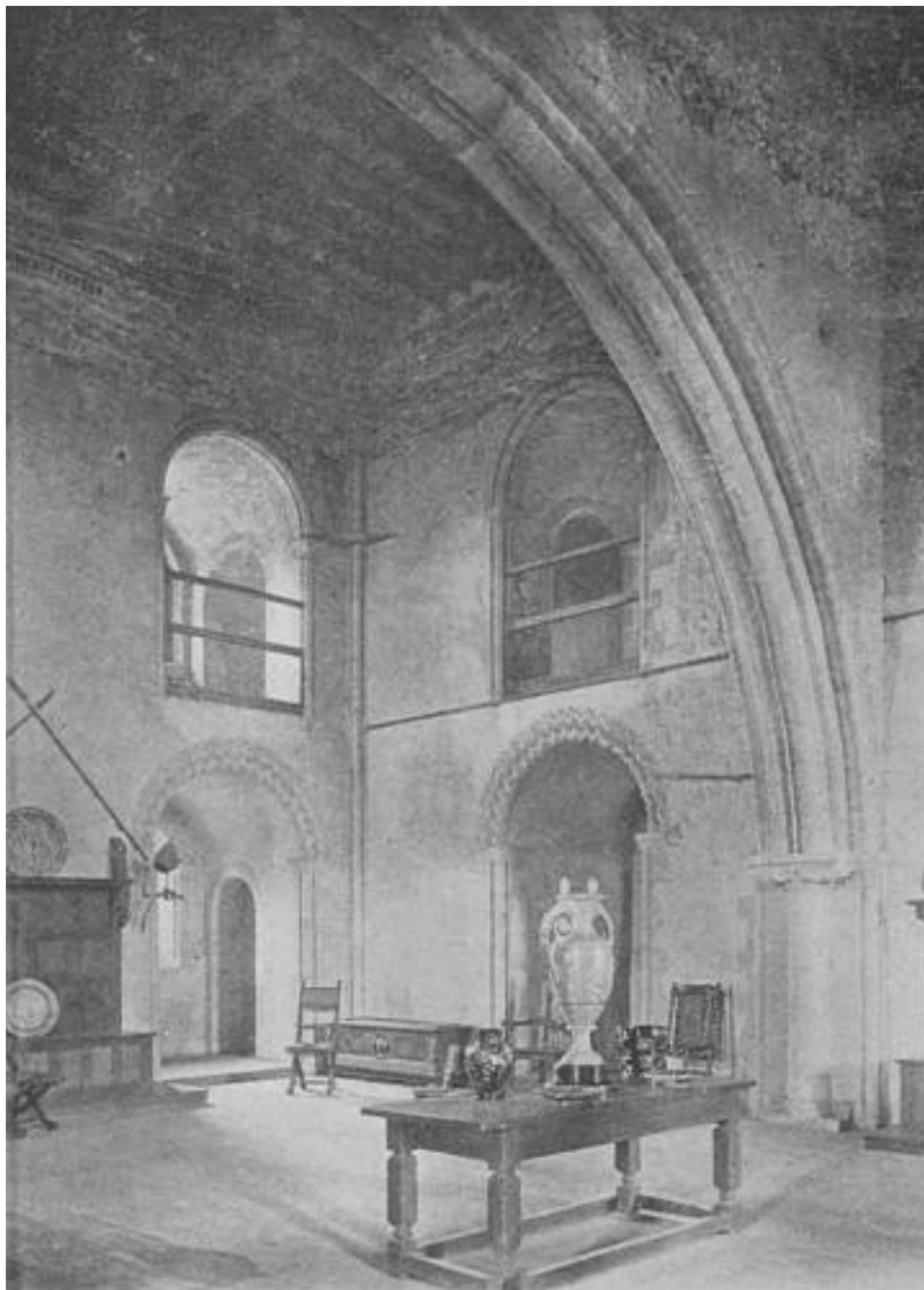
Поскольку главный дверной проем башни находился на внешней стороне толстой стены, необходимо было пройти узкий проход, прежде чем попасть внутрь башни. В замке Райзинг стена сравнительно тонкая, а дверной проем утоплен глубоко, так что в башню можно попасть напрямую. В большинстве случаев крепость была разделена изнутри на две части поперечной стеной, которая тянулась от подвала до вершины.¹⁸² Эта стена часто была центральной, как в Порчестере, Рочестере и Скарборо; но в продолговатых в плане башнях, как в Касл Райзинге и Миддлхэме, она разделяла крепость на два неравных прямоугольника. В Боузе, как и в нормандской крепости Домфронт, она была настолько далека от центра, что отделяла от интерьера лишь узкую продолговатую часть, а большая главная комната на втором этаже Боуза была оставлена почти квадратной. В квадратной крепости поперечная стена часто располагалась напротив главного входа и параллельно переднему зданию. В Хедингеме, Ланкастере, Порчестере и Скарборо он расположен под прямым углом к переднему зданию, так что главный вход, как в продолговатой крепости Касл Райзинг, находится в торце, а не сбоку от одной из комнат. Поперечная стена в Скарборо не была продолжена до второго этажа; и на первом этаже ее место заняла поперечная арка, объединившая две главные комнаты в одну. Огромная поперечная арка, возможно, лучшая архитектурная деталь в любой из наших башен, также охватывает второй этаж в Хедингеме, вместо поперечной стены (¹⁴⁷). На втором этаже в Рочестере поперечная стена представлена двумя парами закругленных арок, разделенных центральным блоком стены, содержащим шахту колодца (¹⁴⁵). Но поперечная стена не была универсальной чертой башенной крепости. Ни в Клане, ни в Гилфорде, башнях среднего размера, такого нет; а из более крупных замков Ньюкасл, Ричмонд и Кенилворт имеют неразделенные интерьеры. Это примечательно в замке в районе Кенилворт: в Ньюкасле и Ричмонде стены настолько прочные, что внутреннее пространство сравнительно небольшое, в то время как в Ньюкасле

дополнительное пространство было обеспечено необычно просторными камерами с фресками. В замке Райзинг, в дополнение к основной поперечной стене, каждое из подразделений крепости имеет поперечную стену меньшего размера на своей оконечности, отделяющую дополнительные апартаменты от основных комнат и позволяющую в одном месте пристроить верхний этаж.

Из всех подразделений башни, независимо от того, разделены они поперечной стеной или нет, подвал, вероятно, использовался для хранения оружия и провизии. Иногда в нем открывался колодец крепости.¹⁸³ На первом этаже, где не было других, располагались основные апартаменты или холл. В замках более высокого типа это было на втором этаже, и, как мы только что видели, замена поперечной стены аркой или аркадой иногда превращала этот этаж в одно большое помещение. В Дувре и Порчестере, как и в Лондонском Тауэре, было сохранено разделение на две квартиры, и в поперечной стене есть только небольшой дверной проем. Вторая комната, в этих случаях, вероятно, служила “большой палатой” или личными апартаментами хозяина замка, когда он находился в резиденции. Там, где холл находился на втором этаже, первый этаж, вероятно, был отведен для гарнизона во время осады и для прислуги. В те дни гласности ассигнования на отдельные спальни были чрезвычайно малы; но там, где, как в Дувре и Ньюкасле, толщина стен позволяла разместить несколько больших комнат с фресками, некоторые из них, возможно, были отведены для этой цели; а в некоторых замках, как в Хедингеме, был предусмотрен верхний этаж над главными апартаментами, который, несомненно, служил этой цели.¹⁸⁴

ХЕДИНГЕМ: вход в великую башню

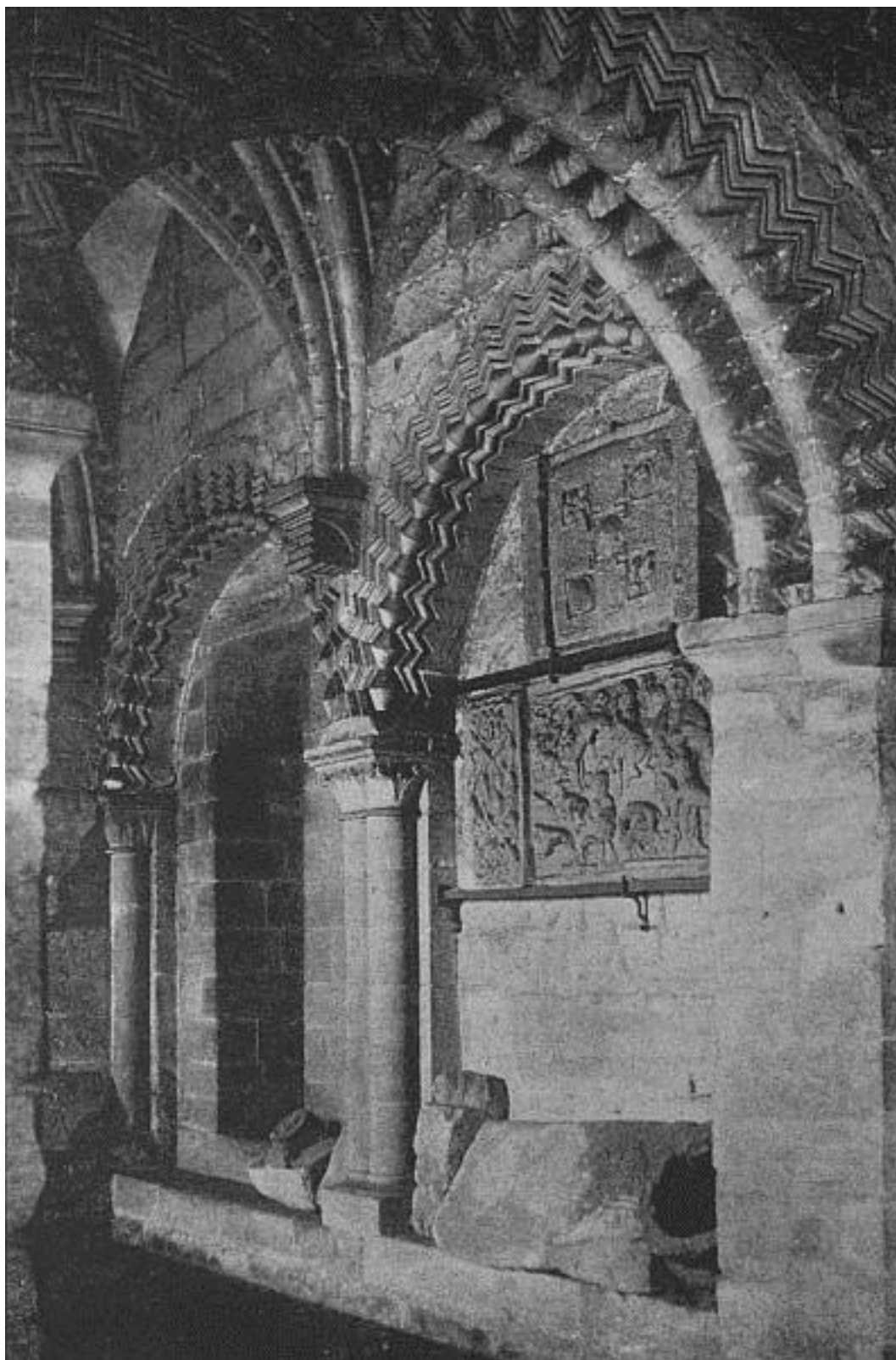

ХЕДИНГЕМ: второй этаж грейт-тауэра

Для обеспечения связи между этажами был взят пример лондонских тауэров и Колчестера. Лестница-колодец была устроена в одном из углов от подвала до вершины башни и имела вход на каждый этаж через короткий проход в толще стены, а иногда и в амбразуру одного из окон. Эта единственная лестница была единственным способом попасть в подвал. В Дувре есть две такие лестницы; и в некоторых случаях есть небольшие наружные дверные проемы в подвал, которые могут быть оригинальными, как задняя дверь, расположенная высоко над землей в Ньюкасле, или, возможно, были прорублены позже, как вход в подвал из фок-билдинга в Кенилуорте. Две лестницы в Дувре расположены по диагонали напротив друг друга. В Рочестере вторая лестница, также расположенная по диагонали от другой, начинается на первом этаже и поднимается на крышу. Главная лестница в Гилфорде начинается под углом первого этажа: в подвал, вероятно, вели через люк и лестницу, но позже, вероятно, в тринадцатом веке, в стене был прорублен дверной проем, ведущий в подвал под главным входом. В Скарборо, хотя главный вход находился на цокольном этаже,

он просто открывался на лестницу, ведущую на второй этаж: лестница в подвал, если таковая и была, по-видимому, находилась в одном из углов, который был разрушен. В крепостях Ричмонда и Ладлоу, благодаря полному или частичному сохранению старых сторожек, обстановка исключительная. В подвал в Ричмонде (93), как мы видели, был отдельный вход из внутренних помещений замка; но в одном из его углов со стороны первого этажа также была встроена лестница, которая сейчас заблокирована. Главная лестница башни, однако, начиналась слева от главного входа на первом этаже и продолжалась вверх прямо через южную стену до уровня второго этажа, где и заканчивалась. Лестница со второго этажа на крышу начиналась от точки над входом на первый этаж, а также проходила по всей толщине южной стены над нижней лестницей, выходя на крепостной вал в точке над входом на второй этаж. 185 В Ладлоу в результате перестройки сторожки первоначальная прямая лестница из подвала на этаж выше, в толще восточной стены, была завалена, и в подвал можно было попасть только через люк на первом этаже. 186

Различные этажи башни были деревянными, и сводчатые помещения, даже в подвале, были исключением. Подвал в Ньюкасле имеет оригинальную сводчатую крышу на восьми ребрах, выступающих из центральной колонны: свод подвала в Ричмонде, также из центральной колонны, является вставкой. В Норхэме подвал разделен поперечной стеной на две части, одна из которых имеет собственную поперечную стену, разделяющую ее на две камеры, обе с бочкообразными сводами: в другом отделении есть четыре пролета с рифлеными сводами, разделенные простыми поперечными арками. Подвал в Бамбурге также состоял из трех сводчатых помещений, самое большое из которых имело центральную галерею из трех арок, от которых ребра были прикреплены к внешней стене и поперечной стене. Две камеры подвала в Миддлхэме также были сводчатыми, одна из которых находилась под центральной аркадой из пяти отсеков. Но эти северные примеры совершенно исключительны; и даже в замке Райзинг, где архитектурная обработка различных частей здания необычайно сложна, а большая камера подвала разделена рядом колонн, своды были ограничены небольшими подразделениями, которые поддерживают меньшие камеры первого этажа, о которых уже упоминалось.

НЬЮКАСЛ: часовня

Фресковые камеры, выполненные в толще стены, обязательно были сводчатыми, обычной используемой формой был бочкообразный свод, который выступал из стены без какого-либо разделительного хода. В остальном единственным помещением, имевшим каменную крышу, была часовня, часто встречающаяся в связи с крепостной башней. Следует, однако, добавить, что часовня почти никогда не занимает какую-либо часть главного этажа в цитадели, и что в замке Райзинг, где она находится в углу первого этажа, только алтарь имеет

сводчатый свод и построен в толще стены. Часовни такого масштаба, как в Лондоне и Колчестере, больше никогда не строились в крепости. Согласно обычной теории, часовни в замках и жилых домах планировались таким образом, чтобы над ними не было помещений, используемых в светских целях; и их расположение в замке обычно находилось на верхнем этаже башни в переднем здании, сообщающейся с соседним этажом основного сооружения. Алтарь всегда располагался у восточной стены, и обычно сохранялось различие между нефом и алтарной частью. Так, в Рочестере, где все три яруса башни переднего здания сводчатые, верхний этаж, вероятно, представлял собой часовню, в неф которой можно было попасть прямо со второго этажа башни через фресковый проход, в то время как алтарь сообщался через небольшой сводчатый вестибюль и короткую лестницу с главной лестницей башни.¹⁸⁷ В Дувре часовня с ребристыми сводами и алтарной аркой двух порядков с шевронной лепниной и косяками занимает верхний этаж нижней башни переднего здания. Стены алтаря и нефа украшены аркадами, что является очень обычной особенностью замковой часовни, но не встречается в Рочестере. Вход со второго этажа Дуврской крепости вел через зал с фресками и проход вдоль западной стены часовни, который вел к дверному проему часовни по левую руку и небольшой сводчатой комнате, возможно, ризнице, справа. В Рочестере, опять же, южная камера на первом этаже переднего здания была часовней, куда можно было попасть из прохода, который вел через переднее здание к главному входу. Часовня в Ньюкасле (¹⁵²) находится в необычном месте, в подвале переднего здания, и в нее можно попасть через проход от подножия главной лестницы. Первоначально здесь также был внешний дверной проем, который сообщался непосредственно с внешней лестницей переднего здания у его подножия — еще одна необычная особенность. Ребристые своды, настенные аркады и алтарная арка выполнены на удивление превосходно, а орнамент в виде водяных листьев на капителях настенных аркад очень похож на орнамент капителей современного Галилея в Дареме. Поскольку передняя часть здания в Ньюкасле примыкает к восточной стене цитадели, более длинная ось нефа часовни проходит с севера на юг и находится под прямым углом к алтарю. Таким образом, часовня имеет **Т-образную** форму: алтарь располагался с одной стороны алтаря, у восточной стены, и был практически невидим из нефа. Вполне вероятно, что констебль замка и его семья или друзья занимали западную часть алтаря, обращенную к алтарю, в то время как неф использовался гарнизоном и прислугой.¹⁸⁸

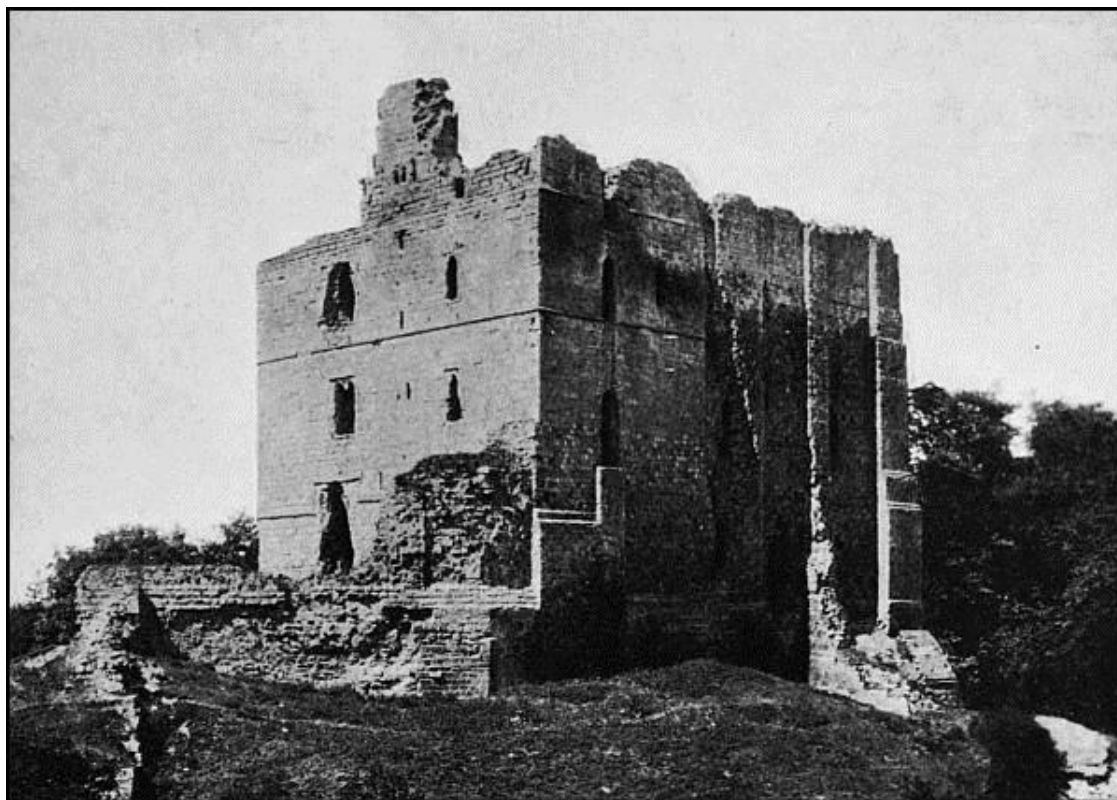
Просторные часовни, подобные тем, что были в Ньюкасле и Старом Саруме, были часовней не только большой башни, но и всего замка. С другой стороны, обычная часовня в башне обеспечивала меньше места и, по-видимому, предназначалась для хозяина замка или его заместителя и их ближайших домочадцев. В Гилфорде часовня цитадели представляет собой обычную молельню, образованную двумя комнатами с фресками, расположенными под прямым углом друг к другу в юго-западном углу первого этажа. Основная часть часовни, перекрытая бочкообразным сводом, находится у западной стены; пространство для алтаря, расположенное так, чтобы священник был обращен лицом на восток, находится у южной стены и перекрыто сводом в половину бочкообразной формы, установленным под прямым углом к более длинной оси. Неф, который, таким образом, находится совершенно вне поля зрения алтарного зала, украшен настенной аркадой конца двенадцатого века, что дает ценный ключ к разгадке реальной даты постройки этого грубо построенного и архаичного на вид замка. Хотя часовня или молельня в замке не были редкостью, в целом это была роскошь. В Ричмонде и Ладлоу не было предусмотрено ни одного помещения; часовни замков, которые сохранились в обоих случаях, были построены раньше, чем переоборудование сторожки в башню. Не исключено, что название часовни могло быть дано в более поздние времена помещениям в крепостных башнях и передних постройках, которые предназначались совсем для других целей.¹⁸⁹

Хотя во время осады иногда возникала необходимость в приготовлении пищи в самой крепости, никакая специальная часть башни не была отведена под кухню. Исключением является Castle Rising, где комната, обрывающаяся под северо-западным углом первого этажа, по-видимому, служила этой цели, а в самом углу была выдолблена круглая шахта дымохода.¹⁹⁰ Камин есть в большинстве башен, хотя и не на всех этажах. Таким образом, Рочестер и Дувр были хорошо обеспечены, в то время как, с другой стороны, в Порчестерском тауэре не было никаких видимых средств искусственного обогрева. Камин в Дувре в поперечной стене больших размеров; камин в Рочестере многочисленны, но невелики, и имеют арки, украшенные толстым и грубо вырезанным шевронным орнаментом, который также присутствует в аркаде поперечной стены на втором этаже. Оригинальные камин в Ньюкасле находятся в больших залах с фресками на первом и втором этажах. Главная квартира здесь, вероятно, обогревалась жаровней на полу; и это, возможно, был распространенный метод, как это было в холлах частных домов. Должно быть, в крыше было сделано отверстие для отвода дыма.

Вода, ввиду стесненных обстоятельств осады, была необходима в крепости, и там, где нет остатков колодца, можно с уверенностью предположить, что один из них был заполнен. В таких горных крепостях, как Гилфорд, колодец, возможно, находился внутри раковины, которая ограждает переднюю часть горы. Колодцы Лондонского Тауэра и замка Райзинг находились в подвалах. В Колчестере в южной стене подвала, справа от входного прохода, есть камера-колодец. Но в более поздних постройках труба колодца, представляющая собой цилиндр, облицованный тесаным деревом, часто поднималась через толщу стены на верхние этажи, которые, таким образом, получали воду напрямую, без необходимости спускаться в подвал. В Кенилворте он находился в южной стене, недалеко от юго-западного угла, с отверстием в подвал и на первый этаж. Он находится в восточной стене Ньюкасла, недалеко от северо-восточного угла: в нем есть только одно отверстие, у устья колодца на втором этаже, и к нему ведет настенный проход из главной квартиры. В Дувре есть два колодца: один в средней башне переднего здания с отверстием на уровне второго этажа, другой в южной стене крепости, с единственным отверстием на втором этаже, в зале с фресками слева от главного входа. Труба в Рочестере находится в центре поперечной стены и была проведена на третий этаж с отверстием в северной камере каждой сцены.

Камеры с фресками были замечены случайно. В некоторых замках, даже самых больших, стены не прорезаны, за исключением оконных проемов: так обстоит дело с Corfe. В Порчестере, несмотря на его большие размеры, всего два помещения, которые использовались для обычных и необходимых целей гвардейцев - мантий или уборных. С другой стороны, исключительно массивные стены Дувра содержат большое количество таких камер, большинство из которых имеют значительные размеры: расположение гвардейских мантий здесь определить непросто. В Ньюкасле воспользовались толщиной стен для строительства больших помещений, соединяющих первый и второй этажи: в южной стене второго этажа, известной как "королевские покои", есть оригинальный камин, и он хорошо освещен. Дверной проем в его северо-западном углу ведет в гардеробную в западной стене. Количество камер с фресками в Ньюкасле невелико по сравнению с тем, что было в Дувре, но стены были свободно прорезаны проходами и галереями. Лестница, проложенная в верхней части южной и западной стен к крепостному валу, по-видимому, была заброшена в ходе работ: предположение о том, что она была намеренно предназначена для того, чтобы завести отряд врага, который мог проникнуть в башню, в *тупик*, является фантастическим, но это, безусловно, могло иметь такой непреднамеренный эффект. В Дувре, Хедингеме, Ньюкасле, Норвиче и Рочестере, где зал или апартаменты на втором этаже были необычной высоты, в стенах вокруг верхней части сцены были сделаны

галереи. Галерея в Дувре не была продолжена вокруг северо-западного угла башни, но в поперечной стене с севера на юг был проделан проход, ныне перекрытый, так что восточная комната на этом этаже была полностью окружена галереей. Галерея в Рочестере окружает всю башню, сообщаясь с пороками в юго-западном и северо-восточном углах и открываясь внутрь башни не менее чем в четырнадцати местах, каждое из которых соответствует петле во внешней стене. Там, где аркада, которая на втором этаже заменяет поперечную стену, соединяет восточную и западную стены, пол галереи приподнят на несколько ступеней, чтобы обеспечить прилегающую арку прочной опорой. Расположение галерей с фресками в Бамбурге, которое из-за современных изменений интерьера башни довольно неясно, по-видимому, было очень похоже на расположение галерей в Дувре, с проходом через поперечную стену между двумя разделенными комнатами на втором этаже. Галерея в Хедингеме, как и галерея в Рочестере, завершена, и этот этаж, который все еще покрыт крышей, великолепно освещен (147). В тех случаях, когда камера с фресками служила гарнизонной одеждой, как в Гилфорде, Рочестере и башне Пика, внешняя стена, в которой находилось сиденье, была слегка утолщена и выступала на этом уровне, а под сиденьем было сделано отверстие. В Кенилуорте северо-западная башенка, по-видимому, полностью использовалась как гарнизонная, а нижняя часть подвала образовывала яму для мусора.¹⁹¹ Гвардейские мантии в Castle Rising хранятся в сводчатом помещении в западной стене первого этажа, вентиляционные отверстия выходят в углубления, которыми разбита внешняя сторона стены.

НОРЭМ: великая башня

НЬЮАРКСКИЙ ЗАМОК

Крыша башни была деревянной, с внешним свинцовым покрытием, и находилась на несколько футов ниже уровня окружающего вал прохода по верху внешних стен. С внешней стороны крепостного вала был устроен парапет, который через равные промежутки времени опускался, образуя амбразуры. Сплошные части парапета имели гораздо большую ширину, чем амбразуры: знакомый тип зубчатого парапета, в котором амбразуры имеют равную ширину с массивными “выступами” или *зубцами* между ними, относится к более позднему времени. С крепостного вала лестница вела на вершины угловых башенок, которые находились на несколько футов выше уровня парапета. Об первоначальном расположении крыши можно судить только по следам, оставленным на внутренней стороне стен. В башнях с поперечной стеной, таких как Рочестер, каждое из отделений, как правило, было покрыто крышей более или менее высокого ската. Центральный желоб проходил по верху поперечной стены, а боковые желоба - вдоль каждой из боковых стен, которые сливались через отверстия, проделанные во внешних стенах, по которым проходила дорожка к крепостному валу. В Порчестере, где, как уже отмечалось, башня была повышена, первоначально была высокая центральная крыша с односкатными крышами у каждой из боковых стен и желобами над центром каждой из двух внутренних камер. Это любопытное расположение, по-видимому, наводит на мысль, что сама поперечная стена была добавлена при возведении башни, и что водосточные желоба первоначально поддерживались деревянными распорками на втором, или чердачном, ярусе башни. Когда возводили башню, была спланирована и, возможно, уложена плоская крыша, и благодаря любопытному и уникальному устройству, для которого трудно найти адекватную причину, парапеты восточной и западной стен были слегка остrokонечными. Нынешняя крыша, однако, выполнена обычным способом, с двумя фронтонами и центральными и боковыми водосточными желобами. В башнях без поперечной стены, таких как Ладлоу, Ньюкасл и Ричмонд, перекрытие представляло собой единую скатную крышу. В любом случае, крыша находилась ниже уровня крепостного вала и не предназначалась для образования свободного поля для защиты башни: использование крыши башни в целях обороны рассматривалось лишь в несколько более поздний период, чем тот, когда прямоугольная башня была в обычае. В Рочестере, как, вероятно, и во многих других случаях, внутренняя

сторона крепостного вала была защищена задней стеной, более низкой, чем парапет. Парапет в Рочестере был 2 фута в ширину и 8 футов в высоту: задняя стена имела ширину 3 фута, а проход вдоль вала - 4 фута. Фут стены был оставлен для крепления крыш и боковых водосточных желобов. Крыша в Ньюкасле была заново проложена в 1240 году; но здесь и в Дувре установка сравнительно современных сводов затрудняет отслеживание первоначального устройства. Нынешняя крыша Ричмонда современная, с мансардным окном для подачи света и воздуха в темную комнату на втором этаже: высота наружных стен над крышей наводит на мысль, что первоначальная крыша была необычно высокой или возвышалась над промежуточным чердаком. Угловые башенки образовывали приподнятые платформы, к которым со стороны крепостного вала можно было подняться по каменным лестницам. Их высота позволяла лучше контролировать действия противника у подножия башни; а их прочная конструкция, возможно, иногда позволяла защитникам использовать их в качестве камнеметных машин, не мешая действиям солдат на несколько узком валу.

Уже было показано, что, если основная цель этих башен была оборонительной, многие из них, по-видимому, были спланированы с таким комфортом, что указывает на то, что их строители рассчитывали на их постоянное использование в качестве основной резиденции внутри ограды замка, и что в башнях, построенных во время правления Генриха II, был достигнут компромисс между их военным и домашним характером. Однако ясно, что в случаях с Ричмондом и Ладлоу переоборудованные сторожевые башни планировались просто как военные опорные пункты. Их позиция в обоих этих случаях была подвержена прямой атаке, в то время как ранние хозяйственные постройки занимали более защищенное положение на дальней стороне внутреннего двора. Башня-крепость никогда не могла стать удобной резиденцией, даже там, где, как в Хедингеме, она была хорошо освещена или, как в Дувре, необычайно просторна. Новые методы фортификации привели к его общему отказу, и хотя в некоторых частях Англии этот тип сохранялся в небольших масштабах до конца средневековья, период, в течение которого сохранялась мода на возведение прямоугольных башен-крепостей, был сравнительно коротким.

ГЛАВА VII

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ЦИЛИНДРИЧЕСКИЕ БАШНИ-КРЕПОСТИ

Развитие замка в двенадцатом веке определялось, как уже было объяснено, методами нападения, с которыми приходилось сталкиваться его защитникам. Мощные крепости времен правления Генриха II с их каменными завесами и прямоугольными укреплениями противостояли врагу сплошным фронтом пассивной силы, который не поддавался атаке. Снабженный достаточным количеством провизии, небольшой гарнизон был способен выдержать длительную блокаду и истощить терпение нападавших, артиллерия которых не могла произвести особого впечатления на каменную кладку замка. В то же время каменный замок с прямоугольной крепостной башней не является конечной точкой в совершенстве фортификации. Напротив, ранние замки Плантагенетов были всего лишь отходом от обычного типа замков, построенных из земляных валов и дерева, в сторону организованной системы постоянных каменных замков. Они принадлежали к переходному периоду, поскольку даже в то время, когда они строились, улучшения в их самой поразительной

особенности - прямоугольной крепости - напрашивались сами собой. В течение последних двадцати лет двенадцатого века уроки, извлеченные крестоносцами из традиционных методов фортификации, применяемых в Восточной империи, оказали глубокое влияние на военную архитектуру Франции и Англии; и применение этих уроков в течение тринадцатого века полностью изменило оборонительную схему замка, пока план шедевров фортификации, таких как Керфилли и Харлеч, не стал полной противоположностью плану оборонительных укреплений, таких как Норхэм и Скарборо.

Первой необходимостью, которая определяла развитие фортификации, было окружение обороняемой позиции таким образом, чтобы она представляла собой адекватный барьер для атаки. Двор был окружен частоколом; в то время как обнесенная частоколом гора с ее деревянной башней командовала — то есть просматривалась — действиями защитников внутри двора и обеспечивала вторую линию обороны, если бы двор был взят. По мере того, как осадные машины увеличивались в силе, каменная кладка заняла место частокола. Двор был окружен каменной стеной с определенным количеством башен по окружности. Иногда его разделяли поперечной стеной на внешний и внутренний двор, или, как в Ладлоу (96), к нему пристраивали большой внешний двор, который служил внутренним двором для казарм и конюшен, а также защитой во время войны для жителей окраин замка и их стад. Стена заменила частокол вокруг горы, или была построена мощная башня, либо в связи с горой, либо на новом участке, который господствовал над всей оградой. Таким образом, была обеспечена пассивная прочность замка. Но каменные стены и башни, какими бы прочными они ни были, сами по себе были недостаточной защитой, если только защитники не могли быть полностью информированы о передвижениях врага. Было необходимо, чтобы они могли командовать полем, на котором действовали осаждающие, и особенно подножием стены или башни, на которой была сосредоточена атака. Таран, штурмовая лестница и шахта должны находиться под постоянным наблюдением. Первым шагом к этому было установление выступающих башен вдоль стены через определенные промежутки времени. Они примыкают к стене — то есть внешняя сторона стены между ними может быть не замечена и защищена телами людей, размещенных на выступах с обеих сторон. Однако поначалу система флангового обхода была далека от совершенства; и поэтому следующий шаг был сделан в направлении ее совершенствования, чтобы каждый участок внешней поверхности *окружения* мог быть прикрыт огнем обороняющихся. Это улучшение, которое мы собираемся проследить, осуществлялось постепенно, (1) путем изменения формы самих фланговых укреплений; (2) путем их увеличения с более частыми интервалами. Первое из этих изменений начинает быть заметным в последние годы двенадцатого века: второе было осуществлено в первой половине тринадцатого века и привело к дальнейшим усовершенствованиям в устройстве линий обороны.

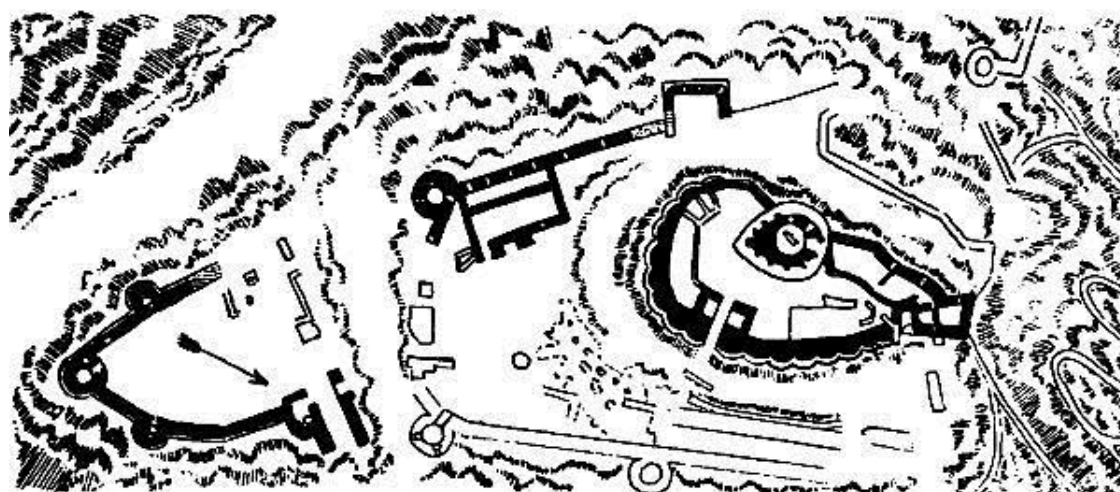
Прямоугольная форма крепости и башен на занавесе была недостатком защиты замка в двух отношениях. Во-первых, выступающие углы каменной кладки были подвержены разрушению сапом и минами. Параллельное соединение каменной кладки сделало удаление фрагментов камня с помощью сверла или кирки в этих местах сравнительно легкой, хотя и все еще трудоемкой задачей. Во-вторых, углы башни или завесы, которые, таким образом, представляли собой опасные точки, были как раз теми местами, которыми защитники были менее всего способны управлять удовлетворительно. Каждая грань прямоугольной башни выходит на поле непосредственно перед ней: дальность выстрела, с точки зрения каждого стрелка, находится в направлении, перпендикулярном грани башни. Строго говоря, основание всего вала и его башен находится в пределах “мертвого угла”, поскольку вертикальный обстрел с вала невозможен; но деревянные галереи, прикрепленные к валу, устранили эту трудность. Но если изобразить линии двух смежных граней башни, то будет

видно, что пространство, ограниченное ими, находится вне досягаемости защитников, и внутри него шахтеры могут безопасно работать, в то время как основная атака направлена против граней прямоугольника. Одну очевидную конкретную иллюстрацию этого можно увидеть в Рочестере. Когда король Иоанн в 1215 году осадил замок, он направил против него свои камнемётные машины. Обнаружив, что прогресс с помощью этого средства был медленным, он заставил своих шахтеров работать. Во внешней завесе была проделана брешь, и шахтеры продолжили свои работы на башне и в конце концов, после долгих трудностей, прорвались сквозь нее.¹⁹² Сегодня мы можем видеть, что юго-восточный угол башни был восстановлен, и что форма реконструированной башни круглая, а не квадратная. Это, без сомнения, указывает на место, где была пробита брешь: ремонт, очевидно, является частью работ, за которые взялся Генрих III в 1225 году.

Еще одним слабым местом в обороне замка было недостаточное прикрытие завесы с флангов. В одиннадцатом веке, как мы видели, феодальные владельцы не поощряли возведение фланкирующих башен, которые справедливо осознавали опасность, которую мог представлять для них самих сильно укрепленный замок, находящийся в руках мятежников. Со временем каменные завесы были снабжены башнями; но их было немного, и до тех пор, пока в моде оставалась прямоугольная форма башен, между выступами оставались длинные промежутки прямой стены. Военные инженеры, вероятно, осознавали риск создания слишком большого количества заметных ракурсов. С фланкирующих башен прилегающая часть стены могла быть прикрыта артиллерией обороны; но там, где между двумя башнями имелся большой промежуток, средняя часть стены находилась вне зоны досягаемости. Чтобы защитить эти незащищенные пункты во время осады, на каждом участке пришлось бы держать группу защитников. Таким образом, замок двенадцатого века, чтобы быть тщательно защищенным, нуждался в большом гарнизоне для прикрытия своих многочисленных слабых мест. Любая попытка сосредоточить оборону на одном угрожаемом участке может привести к ослаблению обороны на других участках, чем противник не замедлит воспользоваться.

К этому добавился еще один недостаток, присущий обычному плану замка. Его подопечные и цитадель представляли собой систему последовательных линий обороны, прорыв которых доставлял противнику огромные трудности, но не мог оказать ему объединенного сопротивления. Во многих замках, таких как Норхэм или замок Барнард, внутренний двор и цитадель располагались в дальнем углу ограды и были защищены от внешнего нападения крутыми внешними склонами и рекой у их подножия. В таких случаях стена внешнего ограждения оказывала первое сопротивление: внутреннее ограждение не вступало в действие до тех пор, пока враг не входил во внешнее ограждение, и защитникам приходилось отступать во внутреннее ограждение. Если внутренняя стена была проломлена или взята штурмом, цитадель служила обороняющимся последним убежищем. В Шато-Гайяр, как уже было описано, главной особенностью осады был захват квартала за кварталом: защитники в отчаянии даже не пытались прибегнуть к крепости в качестве последнего средства. Шато-Гайяр в свое время был образцом научной фортификации. Поэтому его падение стало очень ярким примером невыгодности последовательных линий обороны, из которых одновременно можно было эффективно использовать только одну. Это правда, что кое-где, как, например, в Рочестере, цитадель располагалась так близко к занавесу внешней стены, что с ее зубчатых стен можно было обозревать внешний вид замка, а его артиллерия могла быть пущена в ход поверх голов защитников занавеса. В Ричмонде большая башня возвышалась с одной стороны замка, с которой была возможна атака, и, таким образом, была расположена на самом переднем крае обороны. Но такие механизмы

были счастливыми идеями, которые приходили в голову отдельным инженерам, и не подразумевают какого-либо систематического прогресса в оборонной науке.

Château-Gaillard; Plan

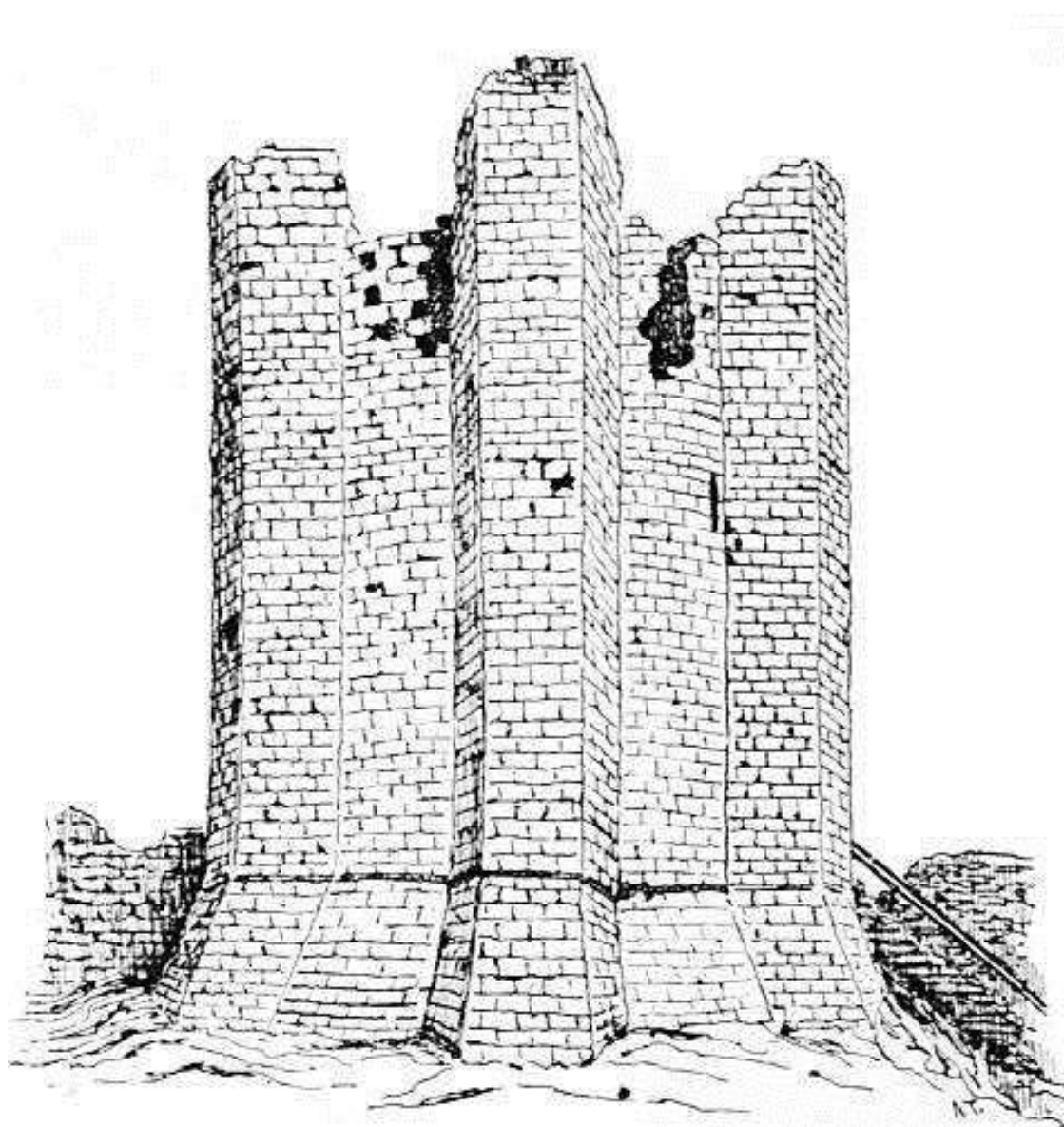
Опыт первых крестоносцев поставил воинов запада лицом к лицу с методами защиты, намного превосходящими те, что применялись в Англии и Франции. Городская стена Антиохии дала им пример совершенной системы фланговой обороны; а в тройном *окружении* Константинополя они увидели, как можно совместно использовать последовательные линии обороны. В Антиохии стена была обрамлена с частыми интервалами пятьюдесятью башнями. Каждая из них, возвышаясь над завесой, господствовала не только над своим пространством промежуточной стены, но и над крепостным валом. Кроме того, проход к крепостному валу проходил через башни, которые были защищены прочными дверями. Таким образом, чтобы овладеть всей линией стены, необходимо было занять башни, каждую из которых можно было превратить в отдельную цитадель, изолировав промежуточный вал-проход. Осада велась плохо, крестоносцы ограничились укрепленной позицией между городом и Оронтом и позволили защитникам держать открытыми свои коммуникации с двух сторон города в течение примерно пяти месяцев. В конце концов, на двух заброшенных сторонах были установлены наблюдательные посты; но фактический захват города произошел из-за предательства одного из командиров турецкого гарнизона, который впустил отряд франков в одну из башен, находившихся в его ведении. Они пробрались еще в семь башен и таким образом получили доступ в город.¹⁹³ Три стены Константинополя окружали весь город: каждая была выше внешней, так что защитники могли использовать все три одновременно.¹⁹⁴ Против такой системы концентрической обороны осаждающие были явно в невыгодном положении.

Эти уроки востока, какими бы стимулирующими они ни были, не произвели полного практического эффекта для некоторых поколений на западе. Нашим инженерам пришлось пройти через долгую эпоху постепенных экспериментов, прежде чем они смогли прийти к законченной системе флангового обхода или концентрических линий обороны. Традиционный план маунт-энд-бейли лег в основу плана каменного замка. Традиционное значение крепости как основного места убежища диктовало расположение квартала за кварталом, кульминацией которого является большая башня. Тем временем совершенствование фланговой обороны все больше и больше приводило к концентрации инженерных навыков на завесе, так что цитадель постепенно отходила на второй план. Как очевидный результат дальнейшего совершенствования, от цитадели отказались, и все внимание инженера было направлено на объединение оборонительных сооружений замка в

двойную или тройную линию одновременного сопротивления атаке. Эти шаги требовали времени: переход от одного к другому был осуществлен не внезапной революцией, а работой по старым линиям, работой по пересмотру и усовершенствованию, пока конечный продукт не стал почти полной противоположностью источнику, из которого он был получен.

Самые ранние признаки переходного периода в Англии проявляются в укреплении каменной кладки путем уменьшения и устранения выступающих углов. Очевидно, что если придать выступающей башне округлую или многоугольную форму или если скруглить угол прямоугольной башни, артиллерия обороны получит более широкое поле боя. Новый диапазон будет представлять собой большой сегмент круга, исходящий из центра башни, вместо прямоугольника перед каждой гранью. Таким образом, будут устранены сектора под углами, в пределах которых атакующая сторона может безопасно действовать, и шансы на успех подрыва мины будут меньше. Каменная кладка также окажет гораздо большее сопротивление ударным или сверлящим механизмам противника. Швы больше не параллельны, а расходятся радиусами, так что выбивать камни и создавать бреши становится намного сложнее. Тупые углы многоугольных башен, где стыки каменной кладки на чередующихся гранях идут под наклоном друг к другу, обладают гораздо большей силой сопротивления, чем прямые углы обычной башни двенадцатого века.

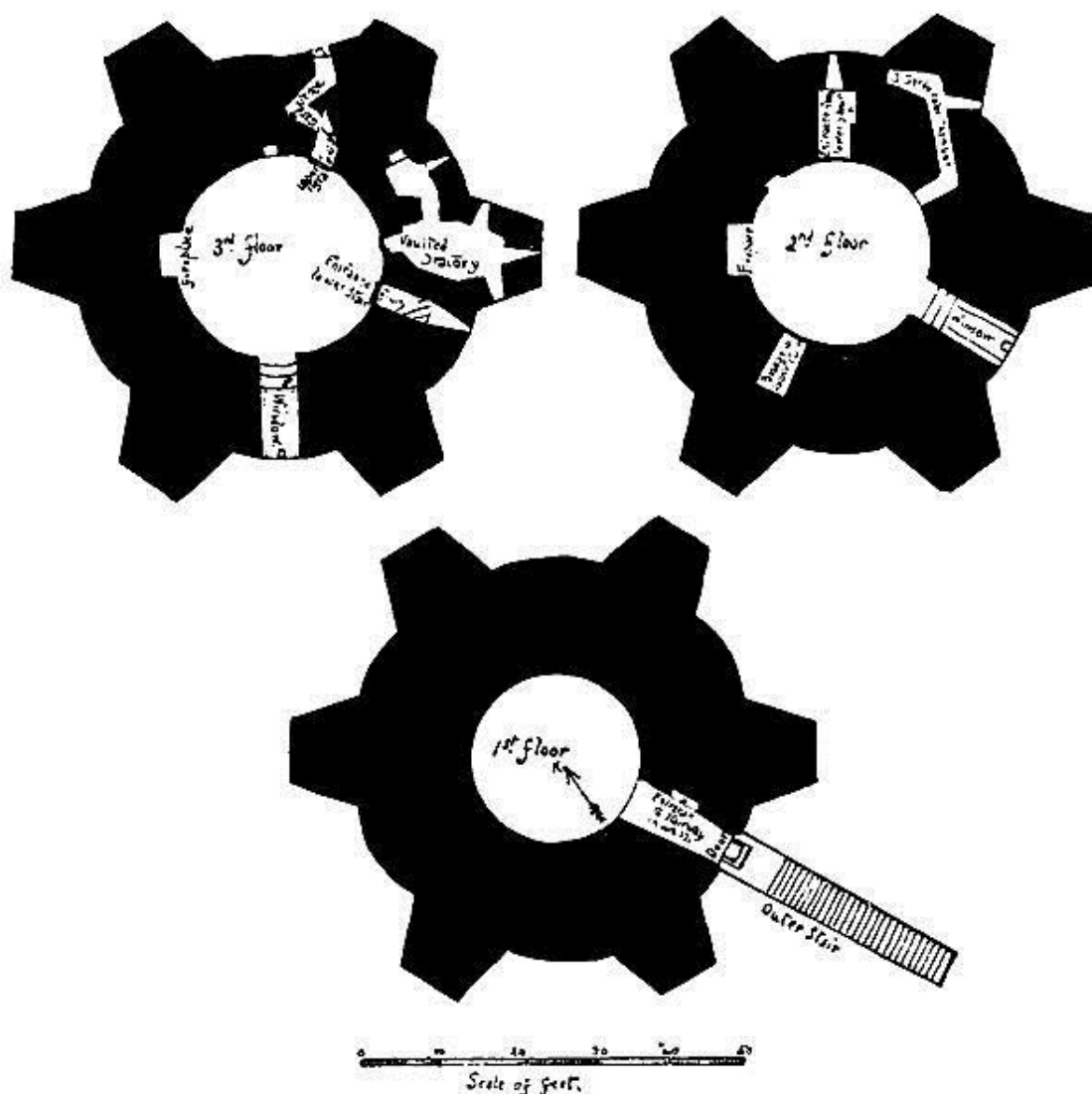
Общее использование круглых и многоугольных форм впервые встречается в связи с главной башней замка - цитаделью. Главной целью поначалу, без сомнения, была большая сплоченность масонства: научные преимущества, с точки зрения артиллерии, вероятно, были реализованы лишь позже. Во Франции цилиндрический донжон появился раньше, чем в Англии: говорят, что строительство в Шато-сюр-Эпт (Эр) началось в 1097 году.¹⁹⁵ Башня Гудан (Сена-и-Уаза) представляет собой цилиндр, окруженный четырьмя цилиндрическими башенками: она была построена во времена правления Людовика VI. (1108-37),¹⁹⁶ и форма показывает, что строители заботились не только о прочности каменной кладки, но и о снижении шансов противника на успешную атаку. Однако большинство таких донжонов во Франции относятся ко второй половине двенадцатого века и началу тринадцатого и были современниками наших прямоугольных башен. Но инженеры Генриха II, которым мы обязаны столь многими нашими каменными сооружениями, несомненно, были знакомы с возможными преимуществами форм, отличных от квадратных. Крепость Орфорд в Саффолке, вероятно, была построена между 1166 и 1172 годами,¹⁹⁷ и, следовательно, датируется более ранней датой, чем многие прямоугольные крепости.

Принесите; Оставьте

Внутри он цилиндрический; внешне представляет собой многоугольник с двадцатью одной стороной, из которого выступают три очень большие прямоугольные башенки. Он имеет подвал и два основных этажа, и в него можно попасть через двухэтажное переднее здание, которое образует южное продолжение восточной башни. Наклонное основание башни продолжается вокруг башенок и значительно усиливает их углы; в то время как сами башни расположены таким образом, чтобы очень эффективно обрамлять всю башню и переднюю часть здания и обеспечивать дополнительное пространство внутри. Это сочетание прямоугольной и многоугольной форм на сегодняшний день является уникальным отходом от обычного типа английской башни-сторожки. Но следует помнить, что крепость на горе обычно имела форму цилиндрической или многоугольной стены, укрепленной контрфорсами; и в Орфорде, где башня, по-видимому, стоит на основании выровненной горы, мы можем наблюдать сознательное приспособление этой формы к более тяжелой и высокой башне. В Жизоре (Эр) старый донжон представлял собой восьмиугольную башню, построенную на холме и окруженную круглой стеной. Башня, вероятно, была построена Генрихом II. между 1161 и 1184 годами, [198](#) внутри несколько более ранней оболочки и приняла форму, которая лучше всего подходила для искусственной почвы, на которой она стояла. Но есть по крайней мере два примера английских прямоугольных крепостей, в

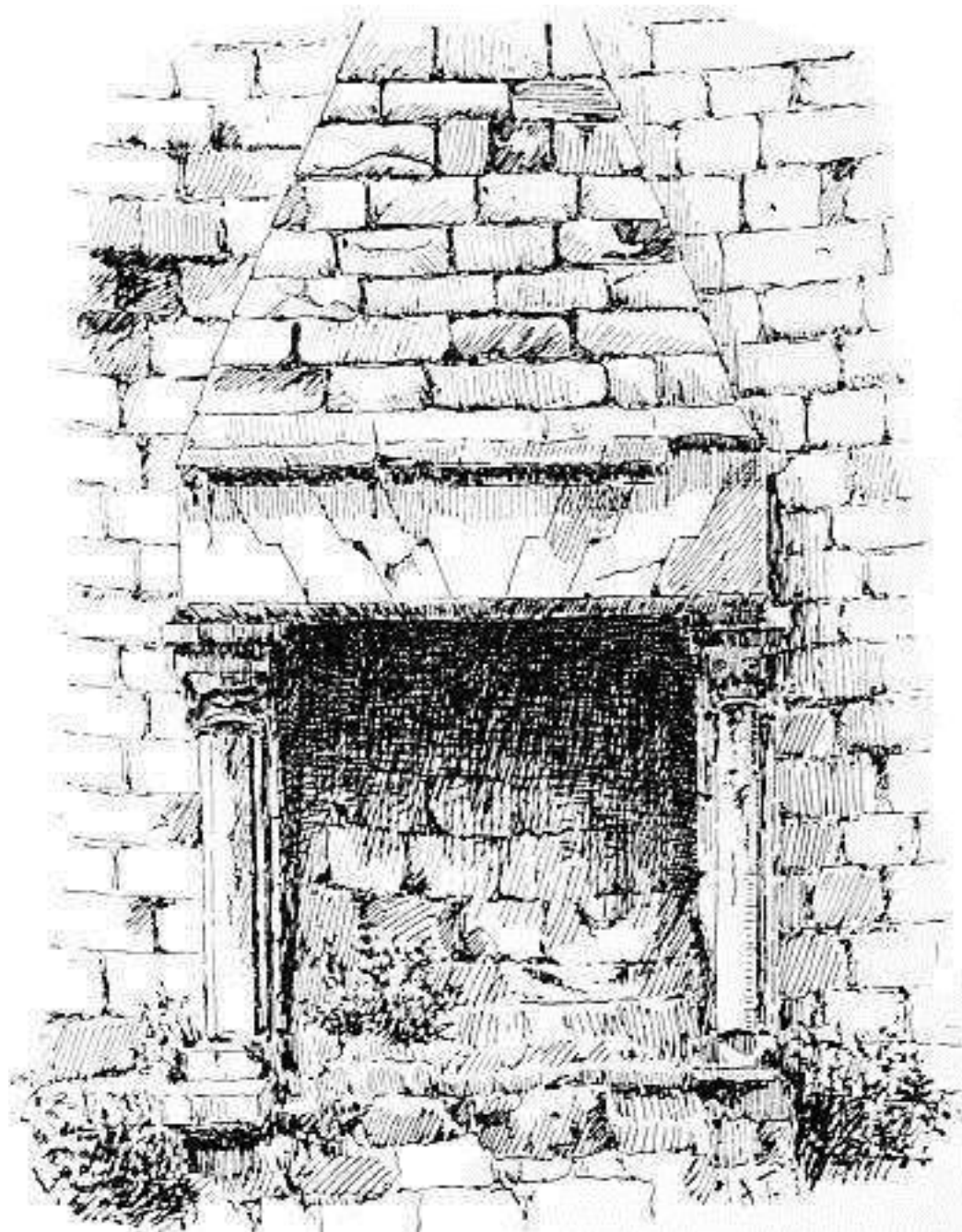
которых небольшое отклонение от обычной формы было сделано в очевидных целях дополнительной прочности, без привязки к искусственному участку. В Ньюкасле северо-западная башня восьмиугольная, с очень тупыми углами. В маленькой башне Митфорда, на Уонсбеке над Морпетом, северная стена построена под тупым выступающим углом, так что башня образует неправильный пятиугольник. Дата постройки этой башни не может быть установлена с уверенностью, но она, вероятно, относится, во всяком случае, ко второй половине двенадцатого века; и вряд ли можно сомневаться, что целью этого своеобразного устройства было дать защитникам лучшее представление об углах башни, которые были открыты для атаки с внутренней стороны.

Конисбро; Сохранить. Планы

Несколько позже них находится благородная цилиндрическая крепость Конисбро ([166](#)), которая приписывается Гамелину Плантагенету, побочному брату Генриха II и мужу Изабеллы, наследницы Уильяма, графа Суррея. Гамелен умер в 1201 году: башня была построена, как показывают архитектурные детали, в последней четверти двенадцатого века. Это правильный цилиндр; по его окружности нанесены шесть рельефных контрфорсов, которые слегка сужаются наружу, и возвышаются над парапетом башенками. Все здание построено из обработанного камня большими прямоугольными блоками, прекрасное состояние которых по прошествии более чем семисот лет поражает воображение. Конструкция необычайно прочная: толщина стены в подвале превышает 20 футов. На первом

этаже она составляет чуть менее 15 футов: на двух верхних этажах она уменьшается за счет внутренних уступов, пока на уровне вала, от 75 до 80 футов над землей, не достигнет 12½ футов. В дополнение к этому контрфорсы, которые выступают на 9 футов на уровне подвала и на 8 футов выше, не используются, как башни в Орфорде, для размещения дополнительных помещений, а построены прочно. Часовня, однако, была образована путем постройки помещения в восточном контрфорсе на третьем этаже.

Конисбро; Камин

Башня Конисбро, как и башня Орфорда, предназначалась как для жилых, так и для оборонительных целей; но свет и комфорт были принесены в жертву военным нуждам. Вход, как обычно, находился на втором этаже, но здесь нет никаких следов какого-либо предварительного строительства, равно как и вообще неясен первоначальный способ подхода. Подвал представлял собой просто куполообразную камеру-колодец и кладовую: единственным доступом к нему с первого этажа было отверстие в центре караульного

помещения, над которым, вероятно, находилась лебедка, с помощью которой в колодец опускали ведра. 199 Первый этаж представлял собой камеру охраны: окон не было, и единственным способом впустить дневной свет была открытая дверь на дальней стороне прохода в стене. С правой стороны этого прохода изогнутая лестница проходит сквозь толщу стены на второй этаж, куда она попадает через площадку в амбразуре 200 петли на северной стороне. Этот этаж был залом цитадели. У западной стены находится большой камин (168) с расширяющейся решеткой дымохода и перемычкой из рифленых камней, опирающейся на тройные стержни с резными капителями. В стене между камином и входом есть прямоугольное углубление, содержащее небольшую раковину, слив воды из которой производился через стену. В доме есть два окна, петля рядом с входом и двойное окно, выходящее на юго-восток. Амбразуры имеют цилиндрический свод: амбразура двойного окна имеет каменную скамью со всех трех сторон и возвышается на три ступеньки над полом зала. Это окно не было застеклено: стойка между двумя прямоугольными отверстиями сзади имеет закругленный выступ, через отверстие в котором проходил засов ставни, а крепление дополнительно закреплялось деревянной перекладиной. На северо-восточной стороне зала извилистый проход с двумя поворотами и лестничным пролетом ведет сквозь толщу стены в гардеробную.

Чтобы подняться на третий этаж, холл нужно было пересечь к нише в направлении юго-западного контрфорса. От этого места изогнутая лестница вела через стену к амбразуре петли на юго-восточной стороне третьего этажа. В квартире на этом этаже был камин меньшего размера, расположенный непосредственно над камином на втором этаже и украшенный аналогичным архитектурным орнаментом. Дымоход нижнего дымохода проходит вверх через стену позади дымохода другого: верхняя часть общего дымохода выступает из прохода над крепостным валом. На этом этаже также есть ниша в форме трилистника с раковиной. Здесь есть два окна, петля на юго-восточной стороне и двойное отверстие, подобное тому, что показано ниже, выходящее на юг. Эта комната соответствовала “большой палате”, которая встречается в больших домах средневековья. На восточной стороне в восточной стене и контрфорсе была построена часовня, представляющая собой неправильный шестиугольник, перекрытый двумя ребристыми нишами с поперечной аркой между ними. Детали его красивых капителей, как и на каминах, изображают элементарную листву типа водяных листьев, такую, как в часовне тауэра в Ньюкасле (152). Шеврон используется в сваях поперечной арки и закругляет внешнюю часть арки петлей на восточном конце. Четырехлистные проемы к северу и югу от алтарного проема и *рыбы* с трилистными головками в тех же стенах имеют продвинутый переходный характер; и, сравнивая эти детали, башне можно с некоторой уверенностью присвоить дату, приближающуюся к 1185-90 годам. В северной стене часовни есть дверной проем, ведущий в небольшую ризницу или комнату священника, освещенную петлей. Лестница, ведущая на крепостной вал, проходит через стену над этим помещением, и ее верх находится над западным проемом часовни. Вход в него осуществляется из ниши в северо-восточной стене второго этажа, и из этой ниши также есть зигзагообразный проход к гарнизонной мантии, сиденье которой выгнуто в углу между северо-восточным контрфорсом и северной стеной башни. Две нижние лестницы и две комнаты для облачения в гвардейские мантии освещаются через небольшую петлю.

В более просторном расположении крепости в Орфорде лестница представляет собой выступ в башне или контрфорсе, к которому пристроено переднее здание. Часовня находится на втором этаже переднего здания и, находясь на отдельном уровне, не соответствующем уровням башни, ведет с лестницы по отдельному проходу. Входом в

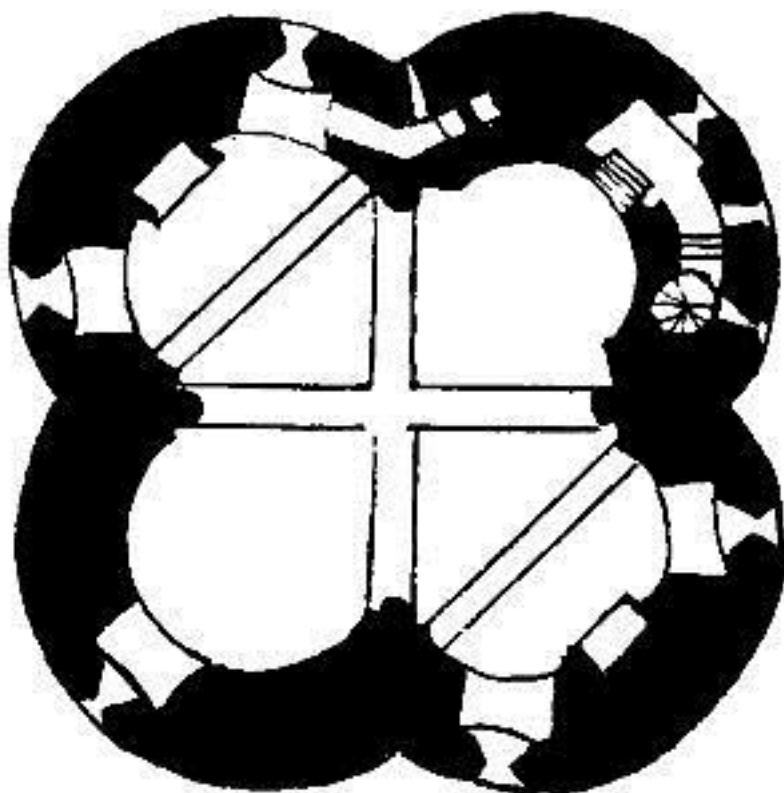
часовню является дверной проем слева от этого прохода, который продолжается через юго-восточную стену башни в комнату священника в южной башне.

Теперь необходимо рассмотреть оборонительную сторону договоренностей в Конисбро. Башня стоит недалеко от северо-восточного угла большого двора, форма которого повторяет форму холма, на котором она построена: северный сегмент башни с двумя смежными контрфорсами продолжает линию занавеса; но пять шестых окружности с четырьмя контрфорсами находятся внутри ограждения. С северной и восточной сторон крутизна холма делала доступ к нему практически невозможным, и естественным местом атаки были юг и юго-запад. Цитадель расположена в точке, наиболее удаленной от атаки, и захват внутреннего блока, как будет показано в следующей главе, был очень затруднен из-за хорошо охраняемого подхода.²⁰¹ Башня стояла на более высоком месте, чем остальная часть прихода, а вход с юго-восточной стороны был закрыт восточной занавеской. Южный и юго-западный фасады были полностью открыты для атаки с внутренней стороны, и поэтому именно с этой стороны защитникам требовался полный контроль над боковыми сторонами и основанием башни. Соответственно, когда мы поднимаемся на крепостной вал и осматриваем верхушки контрфорсов, мы обнаруживаем, что в двух, которые находятся на северном выступе и не подвергались нападению, находятся цистерны. Два по обе стороны от главного входа не были необходимы для прикрытия с флангов, так как сам вход во время осады был бы защищен какой-нибудь платформой. Таким образом, одна из них, над часовней, использовалась как домик для почтовых голубей, в то время как в другой была печь, в которой можно было нагревать камни и стрелы. Оставшиеся два контрфорса представляют собой приподнятые платформы, которые эффективно обрамляли ту часть окружности, которая в противном случае была недостаточно охраняема, и были открыты для катапульт и горных работ. Расширяющееся основание башни и контрфорсы дополнительно предохраняли таран и ствол от прямого контакта с главной стеной башни и улучшали положение защитников с флангов; в то время как снаряды, сброшенные с вершины на эту осыпь или наклонную поверхность, отскакивали от врага со смертельным эффектом.

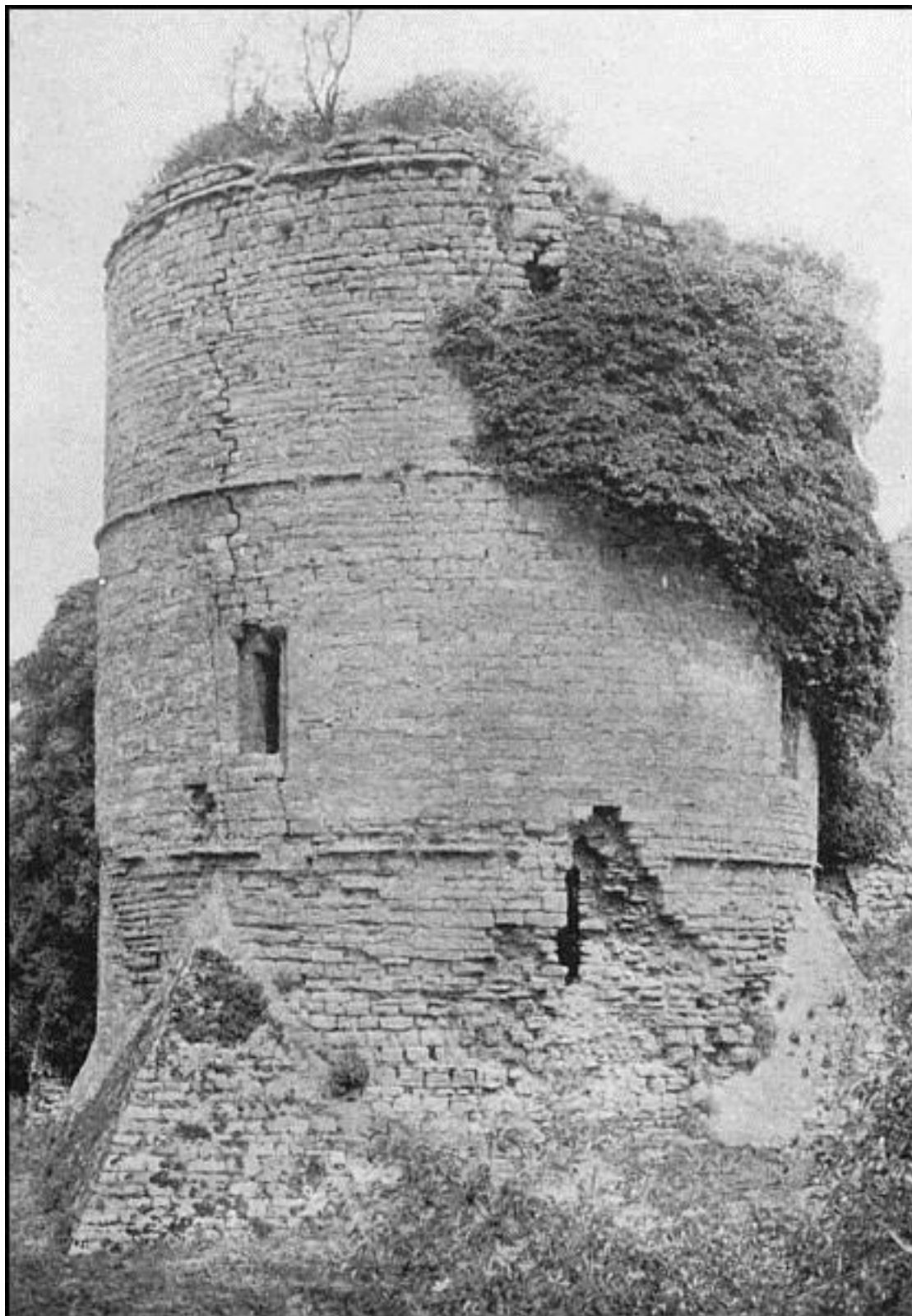
Над осыпью прочность главной стены не поддавалась воздействию катапульт. Эти двигатели, однако, увеличили мощность и дальность действия, и было уже небезопасно освещать башню несколько расточительным методом, принятым инженерами некоторых наших крупных крепостей. В Конисбро, как мы уже видели, стены первого этажа, за исключением входного прохода, абсолютно прочные. Петель на верхних этажах очень мало, а та, что находится на самой открытой стороне, почти скрыта контрфорсом. Двойное окно на втором этаже находится непосредственно над главным входом, со стороны, которой было бы трудно управлять с помощью большой осадной машины. Тот, что на третьем этаже, находится на открытом лице, но, вероятно, будет вне досягаемости.²⁰² Вентиляционные отверстия для гардемаринов находятся с той стороны, где башня пересекает линию занавеса.

Во время осады большие окна закрывались ставнями и засовами. Оборона будет вестись с вершины башни, в то время как часть гарнизона будет выделена для защиты главного входа. Будет задействована вся вершина. Оборона не ограничивалась, как в прямоугольной крепости, проходом вдоль вала; но у прохода была задняя стена, отверстия в которой, вероятно, вели в крытое круглое помещение над третьим этажом. В это помещение, которое, судя по современным примерам, имело коническую крышу, оружие и ракеты можно было поднимать вверх через люки на нижних этажах из караульного помещения и склада в подвале. В башне над подвалом не было сводчатой крыши, так что плоскую крышу нельзя было использовать в качестве платформы для катапульт. Нет никаких указаний на то, что за пределами вала использовались запасы. Башня и ее контрфорсы были завершены обычным

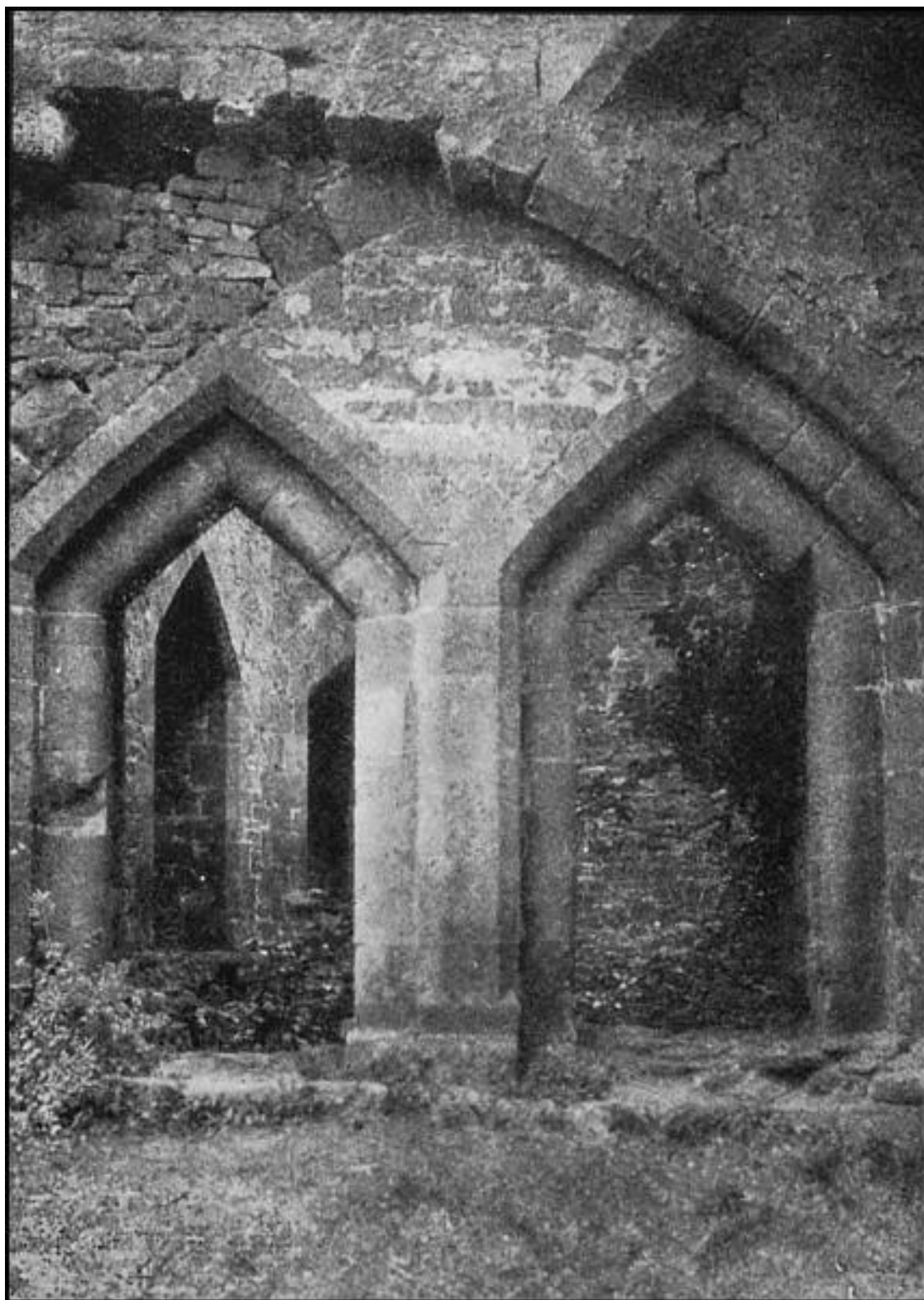
зубчатым парапетом; контрфорсы, как было показано, были построены так близко друг к другу, что дополнительные деревянные укрепления были практически не нужны.

Etampes; Donjon. План

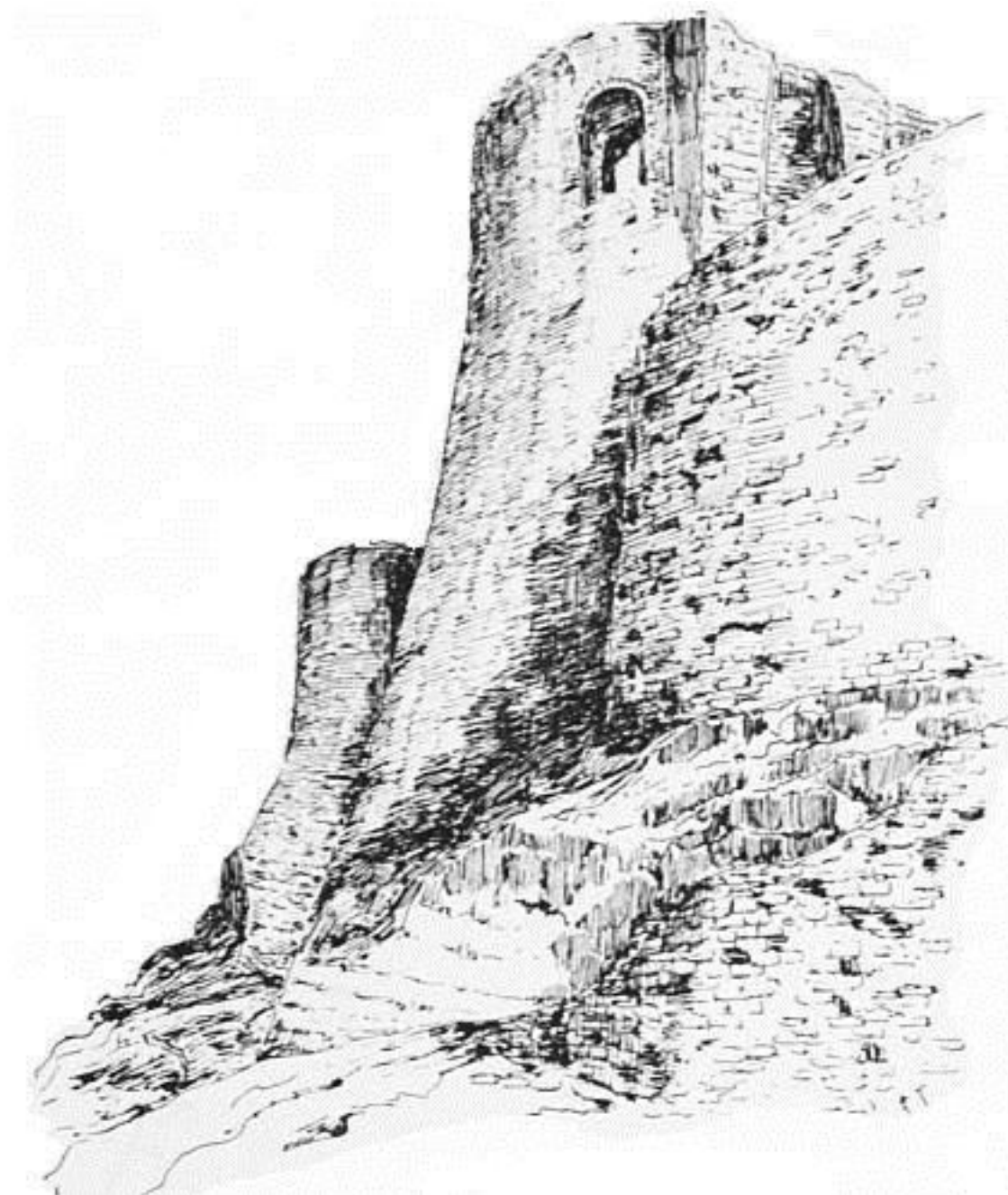
ЗАМОК ГУДРИЧ: круглая башня со шпорой у основания

ЗАМОК ГУДРИЧ: маслянистые люки

Во Франции отношение к донжону было более разнообразным, чем в Англии. К середине XII века относится, например, донжон Этампа (Сена-и-Уаза), имеющий форму четырехлистника (172). Донжон в Провене (Сена-и-Марна) датируется примерно тем же временем, его планировка образует восьмиугольник, обрамленный четырьмя цилиндрическими башенками. Хотя обе эти башни имеют аналогии в Англии, тем не менее, они были построены французскими инженерами в период, когда даже прямоугольная башня не стала привычной для нас.²⁰³ Это также только два из множества разнообразных экспериментов.

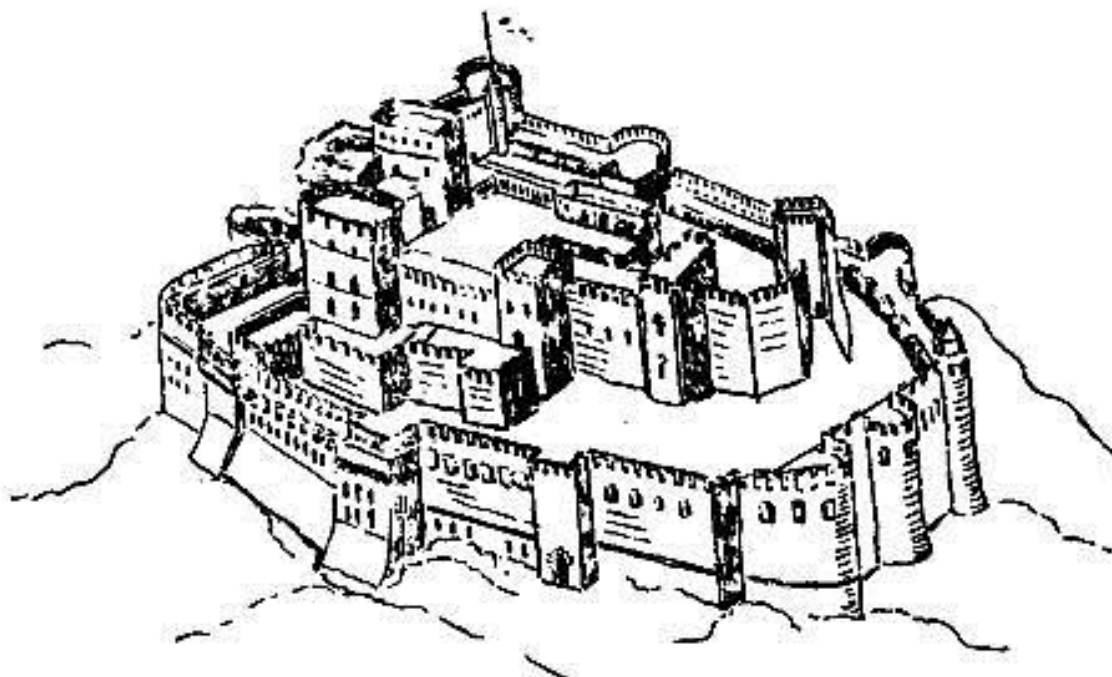
Цилиндрическая форма, однако, заслужила похвалу создателей лучших французских образцов. Шато-Гайяр (163) по датировке близко следует за Конисбро, поскольку был основан Ричардом I в 1196 году. Донжон - это не башня, к которой была приспособлена линия несколько более ранней завесы, как в Конисбро, а часть однородной схемы укрепления. Место расположения замка находится на вершине очень крутого и почти изолированного холма на правом берегу Сены: западный склон представляет собой пропасть, и единственная практически осуществимая атака может быть произведена с гребня, соединяющего холм с возвышенностью на юге. Донжон расположен так, что его западная сторона выступает из-за занавеса внутреннего двора, на самый край пропасти. Внутренняя часть здания имеет форму правильного цилиндра, а западная сторона представляет собой сегмент круга. С этой стороны прочность кладки увеличивается за счет огромного внешнего уклона или отбоя на всю высоту цоколя и прилегающего к нему карниза. Однако со стороны внутренней стены цилиндр укреплен прикрывающим выступом, также поврежденным, так что, хотя вид на внутреннюю часть замка открывался с вала, башня представляла для осаждающих угол огромной толщины и прочности, расположенный непосредственно напротив ворот внутренней стены. Возможным прототипом этой формы защиты во Франции является донжон Ла-Рош-Гийон (Сена и Уаза), расположенный выше по течению Сены, где отрог покрывает примерно четверть окружности башни. Филипп Август применил то же устройство несколько лет спустя в Белой башне в Иссудене (Индре).²⁰⁴ Ее можно увидеть в Goodrich (174), Чепстоу и других местах.

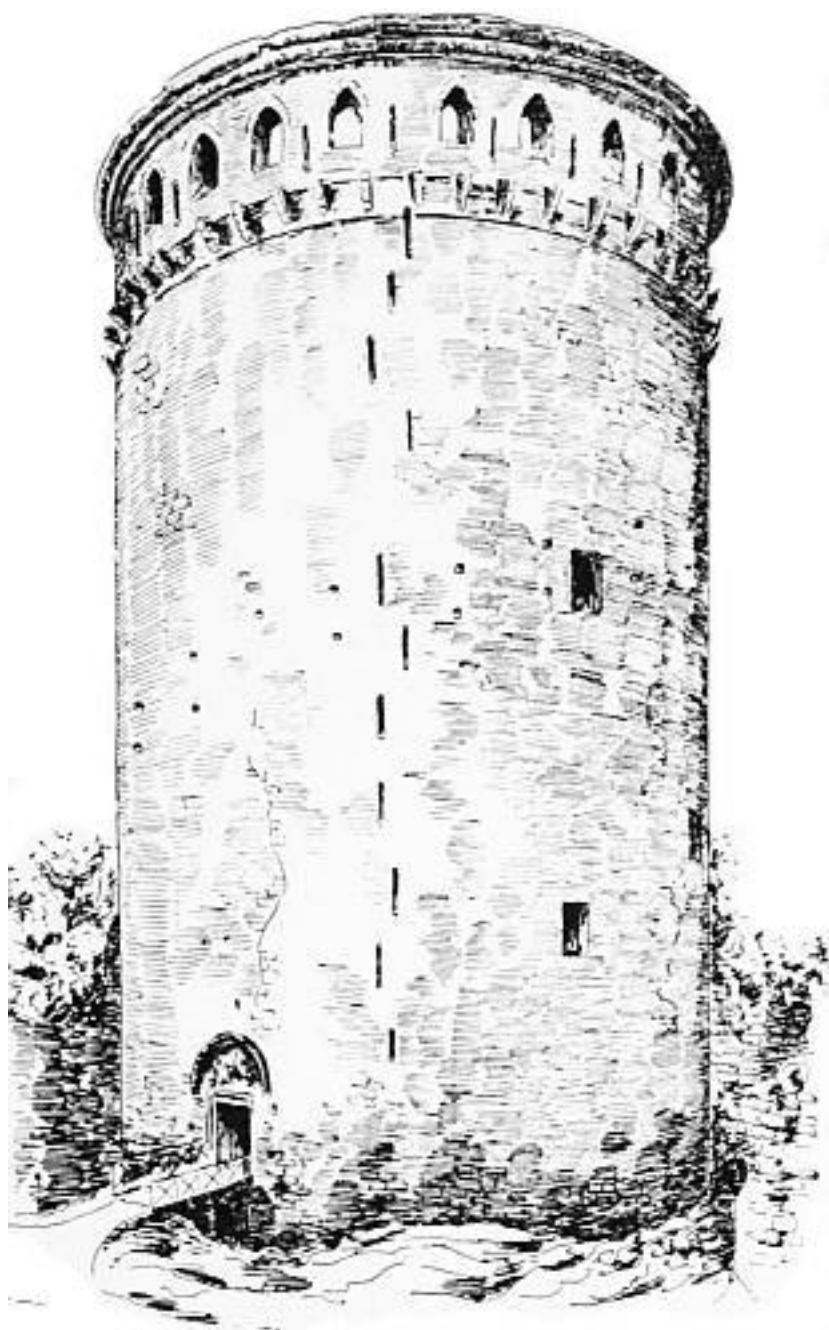
Château-Gaillard

Поскольку верхняя часть башни Шато-Гайяр исчезла, ее внутреннее устройство трудно расшифровать. Это была чисто оборонительная башня, но неприступность западной стороны позволила сделать в ней большие окна на втором этаже. Вероятно, здесь был низкий второй этаж, над которым находилась крыша и переход к валу. Вал защищался с помощью устройства, необычного для того времени, хотя и очень распространенного в более поздний период. Стороны башни внутри квартала были снабжены узкими контрфорсными выступами над основанием башни, которые постепенно увеличивались в ширину по мере того, как они поднимались выше. Они разделяли фасад башни на ряд ниш, перекрытых низкими арками, на внешней стороне которых располагался парапет. Верхняя часть каждой ниши между парапетом и стеной была оставлена открытой, чтобы защитники могли использовать отверстия для обстрела своих противников снарядами. Такие отверстия, образованные за счет ограждения парапета перед стеной или башней, называются машикулиями (*машикули*),²⁰⁵ и постепенно вытеснили внешнюю галерею из древесины.

Отверстия в каменных крышах для той же цели обнаружены в более ранние времена, например, в фок-билдинге в Скарборо; и уже в 1160 году они появляются в связи с парапетом донжона в Ньоре (Де-Севр).²⁰⁶ Общая традиция гласит, что они были изобретены крестоносцами в Сирии, где нелегко было добывать древесину для заготовки запасов; и это, вероятно, правда.²⁰⁷ Они выглядят в состоянии совершенства, что свидетельствует о длительном ходе предыдущего эксперимента в большом сирийском замке Ле-Крак-де-Шевалье (¹⁷⁶), начатого в 1202 году. Но копилки продолжали использоваться в Европе еще долго после постройки замка Гайяр, и даже донжон Куси (Эна), безусловно, лучший из всех цилиндрических донжонов, был украшен деревянными копилками, закрепленными на каменных карнизах, - интересный пример перехода от одной формы защиты к другой.

Le Krak des Chevaliers

Коуси

Цилиндрическая форма донжона была доведена до совершенства во Франции при Филиппе Августе (1180-1223). В Жизоре, который перешел в его руки в 1193 году, он построил новую круглую башню на линии занавеса, которая заменила восьмиугольную башню Генриха II на горе. Его укрепление Жизор вело прямо к зданию Шато-Гайяра Ричарда I. Оно прикрывало подход с французской территории к Руану.²⁰⁸ Но в 1204 году взятие этой великой крепости передало Руан в руки Филиппа; а в 1207 году он построил донжон, ныне известный как Тур Жанны д'Арк, в Руане. Здесь мы встречаемся с башней, сводчатой от подвала до крыши, с сильно защищенным входом на уровне прихода, в котором она стоит, самый совершенный пример которого находится в Коуси.²⁰⁹ Куси, произведение могущественного вассала короны Франции, представляет собой уровень научной фортификации, которого не достигает ни один из наших цилиндрических донжонов. Замок был построен, как и Конвей в более поздний период, в связи с обороной города-крепости.²¹⁰ Он состоит из двух палат, большой внешней палаты или базового корта и внутренней палаты неправильной формы, с

четырьмя прямыми сторонами неодинаковой длины и круглыми башнями по углам. В середине восточной стороны, между двумя приходами, находится донжон (177), цилиндр высотой около 200 футов — на 90 футов выше рочестерской башни. Он стоит изолированно от занавеса внутреннего двора, от линии которого выступает примерно треть его окружности, и окружен рвом, первоначально вымощенным камнем. К этой канаве не было внешнего доступа. На внешнем краю рва, соединявшегося в двух местах с восточной завесой внутреннего ограждения, была мощная стена или *рубаха*. Снаружи это был ров, отделявший внутренний двор от основного двора. Во внутреннем дворе низкая стена заняла место *сорочки* донжона, а доступ к башне был обеспечен по мосту через вымощенный каменными плитами ров. Мост приводился в движение брашпилем и, когда им не пользовались, оставался поднятым на пороге башни.

Донжон Куси построен в три этажа и имеет большие помещения, первоначально сводчатые, на каждом этаже. Подвального помещения ниже уровня входа нет. Чтобы облегчить перекрытие различных этажей, каждая камера была спланирована с двенадцатью сторонами, при этом между устоями свода были оставлены высокие ниши.²¹¹ Не приводя подробного описания, мы можем отметить моменты, в которых это грандиозное сооружение напоминает башню Конисбро и улучшает ее. (1) Изоляция башни, защищенной собственным рвом, а со стороны поля - собственным занавесом, делает возможным вход на первый этаж. В этом отношении строители Куси последовали примеру Филиппа Августа в Лувре и Руане. (2) Защита входа более сложная, чем в Конисбро, где дверной проем был закрыт просто прочной деревянной дверью, укрепленной двумя засовами, а прямой проход вел в караульное помещение на втором этаже. В Коуси была такая же дверь, но перед ней была железная опускаемая решетка, сработанная с первого этажа башни и скользящая по пазам в задней части косяков дверного проема. Опускаемая решетка была дополнительно защищена с помощью машикуляции или открытого паза в полу наверху. Входной проход за деревянной дверью был закрыт откидной решеткой у входа в караульное помещение. (3) Лестница, как и в Конисбро, находилась справа от входного прохода, но вместо того, чтобы следовать изгибу стены, представляла собой щель, которая вела прямо на крышу, сообщаясь по пути с двумя верхними этажами. Устройство, принятое в Конисбро, с помощью которого лестница заканчивается на каждом этаже и, чтобы подняться дальше, нужно пересечь пол, было принято в малых башнях в Коуси,²¹² но не в донжоне. Метод Конисбро имеет преимущество, очень желательное в башне, заключающееся в том, что подход к крыше остается под непосредственным наблюдением на всем ее протяжении: мы находим, что он используется на лестницах прямоугольной крепости в Ричмонде. (4) Башня Куси, как уже отмечалось, была защищена высоким парапетом, пронизанным арками, который во время осады давал доступ к внешней деревянной галерее, поддерживаемой каменными карнизами.²¹³ Форма карнизов такая, какая стала общепринятой в более поздние времена: каждый состоит из четырех рядов камней, выступающих один над другим, с закругленными внешними концами. (5) Колодец в Куси находился в одной из ниш между устоями свода первого этажа. (6) В Коуси, слева от входного прохода, есть гвардейские мантии, и в аналогичном месте у входа на первый этаж. (7) Мы видели, что в Конисбро оружие, вероятно, транспортировалось из подвала на крышу через ряд люков в полах. В Коуси для этой цели было оставлено круглое отверстие в верхней части свода каждого этажа. (8) Солидность башни Куси подчеркивается отсутствием больших окон, даже более заметных, чем в Конисбро; и, хотя в башне есть камин, ее чисто оборонительный характер безошибочен. В нем размещался огромный гарнизон, но для жилых целей он был бы крайне неудобен. В нем нет никаких следов постоянной часовни: когда башня использовалась, в одной из ниш второго этажа мог быть установлен алтарь; но обычная часовня находилась во внутреннем дворе и была соединена с хозяйственными постройками.

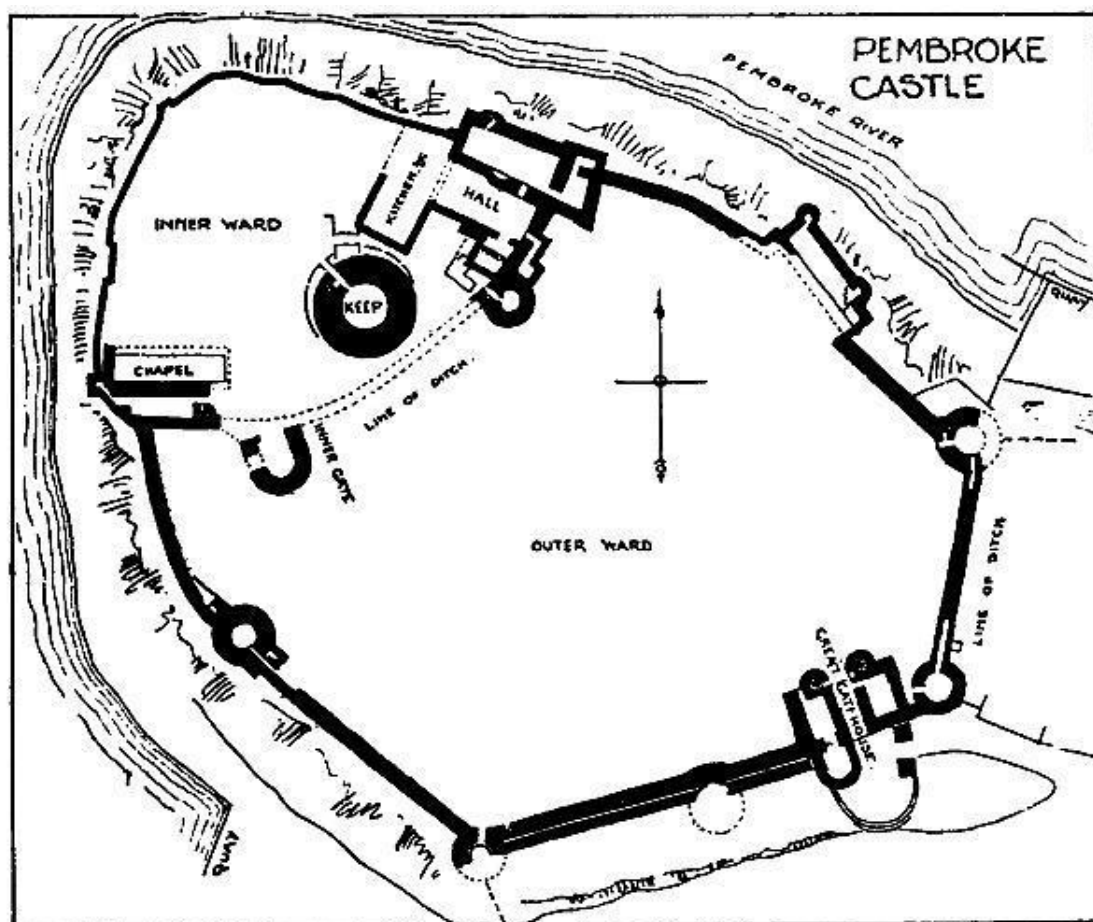
В стенах башни Куси до сих пор можно увидеть отверстия, которые служили для крепления строительных лесов во время строительства. Спиральный ход, по которому они идут, показывает, что строительные леса, поднимаясь вместе с башней, образовывали наклонную плоскость с умеренным уклоном, по которой можно было вкатывать необходимые материалы. Преимущество цилиндрической башни с этой точки зрения очевидно. Другой конструктивной особенностью является наличие желобов для отвода воды с крыши в каменной кладке в задней части ребер свода второго этажа. Отсутствие каких-либо эффективных средств для отвода воды из центра крыши в Конисбро указывает на вероятность того, что он был защищен, как уже объяснялось, собственной конической крышей.

Пемброк

Появление цилиндрического донжона в Англии совпадает с периодом, когда крепость уже начала исчезать из состава замка. Основные примеры, которые можно отнести к первым

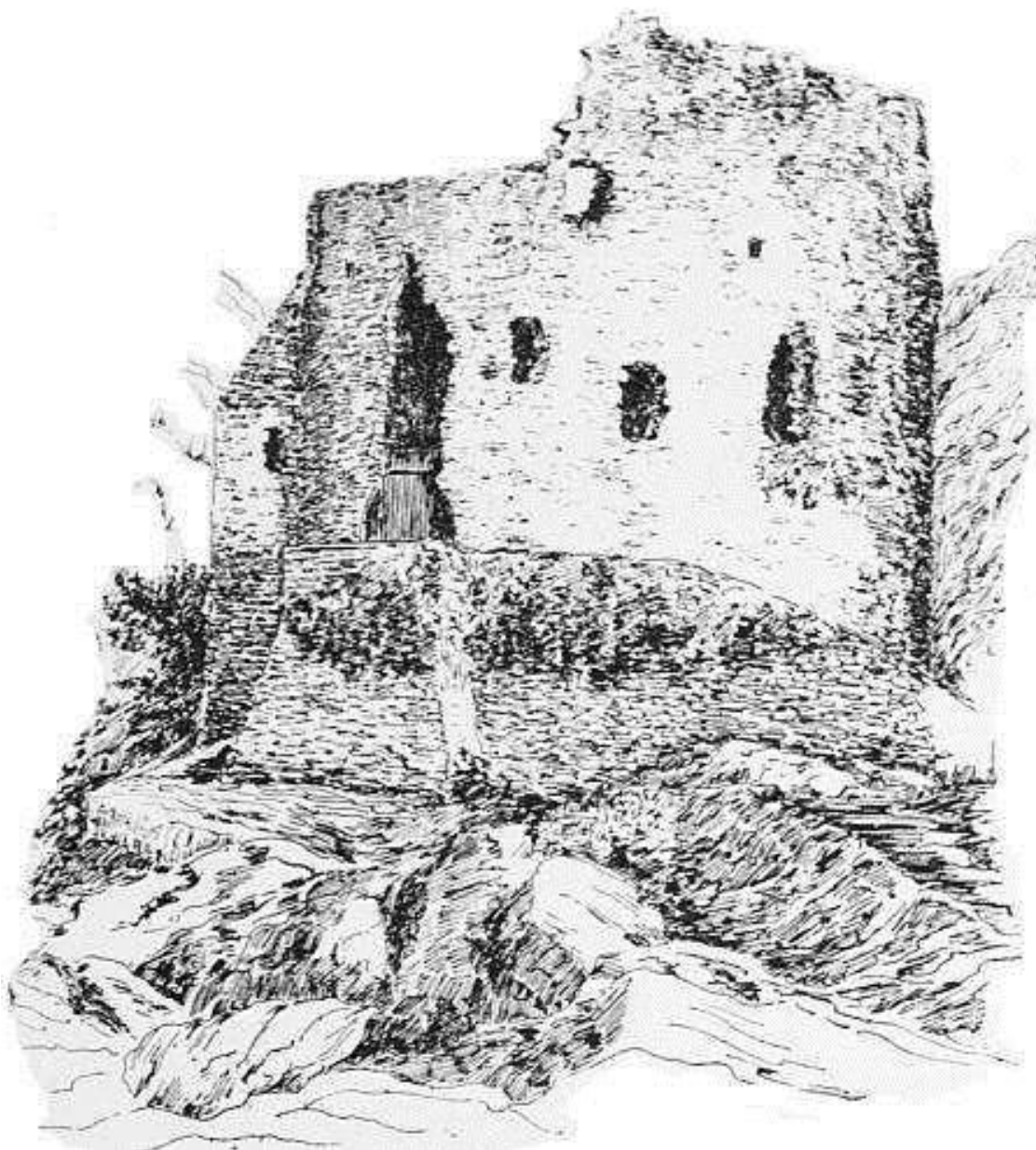
годам XIII века, находятся на границе и юге Уэльса. Главным из них является прекрасная башня Пембрук (180), которая, вероятно, была построена Уильямом Маршалом, графом Пембрук и Стригуил, около 1200 года. Замок Пембрук имел большое значение благодаря своему расположению на рукаве Милфорд-Хейвена, 214 и его контроль над проходом в Ирландию. Цитадель, вероятно, была первой завершенной частью нынешнего замка, каменная кладка которого в том виде, в каком она сохранилась сегодня, в значительной степени относится к концу двенадцатого- началу тринадцатого века. 215 Это круглая башня с подвалом и тремя верхними этажами, стоящая прямо внутри, но не соприкасающаяся с занавесом, который отделял внутреннюю и более высокую палаты от внешней. Высота башни составляет 75 футов; полы были деревянными, но самая верхняя ступень была перекрыта куполом, который сохранился до сих пор и возвышается в центре башни над крепостным валом. Лестница представляет собой пролом в западной стене, от подвала до вершины: главный вход находился на втором этаже, но есть также вход в подвал, который, по-видимому, был пробит вскоре после постройки башни. Вся конструкция устремляется вверх, и стены на каждом этапе слегка загибаются снаружи - метод, обратный тому, который применялся в Конисбро: каменная кладка представляет собой грубо обработанный щебень. На каждом из первого и второго этажей, по направлению к внутреннему отделению, есть двухсветное окно со стрельчатыми проемами, шпангоуты между которыми и ограждающей аркой пронизаны пластинчатым узором. Третий этаж освещался окнами, пробитыми в куполе. 216 Эта башня, возвышающаяся над всем интерьером замка, удивительно величественна по своему расположению; а ее толстые стены оказывали значительное сопротивление артиллерии. Однако это свидетельствует об отсутствии прогресса в обороне Конисбро. Проход вдоль вала узкий, а купол в центре не позволял использовать крышу в качестве платформы.

Пембрук; План

Цилиндрический донжон в Англии и Уэльсе был просто экспериментом, предпринимавшимся то тут, то там в качестве усовершенствования прямоугольной башни, но так и не был доведен до общего совершенства, которого он достиг во Франции. Его изоляция в Куси, на внешней стороне внутреннего двора, защищенная собственным внутренним рвом и закрытая прочным занавесом, являются признаками совершенства инженерного мастерства, которого не достигли наши строители. В одном случае, во Флинте, мы находим круглую башню, которая изолирована внутри собственного рва в одном углу замка, но стоит за пределами главной стены и не имеет отдельного занавеса.²¹⁷ План настоятельно предполагает крепость маунт-энд-бейли, изолированную башню, занимающую место горы, и обнесенный стеной двор, оставляя ров, который был заболоченным и заполнялся водой во время прилива, чистым. Конструкция этой крепости своеобразна: она состоит из внешнего и внутреннего каменных кругов с проходами в виде бочкообразных сводов между ними. Фактическая дата постройки неизвестна.²¹⁸ Но, как правило, там, где крепость находится на внешней линии обороны, к ней примыкает занавес внутреннего двора. Таким образом, замок в Калдикоте, недалеко от Чепстоу, представляет собой просто ограду на горе и во дворе замка, окруженную каменным занавесом тринадцатого века. Цитадель представляет собой круглую башню в одном углу, стоящую на частично выровненной горе; и занавес пересекает ров, соединяясь с ним с обеих сторон. В Конисбро, где крепость находилась на линии занавеса; в Пембруке, где она стояла прямо на линии, вокруг нее не было рва: возвышенность, на которой она была расположена, по-видимому, считалась достаточной защитой.

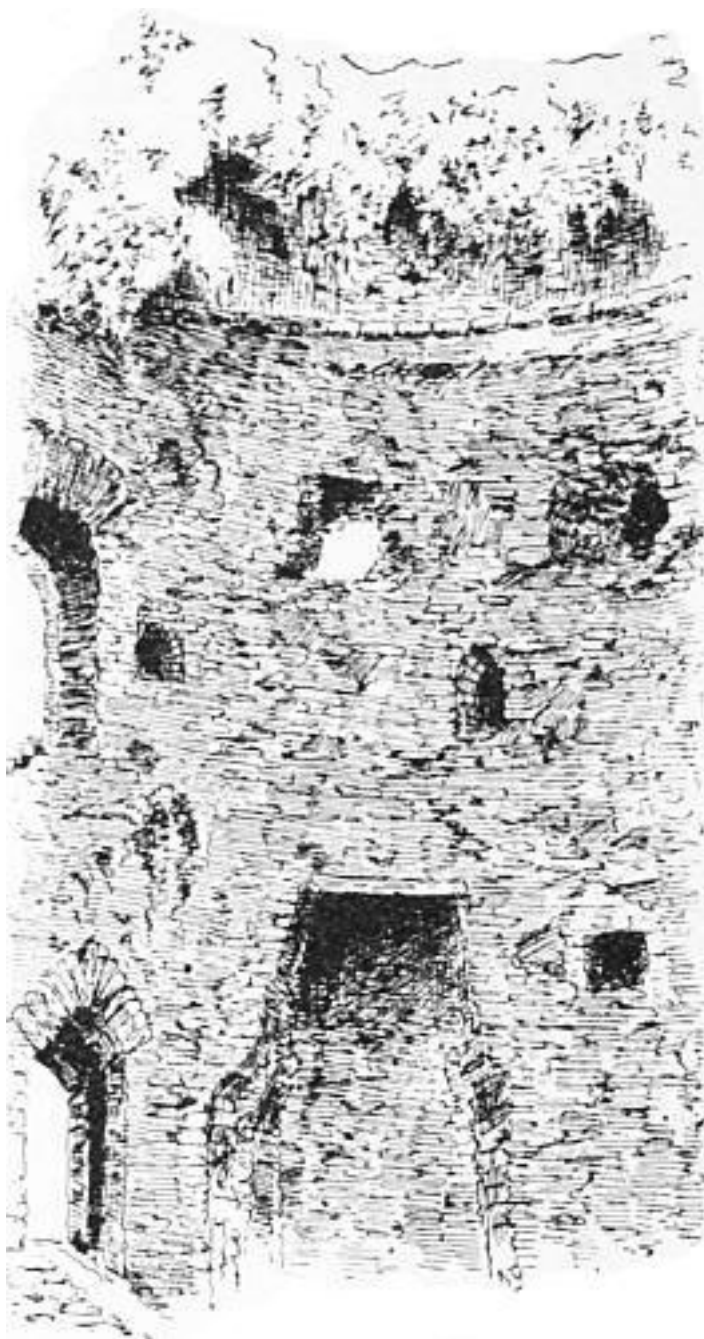
Есть, однако, несколько круглых башен, которые, хотя и не имеют собственного занавеса в смысле Коуси, все же находятся в пределах защитных сооружений особого характера и поэтому стоят особняком. Самым примечательным из них является Лонсестон, где башня стоит на вершине высокой искусственной горы ранненормандского происхождения, и к ней ведет крутая и хорошо защищенная лестница, поднимающаяся по склону горы к главному входу. Вокруг внешнего края горы остаются нижние ряды каменной стены, концентрические с крепостной башней. Внутри находится еще одна, более высокая круглая стена, которая была увенчана крепостным валом, к которому вела лестница в толще стены, слева от входа. Внутри этого ограждения находится сама башня, которая сейчас состоит из подвала и разрушенного верхнего этажа. Узкое пространство между башней и окружающей стеной, очевидно, было перекрыто крышей на высоте первого этажа башни: до сих пор сохранились отверстия для балок.²¹⁹ Этот двойной круг каменной кладки напоминает Флинт, где, однако, промежуточный проход был сводчатым, а внешний круг, вероятно, составлял всю высоту башни.²²⁰ Флинта нет низкой внешней стены, которая существовала в Лонсестоне. Ближайшая аналогия Лонсестону - в Провене (Сена и Марна), где восьмиугольная крепость имеет свой собственный внешний занавес и состоит из внешнего восьмиугольника с цилиндрическими башенками по углам, которыми управляет внутренний восьмиугольник, возвышающийся на две ступени выше. Верхняя сцена в Провене окружена высокой зубчатой стеной, на которой покоится коническая крыша.

Долбадарн

Другой пример - крепость Третауэр в Бреконшире, которая стоит на слегка возвышенном месте недалеко от слияния реки Риангол с рекой Уск. Расположение здесь очень любопытное. Цитадель, круглая башня с подвалом и тремя верхними ступенями, стоит в руинах примерно прямоугольного ограждения. Это ограждение очень похоже на внешнюю стену прямоугольной крепости, но имеет два восьмиугольных выступа с южной стороны, в одном из которых расположены тиски, а в другом - большой камин. Сама башня, по-видимому, построена несколько раньше 1200 года: камин на первом и втором этажах имеют архитектурное убранство, напоминающее камин в Конисбро, - стволы с капителями, украшенные резьбой из листьев самого элементарного вида. Решение, которое напрашивается само собой, заключается в том, что была начата постройка прямоугольной башни несколько оригинального плана и поднята на определенную высоту, а затем строители передумали, построили круглую башню внутри недостроенной крепости и оставили внешние стены, чтобы они служили занавесом для нового сооружения.

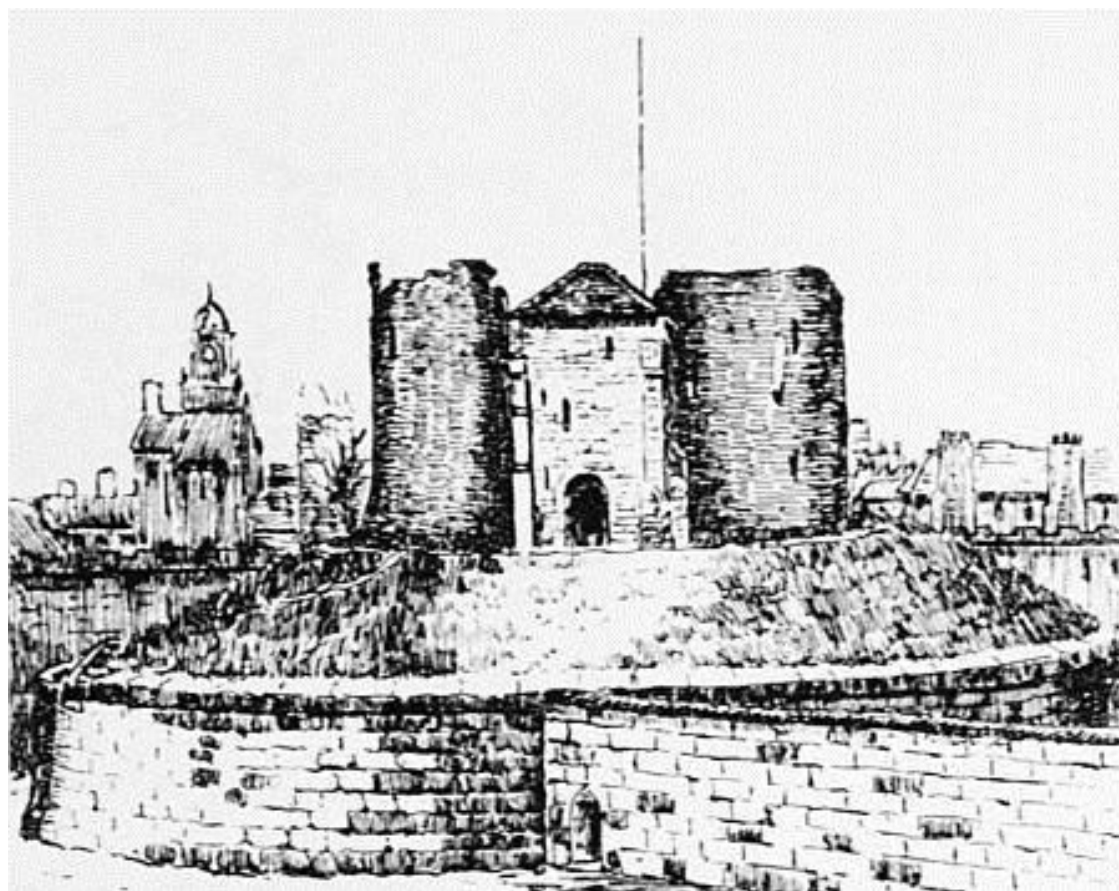
Крепость Третауэр в ее обычных чертах можно сравнить с башней Бронллис, расположенной всего в нескольких милях отсюда, по другую сторону перевала через Черные горы, у южного подножия которого стоит Третауэр. Эта башня также, по-видимому, является работой конца двенадцатого века, но ее архитектурные детали гораздо более просты: изначально обе имели высоту от 70 до 80 футов, и каждая содержала подвал и три этажа. У каждого есть основание для отбивания, а над ним стена в Tretower слегка сужается к вершине; диаметр Tretower по всей длине превышает диаметр Bronllys. Первоначальный вход в каждом случае находился на втором этаже, с которого в Tretower тиски вели на верхнюю часть здания. В подвале Tretower была отдельная лестница в стене напротив входа. В Bronllys подвал имеет заостренный бочкообразный свод, куда можно было попасть по каменной лестнице и стремянке из люка в одной из оконных ниш первого этажа. Лестница с первого этажа на второй вела из другой оконной ниши и изгибалась в стене, как в Конисбро; там, как и в Конисбро, была отдельная лестница на третий этаж. Стена подвала в Бронллисе была пробита в двух местах, и в одном из них обнаружилось углубление в стене, в которое первоначально была вставлена большая балка для придания связности каменной кладке. Та же особенность видна во внешнем здании в Третауэре. Это устройство часто использовалось при возведении средневековых стен, но его следы не часто видны так отчетливо.

Долбадарн; Интерьер

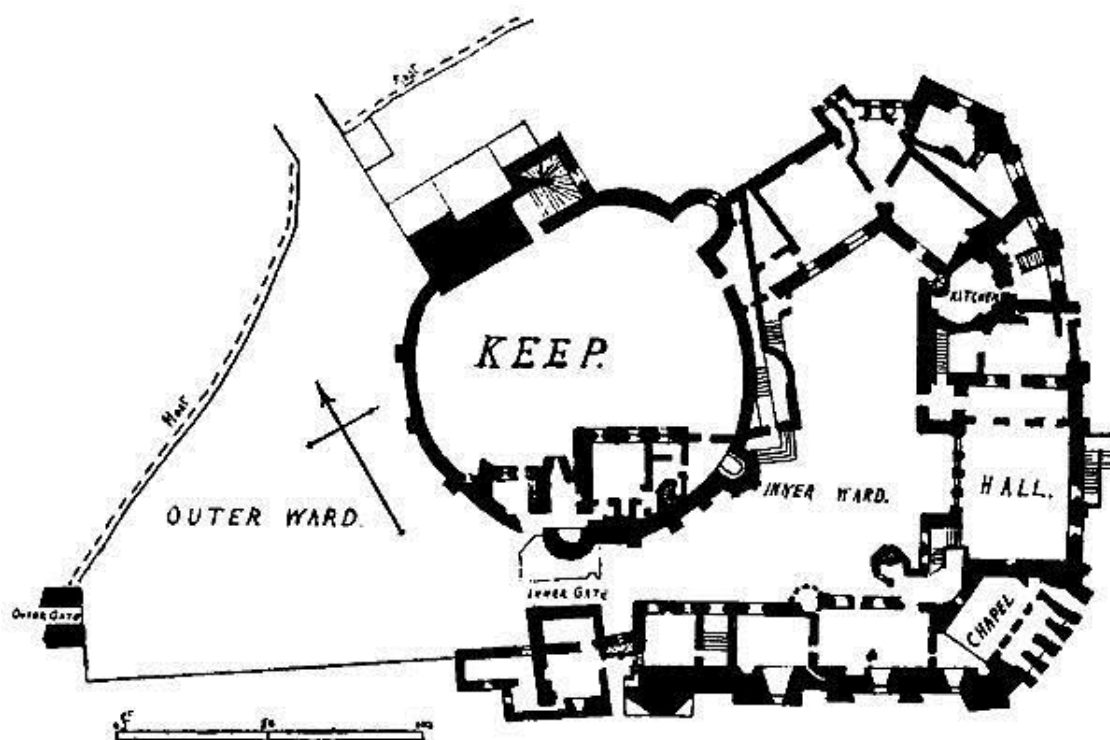
Одной из особенностей башни Бронллис является то, что, как и башня Калдикот, она стоит на искусственной горе, которая занимает обычное место для подобных земляных сооружений, во главе ограды. Более просторная, но более низкая башня в Хавардене, верхний этаж которой представляет собой внутри восьмиугольник, почти окруженный проходом с фресками, построена на высокой горе. В Скенфрите в Монмутшире башня, почти равная Бронлли в диаметре, но не выше Хавардена, стоит на очень низкой горе и расположена изолированно, почти в центре трапециевидного ограждения. Здесь невысокая гора и отсутствие признаков нормального плана земляных работ наводят на мысль, что она была возведена для укрепления фундамента башни, а не является горой более раннего замка. С другой стороны, холм, на котором стоит круглая башня Долбадарн (183), между двумя озерами у подножия перевала Лланберис, является естественным. Детали этой башни очень просты, но, вероятно, она была построена в тринадцатом веке. Нет никаких следов какого-либо замка, связанного с этим небольшим военным форпостом, который, как и

расположенная неподалеку прямоугольная крепость Долвидделан на восточных склонах Моэл-Сиабод, имеет некоторую аналогию с “пеле-тауэрс” на севере Англии и, возможно, был построен валлийским вождем по английскому образцу во времена правления Генриха III.

Йорк; Башня Клиффорда

Ни одна из башен в Англии и Уэльсе, упомянутых в этой главе, не имеет внутреннего выступа, который, как было замечено, характерен для французских башен. Это появляется, как уже было сказано, у Гудрича и Чепстоу. Другие примеры - башня во внешнем занавесе в Денби и отрог на внутренней стороне большой башни в замке Барнард. Здесь работа выполнена не ранее времен Эдуарда II., а башня представляет собой немногим больше большой фрески, пристроенной к большой ракушке-продолжателю, стоящей на высоком скалистом выступе. Отог здесь представляет собой наполовину пирамиду, вершина которой переходит в фасад башни. У нас есть один пример восьмиугольной башни в Одихеме в Хэмпшире, которая, возможно, относится к концу двенадцатого века. У этого есть особенность, аномальная для столь ранней даты, - угловые контрфорсы, которые выступают на 4 фута, но имеют ширину всего 2 фута.

Замок Беркли; План

Из донжонов, построенных в Англии во времена правления Генриха III, наиболее интересными в силу их планировки являются донжоны Йорка и Понтефракта. Йоркский тауэр (185), возвышающийся на горе северного из двух замков, был построен, возможно, около 1230 года и принял форму четырехлистника, который находится во Франции в Этампе. Эту крепость, предположительно из-за того, что она построена на горе, обычно называют “ракушкой”; однако это была обычная башня, а вход, расположенный под углом между двумя листьями четырехлистника, охранялся прямоугольным передним зданием, на первом этаже которого находилась часовня. Как и в Этампе, план в виде четырехлистника сохранен внутри, но углы, образованные соединением четырех сегментов, скошены: здесь не было сводов, как в Этампе, но полы были деревянными. План в виде четырехлистника был также принят в Понтефракте, с некоторыми незначительными изменениями из-за неправильной формы скалистой горы. Эта крепость находится в состоянии полной разрухи, хотя некоторое представление о ее прежнем виде можно составить, взглянув на нее с высоты птичьего полета, сохранившегося среди архивов герцогства Ланкастер.²²¹ Из того, что осталось, видно, что он не был построен на вершине крепления; но что с трех сторон крепление было окружено облицовочными стенами,²²² которые образовывали основание сегментов, составляющих четырехлистник. Этот процесс напоминает возведение стены на горе в Беркли, где, однако, была оставлена нижняя часть горы, а пространство между откосом и стеной засыпано землей. В Понтефракте уклон горы, должно быть, был значительно уменьшен, прежде чем были добавлены облицовочные стены: песчаник, из которого был построен замок, мягкий и легко поддавался бы такой операции.

Только что упомянутый вид Понтефракта с высоты птичьего полета нельзя считать абсолютно достоверным, но он дает нам представление об относительном расположении различных башен замка. Это показывает нам занавес, обрамленный грозным рядом настенных башен; цитадель, сложное сооружение из нескольких сегментов с бартизанами²²³, выступающая из зубчатых стен под углами, образованными соединением сегментов, по-прежнему является доминирующей чертой замка; но нашего внимания в равной степени требуют защитные

сооружения занавеса и внутренние постройки, которые он окружает. И, продолжая нашу тему, мы должны сначала проследить рост внутренних построек на территории замка, а затем обратиться к тому укреплению занавеса, которое в конечном итоге привело к тому, что цитадель перестала использоваться.

ГЛАВА VIII

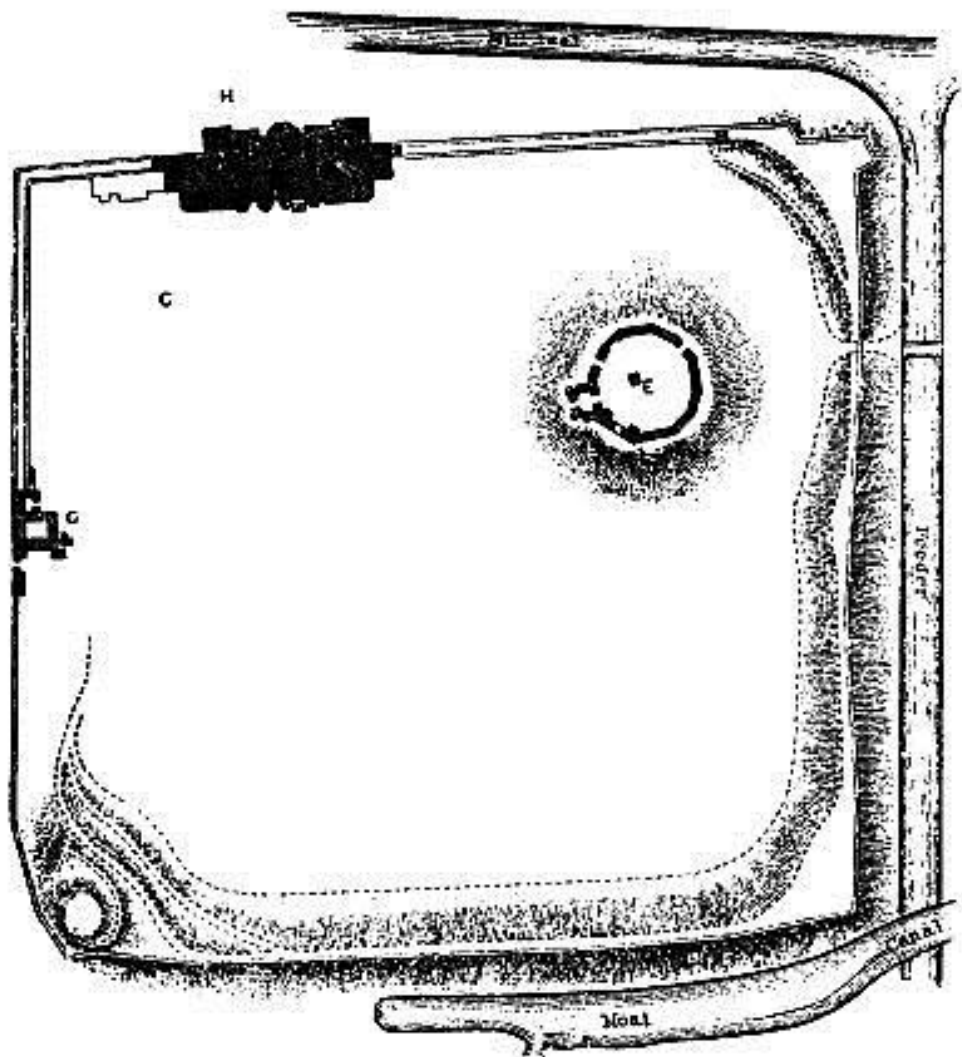
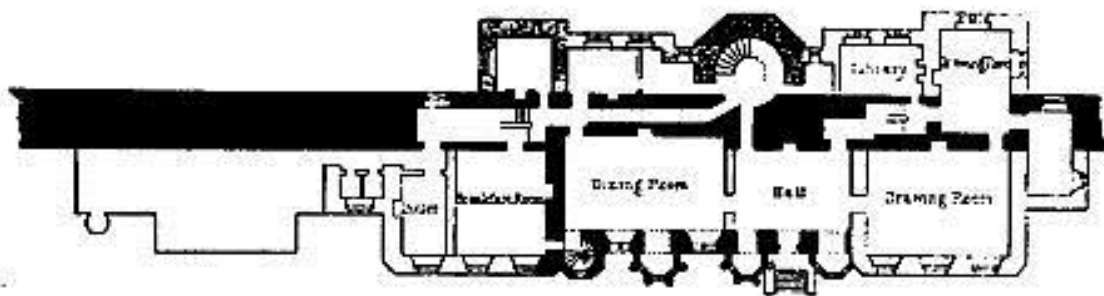
ЖИЛОЙ ДОМ В ЗАМКЕ

Среди главных требований замка было наличие жилого дома, в котором могли бы проживать владелец и его домочадцы. Таким образом, цитадель лорда Ардреса на своей горе была спланирована как просторное жилище с пристроенной кухней; и там, где, как в данном случае, цитаделью был замок, она обязательно выполняла двойную функцию крепости и резиденции. Достаточно было сказано о прямоугольных и цилиндрических формах башен-крепостей, чтобы показать, что в их устройстве часто сочетались бытовые и военные элементы. Но использование башни-крепости в качестве основной резиденции внутри замка было модой сравнительно непродолжительной. Пример его двойного использования был подан в больших тауэрах Лондона и Колчестера, а также в прямоугольных башнях нормандских и французских замков. Из башен времен правления Генриха II те, которые, как и замок Райзинг, невысоки по сравнению с площадью, которую они занимают, как правило, наилучшим образом приспособлены для проживания. Высокие башни, такие как Ньюкасл или Конисбро, никогда не могли быть комфортабельными резиденциями; и неудивительно, что в Ньюкасле, примерно через полвека после постройки тауэра, на территории замка был построен более просторный жилой дом.²²⁴ Но мы уже видели, что в ранних замках, таких как Оксфорд, зал для лорда или его констебля обычно, если не всегда, строился во дворе замка. Практическая необходимость этого очевидна в замках маунт-энд-бейли, где башня на горе или каменная оболочка, заменившая ее, была зарезервирована для главной цели - последнего убежища во время осады. Любой, кто изучит достопримечательности таких замков, как Линкольн, Лонсестон или Клэр, с их грозными скакунами, не сможет не понять, что гора была неудобным местом проживания, и что хозяйственные постройки, естественно, размещались во внутреннем дворе. Зал епископа Бека в Дареме, построенный в XIII веке напротив западной стены внутреннего двора, стоит на фундаменте гораздо более раннего здания. Внутренние постройки во дворе дома в Гилдфорде, по-видимому, датируются более ранним периодом, чем каменная башня на горе; в то время как в Крайстчерче в Хэмпшире (123) жилой дом у реки и башня на горе кажутся почти современными.

Замки, которые по уже объясненным причинам с самого начала были окружены каменной стеной и поначалу не имели постоянной крепости, содержат еще лучшие примеры существования отдельного зала. Холл одиннадцатого века в Ричмонде почти идеален, хотя некоторые пристройки, сделанные почти столетие спустя к верхней части сооружения, привели к ошибочному присвоению всему зданию более поздней даты.²²⁵ В Ладлоу, смешанные с тканью холла четырнадцатого века, являются четкими указаниями на более ранний каменный холл, построенный, как и в Ричмонде, напротив занавеса на наименее доступной стороне внутреннего двора. Структура большого зала в Чепстоу, значительно обогащенная и украшенная в тринадцатом веке, соответствует времени основания замка в

одиннадцатом веке. Во всяком случае, часть фундамента зала в Ньюарке принадлежит замку, основанному в двенадцатом веке епископом Александром, хотя все здание с той стороны ограды, за исключением угловой башни, является свидетельством реконструкции и ремонта в два более поздних периода. В Порчестере, опять же, фундамент зала содержит значительное количество ранних нормандских работ, которые можно отнести ко времени правления Генриха I.

Обстановка и план зала оставались практически неизменными на протяжении всего средневековья. То, что мы находим в Ричмонде, Ладлоу, Чепстоу или Дареме, мы находим также в Манорбиере, Кэрфилли, Харлече и Карнарвоне, в Уорике и Наворте. Хозяйственные постройки располагались напротив занавеса с одной стороны или в конце внутреннего двора, предпочтительно там, где пропасть или крутой склон делали штурм занавеса с этой стороны затруднительным или невозможным. Это положение хорошо проиллюстрировано в укрепленном доме Эйдона XIII века в Нортумберленде. Здесь, со стороны входа, находилась большая внешняя палата, обнесенная стеной, или, как ее называли на севере Англии, “барменша”.²²⁶ Дом был построен вокруг двух сторон обнесенного стеной внутреннего двора, холл и главные апартаменты стояли на краю глубокого оврага, где они были в безопасности от подхода или от опасности осадных машин. Поэтому занавеска была прорезана оконными проемами довольно большого размера, что придавало дому больше света и уюта внутри, чем было бы возможно на более открытой стороне участка. Холл в Уоркуорте (⁴⁹) был построен напротив сплошного занавеса на самой крутой стороне полуострова, занятого замком, и, хотя в занавесе на уровне холла не было оконных проемов, в нем был прорезан задний ход, через который можно было попасть на кухню, в конце, ближайшем к башне. Замки на сравнительно ровных участках имеют такое же расположение. В Кардиффе (¹⁹¹) хозяйственные постройки находятся на западной стороне ограды, пристроены к занавесу и защищены рекой, и в плане имеют такое же отношение к главному входу и крепости-ракушке на горе, как холл в Уоркуорте имеет отношение к воротам и горе с ее более поздним крепостным домом.²²⁷

Кардиффский замок; План

План холла и прилегающих к нему зданий был и оставался планом обычного жилого дома. Аула Гарольда в Бошеме в Сассексе представлена на гобелене Байе (36) в виде дома с подвалом, по-видимому, сводчатым, и верхним этажом, на который ведет внешняя лестница. Разделение верхнего этажа не показано: по-видимому, он состоит из одной большой комнаты. Этот план с разделением зала поперечной стеной на главную и меньшую комнаты - это именно то, что мы находим в конце столетия после Завоевания в большом городском доме в Бери-Сент-Эдмундсе, известном как Мойзес-холл, или в поместье Бутби Пагнелл в Линкольншире. Он представлен в усадьбах позднеготического периода в так называемом "монастыре Гоксхилл" в Линкольншире или в доме епископов Линкольнских в Лиддингтоне в

Ратленде. Его наиболее известные образцы невоенной архитектуры сохранились в залах нескольких оксфордских колледжей, таких как Крайст-Черч или Нью-колледж. В плане монастыря братский или обеденный зал повторял те же линии верхнего помещения на сводчатом фундаменте. Точно так же зал замка был просто обычным *аулом* помещенным внутри ограждения, обнесенного стеной для военных целей. Зал в Крайстчерче является точной копией *аулы* Гарольда на гобелене из Байе. Это прямоугольное здание, вероятно, третьей четверти двенадцатого века, с подвалом, первоначально сводчатым и освещенным узкими петлями. Первый этаж образовывал одну большую квартиру и был хорошо освещен двойными оконными проемами, один из которых, в южной части, получил особую архитектурную обработку. В восточной стене, со стороны ручья, был камин: цилиндрическая дымовая труба сохранилась до сих пор. Ко входу, расположенному у южного конца западной стены, вероятно, вела внешняя лестница, расположенная под прямым углом к стене и ведущая в нижний конец зала, напротив помоста для высокого стола. Камин, установленный по диагонали от входа, согревал помосты и остальную часть зала: конец у дверного проема, соответствующий “ширмам” обычного зала, вероятно, был оставлен свободным для прихода и ухода слуг. Подвал был просто погребом и складом. В западной стене был дверной проем, в то время как в восточной стене были ворота, ведущие к воде. Высота почти идентична высоте дома в Бутби Пагнелле; но в Бутби Пагнелле поперечная стена разделяет верхний этаж и подвал на большие и меньшие помещения; в то время как в Крайстчерче в юго-восточном углу была прямоугольная башенка в форме гвардейского халата, встроенная в ручей, которая постоянно промывала вентиляционные отверстия как в подвале, так и на верхнем этаже.²²⁸

Разделение первого этажа на большую и меньшую квартиры соответствует разделению обычного жилого дома на холл, или общую комнату в доме, и беседку, или гостиную и спальню для главных членов семьи.²²⁹ В разработанном плане средневекового частного дома небольшие своды под беседкой превратились в погреб, и, как и в Манорбье, были предусмотрены тиски, с помощью которых вино можно было подавать прямо из нее на высокий стол. Беседка или солнечная²³⁰ сама по себе была известна в больших домах как большая комната, и доступ в нее был получен через дверь в одном конце поперечной стены за помостом. Существовал, однако, вариант этого плана, в котором холл и беседка находятся на другом уровне этажа, и это появилось довольно рано. В данном случае холл занимал всю высоту подвала и первого этажа, и попасть в него можно было с первого этажа двора: подвал в данном случае находился на одном уровне с полом холла, а в солярий можно было попасть с помоста по лестнице. Этот план стал очень распространенным в позднеготический период; и он хорошо проиллюстрирован в таких усадьбах, как Хэддон и Комптон-Уиниейтс, а также в колледжах Кембриджа, где общая комната или гостиная занимала место подвала, а солярий был занят жильем хозяина. Но он также встречается в замках и укрепленных домах, как, например, в Беркли и Стокси. Указание на его применение вскоре после нормандского завоевания содержится в истории об оскорблении, нанесенном Роберту Нормандскому Уильямом Руфусом и Генрихом I. Они приехали навестить его примерно в 1078 году в замок Эгль, где он остановился, либо в доме констебля, либо в каком-нибудь жилище поблизости от замка. Уильям и Генри играли в кости “на соларе” и предавались шалостям, которые принимали форму оглушительного шума и обливания водой Роберта и его последователей, находившихся внизу. Роберт вышел из себя и бросился в столовую (*cenaculum*), чтобы наказать своих братьев: ссора, на время остановленная их отцом, стала началом долгой вражды, которая закончилась для Роберта заточением в Кардиффе. Упоминание о “солнечной” явно подразумевает комнату на верхнем этаже, вероятно, на некотором возвышении над залом.²³¹

Этот альтернативный план обеспечивал более прямое сообщение с кухней, чем это было возможно, поскольку холл находился на верхнем этаже; и в связи с этим кухню и сопутствующие ей офисы очень часто можно найти в нижнем конце, недалеко от входа в холл. В поместьях и Кембриджских колледжах это стало обычным расположением кухни, кладовой и буфетной, отделенных от основного зала “ширмами”. Большая часть приготовления пищи в более ранних замках, должно быть, готовилась либо во временных сараях, либо на открытом воздухе: подвал зала, который в более поздних усадьбах иногда использовался как кухня, в ранний период так не использовался. Квартира в углу искусно спланированного первого этажа крепости в замке Райзинг, вероятно, была кухней и представляет собой редкий пример помещения, выделенного для этой цели до конца двенадцатого века. Следует помнить, однако, что внутренние постройки замков очень часто, как в Ладлоу, расширялись и полностью перестраивались, пока не превращались, как в Кардиффе и Уорике, в великолепные особняки; и поэтому детали, касающиеся первоначального расположения меньших помещений, восстановить трудно.

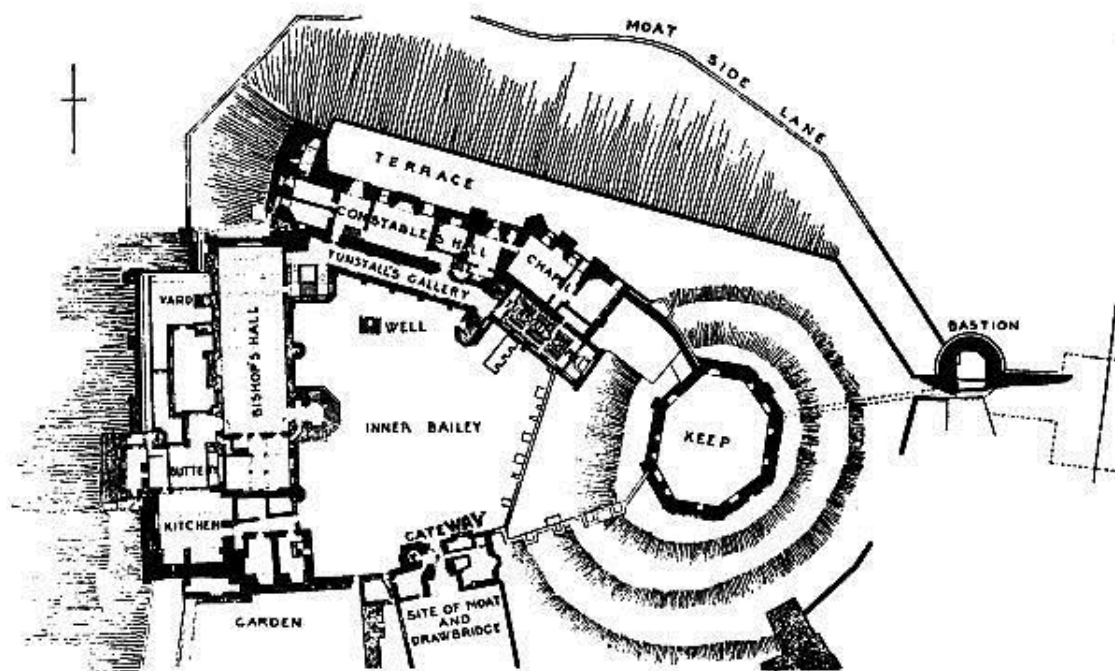
ладлоу: интерьер здания к западу от грейт-холла

В Уоркуорте (49), вероятно, незадолго до 1200 года, был построен дом значительной площади, включающий более одной частной квартиры и кухню, напротив западного занавеса и одновременно с ним.²³² До этого времени замок представлял собой обычную крепость на горе и во дворе замка с деревянными укреплениями, более ранней каменной кладки не сохранилось. Новый дом был значительно украшен пристройками, сделанными в пятнадцатом веке, но план был мало изменен. Его центральной частью был холл,

параллельный занавесу, к которому он примыкал. Вход находился в боковой стене рядом с внутренним двором и вел, как обычно, в нижний конец холла, который занимал всю высоту дома и, таким образом, служил единственным внутренним средством сообщения между помещениями лорда и прислуги. Необычной особенностью зала, который не мог быть хорошо освещен, был восточный проход, над которым, вероятно, продолжалась наклонная крыша. В верхнем конце, за помостом, в подвал можно было попасть прямо из холла: прямая лестница рядом с занавесом вела на площадку, откуда дверной проем вел в большую комнату. Большая палата сообщалась с многоугольной угловой башней, носящей любопытное название “Крадифаргус”,²³³ первый этаж которой, рядом с большой палатой, возможно, был спальней хозяина дома, в то время как верхний этаж, вероятно, использовался дамами. Почти под прямым углом к большому залу, напротив южного занавеса, находилась часовня, от которой сохранилось достаточно, чтобы показать нам, что первый этаж, куда можно попасть со двора, использовался слугами и гарнизоном, в то время как западный конец был разделен на два этажа, в верхний из которых можно было попасть из личных апартаментов, и представлял собой галерею для использования лордом и его семьей. Трудно положительно отзываться об устройстве кухни, которая располагалась напротив западной занавески в другом конце зала. Возможно, изначально он, как и кухня в Беркли, не имел прямого сообщения с холлом: коридор и служебные помещения между ними в их нынешнем разрушенном состоянии являются пристройками или реконструкциями пятнадцатого века. Но здесь присутствуют все элементы большого английского дома. Главными изменениями в пятнадцатом веке были возведение крыльца и надвратной башни перед входом в зал, а также установка высокой башенки с тисками и сводчатым вестибюлем, ведущим в большую палату, в северо-восточном углу зала, где она перекрывает последний проход.

Зал с проходами, как в Уоркуорте, был совершенно исключительной особенностью. Есть, однако, несколько существующих примеров зала с нефом и двумя проходами, самым известным из которых является зал XIII века в Винчестере. В замках Мидленд в Лестере и Окхеме также были залы с проходами: в Лестере они были разделены деревянными аркадами и все еще существуют, хотя многие из их первоначальных элементов, включая деревянные колонны, были удалены или затемнены. Залу в Окхэме повезло больше. Этот замок, расположенный на плоской местности, не имевшей стратегических преимуществ, на самом деле был *аулом* или усадьбой, окруженной мощным земляным валом, и, вероятно, не был окружен стеной до тринадцатого века. Внутри этого ограждения Уолкелин де Феррерс в конце XII века построил зал с четырьмя проходами, архитектурные детали которого необычайно красивы и имеют большое значение в истории раннего готического искусства Англии. Здание выходит на восток и запад, первоначальный вход с первого этажа внутреннего двора, как обычно, находится в последнем отсеке боковой стены, в данном случае в самом восточном отсеке южной стены.²³⁴ Помост находился в западном конце; а в восточной стене сохранились две двери, которые, вероятно, сообщались с кухней и кладовой. Проходы, несомненно, были бы убраны от столов, чтобы облегчить обслуживание из кухни.²³⁵ На обоих концах здания аркады начинаются не от откосов, а от карнизов. Полукруглые формы мешали бы скамьям за высоким столом и свободному проходу слуг между кухней и проходами.²³⁶ Колонны представляют собой стройные цилиндры из клипшемского камня: высокие капители украшены множеством листьев на жестких стеблях, с которыми переплетаются полосы из шляпок гвоздей и собачьих зубов. Дуги закруглены: в молдингах капота использованы собачьи зубы, которые опираются на фигурные карнизы. Классический характер листы и изысканная скульптура фигур и голов на карнизах по всему залу имеют аналогии в одном или двух других зданиях района: они очень близко напоминают раннюю готику бургундской провинции и ее английские производные в Кентербери и

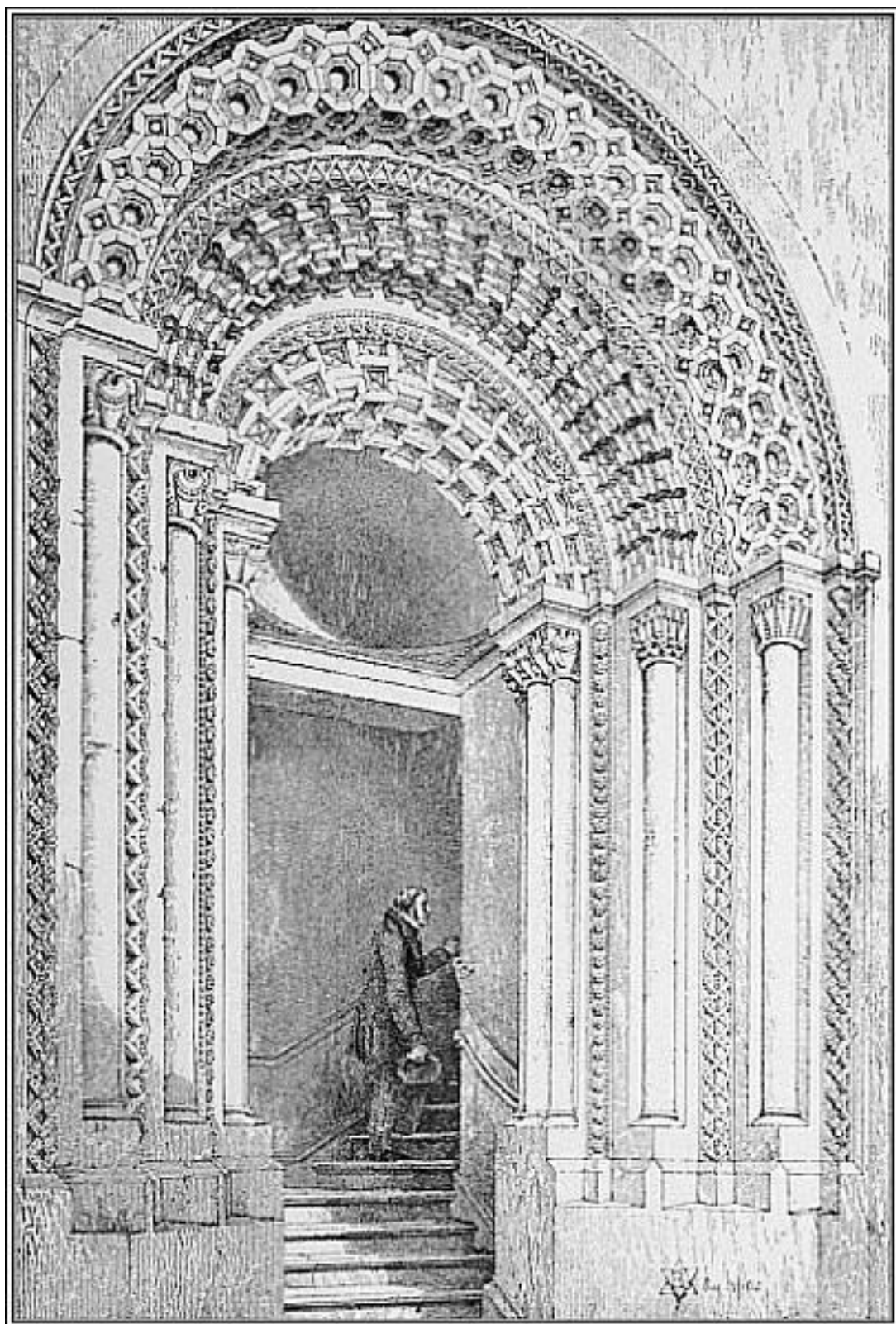
Чичестере. Однако ничего не известно о нанятых каменщиках, и ткань не имеет документальной истории. В низких боковых стенах расположены двойные оконные проемы, каждый со скульптурным тимпаном под охватывающей аркой: простенок, разделяющий каждое из окон, облицован шахтой, а косяки украшены искусно сделанными собачьими зубами. Эти окна можно сравнить с окнами зала с проходами епископального дворца в Линкольне, построенного примерно четверть века спустя, где аркады на обоих концах заканчивались карнизами. Близкую параллель с устройством зала в Окхэме проводит современный зал, построенный епископом Падси в Оклендском замке недалеко от Дарема. Здесь, опять же, так называемый замок был просто *поселением* без мощных земляных укреплений, которые придают Окхаму военный характер. Пропорции Окленд-холла больше, а его архитектура более простая, но с еще более развитыми готическими чертами. В конце тринадцатого века в сооружении были внесены значительные изменения, и во время реставрации епископ Косин превратил зал в часовню.²³⁷ Это касалось блокирования первоначального входа, расположение которого в точности соответствовало расположению Окхэма. В западной стене был проделан новый дверной проем, а ниша, которая первоначально предназначалась для помоста, была преобразована в прихожую. Ни в том, ни в другом случае не сохранилось никаких других современных зданий: особняк в Окленде, на западной стороне олд-холла, представляет собой здание нескольких периодов, из которых самая ранняя существующая часть относится не ранее правления Генриха VII.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЛАН
ДАРЕМСКОГО ЗАМКА

Хью Падси (1153-95), прелат, ответственный за зал в Окленде, много сделал для увеличения великолепия епископального замка в Дареме (199). Замок Дарем - отличный пример крепости маунт-энд-бейли, расположенной на мощном треугольном участке с крутыми естественными укреплениями на севере и западе. Вход был с одной доступной стороны, с плато, на котором стояли собор и монастырь. На вершине участка, справа от входа, находилась гора с башней-ракушечником на ее вершине; в то время как слева, вдоль западной стороны двора, находился первоначальный зал. Часовня одиннадцатого века находилась на северной стороне двора, почти напротив входа. Главной работой Падси было

строительство длинного трехэтажного здания, примыкающего к северному занавесу. Восточная часть подвала была образована ранней часовней; остальная часть, вероятно, была отведена под кладовые и подвалы. На втором этаже находился большой зал, в который вел дверной проем (201), который по праву можно назвать самым великолепным образцом позденормандского романского искусства в Англии. Над этим, на втором этаже, к которому в юго-восточном углу примыкал тисками еще один зал, известный как зал констебля, а сегодня как нормандская галерея. Стены этого верхнего строения были облегчены за счет их конструкции в виде непрерывной аркады, арки образовывали обрамления оконных проемов, а простенки между ними были облицованы отдельными парами стволов (203). Внутреннее устройство этого здания сейчас сильно затемнено разделением нижнего зала на несколько больших комнат, в то время как южная часть верхнего зала была разделена перегородками меньшего размера. В начале шестнадцатого века на восточной стороне нижнего зала была построена новая часовня, а у южной стены подвала и первого этажа была устроена каменная двухэтажная галерея. Наружную лестницу, ведущую в нижний холл, затем убрали, но дверной проем епископа Падси оставили, и на него падал свет из большого окна со средниками во внешней стене галереи.238

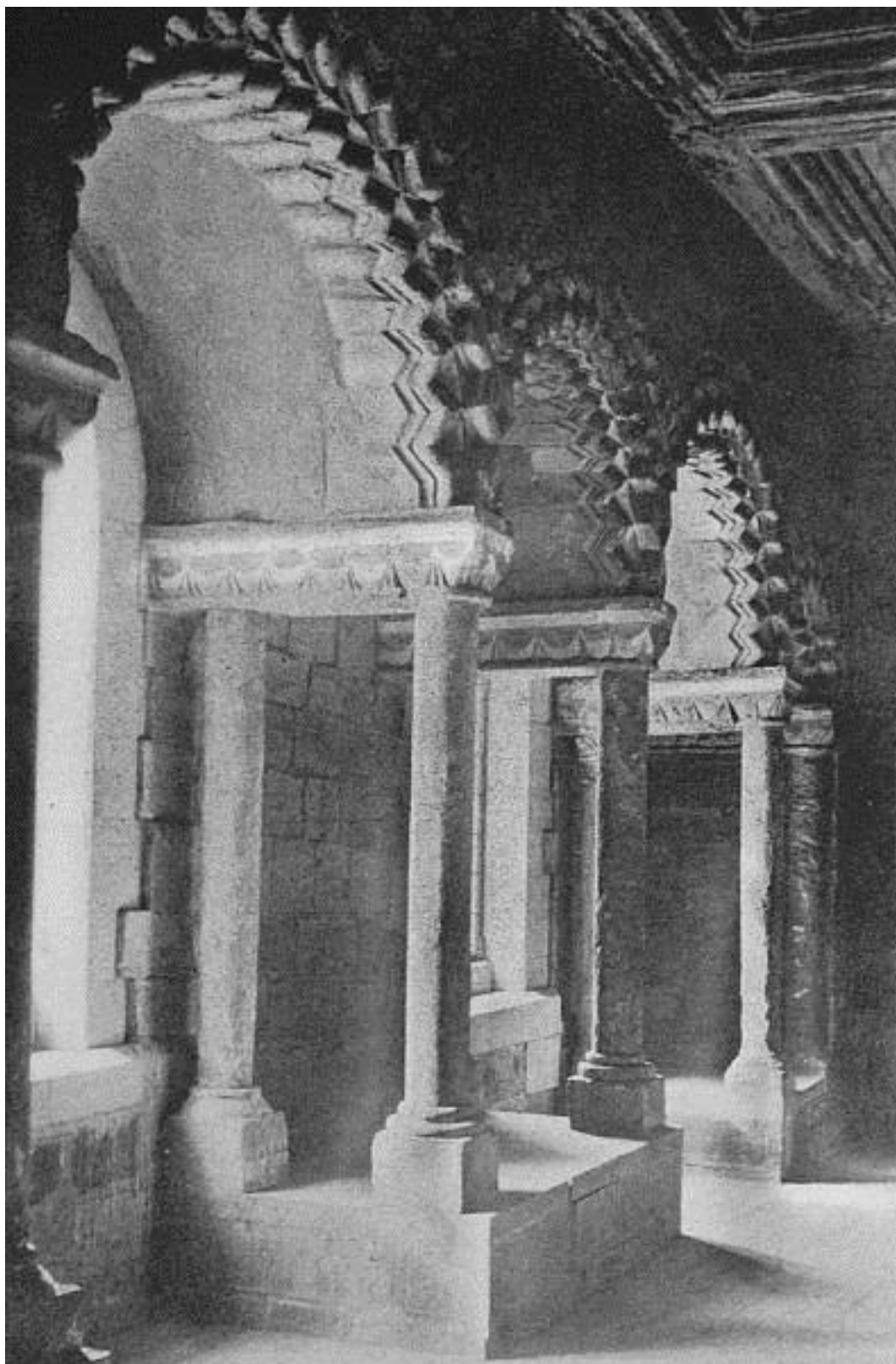

Замок Дарем; Дверной проем

Между тем, примерно в конце XIII века епископ Бек, который также усовершенствовал работу Падси в Окленде, возвел против западного занавеса и фундамента раннего зала большой банкетный зал, который сейчас используется как столовая Университетского колледжа. Этот зал, опять же, неизбежно претерпел значительные изменения, но его фактический план и расположение очень хорошо сохранились и по сей день, а длинные двухсветные окна с простым геометрическим орнаментом в боковых стенах представляют, с некоторой

реставрацией каменной кладки, его первоначальное освещение. Вход, ведущий вверх по лестнице и через крыльцо, пристроенное епископом Косином, находится в южном конце восточной стены и ведет в ширмы, перекрытые галереей, на южной стороне которой находятся кухня и помещения для прислуги. Дверной проем в восточной стене вел с помоста в личные покои епископа; но в этом конце старые помещения были изменены строительством галереи Танстолла в шестнадцатом веке, а еще позже — пристройкой великолепной лестницы Козина в стиле Ренессанс - изменениями, которые обеспечили крытый доступ из Бек-холла в здание Падси под прямым углом к нему. Только что описанные здания являются одними из самых красивых и поучительных остатков домашней архитектуры в Англии и не имеют военных характеристик. Сила замка, однако, не была забыта. Ни один английский замок, даже когда вспоминают Бамбург и Ричмонд, не представляет более грозной защиты, чем занавес, прорезанный несколькими запасными отверстиями и узкими западными окнами Бек-холла, который облицовывает и венчает утес над Уэром; в то время как в четырнадцатом веке епископ Хэтфилд (1345-1381) заменил старую крепость новой и, вероятно, более высокой многоугольной оболочкой.

В Дареме здания Падси и Бека одинаково стоят на цокольных этажах, которые использовались как погреба и кладовые; и предпочтение залов на первых этажах в замках, несомненно, было вызвано необходимостью обеспечить достаточно места для складов, как для провизии, так и для оружия, в ограниченном пространстве, а также сохранить площадку для сбора в центре двора как можно более свободной. В Ньюарке (157), где земля обрывалась к реке, зал был построен на склоне, и вход в него осуществлялся с уровня двора замка, причем склон использовался для строительства большого сводчатого подвала, освещенного петлями со стороны реки и сообщающегося с водой наклонным проходом и воротами, выходящими на небольшую набережную. Использование каждого доступного места для хранения проиллюстрировано в замке Кэрю в Пембрукшире, где все пространство под малым залом и прилегающими к нему зданиями занято подвалами, в то время как подвал большого зала, на противоположной стороне двора, по-видимому, использовался под конюшни. В Пембруке большая естественная пещера под холлом и прилегающими к нему зданиями была превращена в нижний склад. В скале, расположенной на первом этаже к северу от зала, были устроены тиски, а вход в пещеру был закрыт стеной, в которой были ворота, выходящие на тропинку со стороны воды.

ДАРЕМ: аркада на южной стороне Констэблз-холла

Если Генриху II. можно отдать главную заслугу в строительстве прямоугольных крепостей в замках, то Генрих III. почти так же активно занимался строительством залов. Лучший образец его работ, сохранившийся в настоящее время, находится в Винчестере. В Лондонском Тауэре, в Скарборо и в Ньюкасле сохранилось только название его залов - прямоугольных зданий с высокими крышами. Но во время и после его правления холл и прилегающие к нему хозяйственные постройки стали неотъемлемой частью плана замка. В замках, которые до

этого времени, возможно, имели маленькие и неудобные залы, или, возможно, залы, построенные просто из дерева, были построены новые и более постоянные хозяйственные постройки. Так, в Рокингемском замке красивый дверной проем зала тринадцатого века (205) с глубоко вырезанной лепниной и косяками с листоватыми капителями до сих пор образует вход в дома шестнадцатого и семнадцатого веков, холл которых, вероятно, имеет точные размеры своего средневекового предшественника.²³⁹ В замках, которые являются наиболее совершенными образцами фортификации, таких как Кэрфилли или Конвей, холл является неотъемлемой частью плана, занимая свое естественное место в дизайне; и из них Кэрфилли был достроен примерно в конце правления Генриха III. Энтузиазму Генриха к прекрасной архитектуре, как домашней, так и церковной, подражали многие из его могущественных подданных; и фактически именно с этого периода мы можем проследить то преобладание домашнего элемента в наших замках, которое в конечном итоге культивировалось за счет фортификации.

Рокингемский замок; Вход в холл

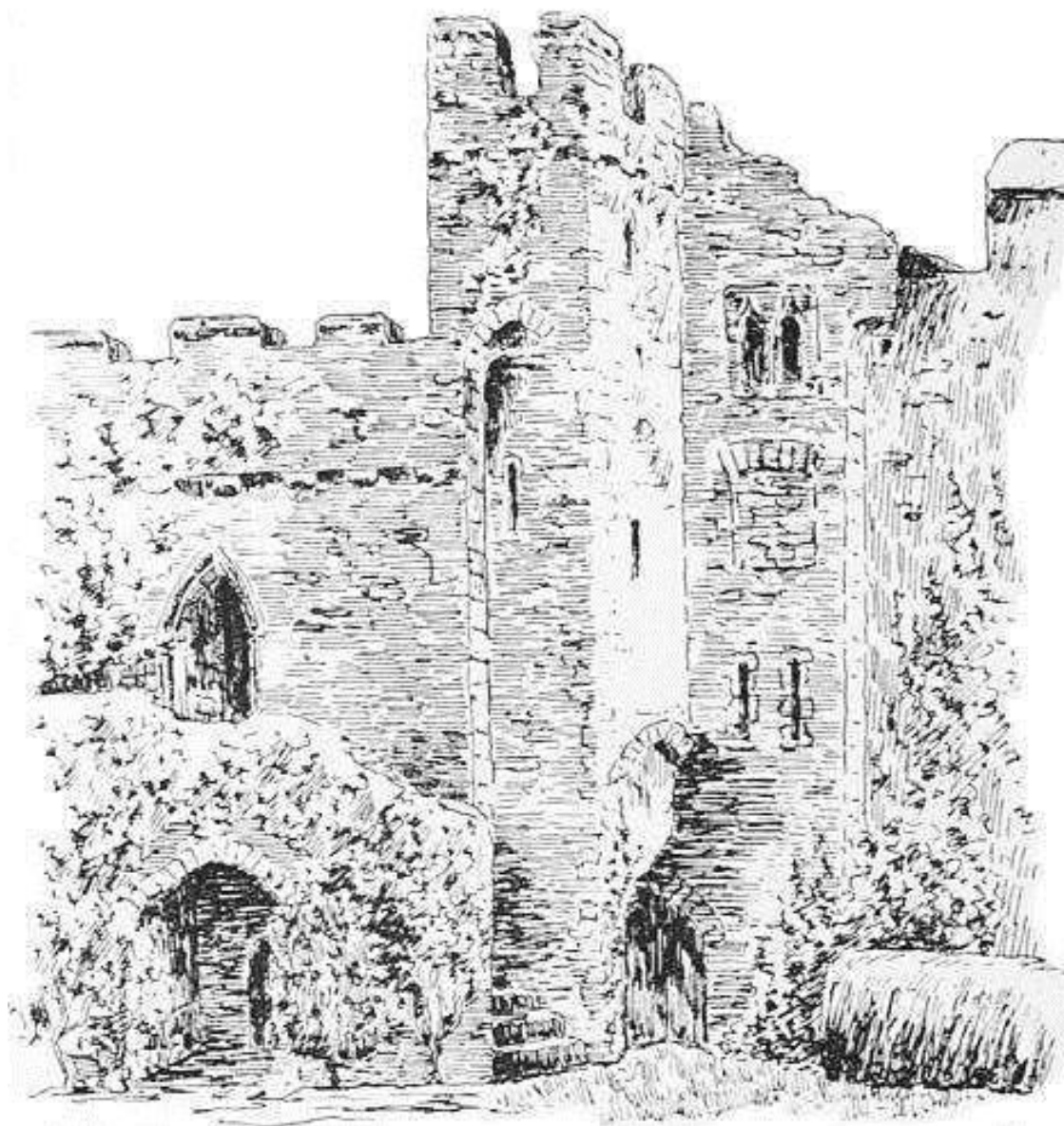
В жилых домах, часто дворцовых размеров, выросших внутри замков и достигших своего совершенства в тринадцатом и четырнадцатом веках, главными помещениями, помимо холла, были большая палата, кухня с ее кабинетами и часовня. Обычная планировка, как уже было показано, представляла собой холл на первом этаже с большой комнатой в одном конце и кухней в другом. План часовни не был зафиксирован, но там, где она являлась частью блока зданий, ее обычно можно найти в соединении с большим камерным концом зала.

Можно вкратце перечислить основные моменты зала. Вход неизменно находился в боковой стене рядом с внутренним двором, в конце, ближайшем к обычному месту для кухни. Этот конец был отгорожен от зала занавесками или деревянной перегородкой с одной или несколькими дверями. Это исключало сквозняк; в то время как образованный таким образом проход обычно перекрывался собственным потолком, пространство над ним образовывало галерею, в которую можно было попасть через щели в углу торцевой стены. В дальнем конце зала находилось возвышение с высоким столом, под прямым углом к которому были расставлены длинные столы в центре зала. Зал был перекрыт высокой деревянной крышей, основу которой составляли выступы в боковых стенах. В ранних примерах тепло обеспечивалось большим очагом в середине пола, немного ниже помоста, дым из которого выходил через жалюзи в крыше наверху; но стало обычным устраивать камин в одной из боковых стен.²⁴⁰ Свет проникал через оконные проемы в боковой стене рядом с палатой; но там, где внешняя стена замка была защищена от нападения, как в Уорике или Ладлоу, окна были сделаны и там. Эти окна обычно состояли из двух плафонов, разделенных средником, с простым узором в верхней части. У них также была фрамуга, ниже которой они закрывались ставнями, причем только верхняя часть окна была застеклена. В холле в Ладлоу, датируемом примерно 1300 годом, рядом с палатой было три двухсветных окна, в то время как занавеска была прорезана тремя односветными отверстиями. Очаг находился в центре зала, прямо под помостом, и к нему вела опора в подвале под ним. В пятнадцатом веке среднее окно рядом с палатой было заделано и установлен камин: затем очаг убрали. Холл служил главной гостиной дома, и в нем большая часть свиты лорда не только ела, но и спала.

Большая палата со временем стала ядром ряда частных апартаментов. В самых простых примерах это прямоугольное помещение за помостом, сообщающееся с ним непосредственно через дверной проем с одной стороны торцевой стены. Там, где холл занимал первый этаж, вход в него представлял собой тиски, или, как в Уоркуорте, прямую лестницу. В Ладлоу, где кухня располагалась в отдельно стоящем здании, и в Стокси (²⁰⁷), в обоих концах холла были комнаты на первом этаже. Внутренние здания в Ладлоу расположены очень симметрично, холл в середине слегка углублен между двумя выступающими блоками здания, в каждом из которых есть комната на втором этаже (¹⁹⁵). Из них то, что находилось в восточном конце зала, за помостами, очевидно, было более важным; и в пятнадцатом веке именно с этой стороны был построен дополнительный блок частных апартаментов. С каждого этажа большого камерного блока можно было попасть в большую башню в стиле гарда: эта башня выступает из северной части замка и была пристроена, когда предыдущий зал был реконструирован, а зал и прилегающие к нему блоки приобрели свою нынешнюю форму.

Стокси

Замок Манорбье; Внешняя лестница в часовню

Замок Манорбье представляет собой интересный пример расширения внутренних построек с солнечными блоками в обоих концах зала. Замок стоит на возвышенности в глубокой долине, примерно в полумиле от моря. Внутренний двор, или собственно замок, окружен завесой, в восточной стене есть сторожка. Жилой дом находится на западной стороне прихода, в конце, противоположном главному входу, и состоит из двух отдельных частей. Первая состоит из холла на первом этаже и большой комнаты над подвалами. Над большой комнатой находился этаж, вероятно, служивший беседкой для придворных дам, зал, соответствующий по высоте этим двум верхним ступеням. Нынешний вход в зал находится в боковой стене в конце большой палаты и, вероятно, был сделан с внешней лестницей у стены в тринадцатом веке. Сам зал с прилегающими к нему зданиями, по-видимому, изначально был построен в конце двенадцатого века: подвалы внизу имеют полукруглые бочкообразные своды. Во второй половине тринадцатого века на противоположном или южном конце зала был построен новый блок зданий. Вероятно, именно сейчас был сделан новый вход. Положение помостов, по-видимому, было изменено на противоположное, а окно в южной торцевой стене зала перекрыто камином. За этой стеной, куда можно было попасть через дверной проем в ее западном конце, находилась новая большая палата, длинное,

узкое здание, главная ось которого находилась под прямым углом к оси зала, а этажом выше. В каждом конце южной стены этой квартиры есть проход. Тот, что в западном конце, проходит вдоль линии занавеса к башне в стиле гарда, которая выступает в юго-западном углу замка: проход все еще перекрыт плоскими плитами на непрерывных карнизах и хорошо освещен петлями в занавесе. Другой проход, расположенный в юго-восточном углу большой палаты, образует вестибюль большой часовни, которая была построена поперек юго-западного угла палаты, так что между ней и занавесом был оставлен небольшой треугольный дворик. В часовню ведет отдельная внешняя лестница (208), расположенная, как и лестница в холл, под прямым углом к стене. Вся группа зданий с двумя внешними лестницами не имеет себе равных по живописности в любом замке.

Кухня в Манорбье, во всяком случае, когда проводились перестройки в XIII веке (вероятно, около 1260 года), располагалась под прямым углом к холлу и более старой большой комнате, напротив северного занавеса. Из-за ограниченного пространства за занавеской и растущей необходимости отдельного жилья расположение кухни в замке было не таким постоянным, как в обычном жилом доме. В Беркли (186), где холл был построен напротив восточного занавеса внутреннего двора, кухня представляет собой многоугольное здание, отделенное от перегородок кладовой и занимающее более или менее нормальное место в плане. В Уоркуорте (49), как мы заметили, кухня находится на своем месте, недалеко от входа в конце холла, но, возможно, поначалу это было отдельное строение. Первоначальное расположение кухни в Кардиффе (191), похоже, соответствовало этому плану. Желательность размещения кухни в пределах легкой досягаемости от прихожей очевидна. В Кенилуорте, где великолепный холл, построенный в конце четырнадцатого века, занимает всю северную сторону внутреннего двора и находится на втором этаже над сводчатым подвалом, частные апартаменты образовывали крыло напротив западного занавеса двора, в то время как кухня находилась напротив восточного занавеса и была в пределах легкой досягаемости от лестницы, ведущей в холл, и коридора под ним, ведущего в подвал. Кухня в Ладлоу (106) представляла собой отдельное здание, расположенное напротив входа в холл и западного солнечного блока, у северной внешней стены небольшого внутреннего дворика, охватывающего цитадель. В двух великих замках эдвардианской эпохи - Конвее и Карнарвоне, где залы были большими, а пространство ограниченным, кухни были пристроены к занавесу напротив холла.241

Часовня также была переменным фактором в плане. Уже отмечалось, что в некоторых ранних замках часовня была коллегиальной церковью, стоявшей отдельно на территории замка, а иногда, как в Гастингсе, занимавшей вместе с домами декана и каноников или их заместителей очень значительную часть ограды. Действительно, почти все руины, оставшиеся за занавесом в Гастингсе, принадлежат большой крестообразной церкви и связанным с ней зданиям. В Ладлоу нормандская часовня представляла собой отдельно стоящее здание во внутреннем приходе (106). Это была частная часовня владельца замка, и в шестнадцатом веке она была соединена галереей с блоком зданий в восточном конце зала: затем неф разделили на два этажа, так что первый этаж образовал частную галерею, или солнечную, в то время как домохозяева использовали первый этаж. Этот метод разделения западной части часовни на два этажа очень распространен: он дважды использовался в Уоркуорте, как в часовне, пристроенной к уже описанным хозяйственным постройкам, так и в часовне более поздней башни на горе. Его также можно увидеть в часовне в Беркли и во многих усадьбах, например, в Комптон-Уайнитсе. В Ладлоу мы заметили, что во внешнем приходе была вторая часовня для гарнизона, построенная в четырнадцатом веке: с этим можно сравнить расположение Лондонского Тауэра, где королевская часовня Святого Иоанна находится в Белой башне, но гарнизонная часовня Святого Петра была построена на

северной стороне внутреннего прихода. Часовня в Кенилуорте находилась у южной стены внешнего прихода. В Алникике была часовня с южной стороны внутреннего прихода. Однако, как правило, предоставлялась только одна часовня. Часовни, найденные в башнях, уже обсуждались: за исключением Ньюкасла и Старого Сарума, они, как правило, были частными часовнями или просто молельнями.

В более поздних замках планировку часовни определяли два соображения. Он был расположен таким образом, чтобы алтарь находился как можно ближе к восточной стене и чтобы из частных апартаментов был прямой доступ к галерее в западном конце. Этим условиям соответствуют как более ранние, так и более поздние часовни в Уоркуорте: их можно проследить на плане Бодиама и других замков позднего средневековья. В Беркли (186), где солнечный блок находился под прямым углом к залу, напротив южного, или, точнее, юго-западного занавеса, часовня заполняет угол между зданиями, а вход замаскирован вестибюлем, из которого тиски вели в частные апартаменты. Алтарь расположен немного северо-восточнее, у стены в задней части помоста зала, а в галерею на противоположном конце можно было попасть из большой комнаты. Главная ось часовни находится под тупым углом к оси зала, а ризница была устроена в юго-восточном углу, где стена, отделяющая ее от зала, наиболее толстая. На планах великих валлийских замков конца XIII века часовня обычно находилась в тесной связи с домашними постройками. В Конвее, где также есть прекрасная молельня со сводчатым алтарем на втором этаже северо-восточной башни, часовня была образована за счет ограждения восточной части большого зала. В Харлече часовня была построена напротив северного занавеса, солнечный блок, вероятно, занимал угол между часовней и залом. Часовня в Кидвелли находилась на двух верхних этажах юго-восточной башни внутреннего прихода и находилась в тесной связи с залом и прилегающими к нему апартаментами. Красивая маленькая часовня в Бьюмарисе расположена несколько изолированно, на втором этаже башни, посреди восточного занавеса внутреннего двора. Единственное сообщение с холлом на северной стороне двора было через длинный и узкий проход в толще занавеса; а часовня слишком мала, чтобы служить для богослужений большого гарнизона. Однако все было устроено так, что, если бы вход в башню был оставлен открытым, за богослужением могли наблюдать верующие во внутреннем дворе внизу. Однако в большинстве случаев прихожанам было предоставлено достаточно места: часовня на первом этаже в Манорбье представляет собой помещение значительных размеров. Он имеет заостренный бочкообразный свод и возвышается над подвалом, который также имеет заостренный бочкообразный свод и содержит камин. Мода на создание университетских заведений в замках не прекращалась до конца средневековья. Часовня — третья в замке, строительство которой было начато в пятнадцатом веке в Уоркуорте, свидетельствует о намерении такого рода со стороны одного из графов Нортумберлендских; но фактические детали предполагаемого фундамента неизвестны и, вероятно, никогда не были отражены на бумаге.

ГЛАВА IX

ЗАМКИ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА: УКРЕПЛЕНИЕ ЗАНАВЕСА

Цитадель имела традиционное значение в схеме замка, и основная энергия строителей замка двенадцатого века была направлена на усиление его силы сопротивления. Но совершенствование осадной артиллерии, естественно, привлекло их внимание и к укреплению внешней обороны. Время частокола прошло, и каменный занавес требовал более научной обработки, чем это было до сих пор. Таким образом, в тринадцатом веке военные инженеры начали концентрировать свою изобретательность на внешних стенах и входах в замок. Постепенно их интерес переместился с крепости на занавес, и в то же время домашние дела в замке прекратились в пользу более удобных помещений у крепостной стены. Таким образом, по мере развития научной фортификации крепость отошла на второй план или вообще была исключена из плана.

пембрук: внутренняя сторона сторожки

Проследивая это постепенное исчезновение крепости, следует иметь в виду, что каменная крепость, когда мы впервые встречаемся с ней, на самом деле является дополнением к более прочному материалу, добавленному к ограде с частоколом. В ранних обнесенных стенами поселениях, таких как Ричмонд или Ладлоу, каменные укрепления делали ненужным специальное устройство крепости: весь замок, защищенный каменной стеной, сам по себе обладал силой крепости. Только когда стало вероятным, что каменный занавес может

оказать меньшее сопротивление, чем ожидали его строители, в обоих только что упомянутых замках была оборудована сторожевая башня. В обоих случаях башня стояла на переднем крае обороны главного подопечного замка. В первом случае он защищал занавес, в то время как, если бы все остальное не помогло, можно было бы продемонстрировать его использование, основное использование таких зданий, как окончательное место уединения для защитников. Во время правления Генриха II каменная крепость, будь то башня или раковина на насыпи, была доминирующей чертой замка с каменными стенами. В Конисбро и Пембруке (181) большая башня по-прежнему занимает свое почетное место, но занавеси квартала, в котором она стоит, были построены или реконструированы с целью эффективного фланкирования; в то время как две полукруглые башни, которые охраняли южный занавес внутреннего квартала в Пембруке, очевидно, были пристройкой после того, как была построена крепость. В таких замках, как Манорбьер, самые старые части которых относятся к поздней части двенадцатого века, строители вернулись к первоначальному плану киплесса Ричмонда и Ладлоу. Внимание, которое в более ранних замках уделялось единственному опорному пункту в схеме обороны, теперь было применено ко всей внешней стене замка, так что она начала представлять собой единый фронт для атаки.

Однако во время переходного периода замку, как мы видели, уделялось должное внимание. В Шато-Гайяр (163) он был неотъемлемой частью единого проекта, внешние укрепления которого еще предстоит описать. Большая башня находится в самой высокой точке внутреннего, или третьего, квартала, который образует неправильный овал. Но, прежде чем добраться до этого квартала, пришлось форсировать две внешние линии обороны. У осаждающей армии был только один возможный подход - вдоль перешейка на юго-восточной стороне утеса. С этой стороны сам замок был защищен мощным флигелем, который выходил под острым углом к перешейку. Когда Филипп Август начал использовать свои машины против замка в феврале 1203-4 гг., круглая башня на вершине этого сооружения-рога²⁴² была главным объектом его атаки. Наклонные стороны угла были обрамлены двумя меньшими круглыми башнями, в то время как вход, расположенный недалеко от северного угла, был прикрыт с одной стороны цилиндрической башней, которой, вероятно, соответствовала башня на противоположном занавесе. Роговое сооружение было окружено внешним рвом. Осадные машины, по-видимому, мало повлияли на прочность завесы. Бреши, как здесь, так и во внутреннем дворе, не делались до тех пор, пока шахтеры Филиппа не ослабили каменную кладку, пробуравив под ней галереи. Очень глубокий ров с перпендикулярными сторонами, вырубленный в мелу, тянулся поперек всего гребня и отделял надворную постройку от средней, которая была увенчана по углам цилиндрическими башнями и вмещала здания, от которых сохранились фундаменты и несколько погребов, вырытых в мелу. Занавес этого отделения был продолжен вдоль поверхности обрыва и северо-восточного склона, так что практически закрывал внутреннее отделение. Две палаты, однако, не были концентрическими, поскольку внутренняя палата занимала один конец пространства, окруженного средней палатой, от которой она была отделена рвом. Стена внутреннего двора была самым замечательным и оригинальным оборонительным сооружением замка. Вся его внешняя поверхность, за исключением стороны рядом с обрывом, была образована рядом выпуклых кривых, пересекающихся друг с другом, так что не осталось ни одной плоской поверхности. Стена прочная, и, глядя на ее рифленую внешнюю поверхность, мы вполне можем восхититься военным мастерством Филиппа, который счел ее не слишком серьезным препятствием. Ворота на восточной стене вели во внутренний двор из самой узкой части среднего двора, и ров в этом месте первоначально пересекала каменная дамба. Выступающий отрог большой башни был обращен к воротам. Весь внушительный дизайн был совершенен с точки зрения фланкирования, в то время как план был шагом к концентрическому расположению одного

квартала внутри другого. Выступающая на плане крепость была, однако, архаичной чертой; и история осады 1204 года очень ясно показывает, что большая башня была практически излишеством, и что последние надежды защитников были сосредоточены на стене внутреннего двора. Когда шахтеры Филипа поставили под угрозу его устойчивость, и его машины были пущены в ход на ослабленной каменной кладке, их надежда была потеряна.²⁴³

Изобретательское мастерство, проявленное во внутренней стене Шато-Гайяр, больше не демонстрировалось в том же виде. Но уступ в обрамлении занавеса круглыми башнями виден в стене Конисбро (²¹⁷). Здесь внутренний двор имеет почти овальную форму, а южная половина занавесы, в которой находится вход с внешних укреплений, укреплена небольшими массивными башнями с подпорными основаниями, выступающими примерно на две трети окружности от стены.²⁴⁴ Такие сплошные выступы для фланкирования встречаются в Скарборо и Кнаресборо, и при необходимости их можно легко добавить к более ранней стене. Для удобства защитников, однако, были желательны башни большего размера с комнатами на каждом этаже; и фактическое улучшение оборонительных сооружений куртинии проявляется в увеличении числа таких башен, чтобы ни одна часть стены не оставалась незащищенной с флангов. Круглая или многоугольная форма была принята для них почти повсеместно.

конисбро: барбакан в иннер-бейли

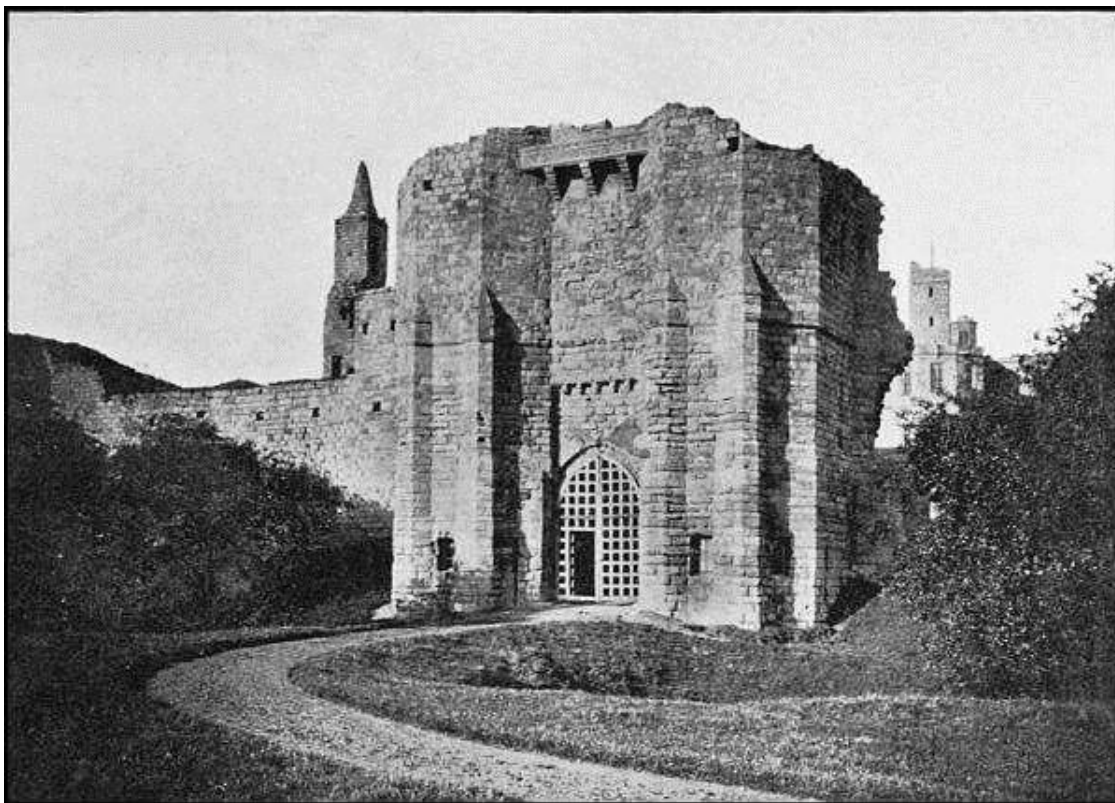

замок манорбье с юго-запада

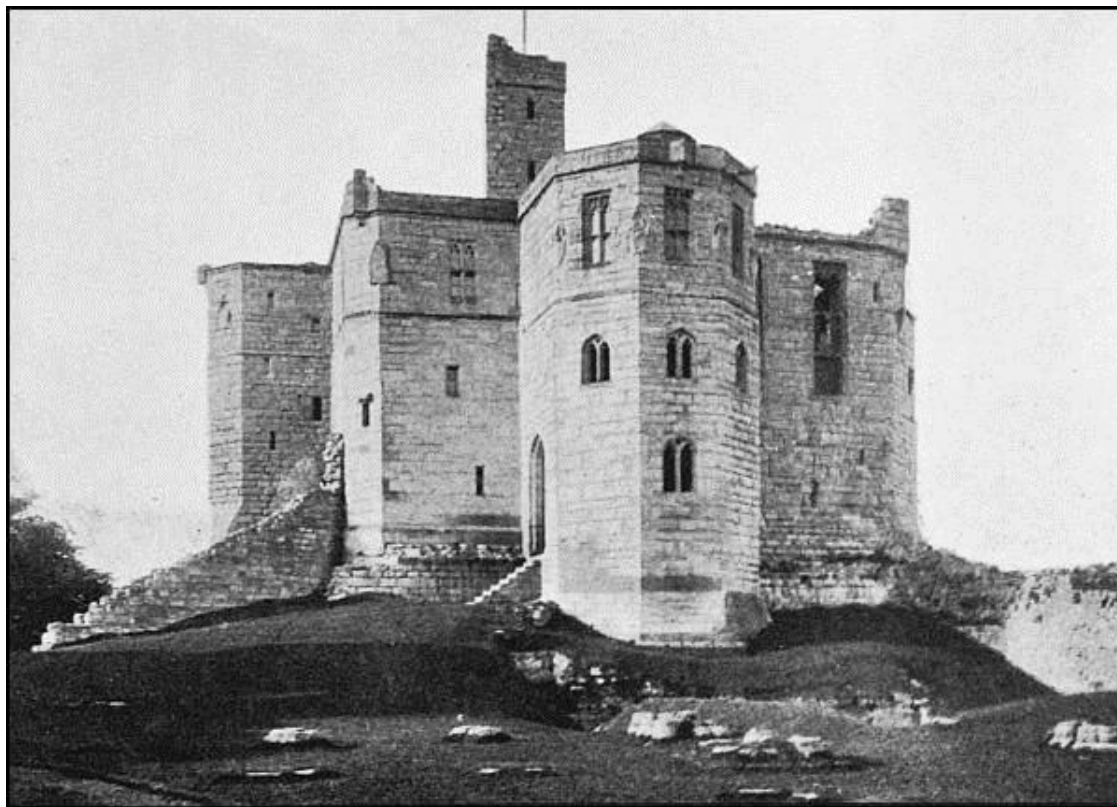
Уоркворт (49) - пример замка двенадцатого века, в котором был сделан подход к достаточно защищенному занавесу, хотя и с большими расстояниями между башнями. Расположение, однако, полностью контрастирует с бессистемным выступом башен из более ранних штор, как в Ладлоу. Замок стоит высоко на правом берегу реки Коке: река огибает его, так что единственный ровный подъезд - с плато на западной стороне, а город поднимается по полосе суши между замком и рекой.²⁴⁵ Гора находится на вершине территории замка, непосредственно над городом. С западной стороны ограды крепкий и толстый занавес не прерывается никакой башней: с внутренней стороны находятся хозяйственные постройки. Южную стену, на которой находится сторожка, обрамляют две угловые башни: на западе - башня, известная как "Крадифаргус", а на востоке - квадратная башня, называемая Амблтауэр. На восточной стене, которая командовала подъемом из города, есть башня в половину восьмиугольника, на каждой грани которой есть огромные петли для арбалета, чтобы несколько лучников могли эффективно прочесывать путь снаружи своим огнем. Из этих башен Крадифаргус выступает за ограду замка под тупым углом, его стены с этой стороны являются простым продолжением занавеса. В подвал можно было попасть из подвала за залом, на первый этаж - из большой комнаты наверху, а на второй этаж - по лестнице в толще стены из вестибюля или лестничной площадки к западу от большой комнаты. Восточная башня полностью выступает наружу: ее внутренняя поверхность была плоской. Там был подвал и два этажа: на первый этаж вела внешняя лестница из палаты, но непонятно, как можно было попасть на второй этаж, хотя косяк двери все еще можно разглядеть. В восточной башне у входа в подвал и на втором этаже была гвардейская мантия: в Крадифарге сохранились только следы расположения гвардейских мантий. Хотя пространство, окруженное стенами, было большим, а фланговое прикрытие отнюдь не идеальным, две наиболее неприступные стороны крепости были очень надежными. Сторожка, построенная примерно в 1200 году (221), образовывала промежуточный выступ в

южной стене между Крадифаргом и Амбл-тауэром: ворота утоплены между двумя башенками в форме половины восьмиугольника. Предпочтение многоугольных форм для защиты этого замка довольно характерно для севера Англии. Однако в этом районе царил консервативный дух, который проявился в сохранении прямоугольной формы Амбл-тауэр. Даже в замке четырнадцатого века, таком как Данстанбург, угловые башни имеют прямоугольную форму; в то время как “пеле-тауэр” на северных границах на протяжении всего средневековья не демонстрирует существенных отклонений от квадратной формы.

Важность, придаваемая сторожке в Уоркуорте, была знаменем времени. Мы видели, как в Льюисе и Тикхилле первой мыслью строителей было снабдить свои земляные сооружения каменным входом. Нормандские сторожки были очень просты в конструкции. Сторожка в Уоркуорте, с другой стороны, была далеко не простой по своему устройству, и для ее защиты было предпринято все возможное. В замке три этажа, самый нижний из которых представляет собой сводчатый входной зал, окруженный на первом этаже полуосьмиугольных башен помещениями охраны, описанными в "Обзоре 1567 года" как домик привратника и тюрьма. Защита прохода требует пристального внимания. Вход был закрыт воротами, которые открывались наружу и находились примерно в 4 футах перед опускающей решеткой: пространство между ними контролировалось петлями для стрел в стенах караульных помещений. Подъемная решетка, по-видимому, была сделана со второго этажа сторожки:²⁴⁶ верхняя и более широкая часть проходила в канавке, которая заканчивалась на уровне струнного хода под сводом прохода, в то время как нижняя спускалась к земле. За опускающей решеткой проход находился под наблюдением через поперечные петли в боковых стенах. Хранилище заканчивалось в 5 футах от внутренних ворот, и проход был перекрыт деревянной крышей. По обе стороны от внутренних ворот находились входы в караульные помещения, которые тянулись по обе стороны всего прохода.

уоркворт: гейтхаус

уоркворт: башня на горе

План замковой сторожки в Уоркуорте соответствовал плану подавляющего большинства средневековых сторожек, будь то в замках или в стенах укрепленных городов. На первом этаже главного блока здания, который обычно имел два верхних этажа, находился входной зал, и по бокам от него располагались две цилиндрические или восьмиугольные башни, самые нижние этажи которых служили помещениями для охраны и были пронизаны петлями, контролирующими подход и проход. Обычно ворота располагались в задней части арочного углубления, которое образовывало крыльцо. Расположение ворот и опускающей решетки в Уоркуорте было довольно необычным. Обычно опускающая решетка опускалась перед воротами, которые открывались внутрь, и при закрытии крепилась одним или несколькими засовами. Это, однако, было невозможно там, где ворота, как в Уоркуорте, открывались наружу, так что обычное устройство пришлось изменить. Но, в то время как фактический план сторожки сохранил свои общие характеристики с небольшими изменениями, защитные сооружения у входа были усилены. Таким образом, Байвордская башня, внешняя сторожка Лондонского Тауэра, имела внешнюю опускающую решетку перед деревянной дверью, открывающейся внутрь, за которой находилась вторая опускающая решетка, перекрывающая вход во внутреннюю и более широкую часть прохода с деревянным потолком. В дополнение к этому, между внешней опускающей решеткой и воротами свод пересекался ребром, пронизанным тремя отверстиями, что позволяло защитникам преследовать атакующую сторону сверху, а также могло использоваться для укрепления ворот во время осады деревянным каркасом, верхние концы которого закреплялись в отверстиях. Такие отверстия, которые не были просто прорезями в своде, встречаются и в других местах, например, в сторожках замков Пембрук и Уорик, а также в западной сторожке города Саутгемптон. В этом последнем случае единственная прямоугольная надвратная башня выступала только с внутренней стороны стены, рядом с городом. Ворота прохода через первый этаж были защищены с внешней стороны только этими отверстиями: опускающих решеток было две, но обе находились с внутренней стороны ворот. Возможно, что такие

отверстия изначально были оставлены для фиксации центровки хранилища при его первом строительстве: они сходятся друг к другу и, вероятно, впоследствии не были засыпаны ввиду их использования в обороне.²⁴⁷

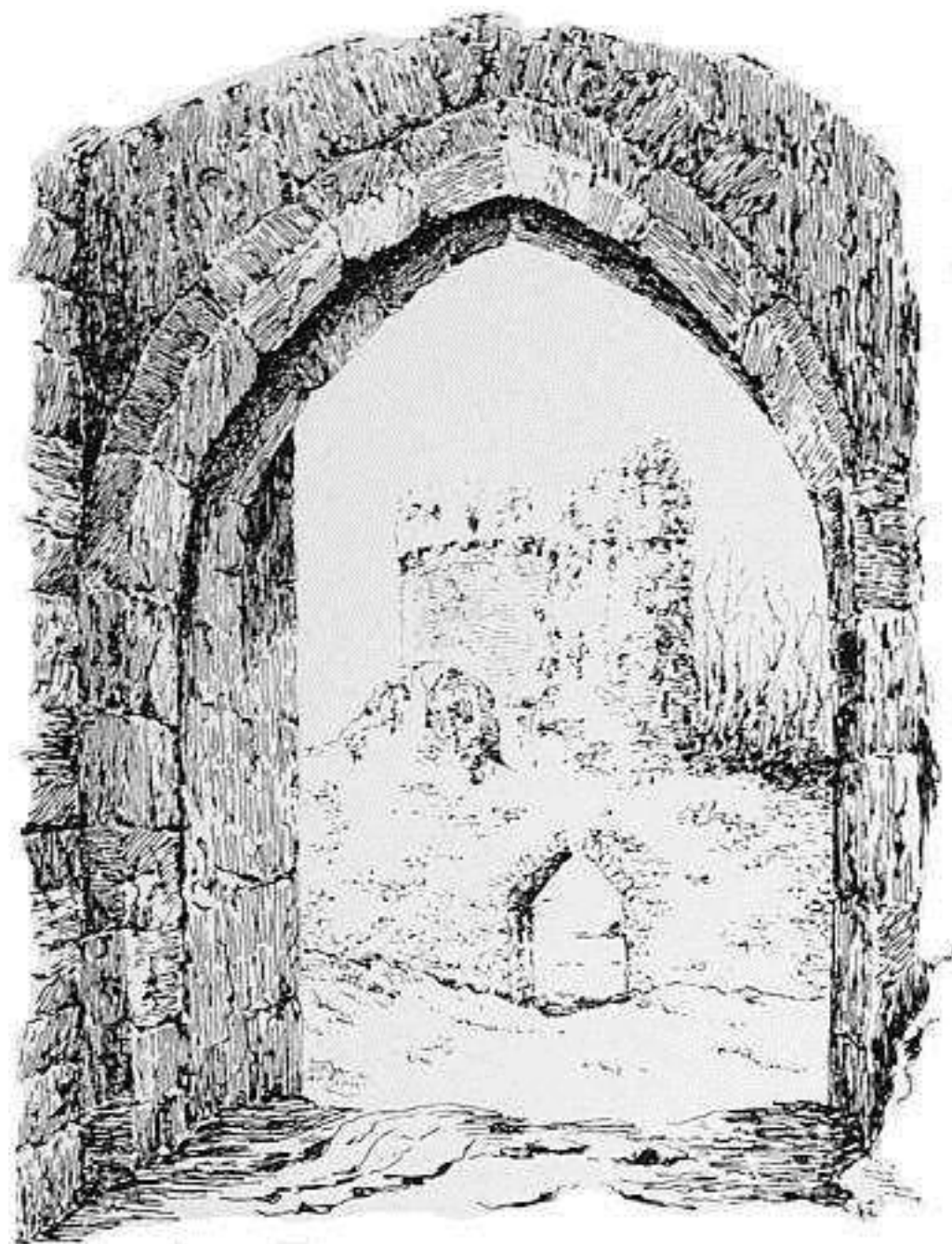
Однако одной из характерных особенностей защитных сооружений ворот с течением времени стало наличие механизмов в форме длинных прямоугольных щелей в своде прохода и в арке перед опускающей решеткой. В некоторых случаях, когда они возникают в связи с опускающей решеткой, они, возможно, использовались для изготовления тяжелой деревянной рамы, которая при случае могла бы усилить железный каркас опускающей решетки. В Уоркуорте нет оригинального устройства такого рода: стена первого этажа над воротами слегка выступает над рядом карнизов, но это было сделано просто для придания ей дополнительной прочности. Однако позже парапет в верхней части сторожки был убран, а промежутки между карнизами оставлены открытыми для установки механизмов. Начиная с конца XIII века, обычным порядком, как в Чепстоу или Татбери, было переносить парапет на арку перед главным фасадом сторожки, от одной башни к другой, и оставлять пространство между парапетом и главной стеной открытым, так что он выходил на поле непосредственно перед опускающей решеткой. Эффект углубления передней части сторожки в высокую наружную арку великолепен с точки зрения дизайна. Дизайн сторожек достигает наивысшей точки в большом сторожевом доме Денби с его восьмиугольным залом у ворот и в Королевских воротах в Карнарвоне, где ограждающая арка, разделяющая две нижние ступени сторожки, поддерживает внешнюю стену верхнего этажа (²⁵³).

Замок Пембрук; Внутренние ворота

В некоторых случаях, как, например, в Пембруке (224) и Кидвелли (225), где проход в сторожку был защищен внутренней и внешней опускными решетками, в хранилище имеется целых три прохода или щели между внешним и внутренним входами. В Пембруке, где сторожка имеет необычную особенность в виде двух фланкирующих башен (213) полукруглой формы, со стороны, следующей за палатой, от одной башни к другой на некотором расстоянии перед внутренним арочным проходом была перекинута арка. Трудно понять, как этот внутренний барбакан, как его можно было бы назвать, предназначался для использования в уже хорошо защищенных воротах; но пространство внутри него, возможно, было перекрыто деревянной платформой, доступной с первого этажа сторожки, с которой можно было контролировать внутреннюю часть замка, и врагу, взломавшему вход, можно было серьезно досадить. Свод входного прохода обычно представлял собой заостренный бочкообразный свод, укрепленный поперечными ребрами через равные промежутки; но более широкое пространство в центре прохода часто перекрывалось, как в Байворд-тауэр,

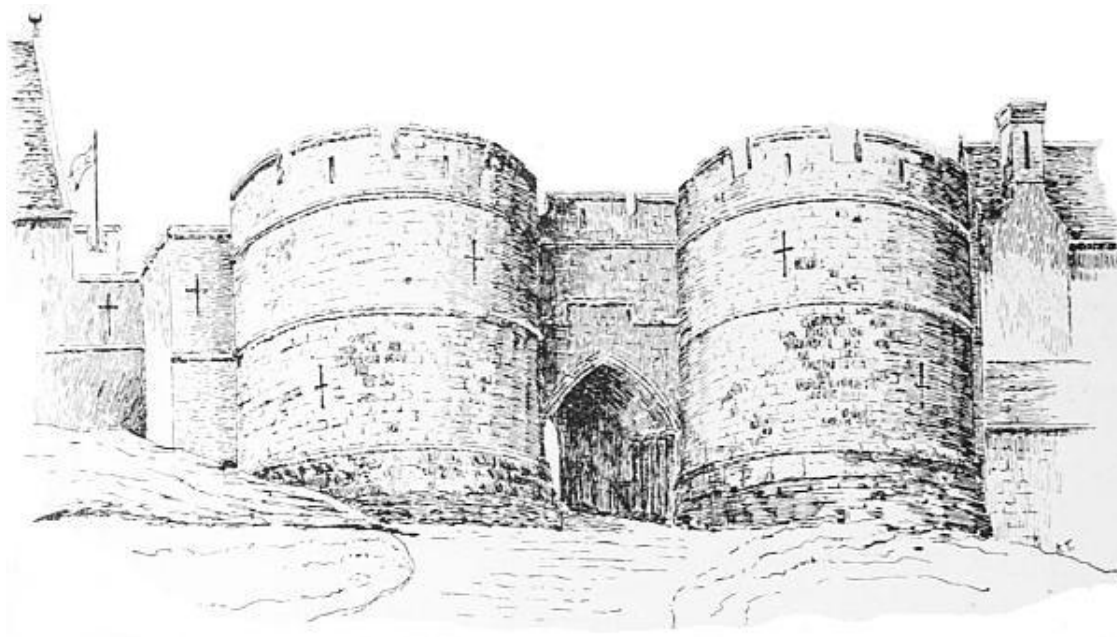
бревнами. Входные проходы внутренних ворот Харлеха (274) и Бомариса (236) были перекрыты деревянными перекрытиями, поддерживаемыми поперечными ребрами из камня с небольшим промежутком между ними.

Замок Кидвелли; Интерьер ворот

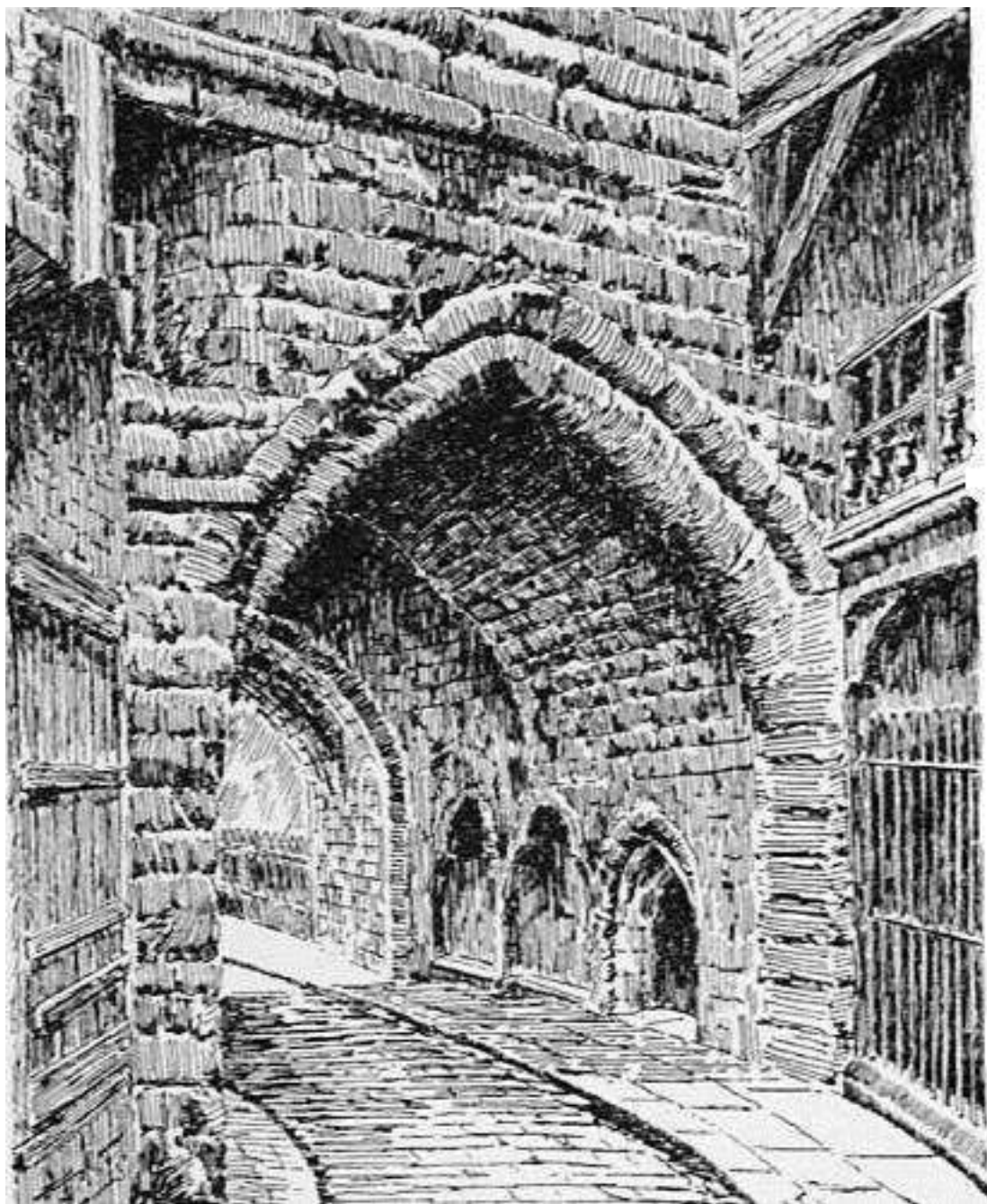
Первые этажи боковых башен сторожки обычно были сводчатыми. Ложи, из которых велся вход в башни, по каждую сторону внутреннего прохода, имели каменные потолки, когда сам проход был сводчатым по всей своей длине, или когда они образовывали одно помещение с цокольными этажами башен. Обычный план, однако, состоял в том, чтобы рассматривать фланговую башню как внешнее караульное помещение, куда можно попасть из внутренней сторожки. Если в плане он был цилиндрическим, то внутри имел форму многоугольника и был перекрыт ребрами, выступающими из шахт по углам.²⁴⁸ Этот план можно увидеть в башнях Байвард и Миддл Лондонского Тауэра. В обеих башнях внутренняя часть прохода была перекрыта бревнами, а прилегающие помещения образовывали вестибюли, ведущие к

сводчатым первым этажам башен. Однако в Средней башне левый вестибюль был занят тисками, ведущими на второй этаж; и в том же месте в башне Байуорд находится квадратная прямоугольная камера с ребристым сводом.

Рокингемский замок; Сторожка

Хорошей нормальной сторожкой, которую можно считать типичной для того периода, является сторожка Рокингемского замка (226). Его детали указывают на то, что он относится к более поздней части правления Генриха III. Он находится на восточной стороне ограды, и его проекция почти полностью направлена в сторону поля. План, как обычно, представляет собой прямоугольник с проходом через центр и с полуцилиндрическими башнями, выступающими по обе стороны от внешнего входа. Своды не использовались. Вход в проход осуществляется через крыльцо под опускающейся аркой, то есть стрельчатой аркой, два сегмента которой расположены от центров ниже линии подъема, и охранялся непосредственно внутри арки опускающей решеткой перед деревянной дверью. Во внутреннем конце коридора была еще одна дверь. Отверстия в боковых стенах прохода сообщались с прямоугольными камерами;249 а в восточных стенах этих были дверные проемы в полукруглые камеры внутри башен. У сторожки и ее башен был только один верхний этаж. В этом простом здании сразу вспоминается прямоугольная каменная сторожка раннего нормандского замка с ее верхней комнатой. Улучшение проявляется в замене первоначального входа центральным проходом, обрамленным камерами на первом этаже; в добавлении боковых башен научной формы; и в защите деревянных дверей железной опускающей решеткой.

Ньюкасл; Черные ворота

Сторожка в Ньюкасле, известная как Черные ворота ([227](#)), которая стала входом в замок в XIII веке, является примером более тщательно построенного и исключительного типа.

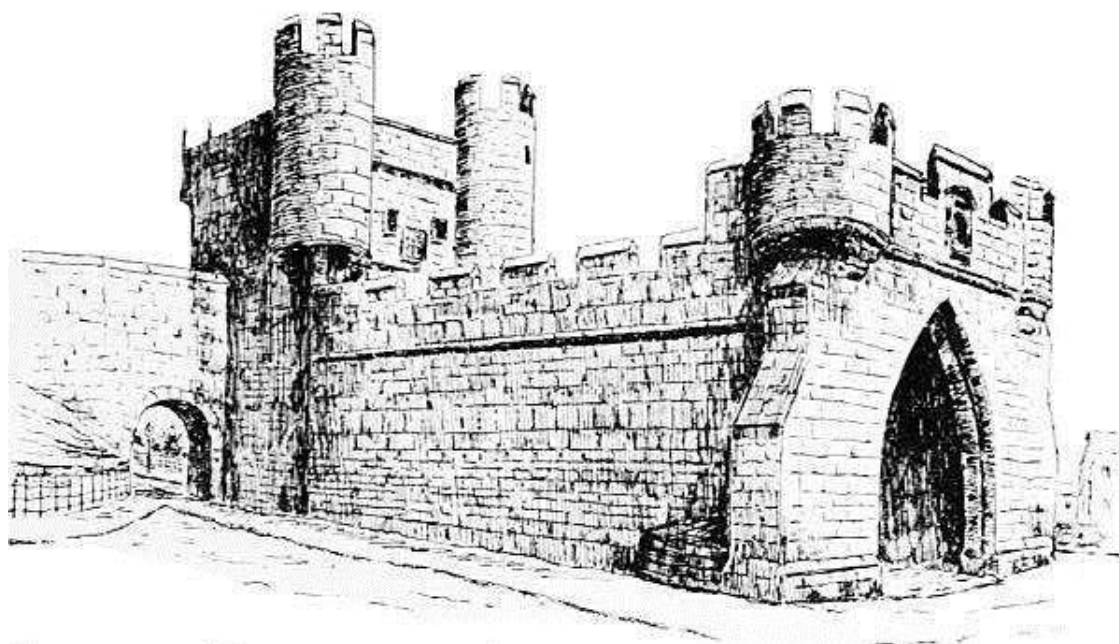
Планировка первого этажа сама по себе проста: центральный проход, обрамленный башнями с караульными помещениями. Башни, однако, представляют собой не просто выступы из прямоугольного корпуса, они широким выпуклым изгибом обрамляют все ворота. На первом этаже каждого из них есть большая единственная сводчатая комната, освещенная петлями, которые позволяли обитателям контролировать замковый ров. Архитектурные детали ворот очень просты, но в каждой из боковых стен есть короткая аркада из трехстворчатых арок, а своды караульных помещений представляют некоторые оригинальные особенности. Верхняя часть сторожки была сильно изменена в семнадцатом веке. Оригинальный дизайн с его большими сегментарными боковыми башнями, возможно, послужил прототипом еще более благородной сторожки Данстанбурга, которая была построена почти три четверти века спустя.[250](#)

Город-крепость на осадном положении

Верхние этажи сторожки можно оставить для обсуждения, пока мы не придем к концентрическому плану, в котором сторожка стала зданием исключительной важности. Для военных целей единственной необходимой верхней камерой была та, в которой работал механизм, управляющий опускной решеткой. В полу этой комнаты был верхний конец паза, через который с помощью шкива в потолке поднималась или опускалась железная рама, которая висела здесь, когда ею не пользовались, чтобы закрыть вход вниз. Сохранилось

много примеров камеры с опускающей решеткой, например, в Berry Pomeroy и в Bootham bar в Йорке.²⁵¹

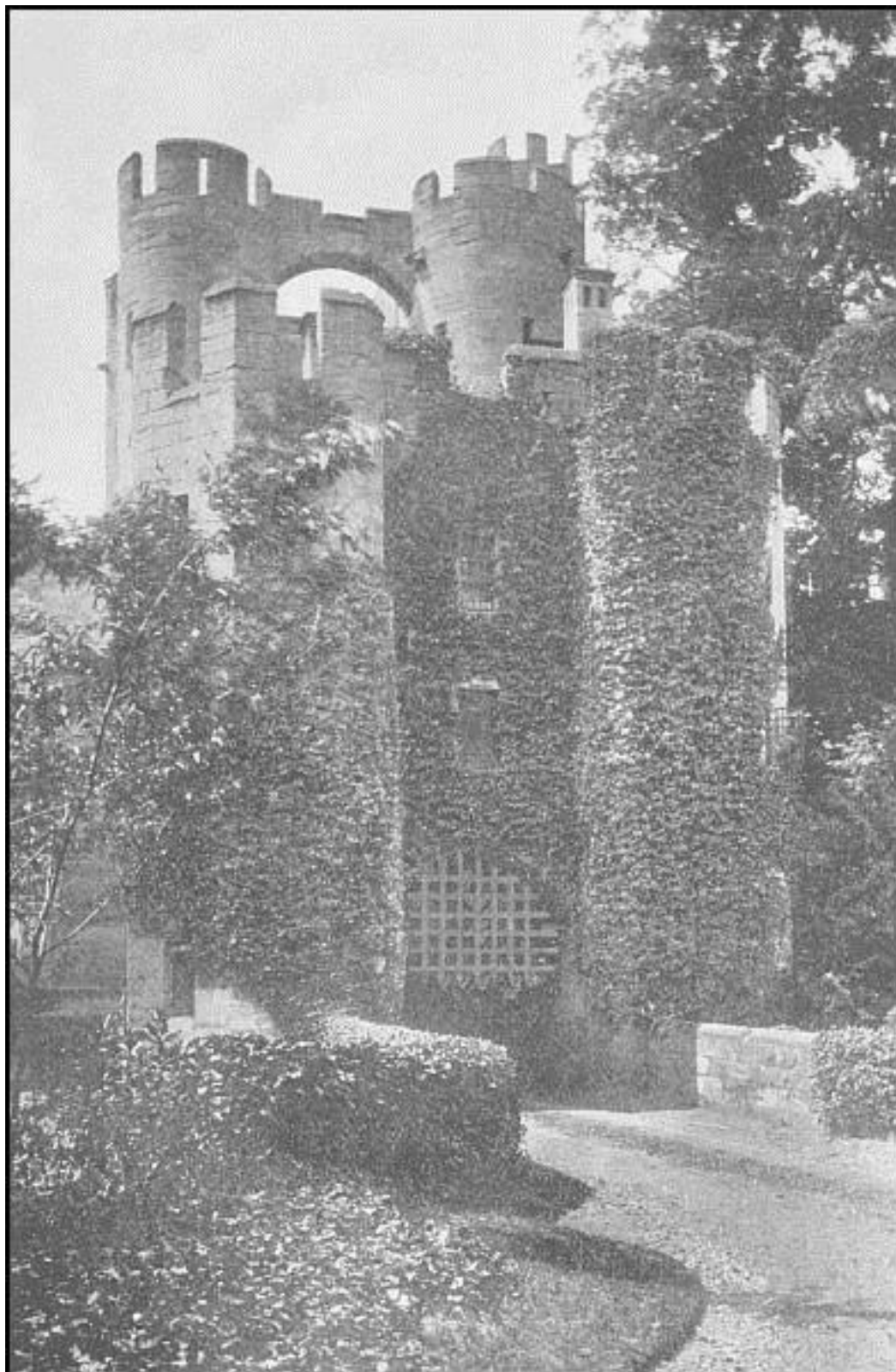

Йорк; Бар "Уолмгейт"

Вход в замок, при улучшенных условиях фортификации, был защищен надворной постройкой или барбаканом. Термин “барбакан”, который, по-видимому, имеет восточное происхождение, использовался без разбора для обозначения любого надворного сооружения, с помощью которого прикрывался главный подход к замку или воротам города. Слово “бармкин”, которое, возможно, как уже отмечалось, является искажением слова “барбакан”, применялось на севере Англии к внешнему двору “пеле”, или укрепленной (буквально, обнесенной частоколом) резиденции. Во многих замках, как, например, в Ладлоу, Денби или Манорбье, внешняя охрана была дополнением к плану замка, охраняя подход ко внутренней охране или собственно замку, а ее занавес был вспомогательным по отношению к сильно укрепленной завесе внутренней охраны. Такие внешние палаты или базовые дворы напоминают северные “бармкины”, точную параллель которым можно увидеть во внутреннем дворе укрепленного дома Вингфилда пятнадцатого века. Крытые надворные постройки ни в коем случае не были чем-то необычным, а также служили для барбакана. Как и в Шато-Гайяр, они могли иметь форму внешнего ограждения стеной, или, как в Лландовери, они могли представлять собой земляные укрепления в форме рога, насыпанные в незащищенном месте обороны; в любом случае у них был свой собственный ров, продолжение главного рва замка. Но сам барбакан представлял собой обнесенную стеной пристройку сторожки к полю, ограничивающую подход к ограниченному участку узкого прохода. Самым простым примером является барбакан перед баром Walmgate в Йорке (²²⁹), где сторожка, первоначально построенная в двенадцатом веке, была укреплена за счет добавления с внешней стороны двух параллельных стен под прямым углом к бокам ворот. Таким образом, чтобы взломать ворота, атакующей стороне пришлось бы пересечь длинный и узкий переулок между высокими стенами, в котором они были бы подвержены обстрелу защитников, сосредоточенному на них с крепостных валов сторожки и прилегающей стены.

Барбакан был, по сути, приложением к главному входу в замок формы защиты, которая до сих пор наиболее научно применялась к передней части крепости.²⁵² Его общее использование

в качестве внешней защиты было прямым следствием прекращения интереса к замку со стороны занавеса. Мало того, что сама стена должна была оказывать сильное сопротивление атаке, так что каждый пункт был одновременно занят активной обороной; но и основные подходы должны были быть расположены так, чтобы поставить противника в затруднительное положение. При защите основных путей доступа в город или замок мы приходим к бессознательному воспроизведению в камне методов, использовавшихся доисторическими строителями земляных работ. Опыт научил инженеров тринадцатого и четырнадцатого веков урокам, которые она преподавала создателям Мейден-Касла, и принятие концентрического плана укрепления последовало как нечто само собой разумеющееся.

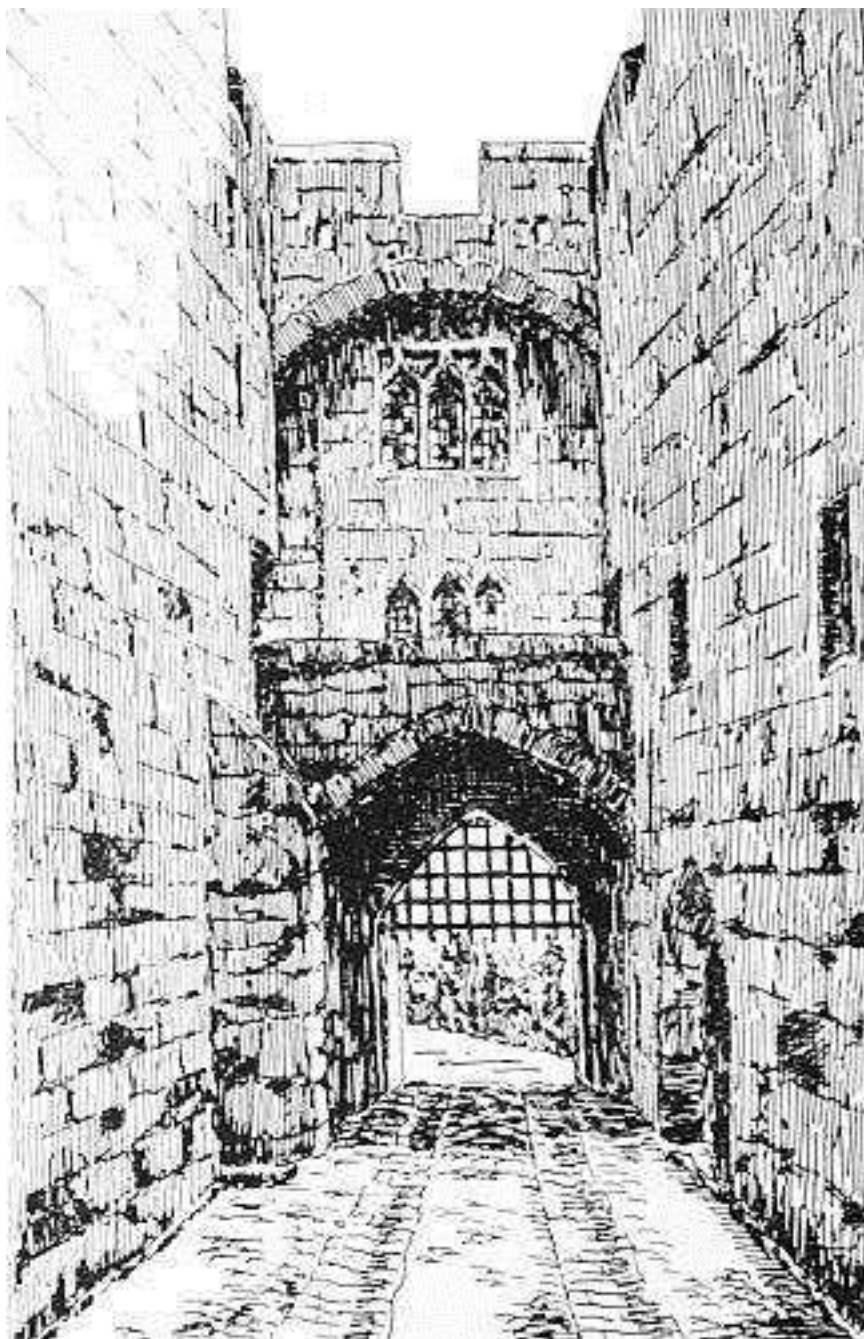

уорик: барбикен

Сужение главного входа в замок барбиканом хорошо видно в Бамбурге, Конисбро (217) и Скарборо (129). В первых двух случаях, из-за изолированного положения крепости и характера местности снаружи, основной подход в любом случае должен был осуществляться по тропинке, проложенной по крутому склону холма и непосредственно под завесой. Природа необычайно хорошо помогла Бамбургу, и ворота, окруженные двумя стройными круглыми башнями, находятся на уровне значительно ниже, чем вершина скалы; в данном

случае поднимающаяся дорога внутри ворот, вырубленная в базальте и контролируемая занавесом и крепостью за занавесом, была барбаканом замка. Холм, на котором был расположен Конисбро, представляет собой всего лишь крутой холм с широким внешним рвом на его менее обрывистой стороне. Внешняя защита, расположенная на юго-западной стороне рва, по-видимому, представляла собой земляное укрепление без каменных стен.²⁵³ Сторожка была установлена на краю рва, впереди и на более низком уровне, чем занавес внутренней палаты. Его устройство, насколько можно проследить, не намного превосходило устройство ранних каменных сторожек. Однако его боковые стены были продолжены по краю склона до входа во внутренний двор. Левая стена соединялась с углом занавеса на полпути к проходу; стена с правой стороны была продолжена так, чтобы закрывать внутренние ворота, которые находились под прямым углом к образованному таким образом проходу.²⁵⁴ Как и в Бамбурге, подход в этом случае представляет собой узкий проход между высокими стенами, охватываемый на всем протяжении от вала внутреннего блока и, на второй половине расстояния, проходящий непосредственно под ним. Проход такого типа с прямым поворотом в дальнем конце может легко стать смертельной ловушкой для осаждающих.

В Скарборо касл-клифф почти полностью отделен от города глубоким ущельем, и подход к нему осуществляется по узкому гребню между этой пропастью и северной стороной скалы. Сторожка, окруженная округлыми башнями, является частью небольшого обнесенного стеной флигеля неправильной формы, или барбакана, расположенного на внешнем изгибе оврага. Из этого *тет-дю-пон*, как его можно назвать, прямой проход, огороженный с обеих сторон стенами, пересекает верх оврага, по пути пересекая мост и огибая с левой стороны отвесный край утеса. На дальней стороне пространство расширяется, переходя во внешнюю палату, которая контролируется и почти перекрыта прямоугольной крепостью. Стена слева продолжается вдоль края утеса, в то время как стена справа, которая, как более открытая для атаки, намного толще, продолжается изгибом склона и присоединяется к южному выступу внутренней стены на его западной стороне.²⁵⁵

Замок Уорик; Барбикан

Уже приведенные примеры иллюстрируют меры предосторожности, которые предпринимали инженеры XIII века для защиты своих замков от неожиданностей и штурма; а устройства, обнаруженные в валлийских замках времен правления Эдуарда I. еще более примечательны. Следует отметить, что в трех только что упомянутых замках главная сторожка вынесена вперед к внешнему концу барбакана, который образует узкий проход, соединяющий сторожку с внутренним входом. Однако в замках конца тринадцатого и четырнадцатого веков барбакан был, как мы видим в баре Walmgate в Йорке, пристройкой к передней части сторожки. Этот метод прикрытия ворот внешними укреплениями можно увидеть в Кенилворте, где подход к внешней части замка через озеро, образованное запрудой двух речек, был разделен на участки тремя линиями обороны. Во-первых, внешний земляной вал, сегментный по форме и усиленный круглыми каменными бастиянами, охранял подход к первой сторожке. За этой сторожкой, которая образовывала *тет-дю-пон*, подобный Миддл-тауэру в Лондоне, длинная дамба со стеной на восточной стороне

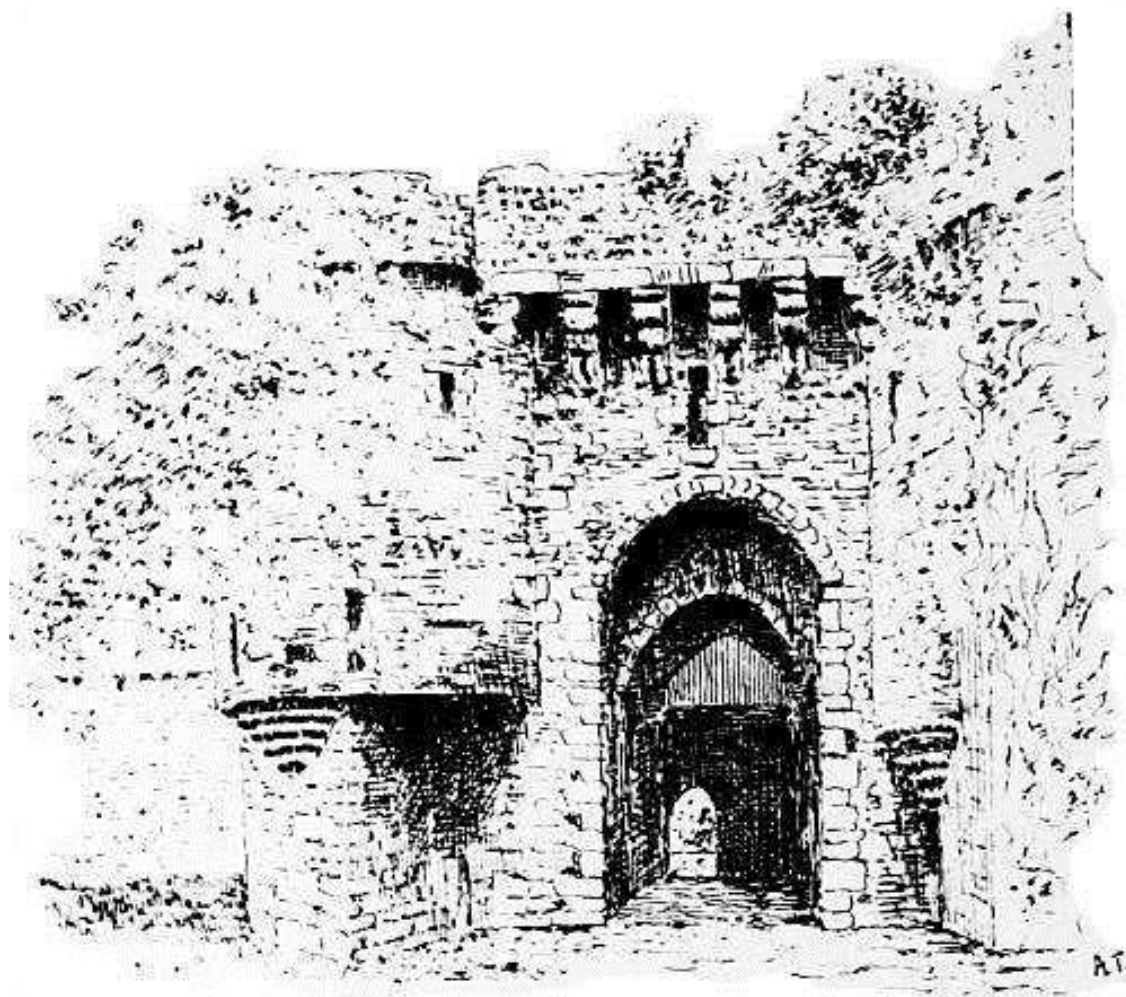
пересекала озеро и вела к мощной сторожке, известной как башня Мортимера, которая, охраняемая двумя опускаемыми решетками, стояла на конце плотины, перед занавесом. Но обычный барбакан, который был характерен для замков четырнадцатого и пятнадцатого веков, представлял собой не длинную и тщательно защищенную линию внешней обороны, а каменное здание, возведенное перед сторожкой, чтобы сконцентрировать атакующие силы на небольшом пространстве и предотвратить совместный штурм главных ворот. Таким образом, в более поздних примерах, таких как Уорик (231), Олнвик (243) и Порчестер, барбикены четырнадцатого века, обычно применялся сокращенный подход, представляющий собой прямую полосу между стенами. В Порчестере он расположен перед сторожкой внутреннего прихода двенадцатого века, которая в начале четырнадцатого века была перекрыта прямоугольным выступом, пронизанным боковыми дверными проемами, выходящими на уступ внутреннего прихода за занавеской. Собственно барбакан, построенный несколько позже, состоит из двух параллельных стен, ограждающих подъемный мост от основного двора или внешнего ограждения. Петля, прорезанная наискось в западной стене этого прохода, выходила к западным воротам внутреннего двора базы, так что можно было предотвратить внезапное нападение на барбакан. В этом случае, как и в Алнвике, подъезд к барбакану представлял собой подъемный мост; но в Алнвике, где подъемный мост пересекал внешнюю петлю замкового рва, сам ров был пересечен вторым подъемным мостом внутри барбакана.

Mont-St-Michel; Châtelet

В Льюисе, примерно в конце XIII века, к фасаду нормандской сторожки был пристроен барбакан, который имел почти тот же характер, что и сторожки в Порчестере и Тикхилле. Пристройка здесь приняла форму короткого прохода со стенами с каждой стороны, заканчивающегося на внешнем конце новой и высокой сторожкой, возвышающейся из середины внешнего рва замка, к которой ведет поднимающаяся дорога. Форма новой сторожки продолговатая, ее главная ось перпендикулярна дороге, но ее углы были увенчаны круглыми башенками, выступающими в точке у истока входной арки (98). Такие башенки известны как бартизаны и широко распространены во французской военной архитектуре тринадцатого и четырнадцатого веков. Они не были столь обычны в Англии и редко встречаются в таком масштабе, как в Льюисе: бартизаны меньшего размера, с выступом ближе к зубчатым стенам здания, в котором они расположены, можно увидеть в гейтхаусе в Линкольне и на углах башен Белси (313) и Чипчейз в Нортумберленде.²⁵⁶ Парапет сторожки барбикана в Льюисе вынесен вперед от стены на ряде карнизов, чтобы оставить место для

шести внушительных механизмов. Работа имеет некоторое сходство с *шатле*, которое прикрывает главный вход в укрепленное аббатство Мон-Сен-Мишель (235).²⁵⁷ Во Франции внешняя сторожевая башня, подобная той, что в Льюисе, или внешняя ограда, подобная той, что в Скарборо, носили название *шатле* или *бастилия*. Все подобные укрепления перед воротами, какое бы специальное название они ни носили, могут быть отнесены к категории барбиканов.

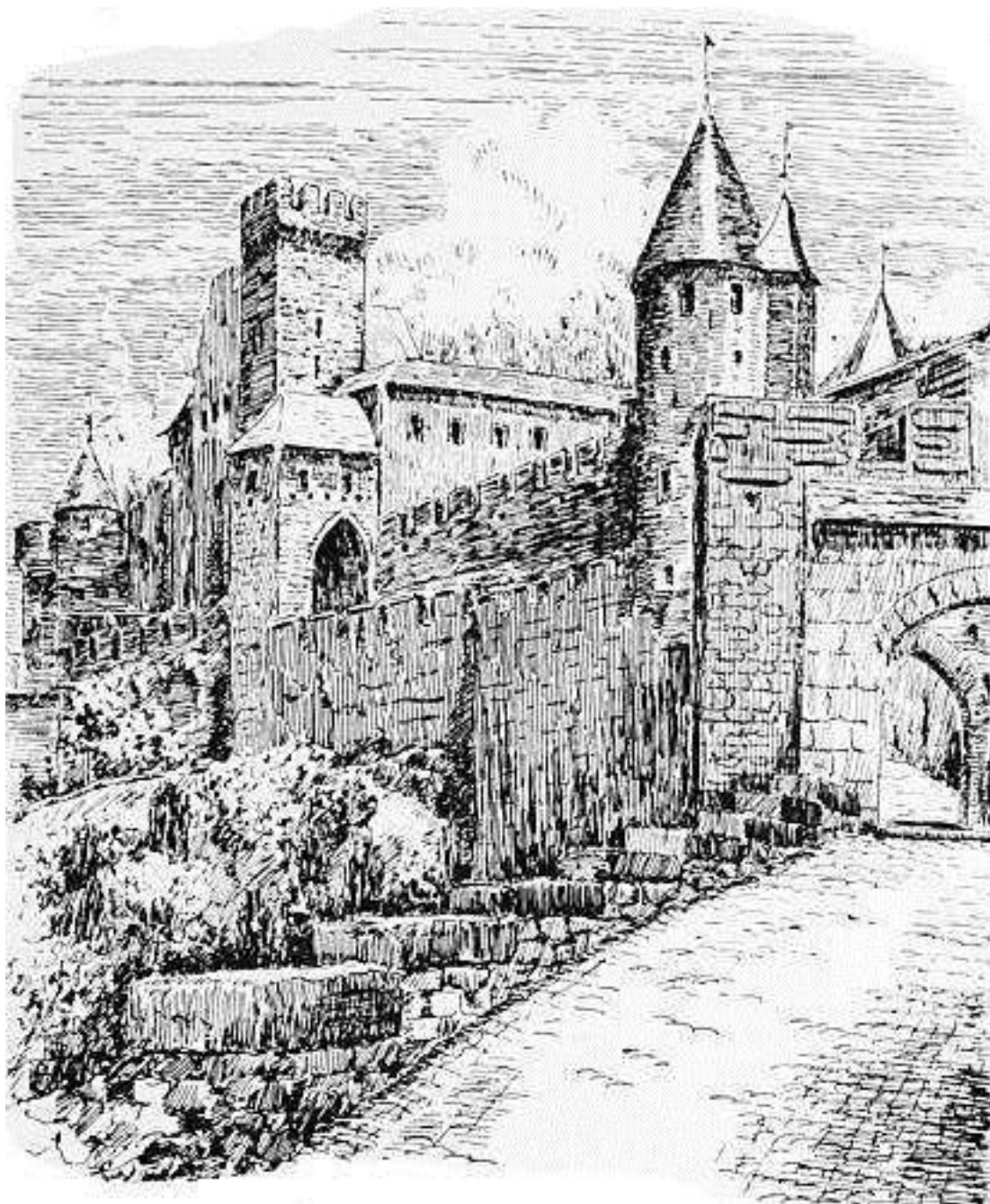
Замок Бьюмарис; Ворота

татбери: сторожка

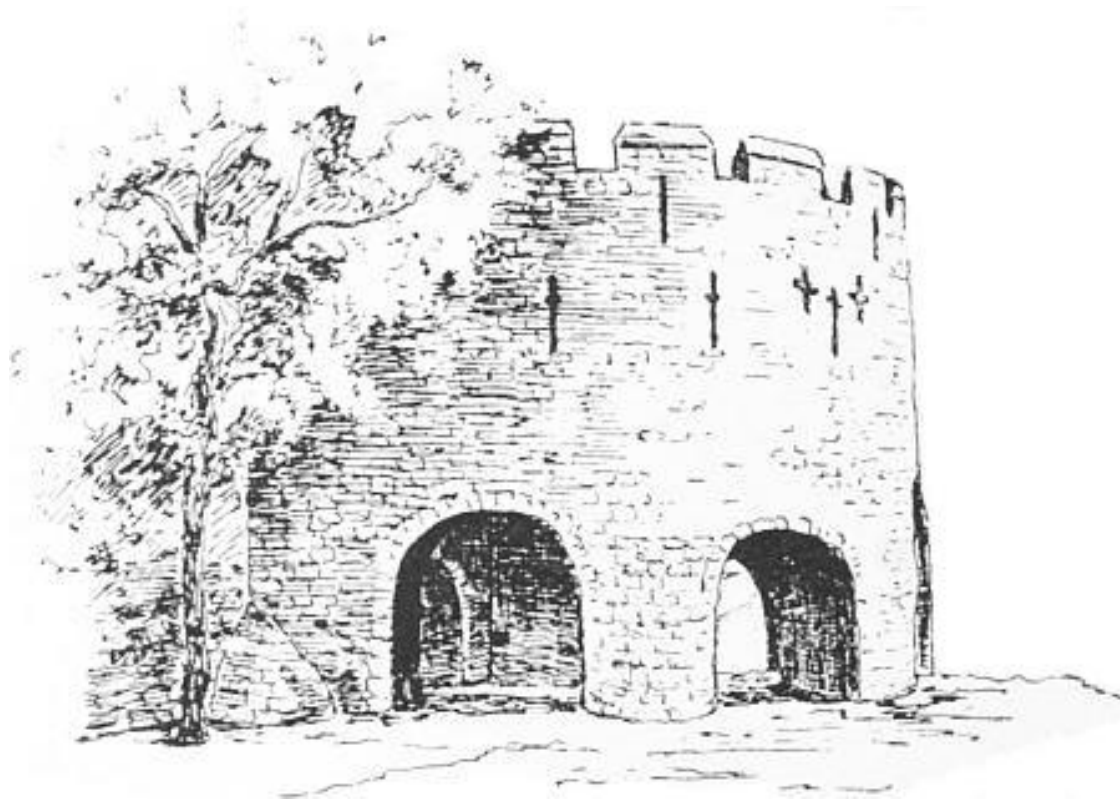
йорк: бар "Миклгейт"

Каркассон

В наивысших образцах военного мастерства в фортификации — например, в Конвее (254) и Бьюмарисе (236) — с величайшей осторожностью прикрывали ворота косыми или прямоугольными подходами, чтобы прямой доступ для врага был невозможен. Тот же метод преграждения пути врагу поворотами под прямым углом замечен во французских образцах фортификации, и особенно в воротах Каркассона (239). В Англии, однако, обычно предпочитался вход, защищенный барбаканом на прямой линии с ним; и даже в таких замках, как Кэрфилли и Харлеч, прочность входов зависела от расположения концентрических ограждений замка, и они не были подвержены приспособлениям и ловушкам, которые являются одной из главных особенностей Beaumaris. Хорошим примером наклонного подхода к замку XIII века является Пембрук, где главные ворота перекрыты открытым барбаканом, образующим прямоугольный вестибюль, вход в который находится в стене почти под прямым углом к воротам. Западные ворота Тенби перекрыты почти полукруглым барбаканом, первоначальный вход в который с пазом для опускной решетки

находился с северной стороны, так что, прежде чем добраться до ворот, нужно было повернуть под углом. Гораздо позже во внешней стене барбакана были проделаны другие отверстия, и сегодня это любопытное сооружение известно под вводящим в заблуждение названием “Пять арок”. Восточная сторона главного прихода замка Кэрю была защищена прямоугольным внешним двором, в который с поля можно было попасть через небольшую сторожку. Сторожка внутреннего прихода находится в южной половине восточной стены и окружена круглой угловой башней и башней, выступающей из середины стены. Внешние грани этих двух башен соединялись стеной, которая, таким образом, прикрывала сторожку и была прорезана дверным проемом, расположенным немного севернее главного входа, с косяками, наклоненными влево. Это давало доступ к замурованному проходу с верхним этажом, ведущему наискось к внутреннему входу. Поскольку эта сторона замка находилась на ровном месте и была сильно открыта, особое внимание уделялось охране подходов; однако была только одна опускающаяся решетка, на внутреннем конце главных ворот; но деревянные двери, четыре из которых нужно было миновать, прежде чем добраться до опускающейся решетки, были очень прочными, и каждая закрывалась несколькими очень массивными засовами.

Тенби, Западные ворота

Городские ворота в Тенби можно сравнить с Порт-де-Лан в Куси, которые также были покрыты полукруглым барбаканом. Однако, в то время как барбакан Тенби был непосредственно пристроен к стене, барбакан в Куси был отделен от ворот городским рвом и мостом и в целом был более сложным. Сам мост пересекал ров на двух участках, описывая тупой угол, на вершине которого возвышалась круглая башня. Дорога проходила через башню и поворачивала под углом к ее внутренним воротам, от которых вторая секция моста вела прямо к настоящим воротам. В Коуси были продемонстрированы все средства фортификации, в то время как в Тенби применение того же принципа было простым и непритязательным.²⁵⁸ Столь же виртуозно выполнен наклонный вход в замок Керак в Сирии, рядом с которым въезды в Пембрук и Кэрю не имеют большого значения.²⁵⁹ Длинный

прямоугольный замок Керак разделен на две почти равные части стеной, параллельной его главной оси. Главные ворота находятся на восточной стороне пересечения поперечной стены с внешней завесой; но вместо того, чтобы вести прямо в замок, тропинка поворачивает налево после прохождения через ворота и ограничивается длинным внутренним барбаканом, с конца которого надвратная будка под прямым углом ведет внутрь верхнего отделения.

Теперь станет понятно, какое значение, начиная с XIII века, придавалось воротам и подходам к ним, а также выдающемуся месту сторожки в концентрическом замке времен правления Эдуарда I. Теперь остается поговорить об обороне открытой стороны занавеса между башнями и о самих башнях. Прогресс в направлении эффективного фланкирования уже прослежен, и высокие занавесы в Дувре (126) или Лондонском Тауэре являются примерами научного фланкирования, достигнутого в результате длительного эксперимента. Башни возвышались над уровнем занавеса, и в них можно было попасть на второй этаж со стороны крепостного вала, которым они командовали. Прогулка, на самом деле, проходила через башни, как ее до сих пор можно увидеть проходящей через сторожки в Йорке. Таким образом, каждая башня была ключом к определенному участку стены; и, как обнаружили крестоносцы в Антиохии, стену можно было взять, только захватив несколько башен, каждая из которых охраняла отдельный участок.

Внешняя лестница на башню и вал-прогулка по городской стене

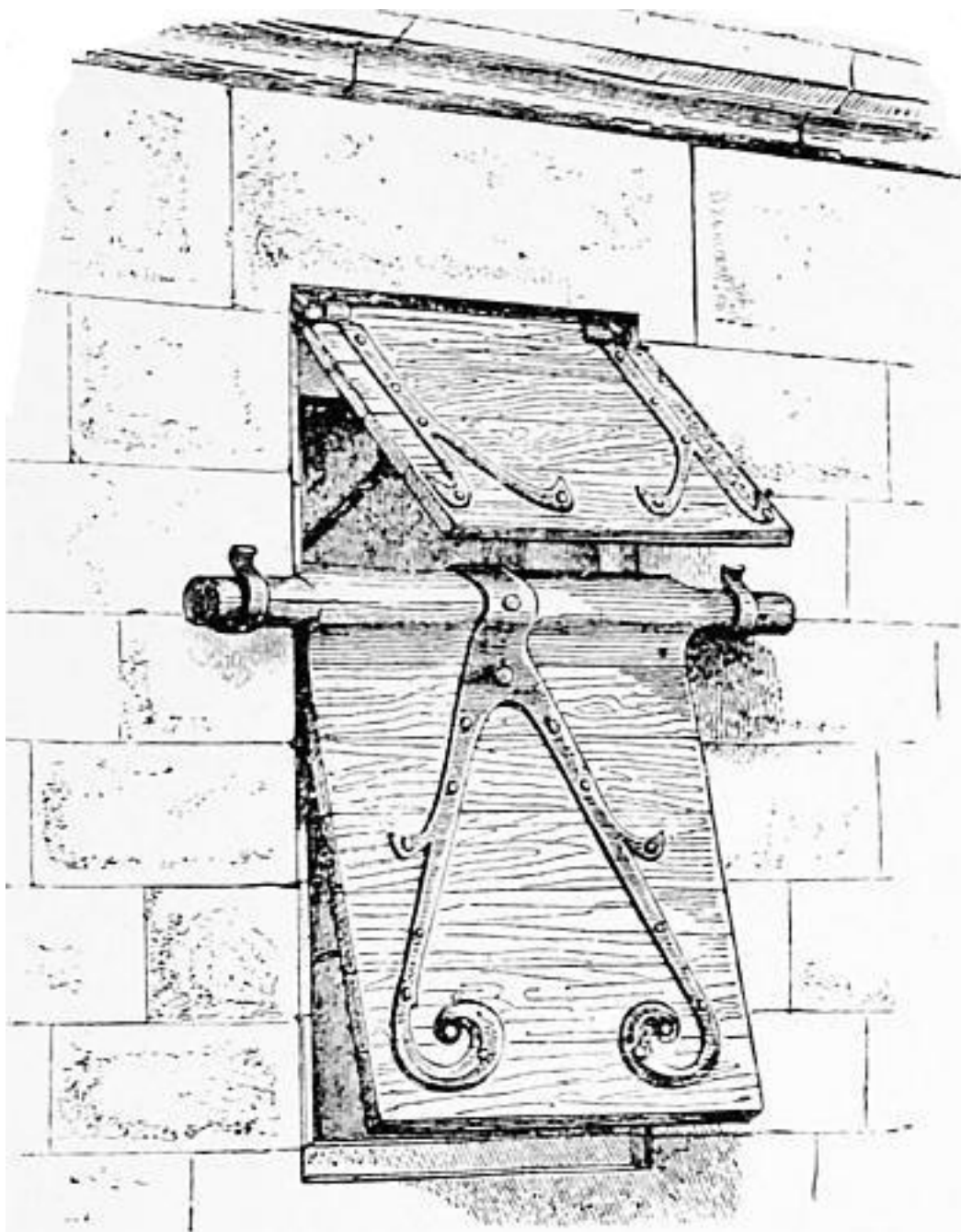
Каркассон

олнвик: барбикен

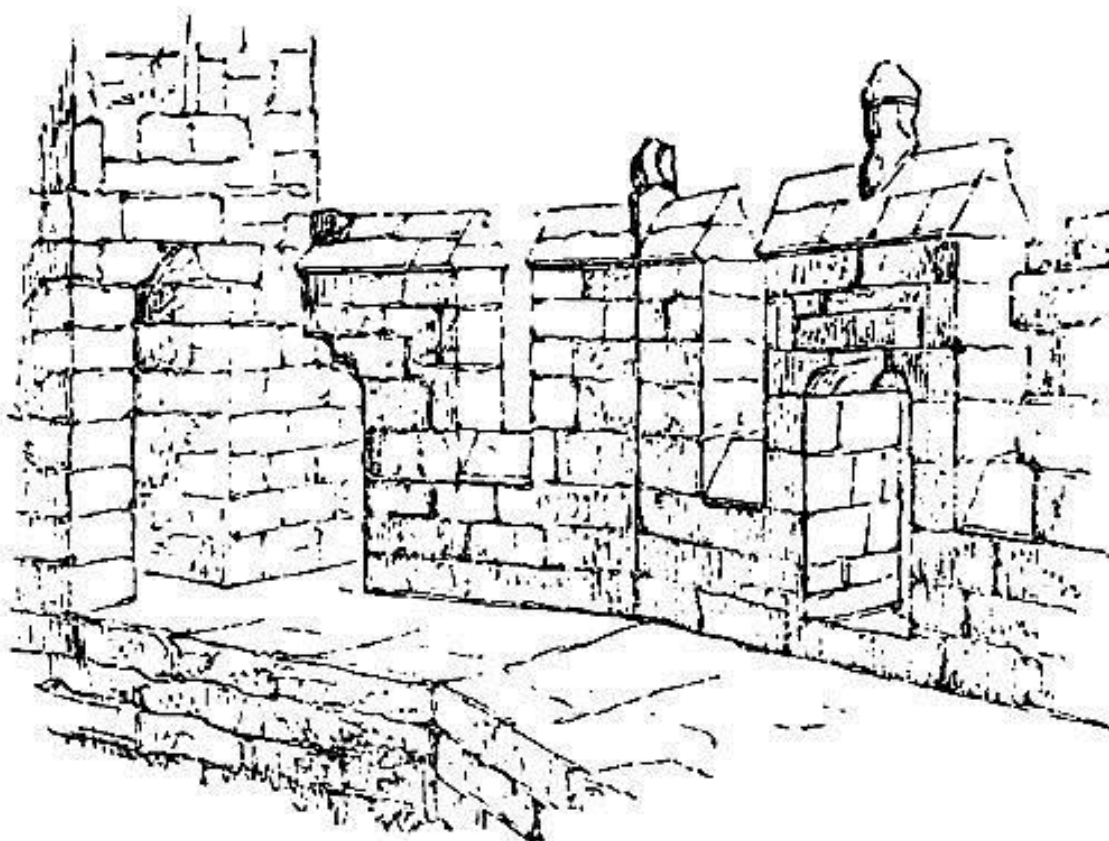
олнвик: сторожевая башня

Отверстие для закрывания ставней в стене или парапете

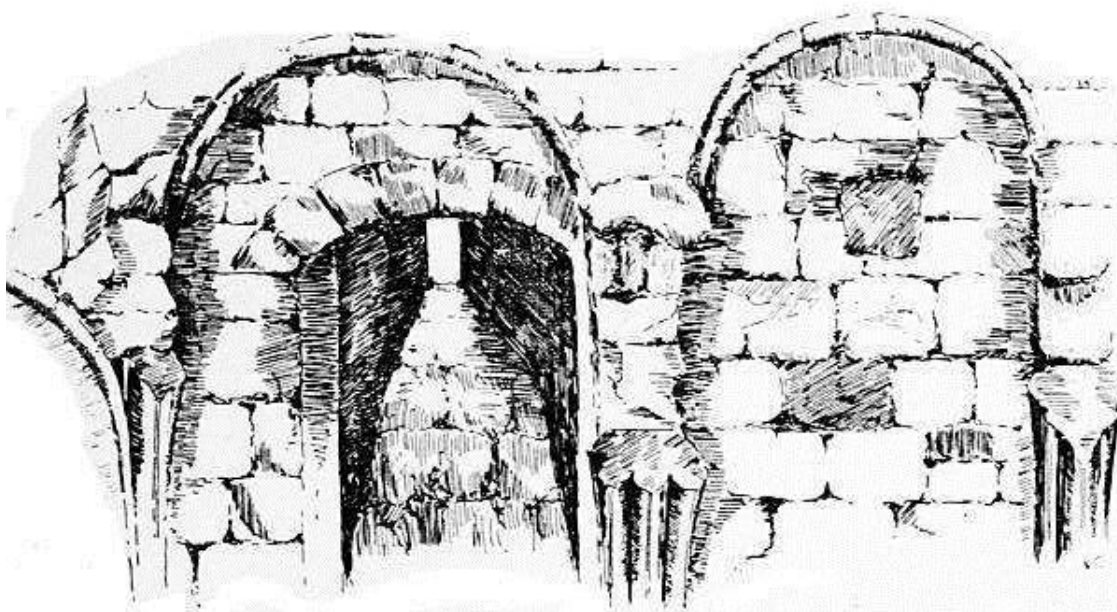
Проход между башнями, как и в древнейшие времена, занимал верхнюю часть стены и был защищен зубцами с внешней стороны, а иногда и низкой задней стеной с внутренней стороны.²⁶⁰ Основным доступом к нему была лестница в башнях, но иногда, как в Олнвике, из внутренней части замка вела лестница, построенная под прямым углом к стене (²⁴¹). В здании shell-кеер на горе в Тамворте есть небольшая лестница, которая поднимается в толще стены. Основные изменения, которые произошли в отношении дорожки к крепостному валу, были связаны с обработкой парапета. Разделение парапета на зубцы или цельные части с помощью амбразур уже объяснялось, и было видно, что в первом случае амбразуры пробиты через довольно большие промежутки времени. Однако растет тенденция к увеличению числа амбразур и сужению промежутков между ними, исходя из теории, что лучник, выпустивший свою стрелу через амбразуру, может укрыться и натянуть тетиву лука за зубцом. Однако зубец в изделиях, предназначенных в основном для военных целей, обычно шире амбразуры и сам пронзен небольшой петлей для стрелы, загнутой

внутри. Это можно увидеть в городских стенах Эг-Морта (77) и Каркассона (78), где зубцы имеют большую ширину, и в таких триумфах фортификации, как замки Карнарвон (246) и Конвей.²⁶¹ Однако зубцы не всегда были снабжены петлями, даже в эдвардианский период. Барбакан в Олнвике (243), постройка начала четырнадцатого века, укреплен простыми зубцами и амбразурами. В этом случае есть еще два момента, заслуживающих внимания. Амбразуры в Алнвике были защищены деревянными ставнями, которые свисали с цапф, расположенных в пазах в соседних зубцах. Ставни можно было при желании поднять, а амбразуру оставить свободной: это устройство можно было заметить и в некоторых других случаях.²⁶² Кроме того, на зубцах в Олнвике стоят каменные фигуры воинов, иногда называемых “защитниками”, и предполагается, что они созданы для того, чтобы наводить ужас на врага. Нынешние фигуры в Алнвике сравнительно современны, но мода не была чем-то необычным и носила чисто декоративный характер. Похожие фигуры можно увидеть на сторожке соседнего замка Ботал и на сторожках Йорка: среди фигур на зубцах в Карнарвоне был орел, давший название знаменитой Орлиной башне. Враг, которого могла обескуражить иллюзия довольно миниатюрного лучника или пращника, балансирующего на узкой перекладине, должно быть, имел очень мало опыта ведения войны. Зубцы были обработаны очень просто во многих французских примерах, например, в Авиньоне, Эг-Морте и Каркассоне (242), где они имеют плоский верх и не отформованы, в то время как амбразуры имеют плоские подоконники. В Англии они обычно завершались остроконечным перекрытием, как в Карнарвоне, где верх каждого из них был отлит в форму полукругом к полю (246).²⁶³ Выступ амбразуры также имеет внутреннюю фаску. Можно отметить, что свобода, с которой использовались механизмы на парапетах французских замков и городских стенах, была необычной для Англии. Машикулярные парапеты, как правило, ограничивались фасадами ворот до конца XIV века, когда они начали, как в Ланкастере и Уорике, проявляться в башнях ворот и занавеса. Они очень редко используются в валлийских замках, которые являются нашими благороднейшими образцами военной архитектуры; и *ограждение*, подобное городской стене Авиньона, в котором весь парапет имеет механическую форму и построен на длинных карнизах значительного выступа, неизвестно в Англии.

Замок Карнарвон; Зубчатый парапет

То, что только что было сказано о парапетах стен, естественно, применимо и к парапетам башен. Башни на занавесе имели, как мы видели, двойное назначение. Они расположились по бокам стены, так что каждая пара могла простреливать своим выстрелом всю поверхность *ограждения*, находящегося между ними. Они также командовали проходом по крепостному валу, так что враг, взобравшийся на стену, все еще был открыт для их огня и ограничен ограниченной территорией. Однако необходимо проводить различие между закрытыми и открытыми типами башен, как их можно назвать. Обычная крепостная башня состояла из двух или трех ступеней, разделенных на подвал и верхнюю караульную комнату или помещения. Подвал иногда был сводчатым, как в северной башне в Певенси (247) или башнях в Алнвике. Камин и комнаты для облачения в гвардейские мантии часто встречаются в верхних комнатах, 264 гардские мантии часто размещаются на стыке башни с занавесом и перекидываются через внешнюю стену. 265 В Кэрю, где не было крепости, но замок представлял собой прямоугольную ограду с барабанными башнями по углам, все башни были снабжены камерами для одежды гвардейцев, которые вместе с ведущими к ним проходами перекрыты плитами в форме ромба, расположенными одна над другой. В юго-восточной башне камера на первом этаже имеет заостренный бочкообразный свод, в которую из палаты ведет внешняя лестница. В восточной стене находятся две комнаты для облачения в гвардейские мантии, в которые ведут коридоры в форме локтя. В каждой была дверь, открывающаяся внутрь, и она освещалась с помощью отдельной петли. Камеры были спланированы таким образом, что сиденья располагались по разные стороны перегородки с общим вентиляционным отверстием.

Певенси; Сводчатый потолок в подвале северной башни

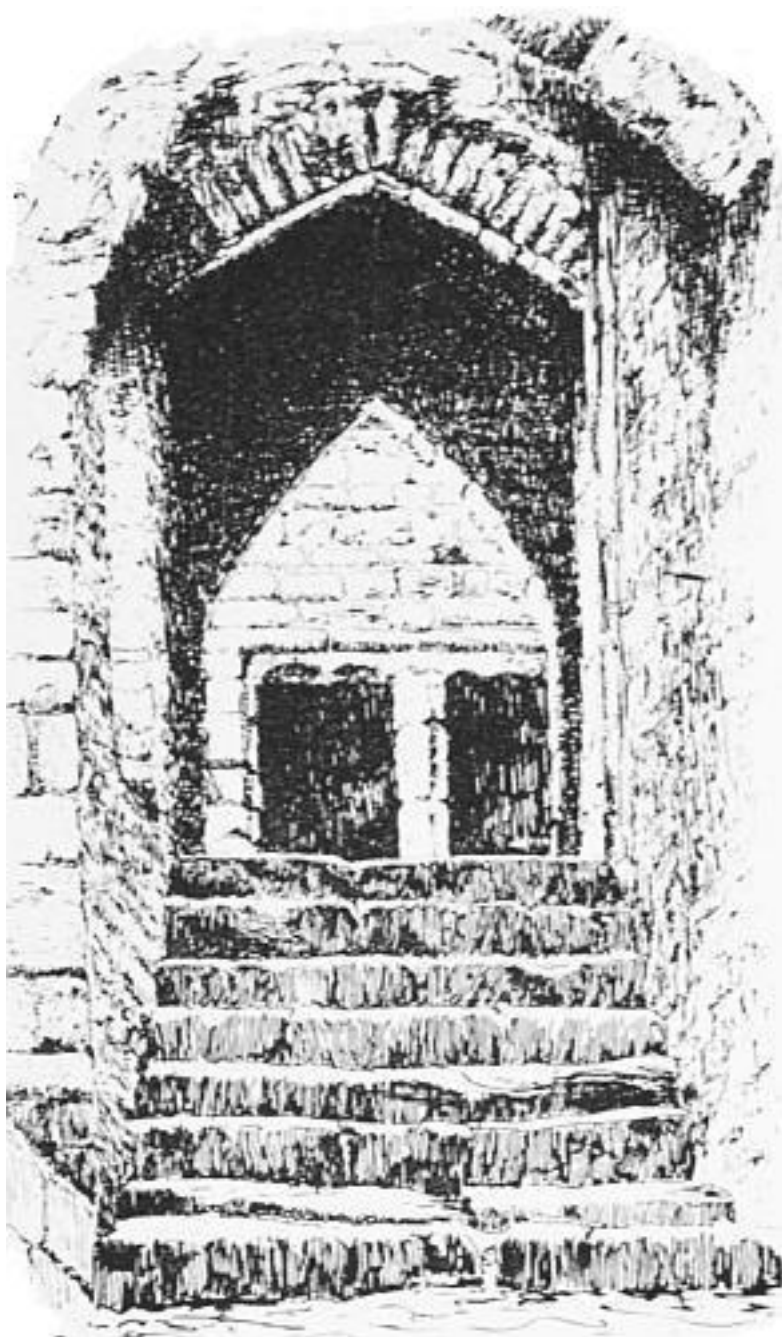
Только что упомянутая башня в Кэрю относится к концу XIII века и имеет несколько усовершенствованных функций. Хотя его выступ от занавеса обычно закругленный, его внутренний выступ прямоугольный, так что в плане он фактически представляет собой продолговатую форму со скругленным концом. По-видимому, предполагалось, что он использовался в связи с сторожкой: его первый и второй этажи не имели прямого сообщения друг с другом, но оба сообщались с сторожкой, а на первом этаже сторожки было большое боковое отверстие в направлении первого этажа башни. Соответствующая башня под северо-восточным углом использовалась в соединении с домашними постройками и имела сводчатую часовню (248) на первом этаже, от северной стены которой отходят две комнаты для священника, а на второй - облачение стража. Таким образом, одна башня была чисто оборонительной, без сомнения, были приняты дополнительные меры предосторожности для охраны заднего хода, который выходит из подвала на уступ рва; в то время как другая была просто пристройкой к одному из двух жилых домов внутри ограды. Использование восточной и юго-западной башен в Уоркуорте (49) было столь же различным. Мы видели, что юго-западная башня (Крадифаргус) использовалась в связи с домашними постройками: возможно, это и не было ее первоначальным назначением, но таким образом она определенно использовалась в начале четырнадцатого века. Отличительной особенностью восточной башни являются огромные петли на каждой из ее пяти внешних граней, предназначенные для арбалета длиной 16 футов: эти петли, распушенные по всей длине и веерообразные сверху и снизу, являются лучшими образцами поперечных петель, оставшихся в Англии, и сразу же заявляют о главном назначении башни. В более поздние годы, когда арбалет вышел из моды, интерьер башни был несколько изменен и установлен камин.

Кэрю; Часовня

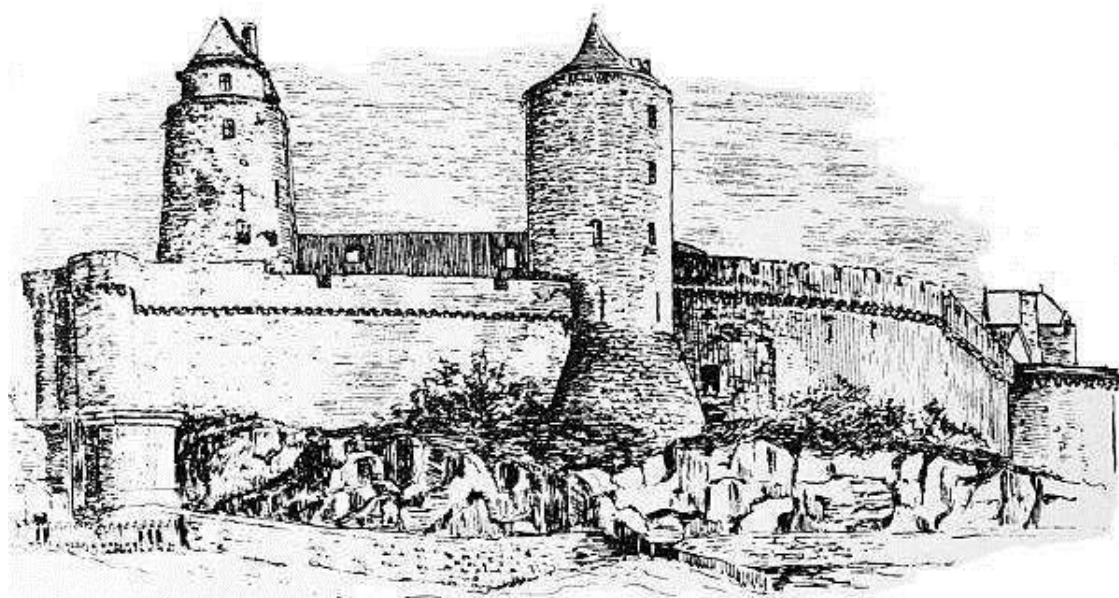
Дверь главной сторожки
замка Чепстоу

Лестница в сводчатую комнату во внешнем дворе
замка Чепстоу

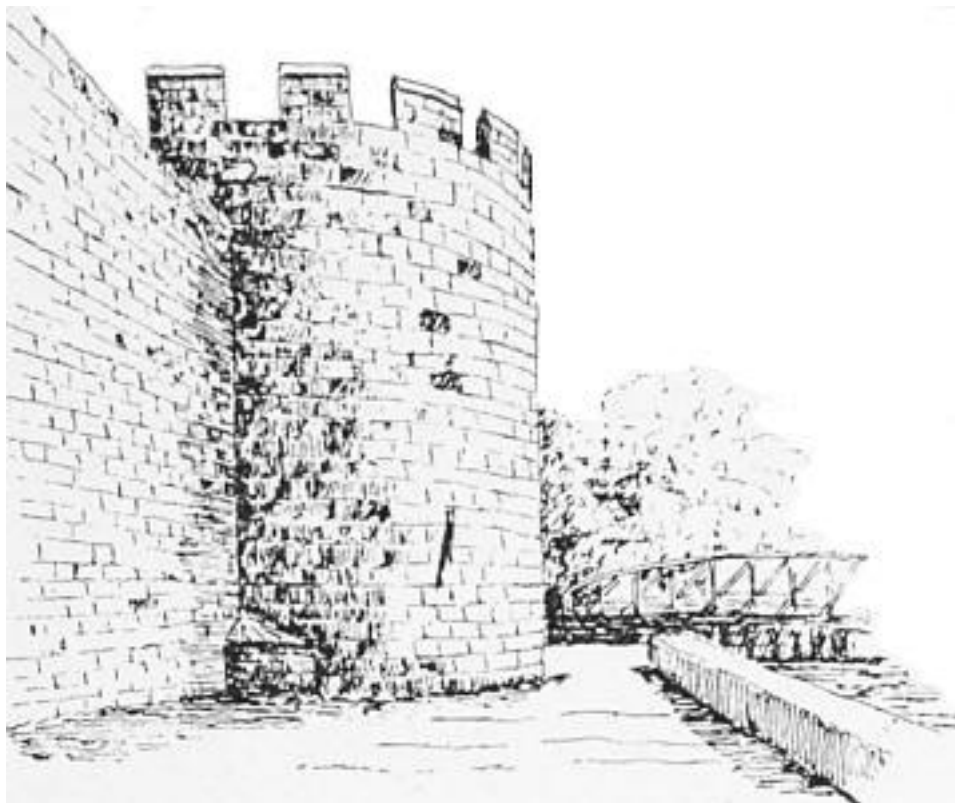
Лучшие образцы навесных башен, как за границей, так и в Англии, имеют форму полных цилиндров, как угловые башни в Коуси, или многоугольников, как некоторые башни в Карнарвоне. Но пространство экономилось, если цилиндр или многоугольник оставляли незавершенным, а его внутреннюю грань делали почти на одном уровне с занавеской. Две башни на занавесе внутреннего прихода в Пембруке выступали полукруглыми изгибами во внешний двор, но были плоскими сзади: южная башня прикрывала ворота внутреннего прихода, которые находились не перед стеной, а под углом. Башни внешнего прихода, с другой стороны, в основном представляют собой цельнолитые цилиндры: лестницы представляли собой пороки, заключенные в прямоугольные башенки с одной стороны, внешние стены которых изогнуты так, чтобы соответствовать окружности башен (181).266

Башня Мартена в Чепстоу и башни занавеса прекрасного замка начала четырнадцатого века Лланстефан - это случаи, когда проекция башни является только внешней. Башня, венчающая восточный угол Лланстефана, представляет собой полуцилиндр, выступающий не непосредственно из занавеса, а из широкого прямоугольного выступа на его фасаде.²⁶⁷ Вариаций, которые можно заметить в креплении башенок к занавесу, множество: но со временем обычная вышка для занавеса, если она не располагалась под углом к палате, стояла на одном уровне с занавесом с его внутренней стороны (²²⁸). Там, где башня стояла на занавесе сама по себе, отдельно от других зданий внутри замка, обычно имелся вход в подвал прямо со двора замка, с одной стороны которого тиски в башенке, прикрепленной к башне, поднимались на верхние этажи и крышу, сообщаясь на уровне первого этажа с занавесом. Дверной проем, открывающийся на занавеске, был снабжен прочной дверью, а в башне Мартена в замке Чепстоу, где башня имела особое значение, поскольку располагалась в самой низкой и уязвимой точке участка, была оборудована опускной решеткой.

Fougères

Однако были случаи, особенно на городских стенах, когда навесная башня, хотя и выступала наружу и над стеной и была покрыта деревянной крышей, оставалась открытой в ущелье или перешейке, где она находилась на одном уровне с навесом, так что это была просто открытая башня с платформой на втором этаже, на уровне прохода к валу, и отдельным проходом к валу на уровне зубчатых стен. Такая башня могла активно использоваться во время войны и обладала всеми преимуществами обычной закрытой башни в том, что располагалась по бокам стены и разделяла крепостной вал на секции. Многочисленные башни стен Авиньона, расположенные между сторожками, были расположены таким образом.²⁶⁸ В Конвее полуцилиндрические башни городских стен, которых насчитывается двадцать, и аналогичные башни, примыкающие к сторожкам ворот, открыты для посещения города: только одна башня на юго-западной стороне города, где стена поворачивает, соединяясь с замком, обнесена стеной со стороны ущелья. Стены Чепстоу являются еще одним примером открытых башен. В Карнарвоне (²⁵¹) круглые башни на лицевой стороне городских стен открыты, но угловые башни были закрыты; и в них под северо-западным углом можно было попасть через городскую часовню, которая была построена в этом месте напротив занавеса. Открытая башня, как правило, не использовалась в замках: даже у небольших башен, примыкающих к внешнему выступу в Бьюмарисе, стена продолжается поперек ущелья.

Карнарвон; Башня городской стены

Каждый большой замок был снабжен задней дверью или люком для вылазок. Обычно это был небольшой дверной проем, предпочтительно в основании башни, но часто и в занавесе, открывающийся с наименее посещаемой стороны замка. Во время осады в замке обычной планировки задний ход мог легко стать источником опасности; и его использование в схеме обороны поначалу было понято не полностью. Но он был полезен для доставки провизии в замок; и заднюю дверь, как в Уоркуорте, часто можно найти рядом с кухней или кладовой. Там, где замок стоял у реки, были сделаны водные ворота, сообщающиеся с частной пристанью. В Пембруке, где замок стоит между двумя водными путями, было два водяных шлюза: один с южной стороны внешнего двора, другой, как уже упоминалось, образован стеной у входа в пещеру под большим залом. Однако для научного использования задней двери мы должны обратиться к большим замкам конца XIII века, в которых средства защиты, описанные в этой главе, были идеально скоординированы; и с введением нового плана последние признаки чисто пассивной силы исчезли из замка.

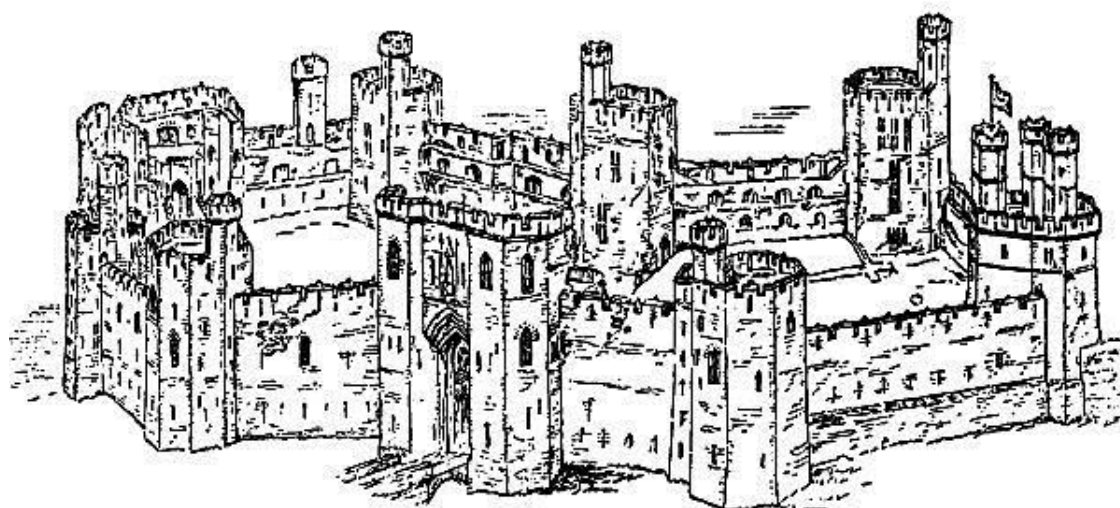
ГЛАВА X

ЭДВАРДИАНСКИЙ ЗАМОК И КОНЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПЛАН

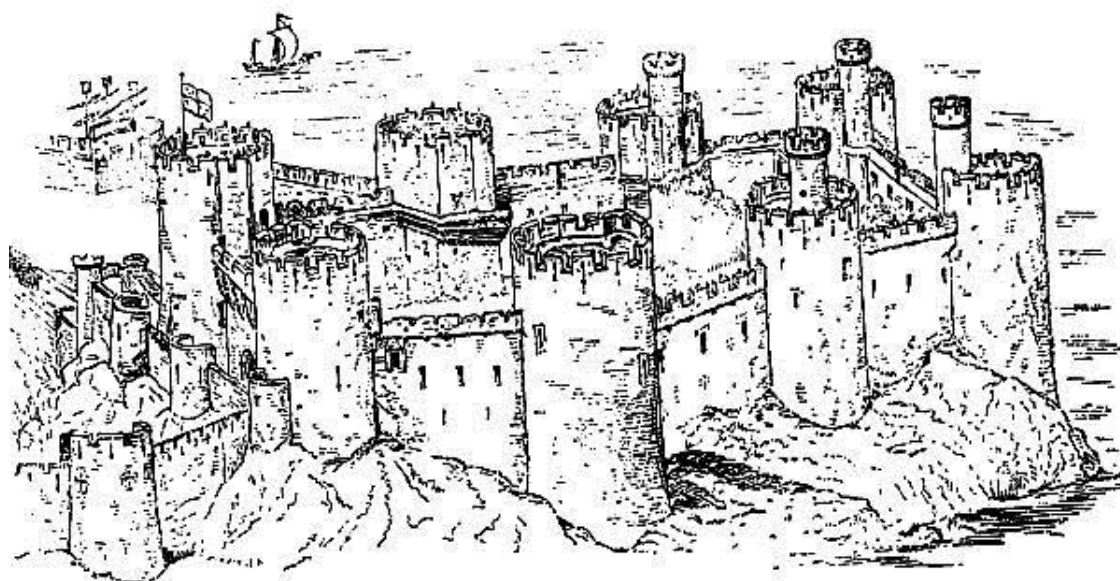
Такие замки, как Кэрю, окружавшие прямоугольную территорию с круглыми башнями по углам, были результатом переходного периода, в ходе которого укрепленная навесная стена заняла место пассивной крепости. В Кэрю замок был защищен с наиболее открытой стороны внешними каменными укреплениями; но со всех остальных сторон он представлял

собой единую линию обороны, по бокам от которой возвышались четыре внушительных угловых башни. Защищенный таким образом замок, подобно ранним каменным замкам в Ричмонде и других местах, был крепостью сам по себе; но его стена больше не зависела только от пассивной прочности, а была рассчитана на то, чтобы противостоять атакам, на которые строители Ричмонда и Ладлоу не имели возможности рассчитывать.

Замок второй половины XIII века, золотого века английской военной архитектуры, тогда представлял собой ограду внутри мощной и хорошо окруженной навесной стены. От замка, где было новое место, отказались: там, где старый план был изменен или расширен, он занял второстепенное положение. Замки этой эпохи можно разделить на три отдельных класса. Во-первых, есть замки без крепостей, в которых фланговая навесная стена образует единственную линию обороны. Во-вторых, есть старые замки, которые, в силу расширения своего участка, приняли концентрический план обороны. И в-третьих, есть недавно спланированные замки, в которых защита образована двумя или более концентрическими навесными стенами.

Замок Карнарвон

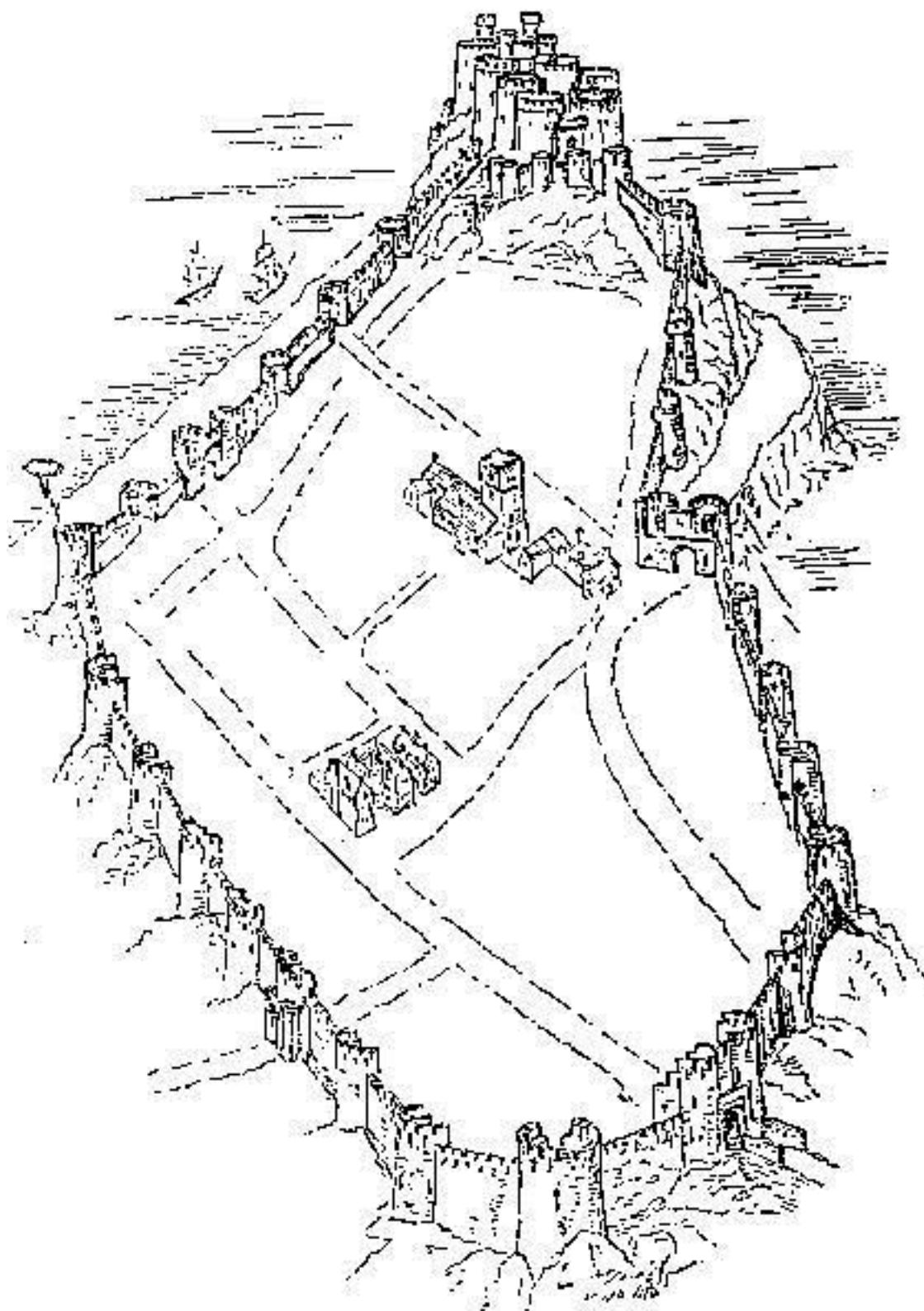

Замок Конвей

I. Великолепными примерами первого класса являются замки Карнарвон (253) и Конвей (254). Строительство Конвея было начато в 1285 году по приказу Эдварда I. Карнарвон, в котором показано больше архитектурного великолепия, было начато в 1283 году и завершено только в 1316-22 годах.269 Оба замка были построены рядом с городами-крепостями и занимали угол оборонительных сооружений; и оба стоят на участке суши, где река впадает в море, так что две стороны участка были защищены водой, в то время как база была отделена от города искусственным рвом. Карнарвон, однако, расположен на низменности и возвышается над городом только благодаря высоте своей стены и грозным башням; в то время как мыс, на котором стоит Конвей, возвышается высоко над большей частью города и господствует над всем (256).

План обоих замков очень похож. Ограда, в обоих случаях представляющая собой неправильный многоугольник продолговатой формы, была разделена на две палаты поперечной стеной,270 построена в месте, где занавес слегка задернут с обеих сторон, и, следовательно, площадка сужена. В Конвее главный вход находится в западной или торцевой стене нижнего отделения, напротив поперечной стены. Нижнее отделение, в которое мы вошли таким образом, имеет форму шестиугольника, по бокам которого расположены шесть цилиндрических или барабанных башен, по одной в каждом из углов, и занимает около двух третей помещения. Оставшаяся треть - это верхняя палата, неправильный прямоугольник, обрамленный четырьмя барабанными башнями, две башни на западе являются общими для обеих палат. Таким образом, вся ограда окружена восемью башнями, по четыре по углам и по две с каждой из сторон.

Два отделения в Карнарвоне (253) были более равными, причем верхнее отделение, расположенное, как и в Конвее, в конце, следующем за слиянием реки и моря, занимало около двух пятых территории. Главный вход в нижний приход, Королевские ворота, находится в середине боковой стены рядом с городом, а стена, разделяющая приход, пересекала ограду с точки, расположенной справа от внутреннего входа. Занавес нижнего отделения был построен из пяти секций, с башней в каждом из выступающих углов между ними. К этим башням следует отнести две великолепные сторожки - королевскую сторожку на северо-западе и сторожку королевы Элеоноры в восточном углу прихода. Занавес верхнего двора был построен из четырех частей, и этот двор с его поперечной стеной образует неправильный пятиугольник, на вершине которого находится знаменитая Орлиная башня, в том месте, где городская стена соединяется со стеной замка. Всего здесь девять башен, считая две сторожки у ворот, и по башенке на каждой из северо-восточной и юго-восточной частей занавеса. Башни имеют многоугольную форму, прямые грани по большей части очень широкие, а углы очень тупые.271

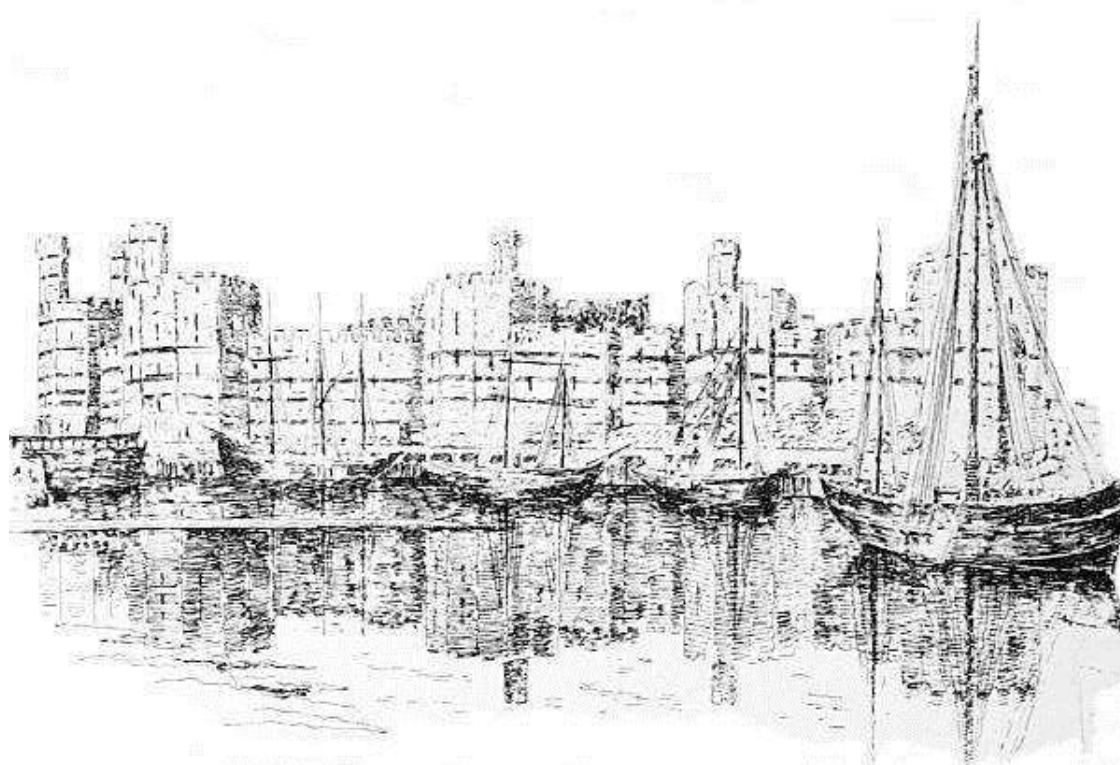

Замок и город Конвей

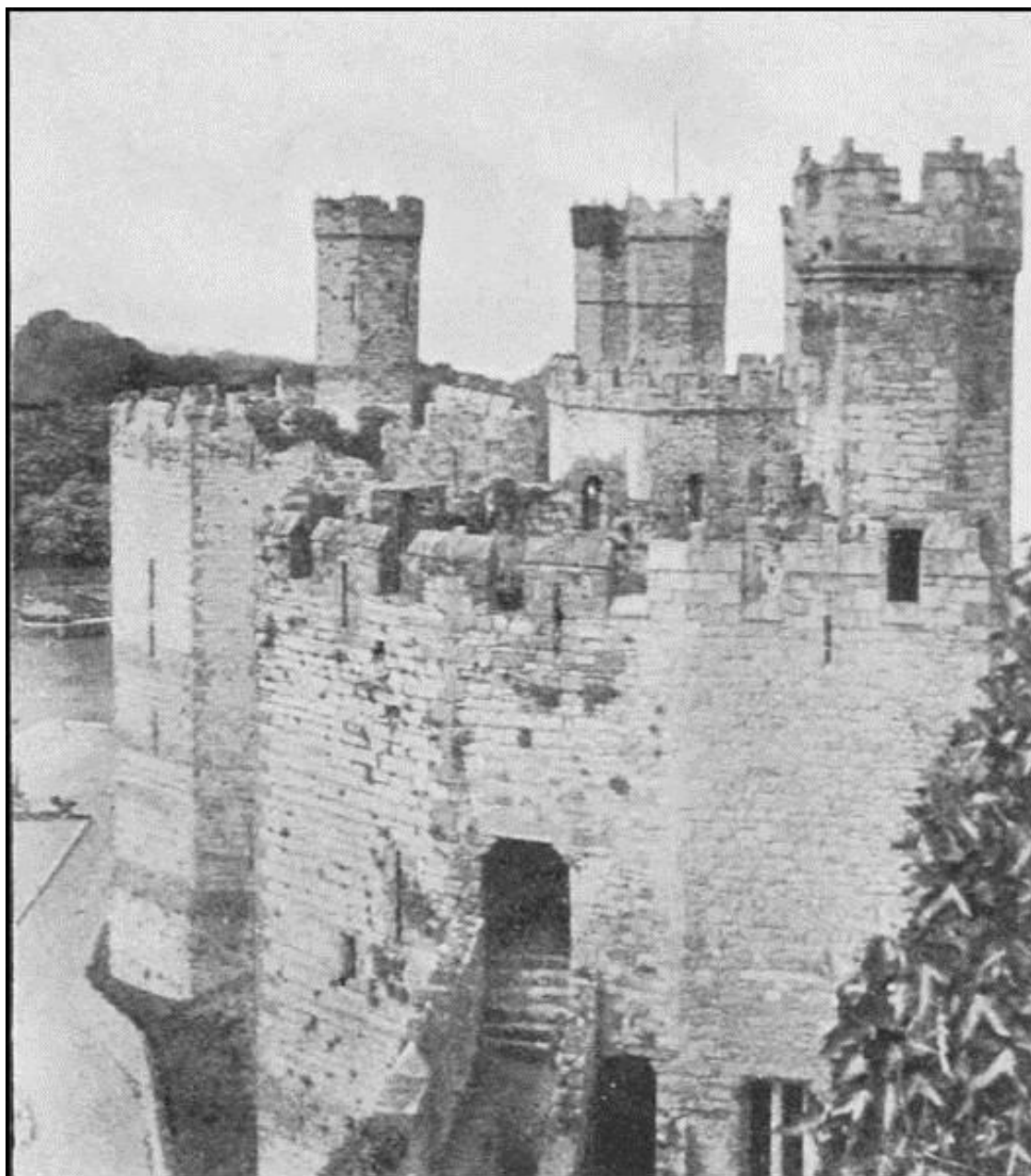
Из двух замков Конвей, стоящий, как мы видели, на лучшем участке, был более защищен с экономической точки зрения. Главными особенностями планировки Карнарвона являются две большие сторожки и Орлиная башня в западном углу, которая фактически представляла собой мощную башню или цитадель. Королевская сторожка служила главным входом. Сторожка королевы Элеоноры стоит на самой высокой точке замка и сейчас недоступна снаружи: когда ею пользовались, к ней, должно быть, вел круто поднимающийся мост через

ров.²⁷² В подвале Колодезной башни, которая закрывает угол занавеса между королевской сторожкой и Орлиной башней, также есть потайная дверь, через которую, без сомнения, приносили провизию на кухню. В Конвее не было ни отдельной крепкой башни, ни настоящей сторожки: ворота находятся в узкой торцевой стене, а башни с каждой стороны тесно соединены с укрепленным валом. В стене на противоположном конце замка также есть вторые ворота поменьше, выходящие на платформу на краю скалы, с которой лестница вела к воде.

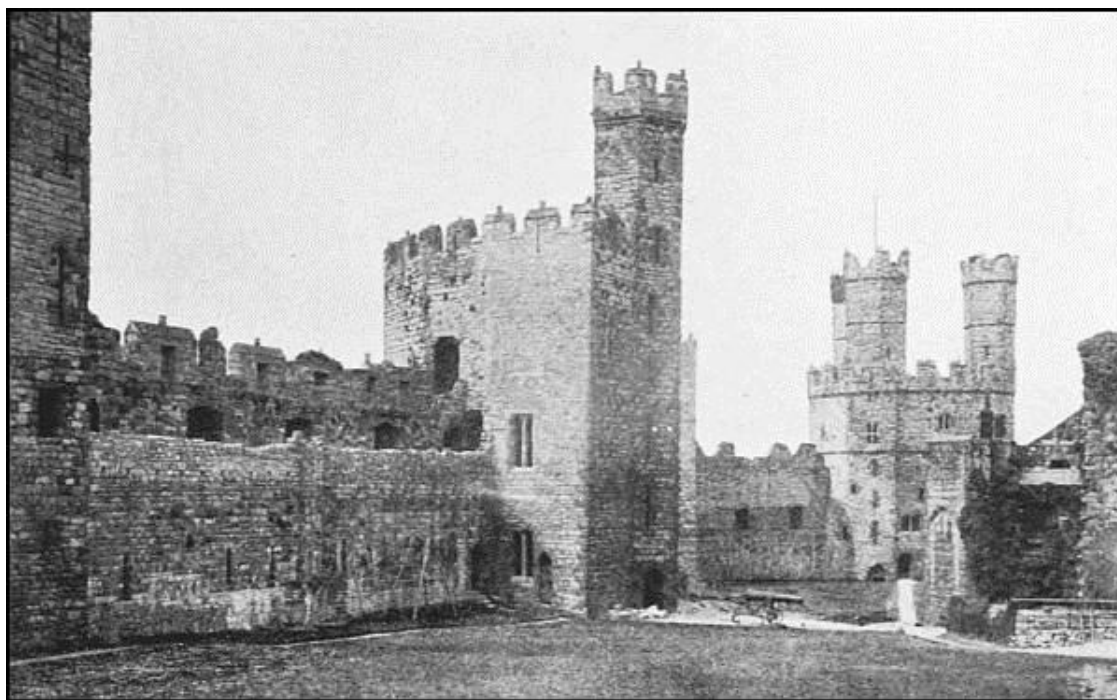
Там, где занавес был так хорошо защищен, как в этих двух замках, двойной вход был источником силы, а не слабости. Проблема для противника заключалась в том, как распределить свои силы, чтобы держать весь *оцепление* под наблюдением. Сосредоточить атаку на одних воротах означало подвергнуться риску быть обойденным с фланга и захваченным в тыл вылазкой с других. Какими бы сильными ни были Шато-Гайяр и другие замки переходного периода, они просто встретили перспективу нападения последовательными линиями обороны. Карнарвон и замки эдвардианского периода, как правило, не были полностью убежищем для осажденного гарнизона: это были убежища, которые служили базой для проведения как наступательных, так и оборонительных стратегий. Наиболее впечатляющей особенностью оборонительных сооружений замка Карнарвон является длинная неправильная линия южной и юго-западной стен, выходящая на реку Сейонт (²⁵⁸). Здесь занавеска продета в три ряда петель, расположенных одна над другой. Самый нижний открывается из галереи в толще стены: средний ряд из верхней галереи, которая теперь открыта изнутри, построена на вершине очень массивной нижней стены; в то время как верхний ряд прорезан в зубцах зубчатых стен (²⁵⁹). Стену могли охранять одновременно три ряда лучников, расположенных один над другим, — не слишком привлекательная перспектива для осаждающих. Очевидно, что такой замок, достаточно большой, чтобы приютить армию, мог удерживаться и относительно небольшим отрядом людей, настолько превосходно была сосредоточена зона обороны и так легко можно было добраться до любой части занавеса изнутри крепости.

Карнарвон

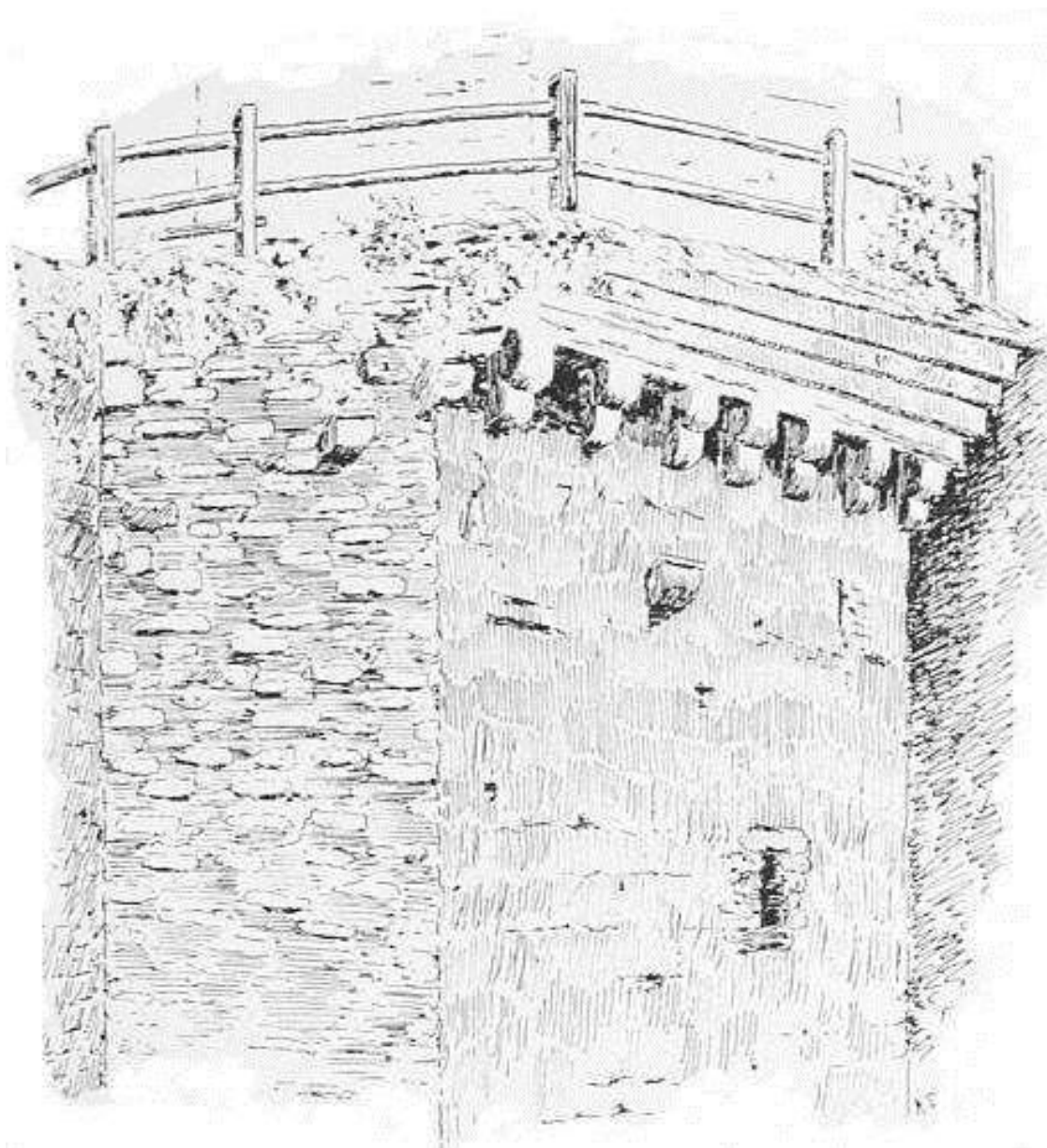

замок карнарвон: башни и крепостной вал-прогулка

замок карнарвон: интерьер

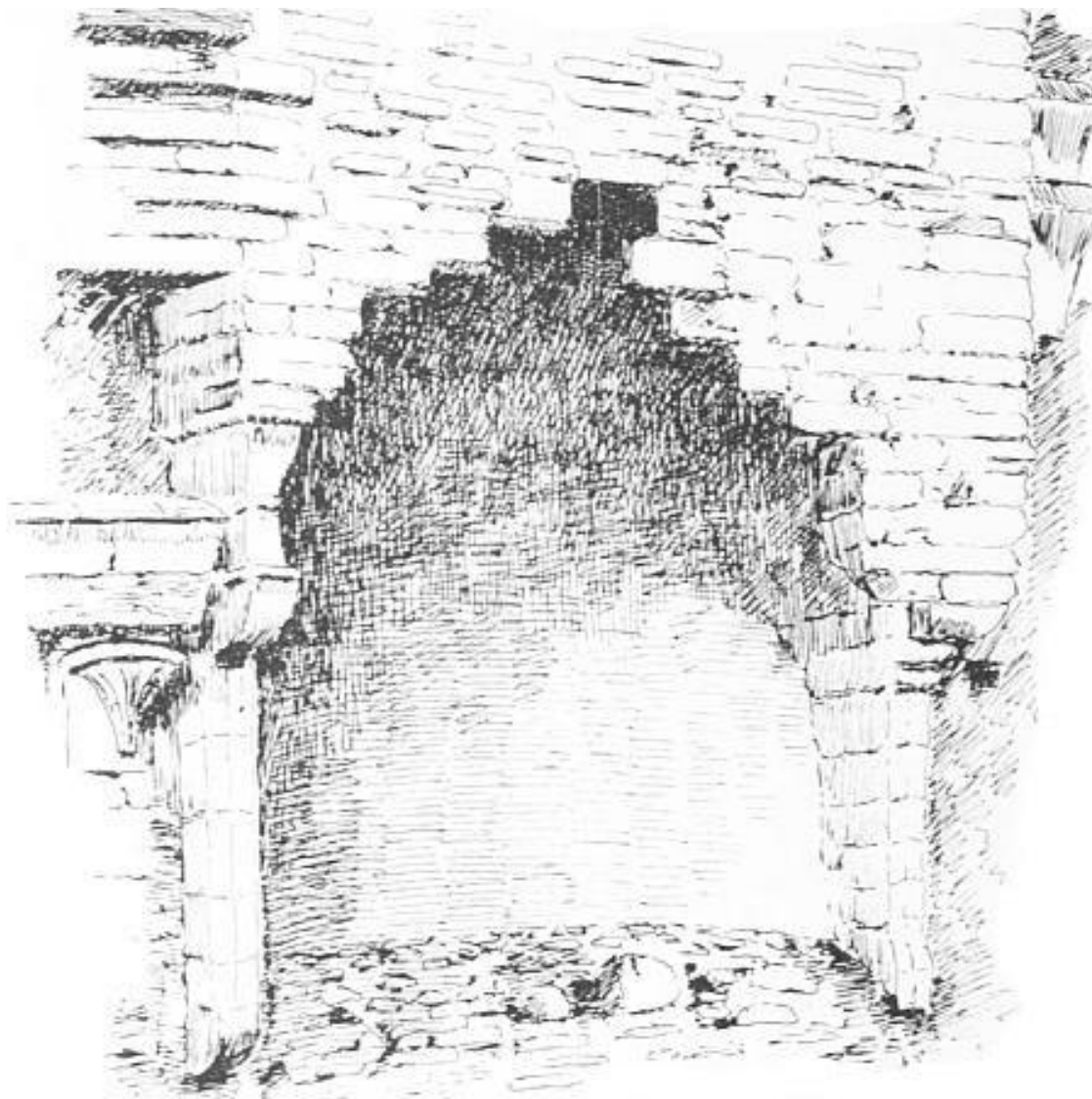
В то время как фактическая защита занавеса в Конвее была более простой, чем в Карнарвоне, изоляция участка была большей, а возможность активного передвижения в цитадель и из нее была меньше. Атака должна была быть сосредоточена на одном главном входе; и, следовательно, после фланкирования занавеса главной целью была защита ворот. Торцевая стена, в которой были пробиты ворота, находится высоко над соседним городом, а ровный участок земли перед ней обрывался крутым краем утеса, у подножия которого находился ров. Поэтому ко входу вел хорошо охраняемый барбакан, расположенный под прямым углом к воротам. К этому флигелю можно было добраться из города, пройдя по поднимающейся дамбе с подъемным мостом в конце, который давал доступ к воротам барбакана, расположенным перед северо-западной башней. Затем короткая поднимающаяся тропинка вела через дверной проем, закрытый деревянной дверью, на площадку перед воротами, вдоль западной стороны которых, над рвом, продолжалась внешняя стена барбакана, по бокам которой возвышались три небольшие круглые башни, открытые в ущелье. Парапет над воротами был обработан вручную, и большие карнизы все еще выступают из стены.²⁷³ В такой узкий барбакан, как этот, мог бы проникнуть только небольшой отряд атакующих сил; действительно, позиция практически неприступна. Северо-западная башня контролирует каждый дюйм подхода; а подъемный мост, опускающая решетка и верхние ворота барбакана, а также наклонный вход в ворота замка образовывали последовательные и устрашающие препятствия. Главные ворота были закрыты опускающей решеткой, выполненной из фресковой камеры, расположенной между венцом арки и дорожкой крепостного вала. Можно отметить, что, хотя наклонный вход в Конвее имеет некоторое сходство с оригинальными входами в Бьюмарисе, работы Конвея имеют по крайней мере два общих момента с Харлечом — выступающий из вала выступ против внутренней поверхности башен (²⁶¹) и перенос лестниц из четырех восточных башен в башенки выше уровня крыши. Высокие лестничные башенки над крышей также являются характерной чертой Карнарвона.

Замок Конвей; Прогулка по Крепостному валу

Устройство укреплений в Конвее и Карнарвоне было обычным. В Конвее, где все еще существует поперечная стена между палатами, по верху есть проход, так что ни одна часть занавеса не находится на большом расстоянии от другой. Хозяйственных построек в Карнарвоне, к сожалению, больше не существует, но расположение холла и кухни во внутреннем дворе все еще известно. Вероятно, как и в Конвее, во внешнем дворе был большой зал для гарнизона. За бытовыми порядками в Конвее можно легко проследить, хотя кухни, примыкающей к северной стене нижнего этажа, больше нет. Большой зал, построенный напротив южного занавеса и повторяющий образованный им тупой угол, возвышается над подвалом, но его пол был на одном уровне с поверхностью палаты. Его деревянная крыша была построена на каменных поперечных арках, охватывающих зал: восточный конец был отгорожен и образовал часовню. Здания, окружающие меньший или верхний приход, образовывали отдельный особняк, отличный от большого зала и его пристроек. Главными особенностями этого комплекса апартаментов были холл меньшего размера у южного занавеса, отдельные гостиные, называемые покоями короля и королевы, и небольшая часовня или молельня в северо-восточной башне (263). В эту часовню входили с главной лестницы башни, но к ней также вела прямая лестница в толще восточной стены от

задних ворот и сообщалась с аналогичной лестницей в другой половине стены, ведущей в королевские покои и малый зал. Вода в Карнарвон подавалась из колодца в башне к западу от кухни; в Конвее у юго-восточного угла нижнего прихода была устроена цистерна.

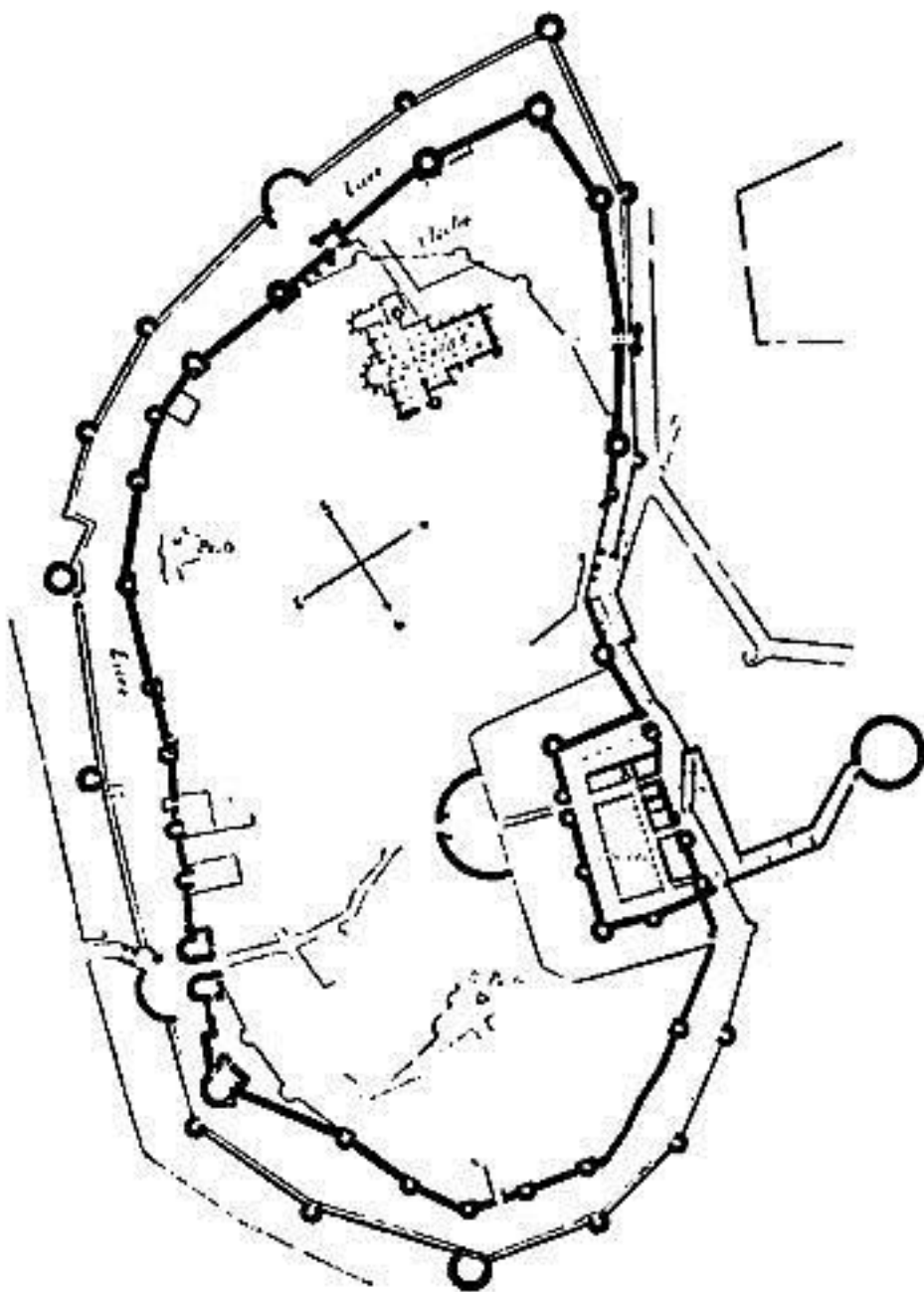
Замок Конвей; Камин в холле

Замок Конвей; Ораторское искусство

II. Однако есть старые замки, которые были приспособлены к новой форме фортификации с изобретательностью, равной той, что была продемонстрирована на новых объектах в Конвее и Карнарвоне. Ссылаясь на уроки, извлеченные крестоносцами на востоке, мы обратили внимание на концентрическую форму укреплений, которую они видели в Константинополе. Город был опоясан тройной стеной, каждое кольцо которой было выше того, что находилось за его пределами. Преимущество этого было очевидным: хотя были предусмотрены три

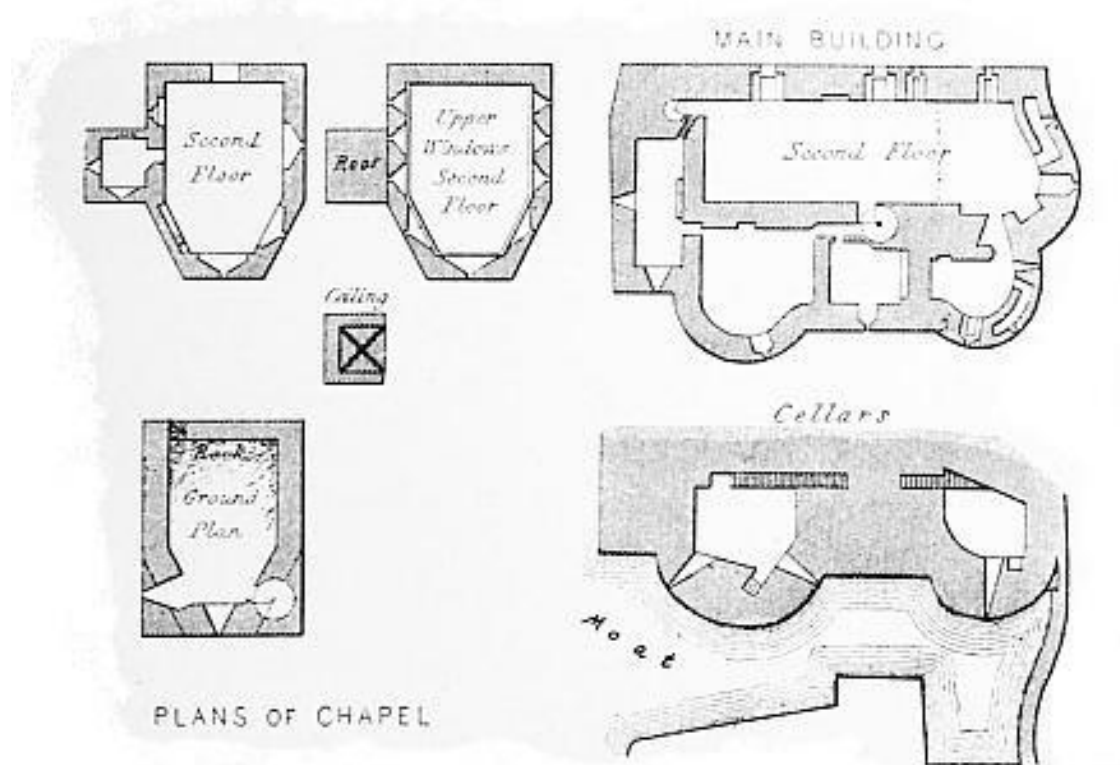
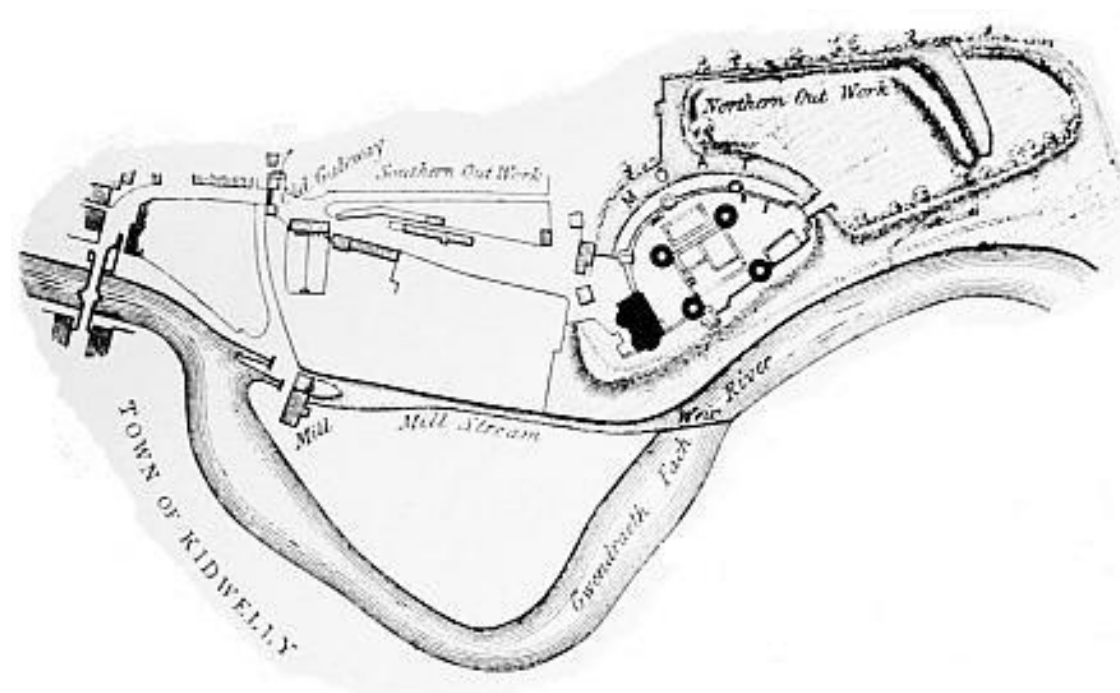
последовательные линии обороны, их также можно было использовать одновременно, когда каждый ряд обороняющихся выпускал свои ракеты над головами следующего. Крестоносцы, разнообразие и изобретательность замковых планов которых заслуживают большого восхищения, использовали концентрический метод возведения стен крепости; и ни одна из их крепостей не является столь замечательной, как Ле-Крак-де-Шевалье (176), перестроенный в начале тринадцатого века, где занавес внутренней стены высоко возвышается над занавесом внешней *ограды*.²⁷⁴ Приближения к концентрическому плану были известны даже в Англии на раннем этапе. Земляные укрепления замка Беркхэмпстед (42) расположены концентрически, хотя не было предпринято никаких попыток соотнести их, передав управление внутренними берегами внешним.²⁷⁵ На плане цилиндрической башни-крепости в Лонсестоне мы видим поразительное применение концентрической планировки к небольшой площади. Во Франции Шато-Гайяр, где внутренняя защита почти окружена занавесом средней защиты, был подходом к концентрическим методам; но ведущей идеей по-прежнему было окружение противника линиями обороны, расположенными по вытянутому плану, с донжоном в качестве кульминационной точки. Даже в Куси, где оборонительные сооружения настолько продуманы, донжон является главной достопримечательностью, а замок не концентричен в плане. На самом деле, концентрический план, хотя и давно известный на востоке, не был принят в качестве основы планирования на западе до тех пор, пока XIII век не был далеко продвинут вперед. Укрепления Каркассона, где план был применен к городу (264), были начаты Людовиком Святым, а закончены Филиппом III.: Начатые раньше, чем Керфилли, их возведение заняло большую часть времени, в течение которого были построены наши главные концентрические замки.²⁷⁶

Каркассон; План

Концентрический план можно описать следующим образом. Участок, на котором был построен замок, был окружен, как обычно, рвом. Внутренний уступ был увенчан, а иногда и частично облицован стеной, по бокам которой по углам стояли башни, а в самых больших замках - на промежуточных гранях. Внутри этой стены, отделенная от нее узким участком открытой местности, возвышалась вторая, гораздо более высокая стена, также обрамленная башнями по углам и с торцов. Эта внутренняя стена окружала главный двор замка, а промежуточное пространство образовывало внешний двор, или "ристалище". Крепости не было: здесь, как и в плане Конвея и Карнарвона, ставка делалась на занавески. Входы, однако, были тщательно защищены большими надвратными башнями и различными хитроумными приспособлениями, как в Бьюмарисе, для озадачивания противника; и замок иногда укреплялся, как в Кэрфилли, специальными внешними укреплениями из земли и камня. Противник, атакующий такую крепость, сначала подвергался двойному огню с двух завес. Если ему удавалось проникнуть внутрь, он должен был с боем преодолевать каждый

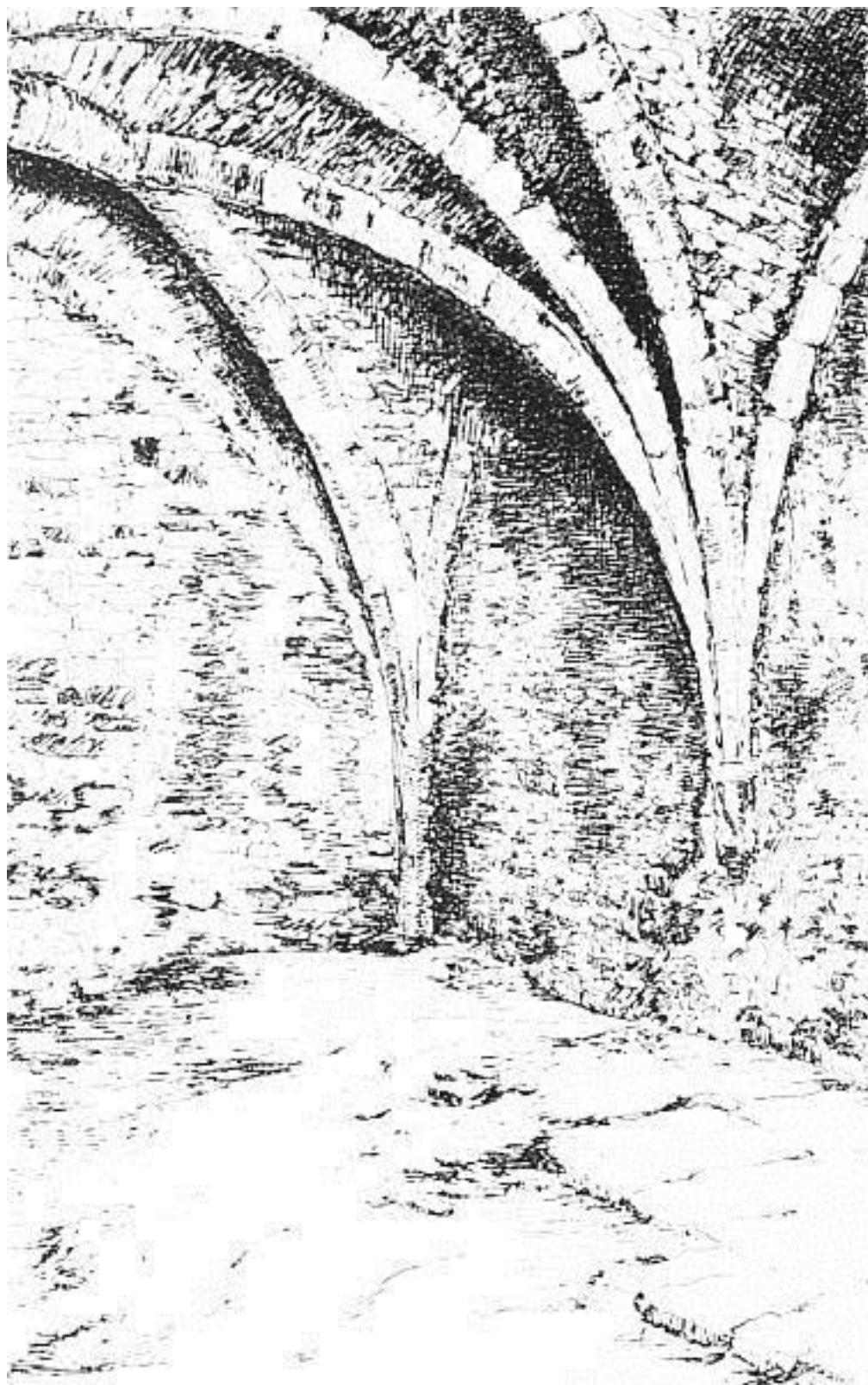
шаг на своем пути во внутреннюю палату; в то время как, если он был загнан решительным сопротивлением у ворот в узкое пространство внешней палаты, он был не только в опасности от лучников на внутренней стене, но также мог обнаружить, что его путь преграждает одна из поперечных стен, разделявших пространство, в котором он был заключен.

Замок Кидвелли; План

Такой план, хотя ему, возможно, и не хватает некоторых преимуществ плана, разработанного на новом месте, мог бы быть применен к новым укреплениям старого замка. Как в Дувре, так и в Лондонском Тауэре во время правления Генриха III были сделаны пристройки, которые

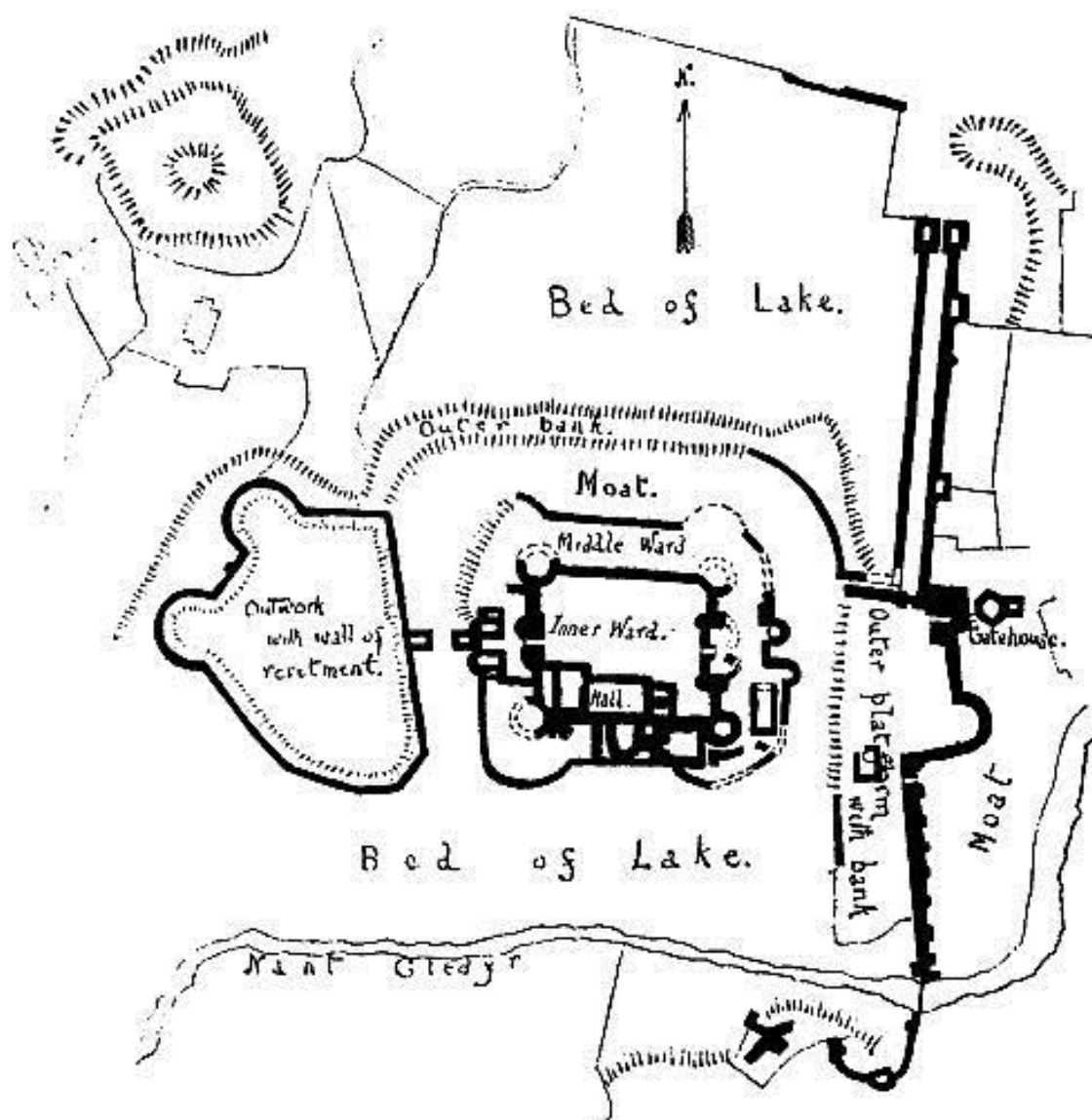
придали каждому замку концентрическую планировку.²⁷⁷ В результате в Дувре внушительная крепость была окружена двойной стеной: внутренний контур, однако, в основном того же времени, что и крепость, а внешний - широкий и неправильной формы в плане. В Лондоне оборонительные сооружения были спланированы более тщательно и гармонично, и одной из особенностей пристроек является то, что при ближайшем рассмотрении зданий Белая башня, первоначально самая важная особенность крепости, становится сравнительно незначительной в оборонительной схеме. Внутренняя и внешняя завесы с их башнями датируются более чем одним периодом - с конца двенадцатого по шестнадцатый век; но самая важная работа была проделана в правление Генриха III, во время которого был разработан концентрический план крепости. Лучшее представление об укреплениях можно получить на открытом пространстве перед западным фронтом. Между городом и замком протекает огромный ров, который огибает крепость с трех сторон, четвертую сторону охраняют Темза и более узкий ров. Вырытый рабочими Завоевателя ров был расширен и углублен канцлером Ричарда I. Уильям Лонгчеп: первоначально, по-видимому, в него поступала вода во время прилива. Вход в замок находится под юго-западным углом. Сторожка, называемая Средней башней, которая была перекрыта внешним рвом²⁷⁸ и надворная постройка, стоит на откосе большого рва, с этой стороны шириной 120 футов, и ведет к каменному мосту. Она пересекала ров и вела к Байвордской башне, сторожке у юго-западного угла внешнего занавеса. Этот занавес был сильно изменен, и его углы вдоль северной стороны увенчаны бастионами, относящимися к эпохе, когда пушка заменила катапульту. Вдоль его южной стороны, по направлению к узкому рву, набережной и реке за ней, он окружен башнями, главной из которых является башня Святого Томаса, водяные ворота замка, хорошо известные под названием ворота предателей, и, как и Байвардская и Средняя башни, первоначально были построены в тринадцатом веке.²⁷⁹ От моста, ведущего к башне Байворд, виден занавес внутреннего прихода, окруженный тремя башнями, башней Бошан посередине, башнями Деверо и колокольнями по углам,²⁸⁰ может его видели командующим узким внешним отделением. Этот подход, по-видимому, защищался тремя рядами лучников, как южный занавес Карнарвона. Самый высокий ряд занимал вал и башни внутреннего занавеса. Петли были сделаны с лицевой стороны той же занавески, ниже крепостного вала, для второго ряда, на приподнятом уровне земли внутренней палаты; в то время как третий ряд можно было разместить за петлями во внешней занавеске. Внешний приход различается по ширине, но проход к воротам внутреннего прихода, идущий вдоль южной стороны внутреннего занавеса, очень узкий, и по бокам от него находятся Колокольня и башня Уэйкфилд.²⁸¹ Внутренний шлюз находится на первом этаже Кровавой башни, которая соединяется с башней Уэйкфилд; и находится непосредственно напротив водяных ворот в башне Святого Томаса. Через определенные промежутки внешний двор пересекали поперечные стены, так что беспрепятственный обход был невозможен: одна из них пересекает его с восточной стороны башни Уэйкфилд и продолжается через ров до берега реки.²⁸² Хорошо защищенный с флангов подъезд к башне Байуорд, устроенный так, что вход во внутренний двор должен быть через прямоугольный поворот, можно сравнить со входами в Конвей и Бьюмарис или с более ранним подъездом к главному двору в Конисбро.

Чепстоу; Подвальная камера

В некоторых отношениях перестройки, проведенные в Чепстоу (104) ближе к концу XIII века, придают ему место среди концентрических замков. Горный хребет, на котором стоит замок, между городским рвом и отвесным утесом над рекой Уай, был слишком узким для концентрической обработки, и фактический план показывает нам четыре участка подряд, каждый из которых расположен выше предыдущего. Первый и самый нижний приход был пристройкой эпохи короля Эдуарда. Второй приход образовывал нижнюю часть двора

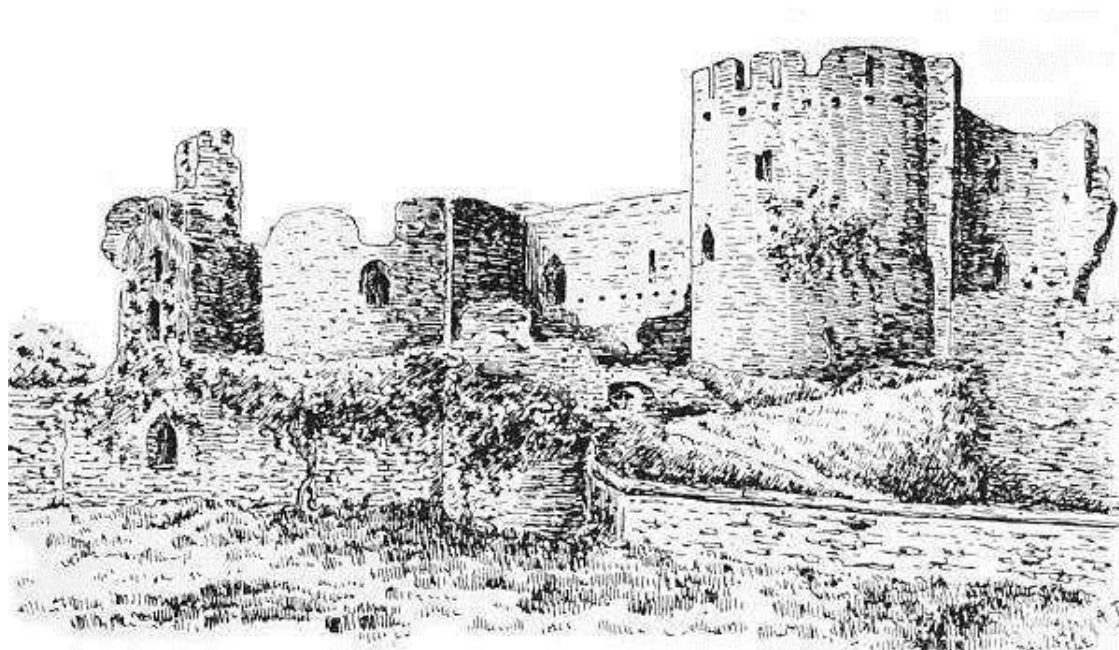
раннего замка. Третий квартал, в очень узком месте хребта, был почти заполнен большим залом, который фактически был главной башней или замковой башней этого замка; и есть только узкий проход, поднимающийся по склону между залом и низким занавесом над рекой. Четвертый квартал, расположенный в самой высокой точке и отделенный от третьего квартала глубокой расщелиной в скале, содержит широкие ворота, которые, как и в Кидвелли — ближайшей параллели, — были задним входом в замок. Нам нужно только представить, что ров рядом с городом был засыпан, а внешняя завеса продолжалась так, чтобы охватить второй приход и большой зал и объединить первый и четвертый приход; и мы имеем то, что практически соответствует плану Кидвелли (267). Свободный вход и выход для гарнизона, так хорошо изученный на концентрических планах, обеспечивался двумя шлюзами в Чепстоу. Однако открытое состояние нижнего квартала, расположенного у подножия хребта, побудило внести дополнение в план, напоминающее Орлиную башню в Карнарвоне или мощные башни более поздних замков-усадб Раглана и Вингфилда. Выступающая из самого нижнего угла завесы, контролирующая подход со стороны города и прикрывающая ворота, башня, ныне называемая башней Куницы, закругленная в поле и плоская в ущелье. В эту башню, куда входили с первого этажа палаты, были свои собственные ворота с опускной решеткой и дверной проем, также с опускной решеткой, ведущий со второго этажа на крепостной вал занавеса. Его три этажа были очень богато спланированы, и, выступающая со второго этажа и частично построенная на зубчатых стенах занавеса, представляет собой небольшую часовню или молельню с восточным окном, украшенным геометрическим узором. Башня Marten tower - ценный пример защиты под опасным углом. Его фланговые возможности были улучшены за счет отрога или полупирамиды, пристроенной к основанию: это можно сравнить с прямоугольными цоколями двух западных угловых башен в Кэрю, отроги которых поднимаются к закругленным поверхностям самих башен. В первом приходе в Чепстоу есть меньший зал и другие хозяйственные постройки на берегу реки: они, вместе со сводами под ними (268), содержат работы необычайной красоты. Все работы в эдвардианском стиле в Чепстоу отличаются той простотой и адекватностью дизайна, допускающей кое-где красоту деталей, которая встречается в лучших военных произведениях того времени (249).283

Замок Кэрфилли; План

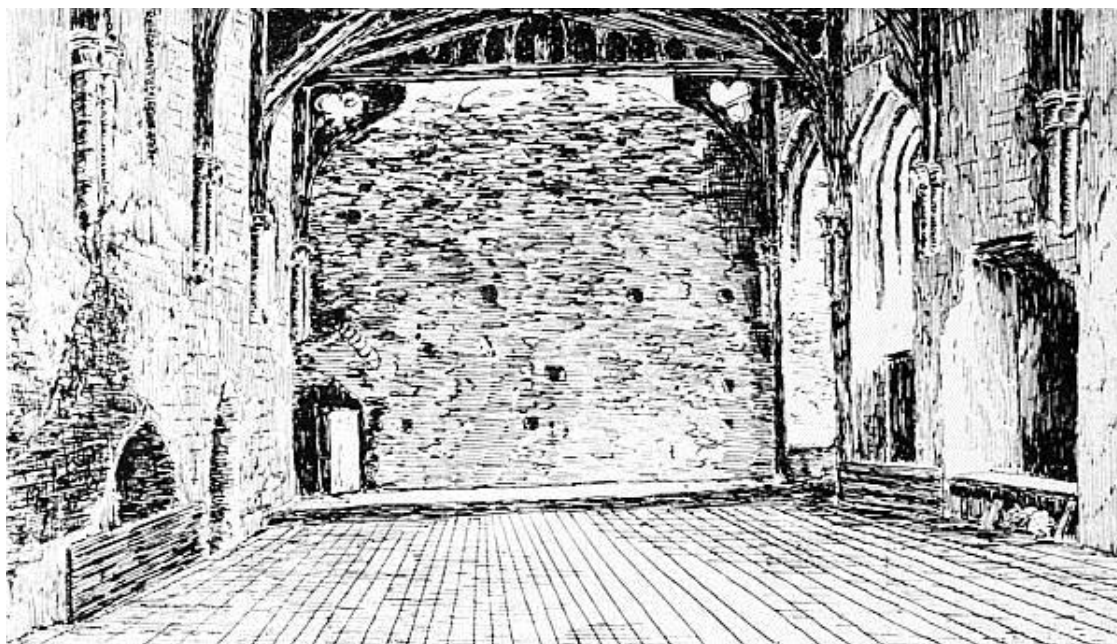
III. Однако замки последних двадцати лет тринадцатого века, спланированные с системой концентрических укреплений, можно считать, вместе с Карнарвоном и Конвеем, достигшими наивысшего уровня военной науки, достигнутого в средневековой Англии. Самый ранний из них, Кэрфилли (270), строительство которого было начато до конца правления Генриха III., также был самым сложным.²⁸⁴ Сам замок располагался посреди озера, образованного перекрытием двух ручьев; и в этом отношении ситуация мало чем отличалась от ситуации в Кенилуорте, который был защищен с юга и запада искусственным озером и имел неправильную концентричность в конечном развитии своего плана.²⁸⁵ Стороны острова были обнесены мощными подпорными стенами, которые поднимались, образуя занавес внешнего ограждения. Этот занавес был низким и обрамлялся не башнями, а изогнутыми выступами, образующими бастионы по углам. Внутри этой внешней обороны возвышался прямоугольный внутренний двор, высокий занавес которого был окружен барабанными башнями по бокам под каждым углом и очень большой сторожкой с двумя барабанными башнями на восточной и западной сторонах. Во внешнем дворе были также передняя и задняя сторожки, по бокам от которых располагались небольшие барабанные башенки с восточной и западной стороны: они находились непосредственно под контролем внутренних сторожек, и вход в них не был наклонным. Внутренняя палата была просторной и веселой. В центре находится колодец: большой зал (272), превосходная каменная кладка которого

защищена от непогоды современной крышей, был построен напротив южного занавеса, а часовня находилась под прямым углом к нему в восточном конце. Кухня располагалась в выступающей башне к югу от холла, которая в этом месте перекрывала внешнюю галерею: под кухней был задний ход, сообщающийся непосредственно с озером. Место прохода по крепостному валу в занавесе рядом с залом было обеспечено галереей, проходящей по всей его толщине и выходящей петлей на поле. В восточном конце холла находились апартаменты, через которые можно было попасть в комнаты на первом этаже восточной сторожки.

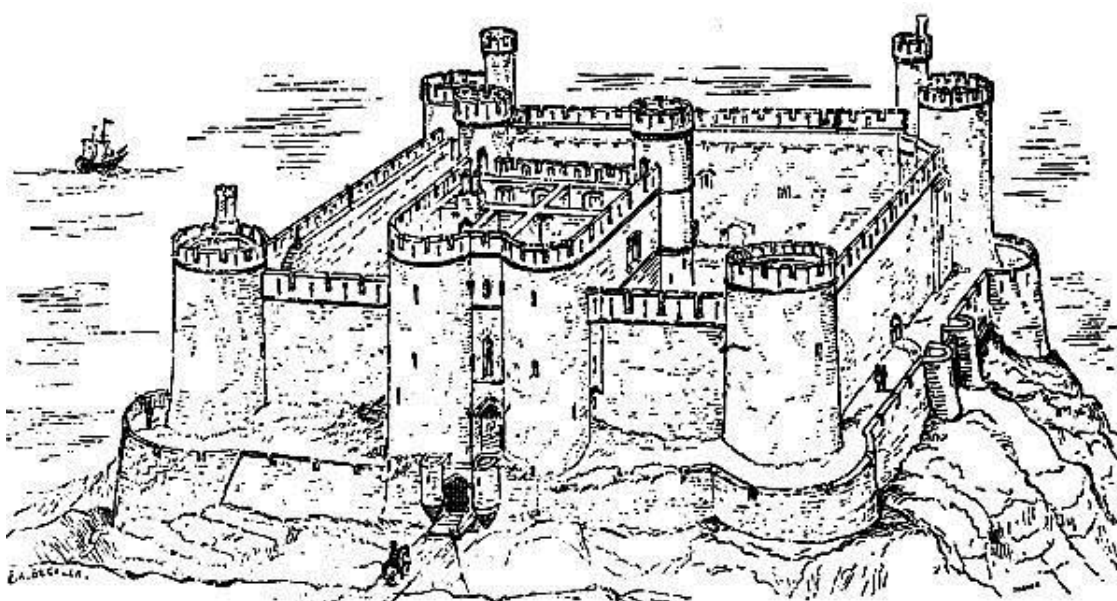

Замок Кэрфилли

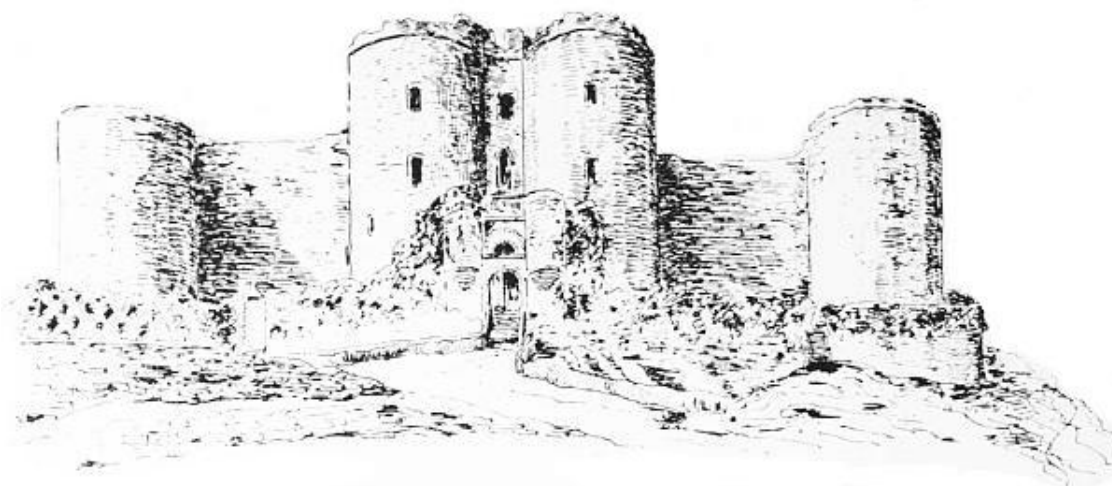
Этот план, в котором так хорошо сочетались военные и бытовые элементы, интересен сам по себе. Но еще более интересными были внешние укрепления, которыми был окружен замок. Вся восточная сторона замка на внешнем берегу озера была ограждена внешней стеной, в центре которой, почти напротив внутренних ворот, находилась большая сторожка, а по концам переходила в группы башен, самая большая из которых с южной стороны прикрывала задний вход. Мокрый ров отделял эту внешнюю линию обороны от деревни Кэрфилли, и в ее центре находился пирс, на котором сходились две секции подъемного моста. К северу от сторожки внешняя завеса была защищена просто дорожкой, ведущей к крепостному валу; однако с южной стороны в задней части завесы была оставлена узкая терраса, по которой можно было попасть на замковую мельницу и другие служебные помещения. Эти две части завесы были отделены друг от друга сторожкой и разделительной стеной, что в случае захвата одной части завесы осаждающими давало обороняющимся явное преимущество. Внутреннее озеро было пересечено с платформы перед главными воротами по подъемному мосту, который, вероятно, был установлен противовесом со стороны острова.

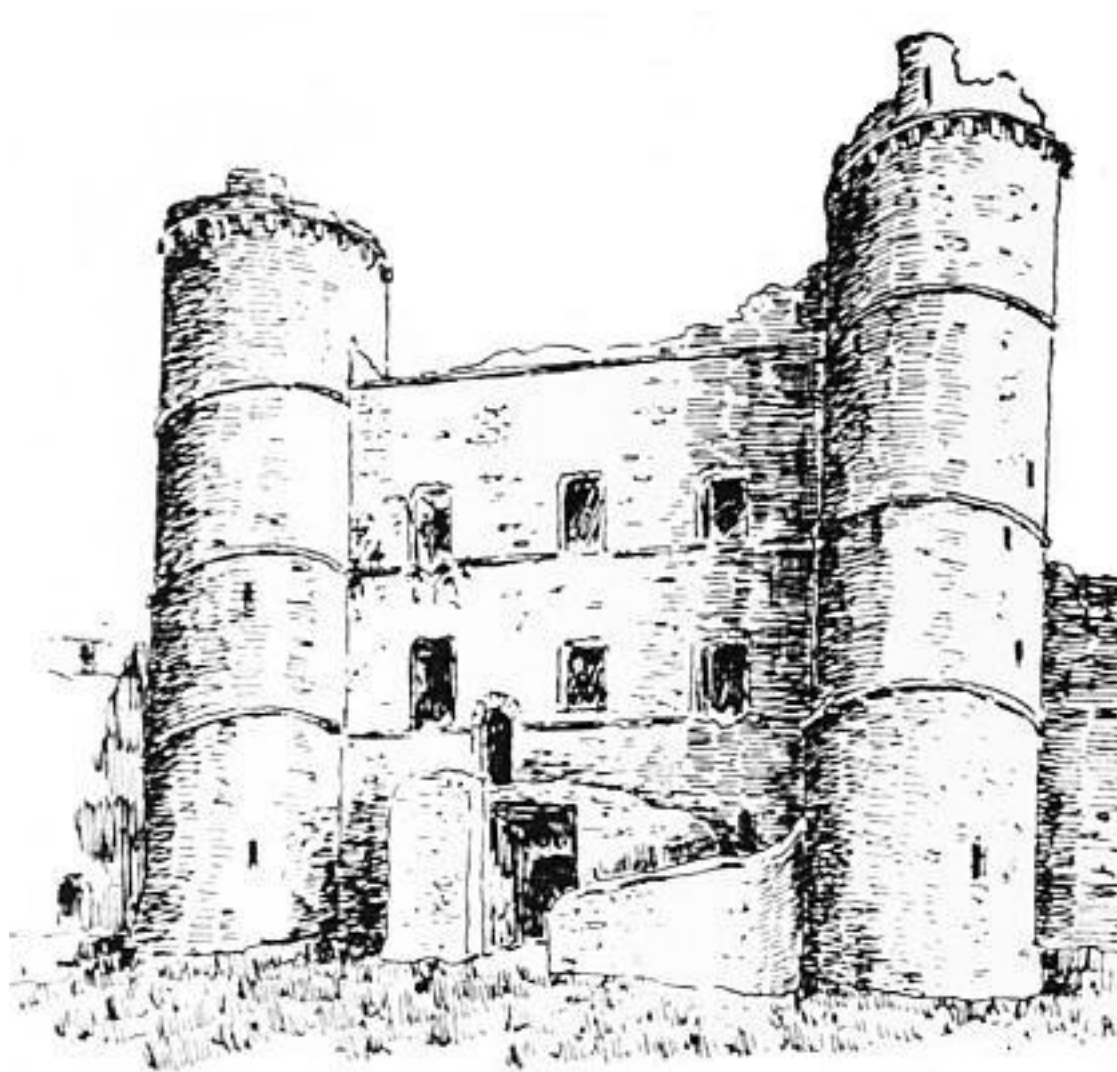
Замок Кэрфилли; Холл

Замок Харлех

Замок Харлех; Сторожка

Харлех; Внутренняя сторона сторожки

Озеро на северной стороне замка было разделено на внутренний и внешний ров земляной насыпью, которая начиналась с платформы внешней сторожки и огибала северную сторону острова. Этот берег заканчивался вторым, меньшим островом, по бокам которого была каменная стена, закрывающая западную сторону крепости. Это горное сооружение, или равелин, было соединено подъемными мостами через внешний и внутренний рвы с

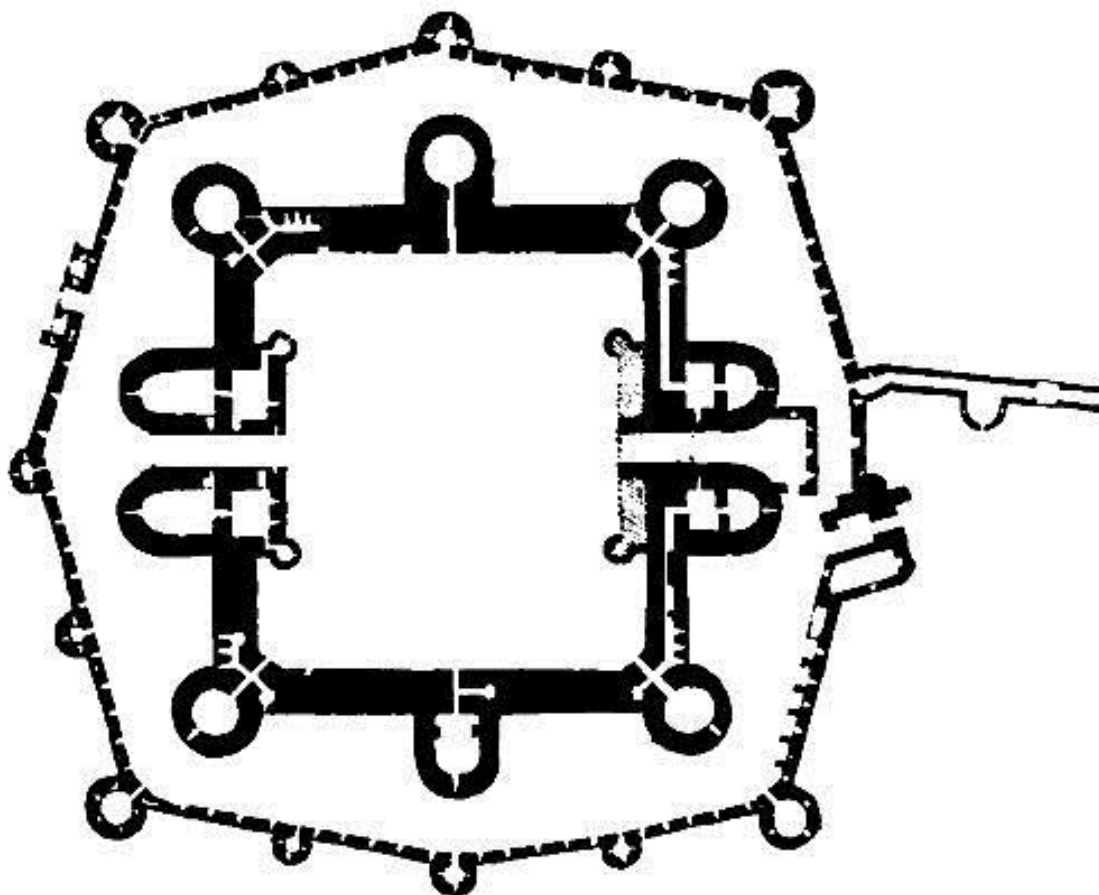
материком и с западными воротами замка. Очевидно, что подобная крепость, в которой были задействованы все средства искусства защитников, давала осаждающим очень мало возможностей. Каждый вход охранялся: если он хоть раз проникал внутрь, приходилось форсировать оборону за обороной, в то время как все ресурсы нескольких линий обороны могли быть использованы против него одновременно. Более того, он должен был быть осторожен, чтобы перекрыть все коммуникации от заднего входа и задних дверей; и это было трудным делом, когда защитники замка имели такую большую свободу передвижения и могли атаковать его со стольких разных точек. Неудивительно узнать, что неприступная крепость Кэрфилли практически не имеет истории. Построенный для защиты нижней части долины Рифни и прикрытия прибрежных замков вокруг Кардиффа от нападения валлийцев из долин, которые спускаются к югу от Брекон—Биконс, он не выдержал серьезной осады;²⁸⁶ и только во время гражданской войны его военная мощь была по-настоящему проверена - и то только в эпоху, которая переросла методы, ответственные за его схему ведения войны. защита.²⁸⁷

Из замков Эдуарда I. в Северном Уэльсе Харлеч (²⁷³) и Раддлан с высокими внутренними занавесами и цилиндрическими угловыми башнями имеют много общего друг с другом и с Кэрфилли. Общий план Харлеча почти идентичен плану островных укреплений Кэрфилли. Однако его расположение на высокой скале не требует сложной внешней обороны. Скала была изолирована от материка сухим рвом, прорезанным поперек восточного склона. Дамба и подъемный мост вели к сторожке внешнего квартала, по бокам от которой находились бартизаны. Стена внешнего квартала, как и в Кэрфилли, низкая и без башен: три ее угла образуют бастионы, в то время как другой, в наименее доступном месте, просто изогнут. Необычайно высокий занавес внутреннего двора, высотой около 40 футов, возвышается над сравнительно небольшими внешними укреплениями; в то время как центр восточной стороны занят большой сторожкой (²⁷⁴), выступающей далеко назад во внутренний двор. Вход обрамляют две полуцилиндрические башни, а в задней части сторожки находятся две круглые башенки, возвышающиеся высоко над крышами. Руддлан, который стоит на правом берегу реки Клвид, имел довольно широкую внешнюю территорию, защищенную глубоким и широким рвом с трех сторон, на которых участок довольно ровный. Во внутреннем дворе было две сторожки одинакового размера и важности, расположенные по диагонали друг к другу в северо-восточном и юго-западном углах занавеса. Каждый из них был окружен двумя большими барабанными башнями, в то время как каждый из двух оставшихся углов был увенчан одной башней.

В Харлече был холл и другие хозяйственные постройки за занавесками; но сторожка у ворот сама по себе была полноценным особняком с собственной маленькой часовней или молельней над воротами. Из главного зала сторожки вела внешняя лестница во внутренний двор. Точно такое же расположение имеет место в Кидвелли, в то время как важность сторожки как жилого помещения достигает своего апогея в холле северной сторожки в Бьюмарисе.²⁸⁸ Двойное расположение зала, кухни и т.д. Для гарнизона и частного жилого дома для констебля или лорда замка уже было замечено в Конвее, в то время как его рост был прослежен в связи с замком Дарем.

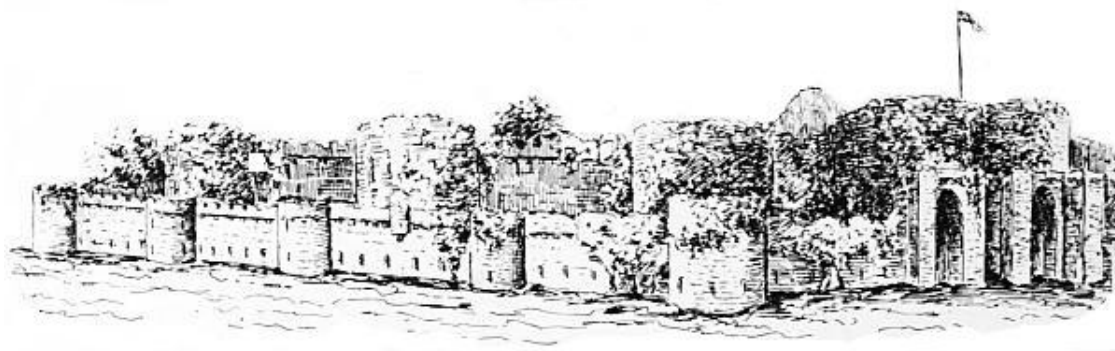
Харлех представляет два или три важных момента, представляющих интерес. (1) Внешняя стена ни в какой точке не была перекрыта выступающими зданиями, как в Кэрфилли, а была непрерывной: однако, по крайней мере в одном месте, ее пересекала стена, преграждавшая продвижение противника. (2) Из-за особенностей участка была построена только одна сторожка. Но небольшой дверной проем в центре северной стены внутреннего двора

открывался прямо напротив заднего хода, окруженного полукруглыми бастионами, во внешней стене. От этого места чрезвычайно крутая тропа, которую сейчас почти невозможно проследить, шла вдоль края скалы, огибала северо-западный бастион внешней стены и проходила близко под западным занавесом к юго-западному углу скалы. Здесь, удваиваясь, она спускалась через ворота в длинный проход между склоном скалы и внешней стеной и заканчивалась у водных ворот замка, у подножия большой скалы и недалеко от нынешней железнодорожной станции. Стена, защищавшая внешнюю сторону этого извилистого прохода, образовывала внешний занавес замка, спускаясь по скале с юго-западного угла внешней стены, огибая подножие скалы с ее северной стороны и снова взбираясь на нее, чтобы встретиться с северо-восточным бастионом.²⁸⁹ (3) Дорожка вдоль вала не имела зубчатых колес и, как и в Конвее (²⁶¹), продолжалась вокруг внутренних граней угловых башен на карнизах. Это оставляло внутреннюю часть башен свободной, в то время как дверные проемы и лестницы давали им возможность беспрепятственно перемещаться по крепостному валу. Стены не только высокие, но и очень толстые. Сечение косяков окон холла и небольшой северной задней двери указывает на тот факт, что нижняя часть стен была утолщена, вероятно, в качестве запоздалой мысли, когда определялась их нынешняя высота. Верхняя часть стен однородна и, очевидно, представляет собой возвышение. (4) Хотя щели в угловых башнях сообщались с проходом к валу, защитникам башен была предоставлена свобода действий благодаря наличию отдельной лестницы для тех, кто был назначен охранять промежуточные валы. На эту лестницу можно подняться через дверной проем в подвал юго-восточной башни и, отходя от внутренней лестницы в нескольких футах над входом, выйти на небольшую внешнюю платформу. Здесь узкая внешняя лестница с задней стеной поднимается по фасаду плоского ущелья башни и, поворачивая вдоль южного выступа, наконец достигает крепостного вала. Планировка этой лестницы с тщательно прикрытым входом на первом этаже очень интересна.

Замок Бьюмарис; План

Однако нигде красота концентрической планировки не может быть оценена так высоко, как в Бьюмарисе (278), одном из последних валлийских замков Эдуарда I. 290 Участок плоский и низкий, на полосе суши у северного входа в пролив Менай. Здесь нет попыток создать какую-либо сложную внешнюю систему обороны, подобную той, которую мы видим в Кэрфилли. Защитные сооружения состояли из рва, заполнявшегося водой во время прилива, и внутренней и внешней завесы, причем внутренняя завеса, как обычно, господствовала над внешней. Внутренний двор имеет квадратную форму: по одной барабанной башне на каждом из углов и по одной в центре каждой из восточных и западных сторон. Северный и южный занавесы разделены сторожками, по бокам которых также расположены барабанные башни. 291 Северная сторожка была самой большой, и на ее втором этаже располагался внушительный зал. Занавес внешнего отделения, окружающий внутреннее, был приспособлен к выступу промежуточных барабанных башен и сторожек внутреннего отделения за счет конструкции каждой грани с выступающим углом в центре (277). Нет никаких следов каких-либо поперечных стен, преграждающих проход во внешнюю палату. Внешний занавес, который, благодаря ровному участку, не является просто низкой бастионной стеной Кэрфилли или Харлеча, имеет по барабанной башне под каждым углом. На каждом из северных, восточных и западных занавесов расположены три барабанные башни меньшего размера, центральная из которых венчает выступ. Таким образом, план наиболее симметричен и единообразен. Однако южный занавес внешнего двора не имеет промежуточных барабанных башен, а его выступ почти перекрыт внешними воротами. Однако эти ворота, окруженные прямоугольными башнями, 292 расположены наклонно к стене. При входе во внешнюю палату сразу справа от нас находится небольшой прямоугольный барбакан с поперечными петлями, который прикрывает внутренние ворота, так что перед входом во внутреннюю палату необходимо сделать два поворота под прямым углом (277).

Замок Бомарис

Этот вход, наиболее тщательно охраняемый, демонстрирует даже более высокое мастерство, чем барбакан Конвея и тщательно продуманный проход от водных ворот в Харлече. Но в этом замке есть еще два замечательных оборонительных сооружения. Мы видели, что, как и в Кэрфилли, в обоих концах внутреннего двора есть большие сторожки. Задняя сторожка, которая, как уже отмечалось, является более важной, не имеет барбакана. Задние ворота внешнего прихода расположены наискосок к нему, в северной части к востоку от выступа, и представляют собой просто большую заднюю дверь в стене. Снаружи, однако, стена укреплена четырьмя контрфорсами, каждый из которых пронизан петлей; внешние контрфорсы обращены петлей к полю, внутренние - к воротам. Самый западный контрфорс выступает дальше остальных, и ясно, что конструкция была предназначена для сокрытия и защиты заднего фасада от нападения, и что западная сторона, в направлении

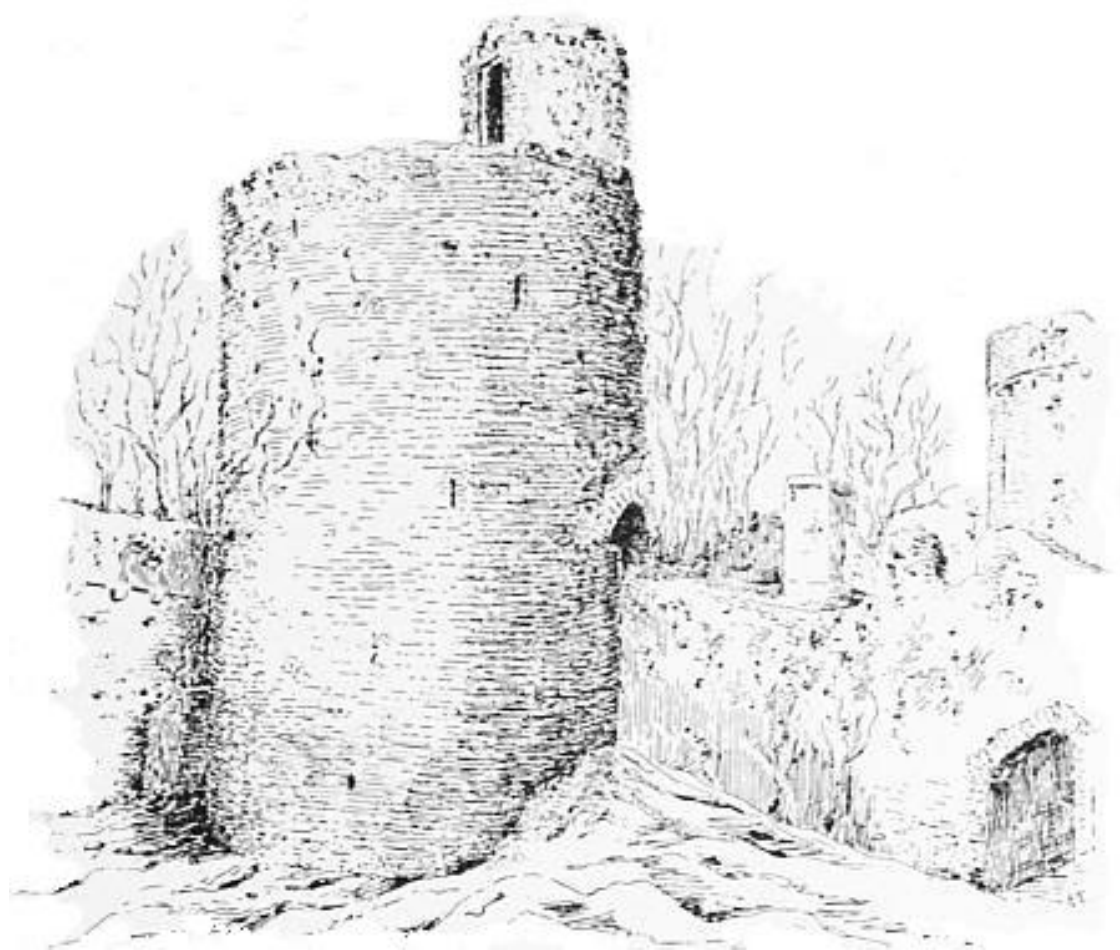
внутренних районов Англси, была той, с которой нападения следовало ожидать больше всего. Другой защитой является отрог-стена, которая, проходя почти под прямым углом к южной стене внешнего укрепления, закрывала главный вход и пляж, на который он выходил, от пляжа на восточной стороне замка. Стена прорезана проходом, имеет петлевую форму с обеих сторон и с западной стороны обрамлена полукруглой башней.

Хотя на первый взгляд башни Бьюмариса на абсолютно ровном месте выглядят низкими и неважными и представляют собой разительный контраст с башнями Харлеча, Карнарвона или Конвея, площадь замка на самом деле велика, и ни в одном другом замке эдвардианской эпохи не представлена столь совершенная научная система обороны. Внешняя завеса, в дополнение к дорожке у вала, имеет петли, пробитые через равные промежутки времени в ее нижней части; дорожка у вала частично поддерживается непрерывными выступами на внутренней стороне стены. Кроме того, внутренний занавес на уровне первого этажа сторожек и башен прорезан непрерывным сводчатым проходом, выходящим петлей на поле боя. Она проходит вокруг всего двора и прерывается только в северо-западном углу, где встречается с северной сторожкой. Везде в стенах замка, где могла пригодиться петля, она была сделана. Из замеченных моментов следует отметить, что оба входа необычны, а дизайн задней двери кажется уникальным. Отроговая стена, хотя и менее искусно обработанная, была найдена прикрывающей главный вход в Кидвелли и в других местах; а длинные проходы в толще стены обнаружены на участках оборонительных сооружений в Кэрфилли и Карнарвоне. В башни Бьюмариса можно попасть по прямой лестнице из ущелья; и по всему замку, в сторожках, большом зале и подвалах башен, преобладал метод возведения деревянной крыши на отдельных каменных ребрах, что очень заметно также в Конвее и Харлече.

Замок Кидвелли²⁹³ (267), еще одно здание конца тринадцатого века, стоит на крутом холме, восточная сторона которого круто спускается к реке Гвендрет Фах. Замок находится на противоположном берегу реки от города Кидвелли, и длинный внутренний двор, от которого сохранилась часть сторожки, спускался по склону к мосту. В начале этого подъема барбакан и подъемный мост образовывали подход к мощной сторожке, по бокам от которой стояли две башни для обстрела и которая дополнительно была защищена торцевой стеной поперек рва. Сторожка находится в крайнем юго-восточном углу внешнего квартала, который, описывая широкую дугу, охватывает три стороны почти квадратного внутреннего квартала и отделен от пригорода Кидвелли на этой стороне реки рвом. Площадка была узкой, как в Чепстоу, а восточный склон таким крутым, что внешний двор не был достроен с этой стороны, но его занавес продолжался восточными барабанными башнями и занавесом внутреннего двора. Три полукруглые башни были сделаны в изогнутом занавесе внешнего двора; на противоположной оконечности от сторожки, недалеко от северо-восточного угла, задняя дверь, окруженная небольшими барабанными башнями, давала доступ к северному земляному валу, который можно сравнить с роговым валом в Кэрфилли, но не имел подпорной стены.

Кидвелли с его надстройками спереди и сзади сразу напоминает Кэрфилли. Неправильный концентрический план, с внутренним отделением на одной стороне внутренней части внешнего, очень необычен, но обеспечивает связь между концентрическим планом и расширением раннего плана Чепстоу. Наличие как передних, так и задних ворот является особенностью Кэрфилли, Чепстоу, Бьюмариса и Конвея; и, как и в Кэрфилли, Раддлане и Бьюмарисе, во внутреннем дворе также есть передний и задний входы. Однако в Кидвелли это всего лишь дверные проемы в стене. Внутренний двор был небольшим, с очень большими и совершенными барабанными башнями по углам: хозяйственные постройки,

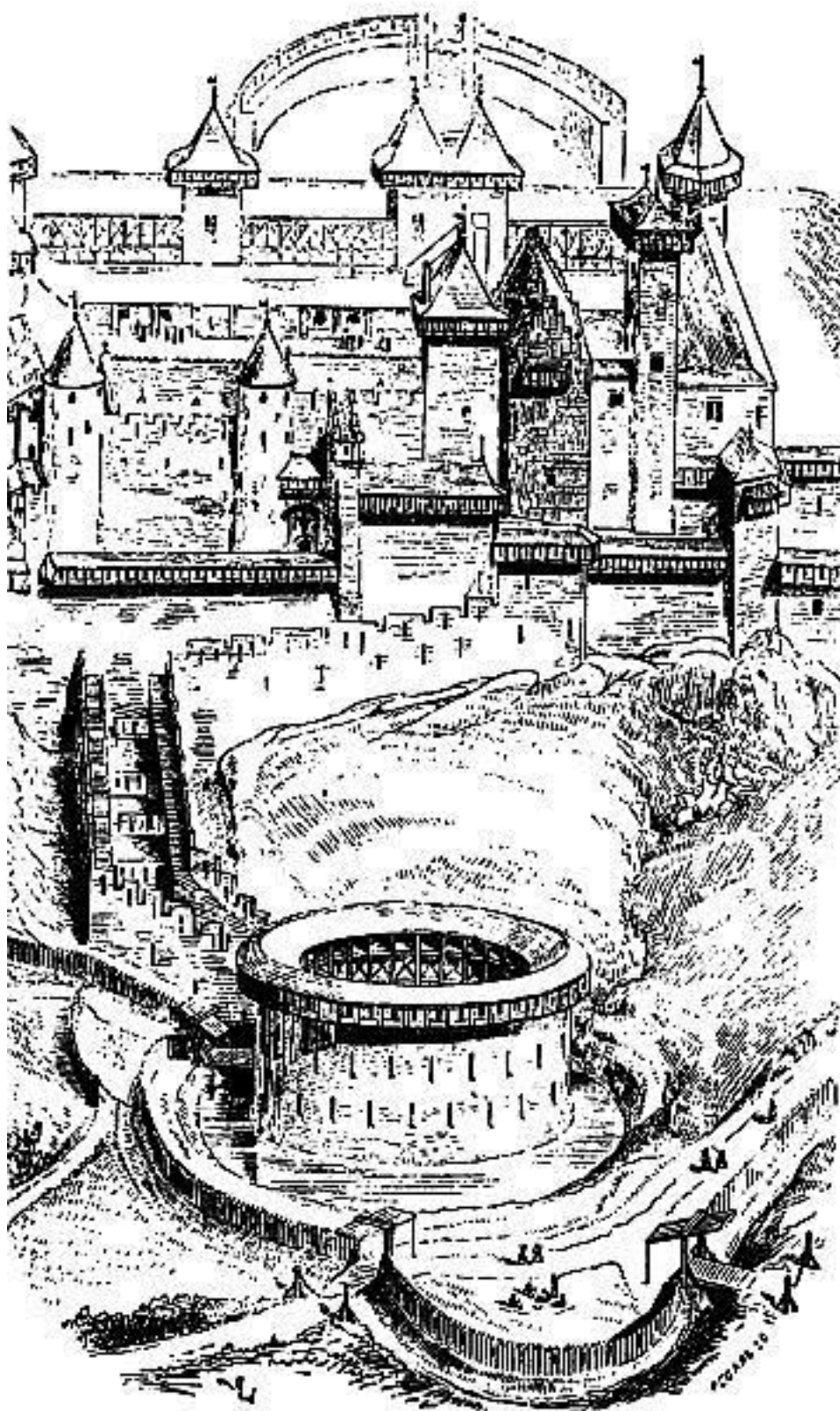
расположенные по обе стороны от него, оставляли только узкий проход посередине. Башня, два верхних этажа которой образовывали часовню, была построена на восточном склоне, от угла прихода рядом с юго-восточной барабанной башней. Таким образом, сторожка, которая здесь, как в Харлече и Бьюмарисе, содержит большой зал и другие помещения и, в дополнение к тискам на верхних этажах, имеет внешнюю лестницу и площадку у северной стены, находилась на внешней, а не внутренней линии обороны и была защищена рвом, барбаканом и внутренним двором за ним. Во внешнем дворе есть остатки зданий, вероятно, предназначенных для гарнизона. В подвале сторожки, который находится ниже уровня палаты, находятся сводчатые помещения. В одном из них находится нижнее хранилище с куполообразной крышей, которое, возможно, использовалось для складов или резервуара; в другом, по-видимому, есть признаки устья колодца.

Замок Кидвелли; Башня в юго-западном углу внутреннего двора

Меры предосторожности, принятые в Кидвелли, не были столь тщательными, как в других великих валлийских замках того времени, и строители больше всего полагались на прочность своих стен и башен. Внешняя занавеска имеет особенность, редкую для английских замков того времени, - к ней пристроена лестница с уровня палаты.²⁹⁴ Внутренняя палата имеет несколько любопытных особенностей. Лестница, ведущая к занавесу, представляла собой прямой лестничный пролет, защищенный западной стеной главного входа со стороны внешнего отделения. Тропинка вдоль задней части крепостного вала южного занавеса вела к юго-западной барабанной башне, со второго этажа которой можно было попасть на крепостной вал. Дорожка, хотя и сильно заросла плющом и другими

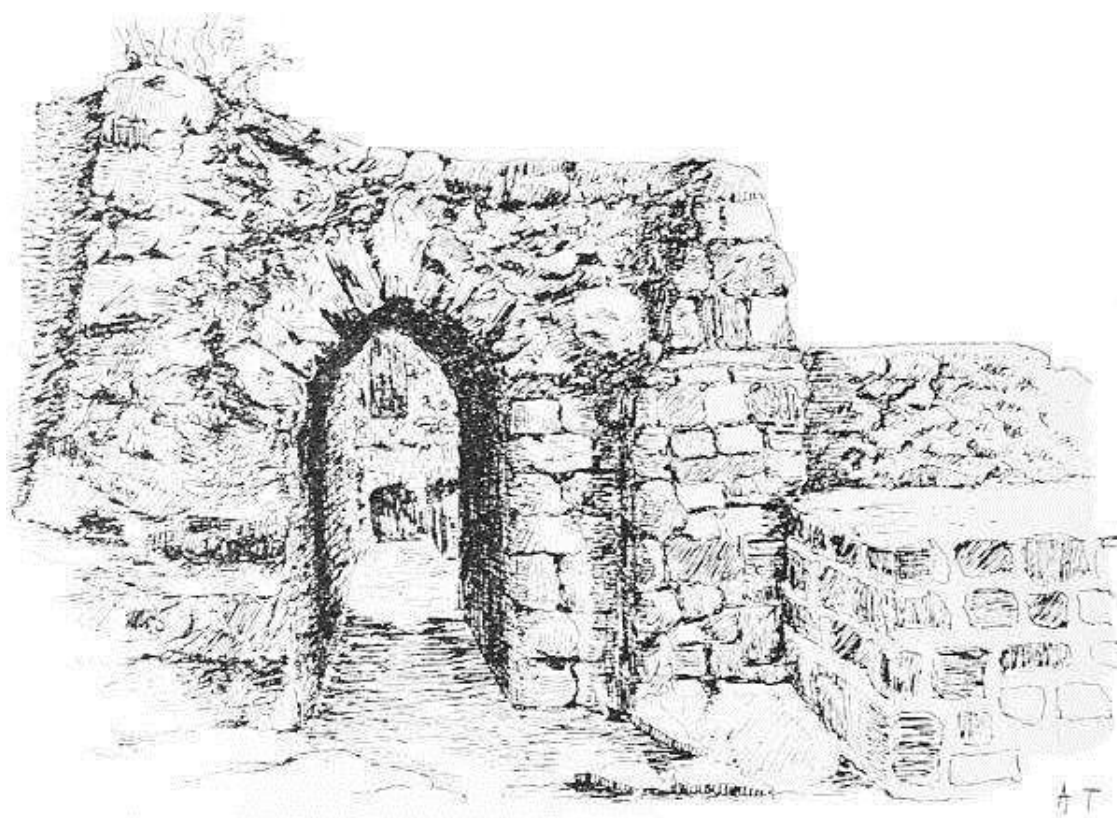
сорняками, все еще имеет заднюю стену и продолжается через башни и вокруг внутреннего двора. Интересны две западные барабанные башни. Верхняя часть той, что на севере, где она обращена к приходу, представляет собой не простой изгиб, а разбита на две выпуклые кривые линии с углублением между ними: причина этого не очевидна.²⁹⁵ Юго-западная башня (281), стоящая под углом, под которым она выходит на внутреннюю сторону большой сторожки ворот, имеет самую необычную особенность в том, что все ее ступени перекрыты сводами: сами своды представляют собой неглубокие купола, довольно грубо сконструированные. Вполне вероятно, что инженеры, возможно, намеревались установить на башне катапульту во время осады. Расположение башни превосходно подходило бы для этой цели, но ее необычная прочность может быть обусловлена просто ее положением на линии атаки. Подвалы всех башен сводчатые, но в подвал этой конкретной башни, вместо того чтобы входить непосредственно из палаты или одного из хозяйственных зданий, можно попасть по длинному и темному проходу в толще южной стены, с левой стороны от дверного проема внутренней палаты. Необычные меры предосторожности, принятые в отношении этой башни и ее входов, придают ей видное положение в описании замка; и, хотя она не больше и не возвышеннее других угловых башен внутреннего двора, она имеет нечто от башни Мартена в Чепстоу или Орлиной башни в Карнарвоне.

Каркассон

Хотя эдвардианский замок в Уэльсе имеет множество достопримечательностей и обеспечивает высокоразвитую схему обороны, все же его устройства просты по сравнению с высшими достижениями французской фортификации. Тщательно продуманная внешняя защита Керфилли и разнообразие изобретательности, проявленной в Бьюмарисе, являются исключениями из этого общего утверждения; в то время как общий план Карнарвона столь же внушителен, как и у любого замка в Европе. Но такие тщательно продуманные подходы,

как барбакан Конвея и долгий подъем от водных ворот в Харлече, занимают второе место по сравнению с таким произведением, как внешний подход к Каркассонскому замку, с приблизительной точностью восстановленный на рисунках Виоле-ле-Дюка (283). Замок стоял внутри внутренней стены города, занимая прямоугольное место на юго-западной стороне этого шедевра концентрической планировки. Вход из города охранялся полукруглым барбаканом; но подход, требовавший наиболее тщательной обороны, велся со стороны подножия холма, на краю которого стоит город. Таким образом, там, где холм встречается с равниной, ниже замка, был построен большой барбакан, внутри внешнего частокола и рва которого находилась большая круглая башня, мало чем отличающаяся от большой башни на горе в Виндзоре, окруженной влажным рвом. Центр этого *шатле* был открыт небу: стены были прорезаны двумя рядами петель ниже крепостного вала. Эта башня охраняла вход на обнесенный стеной и тщательно охраняемый подъем, который, сделав прямоугольный поворот, вел вверх по прямому проходу, 296, которым командует вал внешнего ограждения города. Там, где она встречалась с занавесом, она поворачивала направо, вдоль подножия стены, и таким образом достигала ворот во внешнюю часть города, или “ристалища”. Но здесь проход, проходя через крытый вестибюль, поворачивал обратно своим чередом и вел во внутренний барбакан с двумя верхними ступенями. Только после того, как это было сделано, были введены списки и достигнуты главные ворота замка во внутренней стене. Проследивая этот отрывок, мы вспоминаем восхождение на Харлеч и ловушки, расставленные для врага в Бьюмарисе; но их сочетание здесь такого масштаба, о котором и не мечтали в тех крепостях, каким бы тщательно ни было их планирование.

Фасад дома; Казематы

Стенные галереи, опять же, в Карнарвоне и Бьюмарисе, представляют собой очень полезное устройство, необычное для английских замков, и спланированы в Карнарвоне с исключительным мастерством; в то время как в Кэрфилли галерея в южной стене, между холлом и рвом, представляет собой решение для защиты точки, которую несколько перегруженная планировка внутренних построек угрожала оставить без охраны. Но крытая

галерея под крепостными валами не была заметной особенностью средневековой обороны в Англии. С другой стороны, она свободно использовалась во Франции. Здесь можно привести два примера использования крытых галерей в обороне. Один из них - из Домфронта, где, как и в Куси, замок был отделен от города-крепости очень внушительным рвом. Со стороны, соседней с замком, скала была перекрыта подпорной стеной, по бокам которой стояли две круглые башни на концах и многоугольная башня ближе к центру. Когда-то в средние века, вероятно, в конце тринадцатого века, скала за стеной была прорезана длинной галереей, соединявшейся со всеми тремя башнями, и лестницами через определенные промежутки времени с верхней палатой наверху. В подпорной стене были сделаны петли, так что подход с этой стороны был, таким образом, обеспечен линией обороны ниже уровня башен и занавеса. Галерея расположена не на одном уровне, а образует серию отдельных сводчатых казематов, соединенных друг с другом короткими лестничными пролетами²⁹⁷ (284).

Во втором случае, в Куси, мы имеем дело с закрытой галереей без петель, которая была спроектирована как контрминная защита от усилий саперов атакующих сил. Остатки таких галерей сохранились более чем в одной части замка, образуя замечательное дополнение к оборонительным сооружениям, которые сами по себе были достаточно прочными, чтобы отразить нападение. Ближе к концу четырнадцатого века занавес донжона, самой прочной башни в Европе, был утолщен за счет добавления осыпи или опорного основания, в котором был прорезан проход. Главной целью этой работы было перекрыть источник, который брал начало во рву у подножия занавеса: проход сообщался на одном конце с более ранним и хорошо охраняемым проходом, ведущим из хозяйственных построек к заднему проходу в стене, который пересекал западный конец рва, в то время как на другом конце он сообщался лестницей с крепостным валом занавеса и сторожкой внутреннего двора. Но это было не просто удобное средство доступа к источнику. Это давало защитникам возможность противодействовать вражеским шахтерам; в то время как, если бы шахтеры пробили себе путь через осыпь, они были бы встречены плотной завесой на другой стороне прохода. Сам проход, хорошо защищенный с обоих концов, находился бы под контролем защитников, в то время как источник посередине для тех, кто не знаком с географией этого места, представлял бы собой опасный барьер в темноте.

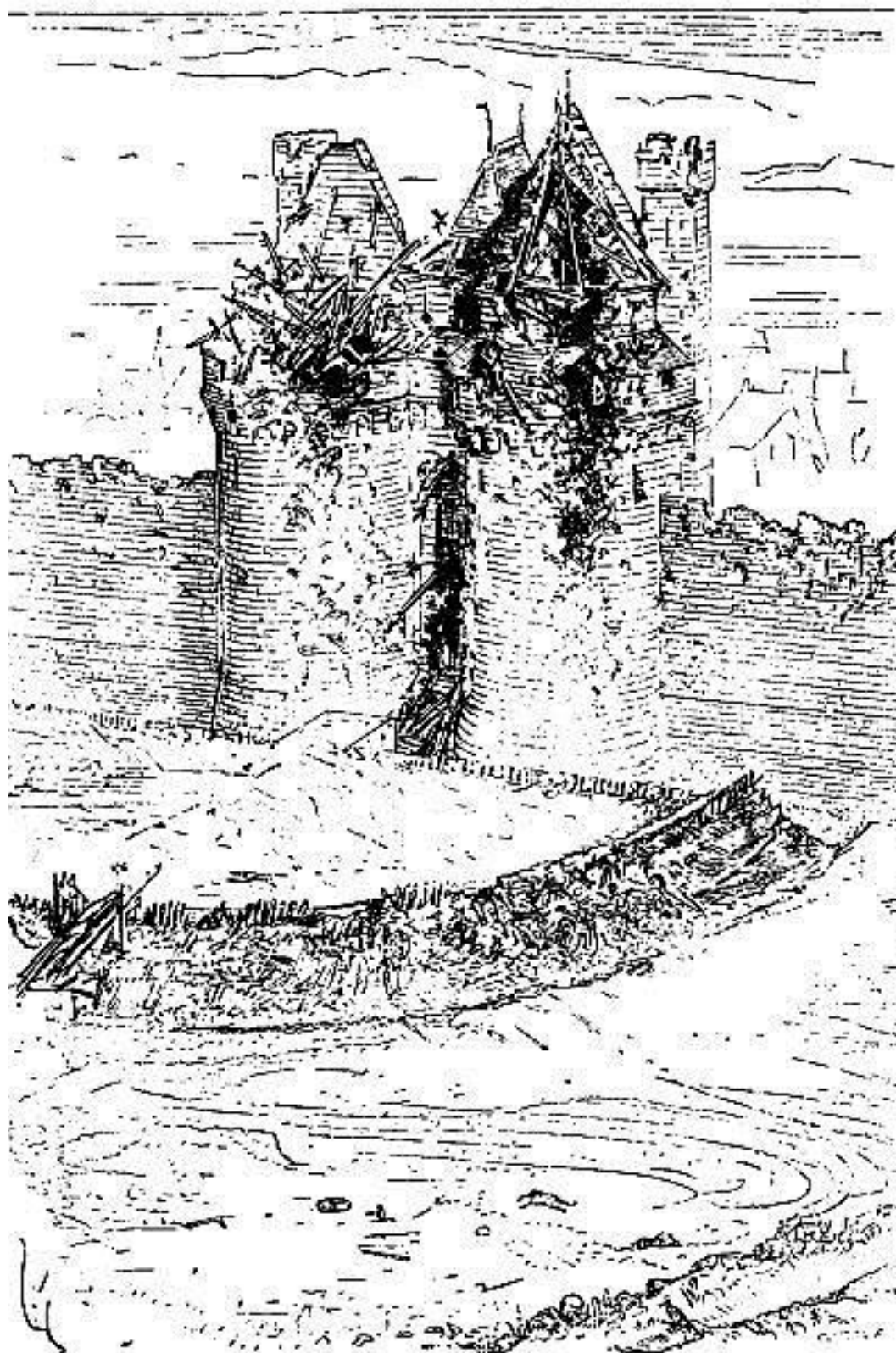
С такими законченными достижениями военного искусства, как эти, которые были приведены в качестве образцовых примеров, наши английские замки не могут провести точной параллели. В военном деле, как и в церковной архитектуре Франции, принципы были выработаны с логической точностью и завершенностью, которые по своему практическому эффекту вызывают наше удивление. Усилия, проявленные в эдвардианском замке, более скромны; достижения более ограничены. Это, однако, относится скорее к масштабам замка и деталям его обороны, чем к общей идее. Главная цель эффективного и тотального прикрытия завесы с флангов реализована так же полно, как и в любом другом иностранном примере; хотя можно с уверенностью сказать, что ни в одной стране преимущества концентрических линий обороны не были продемонстрированы лучше, чем в валлийских замках, основные черты которых были указаны в этой главе. Стены Каркассона могут предоставить нам концентрический план в самом крупном масштабе; но валлийские замки демонстрируют, по крайней мере, такое же понимание ценности концентрических укреплений. Разница заключается в том факте, что французский инженер продолжил укреплять свою оборону, добавляя сложные усовершенствования и тонкие устройства; в то время как англичанин на этом остановился и был удовлетворен, когда его цель по созданию и сочетанию адекватных башен и стен была достигнута.

ГЛАВА XI

ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: УКРЕПЛЕННЫЕ ГОРОДА И ЗАМКИ

Укрепление занавеса замка было доведено до совершенства в концентрическом плане, в котором также на какое-то время было установлено превосходство обороны над атакой. Но сам факт того, что замок достиг точки, при которой дальнейшее развитие при существующем положении вещей было невозможно, был фатален для его дальнейшего существования как крепости. Такой замок, как Кэрфилли, не положил конец локальным войнам: он всего лишь предупредил врага о том, что он находится на запретном пути. Его собственная безопасность была обеспечена, потому что его почти неприступная оборона делала нелепой любую попытку осады. Однако другие обстоятельства в совокупности привели к тому, что замок устарел. Расцвет городов и рост богатого торгового класса ускорили закат феодализма. Феодальный барон больше не был представителем важнейшего класса, и его крепость имела второстепенное значение по сравнению с окруженными стенами районами, которые символизировали реальную мощь страны. Но, в дополнение к этому социальному переходу, произошли изменения в ведении боевых действий, которые оказали далеко идущее влияние как на замок, так и на город-крепость. Огнестрельное оружие вошло в широкое употребление в начале четырнадцатого века.²⁹⁸ Ракет, для которых до сих пор единственными доступными механизмами были те, которые предполагали сброс с помощью кручения, натяжения или противовеса, теперь могут быть доставлены с помощью нового метода подрыва. Это позволило создать артиллерию, с которой можно было работать с большей экономией труда, а сами снаряды выпускать с большей силой. Шар из камня или железа не только может быть пущен с большей силой, чем это может быть придано старыми методами; но и направление, которое он принимает, более близко к горизонтальному, чем то, которое придается ему машинами мангонеля и ему подобных. Верно, что поначалу мощь пушек оставалась относительно слабой, но их постепенное совершенствование сделало старые системы обороны бесполезными. Высокие стены, которые могли противостоять катапультам прошлого, были легко разрушены пушечным выстрелом (²⁸⁸). Харлех, с его высокими завесами и угловыми башнями, был идеальной крепостью, пока для нападения и защиты не использовались взрывчатые вещества. Но, когда пушки направлены против таких укреплений (²⁷³), и поверхность стен простреливается дробью, высота укреплений становится опасной; и, чтобы установить орудия обороны на стенах, эти стены должны быть как можно более прочными, чтобы избежать постоянной вибрации, возникающей от выстрелов, и как можно более низкими, чтобы повисить их устойчивость и разместить противника в пределах досягаемости. Изменение очевидно, если мы сравним высокие и сравнительно стройные башни Каркассона или Эг-Морта с массивными барабанными башнями французских замков или городов-крепостей пятнадцатого века, таких как замок Алансон (²⁸⁹) или город Сен-Мало (²⁹⁰). Еще позже фланкировка стен городов и замков демонстрирует переход от круглой башни к бастиону; и мы находим массивные выступы, такие как Тур Габриэль в Мон-Сен-Мишель (²⁹¹), которые немного возвышаются, если вообще возвышаются, над уровнем прилегающей стены. Конечным результатом этого перехода является чистый и незамысловатый бастион, обрамляющий низкий и прочный земляной берег облицовочной стеной, как в Сен-Поль-дю-Вар или, позже, в нашем

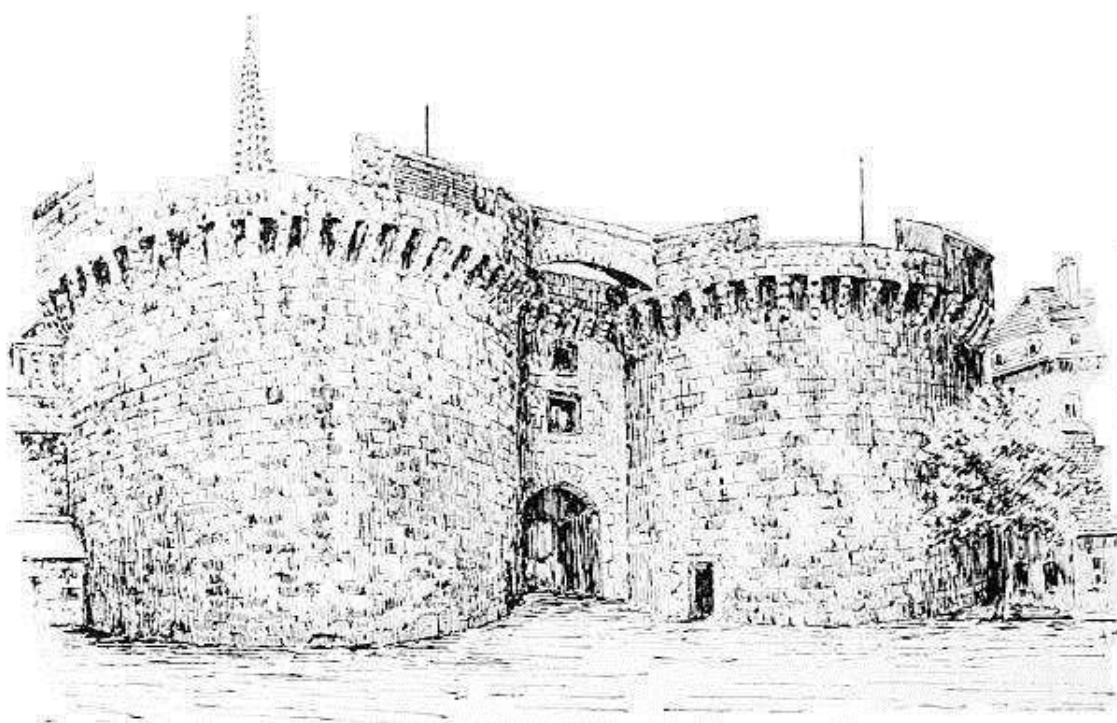
собственном Бервик-он-Твид.²⁹⁹ Следующий шаг подводит нас к научной фортификации семнадцатого века, к Лиллю и Аррасу и тем великолепным крепостям, которые прогресс девятнадцатого века уже превратил в объект скорее исторического, чем практического интереса.³⁰⁰

Сторожка, Барбакан и Внешняя стена города разрушены пушечным выстрелом

Alençon

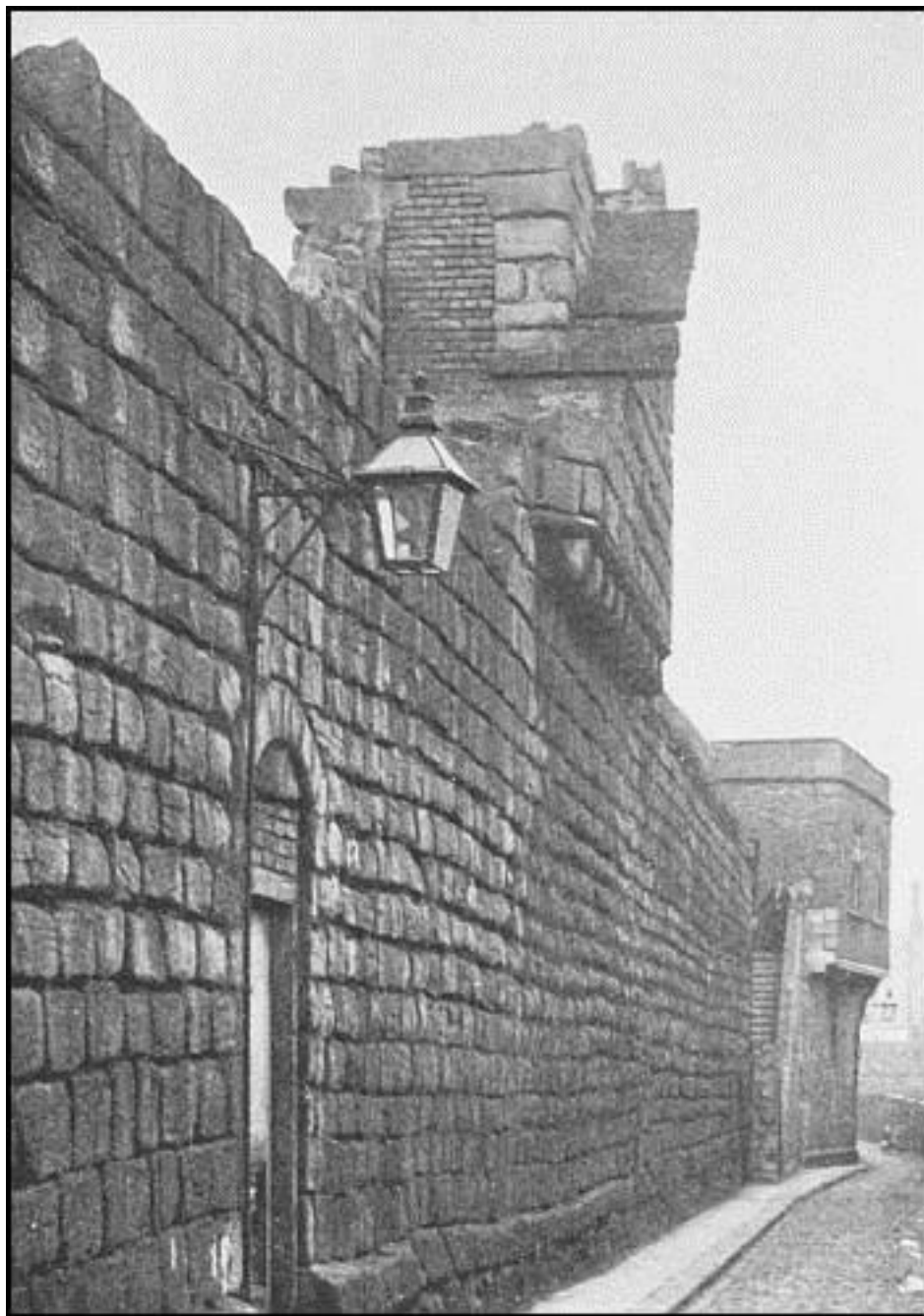

Saint-Malo; Grande porte

Мон-Сен-Мишель; Тур-Габриэль

Эти современные разработки нас не касаются в этой книге; и в этих двух заключительных главах мы можем просто проследить более позднюю историю, с оборонительной точки зрения, того типа укреплений, развитие которого мы до сих пор отслеживали, и постепенного слияния средневекового замка со средневековым жилым домом. Старое различие между замком и *бургом* все еще сохранялось. На протяжении большей части средневековья, от нормандского завоевания до четырнадцатого века, замок, оплот отдельного лорда, был наивысшим типом укрепления, и город, как в Бервике во времена правления Эдуарда I., или в Конвее, или в Карнарвоне, был, когда был обнесен стеной, немногим более чем придатком или внешней защитой к замку. С появлением огнестрельного оружия город снова начал занимать свое место в авангарде обороны. Военное дело, начиная со времен войн Эдуарда III во Франции и даже раньше, перестало быть делом осад замков. Сражения все чаще велись в открытом поле, и главной целью кампаний становилось разрушение укрепленных городов, а не опорных пунктов отдельных людей. Замок, отодвинутый на второй план, все больше и больше развивался по образцу жилого дома; и, наконец, когда замок исчез, город с его цитаделью стал чрезвычайно важным объектом нападения и базой операций. Вкратце, этапы истории фортификации после Завоевания таковы. Деревянные укрепления саксонского *бурга* стали второстепенными по сравнению с деревянными укреплениями нормандского замка. Они были подчинены замку, символу владычества феодала. Замок достиг своего апогея в каменной башне. В этот момент началось отвращение. Укрепление каменной завесы сделало крепость устаревшей; и, наконец, достигнув совершенства завесы замка, военная наука применила себя к укреплению городской стены, пока, благодаря социальным изменениям и научным усовершенствованиям, сам замок не стал совершенно ненужным.

ньюкасл: городская стена

саутгемптон: городская стена

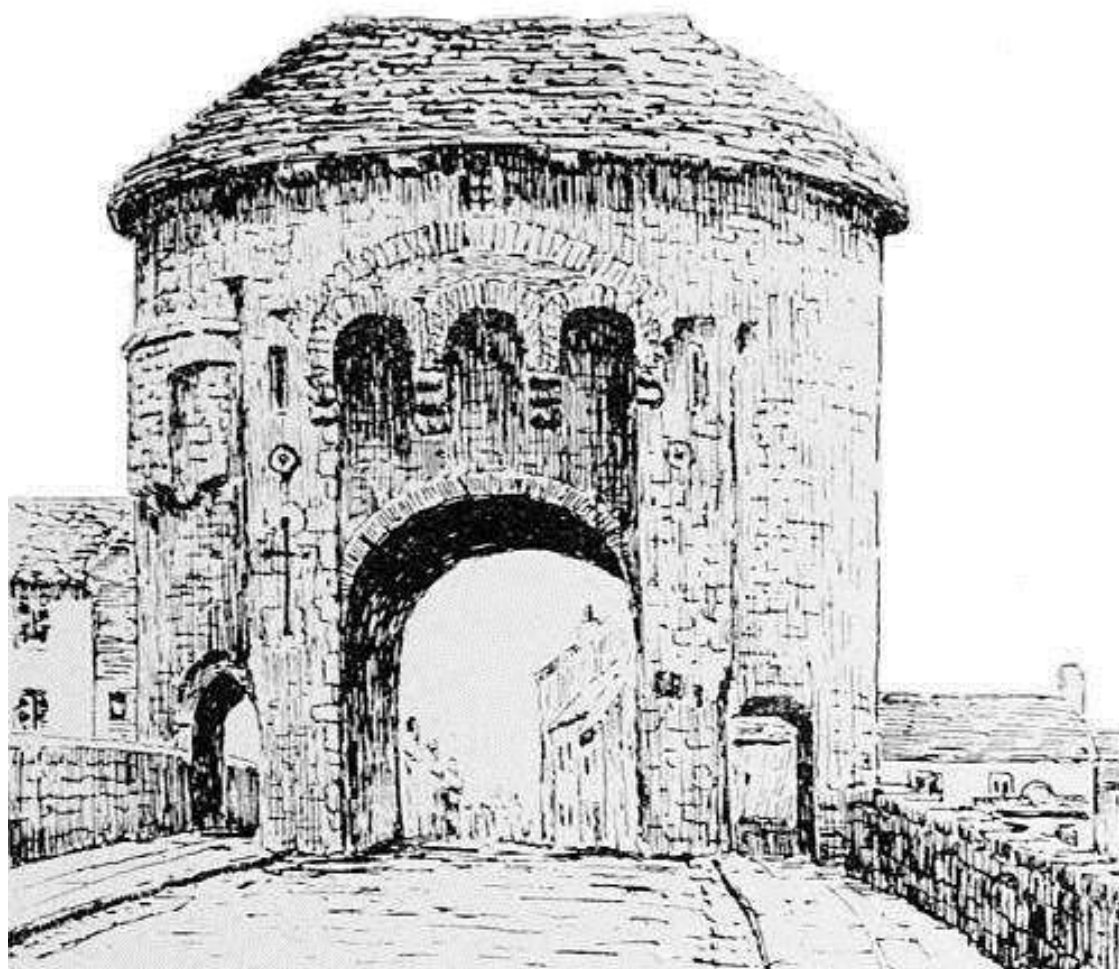
Принципы защиты города, окруженного стеной, аналогичны принципам защиты замка; и до сих пор мы черпали иллюстрации из обоих принципов без особого разбора. В обоих случаях используются одни и те же методы атаки с использованием одних и тех же средств. Но следует помнить, что площадь города больше, чем площадь замка, и что, хотя в замке внутренний двор является обычным местом сбора, с которого можно легко добраться до любой части занавеса, в большом населенном пункте не может быть такого открытого пространства, окруженного стенами. Таким образом, хотя рыночная площадь в центре города или недалеко от него должна была служить местом общего сбора,³⁰¹ необходимо было также оставить свободное пространство у подножия внутренней стороны стен, чтобы можно было сохранить свободное сообщение между каждой частью. Из непрерывного переулка, который, таким образом, образовался между стеной и домами города и через определенные промежутки времени пересекался главными магистралями, ведущими к воротам, был получен доступ к задней части фланкирующих башен и к лестнице, по которой

время от времени можно было попасть на крепостной вал. Большинство городов, обнесенных стенами, сохраняют следы этого устройства. В Саутгемптоне *поморье*,³⁰² как это свободное пространство называется в средневековых документах, сохранилось на восточной стороне города в переулке, до сих пор известном как “За стенами”. В Карнарвоне он почти весь, за исключением западной части города. В Ньюкасле (²⁹³) он сохранился в очень идеальном состоянии на северо-западной стороне ограды, где стены и их промежуточные башенки также довольно совершенны; и это можно проследить по мощеной дорожке на западной стороне, где стен больше нет.³⁰³ Почти всю протяженность внутренних городских стен Бристоля, от которых мало что осталось, можно легко проследить по сохранившемуся *померию* в виде ряда изогнутых переулков. Линия восточной стены Нортгемптона может быть восстановлена таким же образом; и хотя, как и в Йорке, современные вторжения во многих местах снесли *поморье*, оно обычно сохранялось, чтобы отмечать место расположения городских стен, даже спустя долгое время после того, как эти стены были разрушены.

Конвей; ВВС Порта Исаф

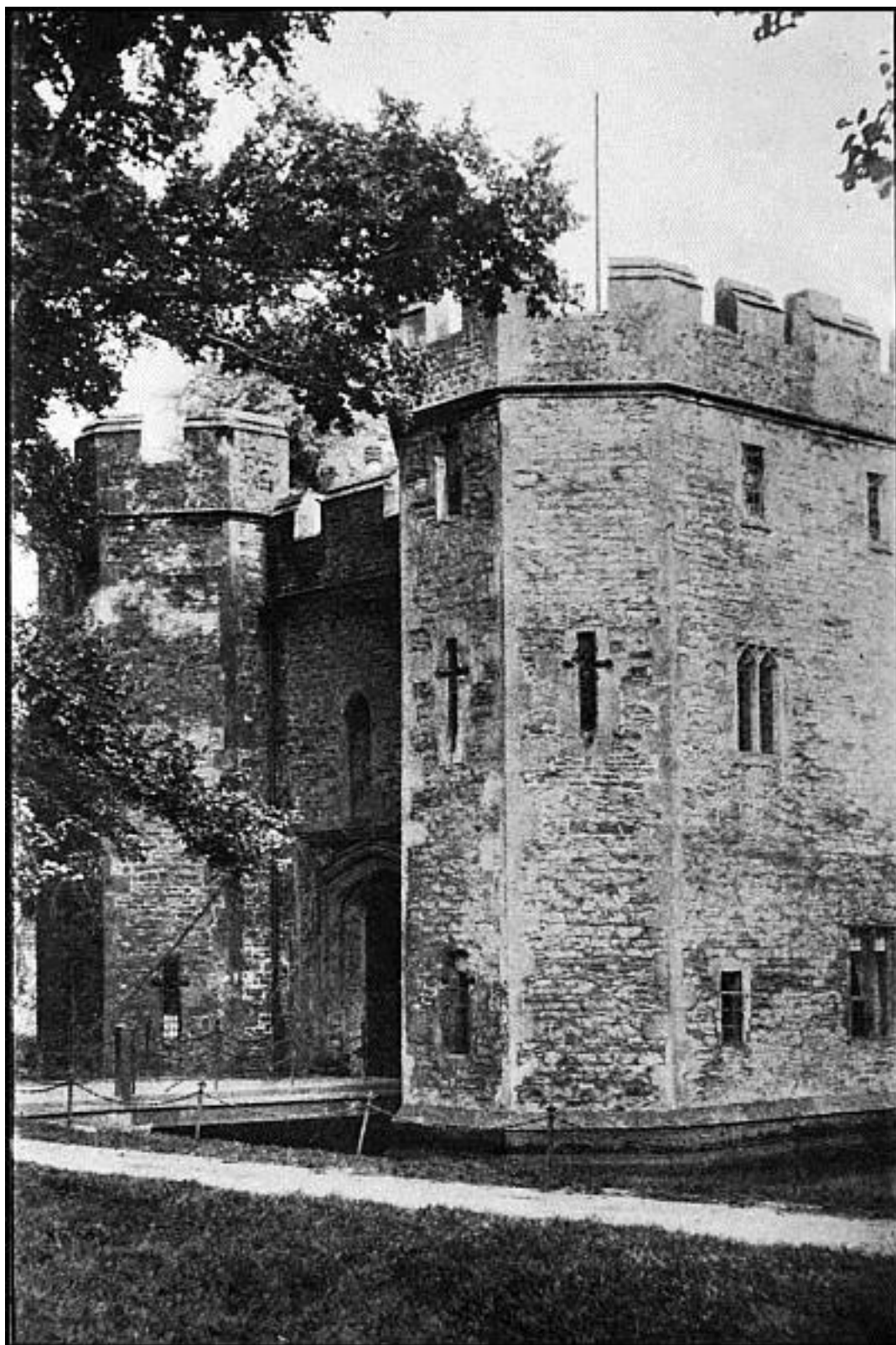
В эпоху, когда фортификация достигла наивысшей точки, городская стена систематически обрамлялась башнями, которые, как мы видели в Конвее и Авиньоне, были оставлены открытыми со стороны, прилегающей к городу. Ворота были сделаны в стене, где к месту подходили главные дороги. Таким образом, ворот Куси было три, через них проходили дороги из Лана, Суассона и Шони. В Конвее (256) было три ворот; но из них одни сообщались просто с пристанью, в то время как другие давали доступ к замковой мельнице: только третьи, или северо-западные, ворота были прямым входом на мыс, на котором были построены город и замок. В Чепстоу, где город также образовывал *тупик*, были только одни главные ворота - в северо-западной части города. Главные ворота Карнарвона находились на восточной стороне города; в то время как напротив них, в западной стене, было отверстие меньшего размера, похожее на порт Isaf304 (295) в Конвее, на набережной. Однако не во всех городах были заняты такие позиции, как Чепстоу, Конвей и Карнарвон, где вода занимает столь значительную долю в обороне. Крупные торговые центры, такие как Лондон и Йорк, к которым сходилась множество дорог, имели множество ворот, не считая боковых проемов в их стенах. Сохранились четверо ворот Йорка: Миклгейт-бар на юго-западе, через который дорога из Тэдкастера вела в город, Уолмгейт-бар на юго-востоке, через который вела дорога из Беверли и Халла, Монк-бар на востоке, через который проходила дорога из Скарборо, Бутбэм-бар на севере, который был входом со стороны Терска и Изингуолда. Все сторожки представляют собой прямоугольные сооружения, план и нижние части которых относятся к двенадцатому веку и напоминают каменные сторожки ранних замков: верхние этажи, однако, относятся к четырнадцатому веку и имеют высокие перекиды по внешним углам. Большие Баргейтские ворота в Саутгемптоне, через которые дорога с севера входила в контур стен, аналогично представляют собой прямоугольную нормандскую сторожку, расширенную и снабженную боковыми башнями в четырнадцатом веке: внешняя сторона была дополнительно укреплена в течение столетия после этих пристроек за счет полувосьмиугольного выступа, зубчатые стены которого были механизированы. На восточной стороне Саутгемптона были еще одни ворота, которые сейчас исчезли. В западной стене сохранились прямоугольные водяные ворота и задний ход; в то время как на набережной у юго-восточного угла стен есть еще одни ворота, перекрытые длинным выступом, который в этом месте выступает из стены и пересекает городской ров. Для небольших сторожевых постов, таких как западные сторожевые посты Карнарвона и Саутгемптона, старой прямоугольной формы было достаточно; но основные въезды в города нуждались в эффективном прикрытии с флангов. Как правило, городские привратные дома эдвардианского периода и четырнадцатого века обычно были обрамлены круглыми башнями с внешних углов, такими как башни в Конвее (295), Уинчелси или Западные ворота в Кентербери. В пятнадцатом веке воинственный характер обороны английских городов значительно ослаб. Стоунбоу, или южная сторожка у ворот в Линкольне, длинное прямоугольное здание со стройными угловатыми башенками небольшого выступа, не имело специальных средств защиты за пределами ворот, которыми оно было закрыто. Кое-где, когда необходимость в военной обороне отпала, на стенах и воротах городов были построены церкви. Так, над воротами Святого Иоанна в Бристоле, на южной стороне города, возвышаются башня и шпиль, которые были общими для церквей Святого Иоанна Крестителя и Святого Лаврентия; в то время как церкви были построены рядом с восточными и западными воротами Уорика или непосредственно над ними.

Монмут; Сторожка на мосту Монноу

Там, где один из основных подходов к городу пересекал реку, защита прохода, конечно, была необходима. В случае с воротами Святого Иоанна в Бристолье, о которых уже упоминалось, русло узкой реки Фром, на которую они выходили, было защищено дополнительной стеной на другом берегу ручья; и в этой стене, прикрывавшей ворота Святого Иоанна, находились сильно укрепленные ворота Фром. Случай с Йорком, где река почти делит огороженную территорию пополам, наиболее необычен. В других случаях город был ограничен одним берегом ручья, а подход со стороны реки защищался барбаканом, который мог принимать форму либо внешней защиты самих ворот, либо *тет-дю-пон* на противоположной стороне ручья, либо укрепленного прохода через мост. О барбаканах в целом уже много говорилось; и мы видели в Йорке и Тенби кое-что о городских барбаканах, в то время как в Порт-де-Лан в Куси у нас был пример барбакана, действующего как *тет-дю-пон* на дальней стороне городского рва. Расположение юго-западного подхода к замку Кенилворт является хорошим примером сочетания в фортификации замка *тет-дю-пон*, укрепленной дамбы и сторожки с барбаканом. Укрепленные мосты не были редкостью в средние века, но тех, что сохранились, очень мало. Лучшим примером из всех является построенный в четырнадцатом веке мост Валантре в Каоре (Лот), благородный мост из шести высоких стрельчатых арок, разделенных опорами, которые снабжены обычными треугольными выступами или урезами. На каждом конце моста находится массивная прямоугольная надвратная башня, укрепленная зубцами, с пирамидальными крышами и механизированными галереями под зубцами; в то время как в середине прохода находится третья башня, первый этаж которой был закрыт воротами с опускной решеткой. Кирпичный мост, называемый Мост Консулов, в Монтобане (Тарн-и-Гаронна) защищался примерно так же. Примерами из других стран

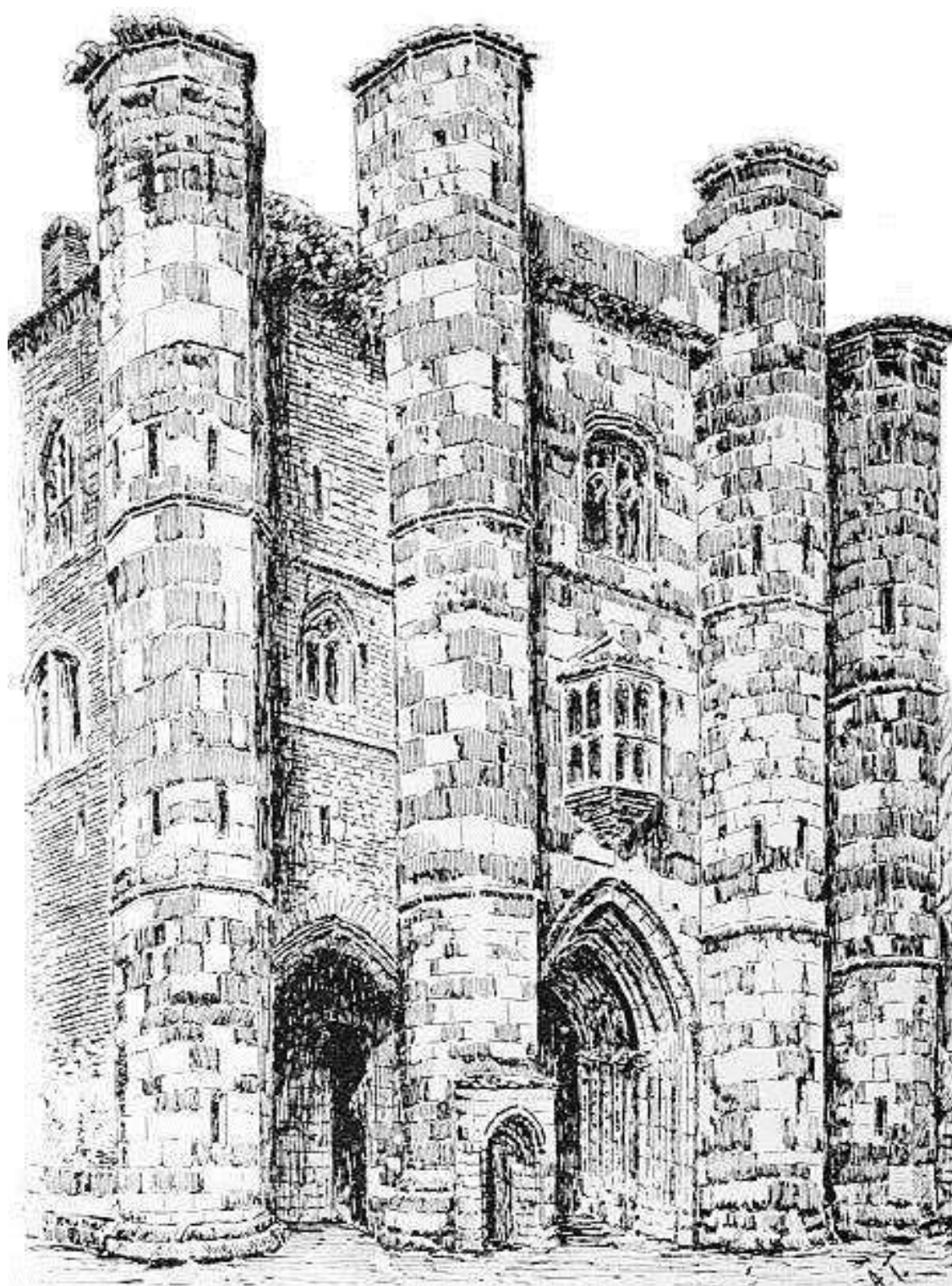
являются крытый мост XIII века в Турне, мост Алькантара в Толедо и пражский мост, который был защищен примерно в середине XIV века высокой прямоугольной надвратной башней на одном конце и воротами, окруженными башнями неодинакового размера, на другом. В Англии сохранились два небольших примера укрепленных мостов. На мосту в Монмуте (297) находится сторожка с зубчатой стеной и воротами, которые были закрыты опускной решеткой: она находилась задолго до городских ворот на мосту, которые находились на небольшом расстоянии от ручья. В Уоркуорте, на стороне моста рядом с городом, находится простая прямоугольная сторожка, арка и цокольный этаж которой остались нетронутыми. Треугольный участок земли к югу от Коке, на котором построен Уоркворт, был хорошо защищен с двух сторон рекой, а с третьей стороны замком, и сторожка у моста была его единственным каменным укреплением.

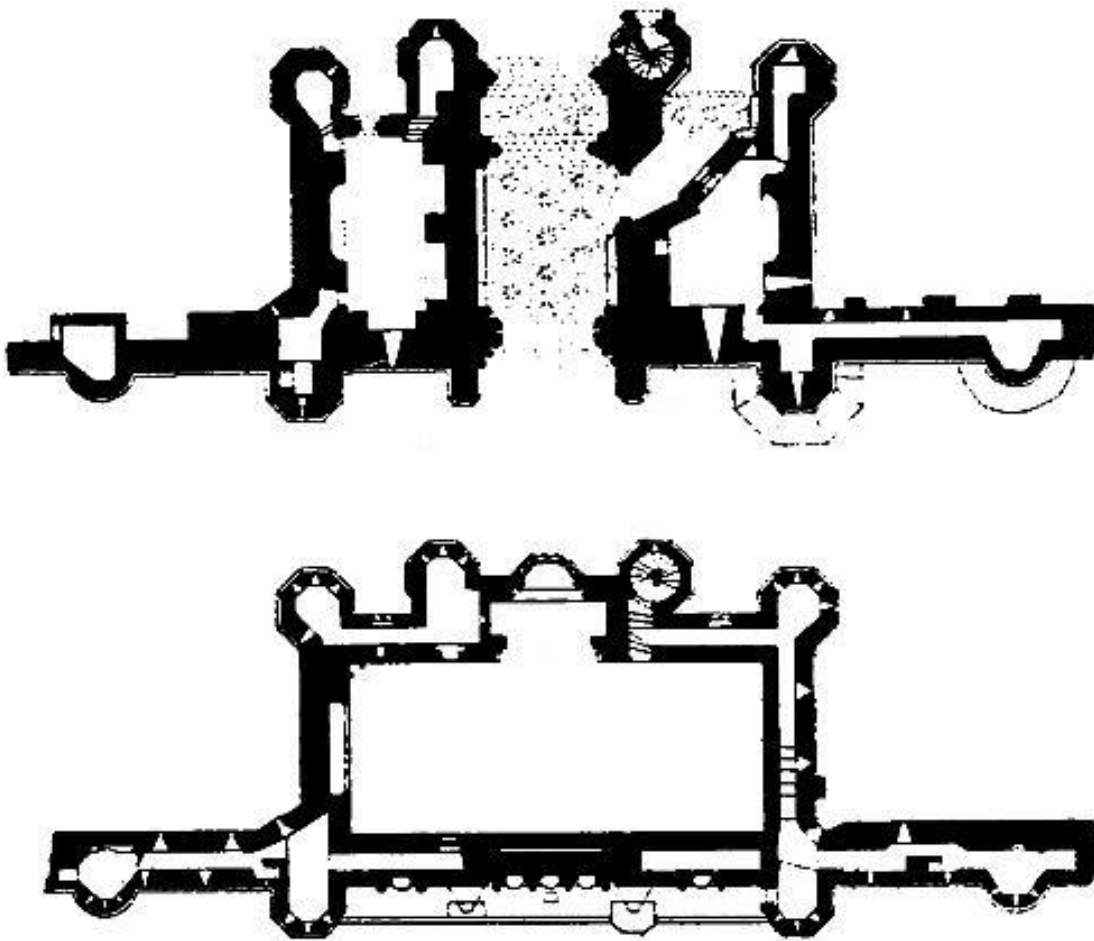
колодцы: сторожка епископского дворца

Прогресс искусства обороны при Эдуарде I. сопровождался ограждением оборонительными стенами территорий и домов, изначально не предназначенных для военных целей. Споры между кафедральным приоратом и гражданами Норвича привели к ограждению монастыря в пределах укрепленной территории:³⁰⁵ королевская лицензия на строительство водных ворот датирована 27 июля 1276 года.³⁰⁶ 8 мая 1285 года декан и капитул Линкольна получили свою первую лицензию на ограждение своего участка стеной высотой 12 футов;³⁰⁷

и десять дней спустя аналогичная лицензия была выдана декану и капитулу Йорка.³⁰⁸ 10 июня декан и капитул собора Святого Павла,³⁰⁹ и 1 января, после декана и капитула Эксетера,³¹⁰ имел патент на тот же эффект. Епископ Бернелл получил лицензию на обнесение стеной церковного двора и закрытие Уэллса 15 марта 1285-6 гг.,³¹¹ когда он был занят строительством своего крепкого дома в Эктон-Бернелле. Лицензия на возведение зубчатой стены Тайнмутского монастыря на его открытом месте была выдана 5 сентября 1295 года.³¹² Епископ Уолтер Лэнгтон получил разрешение на закрытие Личфилда стеной 18 апреля 1299 года.³¹³ Лицензия аббату и монастырю Питерборо на зубчатую кладку ворот аббатства и двух помещений, расположенных между воротами и церковью, была выдана 18 июля 1309 года.³¹⁴ В Линкольне, где все еще видна большая часть прилегающих стен, произошла некоторая задержка в строительстве. Две лицензии, подтверждающие буквенный патент 1285 года, были выданы Эдуардом II. за один год.³¹⁵ 6 декабря 1318 года лицензия была снова продлена: стена могла быть поднята на высоту более 12 футов, могла быть зубчатой и снабжена зубчатыми башнями.³¹⁶ Далее, 28 сентября 1329 года епископ Бюргерш получил патент, позволяющий ему в самых либеральных выражениях “ремонттировать, поднимать, украшать зубцами и башнями” стены епископского дворца.³¹⁷ Таким образом, во времена правления Эдуарда III в пределах окружности стен Линкольна было не менее трех укрепленных оград — замок, прилегающая территория вокруг собора и епископский дворец. Сегодня, когда мы стоим на открытом пространстве у вершины Крутого Холма, слева от нас находятся ворота замка, а справа - ворота Казначейства, внутренние ворота замка. Это высокое продолговатое здание, состоящее из трех этажей, с большой центральной аркой и арками поменьше с каждой стороны для пешеходов. С западной или внешней стороны фасад простой, но с восточной стороны он нарушен двумя башенками в форме половины восьмиугольника, содержащими пороки. В нескольких ярдах к западу находилась также внешняя сторожка у ворот.³¹⁸ До сих пор сохранилась юго-восточная сторожка закрытия, известная как Поттергейт, прямоугольное здание с верхней сценой. В Уэллсе, Солсбери,³¹⁹ и Норвиче все еще можно легко проследить *окружение* закрытия; в то время как в Уэллсе, рядом с воротами закрытия, находится внешняя сторожка епископского дворца. Сам дворец сохранил свой заболоченный ров, и к нему по-прежнему можно подойти по подъемному мосту и через внушительную внутреннюю сторожку, по бокам которой расположены две башни в форме половины восьмиугольника (³⁰⁰).

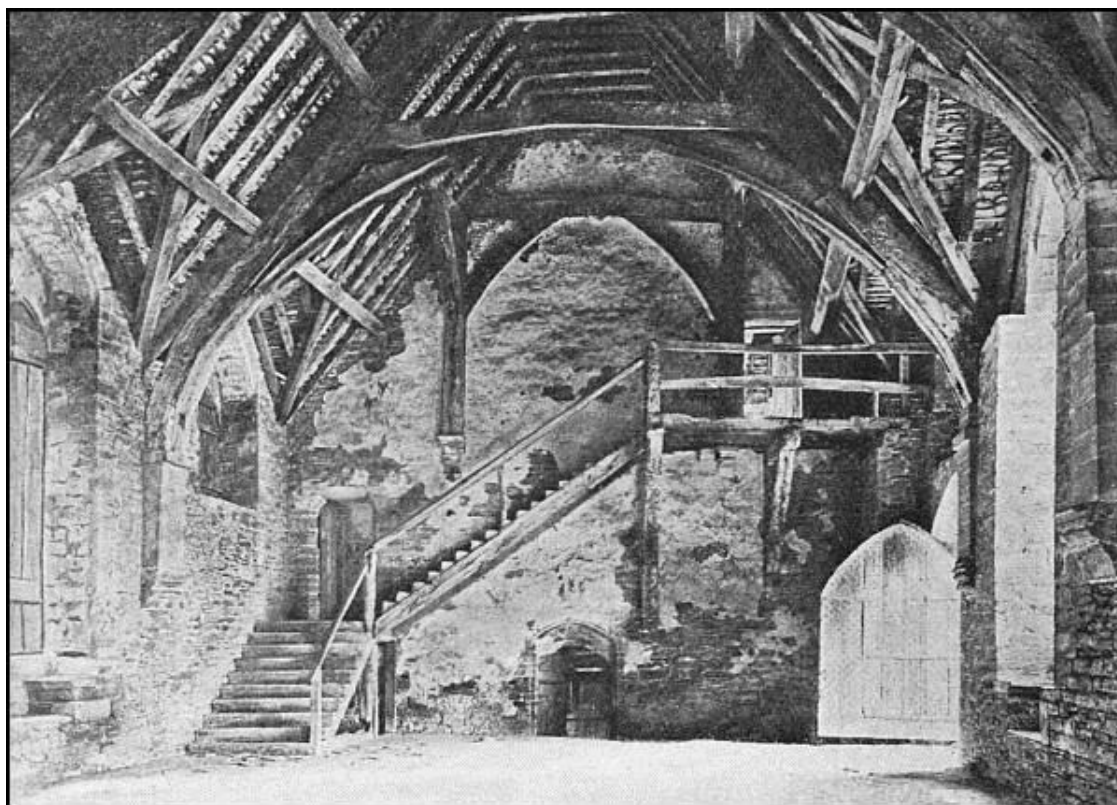

Thornton Abbey; Gatehouse

Thornton Abbey; Plan of gatehouse

Of gatehouses of abbeys and priories, many still remain, some of which, like those at Bridlington, Tewkesbury, and Whalley,³²⁰ are of great size, and were capable of offering defence, if necessary. But by far the most important of monastic gatehouses is that at Thornton abbey in Lincolnshire, a magnificent building of brick with stone dressings (³⁰²). The licence to the abbot and convent to “build and crenellate a new house over and beside their abbey gate” bears date 6th August 1382.³²¹ The gatehouse is an oblong of three lofty stages with half-octagon turrets at the angles. The single archway on the ground-floor is approached through a narrow barbican, set obliquely to the building (³³¹). On each side of the entrance is a bold half-octagon buttress. The inner face of the entrance is flanked by half-octagon turrets, in the southern of which is the vice which gives access to the upper floors. There are no straight side-passages as in the Exchequer gate at Lincoln, where the porters’ lodges are between the main and lateral entrances; but at Thornton an archway was built in the south wall of the central passage, and a diagonal side entrance constructed, with a wide inner archway. The outer entrance (³⁰³) was protected by a portcullis, and the lodges and turrets on either side had loops to the field. On the first floor of the gatehouse is a spacious room, which communicates by mural passages with the first floor of the angle-turrets and with galleries in the adjacent walls. These are all provided with loops, so that the approach to the monastery was effectually commanded. This gatehouse is nearly contemporary with the West gate of the city of Canterbury, which was begun by Archbishop Sudbury about 1379;³²² but the Canterbury gateway takes the orthodox form of a central passage recessed between two round towers, which are bold projections from a rectangular plan, and its architecture cannot compare with the moulded archways, elaborate ribbed vaulting, and canopied niches of Thornton.³²³

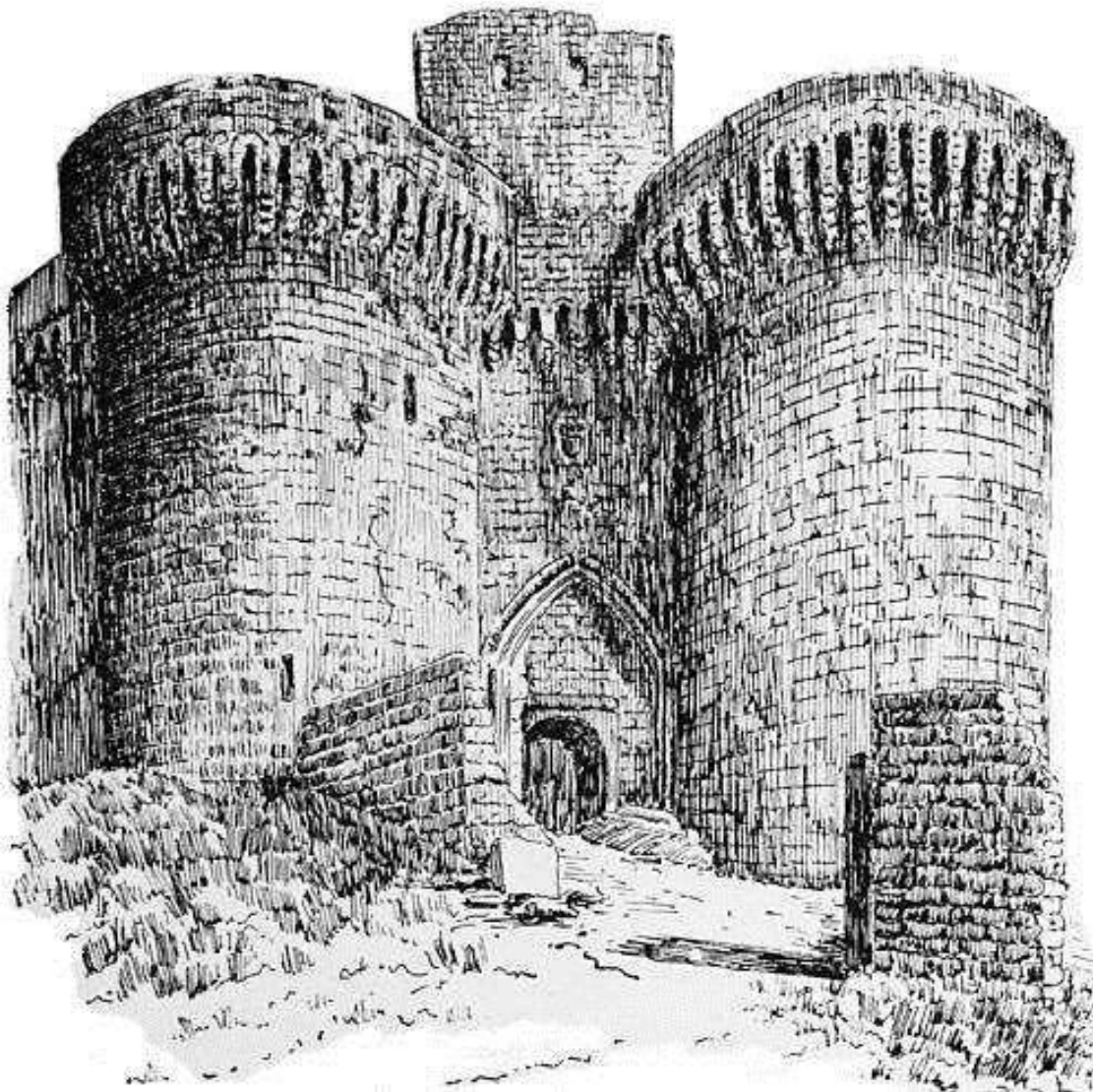
stokesay: hall

замок стокси с юго-запада

Укрепленные замки, аббатства и епископские дворцы возвращают нас к замку, история которого является воплощением искусства обороны. Концентрический план демонстрировал ресурсы защитников в их наиболее научной форме, но концентрический

план, как мы видели, не очень распространен, и его систематическое использование в английской архитектуре было практически ограничено одним периодом. Площадка, как и в Кидвелли, не всегда позволяла полностью расширить внешнюю палату, чтобы полностью окружить внутреннюю. Как правило, мы обнаруживаем, что английский замок четырнадцатого века состоит, подобно Ричмонду и Ладлоу в их ранней форме, или подобно Кэрю или Манорбье, из одного двора без крепости. Это ограждение окружено башнями на достаточном расстоянии друг от друга, и войти в него можно через внушительную сторожку между двумя барабанными башнями. Ни один английский замок такого типа не может сравниться с замком Сент-Андре четырнадцатого века в Вильнев-д'Авиньоне (307), который следил за замком пап на противоположном берегу Роны, или с бретонскими замками Фужер (250) и Витре. Замок Кэрлаверок (364), недалеко от Дамфриса, не знаменитый замок, осажденный Эдуардом I., а замок, основанный в 1333 году на новом месте, является хорошим примером простого плана, в котором единственная палата окружена занавесом с боков. Замок стоит на низкой и болотистой местности недалеко от залива Солуэй-ферт. Остров, окруженный широким влажным рвом, который в задней части замка принимает пропорции небольшого озера, огорожен тремя секциями занавеса, образующими равносторонний треугольник. Барабанная башня, низкая и довольно стройных пропорций, прикрывала каждый угол основания;324, а на вершине находилась высокая сторожка, окруженная барабанными башнями, к которым вел подъемный мост. Интерьер замка несколько ограничен, и старые хозяйственные постройки были значительно расширены в шестнадцатом веке за счет особняка, несколько выполненного в стиле французского ренессанса, который был построен напротив занавеса слева от входа. Старый холл занимал основание треугольника, в то время как кухонные помещения находились напротив правой занавески.

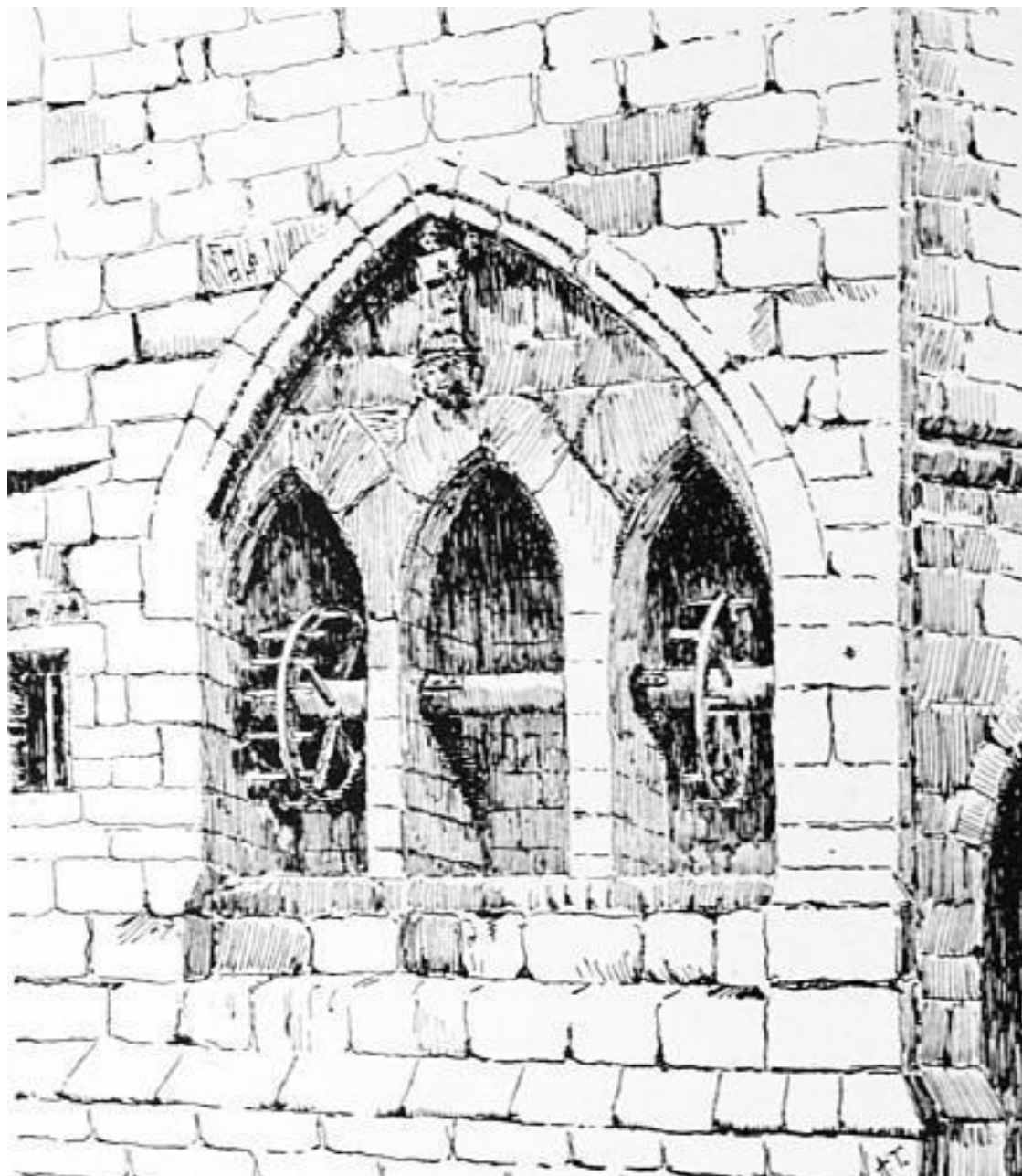
Villeneuve d'Avignon

Лицензии на зубчатые особняки часто фигурируют в патентных списках Эдвардсов и Ричарда II. Таким образом, многие частные жилые дома достигли ранга замков, все еще сохраняя ярко выраженные черты своего домашнего обихода. Укрепленный дом Стокси (306) в Шропшире, который Лоуренс Ладлоу получил лицензию на зубчатую застройку, 19 октября 1290 г.,³²⁵ - показательный пример, когда окруженный рвом особняк с его мощной башней вполне заслуживает названия замка. В то же время многие дома, на строительство которых были выданы лицензии на зубчатые стены, никогда не были чем-то большим, чем усадебными домами, к которым были пристроены укрепления ограниченного типа. Так было в случае с домами Генри Перси в Споффорте, Леконфилде и Петворте, лицензия на которые датирована 14 октября 1308 года.³²⁶ Маркенфилд холл в Йоркшире, для которого лицензия была выдана 28 февраля 1309-10,³²⁷ по-прежнему является одним из наших самых ценных примеров отечественного, в отличие от военного, архитектура. Такие укрепления, какие были или все еще есть в этих домах, были предназначены не для того, чтобы выдерживать осаду, а для обеспечения уединения и отпугивания случайных мародеров. Даже в шестнадцатом веке жилые дома, такие как Compton Wynyates в Уорикшире или Tolleshunt Major в Эссексе, были окружены рвом или просто стеной.

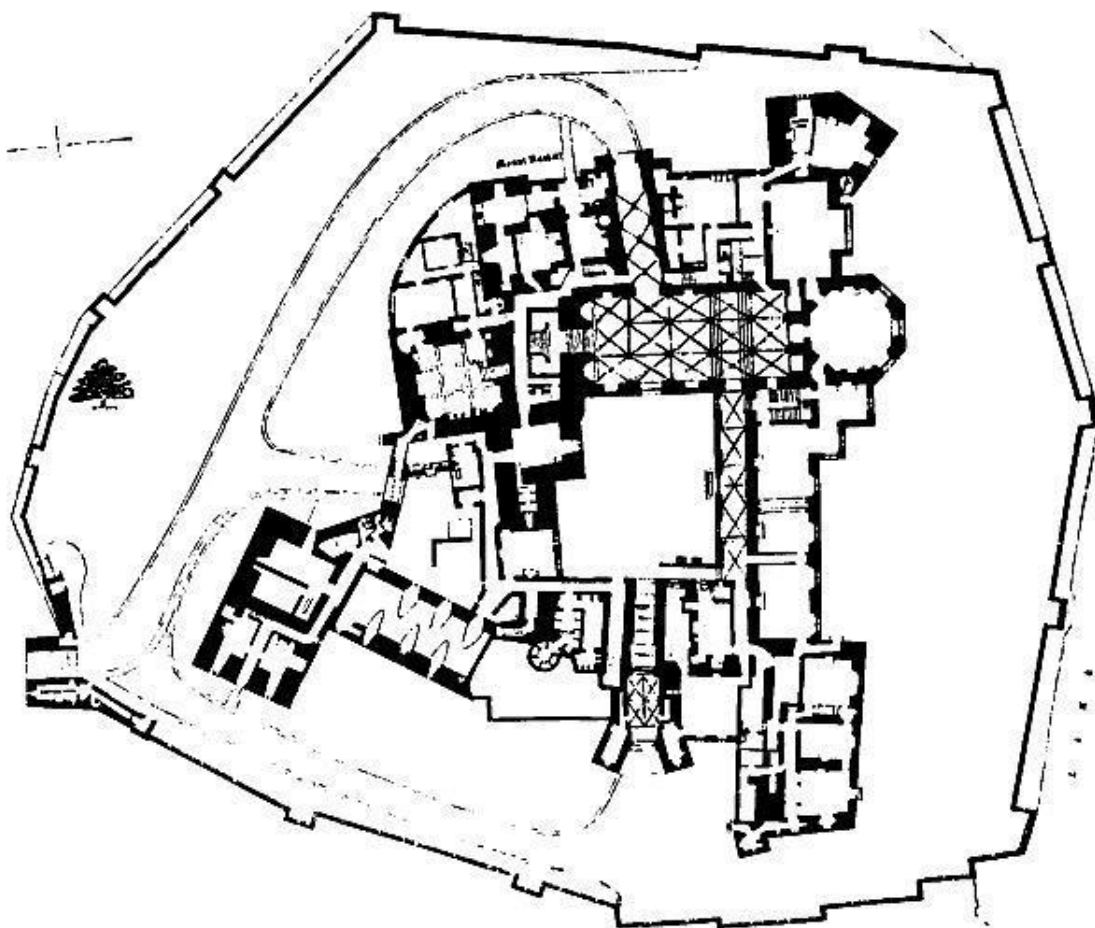
Однако против этих незначительных укреплений мы должны привести случаи, в которых процесс зубчатого налета определенно означал превращение в замок. Данстанбург,

который Томас Ланкастерский получил лицензию на зубчатую застройку в 1315 году,³²⁸ - военная крепость наиболее ярко выраженного типа. Открытое положение на побережье Нортумбрии было одной из причин его силы: прибрежные замки нуждались в надежной защите, и мы находим, что в период войн с Францией и позже укрепление таких замков, как Дувр, было постоянным методом предосторожности от вторжения.³²⁹ Данстанбург имеет много общего с обычными прочными жилыми домами Нортумберленда. Его базовый двор представляет собой очень большую ограду, занимающую большую часть площади мыса, на котором расположен замок; в то время как сам замок состоит из небольшого и мрачного двора. Стена, с каждого конца обрамленная прямоугольной башней, отделяла замкнутое пространство от материка. В стене между двумя башнями возвышалась большая сторожка, которая, находясь на переднем плане атаки, давала доступ в меньший двор и содержала на своих верхних этажах главные служебные помещения. Как бы сильно ни была защищена эта сторожка с двумя огромными барабанными башнями по бокам от входа, непосредственный доступ, который она давала к сердцу замка, очевидно, был источником опасности. Позже вход был замурован, а в соседнем месте в завесе были сделаны новые ворота. Таким образом, сторожка была практически превращена в крепость, и процесс, имевший место в Ричмонде в конце двенадцатого века, практически повторился, за тем исключением, что фактическая структура сторожки сохранилась и не была заменена новой формой прочной башни. Точно то же самое произошло в Лланстефане в Кармартеншире. Этот замок, одна из самых внушительных валлийских твердынь, стоит на крутом и почти изолированном холме, там, где река Тауи впадает в Бристольский канал. Он разделен поперечной стеной на большую внешнюю палату и внутреннюю палату, которая занимает вершину пологой вершины холма. Главные здания находились во внешнем дворе, и самым прекрасным из них была большая сторожка, расположенная на вершине обращенного к суше склона холма и скрытая от реки выпуклым изгибом занавеса и большой башней в восточном углу ограды. Эта сторожка трапециевидной формы: ворота и их барабанные башни выходят окнами на поле, но здание расширяется внутрь и имеет две гораздо меньшие круглые башни по внутренним углам. Однако было нежелательно, чтобы сторожка, которая, как с военной, так и с бытовой точки зрения, была главным зданием замка, стала точкой, на которой осаждающие могли сосредоточить все свои силы. Следовательно, ворота были заблокированы вскоре после того, как они были построены, и рядом с ними в занавесе был сделан новый вход. Путь в верхнюю палату в Лланстефане был закрыт небольшой прямоугольной сторожкой, построенной у одного конца разделяющей занавесы.

Таким образом, в Данстанбурге и Лланстефане, замках, система обороны которых не была основана на концентрическом плане, а опиралась на мощь надлежащим образом прикрытой занавесы с флангами, сторожевых башнях, достойных Кэрфилли и Харлеча, и стоящих на внешней линии обороны,³³⁰ вернулись к состоянию крепостей. Возможное использование крепости в качестве окончательного убежища никогда не переставало иметь значение для строителей замков. Чета Перси после покупки Алнирика в начале четырнадцатого века,³³¹ хотя в том или ином из приходов было достаточно места для большого особняка, они построили свое жилище в виде группы стен и башен вокруг внутреннего двора на горе между двумя приходами. Некоторая часть фундамента, сторожка с восьмиугольными боковыми башнями и любопытная ниша с тремя арками у входа в колодец (³¹⁰) - это максимум, что осталось нам от особняка начала четырнадцатого века; но вместе с ними есть работы двенадцатого века, которые показывают, что Перси построили свой дом по образцу более старого дома на горе.³³² Таким образом, жилой дом в Олнвике на самом деле представляет собой крепость необычной формы, большое здание с боковыми башнями, построенное на горе, которая была значительно выровнена, чтобы освободить больше места для дома и его внутреннего двора (¹¹⁵).

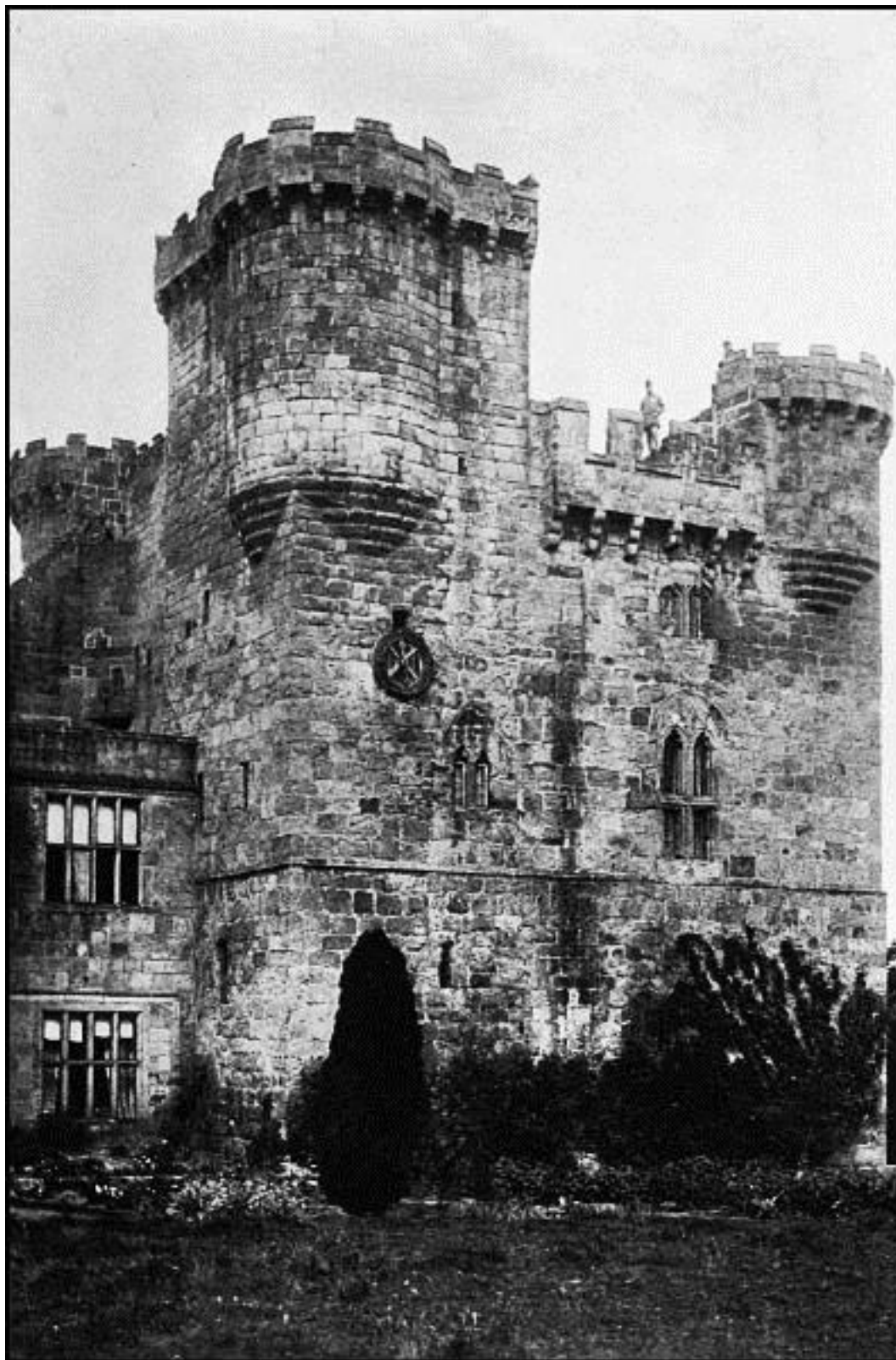

Замок Олнвик; Устье колодца

План замка Рэби, Дарем

Крепкая башня, представляющая собой уцелевшую крепость, находится в другом большом северном замке четырнадцатого века, Раби, замке Невиллов, где в других отношениях очень заметен домашний элемент (311).³³³ Рэби, как и Олнвик, сегодня заселен, но здесь не потребовалось таких радикальных изменений, которые превратили дом на горе в Олнвике в комфортабельную современную резиденцию. Немного впереди северного угла замка находится внешняя сторожка, которая была окружена рвом и имеет почти прямоугольную форму. Здания сгруппированы вокруг главного двора, входом в который является сторожка с длинным сводчатым проходом за ней в западном блоке зданий. По обоим концам западного фасада расположены две массивные прямоугольные башни: башня Клиффорда на северном конце почти отдельно стоящая и занимает северный угол непосредственно напротив ворот. Оставшаяся башня, известная как башня Балмера, выступает на пять сторон от южного угла здания и является мощной башней или цитаделью замка. Кухня, расположенная в северном блоке, также находится в мощной башне, которая, однако, не выступает за пределы остальных зданий. Но именно на севере Англии крепость сохранилась наиболее устойчиво. Замок Миддлхэм претерпел значительные изменения от рук своих владельцев в Невилле в четырнадцатом веке; но крепость двенадцатого века была сохранена в качестве центральной части ограды. Прямоугольная крепость Кнарсборо полностью построена в четырнадцатом веке: она стояла между внешней и внутренней палатами, и ее главная особенность заключается в том, что единственный проход из одной в другую проходил через первый этаж башни.³³⁴

ЗАМОК БЕЛЬСАЙ

Однако традиция прямоугольной башни систематически сохранялась в зданиях, известных как пеле-тауэрс. Они образовывали главные защитные сооружения ограждений, называемые “пелес”, слово, происходящее от латинского *pilum* (кол). Башня Боуз двенадцатого века, большая и важная прямоугольная башня, которая охраняла перевал через Стейнмур из долины Эдем в долину Тис, является ранним примером башни пеле; и, вероятно, к ней была пристроена большая ограда с частоколом или “бармкин”. В

четырнадцатом веке мы находим большие башни-пеле, подобные тем, что были в Белси (313) или Чипчейзе, или большую башню-тауэр в Восточном Гиллинге, пропорции которых напоминают прямоугольные башни полуторавековой давности. Белси, с его ажурными двухсветовыми проемами на втором этаже и большими решетками, выступающими по углам зубчатых стен, является самым красивым зданием такого рода на севере Англии. Обычная башня пеле, однако, построена довольно поздно, и подавляющее большинство нортумбрийских образцов относятся к пятнадцатому, а иногда и к шестнадцатому веку.³³⁵ Башня Халтон, недалеко от замка Эйдон, и маленькая башня в углу церковного двора в Корбридже,³³⁶ являются хорошо известными примерами; в то время как одним из наиболее впечатляющих образцов является продолговатая башня поместье архиепископов Йоркских в Хексеме. Обычная высота здания составляла три этажа. Первый этаж, в котором находился дверной проем, был сводчатым для защиты от пожара; возможно, он использовался как конюшня и, конечно же, как кладовая. Дверь была деревянной, но ее внешняя сторона была защищена тяжелой железной рамой. На первый этаж, куда вела настенная лестница, вела главная гостиная. Второй этаж представлял собой спальню, а зубчатые стены наверху, как правило, были механизированы. В этих башнях обычно можно найти гвардейские мантии; но их вряд ли можно назвать комфортабельными резиденциями, и они обладали всеми недостатками башни двенадцатого века, но не были просторными. Они встречаются не только в Нортумберленде, но и по всем северным графствам и югу Шотландии, в то время как в холмистой местности Дербишир пеле, по-видимому, был излюбленной формой крепости. Башня Пик-касла двенадцатого века - один из тех примеров, которые объединяют башню пеле с обычной башенной крепостью; в то время как Хэддон-холл постепенно превратился из огады, которая была ни много ни мало как пеле с башней под одним углом.³³⁷

В этой связи следует сказать несколько слов об укреплении церквей. Церковь приората Эвенни в Гламоргане с ее зубчатой центральной башней и трансептом — наш единственный важный пример укрепленных религиозных сооружений, которые были распространены в центре и на юге Франции - кафедральный собор Альби (Тарн), церкви Руайат (Пюи-де-Дом) или Ле-Сент-Мари-сюр-ла-Мер (Буш-дю-Рон).³³⁸ Ни одно из наших аббатств не защищено донжоном, как Монмажур, недалеко от Арля. Есть, однако, определенное количество церквей в районах, подверженных постоянным военным действиям, архитектура которых, если и не совсем военная, все же, возможно, была построена с целью обороны. Массивная конструкция некоторых башен двенадцатого века, таких как Мелсонби в северном Йоркшире, вероятно, связана с идеей, что их можно было бы превратить в опорные пункты на случай набега со стороны шотландской границы. В четырнадцатом и пятнадцатом веках, когда Шотландию боялись как постоянного врага, обычай придавать дополнительную безопасность церковным башням в этом районе был обычным явлением. Некоторые в остальном простые церковные башни, как, например, в Болтоне-на-Суэйле и Дэнби-Виске в северном Йоркшире, имеют сводчатые нижние ступени, вероятно, чтобы свести к минимуму опасность пожара. Дверь на башенную лестницу в Бедейле была защищена опускной решеткой, а на втором этаже есть камин и гвардейская мантия. В Спенниторне, в том же районе, зубчатые стены тауэра позаимствовали орнамент из военной архитектуры и увенчаны фигурами “защитников”. В приграничных округах нет ничего необычного в том, что первый этаж башни перекрыт остроконечным бочкообразным сводом, как в Уикхеме в графстве Дарем, где церковь стоит на высоком холме недалеко от слияния рек Тайн и Дервент. Это очень распространенный обычай в Южном Уэльсе, где башни обычно массивные, без застеек и стоят на прочном постаменте.³³⁹ В Пембрукшире преобладает более стройный тип башни, которая обычно устремляется вверх по всей своей высоте: первый этаж сводчатый, и во многих случаях вся церковь или, по крайней мере, неф, перекрыт бочкообразным сводом. Из этого не следует, что цель этой формы строительства

является оборонительной: отчасти в этом виновата нехватка древесины и, как следствие, использование местного камня для возведения бутовых сводов. Но ни в одной части страны военные и церковные формы архитектуры не связаны так тесно. Цилиндрические своды монастырской церкви Монктон и церкви Святой Марии в Пембруке похожи на своды часовни и ее фундамента, которые занимают северо-западный угол внутреннего двора замка Пембрук: своды церкви в Манорбье имеют аналоги в сводах замковой часовни и большой комнате на ее первом этаже.

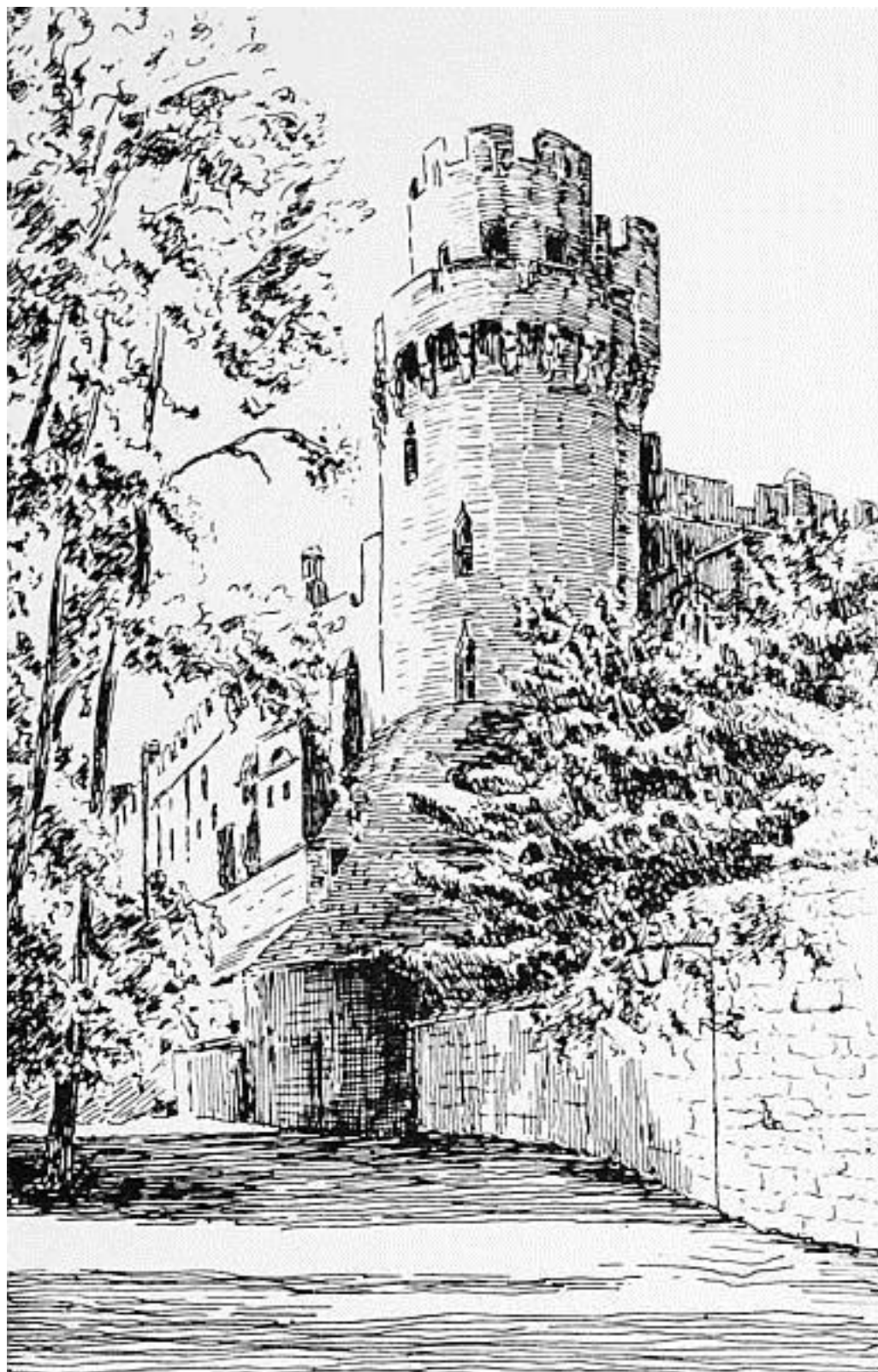
Если пеле-тауэр можно рассматривать как прямое продолжение прямоугольной крепости в упрощенной форме, вполне вероятно, что прямоугольная крепость с ее угловыми башенками также имела отношение к возникновению типа замка или крепостного дома, который стал обычным явлением, особенно на севере Англии, в четырнадцатом и пятнадцатом веках.³⁴⁰ План замка этого типа представляет собой прямоугольник, который в самых крупных примерах, как в Болтоне в Уэнслидейле, имеет открытый внутренний двор в центре; но его отличительной особенностью является наличие четырех башен, каждая из которых расположена под углом к строению. Такие крепости, как крепости в Колчестере и Кенилуорте, где башенки имеют значительный размер и выступ, предполагают этот план; и некоторые из самых ранних примеров, такие как Хотон на северном Тайне, самые старые части которого относятся к тринадцатому веку, мало что отличают их от обычных прямоугольных башен. Угловые башни в Хотоне не особо выделяются, но в замке Лэнгли начала четырнадцатого века, к западу от Хексема, они являются поразительной особенностью здания, и одна из них полностью посвящена серии гвардейских мантий, расположенных в три этажа, с общей ямой в подвале. Зданием, несколько похожим по плану на эти северные замки, является усадьба или замок, который Роберт Бернелл, епископ Бата и Уэллса и канцлер Англии при Эдуарде I., построил в Эктон-Бернелле, в Шропшире.³⁴¹ Здесь, однако, здание полностью бытового типа, с большими двухсветными оконными проемами удивительной красоты, которые сразу же снимают любые подозрения относительно его военного характера. Замок Скропов в Болтоне и замок Невиллов в Шериф-Хаттоне представляют собой наивысшее развитие этого четырехугольного плана. Лицензия на разведку Болтона была выдана в 1379 году;³⁴² лицензия шерифа Хаттона датирована 1382 годом.³⁴³ Оба замка представляют собой большие здания с центральным внутренним двором, и в обоих военный идеал был превыше всего. Шериф Хаттон сейчас находится в полном запустении, но Болтон довольно совершенен, и из его структуры можно сделать вывод об одном важном факте. В то время как обычные меры предосторожности для обороны были тщательно соблюдены, а внешние проемы в стенах мало нарушали общую монолитность конструкции, хозяйственные постройки вокруг внутреннего двора составляли неотъемлемую часть самой структуры. Они были не просто построены напротив занавеса или внутри него, но занавес на самом деле был их внешней стеной, а не просто защитным покрытием. На самом деле, господский дом в этих случаях не был отдельным зданием в пределах ограды замка; но замок также был господским домом. Такое же сочетание военных и бытовых целей заметно в современном замке Раби (1378 г.), план которого, уже описанный, нерегулярно приближается к типовому.³⁴⁴ замков, похожих на Болтон и Шериф Хаттон - Ламли, лицензия на строительство которого была выдана в 1392 году,³⁴⁵ и Чиллингем, угловые башни которых датируется гораздо более ранней датой, чем обычно в замках такого плана.³⁴⁶ Средневековая работа в Чиллингеме несколько затемнена изменениями, внесенными в семнадцатом веке, но первоначальный план сохранен. Пережитки четырехугольной планировки можно проследить в некоторых больших усадьбах периода раннего Возрождения. Это нетрудно обнаружить на плане Хардвик-холла (1587 г.), в то время как первый план Уоллатон-холла (1580 г.), вероятно, взят из аналогичного источника. Небольшие дома, такие как Барлборо-холл близ Шеффилда или Вуттон-лодж близ Эшборна,

имеют с ним родство, хотя в этих случаях, и особенно в первом, фасад больше похож на башню, чем обычно в средневековых зданиях подобного типа. Излишне говорить, что эти здания эпохи Возрождения лишены какого-либо военного характера.

Традиционная форма прямоугольной крепости, без сомнения, также послужила причиной появления большой башни, которая составляла главную особенность и сейчас является единственной оставшейся частью замка Таттерсхолл в Линкольншире. Обсуждение этого здания, скорее, относится к последней главе этой книги, поскольку его общая конструкция и архитектурные особенности относятся к эпохе, в которой военная архитектура средневековья уже была немногим больше, чем пережитком. Эта переходная эпоха начинается в последней четверти четырнадцатого века; и, как уже указывалось, такие замки, как Болтон и Раби, ясно демонстрируют ее влияние. Во второй половине четырнадцатого и пятнадцатого веков за пределами севера Англии редко можно было найти замок, который действительно заслуживал бы этого названия. Большие частные резиденции с определенным количеством защитных мер предосторожности становились все более распространенным явлением; и там, где в существующие замки вносились изменения, они, как правило, были полностью направлены на обеспечение домашнего комфорта.

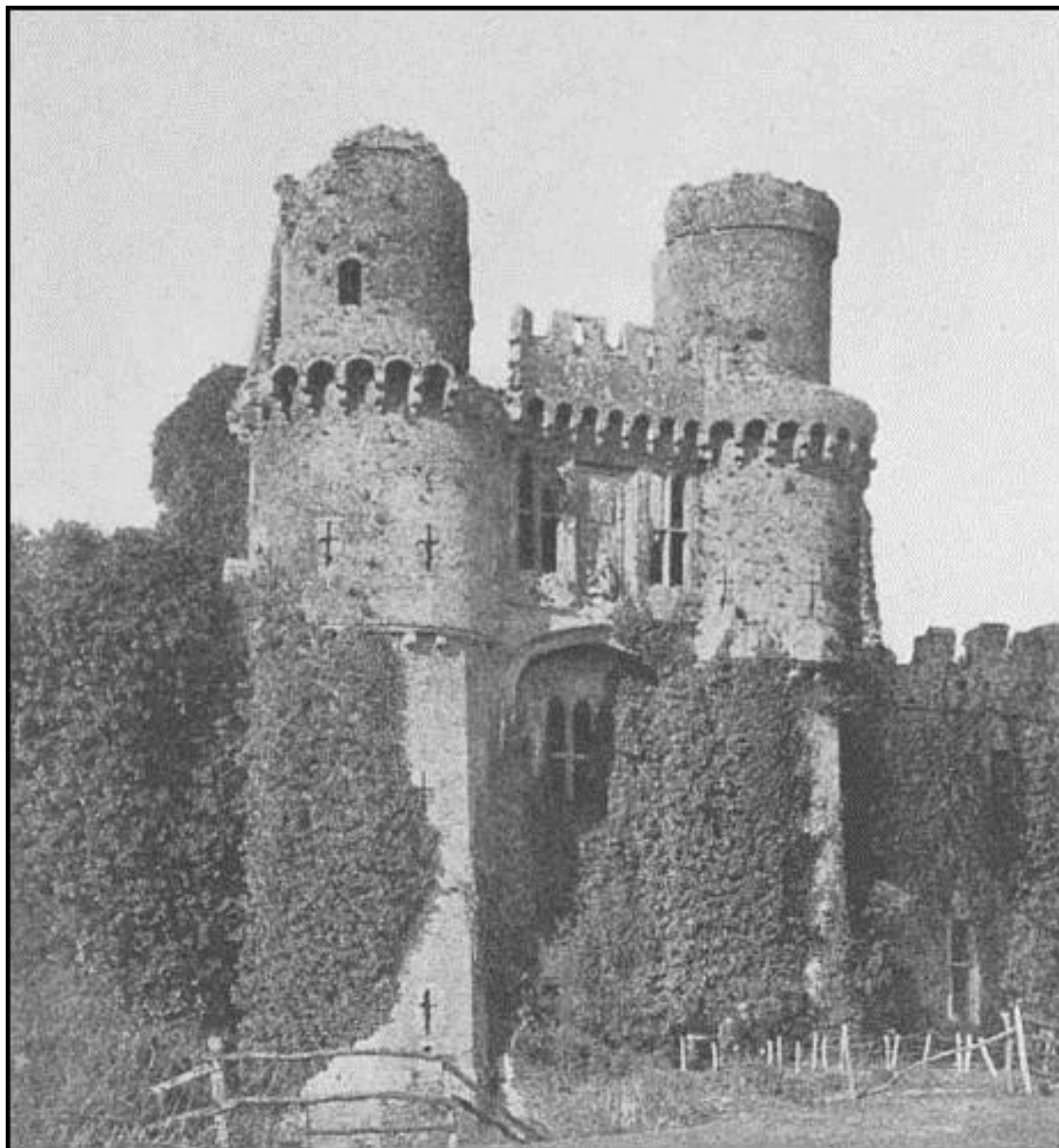
уорик: Башня Гая

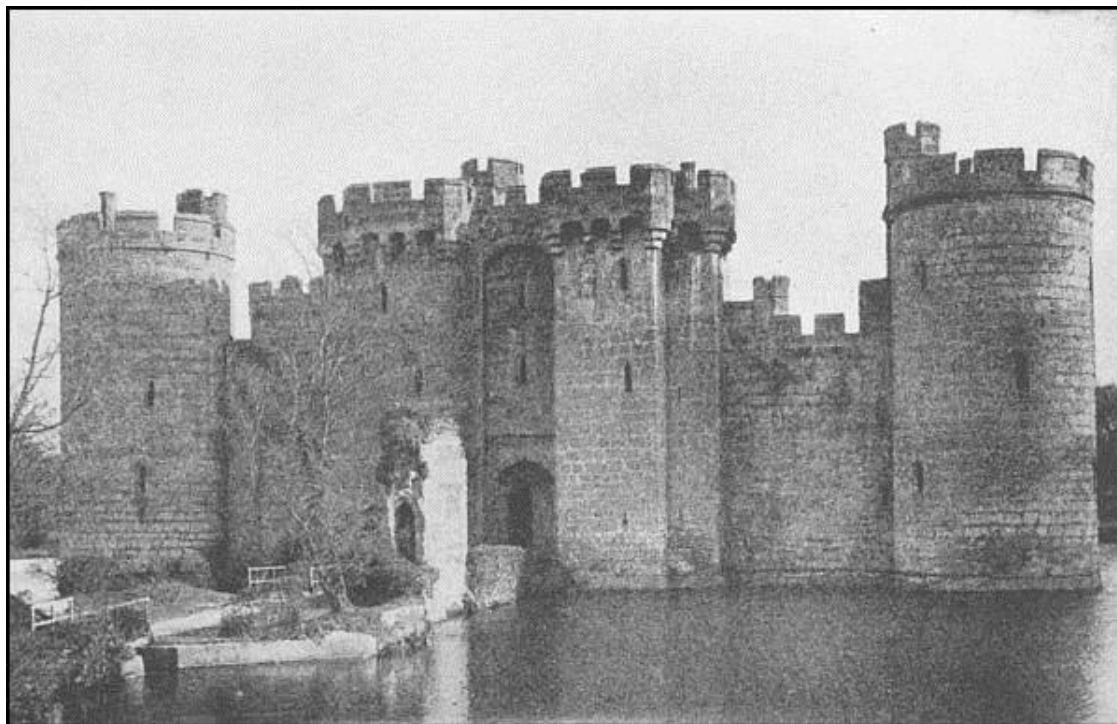
Замок Уорик; башня Цезаря

Есть, однако, несколько поразительных исключений, которые относятся ко второй половине четырнадцатого века. Показательными примерами являются две многоугольные башни, башня Гая (319) и башня Цезаря (321), которые прикрывают углы восточного выступа в Уорике и примыкают к сторожке с барбаканом. Немногие замки с таким достоинством демонстрируют особенности военной архитектуры всех периодов. План представляет собой ранненормандский замок маунт-энд-Бейли, который со временем был окружен каменным

занавесом;³⁴⁷ в то время как великолепная резиденция, в основном здание четырнадцатого века, выросла на южной стороне бейли рядом с рекой.³⁴⁸ Однако наиболее впечатляющими военными объектами являются только что упомянутые башни высотой 128 и 147 футов соответственно. Весь характер этих башен скорее французский, чем английский. Их огромная высота может контрастировать с высотой современных прямоугольных башен в Раби, самая высокая из которых имеет всего 81 фут в высоту и почти полностью зависит от толщины стен. Ближайшей параллелью к Уорикским башням, с другой стороны, является такое здание, как Тур Тальбот пятнадцатого века в Фалезе, высокая цилиндрическая башня, построенная под углом к донжону, как обычно утверждается, во время английской оккупации северной Франции.³⁴⁹ Главными характеристиками башен в Уорике являются выступающие из парапетов выступы с рядом машикулий и наличие центральной башенки, возвышающейся на некоторое расстояние над уровнем вала - черта, распространенная во Франции, но наиболее необычная в Англии.³⁵⁰ Своды обеих башен повсюду также являются французской особенностью; и во всех отношениях они несут на себе следы влияния, которое, начиная с цилиндрических донжонов замков Филиппа Августа и Куси, сохранилось до позднего времени во Франции и, возможно, повлияло на английскую военную деятельность в этой стране, но не имело большого результата в самой Англии. В то время как на протяжении всего пятнадцатого века французский замок сохранял свой характер цитадели и даже сохранял этот характер, когда в этой стране было сильно влияние эпохи Возрождения, военный характер английского замка неуклонно уменьшался. Войны Алой и Белой розы представляли собой череду сражений в открытом поле, в которых замки и обнесенные стенами города играли очень незначительную роль. И хотя военный характер Уорика продолжал подчеркиваться в переходный период, соседний замок Кенилворт, как и большинство английских замков, был преобразован в тот же период из цитадели во дворец.

херстмонсо: сторожка

бодиа́м: северный фасад и сторожка

Самым внушительным из наших более поздних замков, которые можно рассматривать в первую очередь как военные сооружения, является Бодиа́м в Сассексе (323). 21 октября 1385 года сэр Эдвард Далингрюгге получил разрешение на зубчатую застройку своего поместья Бодиа́м “у моря” и “возведение из него замка для защиты прилегающей страны от врагов короля”.³⁵¹ Основной целью этой лицензии, очевидно, было предотвратить нападение франции на порты Рай и Уинчелси в устье реки Ротер: в марте следующего года сэр Эдвард был назначен первым в комиссию, назначенную *letters patent* для укрепления и обнесения стеной города Рай.³⁵² Бодиа́м стоит на левом берегу Ротера, в нескольких милях выше Рая, и со своего места, на небольшой высоте над долиной, просматривается длинный участок болота в направлении устья реки. Стены замка отвесно спускаются к озеру, образованному в результате перекрытия ручья. Замок представляет собой простое прямоугольное сооружение, окруженное высоким занавесом. Каждый угол увенчан цилиндрической башней, а в середине каждой грани находится прямоугольная башня: большая сторожка у ворот, однако, на северной стороне, имеет две прямоугольные башни, по одной с каждой стороны от входа. Башня в центре противоположной стороны - это меньшая сторожка замка. План имеет поразительную аналогию с замком Вилландро (Жиронда), построенным около 1250 года: Нанни в Сомерсете (1373) и Ширберн в Оксфордшире (1377) являются примерами того времени в Англии. Интерьер окружен хозяйственными постройками. За южным занавесом находились холл и кухня: ширмы в западном конце зала образовывали проход к меньшим воротам. Стена, отделяющая ширмы от кухни, сохранилась до сих пор, с тремя дверными проемами, которые вели в кухню, кладовую и кладовую (326). Частные апартаменты располагались вдоль восточного занавеса, а в их северном конце находилась часовня, которая имела обычное расположение в виде западной галереи, куда можно было попасть из комнат на втором этаже этого комплекса зданий. Помещения для прислуги и казармы занимали западную сторону ограды. Все здания в башнях были в изобилии снабжены одеждой гвардейцев, а верхняя часть юго-западной башни была устроена как голубятня.

Несмотря на достаточное пространство, отведенное под хозяйственные постройки, оборонительный характер работ в Бодиаме очень отчетливо проявляется не только в прочности стен, высота которых (40 футов) равна высоте стен в Харлече, но и в обеспечении защиты подступов. Главные ворота были защищены барбаканом, который занимал небольшой островок в озере, примерно в 54 футах перед сторожкой. Дамба, которая, во всяком случае, частично является оригинальной, соединяла ворота с барбаканом; но вполне вероятно, что на одном или обоих концах у нее был мост. Мост, перекинутый через промежуток в 6 футов, соединял внешний конец барбакана с восьмиугольным островом посреди широкого рва. Прямая дамба, по которой сейчас можно добраться до этого острова с материка, не отражает первоначальный подход; но более длинный и извилистый подход был запланирован от пирса, расположенного на западном берегу рва и соединенного, вероятно, двойным подъемным мостом, с восьмиугольным островом, который, таким образом, находился в том месте, где дорога, контролируемая на всем протяжении занавесом и его боковыми башнями, поворачивала под прямым углом к северным воротам замка. Подход к меньшим, или южным, воротам теперь исчез; но две стены выступают в ров по обе стороны от входа, а у южного берега рва сохранился пирс, на который опускался внешний подъемный мост.

Замок Бодиам; Внутренний двор

О труде и стараниях, которые были приложены для укрепления этого замка, свидетельствует облицовка земляных насыпей не только главного острова, но и меньших островов во рву, а также участков подъездных путей. Изолированность замка посреди озера, возможно, была предложена планом, принятым гораздо раньше, в Лидсе в графстве Кент. Однако большой

барбакан Лидса, разделенный заболоченными канавами на три отдельные части, образует подход к главному мосту через ров. Фактически, это *тет-дю-пон* замка, и он не занимает отдельный остров, как в Бодиаме, между материком и воротами.

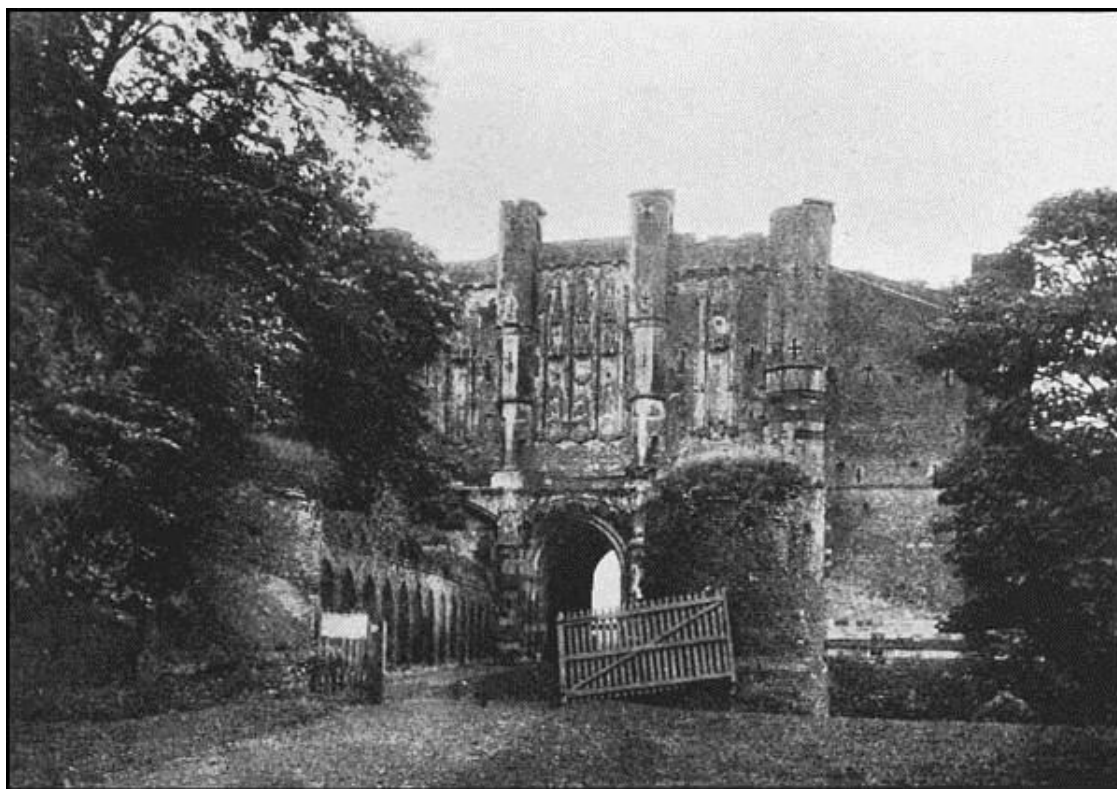
Сторожка Бодиама - внушительное здание, и строители замка, начиная со времен Эдуарда I. и далее, уделяли своим сторожкам почти такое же внимание, какое поздние нормандские строители уделяли своим башням.³⁵³ К тем же двадцати пяти годам, в течение которых был построен Бодиам и достроены две большие башни в Уорике, относится величайшая из английских сторожевых башен замка Ланкастер. Известно, что он был построен примерно в 1405 году, поскольку герб Генриха V. как принца Уэльского изображен на щите над воротами. Таким образом, это одно из последних военных сооружений в замках герцогства и последнее из серии надвратных сооружений, обязанных своим происхождением лордам из дома Ланкастеров, и включает в себя благородные сооружения в Данстанбурге, Татбери и большую башню между приходами в Кнаресборо. Замок, к которому он был пристроен, был окружен занавесом, в основном датируемым двенадцатым веком,³⁵⁴ и содержал башню-крепость и хозяйственные постройки, которые, по-видимому, были в основном построены в тринадцатом веке. Расположенная на вершине очень крутого холма и окруженная двумя огромными восьмиугольными башнями, эта сторожка является совершенством того типа, который можно увидеть с более стройными боковыми башнями в Ботале и в крепости Алнвик. Оконные проемы, выходящие на поле боя, немногочисленны и малы: зубчатые стены сильно загнуты, а между ними и стеной оставлены машикулы большого размера. В углу каждой из фланкирующих башен возвышается турель, внутренняя часть которой, по-видимому, служила магазином для боеприпасов. Интерьер этой сторожки, несмотря на достаточно просторное помещение, полностью соответствует ее мрачному экстерьеру. Каждый из двух верхних этажей содержит по три комнаты, одна в центральном блоке сторожки, остальные в башнях по бокам. Эти комнаты большие и высокие, и их оригинальные деревянные потолки все еще сохраняют следы цвета; но они мрачны и плохо освещены до крайности. Квартир на первом этаже сообщаются непосредственно друг с другом, но в квартиры на втором этаже можно попасть через внешний проход, который проходит между ними и внутренней или западной стеной сторожки. К помещениям охраны на первом этаже можно попасть обычным способом - через дверные проемы рядом с внутренним входом. Главная лестница находится в юго-западном углу здания.

В важных пристройках, сделанных к замку Уоркворт около 1400 года, компромисс, достигнутый между требованиями защиты и комфорта, очень поразителен. План этого замка на протяжении всей его истории, как и план Уорика, оставался таким же, как и у первоначальной крепости маунт-энд-Бейли. Мы уже заметили пристройку каменного занавеса к внутреннему двору и строительство большого особняка напротив его западной и южной сторон. Вероятно, при возведении каменной завесы к горе была пристроена крепость-ракушечник, поскольку фундамент нынешнего крепкого дома на горе сложен из более ранней и грубой каменной кладки, чем искусно обработанная каменная кладка самого дома. Этот дом (²²¹), который самым необычным образом сочетает в себе черты замка и частной резиденции, по-видимому, был построен первым графом Нортумберлендом, который умер в 1407 году.³⁵⁵ Форма представляет собой квадрат со скошенными углами; но из центра каждой грани выделяется жирный полукруглый восьмиугольник, так что план представляет собой греческий крест с короткими плечами и большой центральной частью. Возвышение состоит из подвала и трех этажей. В подвале находятся резервуары и хранилище с конической крышей, которое, несомненно, было тюрьмой и имеет сильное сходство с аналогичным хранилищем во внутренней сторожке в Олнвике. Лестницы в подвал нет, сообщение со сводчатыми помещениями осуществляется через люки этажом выше. На

этом этаже находится несколько темных сводчатых кладовых, одна из которых была винным погребом, и к ней ведет отдельная лестница, ведущая в дальний конец холла этажом выше. Два верхних этажа сравнительно жизнерадостны и хорошо освещены: шахта в центре здания давала свет во внутренний проход между прихожей и кухней. Главная лестница находится в южной половине восьмиугольника, главный дверной проем находится на западной стороне этого выступа, на втором этаже. Из вестибюля на втором этаже, у начала лестницы, открываются две двери. Та, что справа, ведет в холл, который занимает юго-восточный угол центрального блока и занимает всю высоту двух верхних этажей. Та, что слева, ведет в помещения для прислуги и кухни, которые занимали западную часть второго этажа и сообщались отдельными дверными проемами с залом и часовней. Огромная кухня занимала северо-западный угол центрального корпуса и, как и холл, была высотой в два этажа. Северный полуосьмиугольник и северо-восточный угол главного блока, примыкающий к нему, были разделены на два этажа. Нижняя комната в полуосьмиугольнике, вероятно, была личной комнатой хозяина дома, сообщавшейся с нижней комнатой в главном корпусе, которая, вероятно, была общей комнатой его ближайшей свиты. Точно так же на верхнем этаже находились дамская беседка и отдельная комната для личного пользования графини Нортумберленд. Между частными апартаментами и холлом, занимавшим центр восточной стороны главного корпуса и половину восьмиугольника за его пределами, находилась часовня. Алтарь в форме половины восьмиугольника был высотой с оба этажа; но западная часть часовни состояла из двух этажей, верхний из которых образовывал галерею с дверным проемом из дамской беседки. Из юго-восточного угла этой галереи еще одна дверь вела в узкую каменную галерею, образованную внутренним утолщением нижней части восточной стены зала: возможно, она служила галереей менестрелей или использовалась хозяйками дома, когда они хотели понаблюдать за празднеством внизу. Стена под этой галереей пронизана длинной ризницей или комнатой священника, выходящей из южной стены часовни и построенной с повышающимся этажом, чтобы обеспечить доступ к лестнице из винного погреба внизу. Первый этаж часовни также сообщался с холлом и мужскими апартаментами. В дополнение к уже упомянутым помещениям, в юго-западном углу главного корпуса и в западном полуоктагоне были комнаты на третьем этаже, которые сообщались с галереей часовни. Занимаемая площадь невелика, но изобретательность планировки замечательна; а расположение различных квартир, должно быть, потребовало большого количества мысли и мастерства, которые ни один другой средневековый жилой дом не демонстрирует в такой высокой степени.

замок реглан

аббатство торнтон: сторожка и барбакан

В то время как нижние части стен стронг-хауса в Уоркуорте отличаются большой прочностью, верхние этажи освещены большими ажурными оконными проемами, а высокие продолговатые окна холла и алтаря часовни не дают представления о военном назначении здания. Любопытно, что, несмотря на усилия, которые, очевидно, были затрачены на строительство этой башни, период ее использования в качестве резиденции, по-видимому, был необычайно коротким. Различные лорды Уоркуорта никогда не довольствовались одной резиденцией в течение длительного времени; и есть свидетельства того, что, когда Джон, герцог Бедфорд, был послан своим отцом, Генрихом IV, усмирять север после восстания Нортумберленда, он поселился в Уоркуорте в сторожке у ворот. Позже, в пятнадцатом веке, уже описанный старый особняк во внутреннем дворе был отреставрирован и видоизменен: в северо-восточном конце холла была пристроена башня-крыльцо, а в юго-восточном углу - лестничная башенка. Жилой дом, построенный на территории замка около 1200 года, был фактически превращен в величественный особняк, а дом на горе был практически заброшен. Нельзя было найти лучшего примера постепенного ослабления военного идеала в пользу домашнего комфорта. Все замки конца четырнадцатого и пятнадцатого веков в той или иной степени являются примерами этого. В Уорике хозяйственные постройки, по крайней мере, имеют такое же значение, как и оборонительные сооружения. Жилой дом в Ладлоу постепенно увеличивался в размерах и величии, в то время как к его военной защите ничего не добавлялось. Даже внешние стены Болтона, крепкого и хорошо охраняемого замка, пронизаны окнами, пропускающими значительное количество света. Бодиям и Раглан (331), благодаря большой ширине своих рвов, имеют большие наружные оконные проемы. Однако во всех этих случаях жилой дом, даже в Рагланде, по-прежнему рассматривается как дом внутри замка. При планировании тауэр-хауса в Уоркуорте в сознании строителей присутствовали как военные, так и бытовые идеалы. Нельзя сказать, что ни один из них не преобладал: здание было одинаково полезным как дом, так и замок. С другой стороны, холл в Уоркуорте, когда его перестраивали, отличался архитектурным величием, совершенно не предполагавшим его расположения в стенах

оборонительного сооружения. Эти стены устарели, и дом был единственным объектом, отвечавшим целям реставраторов. Следующий шаг был сделан в Херстмонсо (323), где большой кирпичный дом имеет сходство с замком, но мало соответствует его реальности. В Кэрю в Пембрукшире можно в непосредственной близости изучить три этапа развития домашнего идеала применительно к военной архитектуре. На восточной стороне прихода находятся более ранние домашние покои, несколько тесные и мрачные, с наружными окнами, которые, где бы они ни находились, как в часовне (248) и смежных комнатах, пропускают очень слабый дневной свет. С западной стороны находится большой зал, построенный в пятнадцатом веке Рисом ап Томасом, с его внушительной башней-портиком и входной лестницей, большой и хорошо освещенной комнатой. На севере находятся пристройки, сделанные в шестнадцатом веке сэром Джоном Перроттом. Восточные комнаты - это комнаты дома в замке; западный зал - это зал дома, который, хотя военные соображения и не сыграли никакой роли в его планировке, все еще закрыт более ранним занавесом. На северной стороне, однако, занавес был прорван, и за его пределами был построен ряд квартир, провозглашающих своими длинными окнами со средниками, пронизывающими стены от пола до крыши, что день замков закончился и что жилому дому предоставлено поле в полном распоряжении.

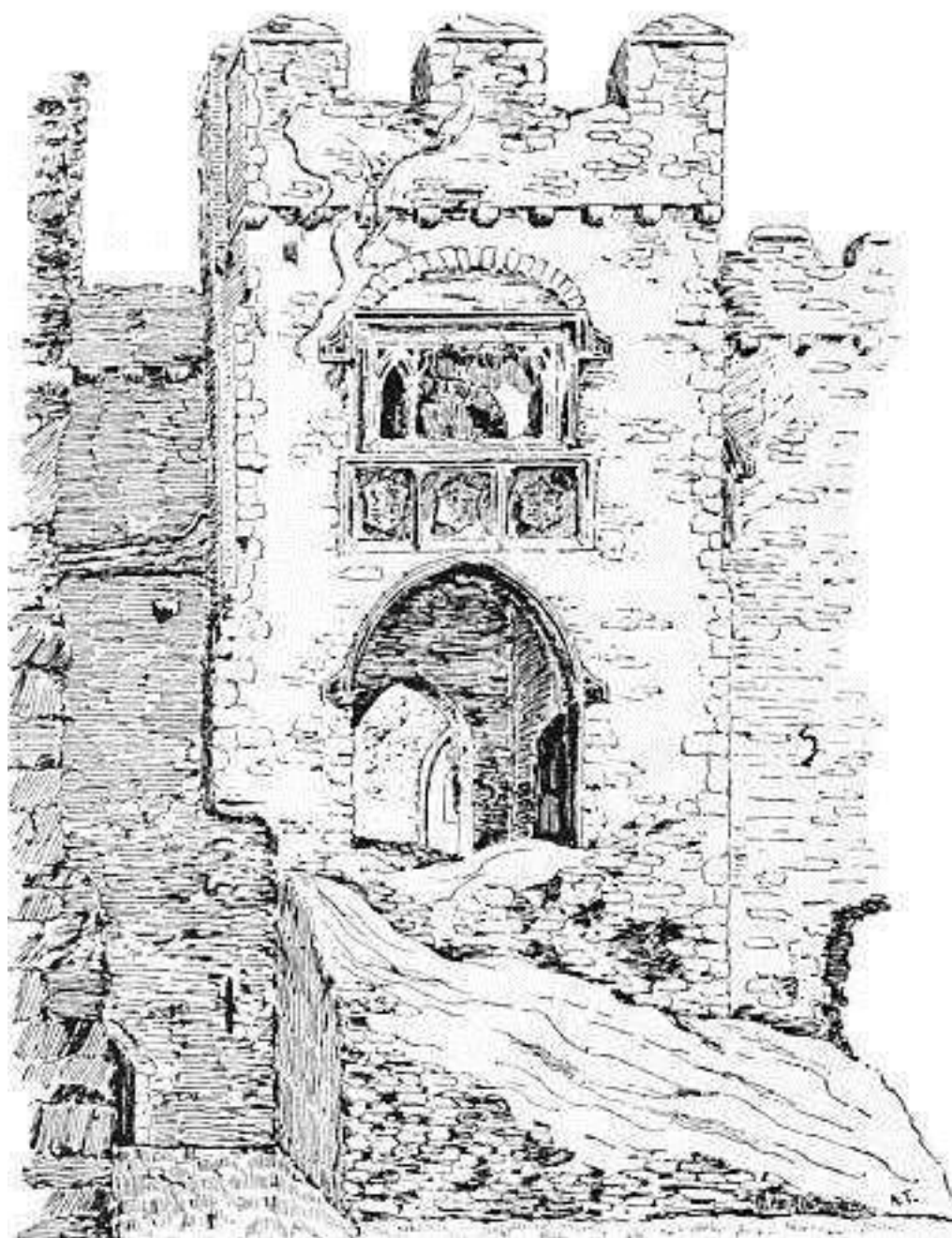
ГЛАВА XII

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ: УКРЕПЛЕННЫЙ ЖИЛОЙ ДОМ

Теперь стало известно о переменах, произошедших в английском замке в четырнадцатом и пятнадцатом веках. Жизнь феодального воина в своей крепости постепенно превратилась в жизнь сельского джентльмена в доме, укрепления которого, какими бы они ни были, носили чисто предупредительный характер. Теперь нам остается кое-что сказать о тех хозяйственных постройках, которые являются главной особенностью английских замков позднего средневековья, и о тех домах, которые, сохраняя название и в некоторой степени внешний вид замков, проектировались в первую очередь как жилые дома. В этих примерах были сохранены основные линии обычного плана жилого дома, которые уже были описаны. Холл по-прежнему составлял ядро здания и центр жизни семьи: кухня, кладовая и кладовая по-прежнему занимали свое место в конце зала рядом с ширмами, в то время как двухэтажный корпус с большой комнатой на втором этаже располагался в другом конце за помостом. Но с ростом комфорта и великолепия появилось желание большего пространства и большей приватности. Большой зал в Ладлоу (96), реконструированный в начале четырнадцатого века, имел комнаты на первом этаже в обоих концах зала; и пристройки, сделанные к этим хозяйственным постройкам в пятнадцатом веке, значительно увеличили количество частных квартир в доме, который и без того был большого размера. В Манорбье (208) весь жилой дом был расширен, а количество комнат увеличено в результате реконструкции во второй половине XIII века. Жилой дом во внутреннем дворе Конвея, холл и прилегающие к нему комнаты в Кэрфилли были спланированы в более широком масштабе, чем считалось необходимым в замках одиннадцатого и двенадцатого веков. Однако, по сути, военный характер эдвардианского замка ограничивал свободное развитие хозяйственных построек на территории; и только в середине четырнадцатого века план жилого дома в замке

достиг той стадии, когда его начали рассматривать как таковой, отдельно от защищавшей его навесной стены.

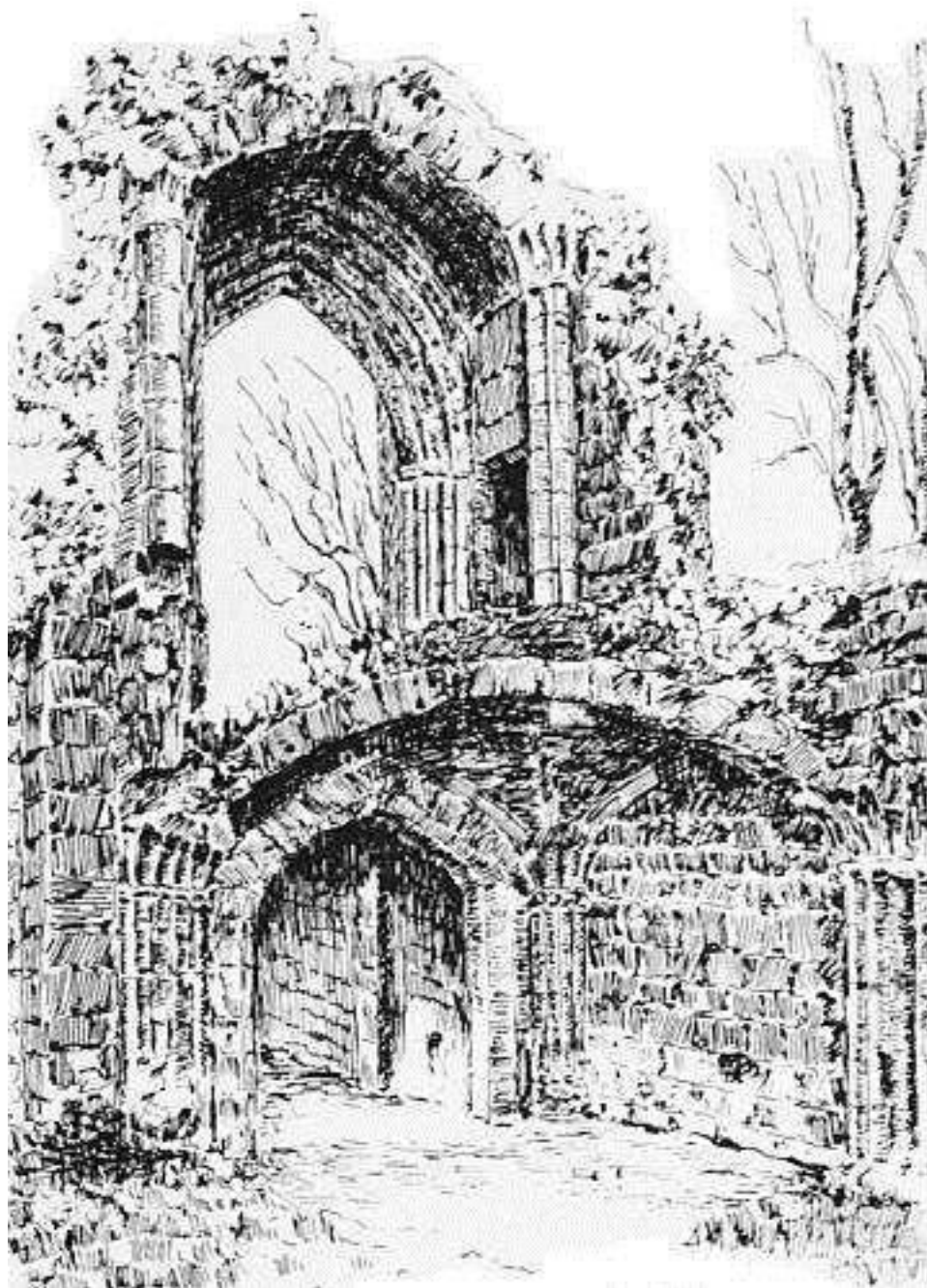
Развитие частного особняка внутри замка хорошо проиллюстрировано в Порчестере. Внешняя защита замка, большая башня двенадцатого века, занавес внутреннего двора, барбакан четырнадцатого века - все это находилось в ремонте; поскольку французские войны четырнадцатого и пятнадцатого веков сделали оборону Портсмутской гавани желательным фактором английской стратегии, и соображения, побудившие к строительству Бодиама, также требовали сохранения военного характера Порчестерского замка. Барбакан, однако, был последним важным дополнением к оборонительным сооружениям. Более поздние работы включали реконструкцию зала двенадцатого века напротив южного занавеса.³⁵⁶ Здание было в значительной степени перестроено, в холле на первом этаже были установлены большие ажурные окна, ведущие внутрь двора: в конце пятнадцатого века в конце, рядом с ширмами, было пристроено крыльцо с верхним этажом. Вдоль западной стороны внутреннего двора, между большим залом и крепостной башней, в конце четырнадцатого века был пристроен зал поменьше, башни на восточном занавесе были переоборудованы для бытовых целей, и в конечном итоге на этой стороне двора был пристроен ряд зданий (97).

Замок Кэрю; Вход в большой зал

Внешне Порчестерский замок - это просто крепость: внутри внимание приковывают хозяйственные постройки, и только внушительная масса цитадели (131) напоминает нам о военном происхождении цитадели. Аналогично, в корнуоллском замке Рестормел, где одна палата имеет почти круглую форму и окружена глубоким рвом, вся внутренняя сторона занавеса закрыта рядом хозяйственных построек с разделительными стенами, расходящимися от центра плана. Расположение холла, кухни и большой палаты можно легко проследить: часовня находилась на восточной стороне прихода, отделенная от холла большой комнатой, а алтарь с подструктурой образовывал прямоугольный выступ из занавеса в этом месте. Здесь также, как и в Порчестере, Ладлоу или Манорбире, жилой дом был замаскирован крепостью. Но есть также замки, в которых важность жилого дома с течением времени начала затмевать его военное окружение. В Татбери сильное положение замка, укрепленная цитадель, которая, вероятно, была разрушена впервые задолго до Завоевания, высокий курган, возведенный нормандским основателем замка, и прекрасная

сторожка четырнадцатого века³⁵⁷ (237), к которым ведет подъем, которым командует весь восточный занавес, поражают воображение. посетителей гораздо меньше, чем осталось от большого зала и прилегающих к нему покоев. Эта прекрасная работа, которую часто приписывают, как и многое другое в замках герцогства Ланкастер, Джону Гонту, вероятно, середины пятнадцатого века: существует замечательное сходство между деталями каменной кладки здесь и в Вингфилде, доме, дата постройки которого, как хорошо известно, несколько позднее 1441 года. В целом, замки, которые, как и Татбери, были объединены во владениях дома Ланкастеров и перешли к короне после восшествия на престол Генриха IV, представляют собой одни из лучших примеров замковых жилых домов дворцового масштаба. В Понтефракте, например, на месте восточного кургана возвышался ряд зданий, позже известных как здания Джона Гонта. Рисунки Понтефракта и Мельбурна в Дербишире, сохранившиеся среди архивов герцогства, показывают нам замки, которые полностью изменили свой облик и превратились во дворцы. Однако нигде это не проявляется сегодня так ярко, как в Кенилуорте, где возведение большого зала можно справедливо приписать Джону Гонту.³⁵⁸ Весь север и часть западной стороны внутреннего двора, на вершине возвышенности, на которой стоит замок, покрыты великолепной серией зданий конца четырнадцатого века, главным из которых является холл, вероятно, лучшие апартаменты того времени в Англии, за исключением Вестминстер-холла (337). Еще позже, как и в Кэрю, преобразование крепости было завершено пристройкой во времена Генриха VIII жилых помещений, которые ныне исчезли, вдоль южной стороны прихода; а в царствование Елизаветы юго-западный угол был заполнен высоким блоком зданий, возведенных графом Лестером.

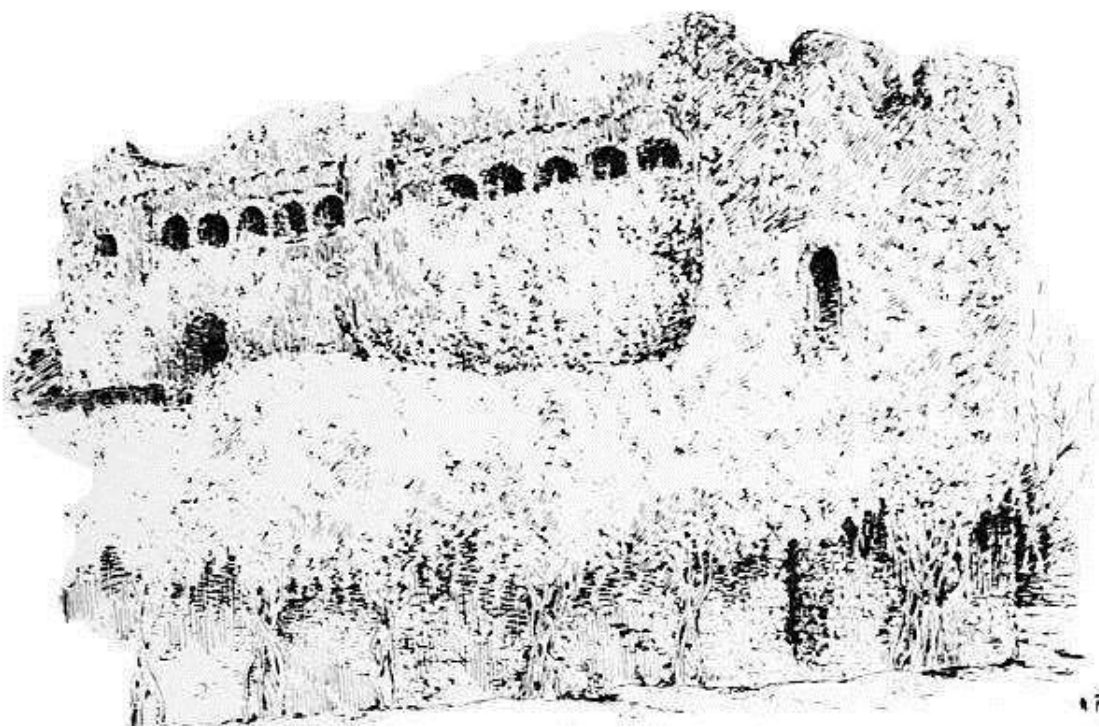
Замок Кенилворт; Вход в холл

Можно сравнить рост домашнего элемента в Кенилворте с ростом французского замка Блуа, где военный аспект здания постепенно стирался. К большому залу в северо-восточном углу замка Бейли³⁵⁹ сначала были пристроены постройки Карла Орлеанского (1440-65) с западной стороны.³⁶⁰ Затем появилась позднеготическая работа Людовика XII "На востоке" (1498-1502). В шестнадцатом веке зал был присоединен к кварталу Карла Орлеанского зданием эпохи Возрождения, возведенным при Франциске I и Генрихе II. Замок к этому времени превратился во дворец, и преобразование было завершено в семнадцатом веке (1635 г.) возведением высокого ряда зданий в стиле палладио в северо-западном углу, который является наиболее заметной особенностью северного вида замка.³⁶¹ Аналогичная работа по преобразованию происходила в Амбуге при Людовике XII. и Франциск I. Однако в обоих этих случаях главные изменения произошли в период, когда Возрождение оказывало мощное влияние на французскую жизнь и мысль. Как правило, французские замки четырнадцатого и начала пятнадцатого веков, хотя и становились все более великолепными,

во многом сохраняли характер феодальной твердыни. Два великолепных зала и северный ряд зданий в Куси, построенных Ангерраном VII, сеньором Куси, в последней четверти четырнадцатого века, были пристроены без ущерба для крепости; к тому же периоду относится осыпь, прикрывающая источник у подножия донжона, сооружение чисто военного характера.³⁶² В замках Менен-сюр-Ювр (Шер), построенных Жаном, герцогом Беррийским, между 1370 и 1385 годами, и Пьерфон (Уаза), построенных Луи, герцогом Орлеанским, между 1390 и 1420 годами, великолепие дворца в равной степени уравнивалось мощью крепости.

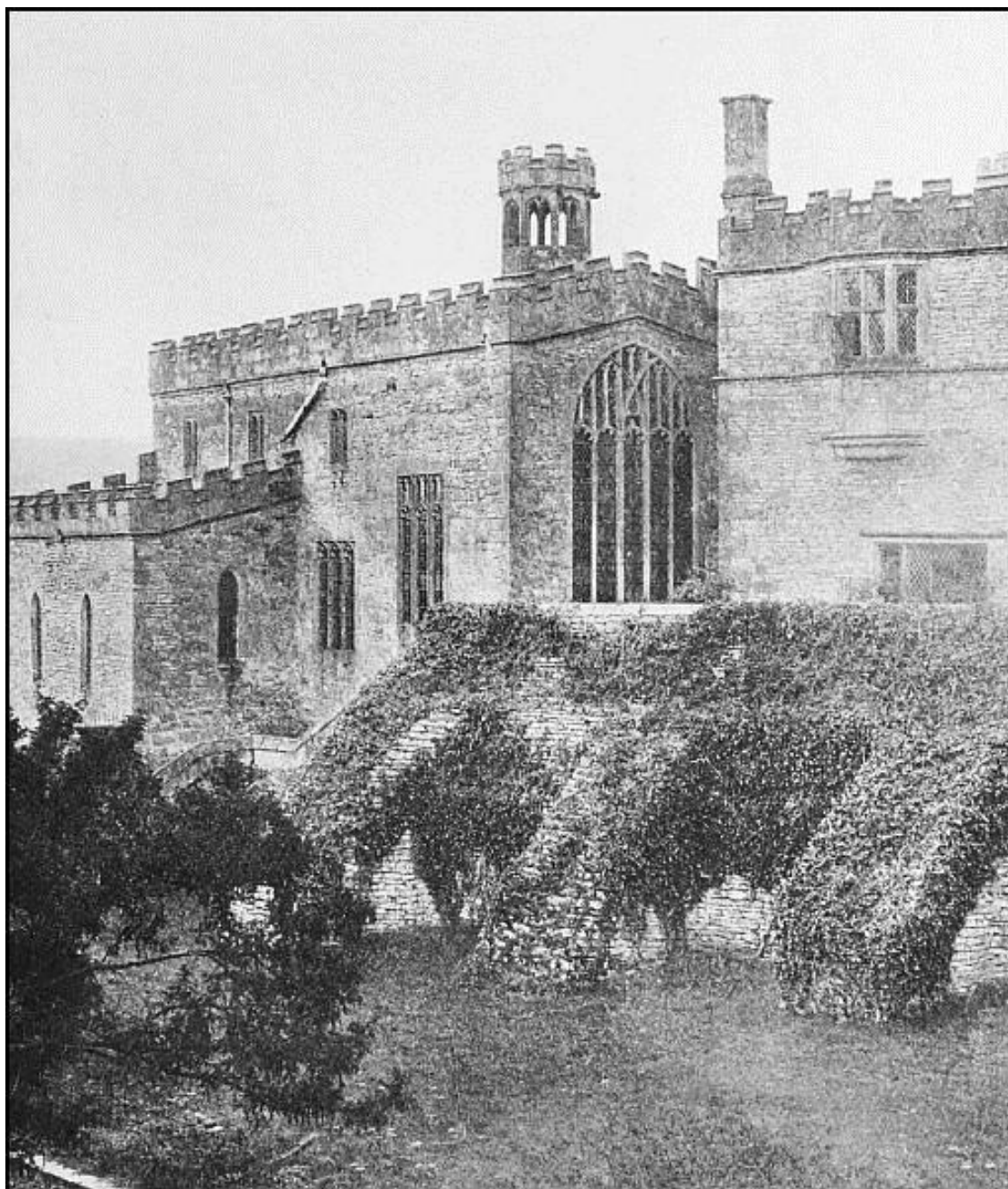
хэддон: верхний двор и башня

Лэмпфи Пэлас

Проследивая развитие замка до тех пор, пока он не будет объединен с поместьем, мы не должны забывать, что укрепленный жилой дом был не просто порождением эпохи, когда перестали строить замки. Многие из цитаделей, о которых упоминалось выше, особенно на севере и западе Англии, были жилыми домами, а не замками. Эктон-Бернелл, Эйдон, Маркенфилд, Хотон или те дома, к которым, как к Мортему в Йоркшире или Янвату в Уэстморленде, пристроены башни-пеле, будь то как часть их первоначального оснащения или как более позднее дополнение, - все это ткани, при изготовлении которых необходимо было принять военные меры предосторожности, но в первую очередь учитывались повседневные потребности жильцов. Замок - это военный пост, который может включать в себя один или несколько жилых домов в своих стенах: дом, который при необходимости может быть превращен в замок, находится на другом фундаменте. Епископские дворцы, такие как Окленд, Кэвуд, Уэллс или Линкольн, являются примерами больших усадеб, в которых укрепление было всего лишь мерой предосторожности. Великолепные дома епископов Сент-Дэвидса - не менее примечательные из остатков средневековой архитектуры, наполовину домашней, наполовину военной, которые распространены в юго-западном Уэльсе. Епископ Генри Гауэр (1328-1347) разработал в замке Суонси и в своих поместьях Лампи и Сент-Дэвидс архитектурный стиль, заслуживающий упоминания из-за своей оригинальности. Три упомянутых дома несколько отличаются друг от друга. Замок Суонси представляет собой большое здание, явно военного характера, и по общему виду мало чем отличается от более раннего замка, который так благородно возвышается над городом Хаверфордвуд. Зал епископа Гауэра в Лэмпфи - простое здание, главной архитектурной особенностью которого является большой подвал на первом этаже: он был перекрыт заостренным бочкообразным сводом, первоначально укрепленным тяжелыми поперечными ребрами, большинство из которых обвалилось. Огромный дворец Святого Давида, с другой стороны, демонстрирует во всех своих деталях, и особенно в дверном проеме с ореольчатой головкой на крыльце его большого зала, роскошь убранства, которая не часто встречается в домашней архитектуре того времени. Большой зал на западной стороне внутреннего двора, меньший зал и частные апартаменты на южной стороне,

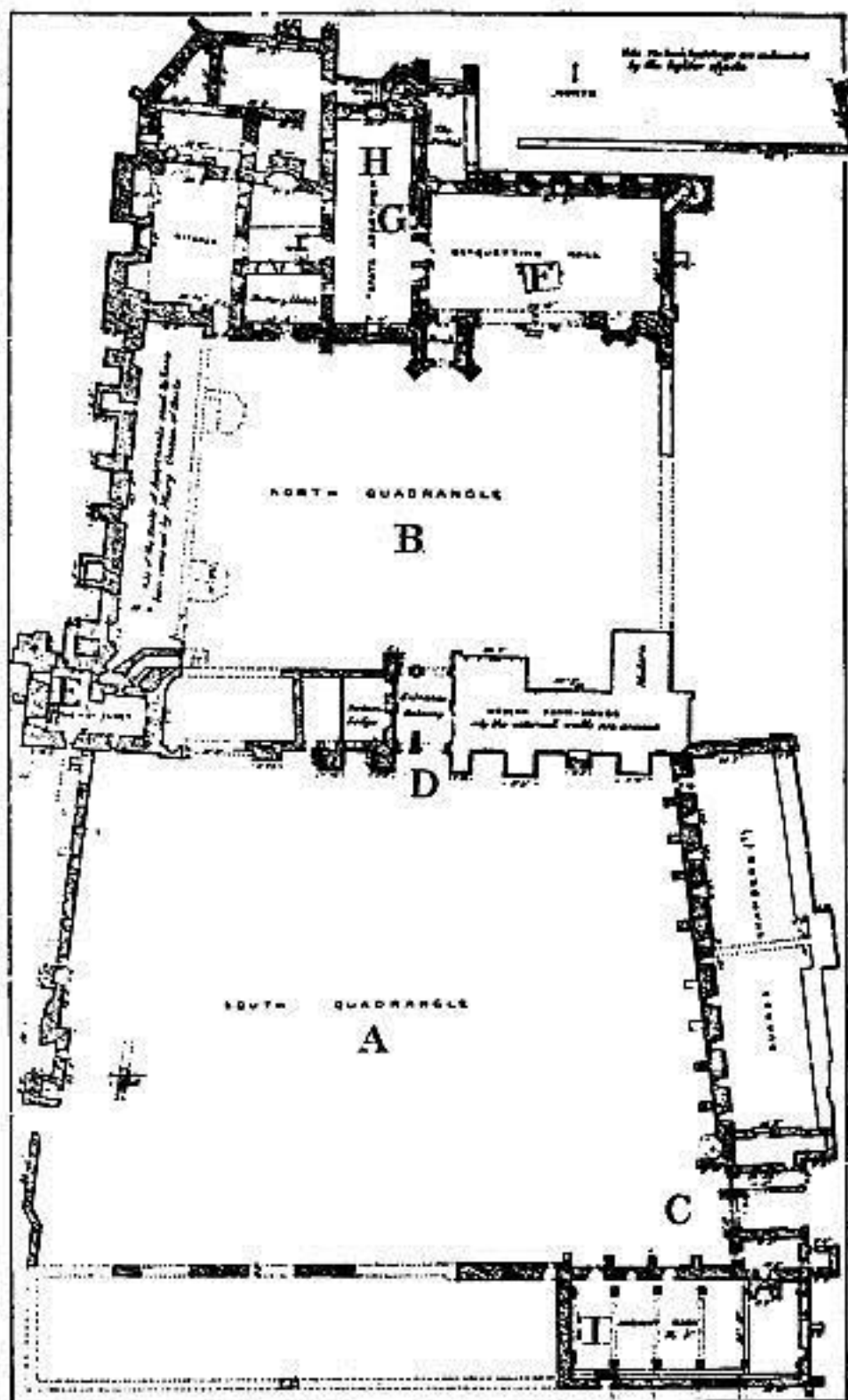
сводчатые подвалы, занимающие весь цокольный этаж в каждом ряду, спланированы в масштабе, равном масштабу замка первоклассных размеров. Но, хотя эти здания так сильно отличаются по общему характеру, у них есть общая черта в виде парапета, пронизанного рядом широких стрельчатых арок и выступающего над верхом стен. Сравнительно грубый в Суонси и Лэмпфи (341), этот парапет в соборе Святого Давида обработан с большим изяществом, а косяки арок снабжены тонкими стержнями. Была ли какая-либо мысль о его применении на войне, является сомнительным моментом; хотя он мог бы быть полезен в таком случае, вероятно, в первую очередь он предназначался просто как украшение. Карниз очень тонкий, без механической обработки. Вся конструкция парапета представляет собой любопытную особенность, которая заслуживает особого внимания. В Лэмпфи есть еще один, более поздний зал, к западу от более раннего здания; к нему примыкает с севера красивая часовня, построенная епископом Воаном в начале шестнадцатого века. Сторожка в Ллаухадене, еще одном поместье епископов Сент-Дэвидса, по-видимому, относится к пятнадцатому веку и, благодаря своим боковым башням, обращенным к полю, имеет более отчетливый воинственный вид, чем что-либо в Лэмпфи или Сент-Дэвидсе.

хэддон: часовня

Теперь мы можем привести несколько типичных примеров, иллюстрирующих переход от укрепленной резиденции к большому жилому дому, который был завершен к началу шестнадцатого века. Сравнительно рано разделение военной и домашней архитектуры проявилось в таком доме, как Стоксей (306). Здесь холл и прилегающие к нему здания принадлежат частному дому в чистом виде; а оборонительная часть плана ограничена многоугольной башней на южном конце ряда зданий, которая во время войны могла использоваться как отдельная цитадель, была искусно спланирована и хорошо освещена.³⁶³ Но в Стокси (207) башня, по-видимому, является несколько более поздней пристройкой к жилому дому тринадцатого века. Добавлены защитные меры предосторожности. Лучшим примером противоположного случая, когда они исчезают, является Хэддон-холл (340), самый привлекательный и наиболее тщательно сохранившийся из английских средневековых домов. В своем самом раннем состоянии это, по-видимому, был простой пале, занимавший часть своего нынешнего места, с башней в ее северо-

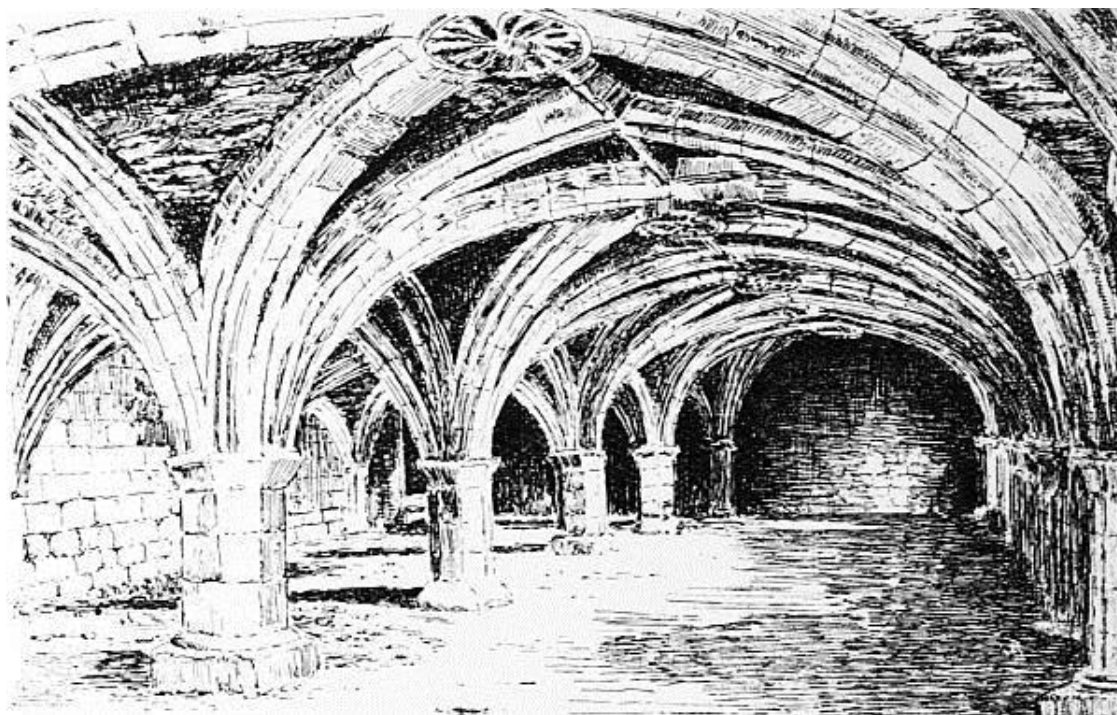
восточном и самом высоком углу. Часовня (343), в которой до сих пор сохранилась большая часть работ двенадцатого века, вероятно, была построена за пределами частокола как приходская часовня в деревушке Хезер-Хаддон. Со временем укрепленная ограда расширила свои границы. Вокруг нее была возведена стена, а часовня была вынесена на линию окружности.³⁶⁴ В четырнадцатом веке нынешний зал был построен между верхним и нижним дворами.³⁶⁵ В его северном конце были ширмы, образующие сообщение между двумя дворами, из которых непосредственно вели кладовая, кладовая и проход на кухню. В южном конце, за помостом, находился подвал с большой комнатой наверху. Позже у входа в ширмы было построено крыльцо с верхней комнатой. В течение пятнадцатого века верхний двор постепенно окружался зданиями; к часовне были пристроены новый алтарь и восьмиугольная колокольня; и в конце этого периода старая навесная стена между часовней и большим залом была перекрыта внешней стеной с обеих сторон и превращена в простую перегородку, на которую опирались деревянные верхние постройки. В западных стенах подвала и большой комнаты были открыты широкие окна, а подвал был превращен в отдельную столовую в задней части зала. В начале шестнадцатого века были достроены здания вокруг входного двора, а деревянная сцена к востоку от часовни была перестроена из камня. Наконец, в царствование Елизаветы Петровны появилась пристройка, знаменующая последний этап перехода от пеле к жилому дому, когда на южной стороне верхнего двора была построена длинная галерея с рядом широких окон со средниками и глубокими нишами, выступающими в сад. В то время как поместье в Вингфилде, расположенном недалеко от нас, практически полностью относится к одному периоду и иллюстрирует определенный компромисс между войной и миром, Хэддон развивался от четырех до пяти столетий и с самого начала проявлял тенденцию избавляться от своего военного характера.

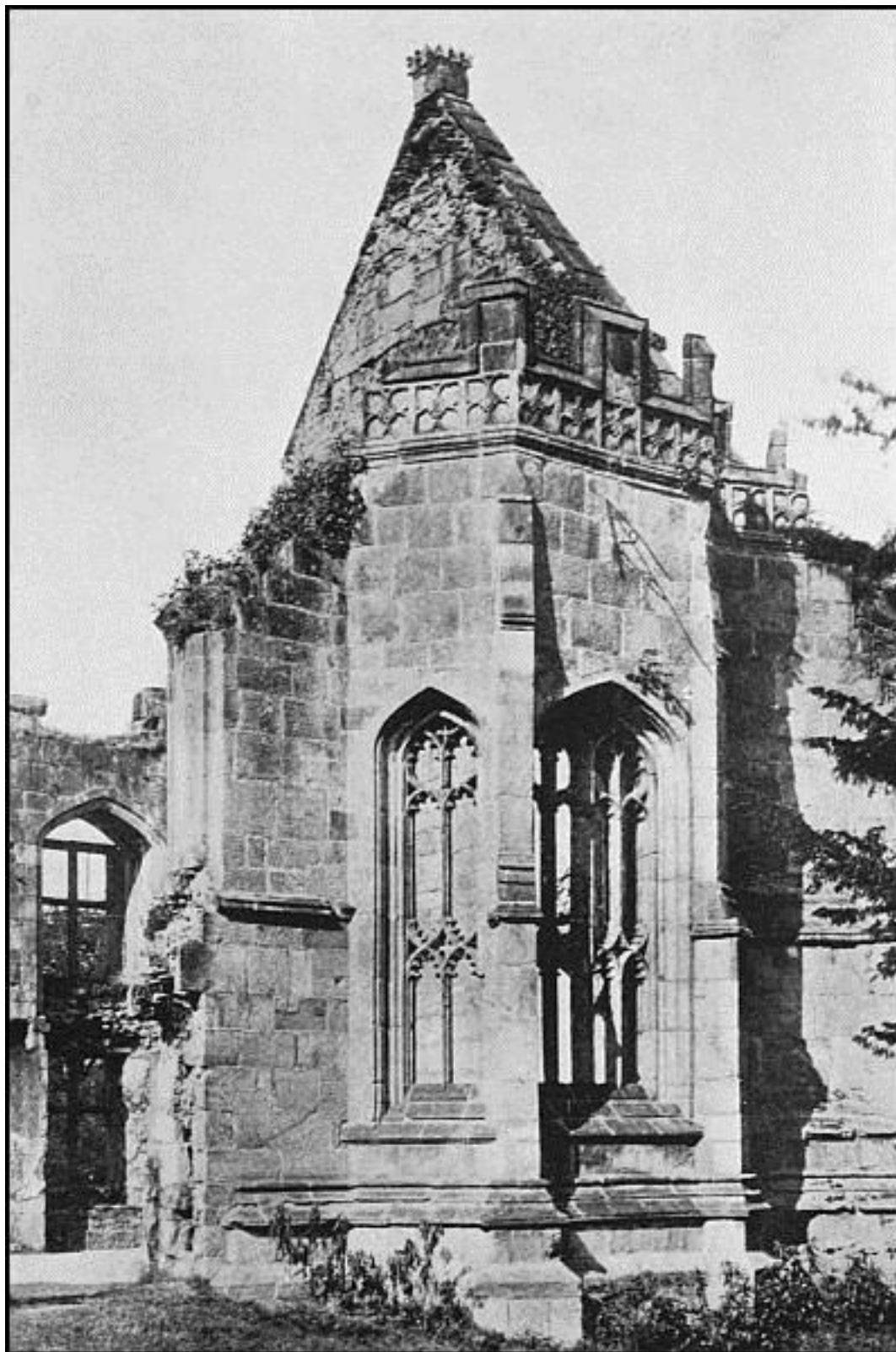
Поместье Вингфилд; План

Поместье Вингфилд, вероятно, является самым ярким примером более поздней английской усадьбы с определенными оборонительными особенностями. Он был начат Ральфом, лордом Кромвелем, между 1441 и 1455 годами. Его позиции, естественно, сильны. С почти изолированного холма с крутыми склонами на востоке, севере и западе он возвышается над долиной, в которой стоит, но сам возвышается над гораздо более высокими холмами, которые отделяют его от долины Дервент на западе.³⁶⁶ Здания расположены вокруг двух

внутренних дворов (346). Во внешнем и более просторном дворе, в который ведут широкие ворота с задней дверью с одной стороны, у южного конца восточной стены, располагались складские помещения и хозяйственные постройки, с большим сараем на южной стороне. Этот базовый двор, подобно “бармкину” укрепленного дома на севере Англии, был бы полезен во время войны для защиты арендаторов и их стад, у которых не было других средств защиты. Сторожка в северной стене ведет во второй двор, который был окружен зданиями со всех сторон, кроме восточной. Вся протяженность северной стороны была покрыта великолепным блоком зданий, который включал холл, кухню и главные частные апартаменты (349). Этим зданиям не уделялось того внимания, которого они заслуживают, но они, очевидно, относятся к двум периодам работ, а большой кухонный блок в вест-энде был пристроен запоздало. 367 План любопытный и необычный. Зал занимает восточную оконечность квартала. Хотя крыша и большая часть южной стены полностью исчезли, а северная стена была изуродована более поздним разделением зала на два этажа и несколько комнат, крыльцо с его верхней комнатой и эркерным окном на противоположных концах южной стены все еще довольно совершенны. Зал занимал всю высоту здания и имел высокую крышу с большими оконными проемами на фронтонах: неясно, находился ли камин в центре комнаты, с жалюзи в крыше для отвода дыма или в южной стене. Крыльцо вело к ширмам в западном конце, над которыми, вероятно, располагалась галерея менестрелей. В северном конце ширм находился вестибюль, из которого тиски вели на верхний этаж здания, отделяя холл от кухни; в то время как широкий и хорошо отделанный дверной проем открывался на лестницу, спускавшуюся в сад за холлом. С этой стороны склон земли очень крутой, и зал построен в очень большом и красивом подвале (348), разделенном на две продольные половины рядом из пяти колонн. Образованные таким образом проходы имеют продолговатые своды на широких четырехцентровых ребрах. Смелые волнистые формы ребер и резьба на выступах в местах их соединения выполнены с мужественной энергией дизайна, которая придает этому погребу место среди главных архитектурных шедевров своего времени. В каждом углу подвала есть короткие тиски с широкими ступенями: те, что расположены в северо-восточном и юго-восточном углах, сообщались непосредственно с помостом и буфетом зала, а входом на юго-восточную лестницу является вестибюль, выходящий в эркер. В юго-западную дверь можно было попасть со двора, в то время как северо-западная лестница вела в комнату с одной стороны от прохода из холла в кухню.

Поместье Вингфилд; Подвал холла

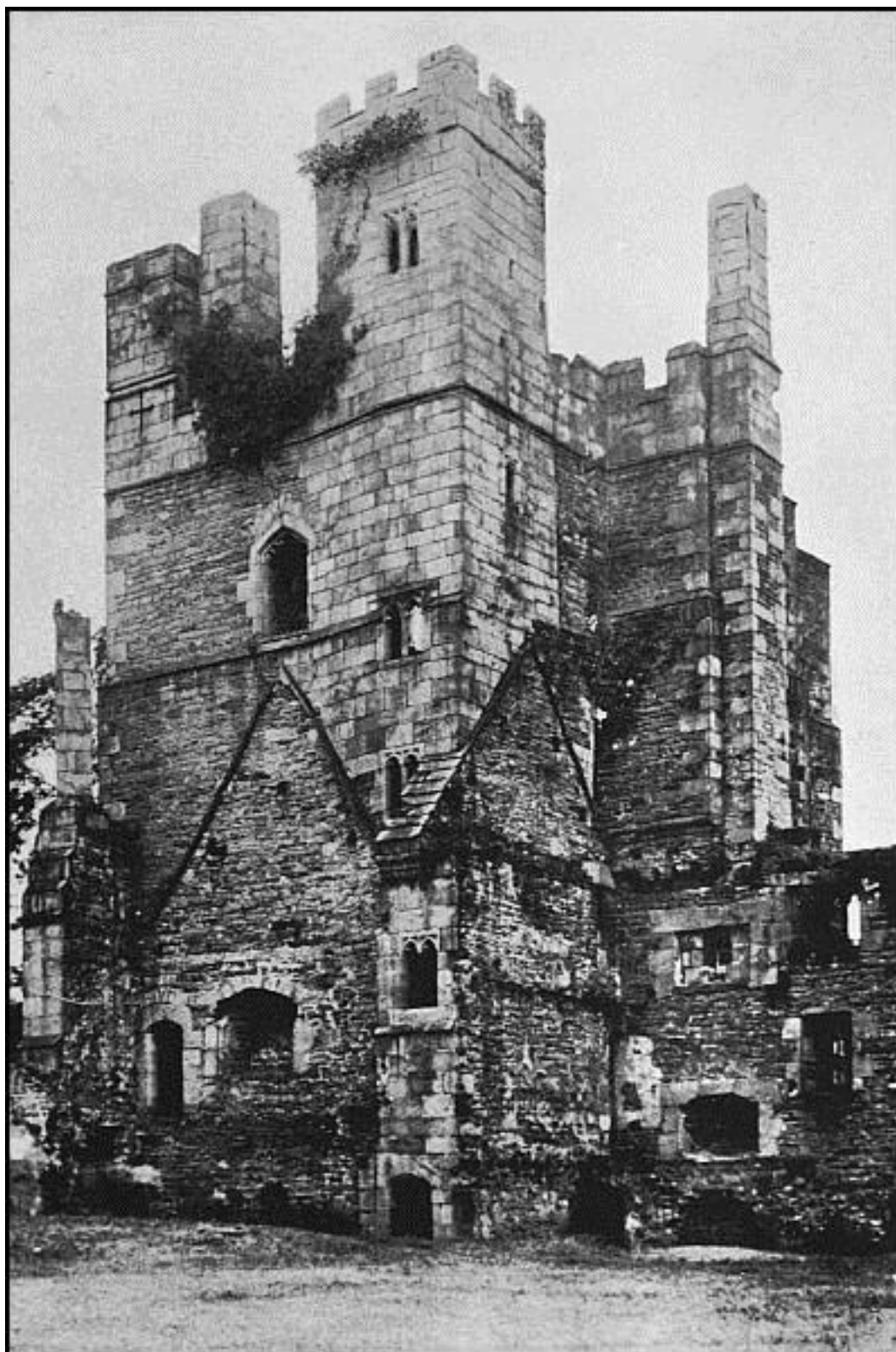
вингфилд: эркер холла

На кухню и в ее кабинеты нельзя было попасть обычным способом, прямо с экранов. Между ними находится блок зданий, главная ось которого расположена под прямым углом к оси зала. Однако, как обычно, в западной стене зала есть три дверных проема. Из них средняя и самая большая находилась в центральном проходе, ведущем на кухню. Двери поменьше по обе стороны от нее вели в две комнаты на первом этаже, под которыми находились подвалы. Весь этаж над ними, куда можно было попасть через тиски из большого вестибюля в конце

ширм, выходящих в сад, представлял собой большую комнату с высокой крышей, которая освещалась со стороны внутреннего двора большим оконным проемом из четырех светильников, с хорошим прямолинейным узором и фрамугами под сегментарной аркой. Вряд ли нужно говорить, что расположение большого зала у входа в зал является наиболее необычным. Лучший параллельный пример можно найти в связи с залом епископского дворца XIII века в Линкольне. Здесь уклон в северном конце зала помешал строительству большого блока зданий на этой стороне. В южном конце земля обрывалась почти вертикально, и здесь, на сводчатом фундаменте, был построен двухэтажный блок, в нижнем из которых располагались кладовая, кладовая и проход к кухням, в то время как верхний был большой комнатой. Кухня располагалась в отдельно стоящей башне, между которой и промежуточным блоком был мост с крытым переходом на втором этаже. Двухэтажный корпус теперь переоборудован в епископскую часовню, окна которой в большом зале образуют кладовую, а проход через кухонный мостик превращен в ризницу.

В Вингфилде большая комната, очевидно, была расположена у входа в холл, чтобы избежать конструкции, которая была принята в качестве *библиотеки* в Линкольне, и была выбрана сторона холла, где земля была сравнительно ровной. Тем не менее, в конце зала, где возвышается помост, где земля уходит на несколько футов вглубь, на нижнем уровне сохранились значительные остатки построек; и возможно, что первые кухонные постройки планировались именно в этом конце. Расположение с легким доступом в большой подвал и, по лестнице, которая все еще частично сохранилась, в холл, не было бы неудобным, и расходы на строительство были бы сэкономлены за счет изменения обычного расположения, при котором более дорогостоящий большой камерный блок располагался на ровном фундаменте, хотя и в дальнем конце холла. Четыре ступеньки, ведущие в подвал, позволяли легко подавать еду прямо на помост или через ширмы в нижний конец зала, независимо от расположения кухни. Однако, было ли это первоначальным решением или нет, кухонный блок к западу от большой комнаты был пристройкой, сделанной, вероятно, через несколько лет после первоначальной планировки дома.³⁶⁸ Центральный проход под большой комнатой был продолжен на кухню, проходя между большой кладовой и кладовней. Его южная стена, рядом с кладовой, прорезана двумя широкими арочными отверстиями, образующими великолепный люк для кладовки, через который подавались напитки. На верхних этажах располагались кладовая и кладовая, но сама кухня с тремя каминами занимала весь западный конец квартала. Пол здесь наклонный и рифленый для облегчения дренажа: стоки в полу сливались через желоба в западной стене.

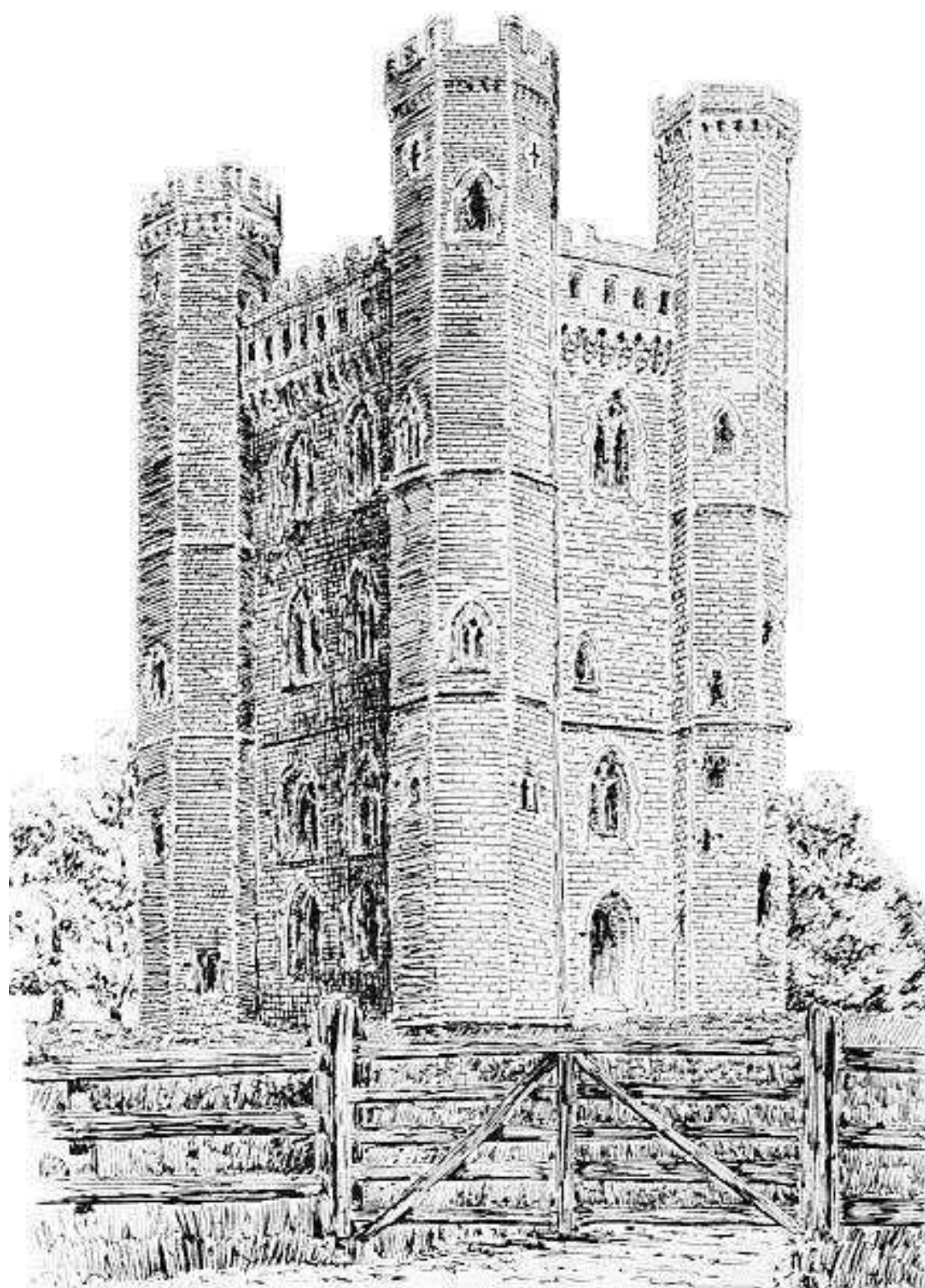
Использование зданий на южной стороне внутреннего двора, по обе стороны от ворот, не может быть определено с уверенностью; но западная сторона двора занята важным рядом зданий, между кухней на севере и высокой башней в юго-западном углу ограды. От этих зданий, относящихся к оригинальной постройке пятнадцатого века, мало что сохранилось, кроме западной и фундамента восточной стены, в которой были два эркера. Вероятно, это были апартаменты с отдельными комнатами, включавшими холл меньшего размера или отдельную столовую, такие, какие есть в Конвее и Порчестере, а также в большинстве наших замков, начиная с конца тринадцатого века.³⁶⁹ В южном конце этого квартала находится одна из отличительных военных особенностей усадьбы - высокая четырехэтажная башня, в которой в мирное время располагались комфортабельные апартаменты, а во время войны ее можно было изолировать и превратить в крепость.³⁷⁰

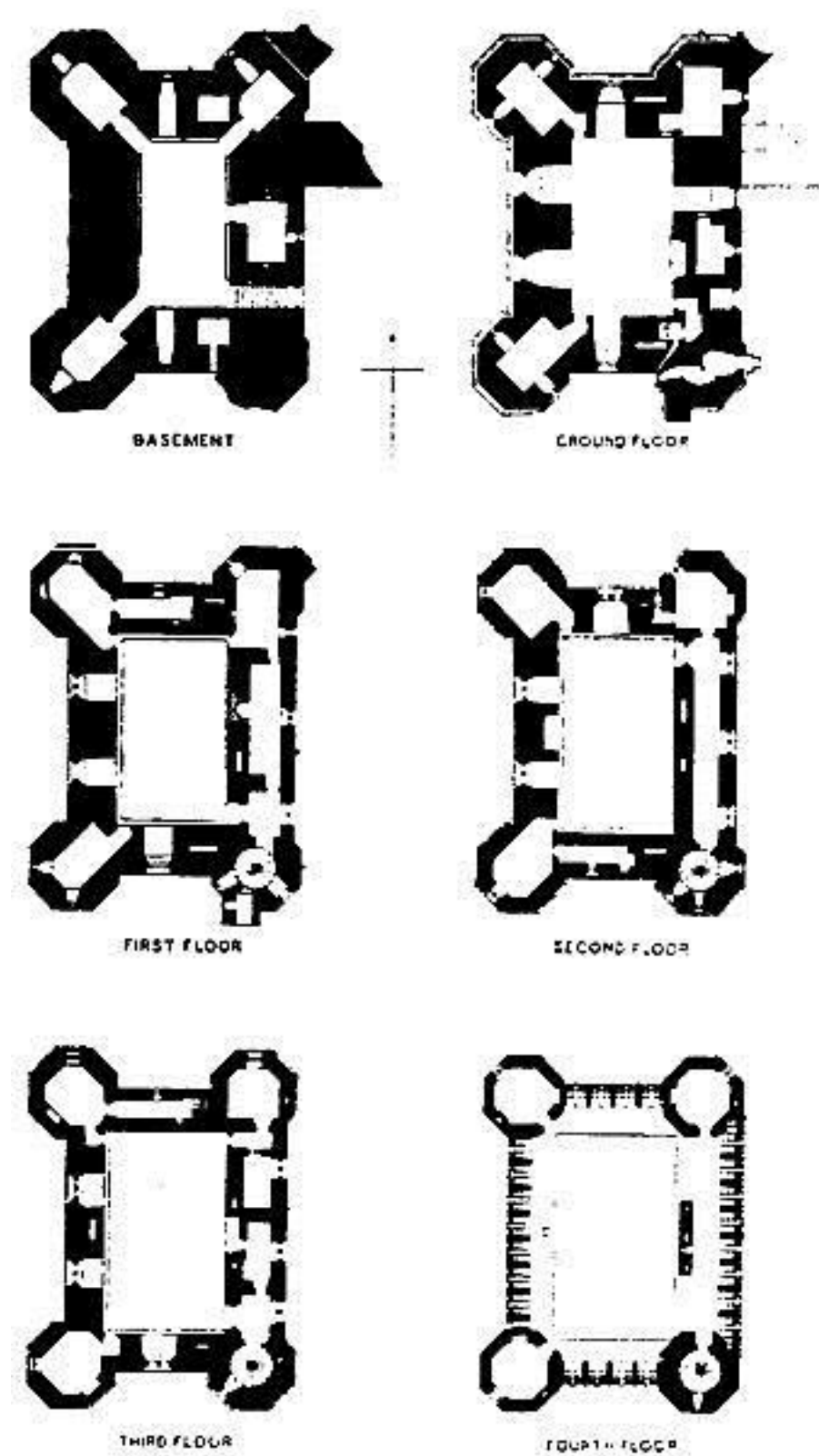
вингфилд: крепкая башня

Такой предварительный порядок защиты характерен для той эпохи. Главной целью дома в Вингфилде были комфорт и удовольствия; и его тип настолько далек от военного совершенства Кэрфилли или Харлеча, насколько это возможно. Необходимости в постоянном гарнизоне не ощущалось, поскольку в случае войны осада была бы лишь последним средством нападения. Следовательно, защита дома, помимо размещения казарм и безопасности беженцев во дворе базы, а также обычной прочности ворот,³⁷¹ были

ограничены предоставлением башни в качестве последнего ресурса. Однако дом, который строитель Вингфилда построил в Таттерсхолле в Линкольншире между 1433 и 1443 годами на месте более ранней крепости, имел форму четырехъярусной кирпичной башни с подвалом, наполовину находящимся под землей (356). На каждом углу есть восьмиугольная башенка, тиски, ведущие с первого этажа на крышу, находятся в юго-восточной башне (357). Стены имеют значительную толщину повсюду, но над подвалом прорезаны большими двухсветными окнами, по два на каждом ярусе западной стены. В восточной стене находятся дымоходы каминов на первом и цокольном этажах; но за ними стена пронизана проходами с фресками, освещенными до самого горизонта. Северная стена на первом и третьем этажах также пронизана проходами. Они сообщались с помещениями в башенках и с мантиями гвардейцев. Внутренние элементы, сводчатые лестницы и проходы в толще стен, каменные каминные на верхних этажах с прямоугольными каминными полками, украшенными гербовыми щитами, 372 сложны и роскошны; но башня представляет собой оболочку, и этажей над сводчатым подвалом больше нет. Однако характерной особенностью башни является крытая галерея, которая опирается на каменные арки над каждой стеной здания между башенками: пол между карнизами выровнен, а в галерее есть прямоугольные окна, выходящие в поле. Подобная галерея встречается во французской военной архитектуре, как, например, в Пон-Валенте в Каоре, но, по-видимому, уникальна в Англии. 373 В той же части Линкольншира и примерно в тот же период нередко башни типа Таттерсхолл. Показательными примерами являются Кайм-тауэр на болотах к северо-востоку от Слифорда, Хасси-тауэр на северо-востоке Бостона и Тауэр на пустоши между Таттерсхоллом и Хорнкаслем: однако ни один из них не может сравниться с Таттерсхоллом по красоте и размерам или продемонстрировать что-либо похожее на тот же союз защитников с чисто домашними механизмами.

Замок Таттерсхолл

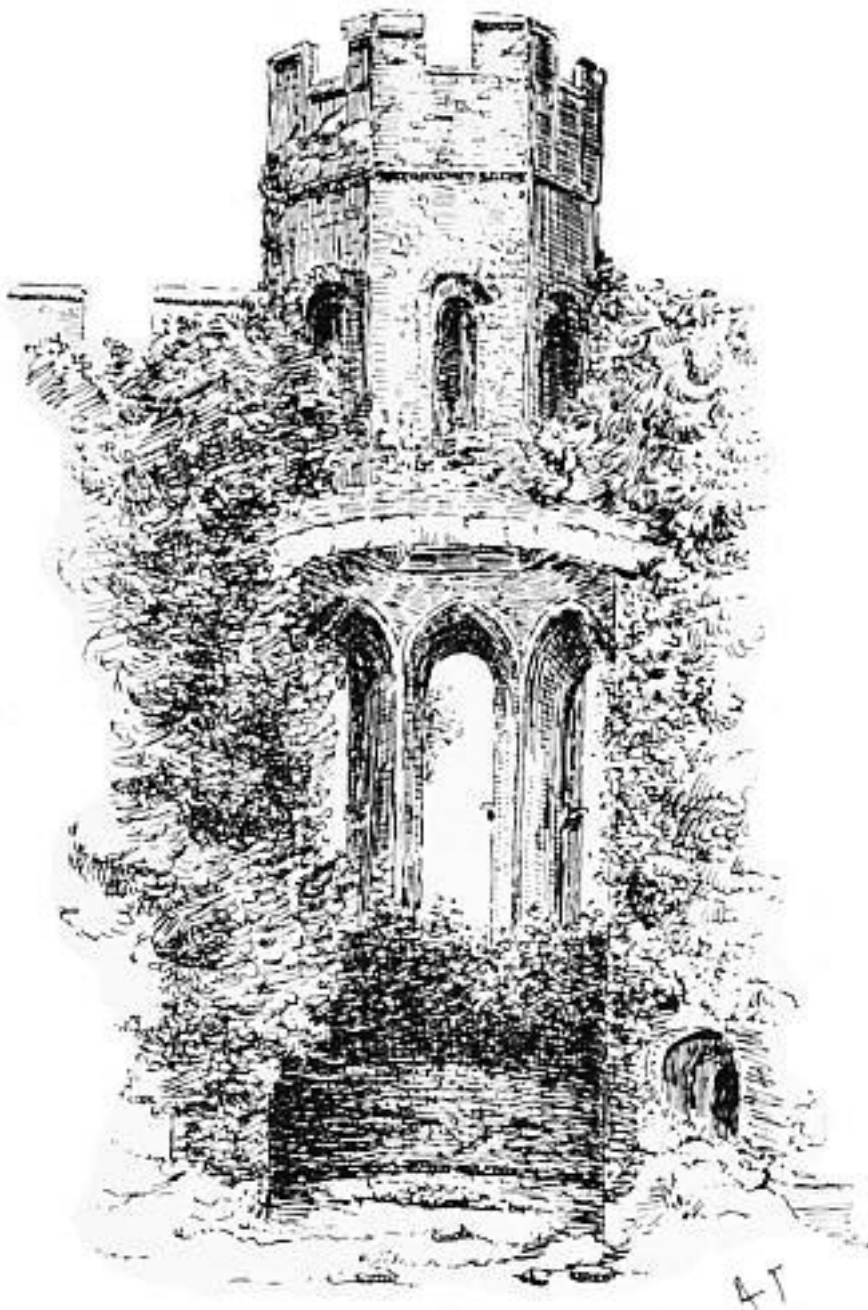

Замок Таттерсхолл; План

Во всех этих линкольнширских башнях использовались кирпичные работы: они расположены в районе, где камня было мало и где изготовление кирпича на месте было более простым процессом, чем перевозка строительного камня из Анкастера или Линкольна. В пятнадцатом и шестнадцатом веках кирпич очень широко использовался для внутренней архитектуры в восточных графствах; и такие дома, как Оксбург в Норфолке или дом священника в Хэдли в Саффолке, с их сторожевыми башнями, являются яркими примерами

работ конца пятнадцатого века.³⁷⁴ Олд-холл в Гейнсборо в Линкольншире - большой особняк пятнадцатого и шестнадцатого веков. Он опять-таки в основном кирпичный, но в холле и одном из крыльев использовано значительное количество дерева и штукатурки; в то время как эркер холла сделан из серого йоркширского известняка крупными блоками, который широко использовался в церквях нижней долины Трент. Однако в одном углу находится многоугольная башня, полностью выложенная из кирпича, с поперечными петлями в стенах первого этажа и зубчатыми стенами наверху. Эти зубчатые стены имеют выступы, чтобы создать впечатление машикуляции: однако никакой машикуляции нет вообще, а промежутки между выступами изогнуты и заполнены простым ажуром. Принцип здесь тот же, что и в Вингфилде и Таттерсхолле: резиденция оборудована мощной башней, которая в Таттерсхолле, как и в Уоркуорте, идентична самой резиденции. Но если в Уоркуорте соображения безопасности и комфорта были достаточно сбалансированы, возможно, с небольшим склонением чаши весов в сторону безопасности, то в Таттерсхолле, несмотря на крытую галерею с ковровым покрытием, баланс на стороне комфорта. И в Таттерсхолле, и в Вингфилде великолепная резиденция изучается в первую очередь, в то время как оборонительная крепость является второстепенной идеей. Башня в Гейнсборо - это просто имитация мощных башен прошлого, задуманная с восхищением их прочностью и консервативной любовью к их красоте, но без серьезного представления о практической полезности.³⁷⁵

Прекрасное поместье Комптон, расположенное в уединенной долине Девоншира в нескольких милях к западу от Торки, вероятно, было построено около 1420 года одним из членов семьи Гилбертов. Главный вход, расположенный в центре восточного фасада, под высокой аркой, охватывающей по высоте цокольный и второй этажи, обрамлен смелыми прямоугольными выступами, заканчивающимися карнизами на высоте нескольких футов над землей. Однако она ведет не в сводчатый проход, перегороженный опускными решетками и окруженный по бокам караульными помещениями, а в тот, который дает прямой доступ в зал. Этого больше не существует, и часть территории занимает современное здание, но выветрившаяся высокая крыша все еще сохранилась, и на ее южном конце мы все еще можем видеть входы в кухню и кладовую, а также лестничную дверь галереи менестрелей. Внутренний двор и хозяйственные постройки окружены стеной с непрерывным валом-дорожкой, от парапета которой через равные промежутки отходят выступы в форме машикулей, расположенные таким образом, чтобы находиться непосредственно над дверными проемами и окнами и, таким образом, защищать наиболее уязвимые точки дома, такие как большое четырехсветное восточное окно часовни, к северу от зала. Дом не был окружен рвом, но пространство между ним и дорогой, вероятно, образовывало внутренний двор, хотя какие-либо остатки укреплений исчезли. Все здание является хорошим примером обращения вспять обычного процесса. Жилой дом вырос не внутри замка, а был превращен путем очень тщательного процесса возведения стен и зубчатых стен в укрепленный пост, к которому вполне можно применить название замка. Ситуация далека от командирской, но дом, спрятанный в долине, может стать серьезным препятствием, как и соседний замок Берри Померой, для мародеров, пробирающихся вглубь страны из залива Тор.

Замок Херстмонсо; Часовня

Характер "сначала дом, а потом замок", который примечателен в Вингфилде, также заметен в двух великолепных йоркширских резиденциях дома Перси, Споффорте и Ресселле, княжеских усадьбах, удостоенных названия касл. Но, пожалуй, лучшим примером в Англии замка, который является единственным только по названию, является кирпичный дом Херстмонсо в Сассексе. Это великолепное здание было начато около 1446 года сэром Роджером Файнсом. Его расположение в защищенной ложине в начале небольшой долины не имеет никаких военных преимуществ: его можно сравнить с уединенным участком Комптон-Виньятес или с низкими участками, в пределах легкой досягаемости от воды, которые любили выбирать строители домов елизаветинской эпохи. Дом был окружен заболоченной канавой - особенностью, характерной для Комптон-Винейтс, Кентвелла и других домов эпохи тюдоров.³⁷⁶ Внушительная сторожка находится в центре южного фасада, это прямоугольное здание, окруженное высокими башнями,³⁷⁷ с порталом и помещением наверху, утопленным под высокой аркой, которая сразу напоминает машинный

стиль. арки, которые охраняют вход в такие замки, как Чепстоу и Татбери. Сторожка имеет определенные военные особенности: ее крепостной вал и башни имеют механическую форму, а вход был закрыт опускной решеткой (323). Если кэннон придавала занавесу сравнительно небольшое значение, все равно было целесообразно защищать сторожку. Перед главными зданиями не было площадки базы, подобной той, что была в Уингфилде. Замок представлял собой просто совокупность зданий, расположенных вокруг ряда внутренних дворов, ни одно из которых не было сколь-нибудь большого размера или соответствовало той отличительной черте военной крепости — открытому двору, который служил местом сбора гарнизона. Зал находился на своем обычном месте, на стороне первого двора, противоположной главному входу. Большинство частных апартаментов располагались у восточной стены, из которой выступал алтарь часовни (359) в виде полуосьмиугольной апсиды.

Непревзойденную возможность изучить развитие замка в Англии предоставляет сравнение Херстмонсо с его соседями в Певенси и Бодиаме. Певенси, возвращающий нас по внешнему контуру к римской эпохе, является, что касается собственно территории замка, нормандской крепостью маунт-энд-Бейли с каменными укреплениями, построенными в основном в тринадцатом веке. Бодиама представляет собой одно из последних и высочайших достижений в области строительства замков в Англии. Херстмонсо - это дом, спроектированный для легкости и комфорта, но сохранивший что-то от внешнего подобия цитадели английского землевладельца. Следующий шаг был сделан в Каудрее, недалеко от Мидхерста. Здешний дом, номинально являющийся замком, был построен около 1530 года сэром Уильямом Фицуильямом: зубчатые стены большого зала и его красивая башня-крыльцо - единственная сохранившаяся в нем реликвия военной архитектуры; и на самом деле они носят не более военный характер, чем зубчатые стены церковной башни или придела. Сравнение и контрастность между этими зданиями в Сассексе можно расширить, включив в список ранние крепости Льюиса и Гастингса, а также епископальный замок Эмберли.³⁷⁸ В них, вместе с тем, что осталось от раннего замка Арундел, мы имеем настолько совершенное воплощение истории расцвета и упадка замковой архитектуры в Англии, насколько это может позволить себе любое графство.

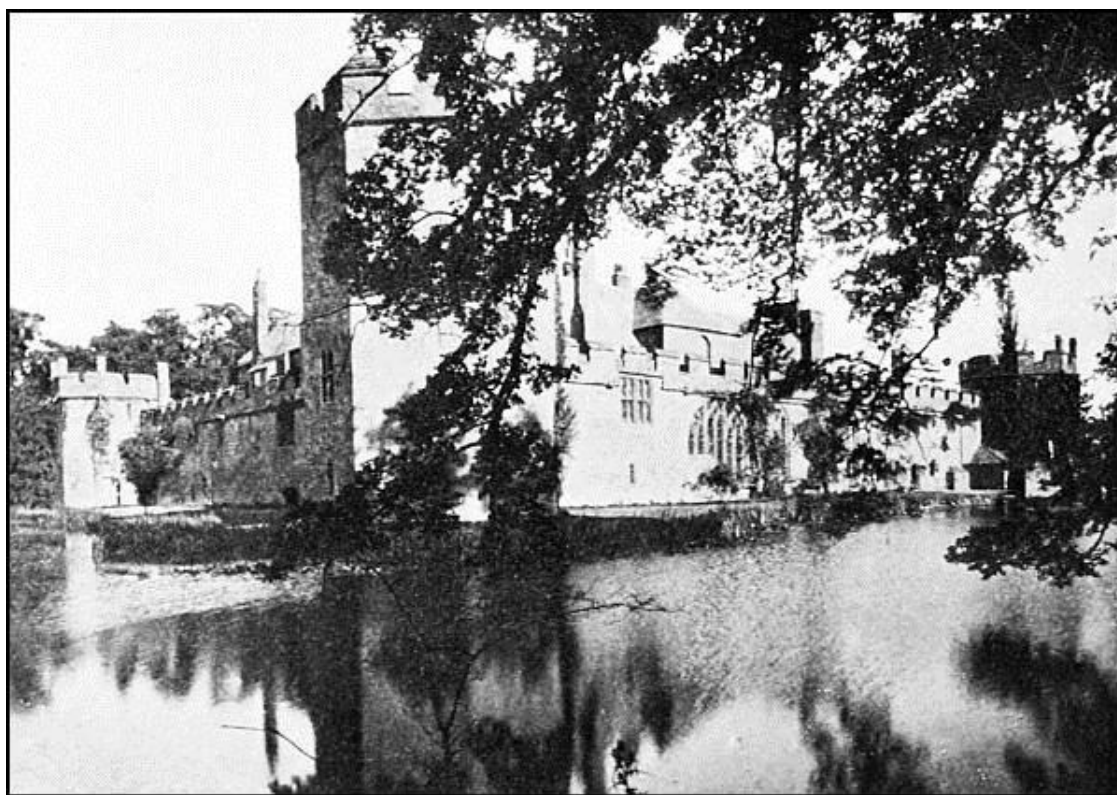
Строительство замков, после бурных примеров более поздних времен Плантагенетов, полностью прекратилось при могущественной монархии Тюдоров, когда выдающиеся подданные почувствовали реальность влияния короны. Только в очередной раз, во время гражданских войн семнадцатого века, к замкам обычно прибегали в качестве опорных пунктов. Три осады Понтефракта, операции королевских войск в долине Трент, между замками Ньюарк и Бельуар и укрепленным домом Вивертон, оборона Денби, Рокингема и Скарборо показывают, что частную крепость все еще можно было использовать при случае; в то время как такой особняк, как Бейсинг-хаус, доказал свою способность к упорному сопротивлению. Этой запоздалой войне за замки мы обязаны многими разрушениями: за ней последовало “пренебрежение” оборонительными сооружениями и общее приведение замков в их нынешнее состояние живописных руин. Завершая этот рассказ о военной архитектуре, может быть полезно собрать из некоторых обзоров, составленных в царствование Генриха VIII, информацию о состоянии некоторых из наших главных замков в период, когда средневековые идеи исчезали. Уже упомянутые цветные рисунки замков в архивах герцогства Ланкастер, которые, вероятно, относятся к ранней части правления Елизаветы, возможно, в чем-то обязаны фантазии. Но в общей точности этих устных опросов, за исключением неадекватных измерений, может быть меньше сомнений. Все они ясно показывают, что замки, как военные цитадели, устарели и что не только их оборонительным сооружениям, но даже их внутренним постройкам было позволено приходить в упадок в

мирное время. Осмотр замка Карлайл, возвращенный 22 сентября 1529 года, красноречиво свидетельствует о пренебрежительном отношении к крепости со стороны ее констебля, лорда Дэйкра. Деревянные двери сторожки во дворе базы сгнили: свинцовая крыша была срезана, вероятно, с прицелом на работу, так что дождь пропитал древесину внизу и просочился через хранилище в подвал, который в то время использовался как окружная тюрьма. Сторожка внутреннего двора находилась в ненамного лучшем состоянии, но ворота были железными и обеспечивали большую устойчивость к непогоде. Хозяйственные постройки на восточной стороне внутреннего двора были покрыты каменной черепицей: крыша большого зала провалилась, а галерея или проход между большим залом был “полностью разрушен”. Часовня и примыкающий к ней чулан были частично без крыши: дымоход в чулане обвалился, а гостиная под ним находилась в аварийном состоянии. Сам зал был “на грани обрушения”: кухня и некоторые из ее служебных помещений обрушились, пекарня и кладовая были на грани обрушения, в то время как дождь прошел через пол кладовой в кладовую, которая в данном случае, по-видимому, находилась на более низком уровне. Великая башня, “называемая Подземельем”, была открыта дождю из-за ветхости свинцовой крыши, и полы трех ее “домов”, или ступеней, постепенно прогнивали. Замок был снабжен артиллерией, но это имело “небольшой эффект и малую ценность”. Он включал двадцать три железных серпантина или небольшой пушки, шесть из которых были снабжены железными цапфами или цапфами для использования на лафетах; небольшой латунный серпантин длиной в фут; девять других серпантин; сорок пять камор; одну железную пращу для выпуска каменной дроби; четыре “хагбуши” (аркебузы или ручные ружья); и две бомбарды или пушки в форме миномета. Боеприпасы для серпантин и аркебуз состояли из 560 свинцовых пуль, было также немного каменной дроби и пороха. Некоторые ружейные приклад, луки и стрелы дополняют список артиллерии.³⁷⁹

Замок Шерифа Хаттона в Йоркшире, обследованный в том же году, оказался в лучшем состоянии с точки зрения жилого дома; поскольку он, как мы знаем из современной истории, заселялся с небольшими перерывами с конца четырнадцатого века и далее. Там было три отделения, самое внешнее, очевидно, представляло собой большой основной двор, а среднее отделение, вероятно, как и в Кэрю, представляло собой небольшой дворик перед внутренней сторожкой. Холл, кухня, кладовая, пекарня, часовня и жилище для господ находились во внутреннем дворе. Во дворе базы находились пивоварня и конезавод, а также конюшни, амбары и зернохранилища. Свинец на крышах был в целом в плохом состоянии, а водосточные желоба и водосточные трубы нуждались в починке; но древесина внутренних крыш все еще была довольно хорошей. Стены и башни внутреннего двора, планировка которых, как мы видели, была схожа с планировкой современного замка Болтон, были “прочными и высокими, но нуждались в ремонте с помощью извести и песка”. Чтобы починить ворота внутреннего двора, потребовалось три тонны железа. “Каминная стена” среднего двора была повреждена и частично разрушена; в то время как нижний двор был “полностью открыт”, его стены обветшали, а ворота исчезли. Во внутреннем дворе был колодец, а у внешних стен располагались пруды “для выпечки и пивоварения”. Артиллерия включала “шесть медных соколов с их тележками” и двадцать одну аркебузу, для которых были предоставлены шесть бочонков пороха и десять десятков железных дробей, луки, тетивы и стрелы, а также две формы для изготовления пуль.³⁸⁰

ЗАМОК КЭРЛАВЕРОК

ЗАМОК МАКСТОУК

После ареста и казни третьего герцога Бекингема в 1521 году два королевских эсхатора провели обследование его земель и домов. Их возвращение, содержащееся в книге из

восьмидесяти восьми страниц, [381](#) содержит подробные сведения об одиннадцати поместьях и замках. От замка Каус в западном Шропшире остались одни руины. Замок Хантингдон пришел в упадок, но для заключенных была отведена башня. Описание замка Окхэм можно было бы повторить и в наши дни. Он был “полностью разрушен, поскольку представлял собой обширную территорию внутри стены Мантелла”. Зал, однако, был в отличном состоянии, “и на старомодный лад”: эсхатологи рекомендовали сохранить его, поскольку именно там проводились суды. Упоминаются три башни замка Ньюпорт рядом с Уском, с водяными воротами под средней башней, “чтобы принять в упомянутый замок хорошее судно”: холл и другие помещения пришли в упадок, особенно из дерева, но камень можно было обновить с помощью большого количества свободного камня и щебня, хранившихся в замке. Здесь, как и в Карлайле, Лонсестоне и других местах, подвал сторожки использовался как тюрьма, и поэтому требуется его техническое обслуживание. У зала в замке Брекон была новая дорогая крыша с подвесками: она была “установлена по высоте”, с окнами по обоим концам и без окон по бокам. На самом деле, остатки этого зала возвышаются над фундаментом двенадцатого века, который был перекрыт центральным рядом колонн: южная боковая стена сохранилась до сих пор и пронизана рядом стрельчатых окон, так что результаты обследования могут относиться к более новому залу, который исчез. Во внутреннем дворе Кимболтона был новый зал, построенный около шестидесяти лет назад прабабушкой герцога. Старая занавеска, на фоне которой он стоял, была в плохом состоянии и грозила разрушить зал. Внутренний двор окружал ров: внутренний двор базы на внешнем краю зарос травой, но сарай и конюшни были в хорошем состоянии.

“Самой сильной крепостью, больше всего похожей на любой другой замок, который был у герцога”, был замок Тонбридж, крепость маунт-энд-бейли, крепость-ракушка которой до сих пор является одним из лучших образцов подобного типа. Крепость или “подземелье” — о горе не упоминается — в это время была покрыта свинцовой крышей, половины которой не было. В остальном замок и его занавес были в хорошем состоянии, дорожка к крепостному валу сохранила зубчатый внешний парапет и заднюю стену. Сторожка на северной стороне замка была “такой мощной крепостью, какой мало найдется в Англии”: за восточным занавесом возвышалась квадратная башня, называемая Стаффорд тауэр, а в юго-восточном углу, рядом с Медузеем, находилась восьмиугольная водонапорная башня. Река составляла главную южную защиту замка, и южного занавеса не было: фундамент зала и жилых помещений высотой 26 футов, построенный из тесаного дерева, находился на этой стороне, но сами здания так и не были достроены.

Замками более позднего типа были Стаффорд и Макстоук ([364](#)) в Уорикшире. Стаффордский замок в то время состоял из одного жилого блока с двумя башнями на обоих концах и еще одной в середине южного фасада. Холл находился в центре квартала, под ним располагались кухня, кладовая, кладовая с маслом и кладовая-кладовка: в одном конце холла находилась большая комната с подвалом внизу, а в другом - “комната для осмотра”, или подсобное помещение, куда приносили посуду с кухни. В каждой из пяти башен было по три комнаты, в каждой из которых был камин. Башни были механизированы, “обшивка крепилась на карнизах”. Снаружи дома находились часовня, сторожка и еще одна кухня; но этот передний двор, по-видимому, не имел оборонительных стен. Макстоук, первоначально замок Клинтонов, который был построен и укреплен в 1345 году или после 1345 года, [382](#) был в значительной степени отремонтирован герцогиней Анной, строитель зала в Кимболтоне. Там был внутренний двор с сторожкой, конюшнями и амбарами, которые были обнесены каменными стенами и покрыты шифером. Вокруг замка, “вполне пристойного после старого здания”, был ров. Дом с башней на каждом углу был построен четырехугольником, а на стороне, следующей за мостом через ров, находилась привратная башня со сводчатым

входом. Холл, часовня, большая палата и жилые помещения в целом были в хорошем состоянии, хотя они не были полностью отделаны и все еще требовалось много остекления. Особо упоминается наличие каминов, а также важный момент в планировке дома — удобный доступ к часовне, или, скорее, к ее галерее или галлереям, из различных комнат первого этажа в “верхнем конце” холла и большой палаты.

Окруженную рвом усадьбу Райтл в Эссексе вряд ли можно причислить к замкам: это было деревянное здание, окруженное четырехугольником, обнесенным стенами. Там не было холла, а “вместо него была красивая и большая гостиная”. Однако замок Торнбери в Глостершире, занимавший большую часть собственного здания герцога, был одним из тех домов, в которых сохранилось некоторое подобие военной архитектуры. Там не было рва, но был основной двор и внутренний двор. Здания самого основного двора были построены, но находились в очень незавершенном состоянии, и мало что было закончено, кроме фундаментов северной и западной сторон. Вход во внутренний двор находился с западной стороны четырехугольника, но из западного и северного блоков был достроен только нижний этаж. Он был сделан из ясеня, в то время как во внутреннем дворе дома яшень использовался только для отделки оконных проемов, дверных проемов и стен. Холл и кухонные помещения образовывали восточный блок, “весь в старом здании, по-домашнему уютном”; но южный блок новой постройки был “полностью отделан любопытными работами и величественными жилыми помещениями”, и от него вела деревянная галерея, облицованная камнем, с верхним и нижним проходами, пересекавшая южный сад к приходской церкви и часовне герцога в ней. Великолепной чертой этого дома, которая становилась все более и более характерной для дворцов знати того времени, были большие парки к востоку от замка и сады на его восточной и южной стороне. Между восточным садом и Новым парком находился фруктовый сад, “в котором много аллей для прогулок открыто”, а вокруг сада были другие аллеи на приличной высоте с “местами для ночлега”, поросшие белым терновником и орешником.

Замок Торнбери достиг такой степени незавершенного великолепия всего за несколько лет до проведения обследования. На воротах внешнего прихода до сих пор сохранилась надпись с датой 1511 года, в то время как у основания кирпичных дымоходов южного блока стоит дата 1514. До сих пор можно увидеть остатки большинства зданий, упомянутых в этих обзорах. Торнбери и Макстоук все еще заселены, и в отношении Торнбери, в частности, детали обследования все еще актуальны. Огромная ценность этих описаний заключается в том факте, что они кое-что рассказывают нам накануне эпохи Возрождения о состоянии ряда крепостей, которые представляли почти все типы архитектуры, выросшие под влиянием условий, быстро устаревающих. В Тонбридже мы видим крепость маунт-энд-бейли ранних норманнских времен, построенную для удовлетворения чисто военных потребностей и укрепленную каменной крепостью, каменными стенами и башнями по мере того, как эти потребности становились все более насущными. В Карлайле у нас есть крепость с ее компактным внутренним двором и большой башней, к которой можно попасть через просторный внутренний двор базы, который служил нуждам гарнизона и мог бы приютить отары во время войны. Здесь не представлено замков самого совершенного типа, спроектированных в золотой век военной архитектуры. Однако в Бреконе мы можем изучить растущее значение внутренних построек замка. В Шерифе Хаттоне у нас есть четырехугольный замок четырнадцатого века с угловыми башнями и обнесенным стеной внутренним двором, служащим подворьем фермы. Стаффордский замок, планировка которого была воспроизведена в современном доме на этом месте, представляет собой укрепленную резиденцию, построенную в одном блоке, аналогом которой являются некоторые крепкие дома севера Англии. Окруженный рвом дом в Макстоке сохраняет

четырёхугольный план и имеет свои защитные приспособления; но его домашний характер был первой целью его строителей, а его стены и башни не обладают внушительной высотой и мощностью Шерифа Хаттона и Болтона. Здесь и в Торнбери внутренний двор все еще сохранялся; но в Торнбери энергия строителей была сосредоточена в прекрасном особняке, и идея оборонительной крепости почти исчезла. День замка и города-крепости закончился, и перед лицом методов атаки, о которых строители нормандских замков и не мечтали, военные инженеры начали продвигаться по новым направлениям, для которых архитектурные соображения больше не имели большого значения. Архитектура, которая, развившись вначале на основе земляных работ, на пике своего развития воспроизвела в камне расположение концентрических земляных валов первобытных времен, уступила место, в свою очередь, науке, в которой использование земляных работ и природных ресурсов оборонительной позиции играли все более заметную роль.

СНОСКИ:

- 1 План в Олкрофте, *Земляные работы Англии*, 1908, стр. 647. Та же особенность хорошо видна в прекрасном лагере Бери-Дитчз (6) в Шропшире, между Кланом и замком Бишопс.
- 2 В настоящее время ведутся раскопки оборонительных сооружений Старого Сарума, и был восстановлен план средневекового замка в центре раннего лагеря. См. *Труды Соч. Антиквары*, 2-я серия, том. xxiii., стр. 190-200 и 501-18.
- 3 Это хорошо видно у канав для захоронения (6), где диагональный вход также является особенностью юго-западной стороны лагеря, и на западной стороне Кэр-Карадока, между Кланом и Найтоном.
- 4 Влияние аналогичных условий на строительство ранненормандских замков будет рассмотрено в следующей главе.
- 5 План в Олкрофте, *указ. соч.*, стр. 686; лагерь описан полностью, стр. 682-97.
- 6 См. Брюс, *Справочник к римской стене*, 5-е изд., 1907 (ред. Р. Блэр), стр. 19-21.
- 7 Приведен список из *Notitia Dignitatum*, там же., стр. 11, 12.
- 8 Берег, строго говоря, является *агрессором*, а вал представляет собой вал на вершине берега.
- 9 Большие виллы романо-британских землевладельцев, такие как Бигнор (Сассекс), Чедворт (Глостершир), Хоркстоу (Линкольншир), находились в пределах легкой досягаемости от военных дорог, но не выходили непосредственно на них.
- 10 Топография римского Линкольна описана доктором Э. М. Симпсоном, *Линкольн (Древние города)*, 1906, глава I.
- 11 См. *Archæologia*, vol. iii., стр. 539-73.

- 12 Смотрите [ниже](#) о блокировании главных проходов в Силурнуме после строительства великой китайской стены. Небольшие одиночные ворота в Силурнуме находятся на южной стороне стены. В Амбогланне оба входа находились к югу от стены.
- 13 *Borcovicus* описан Брюсом, *США*, стр. 140-60.
- 14 в Беснье, *Отен-Питтореск*, 1888 год. Северо-западные и северо-восточные ворота римского города сохранились, но центр города был перенесен в средние века.
- 15 План в Оллкофте, *США*, стр. 322. Поскольку западная сторона замка Бург выходила к морю, у него, возможно, не было западной стены. Еще одна башня, на восточной стороне северных ворот, отвалилась от стены.
- 16 В Певенси фундамент стены сделан из мела и кремня, покрытого с одной стороны верхним слоем бетона, состоящего из кремней, залепленных строительным раствором. Под фундаментом находится слой слежавшейся глины, в который через равные промежутки времени вертикально были воткнуты дубовые колья. См. L. F. Salzmänn, F.S.A., *Раскопки в Певенси*, 1906-7, в *археологии Сассекса. Сборники*, том ii.
- 17 *Cilurnum* описан Брюсом, *США*, стр. 86-119, с планом. Смотрите также описание и план в *Рассказе о римских древностях, хранящихся в музее Честерса*, 1903, стр. 87-120.
- 18 Это не было неизменным. В Силурнуме главная улица проходила с востока на запад, и так было и в Корстопитуме (Корбридж-он-Тайн).
- 19 В данном случае первая когорта тунгри.
- 20 Здесь располагалась десятая когорта легиона: отсюда и название.
- 21 Или восточный и западный шлюзы, как уже отмечалось, в *Cilurnum*. Форум занимал центр Килурна, преторий образовывал квартал зданий к востоку от центра. Первое крыло или эскадрилья Астуров дислоцировалась в Силурне.
- 22 Проф. Хаверфилд придерживается мнения, что это южное расширение является постримским. См. *Archæol. Журнал*, lxvi. 350.
- 23 То же самое произошло в линкольне, где восточная стена города проходила по линии, ныне перекрытой восточным трансептом собора.
- 24 Дамба Вата, остатки которой можно проследить к югу от Рексхэма и недалеко от Освестри, находилась к востоку от дамбы Оффы.
- 25 *A.-S. Chron.*, anno 547.
- 26 Беда, *Hist. Ecc.*, iii. 16.
- 27 Можно отметить, что не все названия в “borough” и “bury” происходят от *burh* и *byrig*. Некоторые из них просто происходят от *beorh* или *beorg* = холм (дательный падеж *beorge*).
- 28 См. Оман, *Военное искусство*, стр. 120.
- 29 В Германии слово *burg* также применяется к цитадели города или к замку. В Англии и Франции проводилось более тщательное разграничение между двумя типами цитаделей.

30 Упоминаний о *бурхах* совершенных Эдвардом и его сестрой Этельфлед, можно найти в A.-S. *Chron.* под датами, упомянутыми в тексте. Существуют различные мнения относительно точной точности этих дат.

31 A.-S. *Хроника.*, подзаголовок.

32 A.-S. *Хроника.*, подзаголовок. Истинная дата, по-видимому, 837 или 838 год.

33 Главным источником сведений о ранних вторжениях норманнов во Францию являются *Бертинские анналы*, часть которых с 836 по 861 год приписывается Прудентиусу, епископу Труа.

34 *Тимбрийский* - обычное англосаксонское слово, означающее "строить", но оно указывает на преобладающий материал, используемый для строительства.

35 Это основное положение теории, столь привлекательно изложенное покойным Г. Т. Кларком и подтвержденное авторитетом профессора Фримена.

36 Ноттингемский замок на самом деле находится значительно западнее вероятного местонахождения саксонского *бурга*, который был более или менее идентичен "английскому району" средневековья, западная часть Ноттингема известна как "французский район".

37 Датчане снова были в Темпсфорде в 1010 году, и, если земляные работы относятся к периоду до завоевания, более вероятно, что они были возведены во время более раннего, чем во время более позднего визита.

38 В рассказе (*Хроника А.С.*, под номером 755) об убийстве Киневульфа упоминается *бурх* или *бург* Мертона с его воротами: дом, в котором был убит король, в *бурге* называется *бур* (*т.е.*, беседка, отдельная комната).

39 Доктор Дж. Х. Раунд, *Феодальная Англия*, 1909, стр. 324, указывает на фразу *hoc castellum refirmaverat* в уведомлении Ewias во вторник, как указывающую на существование замка до завоевания, и приводит другие причины для идентификации.

40 Domesday, i., стр. 23; "Временный каструм Гарундела Эдварда реддебата из "квест молино xl solidos" и т.д. "Castrum Harundel", однако, относится к городу, а не к замку; и из этого не следует, что это название было дано городу до Завоевания.

41 Порядковый номер, *История. Ессл.*, iii. 14; "id castellum situm est in acutissima rupe mari contigua." Эту фразу можно использовать в целом для описания места, которое во времена Ордерика прославилось своим замком.

42 Порядковый номер, *История. Еккл.* iv. 4.

43 Лондонский Тауэр находился за восточной стеной средневекового города. Замок Байнард находился в том месте, где западная стена подходила к Темзе.

44 Указ. соч., *цит. по*, iv. 4; "башни пиннаса ... in munimentis addebant vel restaurabant ... Portæ offirmatæ erant, densæque turbæ in propugnaculis et per totum muri ambitum prostabant."

45 Основание этих замков отмечено орденом Вит., iv. 4, 5.

46 Слово “бейли” (*ballium*) буквально означает частокол. Синоним “палата”, применяемый к различным закрытым помещениям средневекового замка, означает охраняемую ограду. Термин “базовый суд” (*basse-cour*) также применяется к бейли.

47 Следует отметить, что в Йорке не было двух отдельных *бургов* или укрепленных городов, подобных тем, которые были обнаружены в более ранних случаях. Река протекала через *бурхи* разделяла его пополам, который был окружен земляным валом, за исключением того места, где окаменелость образовывала границу города.

48 Domesday, i. 248 b.

49 Примером этого являются прекрасные земляные работы в Лилборне, в Нортгемптоншире. Есть много других примеров, и малый двор в Клане олицетворяет этот характер.

50 Конечно, бывают случаи, которые вызывают недоумение. Так, в Эрлс-Бартоне, в Нортгемптоншире, знаменитая церковная башня времен до завоевания стоит на месте, которое, по-видимому, находится в пределах первоначальной границы рва на соседней замковой горе. Сомнительно, однако, что гора когда-либо была обрыта канавой с этой стороны; и церковь не посягает на гору.

51 Цезарь, *Де Белл. Галл.*, vii. 73; “huic [vallo] loricam pinnasque adiecit, grandibus cervis eminentibus ad commissuras pluteorum atque aggeris, qui ascensum hostium tardarent.” См. стр. 60 ниже.

52 См. Enlart, ii. 494.

53 Однако Домфронт на своем скалистом участке, возможно, как и Ричмонд, изначально был окружен каменной стеной.

54 L. Blanchetière, *Le Donjon ou Château féodal de Domfront (Orne)*, 1893, pp. 29, 30.

55 См. примечание выше, стр. 45.

56 Ордин. Вит., iii. 5.

57 Основные части этих текстов процитированы Enlart, ii. 497-9.

58 “Малый донжон” в Фалезе, в котором находилась большая палата, представляет собой прямоугольную проекцию двух этажей большого донжона.

59 Миссис Армитидж на *английском. История. Обзор*, xix. 443-7.

60 Порядковый номер, viii. 12; “fossis et densis sepibus.”

61 Там же., viii. 24; “Hic machinas construxit, contra munimentum hostile super rotulas egit, ingentia saxa in oppidum et oppidanos projecit, bellatores assultus dare docuit, quibus vallum et sepes circumcingentes diruit, et culmina domorum super inhabitantes dejecit.”

62 Ордин. Вит., viii. 13; “Callidi enim obsessores in fabrili fornace, quæ in promptu structa fuerat, ferrum missilium callefaciebant, subitoque super tectum principalis aulæ in munimentis jaciebant, et sic ferrum candens sagittarum atque pilorum in arida veterum lanugine imbricum totis nisibus figebant.”

63 См. Дж. Х. Раунд, *Замки завоевания (Археология, lviii. 333)*.

64 *Фальсификат* = поддельный, контрафактный.

- 65 Цезарь, *Белл. Галл.*, vii. 68 *далее*. Алезия, недалеко от современной деревни Ализе-ла-Рен, находится в департаменте Кот-д'Ор, примерно в 36 милях к северо-западу от Дижона.
- 66 Цезарь, *Де Белл. Civ.*, ii. 1 *продолжение*.
- 67 Подробный отчет об этой осаде дан Оманом, *Искусство войны*, стр. 140-7.
- 68 Enlart, ii. 413, 414.
- 69 Порядковый номер, vii. 10.
- 70 Там же. “Rex itaque quoddam municipium in valle Beugici construxit ibique magnam militum copiam ad arcendum hostem constituit.”
- 71 Там же., viii. 2.
- 72 Там же., viii. 23; Роджер из Уэндовера.
- 73 Таким образом, Генрих I. в своих войнах с Людовиком VI провел одну блокаду, построив два замка, которые враг насмешливо назвал Малассис и Гет-о-Льевр (*Ord. Vit.*, xii. 1). То же самое (*там же.*, xii. 22) с его замком Мат-Путен близ Руана. Можно назвать много других примеров.
- 74 Оман, *Искусство войны*, стр. 135, 139: его авторитет - Ги Амьенский, поэтическая риторика которого, однако, может быть не совсем точной в описании.
- 75 Порядковый номер, viii. 24. *Ср.* viii. 16, где Роберт Нормандский, другой великий крестоносец, осаждая Курси-сюр-Див в 1091 году, приказал построить большую деревянную башню или звонницу (*berfredum*), которая была сожжена защитниками. Роберт Беллемский также присутствовал при этой осаде.
- 76 См. ниже, стр. 99.
- 77 Шугер, *Геста Людовичи Гросси* (ред. Молинье, стр. 63-66).
- 78 Пентхаусы иногда тщательно защищались. Так, Жуанвиль описывает больших “кошек”, сделанных инженерами Сент-Луиса для защиты солдат, которые прокладывали дамбу через рукав Нила близ Мансуры (1249-50). У них были башни с обоих концов, с крытыми караульными помещениями позади башен, и они назывались *шато-шато*.
- 79 Смотрите отчет об осадах Бове и Шато-Гайяра Гийома ле Бретона, *Филиппи*, книги ii. и vii. Во время осады Зары во время четвертого крестового похода, после пяти дней бесплодного метания камней, крестоносцы начали подрывать башню, что привело к сдаче города (Вильгардуэн).
- 80 Аббат: смотрите отчет об осаде [Парижа](#) выше.
- 81 Указ. соч., ix. 15: “Машина, предназначенная для выращивания опоссума вокального”. Это была строго колокольня (см. [Ниже](#)).
- 82 Там же.
- 83 *Ср.* отчет об операциях при осаде Марселя (*Cæsar, De Bell. Civ.*, ii. 11): “Мускулы из латерики и ноздри тела мучительной защиты”.
- 84 *Порт-кулис* буквально представляет собой раздвижную дверь. Его внешние стержни вставлялись в пазы в стенках с обеих сторон. См. стр. [227](#), [229](#).

85 Витрувий, “*Об архитектуре*”, х. 13, § 3, упоминает среди римских масштабирующих машин наклонную плоскость, “*ascendentem machinam, как и у мурума, plano pede transitus esse posset*”.

86 Гийом ле Бретон, “*Филиппы*”, книга vii. Это стихотворение является важным источником информации о войнах Филиппа Августа и, в частности, об осаде Шато-Гайяра.

87 Порядковый номер, ix. 13.

88 Там же., ix. 11.

89 Там же., xii. 36.

90 Это обычное различие. Но использование этих названий различается. У Витрувия (*op. cit.*, х. 10, 11) *катапульта* или *скорпион* - это машина для стрельбы из лука, в то время как *баллиста* используется для метания камней. Заостренные колья при осаде Марселя (Цезарь, *De Bell. Civ.*, ii. 2) были выпущены из *баллист*. Витрувий указывает на несколько методов работы с *баллистой* с помощью кручения: “*aliae enim vectibus et suculis (рычаги и лебедки), nonnullae polyspastis (шкивы), aliae ergatis (лебедки), quaedam etiam tympanorum (колеса) torquentur rationibus*”.

91 О травмах, нанесенных камнеметательными машинами, см. Упоминание Вильярдуэна о ранении Гийома де Шамплитта в Константинополе и Пьера де Брасье в Адрианополе.

92 Oman, *op. cit.*, 139, цитирует Анну Комнину по этому поводу.

93 Камнеметные машины и *баллисты* использовались сарацинами при Мансуре (1250) для забрасывания греческим огнем башен, построенных Людовиком Сент-Луисом для защиты своих строителей дамб (Жуанвиль).

94 Таким образом, во время первой осады Константинополя крестоносцами (1203) Виллардуэн подчеркивает количество осадных машин, использованных осаждающими на борту корабля и на суше, но не сообщает об их использовании защитниками. Однако они использовались обороной, как мы видели в Марселе; смотрите также главу I. выше, чтобы найти возможные следы их использования на постах римской стены. В некоторых случаях для них может быть сооружена специальная платформа, которую вкатывают в заднюю часть крепостного вала.

95 Такие зубцы указаны даже на деревянных укреплениях в Алезии и втором валу Требония в Марселе. Это знакомые черты восточных укреплений, *например*, великой китайской стены или стен и ворот Дели.

96 Эта крыша иногда была двускатной, бревна, как в донжоне в Куси, следовали за парапетом и опирались на него.

97 Иногда, как в Константинополе в 1204 году (Виллардуэн), башни усиливались добавлением одного или нескольких ярусов дерева. Ср. возведение недостроенного *тет-дю-пон* в Париже в 885-6 гг.

98 Кларк, i. 68-120, дает подробный список замков Англии и Уэльса на эту дату. Однако большое количество из тех, о которых он упоминает, уже было разрушено; и многие были основаны позже.

99 Отчетов об этом восстании даны Бенедиктом Питерборо и Роджером Ховеденским.

100 Ноттингем был основан Завоевателем: Ньюарк был основан только после 1123 года.

101 Приказ Вит., xi. 2, упоминает захват замка Блит (Blida castrum) Генрихом I. от Роберта де Беллема. Вероятно, под этим подразумевается Тикхилл. Он находится в четырех милях от Блайта, где находился бенедиктинский монастырь, основанный Роджером де Бусли, первым нормандским лордом Тикхилла, и пожалованный им приорату Сент-Трините-дю-Мон в Руане. Ордрик, который, будучи монахом нормандского аббатства, был знаком с названием Блитского монастыря, возможно, предположил, что замок Роже де Бусли находился в Блите.

102 См. Rymer, *FœDera* (Rec. Com., 1816), vol. i. pt. i. p. 429: "castrum de Pontefracto, quod est quasi clavis in comitatu Eborum".

103 Руины в основном относятся ко второй четверти пятнадцатого века; но это была резиденция архиепископов еще в двенадцатом веке.

104 А. Харви, *Бристоль* (Древние города), стр. 35, 116.

105 Роб. де Монте, цитируемый Стаббсом, *Избранные уставы*, 8-е изд., 1905, стр. 128: "Рекс Хенрикус совместно аннулирует право собственности на урбес, кастеллу, виллы, право на продолжение правления, кастелла новичок, факт разрушения".

106 Занавес (лат. *cortina*, фр. *courtine*) - общее название стены, ограждающей внутренний двор, и, таким образом, применяется к стене вокруг ограды замка.

107 Мартен, *Тезаурус анекдотов*, iv. 47, цитируется Энларом, ii. 418. От *алатория* происходит слово *очарование*, часто используемое как технический термин для обозначения обхода крепостного вала.

108 Постановление Вит., v. 19: "Во имя защиты мира, как благоразумного солдата, живущего в синксерате, а также в интересах защиты дома". В данном случае стена, по-видимому, была построена не вокруг открытого двора, а вокруг дома или башни. Французский термин, обозначающий укрепленную стену, образующую внешнюю защиту отдельного здания, - *сорочка*. Таким образом, в замке маунт-энд-бейли частокол вокруг башни на горе был, строго говоря, *сорочкой*, в то время как частокол вокруг замка был занавесом.

109 Порядковый номер, vii. 10.

110 Там же., viii. 23.

111 Там же., viii. 5. Роберт, сын Джирои, "замок Святых Череничей" ... *muris et vallis speculisque munivit.*"

112 Кладка из "селечных костей" состоит из слоев щебня, уложенных по диагонали в раствор, чередующихся с горизонтальными рядами тонких камней, вся схема напоминает расположение костей в спинке рыбы. Горизонтальные проходы часто пропускаются, и их место занимают толстые слои строительного раствора.

113 См. Йорков. *Археол. Журнал*, хх. 132, где приведенные доказательства указывают на вывод, "что дверной проем был возведен не позднее примерно 1075 года". Харви, *"Замки и города-крепости"*, стр. 85, предполагает, что дверной проем был прорублен в южной стене башни позднее: свидетельства каменной кладки решительно противоречат этой идее.

114 История архитектуры замка Ладлоу была тщательно изучена мистером У. Х. Сент-Джоном Хоупом в бесценной статье в *Archæologia*, lxi. 258-328.

115 Первоначальная конструкция, вероятно, включала верхнюю камеру средней высоты. Однако между завершением строительства шлюза и возведением верхней ступени был значительный промежуток времени.

116 Большой внешний двор в Ладлоу был пристройкой к первоначальному замку в конце двенадцатого века и является современником перекрытия входа в сторожку. Первоначально замок состоял всего лишь из нынешнего внутреннего помещения. Внешний двор, или базовый двор, служил расширенным помещением для гарнизона и содержал конюшни, амбары и другие помещения, для которых не было места во внутреннем дворе.

117 Объяснение этого прохода сквозь стену долгое время оставалось загадкой. Кларк, ii. 278, признал, что она вела из внешней во внутреннюю “комнату”, но был озадачен отверстиями для засовов, которые свидетельствовали о том, что двери были тщательно защищены.

118 Мистер Хоуп считает, что изначально предполагалось перекрыть ворота полукруглым бочкообразным сводом. Нижняя ступень башни в Ричмонде имеет ребристый свод с центральной колонной. Это, однако, с тисками, ныне заблокированными, в юго-западном углу было вставлено много лет спустя после строительства большой башни на месте сторожки.

119 Струнные ряды верхних ступеней башни и окна южной камеры, которые были на высоте двух верхних этажей и, вероятно, образовывали часовню замка, получили дальнейшее развитие; но детали нигде не проработаны. См. Т. М. Блэгг, F.S.A., *Путеводитель по Ньюарку и др.*, 2-е изд., стр. 19-22.

120 Харви, указ. соч., стр. 98, говорит, что в замке Ньюарк “сейчас нет и следа крепости, и, возможно, никогда ею не обладал”. Сторожка, однако, может справедливо рассматриваться как принадлежащая к категории башенных крепостей и имеет одну характерную черту для зданий такого типа, а именно поперечную стену, которая разделяет верхние этажи и опирается на арку в центре прохода ворот.

121 Церкви Аптона, недалеко от Гейнсборо, Бургуаллиса, недалеко от Донкастера, и Лоис Уидон в Нортгемптоншире являются примерами такого типа. Работа “из селедочных костей” происходит в Бриксуорте, в той части башни, к которой нельзя с уверенностью отнести дату, предшествовавшую завоеванию. В Мартоне, недалеко от Гейнсборо, это происходит в башне “саксонского” типа, которая, вероятно, была построена только после Завоевания. Она дважды находилась в Йорке, но датировка так называемой саксонской работы в крипте собора весьма сомнительна; в то время как башня Святой Марии Бишофил Младшей, хотя и саксонского типа, скорее всего, нормандского происхождения. Примеры работы с “селедочными костями” в церквях Нормандии можно найти, например, в Перье и в апсиде в Серизи-ла-Форе (кальвадос).

122 Фалезский донжон относится к началу двенадцатого века и, следовательно, является поздним примером работы “из селедочных костей”. “Селедочная косточка” в замке в Гилфорде, вероятно, еще более поздняя, а та, что изображена на внешней стене в Линкольне, возведенной на вершине земляного вала, вряд ли может быть отнесена к очень ранней эпохе.

123 Также был замечен в башне Мартонской церкви, недалеко от Гейнсборо.

124 Сторожка, которая сейчас занимает это место, была построена в 1815 году, в то время как нынешний главный вход в замок, к юго-западу от горы, был сделан в 1810 году и находится совсем за пределами первоначальной *ограды*.

125 См. примечание 122 к стр. 100.

126 Считается, что завеса окружена с флангов, когда ее линия прерывается выступами, расположенными настолько близко друг к другу, что вся поверхность части завесы между ними может быть прикрыта огнем размещенных в них защитников.

127 Большая часть занавеса замка Ланкастер относится к довольно раннему времени. О предполагаемом римском происхождении замка и его вероятной истории читайте в примечании 354 на стр. 327 ниже.

128 Эти дополнения породили распространенную теорию о том, что этот зал является произведением конца двенадцатого века.

129 Другие примеры ранних каменных залов будут упомянуты в следующей главе.

130 Это очень заметно в Шропшире, где большое количество приходских церквей, которым настоятели были представлены и учреждены обычным способом, описаны как свободные часовни в реестрах епископов Личфилда и Херефорда в тринадцатом и четырнадцатом веках.

131 См. Пат. 18 Пышных рулетов. II., ч. 1, м. 28; 3 Курицы. IV., ч. 1, м. 6.

132 Пат. 2 Изд. III., стр. 2, м. 4. Стены этой часовни, посвященной святому Петру, сохранились. В пятнадцатом веке он был расширен до западного занавеса западной пристройкой, а в шестнадцатом веке был разделен на два этажа: верхний этаж был зданием суда, а нижний этаж - архивом маршевого двора.

133 Пат. 2 Изд. II., ч. 2, м. 24.

134 Слово *держать* - сравнительно современный термин, неизвестный средневековым строителям замков, для которых эта часть замка была *донжоном* или *подземельем*, или *большой башней*.

135 Другими важными складами обычного типа являются Арундел, Кардифф (114), Карисбрук (111), Фарнхэм, Льюис, Пикеринг, Тотнес и Тонбридж — последний из наиболее значительных и прекрасных примеров.

136 Башня Клиффорда в Йорке иногда упоминается как крепость-снаряд. На самом деле это была башня с пристройкой.

137 См. Enlart, ii. 500, 676: Гимн Сен-Поль, *Монументальная история*, стр. 168, дает дату 993 года с выражением сомнения. Фульк Черный был графом Анжу в 987-1039 годах.

138 Enlart, ii. 685, гласит “дебют XIII века”.

139 Указ. соч., xii. 14.

140 Там же., viii. 19.

141 Там же., x. 18.

142 *Ibid.*, xi. 20: *adulterina castella* is the phrase used.

143 Enlart, ii. 710. Бланшетьер, указ. соч., 83, упоминает о действиях Генриха в 1123 году, но считает, что донжон был построен раньше.

144 Рад. де Дицето, сокращение. *Chron.*, sub anno.

145 Рулонных труб Soc., том i, стр. 13, 14; iv. 23.

146 Там же., i. 27.

147 Там же., i. 29, 30, 31; ii. 14; iv. 36; v. 50; vi. 57, 58; vii. 11, 12; xii. 79; xiii. 31.

148 Там же., ii. 12; v. 49.

149 Там же., iv. 35.

150 Там же., iv. 39.

151 Там же., iv. 40.

152 Там же., viii. 89; ix. 59 и др.

153 Там же., xiii. 107, 108; xv. 132; xvi. 32.

154, например,, там же., xiii. 140.

155 Там же., xvi. 32; xviii. 110.

156 Там же., xviii. 110.

157 Там же., xiii. 161.

158 Там же., v. 35.

159 Там же., xix. 53.

160 Чарльз Доусон, замок Гастингс, ii. 524.

161 Рулон для труб Soc., ix. 17; xi. 18; xii. 15; xiii. 95; xv. 2; xvi. 2.

162 Там же., xviii. 16; xix. 68.

163 Там же., xix. 167; xxi. 77; см. также xvi. 92.

164 Рулон труб Soc., xvi. 118, 119.

165 Там же., xvi. 141.

166 Там же., xvi. 137.

167 Там же., xix. 81.

168 Там же., xviii. 7; xix. 173.

169 Там же., xviii. 66; xix. 110; xxii. 183. Малькольм, король Шотландии, уступил Бамбург, Карлайл и Ньюкасл Генриху II в 1157 году; и строительство башен во всех трех местах было начато в течение нескольких лет после этого события. Это в Бамбурге упоминается в 1164 году.

170 Там же., xix. 2.

171 Смотрите доказательства, представленные миссис Армитидж, *англ. История. Откр.*, хіх. 443-7.

172 Ордин. Вит., iv. 1. Он называет эти твердыни *firmamenta quaedam*.

173 *Хроника А.С.*, подзаголовок.

174 Такие поперечные стены, встречающиеся в более крупных башнях, использовались не только в качестве перегородок между комнатами. Они позволили строителям более удобно укладывать полы, поскольку древесина достаточной толщины для такого большого неразделенного пространства доставалась с трудом. В случае взятия большой башни штурмом поперечная стена на каждом этаже служила преградой для осаждающих, разделяя башню на две половины. Это хорошо видно, например, в Порчестере.

175 В Норэме и Кенилуорте башни расположены под углом к внутреннему отделению, где два отделения примыкают друг к другу. В Порчестере он находится под внешним углом к внутреннему двору, так что две его стороны выходят на внешнюю стену замка.

176 В Хедингеме и Рочестере есть галереи с фресками выше уровня второго этажа, высота которых, следовательно, соответствует высоте двух внешних этажей. Обе башни исключительно высокие: высота Рочестера составляет 113 футов, Хедингема - 100 футов.

177 Из рулона труб за номер 1173-4 мы знаем, что в том году в Гилфорде велись работы (*Рулон труб Soc.*, ххі. 3).

178 Это указывает на две отдельные даты для структуры. Более ранняя кладка приписывается епископу Фламбарду, который основал замок в 1121 году; более поздняя - епископу Падси, который пристроил замок около 1157 года. Если это так, то история тауэра параллельна истории Порчестера — невысокой каменной башни, возможно, времен правления Генриха I. Возведенная в царствование Генриха II.

179 Порчестер, несмотря на свои большие размеры, представляет собой башню, которая, по-видимому, была построена исключительно в военных целях. Этажи слабо освещены, и в здании нет камина.

180 Оба этих замка принадлежат к классу скальных крепостей, которые были обнесены стенами с самого начала их основания.

181 Дальнейшие изменения были внесены в пятнадцатом веке, когда в северо-восточном углу была вставлена новая лестница, а внешняя лестница у западной стены была удалена.

182 Причину смотрите в примечании 174 на стр. 121, 122.

183 Не стоит слишком охотно верить легендам о жестокости, применяемой к заключенным, часто связанным с этими подвальными камерами. Специально построенные тюремные камеры в замках обычно относятся к периоду позже двенадцатого века. О происхождении слова “темница” см. Главу III.

184 Описание башни в Ардре приведено в главе III. Такие верхние этажи, вероятно, были разделены на комнаты деревянными перегородками.

185 Таким образом, было невозможно попасть на крышу с первого этажа, не пройдя через камеру второго этажа - мера предосторожности, которая была принята также в цилиндрической башне в Конисбро.

186 Здесь подвал, вероятно, использовался как тюрьма. Верхняя часть первоначальной лестницы сохранилась до сих пор.

187 Однако есть указания на наличие второй часовни в самой крепости, занимающей юго-восточный угол третьего этажа.

188 Недавно раскопанная часовня великой башни Старого Сарума представляла собой сводчатое здание, занимавшее юго-восточную часть подвала самой башни. В него входили прямо со двора замка, и он не имел прямого сообщения с первым этажом башни.

189 Таких, как так называемые оратории в передних зданиях Дувра и Ньюкасла.

190 В Старом Саруме комната в подвале, к западу от часовни, вероятно, была кухней.

191 Ср. использование одной из угловых башен более позднего замка Лэнгли в Нортумберленде в качестве башни для охраны. Некоторые из позднесредневековых башен-пеле на севере Англии, *например*, Чипчейз и Корбридж, представляют собой прекрасные образцы панно-гардемаринских мантий с выступающими сиденьями.

192 Роджер Уэндоверский, Энн. 1215.

193 Смотрите описание укреплений Антиохии в Омане, *Искусство войны*, стр. 527-9; план, обращенный к стр. 283.

194 Там же., 526-7.

195 Enlart, ii. 504.

196 там же., второй. 508: он относится к Амори, граф Эвре (1105-37): кладки (там же, 461) является курсовых щебень с бондинг-курсы из тесаного камня.

197 См. Примечание 161, стр. 119. Орфордская крепость довольно подробно описана Харви, *Замки и города-крепости*, стр. 106-111.

198 Enlart, ii. 505.

199 Возможно, в центре каждого этажа был люк: см. Ниже. Все этажи исчезли над входной сценой.

200 Амбразура - это выступ или внутренний проем окна. Это слово также применяется к отверстиям между зубцами или цельными частями зубчатого парапета.

201 См. стр. 217, 230, 233.

202 Можно также отметить, что следует избегать практики размещения окон непосредственно друг над другом, поскольку это приводит к ослаблению кладки всей стены в этих местах. Это хорошо видно по неправильному расположению многочисленных петель, которые освещают тиски донжона в Куси.

203 Энларт, ii. 735, указывает дату постройки донжона (Тур-Гинет) в Этампе примерно в 1140 году.

204 Enlart, ii. 674, указывает дату завершения в Issoudun как 1202.

205 Или *мачекулис*. Кулис = канавка. Первая часть слова, вероятно, происходит от *mâcher* = ломать или крушить, и подразумевает цель, достигаемую ракетами, посылаемыми через эти отверстия.

206 Рисунок в Enlart, ii. 504. Здесь есть две прямоугольные башни с закругленными углами-башенками, соединенные высоким промежуточным зданием.

207 Та же причина, несомненно, привела в более ранний период к покрытию сирийских церквей каменными крышами.

208 Шато-Гайяр находился на французском берегу Сены, на территории, купленной Ричардом I. у архиепископа Руанского.

209 Э. Лефевр-Понталис, *Замок Куси*, стр. 48, 49, показывает, что донжон является частью последней работы, предпринятой Анггерраном III, лордом Куси, основателем нынешнего замка, который умер в 1242 году: очевидно, он был завершен около 1240 года.

210 Городские стены кажутся более древними, чем замок (*там же.*, 34).

211 На третьем этаже эти ниши разделены на два яруса и соединены верхней галереей, которая проходит через опоры свода и окружает всю квартиру. Метод перекрытия этой галереи за устоями, чтобы придать дополнительную устойчивость каменной кладке башни, описан Лефевром-Понталисом, *указ. соч.* 94: см. план *там же.*, стр. 93.

212 Однако в угловых башнях в Коуси лестницы имеют форму пороков и не изгибаются вместе со стеной, хотя и заканчиваются на каждом этаже.

213 Остроконечный выступ парапета служил центральной опорой для наклонной крыши внешней галереи и соответствующего *курьера* с внутренней стороны.

214 Он стоит на мысе между двумя ручьями в начале залива, известного как река Пембрук.

215 Внутренние постройки могут быть частично более ранними, но в значительной степени были реконструированы в тринадцатом веке.

216 Башню иногда описывают как состоящую из пяти ступеней: купол, однако, был просто сводом и не образовывал отдельной ступени.

217 Описание замка Флинт дано Харви, *Замки и города-крепости*, стр. 123 *далее*. Карта Флинтшира Спид, сделанная около 1604 года, показывает, что башня была соединена с прилегающим занавесом стеной, проход по которой, вероятно, давал доступ ко входу на втором этаже башни.

218 В 1277 году замок Флинт представлял собой деревянное сооружение, так что настоящая работа не может быть датирована ранее конца тринадцатого века. Каменная кладка сложена из больших блоков желтого песчаника, обветшавших там, где они подверглись воздействию прилива. Там был внешний двор, от которого сохранилась только платформа, со рвом между ним и собственно замком.

219 Однако эти отверстия не окружают башню, так что проход мог быть перекрыт только частично.

220 Крепость Лонсестон, вероятно, была построена примерно в конце двенадцатого века: во Флинте позже, как уже отмечалось.

221 Воспроизведено в *Мемориалах Старого Йоркшира*, 1909, напротив стр. 256.

222 Т.е. подпорные стенки, используемые для облицовки (*revêtir*) наклонной поверхности.

223 Бартизан - это небольшая башенка или смотровая площадка, расположенная под углом башни или на поверхности стены. Это слово связано с “браттице” (*bretèche*); и такие башенки, как парапет с зубчатым заострением, являются каменным аналогом бруствера, применявшегося для возведения крепостей в более ранние времена.

224 Модель замка Вентресс, сделанная в 1852 году, показывает большой зал недалеко от северо-восточного угла внешнего двора, его западный конец находится почти напротив главного входа в замок. Внешняя палата почти окружала маленькую внутреннюю палату, в которой находилась цитадель.

225 В Ричмонде холл и прилегающие к нему здания были необычно завершены для своего времени, а башня-цитадель не планировалась как жилой дом. Ни одна из наших башен, за исключением Порчестера, не носит столь чисто военного характера.

226 Происхождение этого термина сомнительно; некоторые считают, что это искажение слова “барбикан” — работы, прикрывающей вход в собственно дом или замок. Большие внешние дворы, как в Ладлоу (96) и Коуси, соответствуют “бармкинс” на севере Англии.

227 В Арунделе, Кардиффе и Уорике, замках маунт-энд-бейли, которые все еще заселены, нынешние большие залы стоят на местах, которые, несомненно, были заняты первоначальными залами, построенными основателями. Все три были в значительной степени перестроены позднее и были дополнительно отреставрированы в наше время. Уорик был одним из самых ранних замков Завоевателя; Арундел был основан до 1086 года, Кардифф - около 1093 года. Большая часть *ограды* в Кардиффе повторяет линию занавеса римского вокзала (см. *Археология*, lvii. стр. 335-52).

228 В Бутби Пагнелл есть цилиндрическая дымовая труба, очень похожая на дымоход холла в Крайстчерче.

229 Обычная планировка даже в небольших коттеджах: ср. Чосер, *Кант. Сказки*, Б. 4022 (дом молочницы в сказке Нонны Прист), “Фул сажи был их домом, а ик - их домом”.

230 Слово “солнечный” или “soller” (*солярий* = открытая солнцу терраса) использовалось без разбора для обозначения любой комнаты, галереи или лофта над уровнем земли здания: например, лофт или галерея над алтарной ширмой были широко известны как “солнечные”, и то же слово следует применять к камере, неточно названный “парвизе”, на втором этаже церковной паперти. Это слово, однако, иногда применяется к хорошо освещенной гостиной, выходящей окнами на юг, независимо от пола, на котором она стоит, например, *солярий* аббата в Хогмонде (*Археол. Журнал*, lxvi. 307) и в Жерво (*Йорк. Археол. Журнал*, xxi. 337).

231 Ордин. Вит., iv. 19: “суперсолярий ... tesseris ludere ceperunt”. Слово “солярий”, конечно, может быть использовано в этом отрывке только применительно к расположению дома — т.е., оно может означать “первый этаж над землей”. В данном случае Уильям и Генри, возможно, играли в кости в самом зале, который, как и в Крайстчерче, возможно, занимал весь “солярий”. Роберт, очевидно, был снаружи дома.

232 Бейтс, *Пограничные владения Нортумберленда* приписывает ограждение и т.д. замка Уоркворт “в его нынешних общих чертах” Роберту, сыну Роджера (1169-1214), который получил в 1199 году за 300 марок подтверждение передачи замка и поместья от Джона.

233 Так называется исследование Кларксона, сделанное в 1567 году. Одно из объяснений этого названия заключается в том, что башня была похожа на башню в замке Каррикфергус

на Белфастском озере. Кларксон описывает его многоугольную форму как “круг из двух квадратов”.

234 Этот вход был заблокирован, а современный вход был прорублен через оконный проем в прилегающем к западу отсеке.

235 Стены в проходах низкие, и все здание покрыто одной высокой крышей, так что в нем нет нижнего этажа.

236 То же самое происходит в западном конце большого зала в Окленде, где был установлен помост: в восточном конце есть обычные экраны, но восточный отсек был сделан несколько шире остальных, чтобы освободить место для экранов.

237 Епископ Бек (1284-1311), вероятно, увеличил стены приделов и вставил узорчатые окна. Косин (1660-72) перестроил большую часть внешних стен, обновил окна Бека и пристроил нынешний этаж и крышу: великолепная ширма, отделяющая часовню от передней, также была частью его работы.

238 Работа этого позднего периода приписывается епископу Танстоллу (1530-59). Позднее Косин сделал пристройки к часовне.

239 В укрепленном поместье Дрейтон, примерно в четырнадцати милях к юго-востоку от Рокингема, большой зал представляет собой сооружение второй половины тринадцатого века, хотя дата была затемнена более поздними изменениями. Сводчатый подвал в восточном конце зала (ок. 1270 г.) почти не пострадал; но большая палата наверху была перестроена примерно в конце семнадцатого века.

240 Как в Пенсхерсте. Камень для очага сохранился в Стокси. В Хаддоне большой камин в западной стене был установлен через несколько лет после постройки зала.

241 В Харлече кухня располагалась под прямым углом к холлу, напротив южной занавески.

242 Слова “роговая постройка”, “полустанок” или “равелин” применялись в более поздних фортификационных сооружениях к фланговым укреплениям, которые представляли собой заметный угол к полю боя, т.е. со стороны атаки. Таким оборонительным сооружениям в средние века, по-видимому, было дано общее название “барбакан”.

243 Добыча полезных ископаемых, столь успешная в Шато-Гайяр, не обошлась без собственной опасности для шахтеров. Во время осады Кузи графом Сен-Полем в 1411 году для подрыва одной из башен базового двора был использован традиционный метод. Группа осаждающих спустилась, чтобы полюбоваться приготовлениями. Однако деревянные подпорки оказались недостаточно прочными, чтобы выдержать вес башни, которая неожиданно рухнула и похоронила людей в шахте. Их останки так и не были обнаружены.

244 Это дополнения к стене, вероятно, сделанные вскоре после возведения большой цилиндрической башни. Стена, по-видимому, относится к ранней части двенадцатого века и, возможно, изначально окружала двор замка. Никаких следов крепления не сохранилось.

245 Положение города и замка Эпплби в пределах большой досягаемости от Эдема несколько похоже.

246 Квартир, известных как жилье констебля, находились на втором этаже сторожки: опускная решетка, вероятно, проходила через толщу южной стены этого этажа, в которой не было отверстия для окна.

247 Распространенная идея о том, что расплавленный свинец лился через эти отверстия на осаждающих, является всего лишь легендой. Этот ценный материал вряд ли использовался для этой цели. Однако, возможно, использовалась порошкообразная негашеная известь с еще более смертоносным эффектом.

248 Это относится, конечно, почти ко всем сводчатым башням, которые имеют цилиндрическую форму в плане, а не только к сторожевым башням: *например*, к башням внутреннего прихода Куси. Но даже там, где нет сводов, внутренняя планировка цилиндрических башен иногда многоугольная — *например*, в западных угловых башнях в Харлече, на всех этажах, а также в подвале. В восточных угловых башнях того же замка внутренняя часть подвалов цилиндрическая. Кларк, ii. 73, неточно описывает эти угловые башни.

249 Входы в такие караульные помещения, где внешней стене придавалась большая толщина, имели форму узких локтеобразных вестибюлей, которые были бы источником трудностей и обмана атакующих сил.

250 Черные ворота были построены в 1247 году: вход был защищен внешним барбаканом в 1358 году.

251 Отверстия в каменной кладке для балки, к которой крепился шкив, можно увидеть, *например*, в воротах Конвея и Руддлана.

252 В Сандале (86) был барбакан, охранявший вход в крепость-ракушку.

253 Конисбро - это фактически замок с одним приходом, расположенный на изолированном холме, мало чем отличающийся от Рестормела в Корнуолле.

254 Вход можно сравнить с более совершенным планом барбакана и платформы в Конвее (254).

255 Стена *ограждения* в Скарборо, вероятно, в значительной степени является стеной, которая защищала замок с момента его основания.

256 По-видимому, они были частью крепости в Понтефракте; ср. также бары Миклгейт, Монк и Бутэм в Йорке, у которых по внешним углам расположены решетки. В Линкольне стена верхнего этажа сторожки, расположенная между бартизанами, представляет собой тупой угол к полю.

257 Главная сторожка (Бель-Шэз) была построена при аббате Тустене (1236-64); *шатле* был пристроен при Пьере Ле Руа в 1393 году.

258 Укрепления Куси были построены в тринадцатом веке: круглая башня перед Порт-де-Лан была заменена в 1551 году бастионом пятиугольной формы. Южные ворота Куси (Порт-де-Суассон) были сделаны в углу городской стены, обращенном назад: южные ворота в Конвее (Порт-и-Фелин) имеют такое же расположение. Стены Тенби были первоначально построены в начале правления Эдуарда III.: патент на письма, предоставляющий жителям Тенби мурадж на семь лет для строительства их стен, был выдан 6 марта 1327-28 (Пат. 2 Изд. III., ч. 1, м. 22).

259 План в Омани, *Военное искусство*, напротив стр. 530.

260 Северный проход к крепостному валу в Куси был расширен за счет возведения аркады из тринадцати остроконечных арок у внутренней поверхности стены, соединяющей ряд

внутренних контрфорсов. Часть западной стены города Саутгемптон была расширена некоторое время спустя после фактического строительства стены путем добавления восемнадцати арок на внешней стороне (293). Откосы арок были прорезаны длинными скобами - необходимая предосторожность при столь исключительном устройстве.

261 В зубчатой стене донжона Куси каждый участок сплошной стены между арочными амбразурами пронзен стрелой-петлей (177).

262 В Виоле-ле-Дюке, *La Cité de Carcassonne*, стр. 27, есть чертеж аналогичного устройства с верхней и нижней ставнями (245): верхняя ставня открыта с помощью железных щитков, в то время как нижняя подвешена на железных крюках, вмонтированных в стену.

263 Ср. секции церковных парапетов в Бонде, *Готическая архитектура в Англии*, стр. 385-8.

264 В Кенилворте на Водонапорной башне, расположенной на южной оконечности основного двора, есть камин в подвале.

265 гвардейских мантий, построенных на арках, пересекающих углы входа в стену, встречаются по обе стороны большого контрфорса в западной стене Саутгемптона. Аналогичная особенность наблюдается на стыке северного занавеса Порчестерского замка с одной из римских башен. В обоих случаях пристройка, вероятно, была сделана в четырнадцатом веке.

266 Эти башни, по-видимому, относятся к четырнадцатому веку и, следовательно, датируются намного позже, чем башни внутреннего занавеса.

267 Во Флинте, Руддлане и нескольких других замках угловые башни представляли собой окружности в три четверти, обращенные к внутреннему двору замка, представлявшие собой плоскую стену, на которой, как в Руддлане, так и в Харлече, был укреплен вал.

268 Эти стены, пронизанные семью воротами и обрамленные тридцатью девятью прямоугольными башнями, были начаты при папе Клименте VI в 1345 году и закончены около 1380 года. На крепостной вал можно подняться по лестнице, приставленной к внутренней стороне стен. Стены Эг-Морта, построенные в 1272-1275 годах, и Каркассона, начатые раньше и завершенные позже, чем стены Эг-Морта, относятся к более раннему периоду фортификации, соответствующему периоду наших эдвардианских замков. Из других хорошо известных французских примеров стены Мон-Сен-Мишеля датируются различными периодами с тринадцатого по пятнадцатый век: стены Домфронта частично относятся к тринадцатому веку, стены Фужера (250) - к пятнадцатому веку, а стены Сен-Мало в основном относятся к пятнадцатому и шестнадцатому векам. Мы уже упоминали о *ограде* Куси, построенной в тринадцатом веке. Список многочисленных остатков городских стен во Франции можно найти в Enlart, ii. 623 далее, под названием каждого департамента.

269 Кларк, i. 460, 312, 314.

270 Поперечной стены в Карнарвоне больше нет.

271 Многоугольные башни, обрамляющие большую сторожку у ворот в Денби, имели ту же характеристику тупых углов, что до сих пор можно увидеть там, где каменная кладка не была очищена от щебня.

272 Порог шлюза находился на высоте от 35 до 40 футов над дном рва.

273 Восточные ворота защищались таким же образом.

274 Ле Крак (Калаат-эль-Хосн) был перестроен в 1202 году и удерживался франками до 1271 года (Энларт, ii. 536). Это была пограничная крепость графства Триполи в Сирии, господствующая над горной страной на востоке, и ее следует отличать от великого замка Керак в Моаве, недалеко от Мертвого моря, построенного около 1140 года и сданного в 1188 году, “восточного бастиона Иерусалимского королевства” (Оман, *Искусство войны*, 541). Вход в замок Керак был описан выше, стр. 240, 241.

275 Одной из особенностей оборонительных сооружений Беркхэмпстеда является серия земляных бастионов, возведенных на внешнем берегу с северной стороны замка, вероятно, задолго до основания крепости.

276 Масштабы “ристалищ” или промежуточной обороны городских стен Каркассона различны. На крутых западных и юго-западных сторонах они очень узкие, а в одном месте перекрыты прямоугольной епископской башней. На первом этаже располагались ворота, которые можно было использовать, чтобы разделить одну часть ристалища друг от друга. О замке и его обороне подробнее будет сказано позже.

277 В ньюкасле план был почти концентрическим; но завесы внешнего и внутреннего дворов сходились в одной точке, и внешний двор представлял собой большое пространство, вмещавшее хозяйственные постройки, в то время как внутренний был почти полностью заполнен крепостью. Таким образом, концентрическая схема была почти случайной, и одновременное использование обеих линий обороны было невозможно.

278 Ср. внешний ров, построенный для прикрытия барбакана в Олнвике, где, возможно, было еще одно флигельное сооружение рядом с городом.

279 Все эти сторожки, как и сторожка в Рокингеме и другие постройки того же периода, имеют центральный проход, обращенный к полю по бокам круглыми башнями. Ворота предателей, однако, имеют вход большой ширины, достаточно широкий, чтобы пропустить лодку с реки; а внутренняя часть представляет собой продолговатый бассейн без примыкающих к нему караульных помещений. Круглые башни закрывают внешние углы, но имеют относительно небольшое значение в плане. Внутренний бассейн на самом деле является частью рва между внешним кварталом и Темзой, а ворота представляют собой “барбакан ... помещенный верхом в канаву” (Кларк, ii. 242).

280 Эти угловые башни, по-видимому, в значительной степени относятся к концу двенадцатого века: башню Бошан обычно относят ко времени правления Эдуарда III.

281 Эти и прилегающие к ним занавесы в основном относятся к двенадцатому веку: Кровавая башня была пристроена в четырнадцатом веке.

282 Таким образом защищая набережную за воротами Предателей. Ср. отрог в Бьюмарисе.

283 Работы XIII века в большом зале (103) замка Чепстоу необычайно сложны для военной работы того периода: нигде в английских замках мы не видим такого великолепия и красоты деталей, как в Коуси, о чем сохранилось множество свидетельств.

284 Это было начато около 1267 года Гилбертом де Клэром, восьмым графом Глостерским и седьмым графом Хартфордом (ум. в 1295 году).

285 Внутренний блокпост в Кенилуорте находился во всех точках внешней линии обороны. Внешний двор, узкий на юге и западе, был очень широким на востоке и севере, а его западная половина была разделена на секции поперечными стенами: ее также пересекал

ров перед внутренним двором. Озеро не окружало замок, и с севера его внешней защитой служил очень глубокий сухой ров.

286 Сторонники Деспенсеров удержали Кэрфилли против королевы Изабеллы в 1326 году: его защитникам было даровано всеобщее помилование, из которого был исключен Хью, сын Хью ле Деспенсера младшего, 15 февраля 1326-7 (стр. 1 Edw. III., ч. 1, м. 29). Один из защитников, Джон Коул, получил специальное помилование 20 февраля (*там же.*, стр. 32). Нет никаких записей о какой-либо конкретной осаде.

287 Земляной вал или редут на северо-западной стороне замка, вероятно, относится к этому периоду: никаких определенных деталей разрушения замка не сохранилось.

288 Внутренние постройки в Руддлане полностью исчезли: на занавеске остались следы одного или двух каминов.

289 В Руддлане проход, защищенный внешней стеной, заканчивающейся квадратной башней, спускался по берегу реки к водным воротам.

290 Кларк (i. 217) указывает дату основания примерно в 1295 году.

291 Внешние барабанные башни большие и внушительные, хотя и низкие: внутренние углы перекрыты башнями меньшего размера, которые имеют почти такое же отношение к сторожкам, как внешние круглые башни к воротам предателей в Лондонском Тауэре.

292 Из этих башен та, что на западе, имеет внешний выступ или отрог, по бокам которого расположены два выступа: они объединены в один, так что внешняя сторона верхней ступени башни закруглена в виде полукруга. Восточная башня меньше, с прочным основанием: западная часть верхней части отгорожена козырьком под углом между башней и прямоугольным южным выступом. Верхние ярусы башен полностью контролируют подход, в то время как только что упомянутый выступ скрывал бы небольшой отряд защитников, размещенный между воротами и крепостной стеной (**236**).

293 Этот замок не был основан короной, как великие замки Северного Уэльса, но, как и Кэрфилли, был частным фондом. В начале четырнадцатого века он перешел в результате брака во владение дома Ланкастеров. Некоторые из наиболее важных английских замков — *например*, Кенилворт, Кнарсборо, Ланкастер, Линкольн, Понтефракт и Пикеринг — в разное время переходили во владение этого королевского дома, а при восшествии на престол Генриха IV стали замками короны, захваченными герцогством Ланкастер.

294 Лестница на вал, построенная напротив занавеса, была, однако, обычным явлением при обороне городов (**241**).

295 Это можно сравнить с разделением внешней грани многоугольной башни в Стокси на два меньших восьмиугольника (**306**).

296 На рисунке Виоле-ле-Дюка (*Город Каркассон*, стр. 75) изображен вал на каждой из ограждающих стен этого прохода. Он также показывает проход, пересеченный серией закольцованных заграждений, расположенных таким образом, что каждое из них образовывало отдельную линию обороны, охраняемую несколькими солдатами, и вынуждало врага следовать зигзагообразным курсом через проход. Уже много говорилось о наклонных и локтевидных приспособлениях, препятствующих продвижению противника: их древность очевидна по входам в земляные укрепления, такие как Мейден-Касл (см. Главу I.).

297 Описание и план в Бланшетьер, *Ле Донжон ... de Domfront*, pp. 59-63. Указанная там дата на самом деле более ранняя, чем вероятная эпоха строительства.

298 Прогресс огнестрельного оружия в английской войне был медленным. Смотрите различные статьи Р. Колтмана Клефана, F.S.A., в *Archæol. Journal*, lxi., lxvii. и lxxiii. Самое раннее изображение пушки находится на рукописи в Крайст-Черч, Оксфорд, написанной в 1326 году (lxxiii. 49), в то время как самое раннее упоминание о ручном оружии в Англии, по-видимому, относится к 1338 году (lxvi. 153-4). Длинный лук продолжал оставаться популярным оружием каждого английского солдата еще долгое время после этой даты.

299 Считается, что крепостные стены Сен-Поль-дю-Вар (Приморские Альпы) относятся к эпохе войн между Франциском I и Карлом V. К тому же периоду относятся укрепления Лукки, Вероны и Антверпена. Нынешние стены Бервика были возведены несколько позже, в 1558 году, и охватывали пространство, значительно меньшее, чем первоначальная *ограда* города, укрепленная Эдуардом I.

300 Отверстий с амбразурами для пушек во многих случаях были пробиты в стенах крепостей в пятнадцатом веке или были образованы, как в восточной башне в Уоркуорте, путем перекрытия обычных поперечных петель на большей части их высоты.

301 Это очень хорошо видно в укрепленных городах Италии или в городах, основанных Эдуардом I. и королями Франции в южных округах Франции.

302 *Померий* = пространство *rope muros*, то есть с обратной стороны стен. Сначала это слово применялось к священной границе Рима и других городов, которая ограничивала *ауспицию* города.

303 Повторное возведение прямоугольных настенных башенок в Ньюкасле, которые очень слабо выступают из стены, по-видимому, датируется 1386 годом: 29 ноября того же года мэру и судебным приставам было выдано предписание о помощи на ремонт городских стен и моста (стр. 10). II., ч. 1, м. 8).

304, *то есть*, нижние ворота. Северо-западные ворота - это верхние ворота, Порт Учаф.

305 Каждый монастырь, конечно, был окружен стеной; но только в определенных случаях и после определенного периода такие стены были зубчатыми.

306 Пат. 4 Изд. I., м. 12.

307 Там же., 13 Изд. I., м. 22.

308 Там же.

309 Там же., м. 15.

310 Там же., 14 Изд. I., м. 24.

311 Там же., м. 19 (раздел.).

312 Там же., 24 Изд. I., м. 8.

313 Там же., 27 Изд. I., м. 29.

314 Там же., 2 Изд. II., стр. 2, м. 25. Аббат и монастырь Святой Марии в Йорке имели лицензию на зубчатую облицовку своей стены, за исключением стороны, обращенной к городу, 12 июля 1318 г. (Там же., 12 Изд. II., стр. I, м. 31).

315 сентября 1315 г. (стр. 9 Edw. II., стр. 1, м. 18) и 24 февраля 1315-6 (*Там же.*, стр. 2, м. 31).

316 *Там же.*, 12 Изд. II., стр. 1, м. 7. Ранее лицензия на использование зубцов не выдавалась. Лицензии, здесь и в других местах, объясняют, что убийства и другие преступления в ночное время делали ограждение желательным. Ворота должны были быть закрыты с сумерек до восхода солнца.

317 Бюргерш также имел лицензию на зубчатую застройку своих поместий Стоу-Парк и Неттлхэм в Линкольншире и Лиддингтон в Ратленде, 16 ноября 1336 г. (стр. 10 Edw. III., ч. 2, м. 18). 20 июля 1377 года была выдана всеобъемлющая лицензия (*Там же.*, 1 Rich. II., стр. 1, м. 26) Ральфу Эргуму, епископу Солсберийскому, обнести стеной и зубцами город Солсбери и его поместья в Солсбери, Бишопс Вудфорд, Поттерн, бишопс Каннингс и Рамсбери в Уилтсе, Шерборн в Дорсете, Чардсток в Девоне, Соннинг в Берксе и его дом на Флит-стрит.

318 Таких двойных ворот в *ограде* было четыре. Пятая сторожка, Поттергейт, была единственной.

319 Епископ Вайвилл получил грант от 1 марта 1331-2 года на камни собора Старого Сарума и старых жилых домов для ремонта собора и ограждения участка (стр. 5 Edw. III., ч. 1, м. 27).

320 Лицензия на производство Уолли “церковь и закрытие” была выдана 10 июля 1348 года (Патент 22 Edw. III., ч. 2, м. 20).

321 Пат. 6 Rich. II., стр. 1, м. 22: еще одна лицензия на зубчатую застройку территории аббатства датирована 1389 годом, 6 мая (стр. 12 Rich. II., ч. 2, м. 13).

322 Пат. 3 Рич. II., ч. 2, м. 10.

323 Красивая прямоугольная сторожка Баттл-эбби построена раньше, чем Торнтон. Лицензия на зубчатые работы была выдана 9 июня 1339 года (Патент. 12 Edw. III., стр. 2, м. 28).

324 Одна из этих башен сохранилась: другая, с прилегающей занавеской, исчезла.

325 Пат. 19 Изд. I., м. 2.

326 *Там же.*, 2 Изд. II., стр. 2, м. 19.

327 Пат. 3 Изд. II., м. 18.

328 28 августа 1315 г. (Пат. 9 Изд. II., пт. 1, м. 25).

329 См. Поручение Хамфри, герцогу Глостерскому, провести обследование и устранить дефекты в Дуврском замке, 22 мая 1425 г. (стр. 3, ч. VI., стр. 2, м. 17).

330 Следует помнить, что сторожка квазиконцентрического замка Кидвелли, расположенного всего в нескольких милях от Лланстефана, также расположена на внешней линии обороны.

331 Епископ Бек лишил Генри Перси поместья и города, 19 ноября 1309 г. (стр. 3, Изд. II., м. 23).

332 Уже указывалось, что этот более старый дом, возможно, просто имел форму ряда зданий у окружающей стены большой крепости-ракушечника.

333 Джон, лорд Невилл, получил лицензию от епископа Хэтфилда Даремского на зубчатую застройку Раби в 1378 году (О. С. Скотт, *Раби, его замок и его лорды*, 1906, стр.47).

334 В Миддлхэме, где планировка передней части здания довольно необычна, был проход через восточную часть первого этажа передней части здания: это, однако, был не единственный путь из северной в южную половину замка. Первый этаж башни в Кнарсборо, который служил большим караульным помещением, находится в очень разрушенном состоянии; но есть четкие указания на главный вход возле северо-восточного угла, а внутренний вход в южной стене, расположенный под прямым углом к внешнему, все еще сохранился. В южной стене также есть щель, через которую можно было попасть во внутреннюю палату, когда ворота были закрыты. В этой башне, конечно, никогда не было хозяйственных построек замка, но кухня находилась в подвале, куда из внутреннего двора вели три входные двери. Подход к каждому шлюзу снаружи, по-видимому, представлял собой поднимающуюся дамбу, построенную на арках.

335 Башня Белси имеет размеры 51½ на 47½ футов. Башня Кнарсборо того же периода имеет размеры 62 на 54 фута, в то время как башня Гиллинга - 79½ на 72½ фута.

336 Говорят, что это был средневековый дом викария церкви, который был передан кафедральному приорату Карлайла. Башня пеле является частью приходских домов Элсдона и Ротбери, а также дома викария в Эмблтоне, Нортумберленд.

337 Термин “пеле-ярд” применяется к основному двору замка Прюдхо в штате Пэт. 1 Богатый. II., стр. 1, м. 1; где содержится разрешение Жильберу де Умфравиллю, графу Ангусскому, использовать арендную плату для увеличения стипендии капеллана в “церкви Святой Марии в ле-Пелейерде в Продхоу”.

338 Энлар (ii. 623-753) приводит 242 примера французских церквей, в которых видны остатки укреплений. В большинстве центральных и южных департаментов Франции их немного; но самые густые скопления встречаются вблизи северной границы (15 в Эне, 10 в департаменте Арденны), а также на побережье Лангедока и Руссильона, где набеги пиратов были обычным делом (Восточные Пиренеи, 22; Эро, 12). Среди более крупных укрепленных церквей были соборы Агде, Безье, Лодев и Сен-Понс (Эро), Эльн (Восточные Пиренеи), Памье (Аррьеж), Вивье (Ардеш) и Сен-Клод (Юра), а также церкви аббатства Сен-Дени (Сена), Сен-Виктор в Марселе (Буш-дю-Рон), Ла-Шез-Дье (Верхняя Луара), Муассак (Тарн - и-Гаронна) и Турнус (Сона и Луара). Примеру Эвенни последовали в одной или двух церквях того же района, таких как Ньютон Ноттедж, и на полуострове Гауэр.

339 В Лланфиангеле-свм-Du, недалеко от Крикхауэлла, на первом этаже башни до недавнего времени был камин: отверстие для выхода дыма остается в одной из угловых башенок башни.

340 Постоянное давление шотландского вторжения на северную границу иллюстрируется сохранением военной архитектуры в графствах Нортумберленд и Камберленд. Так, еще в 1399 году Уильям Стрикленд предпринял строительство замка Пенрит “для укрепления этого города и всей прилегающей страны” (стр. 22 Rich. II., п. 2, м. 16; ср. п. 3, м. 37).

341 Епископ Бернелл строил этот дом в 1284 году. Он оставил кинга в Конвее 25 июля, чтобы присмотреть за ходом работ (стр. 12 Edw. I., м. 7).

342 4 июля (стр. 3). II., ч. 1, м. 43). Сохранился контракт от 14 сентября 1378 года.

343 26 апреля (стр. 5) II., ч. 2, м. 21).

- 344 Строитель Рэби, Джон, лорд Невилл (ум. в 1388 г.), также отвечал за укрепление Шерифа Хаттона.
- 345 Эта дата указана в 43-м отчете заместителя хранителя государственных архивов, стр. 71. Лицензия, поскольку замок находился в пределах пфальца, была выдана епископом Скирло.
- 346 Лицензия Томаса де Хетона на “строительство замка или крепости” в Чиллингеме датирована 27 января 1343-4 гг. (патент 18 Edw. III., стр. 1, м. 46). Однако некоторые элементы каменной кладки угловых башен относятся к гораздо более ранней эпохе.
- 347 Крепление остается на западном торце корпуса, но крепление для раковины на его вершине было снято.
- 348 Сторожка и барбакан в восточном занавесе, а также более старая часть жилого дома были работой Томаса Бошана, графа Уорика (ум. в 1369 г.): башня Цезаря и башня Гая были работой его сына Томаса, который умер в 1401 году.
- 349 Это обычная дата, указанная для башни, которая вводится с первого этажа большого донжона и с нижнего этажа “малого донжона”, пристроенного к одной стороне крепости. Э. Лефевр-Понталис, *Замок Куси*, стр. 82, отклоняется от обычной даты, чтобы присвоить башне имя Филиппа Августа, двумя веками ранее. Детали, безусловно, относятся к периоду гораздо более раннему, чем пятнадцатый век.
- 350 Башни, прикрепленные к некоторым башням в Конвее и Харлече, расположены сбоку, а не в центре. Такие приподнятые башенки были полезны в качестве наблюдательных постов, и наблюдатель, размещенный на них, мог информировать защитников на валу внизу о передвижениях, за которыми они, возможно, не смогут уследить сами.
- 351 Пат. 9 Рич. II., ч. 1, м. 22.
- 352 Пат. 9 Рич. II., ч. 2, м. 24.
- 353 Интересной сторожкой, относящейся к поздним годам правления Эдуарда I., является сторожка Денби, которая, вероятно, была построена Генри де Лейси, последним графом Линкольном (ум. в 1310 году). Здесь благородная арка, обрамленная двумя восьмиугольными башнями, ведет через проход в восьмиугольный центральный зал, за которым находится меньшее восьмиугольное помещение охраны. Внутренние ворота в вольер расположены сбоку восьмиугольника, наискосок от внешнего входа. План, по-видимому, уникален. Верхняя часть сторожки сильно разрушена, а стены сильно ободраны; но над входной аркой сохранилась статуя, вероятно, основателя, которая установлена в нише и украшена большим количеством декоративных деталей.
- 354 Цилиндрический свод подвального помещения в одной из навесных башен сохранил следы плетеной центровки, на которой он был построен. Настойчиво утверждается, что это знак римского происхождения. На самом деле, невозможно доказать, что ни одна часть нынешнего замка не была построена ранее начала двенадцатого века, когда Роджер Пуату, возможно, перенес сюда голову своей чести из Пенвортема, к югу от Риббла. Замок, однако, находится частично внутри, а частично за пределами римской военной базы.
- 355 Это дата, предложенная Бейтсом, *Пограничные холды*: К. Х. Хартсхорн (*Археол. Inst.*, Ньюкасл, том ii.) предложил более позднюю дату, ок. 1435-40. Дата, указанная мистером

Бейтсом, более вероятно, чем другая, поскольку ни тому, ни другому нет прямых доказательств.

356 Новые работы были начаты в Порчестере в 1386 году, когда констебль Роберт Бардольф был назначен производить впечатление на каменщиков, плотников и т.д. И брать материалы за счет короля (Стр. 8). II., стр. 2, м. 23). Вероятно, это относится к зданию барбакана, но зал, возможно, также был реконструирован в этот период. Как уже отмечалось, в фундаменте зала сохранились значительные остатки работ двенадцатого века.

357 Каменная сторожка нормандского замка, по-видимому, включена в работу четырнадцатого века, внешняя арка, которая была перекрыта барбаканом, была просто облицовкой, добавленной к более ранней работе. Внутренние стены сторожки также были удлинены в рамках расширения XIV века.

358 Джон Гонт был герцогом Ланкастерским в 1362-99 годах. Сторожка замка Ланкастер, известная как ворота Джона Гонта, была построена только после его смерти. См. стр. **327**.

359 Этот зал, вероятно, был построен в конце тринадцатого или начале четырнадцатого века.

360 Чарльз, похоже, также перестроил часовню на южной стороне ограды.

361 Смотрите рисунок Андруэ дю Серсо и планы из W. H. Ward, *Французские замки и сады в XVI веке*, Листы III, IV и стр. 11.

362 См. стр. **285** выше.

363 Тремя основными особенностями башни strong tower в Стокси являются (1) ее изоляция от ряда прилегающих к ней зданий, входы в нее есть только снаружи, в подвале и на втором этаже; (2) разделение ее фасада, обращенного к полю, на два небольших полуэтажника; (3) лестница, ведущая с этажа на этаж в толще стены. Лестница, ведущая из подвала на первый и второй этажи, пересекает вестибюль на первом этаже; но, чтобы попасть на крышу, нужно пройти через комнату на втором этаже, а в амбразуру окна влезла новая лестница. Частично это было спланировано, как в Ричмонде и Конисбро, для того, чтобы дать защитникам полный контроль над лестницей, а частично для того, чтобы удержать лестницу внутри стены башни, которая была наименее открыта для атаки и, следовательно, могла быть облегчена наиболее безопасно.

364 Это было сделано ближе к концу двенадцатого века. В лицензии указывалось, что стена должна быть без зубцов (*sine kernello*).

365 Возможно, что зал был построен немного раньше четырнадцатого века: окна, похоже, указывают на период 1290-1310 годов. Большой дымоход и тяжелая зубчатая стена были пристроены при постройке крыльца в холле.

366 Такое положение для средневековой крепости не было чем-то необычным. Таким образом, Ричмондский замок возвышается над гораздо более высокими холмами на севере и юго-западе. Однако в средневековой войне до того, как огнестрельное оружие получило какое-либо полное развитие, противник получил бы небольшое преимущество, заняв командную позицию на некотором расстоянии от места нападения. В 1644 году парламентские войска, осаждавшие Уингфилд, попытались прорвать стены со стороны Пентрич-коммон, расположенной на несколько более высоком участке к юго-востоку. Это было признано невозможным, и пушку пришлось перенести в лес на западной стороне поместья, прежде чем был нанесен какой-либо ущерб.

367 Дополнения в этом конце, возможно, были работой Джона Тэлбота, второго графа Шрусбери (ум. в 1460 году), которому Кромвель продал поместье незадолго до своей смерти. Граф определенно что-то строил в Вингфилде: смотрите краткий, но тщательно составленный *Путеводитель по поместью Вингфилд*, У. Х. Эдмундс, стр. 11.

368 Это хорошо видно из небольшого открытого дворика на северо-западной стороне большого камерного блока. Видно, что кухонный блок был пристроен к западной стене большого зала и его нижней ступени без какого-либо скрепления.

369 В Конвее, Порчестере и т.д. Однако большой зал, вероятно, предназначался для использования гарнизоном. Большой зал в Вингфилде был, по сути, залом жилого дома, в котором внутренний двор отделен от основного двора, где, возможно, был предусмотрен общий зал для латников, которые могли там разместиться.

370 В эту башню, как и в Стоуксей, можно войти только через внешнюю дверь. Он находится у подножия башни с широкими тисками. Дверной проем не имел опускной решетки, но был перекрыт щелью в стене со стороны лестницы, которая ведет вверх слева от входного вестибюля.

371 У ворот внешнего и внутреннего дворов были двойные двери. Опускных решеток не было предусмотрено. У каждого ворот есть небольшой задний вход с одной стороны от главной арки. Им можно было пользоваться после того, как большие двери закрывались на ночь.

372 Недавно они были удалены, что нанесло большой ущерб этой благородной башне.

373 Высокая башня в Вингфилде не имеет механической конструкции и в этом отношении представляет собой любопытный контраст с Таттерсхоллом.

374 Здание конца тринадцатого века в Литтл-Уэнхеме, недалеко от Хэдли, является ранним примером кирпичного дома в этом районе.

375 Другими примерами кирпичной кладки в Линкольншире являются сторожка аббатства Торнтон (1382 г.), уже описанная, и усадьба начала шестнадцатого века на реке Трент над Гейнсборо, известная как замок Торкси.

376 Канава в Херстмонсо теперь сухая. Который в Compton Wyniatеs был частично засыпан. Ров Кентвелла, дома елизаветинской эпохи, по-прежнему идеален.

377 Только верхние этажи этих башен имеют полукруглую форму. Два нижних яруса представляют собой половины восьмиугольников. Башни имеют круглые верхние турели, как в Уорике.

378 Замок Эмберли был построен около 1379 года епископом Редом Чичестерским и, следовательно, является почти современником Бодиамы. Он прямоугольной формы, с высокими занавесками, и имеет сторожку по бокам от круглых башен.

379 *букв. и Пап. Курица. VIII., том IV., № № 2,655, 2,656.*

380 *букв. и Папа. Курица. VIII., том IV., № 1089.*

381 *календаре там же., т. III., № 1,186.*

382 Пат. 19 Изд. III., ч. 1, м. 25.

Напечатано в издательстве Darien Press, Эдинбург

Примечания переписчика:—

Орфография, расстановка переносов, знаков препинания и ударения приведены в оригинале, за исключением очевидных типографских ошибок, которые были исправлены.

В библиографии:—

Виоле-де-Дюк исправлен на "Виоле-ле-Дюк"

В Указателе:—

Эг-Морт (Гард), 7, А. Томпсон;

Исправлено таким образом:—

Эг-Морт (Гард), 77, А. Томпсон;

Таттерсхолл (Линкольн), касл, 296, А. Томпсон;

Исправлено следующим образом:—

Таттерсхолл (Линкольн), касл, 356, А. Томпсон;

план маунт-энд-бейли, 42-47, 48-52, 55-56, 112, 113, 160, 161;

Исправлено следующим образом:—

план маунт-энд-бейли, 42-47, 48-52, 55-56, 110, 113, 160, 161;

Зал замка, 54, 55, 56, 104, 107, 190-3, 196, 197, 198, 200,

Исправлено следующим образом:—

Зал замка, 54, 55, 56, 104, 107, 190-3, 195, 197, 198, 200,

Сохранить, постепенное исчезновение, 164, 214, 215

Исправлено таким образом:—

Сохранить, постепенное исчезновение, 164, 212, 215

Примечания:—

[135] Другие важные хранилища раковин обычного типа находятся в Арунде, Кардифф (114), Карисбруке (171), Фарнхэме, Льюисе, Пикеринге, Тотнесе,

Исправлено следующим образом:—

[135] Другие важные хранилища раковин обычного типа находятся в Арунде, Кардифф (114), Карисбруке (111), Фарнхэме, Льюисе, Пикеринге, Тотнесе,